

ИСТОРИЯ: ПЕРЕВОДИТЬ, ПОНИМАТЬ, ОЦЕНИВАТЬ

**ИСТОРИЯ:
ПЕРЕВОДИТЬ, ПОНИМАТЬ,
ОЦЕНИВАТЬ**

**К ЮБИЛЕЮ
МАРКА АРКАДЬЕВИЧА ЮСИМА**

**ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ИСТОРИЯ:
ПЕРЕВОДИТЬ, ПОНИМАТЬ, ОЦЕНИВАТЬ
(к юбилею М. А. Юсима)**

Москва, 2021

УДК 94
ББК 63.3
И 90

Ответственный редактор *П. Ю. Уваров*
Ответственный секретарь *А. А. Майзлиш*

Рецензенты:

Доктор исторических наук *Галина Алексеевна Шатохина*
Кандидат исторических наук *Максим Анатольевич Сидоренко*

История: переводить, понимать, оценивать (к юбилею М. А. Юсима) / Отв. ред. П. Ю. Уваров. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2021. – 498 с. – ISBN 978-5-94067-522-8

Сборник научных статей представляет итоги работы конференции «История: переводить, понимать, оценивать (к юбилею М. А. Юсима)», состоявшейся 9–10 сентября 2020 г. в Институте всеобщей истории РАН. Тема конференции формулировалась как проблема понимания исторических текстов и отраженных в них событий и фактов в самом широком смысле. Основные разделы сборника посвящены трем взаимосвязанным аспектам исследования текстов: *переводу* как одной из разновидностей толкования событий и текстов одной эпохи и культурной среды представителями другой культурной среды и языка; самой *интерпретации* и *оценке* событий, поступков и мнений людей прошлого как составной части исторической интерпретации. Значительное место в сборнике уделено вопросам терминологии, истории понятий и взаимодействия разных культур. Сборник предназначен для читателей, интересующихся проблематикой гуманитарных наук.

ISBN 978-5-94067-522-8

© Коллектив авторов, 2021
© Институт всеобщей истории РАН, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Уваров П.Ю. Три алгоритма исторического ремесла 6

СМЫСЛ РАБОТЫ ИСТОРИКА

Юсим М. А. Перевод, интерпретация, оценка в истории 12

Петрухин В. Я. Как нас учили истории: археология, фольклор и начало Киевской Руси 26

Уваров П. Ю. Для кого пишут историки? 46

ПЕРЕВОДЫ В ИСТОРИИ, ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДОВ

Мереминский С. Г. Реальные и мнимые переводы исторических текстов в Англии «долгого XII века» 64

Щеглов А. Д. Работа над переводом «Шведской хроники» Олауса Петри 80

Консон Г. Р. Авторский поэтический перевод фрагментов либретто ораторий Г. Ф. Генделя в контексте интерпретации его концепции 98

ТЕРМИНОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПОНЯТИЙ

Сафронова Д. П. Фальшивые грамоты в Леонской правовой практике X–XI веков 121

Герштейн А. Б. Эпитеты самозванца Тиля Колупа в немецкой историографии XIII–XIV столетий: образы, оценки, интерпретации 141

Срединская Н. Б. Синьория – это? 161

Анисимова А. А. Город и «города» – терминология (названий) средневекового города 171

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ

- Краснова И. А.* Флорентийские хроники XIII – начала XIV в.: особенности историописания 184
- Дмитриева М. И.* Городские хроники Сиены эпохи раннего Возрождения: особенности перевода и интерпретации 210
- Майзлиш А. А.* От тирана до героя: оценки Якоба ван Артевелде в источниках 229
- Винокурова М. В.* На каких языках говорят документы манориальной истории: к проблеме интерпретации источников 266
- Лазарев С. С.* О практике применения и интерпретации статутов “*Præmunire*” в Англии XIV – первой трети XVI вв. 292
- Савельер О. В.* Средневековые парижские проповеди: трудности и пределы возможностей интерпретации 313
- Кудрявцев О. Ф.* Русские земли на глобусе Мартина Бехайма 327
- Мельников Г. П.* К проблеме адекватности прочтения визуальных текстов рудольфинской культуры. Казус Арчимбольдо 334

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР

- Дмитриев М. В.* *Cultural misunderstandings?* О «непереводимости» в диалоге католиков, протестантов и православных, Запада и Руси в XVI в. 344
- Лазарева А. В.* Феномен «алямоинства» в Германии в годы Тридцатилетней войны (1618–1648) 373

<i>Ведюшкин В. А.</i> Практика перевода в ходе посольства П. И. Потемкина в Испанию (1667–1668)	393
<i>Галкова Д. А.</i> Особенности английского перевода (1546 г.) трактата Полидора Вергилия «Об изобретателях вещей»	407
<i>Домнина Е. Г.</i> Трактат «Об изобретателях вещей» Полидора Вергилия и его русские читатели эпохи Просвещения (по собраниям РГБ и НБ МГУ)	424
<i>Зарецкий Ю. П.</i> Всемирная история Ильи Копиевского (Перевод, истолкование, компиляция, адаптация, трансляция европейского исторического знания в Россию)	447
<i>Шемякин Я. Г.</i> Герменевтика межкультурного взаимодействия: культурный трансфер как перевод в различных цивилизационных типах	468

ТРИ АЛГОРИТМА ИСТОРИЧЕСКОГО РЕМЕСЛА

Со времен Марка Блока, а, может быть, и раньше мы привыкли говорить о «ремесле историка», эта метафора стала настолько привычной, что явным диссонансом прозвучало для меня услышанное как-то раз замечание: уподобление деятельности историков ремеслу звучит оскорбительно, ведь «ремесло» – это мелкое производство, основанное на ручном труде и применении ручных орудий труда, следовательно – производство, обреченное на застой и отсталость. Определение истории как ремесла, наверное, не понравилось бы и Аристотелю. Но если слова об «искусстве историка» для нашего слуха вполне благозвучны, то отождествление служителя Клио с фабричным или мануфактурным рабочим, может, и было бы уместным в 20-ые – 30-ые годы прошлого века, когда Дворцы культуры строились в виде заводских цехов, а за «фабрикой-кухней» предполагалось великое будущее, но сегодня мало кого устроило бы. Помимо эмоционально окрашенных коннотаций дело еще и в том, что для историка, в отличие от мануфактурного работника, разделение труда не афишируется, даже если присутствует на самом деле. В идеале один и тот же автор читает и переводит источник¹, интерпретирует его и делает выводы, оценивая полученные результаты. Во всяком случае, если в диссертационном исследовании (эквиваленте «шедевра» средневекового ремесленника) претендент на ученую степень выступит только как переводчик, или же только как толкователь источника, либо только в роли оценщика выводов, полученных трудом других исследователей, то при защите у него могут возникнуть серьезные затруднения.

Авторы данного сборника задумываются над базовыми операциями исторического ремесла. У сборника же – своя история.

---

¹ Термин «перевод» уместен не только при работе с текстами на древних языках, любой источник, даже печально известные выписки из протоколов какой-нибудь «Тройки» Управления НКВД, являясь памятниками своей эпохи, нуждаются в переводе на язык нашего времени.

В начале сентября 2020 г. в Институте всеобщей истории Российской академии наук была проведена конференция «История: переводить, понимать, оценивать (к юбилею М. А. Юсима)».

Она собрала неожиданно много участников – одних только докладчиков было четыре десятка, и примерно столько же зрителей, из которых многие активно выступали в прениях. Этому успеху способствовало несколько обстоятельств. Во-первых, «обстоятельство времени»: начало осени 2020 г. было краткосрочным перерывом после ковидных ограничений, когда коллеги истосковались по нормальному формату дискуссий, но еще никто не осмеливался проводить мероприятия «вживую». Наша конференция, таким образом, сразу же получила насыщенный эмоциональный фон, став праздником человеческого общения. Во-вторых, «обстоятельство причины»: привлекательной для всех показалась возможность высказаться по поводу важных элементов работы историка, при этом сочетая рефлексию о своем ремесле (или, если угодно – искусстве) с рассказом о своем конкретном исследовательском опыте. В-третьих, «обстоятельство цели»: участники, каждый по-своему, хотели принести оммаж уважаемому юбиляру, научные пристрастия которого и были отражены в формулировке общей темы конференции.

Марк Аркадьевич Юсим известен как превосходный переводчик, который познакомил российского читателя с кругом текстов, входящих в сокровищницу западноевропейской исторической и философской мысли – произведениями итальянских хронистов (Дино Компаньи, Джованни Виллани)², ренессансных мыслителей (Леон Баттиста Альберти, Никколо Макиавелли, Франческо Гвиччардини, Гаспаро Контарини)³,

---

² *Виллани Дж.* Новая хроника, или история Флоренции / Пер. с итал., статья и прим. М. А. Юсима. М., 1997; *Компаньи Д.* Хроника событий, случившихся в его время / Пер. с итал., статья и прим. М. А. Юсима. М., 2015.

³ *Макиавелли Н.* Рассуждения о первых десяти книгах Тита Ливия. Государь / Пер. с итал. М. А. Юсима. М., 2002; *Альберти Л. Б.* Книги о семье / Пер. с итал. М. А. Юсима. М., 2008; *Контарини Г.*

социальных мыслителей XX в. и известных историков (Фернан Бродель, Вильфредо Парето, Изабель де Мадриага)⁴.

Но если бы только этим исчерпывался список заслуг юбиляра, то темой конференции стали бы переводы в деятельности историка – сюжет чрезвычайно интересный, актуальный и долгое время остававшийся вне центра исследовательских интересов медиевистов.

Однако не следует забывать, что Марк Аркадьевич – автор нескольких монографий, посвященных пониманию Макиавелли и смыслам, которые та или иная эпоха вкладывала в текст загадочного флорентинца⁵, а также множества исследовательских работ, как аналитических, так и обобщающих. Он – вдумчивый читатель и редактор чужих текстов, к тому же он много лет руководит работой семинара «Ремесло историка», побуждающего к размышлениям над различными аспектами познания истории. Поэтому юбиляр решительно вмешался в планы оргкомитета конференции, чтобы расширить тематику.

Действительно, перевод в его филологическом значении лишь начало герменевтического процесса, предполагающего понимание. Синонимом понимания служит слово «интерпретация», то есть – выявление смысла и значения изучаемого предмета. Но как отделить перевод от интерпретации, коль скоро во

О магистратах и устройстве Венецианской республики / Пер. с лат., вступ. статья и коммент. М. А. Юсима; СПб, 2013; *Гвиччардини Ф.* История Италии. В 2-х томах / Пер. с итал. и подготовка изд. М. А. Юсима. М., 2018; *Альберти Л. Б.* Малые латинские произведения. Забавное, земное и небесное / Пер., сост., статьи и прим. М. А. Юсима. М., 2021.

⁴ *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. В 3-х томах / Пер. с франц. М. А. Юсима. М., 2002–2004; *Мадриага И. де.* Иван Грозный. Первый русский царь / Пер. с англ. и науч. ред. М. А. Юсима. М., 2007; *Парето В.* Трансформация демократии / Пер. с итал. М. А. Юсима. М., 2010.

⁵ *Юсим М. А.* Этика Макиавелли. М., 1990; *Он же.* Макиавелли в России. Мораль и политика на протяжении пяти столетий. М., 1998; *Он же.* Макиавелли. Мораль. Политика. Фортуна. М., 2011; *Он же.* «Государь» Макиавелли в русской рукописи XVIII века. Исследование и публикация. М., 2019.

многих языках, производных от латинского, «interpretator» и есть «переводчик»? Без раскрытия смысла нет более-менее точного перевода, хотя всякий перевод хоть немного, да искажает смысл. Но и толкование источников, проникновение как в общий смысл сказанного ими, так и в значение отдельных фраз и слов, абсолютно невозможно без усилий, затраченных на поиски адекватного перевода на наш язык. И не очень важно, идет ли речь о старофранцузской проповеди или о русском имперском или даже советском «канцелярите», уже недоступных для понимания нашему молодому поколению.

Один из блоков статей посвящен практической работе историка над переводами. Как она выстраивается сейчас и как осуществлялась в прошлом – отдаленном и не очень отдаленном? Чему отдать предпочтение при переводе – «духу» или «букве»? Сделать ли его максимально прозрачным для «широкого читателя» или ориентироваться на круг специалистов? Сам Марк Аркадьевич является горячим приверженцем именно первого варианта ответа на этот вопрос. Это хорошо по себе знают те, кто сталкивался с его редакторской ипостасью.

«Умный» перевод, то есть перевод «понимающий», призван по возможности минимизировать эмоциональный фон, присущий словам. Одним из важнейших инструментов в этой работе являются термины. Римский бог Терминус ведал межами и границами, и, как говорят, изображался на римских межевых знаках. Слово «термин» также призвано определить границы и потому имеет специальное, строго определенное значение. Термин должен не нести эмоциональную нагрузку, но отличаться точностью, не допускать многозначного толкования и, что важно, – не зависеть от контекста. Предполагается, что литературный термин «ямб» равно применим и к Шекспиру и к Пушкину, к плохим поэтам и к хорошим, а термины родства «тесть» и «свёкор» могут быть в равной степени пригодны для описания как русской, так и батакудской семьи. Можем ли мы сказать то же самое об исторических терминах? Насколько они независимы от контекста и насколько эмоционально нейтральны? По этому поводу есть сомнения. Во всяком случае, когда за дело перевода берется компьютер, это сразу заметно, хотя бы потому что наивная

машина не ведает затруднений в определении смысла исторических терминов. Авторы, излишне доверяющих помощи таких гаджетов, Марк Аркадьевич именует «операторами машинного перевода», намекая на распространенный в позднесоветское время эвфемизм, обозначающий малопrestiжную профессию доярки, – «оператор машинного доения». Обращение с историческими терминами требует особых навыков и особой рефлексии, чему и посвящен третий блок данного сборника.

Поскольку работу с переводами и работу с терминами все-таки очень трудно отделить от обычного для историка алгоритма интерпретаций, то и блок, посвященный пониманию источников, получился самый большой, вне зависимости от того, насколько отрефлектированы были в статьях механизмы толкования как со стороны историка-исследователя, так и со стороны современников.

Завершающий блок посвящен взаимодействию культур. По сути, и здесь речь идет о переводе и об интерпретации, только относится она уже к уровню цивилизаций и институтов. Неизбежные при этом неточности в переводе и понимании иногда приводят к непредсказуемым последствиям, иногда весьма далеким от целей участников взаимодействия. Но какими словами обозначить это взаимодействие: «трансфер», «герменевтический ход», «диалог», «сравнение», «творческая аналогия»? За каждым словом кроется много ловушек для историка.

Но если перевод и понимание представлены в сборнике достаточно полно, то третий алгоритм, связанный с оценкой, так и не породил отдельного блока. Оценка несет в себе элемент субъективности и потому связана с этикой. Но ведь одна из самых важных для юбиляра книг посвящена проблеме соотношения истории и морали⁶.

К этому вопросу Марк Аркадьевич возвращается в статье, открывающей данный сборник, которую вполне можно назвать программной. С его точки зрения, оценка – атрибут процесса познания истории, без чего трудно представить как

---

⁶ Юсим М. А. История и мораль. Ценности и время. Субъективный фактор в истории. М., 2014.

деятельность историка, так и деятельность самих исторических персонажей. Оценка является средством установления истины, средством установления значимости чего-либо для действующего и для познающего субъекта.

Деятельность историка по оценке описываемого материала, конечно же, отражена в большинстве статей, только без должной рефлексии. Историка не может не волновать то, как, например, оценивали современники Якова Артевельде. Мы тоже оцениваем его, но находимся в ином положении, зная все то, что случилось после его жизни и смерти. Важно понять, что во мнениях современников чаще всего и отражается их картина мира, и, уж точно – «общественное мнение» эпохи, которое не существует само по себе, но проявляется лишь в оценках.

Но оценка оказывается абсолютно необходимой и для функционирования сообщества историков, задающего критерии научности. Оценка сродни суждению (*judgement, jugement, juicio*). Последнее может отсылать как к пресловутому «суду истории», так и к акту познания. Мы открепиваемся от первого, ссылаясь на завет Марка Блока – «не судить, а понимать», особенно, когда оценки требуют власть и общество. Но насколько мы честны перед собой и можем обойтись без собственной оценки описываемых событий? От акта познания – от суждения и высказывания мы отказаться не можем тем более.

Размышления о трех алгоритмах «ремесла историка», разумеется, будут продолжены на следующих конференциях и в следующих изданиях их материалов. И конечно же – на заседаниях того самого семинара, которым с таким энтузиазмом и с таким упорством многие годы руководит М. А. Юсим.

П. Ю. Уваров

СМЫСЛ РАБОТЫ ИСТОРИКА

Марк Аркадьевич Юсим,
Институт всеобщей истории РАН

ПЕРЕВОД, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ, ОЦЕНКА В ИСТОРИИ

Выражаю глубокую благодарность всем участникам конференции и всем авторам, приславшим статьи для сборника. Особо хочется поблагодарить тех, кто ссылаясь на мои собственные работы или упоминал о них, а тем более дал положительные отзывы. Конечно, юбилейная дата стала лишь поводом для того, чтобы собрать профессиональных историков и обсудить важные для сообщества темы, сообщить об опыте и результатах работы каждого. Тем не менее, всё это стало приятным сюрпризом; сам я решил воспользоваться случаем и в этом тексте высказать свои мысли по тематике конференции.

Три ключевых слова, вынесенные в заглавие, имеют прямое отношение к проблеме понимания исторических текстов и отраженных в них событий и фактов.

Понимание требует наличия общего для историка и изучаемых им субъектов языка или *перевода* с другого национального языка или языка прошлого на современный. При этом *переводчик* сталкивается с вопросами передачи терминологии, имен, архаизации или осовременивания текстов, буквализма или верности смыслу и т.д.

Перевод является одной из разновидностей *интерпретации*, то есть толкования событий и текстов одной эпохи и культурной среды представителями другой культурной среды и языка. Одна из главных проблем исторической *интерпретации* связана с допустимостью анахронизмов, т.е. переноса

понятий и реалий одной эпохи в другую. Вопрос заключается в том, насколько универсальность человеческой природы и эволюции позволяет вникать в жизнь прошедших эпох. Возможен ли «неразрушающий подход» в истории, который означал бы полное отсутствие субъективности у историка? В силу того, что история изучает не столько общие законы, сколько индивидуальность эпох, событий, людей, ответ, видимо, отрицательный или до некоторой степени отрицательный. Восприятие действительности в целостных образах, которое роднит историю с искусством, дает возможность познавательного синтеза, но оно предполагает и наличие разнообразного инструментария у познающего субъекта, без чего правильное понимание невозможно. Понятия, общие для языка истории и естественного языка, образуют главный корпус таких инструментов и служат для конструирования такого синтеза.

Тема ремесла и искусства, или, если обратиться к другому ее аспекту, профессии и призвания, сближает занятия историей с работой над переводами. Ремесло и искусство – две вещи не идентичные, но тесно связанные.

Ремесло полезно и ординарно, искусство выходит за рамки ординарной полезности и более индивидуально. Поэтому история – не совсем профессия, а в значительной мере призвание, так же как звание «поэт» или «художник» не очень подходит в качестве определения профессии человека, это дар, который можно использовать и в качестве ремесла. В использовании этих слов все зависит от мерки. Если мерить по В. О. Ключевскому или Леонардо да Винчи, то прикладывать такие определения к себе не всегда и не совсем удобно.

Профессия – это то, что человек выбирает и чем он может более или менее управлять. Призвание, как ни странно, данность, хотя и относится к более высоким материям, оно исходит откуда-то извне, от среды, семьи, общества. При этом профессия определенно приносит пользу и измеряется ею, а призвание ценно само по себе. Как изначально заданный смысл.

Итак, переводы и история, ремесло и искусство. Ремесла и

рутины больше в переводе, который должен как можно более точно воспроизвести чужой текст и не восприниматься как нечто самостоятельное, хорошему переводчику лучше всего быть незаметным. Переводы литературных текстов могут быть высокохудожественными, но в своем творческом качестве они неизбежно начинают удаляться от оригинала, его образов, его формы. Хотя парадокс в том, что, уходя от буквального повторения слов, выражений, построения фраз, переводчик приближается к смыслу источника, а при буквальном повторении искажает этот смысл.

В истории ремесленная часть заключается в освоении профессиональных навыков, особенно в т.н. вспомогательных исторических дисциплинах. Творческая часть, помимо постановки исследовательских задач и поисков их решения, предполагает и некоторое домысливание того, что на материальных носителях источников не сохранилось¹. Искусство историка выходит за рамки анализа источников и предполагает целостное, синтетическое осмысление событий и поступков людей прошлого, которое без участия воображения невозможно. Отличие от творчества художника или исторического романиста только в том, что историк должен строго следовать истине: тому, что он и окружающие понимают под истиной; другими словами, работа его воображения заключена в более тесные рамки².

---

¹ Ср. высказывание теоретика исторической интерпретации Э. Бетти: «Картина, рисующая прошлое, не может быть ничем иным, кроме как игрой фантазии, поскольку того, что могло бы быть изображено и воплощено в этой картине, более уже не существует: оно присутствует только в нашем представлении». *Бетти Э. Историческая интерпретация* / Пер. с итал. Ю. Г. Россиус // *История философии*. 2012. № 17. С. 90.

² Ю. Я. Вин в своей недавно опубликованной монографии уделил некоторое внимание моему сочинению, упомянутому в следующей сноске. В частности, он приводит цитату, касающуюся затронутой темы: «На взгляд М. А. Юсима, как он заявляет, если точно цитировать, «в сущности, история – это фантазии историков на определенные заданные и избранные темы, на предмет их представлений о прошлом, но фанта-

Ремесленная и более или менее стандартная часть работы как историка, так и переводчика означает как можно более точное воспроизведение текстов и фактов; их интерпретация, или истолкование допускают больший набор вариантов и требуют больше самостоятельности в мысли. Какое отношение к этому имеет понятие «оценки»?

Понятие оценки выходит за узкие рамки проблем перевода и исторического исследования, оно относится не только к рассуждениям о науке вообще, и даже не только к человеческой деятельности в целом, оно распространяется на всю живую природу, в которой действует принцип целесообразности, а соответственно ставятся и вопросы выбора, смысла и оправданности поступков отдельных индивидов и групп.

Отношение оценки (да или нет, плюс или минус, хорошо или плохо) заложено в живой природе, в инстинктах, ощущениях, поведении и пронизывает всю человеческую деятельность, заставляя ставить вопросы о критериях: должного, возможного, необходимого. Нужно ли писать грамотно? Нужно ли материться? Справедлива ли смертная казнь? Кто и как это решает? (Последнее, в частности, относится к проблемам власти и права). Что такое и зачем нужна философия, каковы ее взаимоотношения с историей³?

зии», – если продолжать цитировать, – «сильно ограниченные доступными знаниями и представлениями об истинном». Оставляя в стороне общий тон, принятый автором монографии в отношении моего скромного труда, ограничусь здесь комментарием к его манере «точно цитировать» – в приведенном отрывке он всего-навсего опустил соединительный союз «и» (в оригинале: «история – это **и** фантазии историков и т.д.»). В результате эта фраза выглядит уже не частным дополнением ко множеству других определений истории, дающихся в тексте «Истории и морали», а смелым утверждением, которое по основательности не уступает тезисам «новой хронологии» и других околонучных теорий. См.: *Вин Ю. Я. Концепт средневековой сельской общины: социокультурный и историко-психологический аспекты. М., 2020. С. 94.*

³ См. мой текст, посвященный этой проблематике: *Юсим М. А. История и мораль. Ценности и время. Субъективный фактор в истории. М., 2014.*

Возвращаясь к цепочке «перевод-интерпретация-оценка», следует отметить, что всякая интерпретация субъективна и потому оценочна. Проблема *оценки* в истории равнозначна проблеме субъективности, которая в свою очередь, выражается уже упомянутым вопросом о том, возможна ли беспристрастная оценка событий, поступков, мнений людей прошлого.

Поскольку историческое знание является разновидностью самопознания, полная беспристрастность невозможна (она заложена уже в языке и формах его использования). Но любые оценки тоже детерминированы. Они имеют право на существование, более того, без них не может существовать истории. Вопрос в том, какие (качественные) оценки «правильны» – истинны – объективны, если такой вопрос вообще правомерен.

Всякая оценка предполагает наличие субъекта, который является ее источником, который исходит из своих интересов и делает выбор на ее основе. Но критерии этих оценок не являются вполне субъективными и не принадлежат только каждому данному индивиду. Во-первых, они заданы для всех существ извне, от природы, они определяются жизненными потребностями питания, выживания, очищения, продолжения рода и т.д. Во-вторых, критерии оценок вырабатываются в ходе эволюции коллективно, в обществе они задаются коллективными индивидами (в пределе – человечеством), для которых их общие интересы являются точкой отсчета. В этом смысле любые группы, начиная от семьи и племени и заканчивая классами и нациями, но также и профессиональные, религиозные и прочие сообщества имеют своего рода собственную мораль и свои критерии оценки. Главным или одним из главных предметов истории и является деятельность этих коллективных индивидов, или субъектов, хотя их сущность фактически виртуальна, они не существуют как материальные тела и состоят из отдельных индивидов. (Впрочем, живые организмы тоже делимы и состоят из отдельных клеток, наделенных некоторой автономией с точки зрения питания, размножения и защиты).

Строго говоря, в духовной сфере, будем ли мы вести речь о растительной, животной или разумной душе (если для про-

стоты взять старинную аристотелевскую классификацию) не существует абсолютно индивидуальных критериев оценки, т.к. не существует абсолютно непохожих друг на друга целей, абсолютно неповторимых ситуаций. Поэтому история, будучи в каждом конкретном случае историей отдельного индивида, является одновременно и общей историей для групп, историей коллективных индивидов. Все это рассуждение клонится к постановке проблемы детерминированности истории: насколько ее ход предопределен какими-то закономерностями и насколько он зависит от чьей-то воли – бога, богов, мирового духа, правителей, партийных объединений, отдельных индивидов. Для ответа на этот вопрос или вопросы требуется пояснить еще, что такое ход истории. Все живое существует во времени, и из этого существования во времени вытекает возможность качественной оценки: все живое к чему-то стремится, имеет или ставит какие-то цели, достижимые в той или иной степени. Размышляющие об этом процессе люди еще в давние времена заметили, что задачи, поставленные отдельными индивидами и даже сообществами, редко выполняются в полной мере; отсюда поиск тех причин, от которых зависит выполнение задач. Из общих человеческих целей рождается мораль, т.е. представления о должном, о желательном, о хорошем и полезном, и люди стремятся к морально оправданным результатам, но реальность их очень часто разочаровывает. Реальность – назовем ее историей – показывает, что как отдельные люди, так и коллективы обманываются в своих политических ожиданиях, и более того, результаты их действий зачастую мало зависят от их усилий и даже намерений. (Для мыслителей эпохи Возрождения этот вопрос формулировался как противостояние вирту⁴ (=доблести, человеческих способностей) и фортуны. Макиавелли считал, что от людей зависит половина успеха, а другая половина от судьбы, т.е. обстоятельств, случайностей, стихии⁴).

---

⁴ *Макиавелли Н.* Государь. Гл. XXV: «дабы не подавлять нашей свободной воли, я допускаю истинность утверждения, что судьба наполовину распоряжается нашими поступками, но другую половину

Отсюда вопрос о том, кто (в антропоморфном варианте) или что (в варианте закономерностей) руководит в этом смысле «историей», т.е. предопределяет важный для человеческих субъектов исход событий, кто, может быть, движет людьми, как пешками, которые ставят определенные цели, но плохо осознают, что их направляют на самом деле другие, высшие силы. В чем-то похожая мысль формулировалась как феномен гетерогенности целей у В. Вундта⁵ или как наличие «объектив-

---

или почти столько оставляет нам. Я уподобляю ее бурной реке, которая, расвиравшись, затопляет долину, крушит дома и деревья, выхватывает в одном месте глыбы земли и переносит их на другое. Все уступает и бежит перед стихией, не в силах ей противостоять. И хотя реки выказывают таким образом свой норв, это не означает, что в тихую погоду люди не могут позаботиться о его обуздании с помощью плотин и прочих сооружений, благодаря которым разлившаяся река будет отведена каналом в другое русло и ее натиск не окажется таким бурным и губительным. Так же обстоит дело и с судьбой: ее могущество проявляется там, где доблесть не готова ей противостоять, поэтому фортуна обрушивает свои удары на то место, где она не ожидает встретить сдерживающих ее плотин и запруд». Пер. по электронной публикации: URL: <http://www.intratext.com/IXT/ITA1109/P5H.HTM> (дата обращения: 01.06.2021).

⁵ У Вундта «гетерогенности». Речь скорее не о наличии заданных извне целей, а о возникновении новых в процессе действия. *Das Prinzip der Heterogonie der Zwecke*. “je complexer sich die Willenshandlung gestaltet, um so mehr der Eintritt von Nebenerfolgen, die als nothwendige Wirkungen der Causalität des Willens erscheinen, selbst aber gar nicht gewollt und ebenso wenig im voraus vorgestellt sind, zu einer regelmäßigen Erscheinung (S. 747). Nicht der vorher gewollte, sondern der erreichte Erfolg bildet dann die Grundlage neuer Motivreihen und der aus diesen entspringenden Handlungen. Denkt man sich auf diese Weise die Zwecke, die in einem Zusammenhang von Willenshandlungen successiv als Beweggründe hervortreten, in eine Reihe geordnet, so wird daher diese Zweckreihe im allgemeinen immer reicher, indem den Motiven fortan aus den erreichten Erfolgen neue Momente zuwachsen. Hiernach bezeichnen wir das in diesen Motiventwicklungen zum Ausdruck kommende Princip als das der Heterogonie der Zwecke. Es sagt aus, dass die erreichten Zwecke über die Beweggründe oder Zweck-

ных целей» у А. Парето⁶; в очень старые времена она служила поводом для рассуждений о промысле божьем и о неисповедимых путях господних: бог для чего-то допускает злодеяния, но в конечном счете, в крайнем случае за пределами земного бытия, карает за них. Поскольку благо объективно, цели разумного человека совпадают с ним. Но «кого Бог желает погубить, того он лишает разума»⁷.

В новые времена идея о том, что историей управляют объективные законы развития, равнодушные к людским интересам, но неумолимые или безжалостные, легла в основу разработанного не без влияния Г. Гегеля исторического материала

---

vorstellungen, aus denen sie ursprünglich hervorgegangen sind, hinausreichen, indem ihnen auf dem Weg zwischen dem Anfang und dem Ende einer Zweckreihe aus den ungewollten Nebenerfolgen um so mehr neue Motive zuströmen, je umfassender die Reihe ist". *Wundt W. Grundzüge der Physiologischen Psychologie. 5. Auflage. Leipzig, 1902–1903. Bd 3. S. 789* («чем более сложный вид принимает действие воли, тем чаще как правило наступают побочные следствия, которые возникают как необходимые влияния причинности, но вовсе не желанные и столь же мало предсказуемые заранее. Не желаемый заранее, а полученный результат образует затем основы для новых мотивационных рядов и проистекающих из них действий... Мы называем выражающийся в этом развитии мотивов принцип гетерогенностью целей. Он гласит, что достигнутые цели выходят за рамки движущих причин или целевых представлений, из которых они первоначально возникли, причем из них в промежутке между началом и концом целевого ряда в качестве нежеланных побочных последствий возникает тем больше новых мотивов, чем объемнее выглядит сам этот ряд»).

⁶ См.: *Парето В.* Компендиум по общей социологии / Пер. В. Зотова. 2 изд. М., 2008. Глава вторая. Нелогические действия. § 63–64. «Объективная цель – это реальная цель, находящаяся в области воображения и опыта, а не воображаемая, лежащая за пределами этой области». Также *Pareto V. Trattato di sociologia generale. Vol. I. Firenze, 1916. § 151. P. 65.*

⁷ *Виллани Дж.* Новая Хроника, или История Флоренции. М., 1997. Кн. VII, гл. 7. С. 204. Ср. кн. IX, гл. 214, с. 279; гл. 303, с. 289; кн. XI, гл. 1, с. 348.

лизма К. Маркса. С точки зрения человеческой психологии эта идея напоминает психоаналитическую теорию З. Фрейда, согласно которой в основе поступков лежат некоторые переживания, вытесненные в подсознание и осознаваемые только с помощью специальных приемов. (В случае с марксизмом роль психоаналитического метода выполняет научное познание законов развития общества, позволяющее делать правильный идеологический выбор).

Вышеназванные представления располагают той или иной мерой доказательности, но какое отношение они имеют к проблеме перевода, понимания и оценки исторических текстов и событий? А это отношение определяется тем, что историческая наука не дает конкретных рецептов и не обязана выносить приговоры, но у нее есть преимущество, которое роднит ее с теориями, выносящими цели исторического процесса за пределы непосредственного человеческого разума. Это преимущество заключается в том, что историки могут соотносить цели и намерения людей прошлого с результатами их деятельности, и с большим основанием, чем современники, оценивать эти результаты. В частности, историки могут судить о том, существуют ли объективные законы развития (ответ скорее положительный) и о том, предполагают ли они наличие в таком развитии прогресса человечества (ответ скорее отрицательный, если говорить о движении куда-то «вперед» в целом). Конечно, задача исторической науки предполагает изучение конкретных ситуаций во времени и пространстве, а не выведение универсальных закономерностей, но закономерности, по-видимому, вне истории все-таки не существуют, а конкретные ситуации могут быть описаны только через общие понятия, которые и разрабатываются в качестве необходимых инструментов познания.

На мой взгляд, речь идет о ключевой для исторической науки проблематике, а именно, о том, какова доля человеческих усилий в развитии событий – а наличие этих усилий и является главным условием истории, значимости событий во времени. Полная определенность отменяет историю, но и чудес, т.е. недетерминированных событий в ней тоже не бывает.

Свобода – проявление случайности, поскольку все действия (мотивы) предопределены, вопрос лишь в конкретности сложившихся обстоятельств. Политическая свобода заключается в независимости от чужих решений. На психологическом уровне подавление чужой свободы выражается в садизме (здесь есть и сексуальная составляющая, т.к. базовая функция мужского начала – активность, а женского – пассивность). Власть в истории общества необходима вследствие несовершенства мира; власть одного – это высшее проявление единой воли, но ее недостаток заключается в подавлении других волей.

Задача историка простейшим образом описывается гениальной в своей неопределенности формулой Ранке – установить, «как оно собственно было».

Неопределенность ее связана с тем, что в конечном счете не существует универсального критерия, позволяющего сказать – вот это важно знать, чтобы установить «как собственно было», а это – лишние мелочи. Поэтому развитие исторической науки превращается в поиск все новых подробностей, которые меняют, – в основном, дополняют сложившуюся картину или ставят все новые вопросы в соответствии с требованиями времени. (Можно высказать и такую еретическую мысль: знание всех «фактов» не нужно и невозможно; их отбор всегда – дело историка, его целенаправленного поиска. Другое дело – желание избежать предвзятости и пристрастного отбора. Но научное изыскание всегда строится на диалоге и сопоставлении противоречащих друг другу гипотез.)

Для чего все же нужно наращивать и наращивать подробности, без конца уточняющие историческую истину? Ведь частности обычно немного прибавляют к общим законам и правилам. Это нужно затем, что общим занимаются другие науки. Без знания того, кто выиграл, кто проиграл, истории не будет, т.к. история – это история субъектов.

Маркс полагал, что в истории главную роль играют преимущественно коллективные субъекты и условия их развития, а судьба отдельных лиц мало что решает и менее важна. История не знает сослагательного наклонения и с этой точки

зрения тоже⁸, но во всех остальных смыслах альтернативность – для действующих лиц, безусловно, есть. Вот почему речь идет об оценке событий, действий и текстов прошлого. Всякая оценка субъективна, она синонимична субъективности, поэтому она необходима для понимания и передачи смысла жизни и деятельности любого субъекта. Отсюда и возможный ответ на поставленный выше вопрос о том, какие оценки правильны: во-первых, они могут быть правильны в узком смысле – в смысле соответствия избираемых средств целям субъекта, т.е. если средства помогают достичь цели. Во-вторых, оценки могут быть правильны в широком смысле, если ориентируются на коллективного субъекта, как сказано выше, в пределе это человечество, вырабатывающее критерии общечеловеческой морали, но это и интересы живой природы в целом, поскольку в ней заложены объективные основы критериев добра и зла.

Итак, цели и средства работы по переводу понятны, хотя они не сводятся к простой «трансляции», поскольку перевод – не только воспроизведение текста на другом языке, но и средство познания в широком смысле, познания другой культуры и другого мировосприятия. Искусство перевода, в самом простом определении, заключается в способности правильно понимать смысл текста⁹, написанного на другом (исходном по отношению к вторичному) языке. Однако передача текста на правильном родном языке – это не вопрос (полит)корректности или верности каким-то правилам или принципам. Проблема перевода – это не просто вопрос о том, как передать чужую мысль и чужие образы правильными словами, а скорее вопрос о восприятии этой мысли, о ее правильном понимании, это также вопрос постижения истины, точной и правильной передачи текста (в том числе и в широком смысле), созданного на другом языке.

Что такое понимание? Понимание – воспроизведение свя-

---

⁸ Также, потому что главное отсутствие альтернативы заключается в невозможности вернуться назад, поскольку прошлое уже состоялось.

⁹ Смысл – это констатация некоей связи вещей или явлений, ведущая к определенной цели, к определенному выводу или результату.

зей вещей и явлений, применительно к тестам – путем истолкования выражающих эти связи символов. Истолкование или интерпретация всегда в чем-то отличается от исходного текста и имеет разную степень приближения к его смыслу.

Задачи интерпретации сложнее, чем простое воспроизведение – если мы хотим знать не только, как было, но и почему. Тогда нужно разделять общее – что как бы вне времени – и конкретное, собственно, предмет истории. Но начинать нужно с общего, без общих вневременных или «долгих» понятий нельзя понять временной истории. Поэтому история – практическое поле философии. Философия говорит об общем, история о конкретном. В прежние времена практической философией называли этику – науку о морали, о человеческом поведении и о его оценках. (В Античности суть этого предмета выражалась понятием «фронезис»¹⁰). Получается, что история, описывающая поведение конкретных людей, является приложением этики в реальном времени. Но это не значит, что историк должен определять это поведение как хорошее или дурное, выносить Приговор Истории и даже воспитывать патриотизм. Эти задачи могут ставиться как побочные и прикладные на основании исторических знаний. Ученый-историк должен исследовать, т.е. оценка в его работе является не средством, а предметом исследования: как люди поступали, как они оценивали свои действия, почему избирали определенные критерии, и как эти критерии соотносятся с другими, общечеловеческими или принятыми сегодня¹¹.

---

¹⁰ «О рассудительности (phronesis) мы тогда составим понятие, когда уразумеем, кого мы называем рассудительными. Рассудительным кажется тот, кто способен принимать верные решения в связи с благом и пользой для него самого, однако не в частностях – например, что [полезно] для здоровья, для крепости тела – но в целом: какие [вещи являются благами] для хорошей жизни». *Аристотель*. Никомахова этика. VI, 5. Пер. Н. Брагинской.

¹¹ С этой точки зрения работа историка тоже сродни работе художника, который не обязан объяснять свой план (хотя он всегда есть) и выносить приговоры своим героями или обществу, это всё побочное, над

«Оценка» для истории, таким образом, является средством установления истины, понимания того, как люди прошлого судили о своих и чужих поступках, каковы были их намерения, что они думали о результатах действий. Понимание прошлого невозможно без изучения критериев этих суждений, которые так или иначе отличаются от сегодняшних, в чем-то совпадая с ними. А для знания критериев необходимо переводить тексты чужого или старого языка на доступный современникам сегодняшний язык.

Описываемый здесь процесс понимания и оценки является частью общего подхода к изучению прошлого через движение от общих понятий к их конкретному воплощению в истории. Общие понятия не существуют сами по себе, но и не воплощаются полностью в конкретных вещах, поэтому к истории применима дедукция: соотнесение общих понятий с их конкретными проявлениями во времени и пространстве. Например, такое понятие, как «государство», нуждается в виде отправной точки исследования в общем определении: как этот институт понимается сегодня и как его понимает исследователь, обращающийся к истории того, что он называет государством в ту или иную эпоху; здесь существует множество разнообразных и часто противоречивых мнений. Далее можно говорить о применимости термина, обозначающего исторический феномен, к конкретным обстоятельствам места и времени.

Любой акт выбора сопряжен с механизмами оценки, поэтому исторический синтез возможен только через их изучение. Оценка синонимична жизни вообще и существует только во времени, в движении. Движение и действия в основном заданы, но есть некоторый выбор на основании некоторых критериев и в его коридоре и происходит история. Это не означает, еще раз, что историк должен давать прошлому итоговую оценку, актуа-

---

этим могут думать критики. Гений художника – в «правде искусства», т.е. в убедительности его образов, которые не всегда подчиняются его планам. Талант историка – в правдивости и убедительности его показа общества прошлого через понимание языка этого общества, движущих пружинок и мотивов действий его героев.

лизировать его, чтобы переиначить. Его задача – исследование и объяснение. Когда-то Маркс в «Тезисах о Фейербахе» говорил: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»¹². Задача же ученого заключается в том, чтобы *объяснять*.

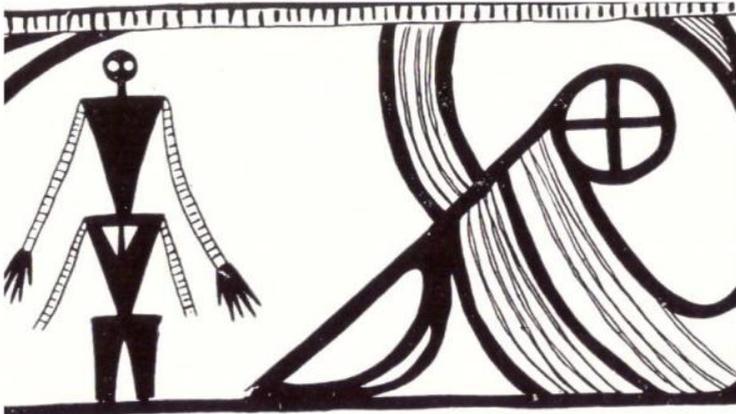
---

¹² *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-ое изд. Т. 3. М., 1955. С. 4. “Die Philosophen haben die Welt nur verschieden interpretiert; es kommt aber darauf an, sie zu verändern“.* Karl Marx über Feuerbach vom Jahre 1845 // *Engels F. Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie. Stuttgart, 1888. S. 69. URL: [https://de.wikisource.org/wiki/Thesen über Feuerbach](https://de.wikisource.org/wiki/Thesen_über_Feuerbach) (дата обращения: 01.06.2021).*

*Владимир Яковлевич Петрухин,
Институт славяноведения РАН*

КАК НАС УЧИЛИ ИСТОРИИ: АРХЕОЛОГИЯ, ФОЛЬКЛОР И НАЧАЛО КИЕВСКОЙ РУСИ

Попытка совместить несовместимое – заведомо немые артефакты и архаику устного народного творчества – всегда привлекала археологов, мечтающих, чтобы вещи «заговорили». С разговора об этой проблеме начались наши с М. А. Юсимом занятия в Московском университете: первую лекцию по истории России (тогда в 1967 г. еще СССР) читал сам глава советской исторической науки археолог акад. Б. А. Рыбаков (впоследствии он совмещал посты директора института истории СССР и института археологии РАН). Рыбаков демонстрировал первокурсникам расписную керамику энеолитической трипольской культуры (V–III тыс. до н.э.) и сопоставлял антропоморфные мотивы этой росписи с древними мифами Ригvedы о первом человеке – Пуруше (илл. 1).

Илл. 1. «Пуруша» на трипольском сосуде (Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 205).

Сейчас, по прошествии многих лет и с учетом работы по сравнительной мифологии (при подготовке энциклопедии «Мифы народов мира»), я могу заметить, что Рыбаков верно уловил «многосоставность» первочеловека, три четверти которого устремились ввысь, одна четверть осталась на земле, но не обратил внимания на чудовищность и неструктурированность этого персонажа – тысячеглавого, тысячеглазого и тысяченогого (Ригведа X, 90), подобного диким первобытным великанам – «сырого» материала для устройства правильного мироздания¹.

Старые этногенетические конструкции возводили земледельцев славян к первым земледельцам Восточной Европы – «трипольцам»: Рыбаков был уже далек от прямолинейных автохтонистских конструкций, но в свою монографию «Язычество древних славян» (М., 1981), подытоживавшую многочисленные статьи, он включил не только мотивы «золотого века энеолита», но и попытки разобраться с материалами каменного века.

Подход был увлекательным, но вызвал неоднозначную реакцию научной общественности: прямая критика глав номенклатурной науки была тогда затруднительна, а исследования, ориентированные на синхронный памятникам первобытного искусства исторический контекст, заставляли усомниться в правомерности реконструкций такой глубины. Наиболее последовательным критиком таких построений (не только Рыбакова, но и не менее смелых конструкций другого академика-археолога – А. П. Окладникова) был А. А. Формозов, относивший эти построения к жанру беллетристики и «научного фольклора», но не к науке². Собственно беллетристика начи-

---

¹ Ср.: Петрухин В. Я. Великаны Евразии в наскальном изобразительном искусстве Евразии // Живая старина. 2019. № 4. С. 36–39.

² Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству. М., 1969. С. 17–19. В историографии сохраняется и прямое воздействие конструкций Рыбакова на многословные исследования славянского «язычества» (см.: Петровић С. Српска митологија у веровању, обичајима и ритуалу. Београд, 2015).

налась там, где необходимо было аргументировать «методический» подход к древностям изобразительного искусства – поиск прямых аналогов художественным образам в археологических и исторических источниках в соответствии с установками т.н. исторической школы. Б. А. Рыбаков был адептом исторической школы в исследовании былинного эпоса – полемика по поводу адекватности ее установок развернулась в отечественной науке в 1960-х гг. Вспоминается искреннее возмущение Рыбакова по поводу критиков исторической школы, настаивавших на специфическом соотношении «фольклора и действительности»³. Пропп, негодовал академик, ни разу не упомянул в своей книге о русском героическом эпосе половцев, только на том основании, что они не упоминаются в былинах...

Археологу, занимающемуся в основном культурой домонгольской Руси и знающему, что ее главным степным врагом, отмеченным летописцами, были половцы, трудно было представить, что фольклорная память не могла опираться на недоступные ее носителям летописи, и половцев в этой памяти сменили последовавшие за ними татары (иногда – литва). Представления Рыбакова о глубине фольклорной памяти достигали поистине «чудовищных» размеров: сказочный сюжет о битве героя и змея – «чудища хоботиста» на калиновом мосту вызывал ассоциации с палеолитической охотой на мамонта⁴; специалисты, знакомые с русской архаической лексикой, в кулуарах говорили, что речь в сказке идет не о носе, а о хвосте, непременно атрибуте чудовищного змея, но романтическая идея увлекала Рыбакова до последних дней (последнего интервью). Исследователь, создавший в 1949 г. эпохальный труд «Ремесло древней Руси», не обратил внимания на то, что герои справляются с «чудом-юдом» не при помощи крытых калиной палеолитических ловушек, а при помощи кованого

---

³ *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность. М., 1976. С. 116–132; *Путилов Б. Н.* Фольклор и народная культура. In *memoiam*. СПб., 2003. С. 61–119.

⁴ *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 1981. С. 129–130.

оружия; окончательная расправа со змеевым семейством происходит в кузнице⁵. Кузнец в славянском фольклоре – архетипический культурный герой, победитель змея.

Б. А. Рыбаков верно чувствовал архаику славянского фольклора, в том числе его космогонические основы, включающие избавление мира от чудовищ первобытного хаоса – недаром он сочувственно ссылаясь на знаменитую книгу В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки», возводящую сказочные сюжеты к обрядам первобытной инициации. Его работы вызвали живой интерес филологов и фольклористов: Н. И. Толстой в ходе работы над этнолингвистическим словарем «Славянские древности» говорил мне о принципиальной перспективности подхода к славянскому язычеству как к богатой копилке сюжетов и мотивов, напоминающей сказочный теремок. Но прямолинейная интерпретация изобразительных образов и сюжетов приводила в недоумение: почему на древнерусских браслетах образ танцовщиц обязательно передает русалок?

Здесь даже приверженность Б. А. Рыбакова к методам упомянутой «исторической школы» не выглядит лишней основой, ибо ученый опирался на немногочисленные тексты, характеризующие древнерусское язычество, – поучения против язычников, древнейшее из которых сохранилось в Начальной летописи (XII в.): «дьяволь <...> всячьскими лестьми пребавля ны от Бога, трубами и скоморохы, *гуслями и русальи*. Видим бо игрища утолочена, и людей многа множество на них...»⁶. Древнерусские домонгольские наручи

---

⁵ См.: Восточнославянская сказка. Сравнительный указатель сюжетов / Сост. Л. Г. Бараг и др. Л., 1979. С. 104–105 (300А=К303). Скорее о палеолитической ловушке напоминает героическая уловка германского Сигурда – убийцы змея Фафнира; согласно «Эдде» он вырыл яму на пути чудовища и поразил его в уязвимое место снизу. Но и Сигурд прежде должен был для подвига выковать свой волшебный меч.

⁶ Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и комм. Д. С. Лихачева. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, подгот.

были синхронны летописным текстам: к распространенным в древнерусском «светском» искусстве относились изображения гуслей и танцовщиц, что и позволило Рыбакову увязать последних с упомянутыми в летописи русалиями. Античный весенний праздник – русалии/розалии – был воспринят славянами, возможно, еще в эпоху расселения на Балканах, наряду с другими календарными обычаями, их название было перенесено в славянском фольклоре на персонажей нечистой силы, русалок, выходящих с того света на русальной неделе, но их устрашающие образы никак не соотносились с изящными фигурами танцовщиц в нарядных платьях со спущенными рукавами (илл. 2). Эти мотивы на древнерусских браслетах восходили также к византийской изобразительной традиции, но она отражала придворный праздничный обычай⁷, а не дохристианский фольклор.

Илл. 2. «Русалка» и гуслиар. Створки серебряного браслета. Киев, XII в. (Рыбаков Б. А. Русское прикладное искусство X–XIII вв. Ленинград, 1971. С. 106)

М. Б. Свердлов. СПб., 1996. С. 74 (далее – ПВЛ). Многочисленные ссылки на поучения против язычества, восходящие к византийской традиции, приводит уже И. И. Срезневский: *Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка*. Т. III. М., 1958 (репринт изд. 1903 г). С. 197–198.

⁷ Даркевич В. П. Светское искусство Византии. М., 1975. С. 177–179.

Именно образ танцовщицы, выполненный в технике перегородчатой эмали, вызвал оживленную полемику во время презентации предлагаемого здесь текста на конференции, посвященной чествуемому юбилею. В качестве параллели «русалке» с древнерусского наруча я привел танцовщицу на пластине с византийского коронационного венца XI в. с изображением Константина Мономаха, выполненной в технике перегородчатой эмали⁸; техника перегородчатой эмали известна была и на Руси (где существовала и легенда о «шапке Мономаха»). Танцовщица взмахивала над головой покрывалом или шарфом (илл. 3) – мотив, известный в античной традиции (уже на знаменитой фреске «виллы мистерий» в Помпеях)⁹.

Илл. 3. Танцовщица. Византийская перегородчатая эмаль. Сер. XI в. (*Даркевич В. П.* Светское искусство Византии. М., 1975. С. 178)

---

⁸ Там же. С. 178.

⁹ *Кереньи К.* Дионис: Пробраз неиссякаемой жизни / Пер. с нем. А. В. Фролова, Л. Ф. Поповой. М., 2007. Рис. 110 б, 110 г.

М. А. Юсим усмотрел тогда змею в руках танцовщицы: мотив не менее распространенный, чем «покров», вспоминаются знаменитые минойские женские статуэтки со змеями в руках (их древневосточные аналоги и т.п.). Я скептически отнесся к этим параллелям, но как раз во время конференции в интернете появилось сообщение о граффити и рисунке в Спасском соборе Переслава Залесского на котором бегущий человек поднимает над головой змеевидное чудовище с рыбьим хвостом и головой птицы (XII в.)¹⁰; близкое, но более раннее изображение представлено на франкском надгробии воина VII в. из Нидердоллендорфа (Германия; илл. 4), правда, чудовище там имеет и третью голову¹¹.

Илл. 4. Надгробие из Нидердоллендорфа. Германия VII в. (Die Germanen. Ein Handbuch / Unter Leitung von B. Krüger. Berlin, 1983. Bd 2. Tafel 24a)

---

¹⁰ Тогда же информацию об этом открытии любезно переслала мне Г. А. Попова.

¹¹ Die Germanen. Ein Handbuch / Unter Leitung von B. Krüger. Berlin, 1983. Bd 2. Tafel 24a.

Змей – распространенный мотив на памятных рунических камнях Скандинавии и в XI в.: в эпоху христианизации, окаймляя памятник, он по-прежнему воплощал преисподнюю и смерть. На парадном венце с центральным изображением императора и императриц по сторонам в сопровождении симметричных аллегорий Правды и Смирения уместнее было сохранить парадный стиль без inferнальных мотивов. Изображение танцовщиц по краям венца не просто воспроизводило сюжет дворцового церемониала, восходящий к античным образцам: для понимания этого сюжета существенна его библейская основа – танцующей в византийском искусстве изображалась пророчица Мариам, приветствующая танцем с покрывалом и тимпанами переход избранного народа через Черное море (Исх 15:20–21)¹².

Византийское искусство синтезировало древние традиции Средиземноморья, как и средневековое искусство сасанидского Ирана (илл. 5) и ислама¹³: этот синтез подразумевал возможность интерпретации изобразительных и декоративных мотивов – фигуры могли помещаться в декоративные рамки с архитектурными сводами (как на древнерусских наручах), растительные побеги могли замещать поднятое над головой покрывало¹⁴, могло оно превратиться в змею или хищника как на рисунке со Спасского собора.

---

¹² Лухачева В. Д. Искусство книги. Константинополь XI век. М., 1976. С. 114–115. Нельзя не заметить, что изобразительный образ ветхозаветной танцовщицы прямо воспроизводит образы античных вакханок с шарфами и тимпанами (ср. Кереньи К. Дионис. Рис. 110г, 112 в,г; Чаусидис Н. Космошски слики. Символизација и митологизација на космосот во ликовниот медиум. Т. 2. Скопје, 2005. Д 30).

¹³ Ср. иранские мотивы на сасанидской парадной посуде: Орбели И. А., Тревер К. В. Сасанидский металл. Художественные изделия из золота, серебра и бронзы. М.; Л. 1935. Табл. 58. Исламское влияние усматривают и в образе танцовщиц на венце: Beckwith J. The Art of Constantinople. London; New York, 1968. P. 107–108.

¹⁴ См. сравнительные материалы из разных регионов и эпох: Чаусидис Н. Космошски слики. Д 30.

Илл. 5. Танцовщица, Сасанидский сосуд. Серебро VII в. (Орбели И. А., Тревер К. В. Сасанидский металл. Художественные изделия из золота, серебра и бронзы. М.; Л., 1935. Табл. 58)

Византийская империя передавала этот культурный синтез славянским народам, Н. И. Толстой указывал византийские истоки славянских «языческих» обрядов, к этим истокам восходит и обычай русалий, относящийся ко времени расселения славян на Балканах. Это время первых упоминаний славян в

исторических источниках – VI в. – стало «осевым» временем начальной общеславянской истории в официозной науке, не допускавшей запаздывания восточноевропейской периферии славянского мира в сравнении с регионами, оказавшимися в прямом контакте с древними цивилизациями¹⁵. Впрочем, поиски древнего начала были общей тенденцией советской историографии, и Б. А. Рыбаков делился на своих лекциях не вполне историографическими процедурами подобных поисков: «ко мне пришли украинцы», – рассказывал академик, – впечатленные проводимыми тогда (в 1950–1960-х гг.) юбилеями «союзных» столиц. Почему Ереван отпраздновал 3-тысячелетний юбилей (армянскую столицу датировали эпохой древнего царства Урарту), Тбилиси насчитали 1500 лет, вопрошали Рыбакова посетители, а Киев, летописная «мать городов русских», остается без юбилея! Б. А. Рыбаков авторитетно объяснял студентам, что три тысячи лет – слишком ранняя для Киева дата, а 1500 лет вполне допустимы. Юбилей был отпразднован уже в 1980-е гг., к нему были приурочены международные научные съезды; археологи радовались торжествам, ибо под них были отпущены средства на реставрацию древних памятников и раскопки¹⁶. Эти раскопки приво-

---

¹⁵ Б. А. Рыбаков, обнаруживавший календарные основы славянского «язычества», имплицитно приближался к проблеме воздействия на эти основы античной (балканской) традиции: он интерпретировал круговой орнамент на «полянском» кувшине как календарный фриз, явно опираясь на представления об античном зодиаке. Сосуд имел раннюю дославянскую форму, и В. Л. Янин иронически обыграл возможности его использования в хозяйстве (*Янин В. Л. О себе и о других.* М.; СПб., 2021. С. 148); историографические традиции, однако, не терпят иронии, и в университетском учебнике по археологии приведена эта календарная конструкция Б. А. Рыбакова (правда, при характеристике дославянской культуры и без упоминания имени академика: *Археология: учебник / Под ред. В. Л. Янина.* М., 2006. С. 406).

¹⁶ По свидетельству В. Л. Янина Рыбаков отстоял свою «реалистичную» дату основания Киева перед тогдашним партийным боссом Украины В. В. Щербичким (предлагавшим отметить 2000-

дили к историографическим парадоксам: городские напластования, соответствующие юбилею, обнаружены не были; ранние дендродаты относятся к 880-м гг. – эпохе Вещего Олега¹⁷.

Но «доктрина» начала Киевской Руси сложилась к началу 1960-х, и в первом томе академической «Истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической революции» Б. А. Рыбаков характеризовал вслед за летописцем XII в. Кия как полянского князя, совершившего поход на Царьград в VI в. Увлекавшийся фольклорными сюжетами автор понимал, что сюжет обо всех трех братьях – летописных основателях Киева – не подходит для исторической интерпретации, поэтому Щека и Хорива он объявил персонажами, вымышленными для осмысления названий киевских гор¹⁸. Исторический антураж для подвигов Кия обнаруживал-

---

тысячелетний юбилей: *Янин В. Л.* О себе и о других. С. 297). Интерес партийных верхов был естественным – за юбилей получала награды и советская номенклатура. В. Л. Янин вспоминает о просьбе первого секретаря новгородского обкома КПСС «откопать» Новгороду дату «подревнее и покруглее». Он сослался на «открытие» датировки Кия и напомнил, что новгородская летопись (сокращавшая ПВЛ) совместила призвание Рюрика и основание Киева (Там же. С. 80–81). Однако совместить предлагаемый юбилей с памятником 1000-летия России, приуроченного к летописной дате призвания варягов (862 г.) было затруднительно: очередной (полу)юбилей отпраздновали в России в 2012 г., опираясь на ту же летописную дату.

¹⁷ См.: *Сагайдак М. А.* Хронология археологических комплексов древнего Киева // Труды V Международного Конгресса археологов-славистов. Киев, 18–25 сентября 1985 г. / Гл. ред. Б. А. Рыбаков. Киев, 1988. Т. 2. С. 138–139.

¹⁸ История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической революции. Т. 1 / Гл. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1966. С. 351. Замечу, что «расчленение» фольклорной троицы братьев Б. А. Рыбаков позволил себе и в отношении Рюрика, Синеуса и Трувора, опираясь уже не на летопись, а на расхожую кабинетную этимологию – призван был только Рюрик «со своим домом и дружиной». Правда, имя Рюрик сохранилось в династии древнерусских князей, в отличие от имени Кий, связанного лишь с топонимикой. О реакции известного медиевиста на этот том «Истории СССР» см.:

ся без труда – восточноевропейское племенное объединение славян-антов совершало походы на Балканы, почему бы и Кию не добраться до Царьграда?

Этот взгляд на начальную восточнославянскую/русскую историю остается самодовлеющим в историографии: анты считаются объединением славян юга Восточной Европы, воевавших против Византии. Это объединение принято соотносить с пеньковской археологической культурой, хотя эта культура существует от Прикарпатья до Северского Донца с VI по начало VIII в. (упоминания антов в источниках прекращаются с начала VII в.). Самые яркие комплексы были обнаружены в виде кладов, включающих разнообразные украшения (в том числе вещи византийского происхождения), еще А. А. Спицын в начале XX в. назвал их «древностями антов». Следующий историографический шаг совершил Б. А. Рыбаков, переименовавший клады в «древности русов». Этот шаг был продиктован специфическими обстоятельствами этногенетических поисков: ставшая классикой советской археологической науки статья (по объему сопоставимая с монографией) была опубликована в 1953 г.¹⁹, когда неперенным требованием советской историографии была борьба с иностранным влиянием (и признающими эти влияния «космополитами»), в русской истории – с «реакционной норманской теорией», принимавшей летописную версию варяжского происхождения руси. Кроме того, необходимо было продемонстрировать методологическую важность для этногенетических реконструкций установок Сталина на прямолинейное развитие народов (наций) от рода к племени, затем к народности, наконец, к нации. Отсюда поиски «ядра древнерусской народно-

---

Кобрин В. Б. Кому ты опасен, историк? М., 1992. С. 183–184.

¹⁹ *Рыбаков Б. А.* Древние русы. К вопросу об образовании ядра древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина // Советская археология. Т. XVII. М., 1953. С. 23–104. Эту историографическую конструкцию Б. А. Рыбаков сохранил и в переиздаваемой монографии, посвященной 1500-летию Киева: *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 55–108.

сти» непременно поблизости Киева как ядра «Киевской Руси». Естественно, поиски этого «ядра» предпринимались и до Б. А. Рыбакова, этот археолог обращается к работкам востоковедов, обнаруживших у сирийского автора VI в. Захарии Ритора упоминание некоего народа *Ерос*>*Рос*, обитающего вглубь от предгорий Кавказа вслед за перечисленными 13 кочевыми народами северокавказского региона (среди них – раннее упоминание хазар); если бы этот список народов содержал только этнонимы, имя, напоминающее имя летописной *руси* и греческую его форму *рос*, можно было бы использовать, чтобы удревнить на несколько столетий сам народ. Но в том-то и дело, что Захария, опирающийся на античную традицию, поместил народ *Ерос* не в «этнографический» список, а в иной контекст – вслед за мужененавистницами амазонками, отмечающими в античной традиции окраину ойкумены. Упоминание амазонок Рыбаков списывал на традицию «кеноуправляемых сармато-аланских племен», что позволяло приблизить локализацию *Ерос* к среднеднепровской лесостепи (и речке Рось – гидроним традиционно ассоциируется с именем народа).

Амазонки могли участвовать в мифопоэтических батальных (битвы с героями) и этногенетических сюжетах: собственно о происхождении «матриархальных» обычаев сарматов/савроматов рассказал Геродот в специальной вставке в историю похода Дария против скифов (История. IV. 111–115) – савроматы произошли от браков скифских юношей с амазонками и поселились за Танаисом – Доном. Сам рассказ относится к доисторическому прошлому и воспроизводит упомянутый первобытный сюжет инициации. В собственно античной и последующей средневековой традиции амазонки обитали за пределами ойкумены и относились к существам-монстрам, населяющим окраину мира²⁰.

Показательно, что между кочевниками и амазонками Захария помещает обитателей, не имеющих отношения к этнографии: это карликовый народ амарты и люди-псы; да и сами

---

²⁰ Маразов И. Амазонките. София, 2013.

Ерос изображаются как «мужчины с огромными конечностями, у которых нет оружия и которых не могут носить кони из-за их конечностей»²¹. Мифологический контекст края ойкумены, в который помещены эти великаны, препятствует попытке Рыбакова «историзировать» даже их чудовищный облик ссылками на противостояние безоружных богатырей живущим грабежом вооруженным наездникам – кочевникам.

Мифологический контекст, в котором великаны *Ерос* > *Рос* оказались среди прочих монстров края ойкумены, обращал на себя внимание интерпретаторов этого имени: глубинные знания об этом народе стремился обнаружить уже Г. Дьяченко, собравший в статье «Россь» (для «Полного церковнославянского словаря» 1900 г.) все ассоциации, которые позволяли бы соотнести народ Рос с библейской цитатой из Иезекииля (38:2, 3; 39:1, 2). Речь идет об эсхатологических всадниках – «обрати лице твое к Гогу в земле Магог, князю Роша, Мосоха и Фувала»; Дьяченко известно было, что 70 толковников по-своему интерпретировали еврейский текст, где речь шла не о князе Рош, а о «князе-главе» (евр. *нэси рош*). Даже для этого двойного титула подобрана была историческая аналогия – арабский автор Ибн Русте сообщал о правителе народа *ар-рус*, который именовался в IX в. хахан-рус, значит, Септуагинта уже на рубеже н.э. знала о таком «царе славян»!

Естественно, *Ерос* Захарии Ритора умещается в этот промежуток, но «Гог в земле Магог» (которые в средневековой традиции действительно могут размещаться к северу от Кавказа) описываются у Иезекииля как вооруженные всадники (38:4), что никоим образом не соответствует описанию «Ритора» VI в. Мифологический контекст сообщения сирийского автора заставляет обратиться к другой – не библейской, а собственно античной традиции, где амазонкам, народу вооруженных всадниц, противостояли *герои* (др.-греч. *ἥρωες*), очи-

---

²¹ *Пигулевская Н. В.* Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. СПб., 2000. С. 287. В былинном эпосе великана Святогора не может носить «мать – сыра земля», поэтому он должен обитать в горах.

падающие землю от монстров края ойкумены. Однако *Ерос* попадают у Ритора в число монстров, лишенных каких-либо признаков цивилизации – навыков верховой езды и вооружения. Историзаторская трактовка этого образа едва ли допустима, он остается за границами ойкумены и истории.

Нас учили, что «археология – это история, вооруженная лопатой» (А. В. Арциховский), и усилия Б. А. Рыбакова не были направлены лишь на поиски упомянутого «ядра» древнерусской народности: само собою разумелось (особенно в рамках формационной теории), что народ и государство («Киевская Русь») не возникают *ex nihilo* с призыванием варягов, и его истоки нужно искать. Поэтому и подход Б. А. Рыбакова остается актуальным в отечественной науке: переименование «древностей антов» в «древности русов» было связано с традиционным стремлением отойти от средневековой традиции о призвании варягов с помощью другой средневековой традиции – этимологической, направленной на поиски альтернативных летописи ономастических истоков названия *русь*. Состав кладов, входивших в «древности антов», демонстрировал накопление богатств, происходящих из разных регионов Европы и явно связанных с расселением славян. Расселение охватывало обширные территории от Балкан до Балтики, и, как уже говорилось, существенными для предлагавшейся реконструкции истории были поиски «ядра», где концентрировались бы процессы этно- и политогенеза. Это славянское «ядро» упоминала та же начальная летопись, и оно располагалось вокруг будущего центра «Киевской Руси», то был «обширный племенной союз с единой культурой, носивший общее имя «полян», т.е. воинственных, сильных (от поляница – дружина)», который мог бы стать основой народности и государства уже в середине I тыс. н.э., но бурные события, связанные с переселением народов, борьба с кочевниками и т.п. задержали формирование славянских государств²². И

---

²² Рыбаков Б. А. Древние русы. С. 25. Эти поиски ранних истоков дружинной организации у восточных славян продолжают вызывать энтузиазм некоторых историков (ср.: Горский А. А. Средневековая

здесь не обошлось без кабинетных этимологий – *поляница*, наименование степной богатырки былинного эпоса (и здесь можно вспомнить амазонок), не имеет отношения к дружине, означает обитателя поля – степи, о чем прямо говорит начальная летопись в отношении полян, как жителей поля²³, возделанной для пахоты земли.

Но *дружина* необходима для конструкции Б. А. Рыбакова – дружина была основой не только войска, но и администрации складывающегося государства. Здесь возникает специфическая проблема, напоминающая об отсутствии оружия у народа *Ерос*: «древности антов» включали богатства, накопленные в процессе миграций, но были бедны собственно предметами вооружения²⁴. Тем не менее, воинскую специфику этих древностей Б. А. Рыбаков обнаружил: это были «мужские наборные пояса», металлические украшения которых хранились в кладах. Они действительно были характерны для одежды воинов-дружинников во всей Европе, охваченной Великим переселением народов, и особенно показательны византийские «воинские» пояса, детали которых концентрируются в кладах славянского Среднего Поднепровья (илл. 6)²⁵.

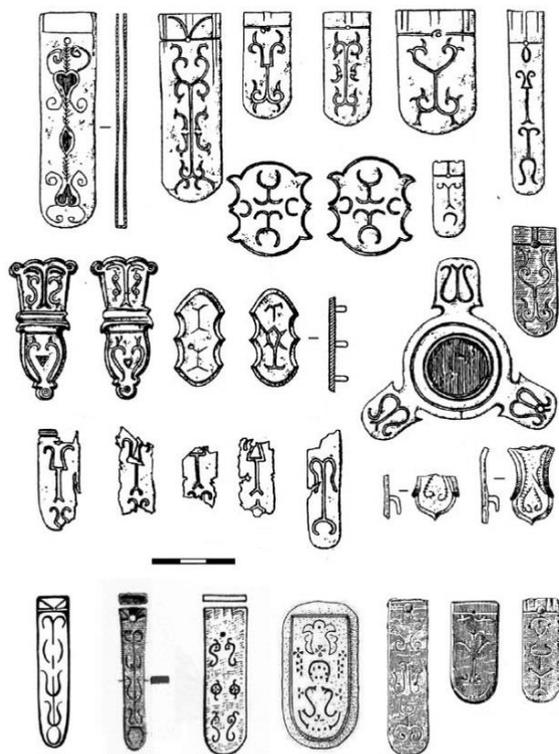

Русь: О чем говорят источники. М., 2021. С. 60–61).

²³ ПВЛ. С. 16.

²⁴ Парадное оружие включали богатейшие комплексы типа Перещепины, но они были памятниками тюркской знати и не имели отношения к славянам, включались Рыбаковым в «древности русов» исключительно по региональному признаку (Среднее Поднепровье). См. о них: *Амброз А. К.* О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре – вопрос интерпретации // *Древности эпохи великого переселения народов V–VIII вв.: Советско-венгерский сборник / Отв. ред. А. К. Амброз, И. Ф. Эрдели.* М., 1982. С. 204–221.

²⁵ *Казанский М. М.* Византийские «воинские» пояса в Среднем Поднепровье // *Археологическое наследие.* Воронеж, 2021. № 1 (4). С. 133–147. Автор разделяет сложившееся в историографии соотношение славянских древностей этого региона с антами Иордана и Прокопия; этимология этого явно неславянского этника неясна: традиционно он увязывается с общетюркским *ant* – ‘клятва’, и должен означать «верного друга» (*Попов А. И.* Названия народов СССР.

Илл. 6. Детали византийских «воинских» поясов (Казанский М. М. Византийские «воинские» пояса в Среднем Поднепровье // Археологическое наследие. Воронеж, 2021. № 1 (4). Рис.2. С. 142)

Рыбаков готов был продемонстрировать связь этих древностей с исторической Русью, сославшись на сходство орнамента византийских поясов со знаками Рюриковичей²⁶, но симметричные тамгообразные знаки были широко распространены в орнаментах Евразии, проследить их преемственность не удастся.

Л., 1973. С. 35), т.е. «дружину» в древнерусском смысле.

²⁶ Рыбаков Б. А. Древние русы. С. 54.

Не было преемственности и в развитии культуры от эпохи Великого переселения до древнерусского времени: В. В. Седов, в целом следовавший стратегии Б. А. Рыбакова и искавший русов среди «антских» древностей юга Восточной Европы, признавал, что «антская» пеньковская культура прекращает существование на рубеже VII и VIII вв.²⁷ с вторжением хазар. Состав «древностей антов» также позволяет выделять два периода в их развитии: ранний связан с воздействием авар, поздний – хазар²⁸. Действительно, концентрация кладов могла отмечать развитие «престижной экономики» у славян в догосударственный период. В этой концентрации Рыбакову виделась связь с ядром последующей русской государственности – Русской землей в Среднем Поднепровье. Летописный феномен «Русской земли в узком смысле» был выявлен А. Н. Насоновым в 1951 г. на основании текстологических изысканий: эта территория охватывала волости трех городов на Среднем Днепре – Киева, Чернигова и Переяславля; правда, ее формирование, в соответствии с начальной летописью, Насонов увязывал с ареалом хазарской дани («хазарского ига»), которую кочевники брали с полян, северян и радимичей, – но Рыбаков считал это наблюдение преувеличением²⁹.

---

²⁷ Седов В. В. Славяне: историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 203–222, 225.

²⁸ Щеглова О. А. Волны распространения вещей из Подунавья: отражение славянской миграции или культурных инфильтраций? // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света. Материалы международной конференции. Труды Государственного Эрмитажа. Вып. XLVIII. СПб., 2009. С. 39–65. Ср.: Обломский А. М. Структура населения лесостепного Поднепровья в VII в. н. э. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 10–33.

²⁹ Рыбаков Б. А. Древние русы. С. 29. В 1951 г. следование «космополитическим» данным летописи, даже с оговорками («Русская земля» сложилась в эпоху хазарского ига, слабевшего в течение IX в.: Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1952. С. 42) было рискованным.

Археология, регулярно обновляющая источниковую базу, требует корректировки исторических реконструкций, и исследования в левобережье Среднего Днепра во второй половине XX в. позволили выделить характерную для этого ареала археологическую культуру – волынцевскую. Культурные перемены конкретизируют возможности изучения предполагаемого «ядра» русской государственности, но ставят под вопрос культурную и этническую непрерывность его развития: на рубеже VII и VIII вв. развитие древних славянских культур, по замечанию В. В. Седова, «было прервано вторжением крупной массы нового населения»³⁰: что это было за население, автор деликатно умалчивает (следуя Б. А. Рыбакову и настаивая, что население региона продолжало именоваться «русами»). А. И. Айбабин связывает упомянутые богатые памятники и воинские погребения всадников с вторжением хазар в Причерноморье во второй половине VII в., относя их к перещепинской культуре³¹. Между тем, специфика этой культуры достаточно показательна: на единственном укрепленном поселении ее ареала, городище Битица располагается большое юртообразное жилище, инвентарь (в том числе предметы вооружения) изготовлен на основе технологии, свойственной хазарской – салтово-маяцкой культуре; исследователь этих древностей А. В. Григорьев назвал их культурный ареал «славянскими землями Хазарского каганата», следуя информации начальной летописи о славянских племенах, плативших дань Хазарии³².

---

³⁰ Седов В. В. Славяне. С. 255.

³¹ Айбабин А. И. Ранние хазарские археологические памятники в Северном Причерноморье // Хазарский альманах. Т. 8. Київ; Харків, 2009. С. 67–87.

³² Григорьев А. В. О славянских землях Хазарского каганата // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света: Материалы междунар. конф., состоявшейся 14–18 мая 2007 г. в Гос. Эрмитаже / Редкол.: Б. С. Короткевич, Д. А. Мачинский, Т. Б. Сениченкова. СПб., 2009. С. 214–221. «Восточные» импульсы характеризуют «художественную культуру»

Ареал волынцевской культуры на правом берегу Среднего Днепра включает небольшой киевский анклав, что позволяет «реабилитировать» киевскую легенду в ее собственно фольклорной части, с которой полемизирует летописец, чтобы наделить Кия княжеским статусом. «Ини же, не свѣдуше, рекоша, яко Кий есть перевозникъ былъ, у Киева бо бяше перевозъ тогда с оной стороны Днѣпра, тѣмъ глаголаху: на перевозъ на Киевъ»³³. Типичный фольклорный мотив первооселенца у переправы через реку стал одним из вечных сюжетов киевской истории: во время освобождения Киева 6 ноября 1943 г. советской армии пришлось дважды форсировать Днепр. Мой учитель на кафедре археологии Д. А. Авдусин рассказывал, что тем, кому удавалось закрепиться на киевском берегу, причиталась звезда героя. Военная стратегия подчинялась здесь новой исторической значимости: Киев – летописную «мать русских городов» нужно было освободить к годовщине революции.

Русской земли в узком смысле и в государственную эпоху: *Орлов Р. С.* Художественная культура городов «Русской земли» в IX–X вв. // Труды V Международного Конгресса археологов-славистов. Киев, 1988. Т. 2. С. 115–120.

³³ ПВЛ. С. 9; *Петрухин В. Я.* Киевская легенда: фольклор и реалии // Живая старина. 2004. № 1. С. 14–15.

ДЛЯ КОГО ПИШУТ ИСТОРИКИ?

С тех пор как история считается научным знанием, историки обращаются в первую очередь к своим коллегам, к историкам. Все остальные могут быть важной, но не главной их аудиторией. Так было не всегда¹, но последние лет сто пятьдесят-двадцать, когда историописание стало играть по научным правилам, одиночка, не признающий мнение коллег, хотя и может завоевать симпатии публики, а то и благосклонность властей, но его сочинения без санкции сообщества историков считаться научными не будут.

В этом нет ничего удивительного. История в глазах физика наукой не является: практика как критерий истины в трудах историков выглядит весьма сомнительно, поскольку провозглашается задним числом, с постановкой экспериментов тоже не все бесспорно, даже четкой терминологии почти нет. Вера в «твердые» исторические факты также поколеблена. Они то и дело оказываются не так тверды, как хотелось бы, особенно в тех случаях, когда исследование сбивается на оценки.

Что же остается? Остаемся мы как сообщество. Очевидно, что гуманитарное знание немислимо без коммуникации с единомышленниками, оппонентами, учениками и публикой. Наша наука носит сугубо конвенциональный характер. И дело даже не в том, что нам надо договариваться о значении терминов, иначе научного общения не получится. Только при хорошо функционирующем научном сообществе возможно

---

¹ Если говорить не об истории, но о философии в широком смысле слова, то Рэндал Коллинз, руководствуясь методом «социологического реализма», пишет о ней как о сугубо коллективной практике – от древности (китайской, индийской, греческой) и до немецкой классической философии и французского экзистенциализма. См.: *Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения* / Пер. Н. С. Розова и Ю. Б. Вертгейм. Новосибирск, 2002.

выдвижение гипотез и достижение новых знаний.

Мы часто слышим, что «история пишется на основании источников», или, как говорили Ланглуа и Сеньобос, «история пишется по документам... Ничто не может заменить документов: нет их — нет и истории»². Но можно было бы сказать: «история пишется на основании конвенций». А утверждение незабвенных авторов «Введения в изучение истории» как раз и является важнейшей из таких конвенций. Следование правилам игры и позволяет отличить историка от неисторика или, как говорят люди театра, от «человека из публики». Согласно этим правилам, любое содержащееся в тексте историка утверждение должно быть верифицируемо, а для этого снабжено ссылками на источники, оформленными определенным образом³. При этом полагается по возможности читать оригиналы документов (или делать вид, что прочитаны именно они), лучше всего — самолично извлеченных автором из архивов. Можно работать и на основании публикаций, однако из публикаций подходят не все, а лишь выполненные определенным образом. Таковы условия конвенции.

Когда говорят «историки доказали», то чаще всего это тоже конвенция. За редким исключением⁴ историки лишь выдвинули предположения, в которые многие поверили и которые никто пока не опроверг, то ли потому, что не нашелся

---

² Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории / Пер. А. Серебряковой. СПб., 1899. С. 13.

³ А вот что является этим «определенным образом» в данное время и в данном месте — тоже обновляющаяся конвенция (даже ГОСТ и тот непостоянен), к тому же постоянно нарушаемая. Но все свято верят в то, что она существует. Это входит в правила игры.

⁴ Я бы привел пример А. А. Зализняка, убедительно доказавшего, что «Слово о полку Игореве» не является подделкой, или пример с обгорелыми костями кур полинезийской породы, обнаруженными в Андах и отнесенными к доколумбовой эпохе, что свидетельствовало о контактах между Океанией и Америкой. Но в обоих случаях доказательства предоставляли другие науки — языковедение, биология. А в прошлом году появилось мнение, что куры, съеденные в горах, были все-таки местными.

ниспровергатель, то ли потому, что уж слишком велика сила совокупного мнения историков и их предположение выглядит непоколебимым, особенно, когда оно подкреплено поддержкой властей, а то и авторитетом закона⁵.

Итак, в роли творца критериев истины выступает сообщество историков. Истиной в истории считается то, что признаётся таковой на данный момент всем сообществом историков или большей и влиятельнейшей его частью.

Не менее важная конвенция заключается в сообществе относительно новизны исследования: историк, претендующий на научность своего труда, а тем более на лавры ученой степени, должен сказать что-то новое, чего не говорили до него. В противном случае неизбежен вопрос «ну и что?», «что нового внес автор?». Чаще всего новации либо имитируются, либо хорошо упаковываются, чтобы не затронуть господствующие конвенции, и, как говорил персонаж в пьесе Островского «На всякого мудреца довольно простоты», «в таком случае, это будут не реформы, а поправки, починки». Однако если все будет следовать этой мудрой тактике, развитие исторического знания остановится. Смелые гипотезы все-таки выдвигаются, но, подобно новым клеткам, имплантированным в организм, обычно отторгаются сообществом. Выдвинутая смелая гипотеза вызывает возражения и критику, пророй зубодробительную. Если автор достаточно силен духом, он отвечает на замечания, что-то учитывает, где-то усиливает аргументацию, укрепляя свою оборону в узких местах, а затем где устно, где письменно выступает с ответом, который может вызвать новые нападки. Так продолжается некоторое время, пока, наконец, выдвинутая гипотеза, если все идет хорошо (что бывает далеко не всегда),

---

⁵ Чтобы не говорить о нашей стране (и не расстраиваться лишний раз) сошлюсь на Новую Зеландию, где решением правительства были строжайше засекречены до 2063 г. материалы раскопок в лесу Вайпуа на Северном острове. Возможное признание того факта, что до народа маори здесь долго обитало какое-то иное население, уравнило бы маори с европейскими переселенцами, нарушив всю политическую систему Новой Зеландии, основанную на преференциях туземцам.

становится общим достоянием. До статуса «истины» ей еще далеко, но высказанный тезис попадает в то твердое ядро утверждений, которые обязательны для упоминания в «приличном обществе». Иначе говоря, новый автор в своей работе, посвященной данной проблематике, уже не имеет право этот тезис игнорировать. Иначе он сам станет нарушителем конвенции, на что ему укажут рецензенты и оппоненты.

Далее для повышения статуса гипотезы, ставшей уже общеизвестным высказыванием, нужен хор единомышленников, появление учеников, лояльных инстанций, присваивающих степени, в идеале может возникнуть научный семинар, а то и журнал. И тогда речь пойдет уже об особом направлении.

Жерар Нуарьель говорил о том, что у историка есть три функции: научная, которая заключается в приращении знания о прошлом, функция памяти, выраженная в написании книг, преподавании, популяризации знаний, и функция власти, когда историк выступает в роли судьи, вынося решение относительно других историков, молодых и не очень (экзамены, оппонирование и рецензирование, участие в защитах диссертаций, выполнение научной экспертизы)⁶.

Само слово «власть» применительно к историкам несколько непривычно для нас, но тот факт, что нашей важнейшей задачей является постоянная оценка коллег, официальная или неофициальная, беспорен. Именно так складываются научные репутации, столь необходимые для функционирования истории в качестве науки. Однако движение научной мысли – от истоков (гипотезы, высказанной одиночкой) до устья (сложившегося убеждения коллектива историков) – возможно лишь при наличии профессионального сообщества, причем нормально функционирующего. Иными словами, сообщества, оценивающего коллег на основе исключительно профессиональных критериев, равных для всех. Для соблюдения единства требований нужно, чтобы оно само было едино.

В реальности же возникают постоянные сбои. Единство научной среды, руководствующейся едиными правилами и

---

⁶ *Noiriel G.* Sur la “crise de l’histoire”. Paris, 1996 (2e éd. – Paris, 2005).

едиными требованиями, лишь предполагается. На самом деле есть масса факторов, этому единству препятствующих.

Сколько раз мы слышали о том, что есть только одна наука – мировая, и потому фраза диссертанта «впервые в отечественной историографии...» вызывает лишь насмешку. Не существует пакистанской математики, австралийской физики и французской биологии, значит, не должно быть ни особой российской, ни особой сингапурской исторической науки. Наука не признает национальных границ, иначе она не наука. Но это не мешает существовать национальным сообществам историков. Ведь важнейшие академические ритуалы, каковыми являются присуждения степеней, по-прежнему осуществляется на национальном уровне, что бы ни говорили об изрядно подзабытом Болонском процессе. У каждого национального сообщества есть свои традиции, своя система приоритетов, свои научные церемонии. Практика присвоения «ученых градусов» в общих чертах однотипна для всех стран, но всякий из нас, кому доведется присутствовать на защите где-нибудь во Франции, в Англии или в Германии, сразу же почувствует разительное отличие от отечественной традиции. Национальные сообщества историков в каждой стране функционируют по-разному, даже если оставить за скобками «историческую политику»⁷, призывающую историков отстаивать исключительно национальные интересы или традиции преподавания истории в данной стране⁸.

Мы почему-то предполагаем, что «в остальном них все так же, как и у нас». А потом с удивлением обнаруживаем, что, например, термины «источниковедение» или «археография» не переводятся на иностранные языки, будучи исключительно российскими понятиями. Или недоумеваем, когда белорусские коллеги вслед за поляками говорят «мерóвинги» и

---

⁷ Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / Под ред. А. И. Миллера и Д. В. Ефременко. СПб., 2020.

⁸ *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира / Пер. Е. И. Лебедевой. М., 1992 (2-е изд. – М., 2010).

«карóлинги» с ударением на втором слоге, что кажется нам чем-то вопиющим. Что уж говорить о принципиальных вопросах, связанных с национальной памятью! Понятно, что оценки «чужого», то есть иностранного, коллеги могут быть не вполне объективными. Но разобщенность на национальные и региональные школы если и является злом по отношению к единому сообществу историков, то злом привычным. Тезис об «отмирании национальных нарративов», столь популярный на рубеже XX и XXI вв., увы, не выдержал испытания временем, однако у историков есть опробованные пути преодоления национальной разобщенности. Ведь они задумывались над сочетанием научного и патриотического еще во второй половине XIX в., когда Фюстель де Куланж яростно спорил с Георгом Вайцем из-за разных трактовок одного и того же латинского текста. С тех пор давно выработаны надежные каналы связи, которые позволяют вести научный диалог, преодолевая изолированность и разобщенность. Помимо МКИИ (Международного комитета исторических наук) и связанных с ним структур достаточно вспомнить деятельность российско-польских или российско-балтийских комиссий историков, рассматривавших самые болезненные вопросы общего прошлого. Если нет сугубо негативной установки властей, то настоящие историки всегда найдут точки соприкосновения. Профессионалы потому и профессионалы, что соблюдают конвенции, первой из которых является обеспечение высокого качества работы с источниками. Каковы бы ни были политические пристрастия историков, надо гарантировать высокий уровень готовящейся публикации, а для этого требуется слаженная работа сторон. Если же давление властей станет невыносимым, комиссия приостановит свою работу, но историки разойдутся, обменявшись рукопожатием, не теряя взаимного уважения, готовые вернуться к совместной работе, как только сменится политическая конъюнктура.

Гораздо чаще ситуации, когда коллег оценивают по принципу «свой / чужой», возникают внутри каждого национального сообщества. Нет, формально историков ранжируют в соответствии с профессиональными критериями, но «бинарная оппози-

ция» в оценке все-таки присутствует. Во Франции, например, еще сравнительно недавно коллеги делились на «левых» и «правых»⁹, и мне самому приходилось слышать: «он все-таки неплохой историк, хотя и очень правый». Сейчас эта коллизия, кажется, отходит в прошлое, но следы ее еще ощущаются. В Англии, к моему удивлению, карикатурный антагонизм между Оксфордом и Кембриджем не является чистым вымыслом. В беседах с итальянскими, немецкими, а иногда и французскими коллегами всплывали некие «мандарины», безусловно «чужие» по отношению к собеседникам. В Санкт-Петербурге многие историки подчеркивают различие между питерской и московской школами. Для первой характерен упор на тщательную критику источников, для второй – подчинение данных, полученных из источников, широким концептуальным построениям. В Москве, как нетрудно догадаться, это утверждение не пользуется особой популярностью, но в городе на Неве часто служит базой для оценки московских коллег. Один из лидеров российского антиковедения несколько лет назад констатировал разделение своих коллег на тех, кто стремится к интеграции в мировую науку (и, соответственно, публикуется на иностранных языках), и историков, пишущих исключительно для отечественного читателя. Я мог бы объяснить различия возрастом историков и степенью владения ими английским языком, но подобное размежевание начинает проявляться сейчас и в среде российских византистов, а здесь уже причина кроется не в поколенческих различиях и не в лингвистической подготовке, а в чем-то ином.

Коллизий, порождающих и поддерживающих «бинарные оппозиции» в оценке историков, великое множество: соперничество между институтами и научными школами, размежевание по территориальному, этническому, этно-конфессиональному принципам, возрастные и гендерные членения, и, наконец, раз-

---

⁹ Я бы возвел это разделение к тому времени, когда сообщество французских гуманитариев разделилось на «дрейфусаров» и «антидрейфусаров», но, возможно, в данном случае стоит отступить еще дальше во времена борьбы монархистов-легитимистов со всеми остальными (республиканцами, орлеанистами, бонапартистами).

ные уровни доступа к ресурсам – финансовым и властным.

Но есть и еще оно деление. Исследователи во всех известных мне странах стихийно разделяются также на «ежей» и «лис». «Лисы», знающие немного о многом, могут ужиться с «ежами», знающими многое о немногом¹⁰, коль скоро считается, что широта эрудиции сама по себе не вредит историку. Но когда «лисы» создают свои новые интерпретационные системы, да еще и претендующие на универсальность, то «ежи» ошетиняются. Для иллюстрации этого тезиса придется, наконец, перейти на личности. Классическим «лисом» был Б. Ф. Поршнев – «системосозидатель», по выражению А. В. Гордона¹¹. Борис Федорович – яркий мыслитель, выстраивающий новые концепции феодализма, абсолютизма, политэкономии, Просвещения, революции, антропогенеза и социальной психологии, в итоге постоянно оказывался в ситуации конфликта с коллегами, работавшими в каждой из этих областей. Не менее яркий пример – Л. Н. Гумилев, историк, которому поставлен памятник, именем которого назван университет, на чьи постулаты о «пассионарности» ссылается президент РФ. Но профессиональное сообщество отторгает этого великого сына двух великих поэтов. Да и наш А. Я. Гуревич все время оказывался в конфликте со значительной частью сообщества медиевистов.

Отношения с властью здесь важны, но не стоит их переоценивать, как, впрочем, и элементарную зависть. Последняя неизбежна и достойна специального исследования, но в данном случае причина отторжения носит еще и системный характер, заключенный в постоянном нарушении «лисами» профессиональных конвенций. Стремительное конструирование генерализирующих концепций, представляемых сообществу не поэтапно, а в одночасье, грозит внезапным обрушением устоявшейся интерпретационной модели той части исторического процесса, которую коллеги считали своим доменом. К тому же системосозидателям

---

¹⁰ См.: Берлин И. Еж и лиса // История Свободы. Россия. М., 2001. С. 183–286.

¹¹ Гордон А. В. Историки железного века. М., 2018. С. 165–220.

тель неминуемо залезает на чужие «делянки», что воспринимается не менее болезненно, и, главное, нарушает постулат об отношении к источникам.

В этом – особый драматизм судьбы создателя систем. Историк зависит от репутации, создаваемой в своем дисциплинарном сообществе. Если он просто выходит за границы своей дисциплины, то в лучшем случае это воспринимается с удивлением, а в худшем создает историку репутацию чудака. Если же он, воспарив ввысь, решает, что в своей родной дисциплине теперь он видит гораздо дальше коллег, и предложит им играть по новым правилам, тогда его в лучшем случае проигнорируют, а в худшем назовут шарлатаном, либо заклеят как-то иначе. С точки зрения профессиональной акрибии он становится уязвимым, и его обязательно на чем-нибудь поймают. Репутация знатока источников (важнейший критерий профессионализма), если прежде и была у него, то на новых «делянках» уже не послужит ему защитой. Вспомните при востоковедах книгу Льва Николаевича Гумилева «Старобурятская живопись», как вам тут же насчитают десятки, а то и сотни грубых ошибок и мелких неточностей, допущенных автором в интерпретации буддийских икон, и потому на суть его концепции внимания уже никто не обратит¹².

Это особенность не только нашей страны. Томас Бартфилд – автор любопытной теории «теневых империй», создаваемых кочевыми народами в ответ на укрепление соседями своих традиционных оседлых империй¹³. Но многие востоковеды отказывают его теории в научной состоятельности, коль скоро ее автор не знает китайского языка. Тот факт, что Бартфилд не только теоретик, но и практикующий этнолог с солидным опытом полевой работы среди кочевников Афганистана, не принимается во внимание. По моим наблюдениям востоковеды также считают своеобразным «спортом» находить изъяны в еще более гло-

---

¹² Гумилев Л. Н. Старобурятская живопись: Исторические сюжеты в иконографии Агинского дацана. М., 1975.

¹³ Барфилд Т. Дж. Опасная граница. Кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.) / Пер. Д. В. Рухлядева, В. Б. Кузнецова. СПб., 2009.

бальной концепции Виктора Либермана, изложенной в его книге «Странные параллели»¹⁴. Патрик Бушрон, специалист по ренессансным городам Италии, достаточно высоко ценимый коллегами, выступил инициатором и редактором издания «Всемирной истории XV века»¹⁵. Книга имела большой читательский успех, принесла автору признание, благодаря которому он стал профессором Коллеж де Франс (высочайшая статусная позиция во Франции). Однако в разговорах с теми из коллег, которые знали его как итальяниста, я слышал сплошь негативные отзывы об этом труде: «Что он лезет не в свою область»? «Кто он такой, чтобы заниматься обобщениями?». Но Патрик Бушрон уже не останавливался. Выступая в своей новой роли издателя-редактора, он осуществил еще более масштабный (и, на мой взгляд, куда более уязвимый) проект¹⁶, который коллеги уже не ругали, поскольку к тому времени автор вышел из зоны корпоративной критики медиевистов. Думаю, что с подобными примерами перемены профессионального обличия сталкивались многие из нас.

Для созидателей систем удобным выходом из скрытого или открытого конфликта непонимания с коллегами может стать переход на новую площадку, где действуют иные критерии оценки. Не все этим пользуются, но те, кто идет по такому пути, облегчают себе жизнь.

Порой из-под обстрела критики выводит успех в области популяризации: кто стал бы предъявлять серьезные претензии Джареду Даймонду¹⁷ или, если говорить о сегодняшнем дне, станет их предъявлять Ювалю Ной Харари¹⁸? Да и в СССР по-

---

¹⁴ *Lieberman V. Strange Parallels: Southeast Asia in Global Context, c. 800–1830. New York, 2003–2009. 2 vol.*

¹⁵ *Histoire du monde au XVe siècle: Aux origines de la mondialisation / Sous la dir. de P. Boucheron. Paris, 2009.*

¹⁶ *Histoire mondiale de la France / Sous la dir. de P. Boucheron. Paris, 2017.*

¹⁷ *Даймонд Д. М. Ружья, микробы и сталь: Судьбы человеческих обществ / Пер. М. В. Колопотин. М., 2010.*

¹⁸ *Харари Ю. Н. Sapiens: Краткая история человечества / Пер. Е. Б. Сумм. М., 2016.*

пулярная форма дала возможность Игорю Можейко в книге «1185 (Восток–Запад)»¹⁹ сказать то, что не было бы ему позволено, возмись он защищать свою концепцию как диссертацию.

Другим решением может стать вступление в ряды «генерализаторов»-системосозидателей, как бы они не именовались: историософами, историческими макросоциологами, клиометристами, адептами теории модернизации или, наоборот, специалистами по интеллектуальной истории. Поначалу отторжение их идей будет сильным²⁰, но затем все стихнет. Над неточностями, допущенными Освальдом Шпенглером, можно подсмеиваться²¹, прокоммунистические симпатии Эрика Хобсбаума вызывают критику²², но никто не ставит им в упрек отсутствие скрупулезной работы с источниками. Это вообще не про них. Такие люди, «уйдя в отрыв», уже нечасто пересекаются с обычными «практикующими историками», последние их редко читают. Но если их пути случайно сойдутся, то тогда не исключено взаимное отторжение.

Однажды на нашей конференции, посвященной раннему Новому времени и проблемам периодизации, все-таки удалось собрать в одном зале исторических макросоциологов и социальных антропологов, связанных с журналом «Социальная эволюция и история» (*Social evolution and history*), с одной стороны, и историков, занимающихся западноевропейской и русской историей XV–XVII вв., с другой. Очень уважаемый в своей среде докладчик, рассказывая о глобальных процессах модернизации, упомянул как об общеизвестном факте, что Чалдыранская битва

---

¹⁹ Можейко И. В. 1185 (Восток–Запад). М., 1989.

²⁰ Процитированная в самом начале данной статьи эпохальная книга Р. Коллинза поначалу была принята в штыки историками философии. См.: Розов Н. С. «Социология философий» Рэндалла Коллинза – новый этап самосознания интеллектуалов в мировой истории // Коллинз Р. Социология философий... С. 7–31.

²¹ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография / Пер. и коммент. Ю. А. Асеева; статья М. А. Кисселя. М., 1980. С. 175.

²² *Courtois St. Du passé faisons table rase! Histoire et mémoire du communisme en Europe.* Paris, 2002. P. 92–94.

1514 г. стала концом военного могущества номадов (что может считаться признаком конца Средневековья). Напомню, тогда османская артиллерия разгромила считавшуюся непобедимой конницу иранских кизилбашей, наследников тюркско-монгольских традиций ведения войны. Докладчик в данном случае лишь повторил расхожий тезис макросоциологов, мыслящих крупными масштабами. Но присутствовавшие историки-русисты чрезвычайно возмутились, вспомнив и о набеде Девлет-Гирея на Москву в 1571 г., и об усилиях, затраченных на возведение и поддержание засечных черт и оборонительных линий, и даже о том, что кочевники оставались «головной болью» астраханских губернаторов еще в XIX в. После этого коллеги лишь укрепились в своем ошибочном мнении, что историческая макросоциология – пустая болтовня.

Но чем выше уровень системосозидателя, чем крепче у него «индекс Хирша», тем меньше вероятность подобных стычек. Для них нужен какой-то уж очень большой форум. Так, в 2000 г. одна из специальных секций XIX Международного конгресса исторических наук в Осло была посвящена сравнительно новой тогда теме – памяти, коллективной идентичности и тому, как общества конструируют и генерируют свое прошлое. С заглавным докладом выступал Франклин Рудольф Анкерсмит, признанный лидер интеллектуальной истории. Набитый публикой зал ловил каждое слово голландского «гуру» про нарративную логику, дискурсы, метафоры, тропологию и «возвышающий исторический опыт». Но когда перешли к вопросам, слово неожиданно взял Вольфганг Моммзен. Это был известнейший специалист по истории Веймарской Германии, не просто поборник традиционной истории «в стиле Ранке», но еще и представитель знаменитого клана немецких историков, ведущего свое начало от великого антиковеда Теодора Моммзена. Он отметил, что в выступлении докладчика не нашел ни истории, ни необходимой историку работы с источниками. Да и вообще не понимает, что дает право человеку, не написавшему ни одной монографии, основанной на архивных исследованиях, именоваться историком и поучать коллег? Зал был шокирован: произошло нечто вроде короткого замыкания, то есть «соединение двух точек це-

пи с различными значениями потенциала, не предусмотренное конструкцией».

Но это, скорее, анекдот в значении, придаваемом этому слову в позапрошлом веке. В целом же, поскольку области «практикующих историков» и профессиональных «генерализаторов» уже давно разошлись между собой, как дрейфующие льдины, взаимная оценка перестала осуществляться. И к этому уже привыкли.

Более распространенным и более привычным случаем в нашей практике является незаметное, неотрефлексированное и потому более опасное расхождение в рамках одной дисциплинарной группы. Более 10 лет назад, анализируя эволюцию сообщества российских медиевистов с 1985 по 2010 г., я дал своему выступлению хлесткое название «Мы теряем его!»²³. Тенденции, о которых я тогда говорил, наблюдались во многих сегментах сообщества российских историков, но в среде медиевистов они проступали заметнее всего. В 90-х годах возникали все новые научные семинары, новые журналы и альманахи, новые научные направления и новые научные центры и кафедры. Это было прекрасно! В этом моем утверждении нет иронии. Даже если не брать содержательную сторону дела, само по себе возникновение новых площадок, новых подходов и новых возможностей необходимо, иначе ландшафт нашей дисциплины окажется скован льдом патернализма и возникновение чего-то нового станет возможным лишь в ходе биологической смены поколений, чего по нынешним временам ждать можно очень долго.

Но дружный расцвет «ста цветов» на нашей ниве имел обратную сторону. Итогом стало размывание и без того прозрачного единства национального сообщества медиевистов.

---

²³ Уваров П. Ю. Мы теряем его! Сообщество российских медиевистов между 1985 и 2010 годами // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2010. Т. 1. Вып. 1: Историческая наука в современной России. [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840000028-9-2/> (дата обращения: 04.07.2021).

Логика научного деления вела ко все большей специализации, отказу от больших сюжетов и значимых для всех обобщений. Тогда в своей статье я цитировал Антуана Про:

«Траур по тотальной истории влечет за собой отказ от крупных обобщающих трудов. Историки не могут полностью отказаться от истинности и точности, так уж они воспитаны. Но точность достижима теперь только в малых формах в микроистории, в истории представлений. Избрав такое направление, историки превращаются в ювелиров или в часовщиков. Они производят маленькие драгоценности, чеканные тексты, где сверкают и переливаются их знания и умения, необъятность их эрудиции, их теоретическая культура и методологическая изобретательность. Но при этом речь идет... о совершенно ничтожных, хотя и превосходно разработанных сюжетах...

Тем из коллег, кто читал их сочинения, остается лишь аплодировать этим упражнениям в виртуозности, а историческая корпорация могла бы в связи с этим стать клубом взаимного самопрославления, где с удовольствием и по достоинству оценивали бы эти маленькие кустарные шедевры»²⁴.

То, что на Западе намечалось в виде некоей тенденции, у нас проявилось в карикатурном виде. Прежде всего, перестали обсуждаться вопросы, которые, казалось, должны были бы волновать все сообщество медиевистов (судьба термина «феодализм», особенности Средневековья как периода, специфика и степень уникальности западного средневекового общества, механизм его функционирования, периодизация, понятие средневекового государства и т. д.).

Распад предметного поля оборачивался утратой интереса друг к другу и, как следствие, отказом от взаимной оценки. Это отразилось в усыхании жанра рецензий. Нормальный критический анализ опубликованных работ (если не считать таковым заказанные друзьям отклики на свои труды или сведение личных счетов с обидчиками) стал большим дефицитом. Рецензии не рассматривались (и сейчас не рассматрива-

---

²⁴ Про А. Двенадцать уроков по истории / Пер. Ю. В. Ткаченко. М., 2000. С. 229.

ются) как полноценные печатные работы. В этом небрежении как раз и можно усмотреть следы прошлого нашей науки, когда для настоящего историка писать рецензии было все равно, что дышать (число рецензий, написанных Люсьеном Февром, достигает четырехзначной цифры). Теперь же исчезли рецензии на новые учебники и учебные пособия, на издания, которые можно считать событием в нашей науке.

Процесс раздробления исследовательского поля медиевистов губительно сказывался на критериях оценки, столь важных для функционирования науки. Получалось, что являющееся истиной в одном отделе, центре, на кафедре, может считаться абсолютной ересью в соседнем отделе, на соседней кафедре, не говоря уже о расхождении между региональными вузами: то, что никак не может быть защищено в городе X, блестяще защищается в городе Y.

Диссертации могли быть хорошими, но могли быть и предельно плохими, и все равно успешно защищаться. Диссертационные советы расплодились во множестве. И, что очень важно, никто не контролировал назначения оппонентов. Их подбирали по выбору научного руководителя диссертанта из числа «своих». Диссертационный совет обычно соглашался с подобным выбором. Поэтому при защите диссертации, посвященной анализу исландских саг, вполне могли обойтись без оппонентов, знающих древнеисландский язык, или вообще без скандинавистов. Появлялись доктора исторических наук, не вышедшие из «комсомольского возраста», причем ни до, ни после защиты эти люди никак не проявлялись в нашем сообществе. Публикации в профильных изданиях с легкостью заменялись статьями в сборниках тезисов конференции молодых ученых и лишь в лучшем случае в «Записках местного ВУЗа».

Это, конечно, относилось не только к медиевистам, на общем фоне мы выглядели даже неплохо. Во всяком случае, у нас не столь вопиющей была коррупционная составляющая. Но от этого было не сильно легче.

Изменилось ли что-нибудь за 10 лет? Скорее да, чем нет. Все-таки вернулись «большие темы» (разговор о средневековом государстве и политогенезе, о периодизациях, о специфике

Средневековья как периода). Новые структуры продолжали возникать, но уже не с такой скоростью, не так стремительно разбегаясь друг от друга в тематике своих интересов. Дефицит рецензий, правда, не рассосался, хотя некоторые улучшения есть и в этой сфере.

Если в медиевистике, равно как и в других сферах исторической науки, наблюдается робкий прогресс, то с чем он связан? Со способностью сообщества историков к регенерации или с изменением политики властей? Оба предположения выглядят слишком оптимистичными. Однако в сумме два этих вектора способны вызвать некие сдвиги, как правило, сопровождающиеся бурными протестами со стороны всех, кого они затрагивают.

Возьмем для примера стремление изобрести надежный критерий, по которому хорошего историка можно было бы отличить от плохого.

Осознание глубины кризиса в области присвоения ученых степеней началось где-то во второй половине 2000-х годов. Какое-то время ушло на раскачку, но затем начался марафонский пробег по «бездорожью и разгильдяйству», новые правила и предписания сыпались как из рога изобилия, усложнялись требования к публикациям и соискателей, и членов ученых советов, а затем ко всем научным сотрудникам и преподавателям. В итоге афоризм «публикуйся или гибли» получил важное дополнение «публикуйся в индексируемых журналах или гибли». Историкам дали понять, что писать надо не просто так, а для высокорейтинговых изданий. Однако жизнь брала свое, и списки этих рекомендованных для публикации статей журналов неминуемо начинали пополняться «мусорными изданиями». Кроме того, научный текст, написанный не для того, чтобы быть прочитанным коллегами, но с единственной целью попасть в индексируемый журнал, отличается от нормальной статьи, как манекен отличается от живого человека, пусть даже человека не самой презентабельной внешности.

Изыскания универсального показателя, который позволил бы, не думая, сразу же отводить ученому соответствующее место в научной иерархии, велись с не меньшей страстью, чем в

свое время поиски философского камня, и явно с бóльшими затратами (одна лишь эпопея с «картой российской науки» чего стоила!). Но как только выдвигался какой-то один критерий: количество статей, монографий, книг, изданных за рубежом²⁵, наличие защитившихся аспирантов, показатели системы «Антиплагиат» и индексы Хирша, как тут же выяснялось, что сам по себе этот критерий ничего не гарантирует.

И тогда волей или неволей властям приходится иметь дело с такой тонкой материей, как научная репутация. Можно ли ее описать при помощи индексов научного цитирования? Они годятся, если нужно закрыть финансирование научного направления, представляющегося властям «неактуальным», но не тогда, когда надо отличить ученого от халтурщика. Если же обстоятельства требуют принять действительно важное решение (например, укомплектовать какой-нибудь совет по настоящему квалифицированными и авторитетными специалистами), то власти в итоге обращаются к мнению экспертов, к традиционной процедуре взаимной оценки.

Эксперты же ориентируются на некий «гамбургский счет». Начальству очень хочется, чтобы этот «гамбургский счет» был формализован, чтобы ученые могли объяснить, почему они считают этот конкретный журнал плохим, а данного ученого шарлатаном. Но это можно наглядно объяснить далеко не всегда. Вернее, объяснить-то можно почти всегда, но процесс занимает уж слишком много времени. Диалог обычно строится следующим образом:

– Нельзя включать в «ВАКовский список» журнал, в названии которого стоит латинское слово с тремя ошибками!

– А где записано, что это запрещено?

– Нельзя, чтобы в гуманитарном журнале все публикации не превышали своим объемом двух-трех страниц, зато число соавторов было не меньше пяти!

– А почему, собственно, нельзя?

---

²⁵ Достаточно вспомнить деятельность саарбрюкенского издательства Lambert Academic Publishing, гарантирующего автору публикацию его книги... в единственном экземпляре!

– Нельзя, чтобы в докторской диссертации по истории XV–XVI веков все три оппонента были бы специалистами по истории КПСС и Великой Отечественной войны!

– А что, есть такой закон, где прописан подобный запрет? Раз нет такого запрета, значит, все в порядке, поводов для лишения степени нет. Равно как нигде не написано, что исследование должно быть хорошим, а не плохим.

После серии громких скандалов 2012–2013 гг. ВАК все-таки ввел обязательные требования к оппонентам о наличии публикаций по данной теме за последние годы. Но это нововведение было воспринято историками в штыки, они привыкли, что им верят на слово.

Вообще-то трудно представить, что в какой-то другой стране надо на уровне административного распоряжения прописывать, чтобы оппоненты были специалистами по данной теме, однако у нас это пришлось сделать. Формализация неформальных конвенций напоминает советы Эразма Роттердамского из трактата «О приличии детских нравов» о том, что не стоит плевать за столом, или из «Юности честного зеркала» Петра I, наставляющего недорослей не колобродить руками или ногами по столу. Что же, если сообщество перестает выполнять свою контрольную функцию, то приходится записывать и не такое. Например, то, что история пишется по источникам, ссылаться следует не на хрестоматии, а на академические публикации, что автор должен знать языки источников и не может заимствовать чужие мысли и фразы без сносок и т. д.

Может быть, объясняя что-то властям, мы активизируем дремлющие механизмы самосохранения сообщества? Хотелось бы надеяться. Однако всего всё равно не пропишешь. Всегда остается что-то неформализованное. Как считали в Средние века, сила обычая состоит в его незапамятности. Или же, напротив, обычаи пластичны и меняются слишком быстро, хотя и не всегда заметно.

Во всяком случае, одно остается неизменным – историки пишут для того, чтобы их читали и оценивали другие историки, причем не обязательно *из числа близких друзей*. Пока ничего иного наша наука не придумала.

ПЕРЕВОДЫ В ИСТОРИИ, ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДОВ

*Станислав Григорьевич Мереминский,
Институт всеобщей истории РАН,
РАНХиГС*

РЕАЛЬНЫЕ И МНИМЫЕ ПЕРЕВОДЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В АНГЛИИ «ДОЛГОГО XII ВЕКА»¹

Средневековая Британия была полиэтничной и многоязыкой территорией. Еще в VIII в. знаменитый богослов и историк Беда Достопочтенный в «Церковной истории народа англов» специально указывал, что в Британии распространены пять языков: «англов, бриттов, скоттов, пиктов и латынь, которая стала общей для всех остальных [народов] через изучение Писания»². Латынь выступала языком-посредником между разными этническими группами, но для англичан она была иностранным языком, который следовало специально изучать. Недостаточное знание латыни создавало необходимость в переводах. Тот же Беда, по свидетельству его ученика Кутберта, буквально на смертном одре продолжал переводить на древнеанглийский язык Евангелие от Иоанна «для пользы Божьей Церкви»³. Этот перевод до нас не дошел⁴, но сохранилось не-

---

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС «Стратегии и механизмы конструирования исторической памяти и забвения в пространстве публичной истории».

² *Beda. Storia degli inglesi (Historia ecclesiastica gentis Anglorum)* / A cura di M. Lapidige; traduzione di P. Chiesa. Roma, 2008–2010. Vol. 1. P. 26.

³ *Cuthbert's Letter on the Death of Bede // Bede's Ecclesiastical History* / Ed. V. Colgrave, R. A. B. Mynors. Oxford, 1969. P. 582: «a capite eu-

мало других переводных древнеанглийских текстов. Особенно велико их число стало с последней четверти IX в., времени правления короля Альфреда⁵. Важно отметить, что применительно к средневековой литературе невозможно провести абсолютную границу между «переводными» и «оригинальными» произведениями. Например, в считающемся «переводным» текстом т. н. «Древнеанглийском Орозии» есть большие вставки, не имеющие аналога в латинском оригинале⁶. Напротив, в «Англосаксонской хронике», которую традиционно относят к «оригинальным» сочинениям, многие известия переведены из латинских источников, например, т. н. «Северных анналов» VIII–IX вв.⁷

В целом, к середине XI в. древнеанглийский язык обладал достаточно устойчивой литературной нормой – насколько это применимо к средневековым вернакулярам – и сравнительно

---

angelii sancti Iohannis usque ad eum locum in quo dicitur ‘Sed haec quid sunt inter tantos?’ in nostram linguam ad utilitatem ecclesiae Dei conuertit».

⁴ То, что этот перевод не сохранился, в отличие от большинства других трудов Беды, стало основанием для гипотезы о письме Кутберта как о позднейшей фальшивке, описывающей не реальные обстоятельства смерти Беды, а идеализированную картину: *Bolton W. F. Epistola Cuthberti De Obitu Bedae: A Caveat // Medievalia et Humanistica. New series. 1970. Vol. 1. P. 127–139*. Впрочем, большинство исследователей все же согласны, что письмо представляет собой аутентичное свидетельство.

⁵ Общий обзор переводов в средневековой Англии до начала XIII в.: *O’Brien B. R. Reversing Babel: Translation among the English during an Age of Conquests, c. 800 to c. 1200. Newark, 2011*.

⁶ Самые известные – рассказы Охтхере (Оттара) и Вульфстана о плаваниях в Балтийское море и вокруг Скандинавского полуострова. См.: Орозий короля Альфреда // *Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1979. С. 13–35; Allport B. Home Thoughts of Abroad: Ohthere’s Voyage in Its Anglo-Saxon Context // Early Medieval Europe. 2020. Vol. 28. P. 256–288*.

⁷ *Stafford P. After Alfred: Anglo-Saxon Chronicles and Chroniclers, 900–1150. Oxford, 2020. P. 122*.

обширным корпусом литературы разных жанров и типов. В некоторых сферах, например, законодательстве и судопроизводстве, его положение было почти монопольным. Ситуация резко изменилась после Нормандского завоевания 1066 г. и в особенности после того, как Вильгельм Завоеватель, столкнувшись с серией восстаний против своей власти, пошел на репрессии в отношении представителей светской и церковной элиты Англии. Перед баронами и прелатами, приехавшими в Англию с континента, остро встала проблема доступа к информации, необходимой для эффективного управления покоренной территорией. Практически все представители новой английской элиты владели старофранцузским языком, при этом многие одновременно знали и другие языки, в частности, фламандский и бретонский. Отчасти проблему помогли решить переводчики. Сообщения о них часто встречаются в источниках конца XI – начала XII в., включая и знаменитую «Книгу Страшного суда», где фигурирует немало лиц с прозвищами типа *latimer*⁸. Через 1–2 поколения значительная часть потомков иммигрантов уже по какому-то уровню знала разговорный английский язык, в т. ч. благодаря смешанным бракам и местным кормилицам в знатных семьях. Но трудности сохранялись, в т. ч. из-за того, что древнеанглийский язык, утратив официальный статус, быстро распался на региональные диалекты, сильно отличавшиеся от предшествующей литературной нормы. Существует немало свидетельств сложностей, возникавших при интерпретации текстов, написанных на древнеанглийском языке. Так, французские монахи-клюнийцы из монастыря Ла-Шаритэ на Луаре, получившие ок. 1080 г. во владение старинный монастырь Мач-Уэнлок в Западной Англии (графство Шропшир), якобы, обнаружили в алтаре местной церкви документ на древнеанглийском языке, указывающий место, где были сокрыты мо-

---

⁸ *Tsurushima H. Domesday Interpreters // Anglo-Norman Studies. 1995. Vol. 18. P. 201–222.* Старофранцузское слово *latimier* первоначально означало человека, знающего латынь (искаженное *latinier*), а позднее – любого переводчика.

щи святой Милдбурги. Лишь с помощью переводчика-англичанина монахам им удалось истолковать документ и обрести реликвию⁹.

Важно было не только переводить тексты *ad hoc*, по мере возникавшей необходимости, но и сохранять важную информацию в доступной для будущих поколений форме. Не случайно конец XI – первая половина XII в. стали временем настоящего бума переводов с древнеанглийского языка на латынь самых разных материалов: грамот, юридических памятников, исторических и агиографических сочинений. Например, известно не менее шести независимых друг от друга переводов погодных записей, объединяемых общим наименованием «Англосаксонская хроника». Самый ранний из них был сделан около 1100 г. в кафедральном приорате Кентербери и сохранился в составе двуязычной рукописи F¹⁰. Еще 4 перевода были включены в 20–30-е гг. XII в. в состав нескольких исторических сочинений: так называемой «Хроники Иоанна Вустерского»¹¹, «Анналов из Сент-Неотса»¹²,

---

⁹ *Hayward P.* The Miracula Inventionis Beate Mylburge Virginis Attributed to 'the Lord Ato, Cardinal Bishop of Ostia' // *The English Historical Review.* 1999. Vol. 114. P. 543–573.

¹⁰ Издание: *The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition.* Vol. 8. MS F: A Semi-Diplomatic Edition with Introduction and Indices / Ed. P. Baker. Cambridge, 2000. См. также: *Jorgensen A.* Rewriting the Æthelredian Chronicle: Narrative Style and Identity in Anglo-Saxon Chronicle MS F // *Reading the Anglo-Saxon Chronicle* / Ed. A. Jorgensen. Turnhout, 2010. P. 113–138. Перевод существовал в нескольких версиях, их фрагменты сохранились в т. н. «Незавершенной хронике из Кентербери» и в «Цветистой книге» Ламберта Сент-Омерского, см.: *Dumville D. N.* Some Aspects of Annalistic Writing at Canterbury in the Eleventh and Early Twelfth Centuries // *Peritia.* 1983. Vol. 2. P. 23–57.

¹¹ *The Chronicle of John of Worcester* / Ed. R. R. Darlington and P. McGurk. Vol. 2–3. Oxford, 1995–1998. Иоанн Вустерский был автором заключительной части хроники (за 1128–1140 гг.), но над ее начальной частью работали и другие вустерские монахи, в т. ч. Флоренций, умерший в 1118 г.

«Деяний английских королей» Вильгельма Мальмсберийского¹³ и «Истории англов» Генриха Хантингдонского¹⁴. Возможно, примерно в то же время был сделан и перевод, включенный на рубеже XII–XIII веков в т. н. «Уэверлийские анналы»¹⁵. Кроме того, во второй четверти XII в. значительное число известий из «Англосаксонской хроники» перевел на старофранцузский язык и включил в свою стихотворную «Историю англов» Жеффрей Гаймар¹⁶.

Необходимо отметить, что ни в одном из перечисленных случаев не было попытки сделать перевод в современном понимании, то есть передать полностью и максимально точно текст оригинала. Примечательно, что никто из англо-нормандских историков не пытался перевести характерные для некоторых версий «Англосаксонской хроники» стихотворные вставки аллитерационным стихом. Единственным исключением был Генрих Хантингдонский. Автор незаурядных стихов на латыни, он попытался перевести на латынь стихотворение о

---

¹² The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition. Vol. 17: Annals of St. Neots with Vita Prima Sancti Neoti / Ed. D. N. Dumville and M. Lapidge. Cambridge, 1984. Хроника написана неизвестным монахом из аббатства Бери Сент-Эдмундс и охватывает период от Рождества Христова до 914 г.

¹³ *William of Malmesbury. Gesta regum Anglorum* / Ed. R. A. B. Mynors, completed by R. M. Thomson and M. Winterbottom. 2 vols. Oxford, 1998–1999. В отличие от других современников, Вильгельм обычно не переводил «Англосаксонскую хронику» близко к тексту, а стилистически перерабатывал в соответствии со своими эстетическими представлениями.

¹⁴ *Henry of Huntingdon. Historia Anglorum* / Ed. D. E. Greenway. Oxford, 1996. Рус. пер.: *Генрих Хантингдонский. История англов* / Пер. С. Г. Мереминского. М., 2015.

¹⁵ *Annales Monasterii de Waverleia // Annales Monastici* / Ed. H. R. Luard. London, 1865. Vol. 2. P. 129–411. Хроника написана в цистерцианском аббатстве Уэверли в Суррее. На «Англосаксонской хронике» основаны статьи за 1000–1121 гг.

¹⁶ *Geffrei Gaimar. Estoire des Engleis: History of the English* / Ed. I. Short. Oxford, 2009.

битве при Брунанбурге¹⁷. Генрих так охарактеризовал свой замысел: «Об этой великой битве английские писатели рассказали как бы в подобию песни, используя странные слова и выражения, которые я верно перевел, почти дословно воспроизведя их красноречие, чтобы мы смогли бы через величие слов постигнуть величие деяний и помыслов этих людей»¹⁸. Однако стихотворный текст вызвал у хрониста немало трудностей, в некоторых местах он явно не смог верно понять его содержание. В частности, выражения «*se froda*» (мудрый) и «*aet guthre*» (в битве) Генрих передал как собственные имена предводителей норманнов и датчан: Фрода и Гуда¹⁹.

Наиболее подробно работу переводчика можно проследить на примере уже упоминавшейся рукописи F «Англосаксонской хроники», поскольку она представляет собой рабочий автограф²⁰. В ней за каждой погодной записью на древнеанглийском языке следует ее перевод – чаще всего, но не всегда, дословный – на латынь. Палеографические данные свидетельствуют, что составителем рукописи F был монах и, по видимому, кантор соборного капитула Кентербери, имя которого мы, к сожалению, не знаем. Его почерк встречается и в других манускриптах, в частности, он добавил несколько известий в более раннюю рукопись A «Англосаксонской хроники», на рубеже XII–XIII вв. хранившуюся в Кентербери²¹. Рукопись имеет сравнительно небольшой формат²² и, по пред-

---

¹⁷ Rigg A. G. Henry of Huntingdon's Metrical Experiments // Journal of Medieval Latin. 1991. Vol. 1. P. 60–72.

¹⁸ Генрих Хантингдонский. История англоv. С. 236.

¹⁹ Там же. С. 237–238.

²⁰ К сожалению, заключительные листы утрачены, так что текст обрывается на погодной статье за 1058 г.

²¹ The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition. Vol. 8. MS F. P. XVII–XXIII.

²² Листы с версией F «Англосаксонской хроники» сейчас находятся в составе составного кодекса (конволюта), созданного в XVII в. английским антиквариером Р. Коттоном, при этом из-за работы переплетчика часть полей с текстом оказалась утрачена из-за обрезки. Ныне размер листов 210 × 146 мм, текстового поля – 182-176 × 107-100 мм.

положению П. Бейкера, хронист мог возить ее с собой, посещая другие церкви и монастыри, где мог знакомиться с дополнительными источниками²³. Кодикологический анализ позволил Бейкеру реконструировать технологию работы хрониста. Первоначально (для части по погодную статью за 991 год включительно) он сделал черновик, представлявший собой чередующиеся древнеанглийские и латинские фрагменты. Возможно, для экономии они были записаны не на сброшюрованных листах, а на отдельных кусочках пергамента или на вощеных табличках – церах. Затем он начал переносить содержание в сохранившуюся рукопись как в чистовую. При этом, по какой-то причине, он сперва записал фрагмент за 937–954 гг., затем начальную часть (3 тетради) и лишь потом вернулся к продолжению за 955–991 гг. В оставшейся части хроники составитель поменял методику: он записывал группу погодных статей на древнеанглийском²⁴, оставляя между ними свободное место, которое считал достаточным для латинского перевода. Переводы он сочинял, вероятно, на табличках, а потом уже начисто вносил в рукопись. Вплоть до статьи за 955 г. древнеанглийский и латинский тексты никак визуальнo не разделялись. В дальнейшем составитель начал ставить перед латинской версией каждой погодной статьи знак параграфа, иногда не в начале, а в середине строки²⁵. Матери-

---

²³ The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition. Vol. 8. MS F. P. LXXV. Основным источником рукописи F стала другая версия «Англосаксонской хроники», обозначаемая исследователями, как прото-Е (несохранившаяся рукопись, предок рукописи Е, созданной в монастыре Питерборо ок. 1122 г.). Но к материалу из нее создатель рукописи F добавил в общей сложности около 100 известий, основанных более чем на 20 других источниках: еще как минимум двух версиях «Англосаксонской хроники», нескольких исторических сочинениях на латинском языке, житиях святых и грамотах.

²⁴ Бейкер выделяет 4 таких группы: 992–1012, 1013–1021, 1022–1044, 1045–1057 гг.: The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition. Vol. 8. MS F. P. XXIV–XXVII, LXX.

²⁵ См.: London, British Library, MS. Cotton Domitian A.viii, fol. 58r: URL: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_domiti

ал из дополнительных источников добавлялся не единовременно, а на протяжении достаточно долгого времени. В результате, иногда древнеанглийская версия погодной статьи содержит большие информации, чем латинская, реже – наоборот²⁶. Необычный формат рукописи F, не имеющий полных аналогов ни среди предшествующих, ни среди последующих исторических сочинений, логичнее всего объяснить тем, что она предназначалась для неоднородной аудитории, включавшей и англичан, и иммигрантов с континента. Интересами последних можно объяснить включение в латинскую часть ряда известий, касающихся истории франков и нормандцев, а в латинскую версию пролога к хронике – легенды о троянце Бруте как о первопоселенце и эпониме Британии²⁷.

Широкое распространение переводов, ставших необходимым инструментом сохранения исторической памяти и отдельных религиозных общин, и всего Английского королевства, объясняет, почему в «долгом XII веке» мотив текстов на неизвестном/старинном языке и их перевода становится столь важным в английском историописании. Один из ранних примеров встречается в агиографическом сочинении, «Житии святого Кенельма», написанном, вероятно, в 70-е или 80-е гг. XI в. по заказу монахов аббатства Уинчкомб²⁸. Автором «Жития святого Кенельма» скорее всего был Госцелин Сен-Бертенский, монах из монастыря Сен-Бертен во Фландрии, приехавший в Англию около 1060 г. и остававшийся там до смерти в начале XII в. За эти годы он написал значительное число агиографических текстов по заказу различных английских религиозных общин²⁹. Центральное место в «Житии свя-

---

an a viii f058r

²⁶ The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition. Vol. 8. MS F. P. LXXV.

²⁷ Stafford P. Anglo-Saxon Chronicles and Chroniclers, 900–1150. Oxford, 2020. P. 290–294.

²⁸ Three Eleventh-Century Anglo-Latin Saint's Lives / Ed. R. C. Love. Oxford, 1996. P. XCVII–XCVIII, 49–90.

²⁹ Точный состав принадлежащего Госцелину корпуса текстов оста-

того Кенельма» занимает рассказ о том, как живший на рубеже VIII–IX вв. мерсийский принц Кенельм был тайно убит по приказу своей злокозненной сестры Квентриты. Его тело было спрятано в лесу, однако, как отмечает автор, злодеяние, оставшееся сокрытым в Англии, было явлено миру в его центре³⁰, то есть в Риме. Когда папа Римский³¹ служил мессу в соборе Святого Петра, появился белоснежный голубь, который держал в клюве такой же снежно-белый пергамент с золотыми письменами. Птица положила этот пергамент на алтарь и исчезла. Далее описано, как папа с трепетом взял этот листок, исписанный незнакомыми ему словами и буквами. В конце концов среди множества иноземцев, стекавшихся в Рим, удалось найти англичан, которые смогли перевести эти неизвестные слова. Оказалось, что на пергаменте рассказывается о мученической гибели Кенельма и месте его погребения³². Сам мотив чудесного божественного послания отнюдь не уникален для средневековой агиографии³³, но здесь примечательна лингвистическая коллизия – текст на древнеанглийском языке оказывается непонятен без помощи переводчиков. В результате Госцелин находит удачный сюжетный поворот – чтобы перевести послание, папа Римский находит англичан, которые затем приносят весть о новом мученике к себе на ро-

---

ется дискуссионным: *Arbabzadah M. Word Order in Goscelin and Folcard: Implications for the Attribution of the Vita Ædwardi regis and Other Works // Journal of Medieval Latin. 2021. Vol. 31. P. 191–218.*

³⁰ Буквально *arx mundi* – цитадель мира.

³¹ В «Житии святого Кенельма» он назван, явно анахронистически, Львом Младшим.

³² *Three Eleventh-Century Anglo-Latin Saint's Lives...* P. 62–66.

³³ Например, современник Госцелина, Сигеберт из Жамблу в «Житии Дитриха, епископа Мецского» приводит легенду о том, как святому Клименту, первому епископу Меца, ангел вручил чудесный свиток с инициалами всех его преемников. Они были выполнены разными цветами, символизировавшими заслуги каждого из них (золотые, серебряные и т. д. по нисходящей): *Sigebertus Gemblacensis. Vita Deoderici episcopi Mettensis // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. 4. Hannover, 1841. P. 465–466.*

дину. Но представляется, что сам этот образ был навеян именно лингвистической ситуацией после Нормандского завоевания. Можно даже предположить, что Госцелин тем самым позиционировал себя перед новыми хозяевами Англии как такого переводчика, одновременно прекрасно владевшего латынью и знакомого с древнеанглийским языком и местными традициями.

Примерно со 2-й четверти XII в. в Англии параллельно с латинской возникла литературная традиция на старофранцузском языке. Практически все ранние ее памятники представляют собой переводы, как например, «Бестиарий» Филиппа де Таон или «Плавание св. Брендана» Бенедекта. В большинстве случаев их авторы явным образом указывали на переводной характер своего труда, что служило авторской стратегией, позволявшей сделать сочинение более авторитетным³⁴. В большинстве случаев авторы просто указывали своей источник в общих словах. Например, нормандский клирик Вас, который около 1155 г. написал «Роман о Бруте», основанный на латинском труде «Деяния бриттов» Гальфрида Монмутского, в прологе ограничился указанием на то, что верно перевел рассказ о королях Англии, не называя свой источник или его автора³⁵. Примеры более подробного описания источников и процесса перевода достаточно редки. Наиболее интересный из них встречается в «Истории англвов» Жеффрея Гаймара, старшего современника Васа. В заключении он так описывает собственный труд, говоря о себе в третьем лице:

«Он заполучил множество разных книг – книг на английском, ученых книг на французском [roman], и на латыни – прежде, чем смог завершить этот труд. Если бы его госпожа не помогала ему, он ничего бы не достиг. Она послала в

---

³⁴ *Damian-Grint P. Translation Topoi in Old French Narrative Literature // Riddarasögur: The Translation of European Court Culture in Medieval Scandinavia / Ed. E. Mundal, K. G. Johansson. Oslo, 2014. P. 57–90.*

³⁵ *Maistre Wace l'ad translate // ki en conte la verité (Wace's Roman de Brut: A History of the British: Text and Translation / Ed. J. Weiss. Exeter, 1999. vv. 7–8).*

Хелмсли за книгой Вальтера Эспека; Роберт, граф Глостерский, повелел перевести этот рассказ по книгам валлийцев, повествующим о королях бриттов. Вальтер Эспек попросил этот рассказ, и граф Роберт послал его ему. Затем Вальтер Эспек одолжил его Ральфу Фитц-Гилберту; госпожа Констанция одолжила его у своего господина, которого горячо любила. Жеффри Гаймар переписал эту книгу и добавил к ней то, о чем валлийцы умолчали, ибо еще раньше он получил, законно ли, незаконно, хорошую книгу из Оксфорда, которая принадлежала архидьякону Вальтеру, и с ее помощью весьма улучшил свою книгу. Также и с помощью «Винчестерской истории» он весьма улучшил это сочинение – некоей английской книги из Уошингборо, в которой он нашел записи о королях и обо всех императорах, правивших Римом и собиравших дань с Англии; о королях, которые держали от них [землю], об их жизни и деяниях, о том, что с ними приключалось, и об их свершениях; о том, как каждый из них правил страной, кто из них любил мир, а кто – войну. Обо всем этом и о многом другом сможет узнать тот, кто заглянет в эту книгу. А если кто не верит тому, что я говорю, пусть спросит у Николаса де Трайи»³⁶.

Этот примечательный текст неоднократно анализировался исследователями, в особенности И. Шортом и П. Долтоном³⁷. Несколько моментов в нем не вызывают сомнений. Гаймар, по собственному утверждению, пользовался источниками на трех языках: английском, старофранцузском (романском) и латыни. Одним из важных источников для него послужили «Деяния бриттов» Гальфрида Монмутского, имени которого Гаймар однако не называет. Эту книгу Гаймар получил через нескольких посредников: свою покровительницу и заказчицу сочине-

---

³⁶ *Geffrei Gaimar. Estoire des Engleis...* P. 348–350 (vv. 6441–6483).

³⁷ *Short I. Gaimar's Epilogue and Geoffrey of Monmouth's Liber vetustissims // Speculum. 1994. Vol. 69. P. 323–343; Dalton P. The Date of Geoffrey Gaimar's Estoire des Engleis, the Connections of His Patrons, and the Politics of Stephen's Reign // The Chaucer Review. 2007. Vol. 42. P. 23–47.*

ния Констанцию; ее мужа, линкольнширского барона Ральфа Фитц-Гилберта; йоркширского барона Вальтера Эспека, центром владений которого было поместье Хелмсли; графа Роберта Глостерского, одного из адресатов сочинения Гальфрида. Полученное таким сложным путем сочинение Гаймар сравнил с некоей «хорошей книгой из Оксфорда, принадлежавшей архидьякону Вальтеру», которая до сих пор ставит в тупик исследователей. В ней видят и возможный источник труда Гальфрида, и список так называемой Первой версии-варианта «Деяний бриттов». Анализ осложняется тем, что часть сочинения Гаймара, посвященная бриттским королям, не сохранилась, поэтому о ее содержании сложно сказать что-то определенное. Непросто идентифицировать и английские источники Гаймара. Не вполне ясно даже, говорит он об одном или двух текстах. Интерпретация зависит от того, понимать ли выражение «Винчестерская история» (*l'estorie de Wincestre*) как название «английской книги из Уошингборо» (*de Wassingburc un livre engleis*) или как отдельного от нее сочинения³⁸. Ясно, что речь идет об одной или двух версиях «Англосаксонской хроники», притом отличающихся от сохранившихся ее манускриптов. Нет свидетельств, что какой-либо из списков хроники хранился в Уошингборо, маноре в Линкольншире, который во времена Гаймара держал Конан, герцог Бретани. Сложно удовлетворительно объяснить и содержащуюся в конце этого фрагмента ссылку на Николая де Трайи, племянника Вальтера Эспека и каноника Йоркского собора в 40–70-е гг. XII в. Вполне возможно, что для современников Гаймара, его предполагаемой аудитории, этот рассказ был куда более понятен. Но нельзя исключить, думается, и другую версию, что Гаймар не достоверно сообщал о своих источниках, а нагромождал имена и названия, стремясь придать большую авторитетность собственному труду. В частности, указание на загадочную «хорошую книгу» архидьякона Вальтера Гаймар мог просто заимствовать у Гальфрида Монмутского, который тоже позиционировал себя

---

³⁸ Мой перевод, приведенный выше, основан на первой интерпретации, которая представляется более предпочтительной грамматически.

как переводчика. По его словам, оксфордский архидьякон Вальтер, «муж искусный в ораторском искусстве и сведущий в диковинных историях», привез «из Британии» некую старинную книгу, написанную «британским языком» и рассказывающую обо всех бриттских королях от Брута до Кадваладра. По просьбе Вальтера Гальфрид перевел эту книгу на латынь «грубым стилем»³⁹. Ссылки на переводной характер труда появляются в дальнейшем еще дважды: в начале заключительной 11-й части и в конце сочинения, где Гальфрид обратился к своим современникам, Вильгельму Мальмсберийскому и Генриху Хантингдонскому, запрещая им писать о королях бриттов, поскольку они не знакомы с источником, которым пользовался Гальфрид⁴⁰.

Современные исследователи единодушны во мнении, что эта «старинная книга» представляет собой плод воображения Гальфрида, как и большинство сведений из его труда. Он переработал в единый нарратив материал из целого ряда источников, включая сочинения Вергилия, Гильды, Беды Достопочтенного, Библию (в особенности Книги Царств и Книги Маккавеев), приписываемую Неннию «Историю бриттов», валлийские генеалогии, французские *chansons de geste*. Более того, сам мотив найденного и переведенного аутентичного источника Гальфрид заимствовал из позднеантичного романа «О разрушении Трои». Это сочинение его неизвестный автор представил как сделанный римским писателем I в. до н. э. Корнелием

---

³⁹ «optulit Walterus Oxenefordensis archidiaconus, uir in oratoria arte atque in exoticis hystoriis eruditus, quendam Britannici sermonis librum uetustissimum qui a Bruto primo rege Britonum usque ad Cadualadrum filium Caduallonis actus omnium continue et ex ordine perpulcris orationibus proponebat. Rogatu itaque illius ductus, tametsi infra alienos ortulos falerata uerba non collegerim, agresti tamen stilo propriisque calamis contentus codicem illum in Latinum sermonem transferre curauim». *Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain. An Edition and Translation of De gestis Britonum* / Ed. M. Reeve, transl. N. Wright. Woodbridge, 2009. P. 5.

⁴⁰ Ibid. P. 249, 281.

Непотом перевод с греческого книги участника Троянской войны Дарета Фригийского⁴¹. При этом английский писатель пошел дальше своего античного предшественника, прибегая к приему мнимых переводов несколько раз и внутри текста. Так, Гальфрид сообщает читателю о составленных королем Дунваллоном Мольмуцием законах, которые якобы перевел с бриттского на латынь Гильда Премудрый, а потом с латыни на английский – король Альфред Великий⁴². В другом месте он упоминает столь же фантастические законы Маркии, жены короля Гвителина, которые перевел – не уточняется, с какого языка – тот же король Альфред и назвал по-английски *Merchenelage*⁴³. В данном случае Гальфрид придумал фантастическую этимологию для реально существовавшего в его время юридического понятия – «Мерсийского закона», который в некоторых правовых трактатах XII в. рассматривался как одна из трех «юридических провинций» Англии, наряду с «Уэссекским законом» и «Датским законом»⁴⁴. Есть основания предполагать, что Гальфрид даже пытался развить тему с предполагаемым источником своего сочинения. В одном очень раннем списке «Деяний бриттов» им предпослан уникальный заголовок: «[Книга] Гальфрида Монмутского о деяниях бриттов согласно сочинению Каратона»⁴⁵. По-видимому, создатель этого

---

⁴¹ *Smith J. B. Introduction and Biography // A Companion to Geoffrey of Monmouth / Ed. G. Henley, J. B. Smith. Leiden; Boston, 2020. P. 21–24.*

⁴² *Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain. P. 53: «Molmutinas leges, quas Gildas hystoricus de Britanico in Latinum, rex uero Aluredus de Latino in Anglicum sermonem transtulit».*

⁴³ *Ibid. P. 61: «...inuenit legem quam Britones Marcianam appellauerunt. Hanc etiam rex Aluredus inter cetera transtulit et Saxonica lingua Merchenelage uocauit».*

⁴⁴ См. например *Leges Henrici primi / Ed. L. J. Downer. Oxford, 1972. P. 96.*

⁴⁵ *Gaufridi Monemutensis de gestis Britonum secundum Caratonum editio (Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain. P. 3).* Рукопись ныне хранится в Оксфорде: Bodleian Library, MS. Rawlinson C. 152 (S. C. 12016). Она была создана в середине или 2-й половине XII в. где-то в Англии и, возможно, представляет собой прямую копию с оригинала.

заголовка, будь то сам Гальфрид или какой-то позднейший редактор, планировал продолжение мистификации, решив указать на некоего Каратона⁴⁶ как на автора «старинной книги» о британских королях. Однако по неизвестным причинам эта идея не получила развития.

Сочинение Гальфрида Монмутского быстро получило широкую известность. Одним из следствий этого стала еще большая популярность мнимого перевода как литературного приема. Наиболее яркий подобный пример встречается в «Мученичестве святого Альбана», написанном в 70-е гг. XII в. Вильгельмом, монахом аббатства Сент-Олбанс⁴⁷. По собственному утверждению, Вильгельм переводил текст – несохранившийся и, очевидно, вымышленный, который написал некий англичанин, живший еще до распространения христианства в Британии, т. е. в V или VI в. Несмотря на то, что его соотечественники еще пребывали во тьме языческих суеверий, он каким-то образом сумел познакомиться с истинной христианской верой. Оказавшись среди развалин римского города Веруламий, на месте которого позднее возник Сент-Олбанс, этот англичанин якобы обнаружил там эпиграфические надписи, описывающие историю святого Альбана и его товарищей. Он смог их разобрать и записать, благодаря чему рассказ о мученическом подвиге Альбана был сохранен для потомков. Здесь, таким образом, мы имеем дело уже с целой серией «вставных рассказов» в духе барочного романа. Вильгельм безусловно знал сочинение Гальфрида Монмутского, поскольку явно ссылаясь на него в прологе, причем как на перевод с британского языка на латынь⁴⁸. Таким образом, «Мученичество святого Альбана» можно рассматривать, как подражание или литературный оммаж «Деяниям бриттов».

нала окончательной редакции «Деяний бриттов».

⁴⁶ Возможно, искаженное валлийское имя Карадок, которое в XII в. встречается в латинских формах Caratocus и Carantocus.

⁴⁷ Acta sanctorum Iunii. T. 3. Antverpiae, 1707. P. 149–159.

⁴⁸ Ibid. P. 149: «historia, quam Gaufridus Arturus de Britannico in Latinum se uertisse testator».

Примеры можно было бы продолжать, но, думаю, и приведенных достаточно, чтобы обосновать вывод о важности переводов в английском историописании «долгого XII века». Сложившаяся в Англии после Нормандского завоевания языковая ситуация делала их необходимым элементом сохранения и актуализации знаний о прошлом. При этом перевод был не только чисто лингвистической операцией, он предполагал и определенное изменение содержания источника, его адаптацию под запросы новой аудитории. В этих условиях позиционирование себя как переводчика стало привычной и эффективной авторской стратегией, позволяло претендовать на высокую достоверность и авторитетность своего труда. В результате, с середины XII в. достаточно широкое распространение получил мнимый перевод как литературный прием. Классическим его примером стали «Деяния бриттов» Гальфрида Монмутского, оказавшие заметное влияние на позднейшую традицию.

*Андрей Джолинародович Щеглов,
Институт всеобщей истории РАН*

РАБОТА НАД ПЕРЕВОДОМ «ШВЕДСКОЙ ХРОНИКИ» ОЛАУСА ПЕТРИ

Вступление

В моей работе историка-медиевиста перевод источников и исследовательская деятельность постоянно дополняли друг друга. Моей первой книгой стал опубликованный в 2002 г. перевод рифмованной «Хроники Энгельбректа» (XVI в.) – важнейшего источника по истории восстания Энгельбректа Энгельбректссона, одного из ключевых событий средневековой шведской истории¹. Спустя несколько лет я выступил в роли составителя, редактора и одного из участников сборника «Швеция и шведы в средневековых источниках»². В дальнейшем я еще не раз выступал в роли переводчика средневековых шведских памятников. Важнейшей из работ такого рода стал перевод «Шведской хроники», написанной в XVI в. реформатором, богословом и историком Олаусом Петри на раннем новошведском языке³.

Олаус Петри: вехи жизни и история создания хроники

Олаус Петри (Улоф Петерсон), или, как его иногда называют, «местер Улоф» – шведский реформатор, религиозный просветитель, историк. Одно из наиболее значительных его произведений – «Шведская хроника», которая охватывает историю Швеции с древнейших времен до начала XVI в.

---

¹ Хроника Энгельбректа / Пер., послесловие, комм. А. Д. Щеглова, [Отв. ред. А. А. Сванидзе]. М., 2002.

² Швеция и шведы в средневековых источниках / Пер., послесловия, комм. А. Д. Щеглова, В. В. Рыбакова, А. Ю. Кузиной [Сост., отв. ред. А. Д. Щеглов]. М., 2007.

³ *Олаус Петри. Шведская хроника* / Пер., послесловие, комм. А. Д. Щеглова, [Отв. ред. А. А. Сванидзе]. М., 2012.

Олаус⁴ родился около 1493 г. в небольшом шведском городе Эребру. Окончив школу, поступил в Уппсальский университет, затем уехал в Германию – в Лейпциг, а затем в Виттенберг, где стал студентом. В 1517 г. получил степень бакалавра, в 1518 стал магистром. В Германии Олаус проникся идеями Лютера, стал его сторонником.

В 1519 г. Олаус вернулся на родину. Вторая половина 20-х гг. XVI в. стала временем успехов шведской Реформации. На всеобщем собрании – риксдаге 1527 г. были приняты резолюции о редукации церковных владений. Согласно этим резолюциям, владения, ранее пожертвованные церкви короной и дворянами, надлежало возвратить короне и наследникам владельцев⁵. Реформы были выгодны королю Густаву Васе, которому немало помог Олаус Петри.

Олаус Петри стал секретарем короля; брат «местера Улофа» Лаврентиус Петри был избран Уппсальским архиепископом. Но вскоре выяснилось, что Олаус Петри и Густав Ваза вместе работать не смогут: у «местера Улофа» – человека идей и убеждений не могло не возникнуть противоречий с расчетливым королем-прагматиком. Монарх уволил Олауса. В 1539 г. Олаус Петри опубликовал сочинение о кощунственных клятвах, в которых упоминалось имя Бога⁶. Там говорилось: властям нужно наказывать богохульников. Но нынешние правители сами кощунствуют больше всех... Указанный труд возмутил Густава Васу. Король объявил: это призыв к

---

⁴ Поскольку имена типа: Петри, Андреэ и т.д. в Швеции первой половины XVI в. являлись не фамилиями, а латинизированными формами патронимов, употребление сокращений типа «Петри», «О. Петри» нежелательно. Специалисты в таких случаях для краткости приводят первое имя.

⁵ Подробно о резолюциях Вестеросского риксдага 1527 г. рассказано в монографиях автора: *Щеглов А. Д.* Вестеросский риксдаг 1527 года и начало Реформации в Швеции. М., 2008; *Щеглов А. Д.* Реформация в Швеции: события, деятели, документы. М., 2017.

⁶ *Olaus Petri. Samlade skrifter.* Uppsala, 1917. Bd. IV (далее OPPS IV). S. 373–394.

мятежу, а не христианское поучение. Кроме того, монарх ознакомился с «Шведской хроникой» «местера Улофа» и обнаружил нежелательные мысли. В конце 1539 г. состоялся суд. Было зачтено обвинение: в проповедях и хронике «местера Улофа» содержатся призывы к мятежу. Суд приговорил Олауса к смертной казни. «Местер Улоф» обратился с просьбой о помиловании. Ходатайство было удовлетворено.

Опала оказалась недолгой. В 1541 г. Олаус получил от короля письмо. Там говорилось, что король желает, чтобы «местер Улоф» написал историю деяний монарха. В хронике должно быть описано, как король освободил Швецию, какие лишения перенес, как боролся с врагами⁷.

Олаус Петри умер 19 апреля 1552 г. Спустя небольшое время Густав Ваза вновь прочел рукопись «Шведской хроники» – и пришел в ужас. Король обвинил Олауса в клевете в отношении шведов и в сочувствии к врагам своей страны. Монарх приказал конфисковать списки хроники и запретил ее печатать. Тем не менее хроника распространялась в списках и обрела известность.

Исследования «Шведской хроники» как исторического произведения

Научное изучение хроники Олауса Петри началось в конце XVIII в. Л. Ф. Гинеман де Керальо – французский исследователь, изучавший шведские рукописи, хранившиеся в Париже, в Королевской библиотеке. Среди этих рукописей оказался список «Шведской хроники». Керальо оценил достоинства указанной хроники: стремление к объективности, отказ от ура-патриотизма⁸. Затем несколько работ, посвященных «Шведской хронике», создали шведские историки. В конце XIX в. Л. Ставенон констатировал, что хроника Олауса Петри объективна, толерантна⁹. По Г. Лёву, новое, что отличало

---

⁷ *Scriptores rerum svecicarum medii aevi* / Ed. E. M. Fant. Uppsala, 1828. Т. II [Sectio posterior]. P. 151–152.

⁸ *Keralio [L. F. G.]*. Notice d'un manuscrit suédois de la bibliothèque du roi. Paris, 1787.

⁹ *Stavenow L.* Olaus Petri som historieskrivare. Göteborg, 1898.

хронику Олауса Петри от более ранних шведских хроник, заключалось в убеждении: историк должен стремиться к беспристрастности и истине. Лёв высоко оценил язык и стиль «Шведской хроники»¹⁰.

Г. Вестин показал: в отношении методов, хронику можно разделить на две части. Первая, посвященная раннесредневековой истории, основана на труде более раннего хрониста – Эрикуса Олаи. Но и в этой части Олаус пользовался другими материалами, констатировал совпадение сведений, выявлял противоречия и пытался восстановить вероятную картину событий¹¹.

Далее, повествуя о событиях XII – начала XVI в., Олаус использовал многочисленные и разнообразные источники¹². Вестин показал, что хронику обогатил документальный материал: постановления королей и государственного совета, договоры, письма. С ними Олаус, вероятно, ознакомился в архивах соборных капитулов, архиве Стокгольмского городского совета, канцелярии Густава Васы¹³.

Из более поздних работ, посвященных хронике Олауса Петри, важнейшим является исследование У. Ферма. Ферм анализирует эпизод «Шведской хроники», в котором говорится о правлении Магнуса Эрикссона и о критике этого короля святой Биргиттой, и делает вывод, что «Шведская хроника» относится к жанру т.н. прагматической истории¹⁴.

Публикации и источниковедческие исследования

Первое издание хроники вышло в свет в 1818 г.¹⁵ На более высоком уровне было выполнено следующее издание, которое

---

¹⁰ Löw G. Sveriges forntid i svensk historieskrivng. Uppsala, 1908. S. 41–50.

¹¹ Westin G. T. Historieskrivaren Olaus Petri. Lund, 1946. S. 15–26.

¹² Westin G. T. Historieskrivaren Olaus Petri. S. 26–48.

¹³ Westin G. T. Historieskrivaren Olaus Petri. S. 203–239, 306–325.

¹⁴ Ferm O. Olaus Petri och Heliga Birgitta. Synpunkter på ett nytt sätt att skriva historia i 1500-talets Sverige. Stockholm, 2007.

¹⁵ Scriptorum rerum Suecicarum medii aevi / Ed. E. M. Fant et al. Uppsala, 1818. Vol. I. S. 216–348.

в 1860 г. осуществил библиограф Г. Э. Клемминг¹⁶. Исследовав рукописи, Клемминг предположил: наиболее важным является список D 407, хранящийся в Королевской библиотеке (Стокгольм). Он содержит текст, который, уже после переписки набело, подвергся правке. Клемминг высказал мнение, что список выполнен и отредактирован по заказу автора и под его контролем. Клемминг обратил внимание на еще один список – Codex Sernsköldianus¹⁷. Сравнение списков навело Клемминга на мысль, что Codex Sernsköldianus содержит более раннюю редакцию хроники.

Последующие находки и гипотезы были связаны с публикацией хроники, которую осуществил Й. Сальгрен¹⁸. Он констатировал, что список в кодексе D 407 составлен не одним писцом, а двумя. Затем в дискуссию вступил Л. Шёдин¹⁹. Его вывод таков: хроника существует в двух редакциях – краткой и пространной. Несколько отличались выводы Э. Лундмарка, который предположил, что существует не 2, а 5 редакций хроники²⁰.

Язык и стиль «Шведской хроники»

Олаус Петри предназначал свою хронику для шведов, причем в значительной степени – для обычных, не относящихся к интеллектуальной элите²¹. Во многом с этим связаны стилистиче-

---

¹⁶ Olai Petri Svenska krönika / Utg. G. E. Klemming. Stockholm, 1860.

¹⁷ Ныне – в Вестеросской городской библиотеке.

¹⁸ En Swensk krönika af Olaus Petri / Utg. J. Sahlgren. Uppsala, 1917. Издание было воспроизведено в собрании сочинений Олауса Петри: OPPS IV. S. 1–298.

¹⁹ *Sjödin L.* Tillkomsten av Olaus Petri Krönika // Historisk tidskrift. Stockholm, 1921. Vol. 41. S. 48–68.

²⁰ *Lundmark E.* Redaktionerna av Olavus Petris svenska krönika // Vetenskaps-Societetens i Lund Årsbok. Stockholm, 1940. S. 13–76.

²¹ См. высказывания хрониста: «Наши шведские хроники, как правило, в числе прочего разъясняют, что за страна – Швеция. Мне же это показалось ненужным, ведь данный труд предназначен для тех, кто живет в этой стране...» (*Олаус Петри.* Шведская хроника. С. 15); «И поскольку данная хроника написана ради простых людей...» (Там же).

ские особенности произведения. В основном, язык «Шведской хроники» – это живой разговорный язык, меткий и выразительный. Соответственно, переводчик указанного произведения в свою очередь должен употреблять органичный и естественный язык. Характерные черты языка «Шведской хроники» уместно проиллюстрировать следующим отрывком, где говорится о борьбе за власть в Швеции середины XV века:

«Король Карл²² убедился: от архиепископа²³ дружбы ждать нечего – он только и думает, как навредить. Тогда и король, в свою очередь, начал рассылать по стране обращения и вести переговоры с бондами²⁴, горько сетуя: архиепископ, мол, хочет возвести на шведский престол короля Кристиана²⁵, как он это однажды уже сделал, к неимоверному ущербу для королевства. И чтобы еще больше расположить к себе народ, король пообещал всем ландбу²⁶ уменьшить вдвое арендную плату, а всем налогообязанным бондам сократить налоги. Жителям Хельсингланда²⁷ и Даларны²⁸ он скостил значительную часть налогов. Так народ получал послание за посланием: то от короля, то от архиепископа, и кому хочешь, тому верь; и обе стороны жаловались, что послания не доходят до людей. Архиепископ запретил священникам читать крестьянам письма короля Карла и учредил наказание: кто будет читать эти письма, тот лишится всего имущества и потеряет приход. В свою очередь, запрет наложил и король Карл: если какой-либо священник не станет читать его письма или будет уличен в том, что читал письма архиепископа, тот будет при-

---

²² Карл Кнутссон (Карл VIII), король Швеции (1448–1457, 1464–1465, 1467–1470).

²³ Йенс Бенгтссон (лат. Иоханнес Бенедикти) из рода Оксеншерна, архиепископ Уппсальский, один из лидеров шведской аристократии.

²⁴ Свободными крестьянами, платящими налог в пользу короны.

²⁵ Кристиан I, король Дании (1448–1481), Норвегии (1450–1481) и Швеции (1457–1464).

²⁶ Крестьянам-арендаторам.

²⁷ Область на северо-востоке Швеции.

²⁸ Область на западе Швеции.

числен к изменникам и понесет надлежащую кару. В общем, прижали клириков с обеих сторон»²⁹.

В то же время, в ряде случаев Олаус использует более торжественный стиль. Это особенно характерно для предисловия, где Олаус рассуждает о целях хрониста – пользе для потомков, правдивости и беспристрастности. В этих случаях Олаус пользуется широким спектром ораторских приемов: риторические повторы, параллелизмы, плеоназмы, аллитерации, антитезы. Вот образец подобного стиля в «Шведской хронике»:

«Наши шведские хроники воздают шведам великую хвалу за то, что готы, которые, по мнению хронистов, вышли из пределов Швеции, столь много совершили в чужих землях. Но если рассудить по совести, в этих деяниях мало **чести**. Нет особой **чести** в том, чтобы творить **насилие и произвол** в землях других народов (которые не причинили нам никакого зла), **резать и жечь, убивать и грабить** тех, кто хотел бы

---

²⁹ «När konung Karl förnam at Erchebispen wille til inghen wenskap, vtan gick alt effter hans skadha och förderff, begynte och han haffua vth sin breff och bodh i landet, och lät dagtinga med bönderna, och beklagadhe högeligha på Erchebispen, at han wille dragha konung Christiern her in i landet i gen, som han tilförenne giordt hade, rikit til en dråpligh skadha, Och på thet konunghen kunde haffua almoghen sigh teste weluilioghare, loffuade han sigh wilia giffua alla landboor halffparten aff theris affrad til, och skattebönderna loffuade han at han wille giöra itt affslagh på theres skatt, Med Helsingar och Dalekarlar slogh han en stoor deel aff skatten. Så gingo thå breff offuer breff ibland almoghan, på then ene sidhonne konungens, på then andra Erchebispens, och thet ena twert emooth thet andra, och bådhä parternar clagadhe ther offuer at theres breff wordo vndertrycht, Erchebispen förbödh presterna läsa konung Karls breff för bönderna, och ladhe thet wijte widh, at huilken som laas hans breff, han skulle mista allt thet han åtte, och driffuas ifrå sitt geld, Thet samma bodhet lät och konung Karl vthgå, at huilkin prest som hans breff icke läasa wille, eller war befunnen ther medt at han laas erchebispens breff, han skulle reknas för en förrådhare, och straffas ther effter, Så stodh thå Clerekerijt ganska illa på bådhä sijdhor...». OPSS IV. S. 212.

жить в мире. Для нас было бы большей **честью**, если бы наши предки всегда являлись **миролюбивыми и кроткими**, жили тихо, довольствовались тем, что им дал Бог, а не **грабили и истребляли** других»³⁰.

Наконец, еще одной особенностью стиля «Шведской хроники» является употребление пословиц, поговорок и идиоматических выражений. Эта черта присутствует и в другом знаменитом произведении Олауса Петри – «Правилах для судей» (Domaregler) – выдающемся памятнике шведской юридической мысли.

Поиск эквивалентов

Поставленная задача – комментированный перевод «Шведской хроники» Олауса Петри – во многих отношениях являлась беспрецедентной. «Шведская хроника» ранее не переводилась на современные языки, включая современный шведский³¹; мне довелось выступить в роли первопроходца.

---

³⁰ *Олаус Петри*. Шведская хроника. С. 11–12. «Woro Swenska Cröneker, läggia Swenska män ena stora äro til, ther aff, at the Göthar, som epter theres mening här wthgongne äre, haffua så mykit bedriffuit i främande land, Men när wij sakena rätt besinna wilie, är ther med **fögho ära** inlagd, Man **legger** jw **fögho äro ther in** ther med, at man faar med **öffuerwold och orätt**, i annars land som oss intit ondt giordt haffua, **skinnar och brenner, dräper och förheriar**, them som gerna wille sittia med fridh, Thet wore oss mykit större **ära** at woro förfädher hade altijdh warit **fridhsame och sachtmodughe**, sittit stilla, warit till fridz med thet gudh them giffitit hade, och icke **röffuat och skinnat** andra...». OPSS IV. S. 9–10. Указанный отрывок несет на себе отпечаток ренессансного гуманистического мировоззрения. Наряду с некоторыми другими эпизодами «Шведской хроники», он позволяет предположить, что «Шведская хроника» испытала влияние идей Эразма Роттердамского. См. работу автора на указанную тему: *Scheglov A.* “Then fridh man fåår vtan örligh...” Tankar om krig och fred i Olaus Petris verk En svensk krönika // *Historisk tidskrift*. Stockholm, 2019. Vol. 139. S. 553–566.

³¹ Отчасти это связано с тем, что язык Олауса Петри во многих случаях понятен шведам и в наше время. Вместе с тем, подчас он труден даже для носителей языка; перевод «Шведской хроники» на

Кроме того, в наиболее качественных изданиях «Шведской хроники», осуществленных высококвалифицированными специалистами – Г. Э. Клеммингом и Й. Сальгреном отсутствуют комментарии. В первом издании хроники комментарии имеются, но являются слишком краткими и неполными; к тому же они существенно устарели. Передо мной встала задача самостоятельно исследовать текст и написать собственные комментарии.

Исследование текста и работа над комментариями помогли, помимо прочего, правильно интерпретировать текст, что было особенно важно ввиду ошибок и разночтений в списках и отсутствия автографа.

К каким способам я прибегал, чтобы правильно интерпретировать трудные места? На некоторые вопросы удалось ответить при помощи многотомного словаря шведского языка – «Svenska Akademiens ordbok». Однако не все спорные моменты удавалось разрешить подобным образом. На протяжении интересующего меня периода – первой половины XVI в. – текстов на шведском языке было создано сравнительно немного. Ученые, составившие словарь, черпали свои познания из тех же источников, что и я – в частности, из трудов Олауса Петри. Соответственно, эти специалисты сталкивались с теми же проблемами, что и я; часть их заключений носит гипотетический характер.

Определенную пользу принес опыт работы над исследованием и переводом более ранних шведских источников, написанных на среднешведском (позднем древнешведском) языке, а также работа с фундаментальным словарем древнешведского языка, созданным Х. Сёдервалем и дополненным последую-

---

современный шведский – по-своему сложная задача. Для научной работы специалисты используют ранненовошведский текст хроники. В широких читательских кругах современной Швеции «Шведская хроника», несмотря на научную и культурную ценность, мало востребована (исключение составляют аспиранты и студенты, изучающие отрывки из «Шведской хроники» как учебные тексты по истории шведского языка и шведской литературы).

щими специалистами. Наиболее поздние письменные памятники, использованные при составлении указанного словаря, относятся к началу XVI в., и таким образом, в ряде случаев их лексика в той или иной степени близка лексике Олауса Петри.

Полезным оказался и ретроспективный метод. По ходу работы над переводом я сравнивал язык Олауса Петри с современным шведским языком, что помогло правильно интерпретировать текст. При этом, однако, требовалось проявлять осторожность, поскольку в ряде случаев значение терминов, употребленных Олаусом Петри, отличается от современного значения. Так, термин «*rättelse*» в хронике Олауса Петри означает не «исправление» или «уточнение», как в современном шведском языке, а «поучение», «мораль». Кроме того, некоторые конструкции, использованные Олаусом Петри, сами по себе трудны для понимания. Поэтому важно было понять хронику «изнутри», изучив ее язык в процессе работы над переводом.

Как переводчик я извлек немало пользы из исследования рукописей «Шведской хроники», хранящихся в Королевской библиотеке (Стокгольм), библиотеке Уппсальского университета, Государственном архиве Швеции и Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург). Работа с рукописями повлияла на перевод в двух отношениях. В одних случаях исследование рукописей непосредственно помогло понять трудное место. В других случаях обращение к манускриптам не позволило немедленно найти оптимальный перевод, но расширило мои знания и привело к интересным идеям.

Вот пример, иллюстрирующий первый из перечисленных моментов. В «Шведской хронике» Олаус Петри объясняет, что шведская монета изначально имела высокое содержание серебра, а позже, по мере того, как в монету стали добавлять медь, возникла разница между старой и новой монетой:

«*Så med tijdhen begynte förwerras ok settes kopar ther til med, Och bleeff så åtskild at i myntet [...]* (Со временем монету начали портить, добавляя медь. И монета стала настолько

[различаться]...)»³²».

Формулировка «åtskild at», употребленная в рукописи D 407 (Королевская библиотека, Стокгольм), использованной издателями хроники, представляет собой бессмысленное в данном контексте сочетание страдательного причастия и союза³³. В других рукописях приведен правильный вариант: «och blev så åtskilnad i myntet» («и монета стала настолько различаться...»). В моем переводе я основываюсь на указанном варианте.

Второй момент можно проиллюстрировать следующим образом. Повествуя о событиях, предшествующих Стокгольмской кровавой бане, Олаус рассказывает об истории взаимоотношений между регентом Швеции Стеном Стуре Младшим (1512–1520) и архиепископом Густавом Тролле. Согласно манускрипту D 407, хроника сообщает: когда новоизбранный архиепископ получил утверждение от папы, регент поспешно (*hasteliga*) начал готовить встречу. Однако в некоторых манускриптах приведен другой вариант: не *hasteliga*, а *kosteliga*. Смысл, таким образом, иной: регент начал готовить *пышную* встречу. Указанный вариант является более логичным, чем вариант, содержащийся в D 407. Тем не менее, мы не знаем, какой из вариантов является правильным. Я исхожу в своем переводе из варианта D 407 и отмечаю разночтения в комментариях.

Работая над переводом, я извлек существенную пользу из знания исторического контекста. Вот один из примеров. Олаус Петри упоминает Эрика Пуке – лидера шведского восстания против Эрика Померанского, короля Дании, Швеции и Норвегии. Олаус называет Пуке «en mechta hielte» – буквально: «великий герой»³⁴. Однако буквальный перевод в данном случае звучал бы несколько странно. Он вряд ли подходил бы Эрику Пуке – дворянину-мятежнику, смельчаку и рубаче, но

---

³² Олаус Петри. Шведская хроника. С. 33.

³³ См. также статью автора: *Scheglov A. Olaus Petris skrift En svensk krönika: Handskrifterna i Rysslands nationalbibliotek // Samlaren: Tidskrift för forskning om svensk och annan nordisk litteratur. Vol. 140. Stockholm, 2019. S. 310, 313.*

³⁴ OPSS IV. S. 151.

отнодью не идеальному герою. Мой перевод таков: «смельчак, каких мало».

При переводе важно чувствовать интонацию автора, передавать оттенки речи. Так, иногда Олаус прибегает к иронии. Вот пример: рассказывая о шведском короле Магнусе Эрикссоне (1319–1364), Олаус упоминает об одном из откровений Святой Биргитты – аристократки, подвижницы, основательницы биргиттинского монашеского ордена. Биргитта от имени Девы Марии порицала Магнуса Эрикссона и утверждала, что Богородица призвала членов Государственного совета поднять восстание, если король не исправится. Олаус иронически замечает:

«Men thet är nogh befructandes at then Jungfru Maria som S: Birgitta haffuer skutet vppå, haffuer icke warit then **sanskylligha**, effter thet hon wille vpuECKIA tuist och tuedregt...»³⁵.

Меткое разговорное словечко «sanskylligha», употребленное хронистом, отлично передается русским словом «всамделишная»:

«Но весьма похоже, что Дева Мария, на которую ссылалась Святая Биргитта, была не **всамделишная**, коли она пыталась посеять раздор и смуту»³⁶.

Вообще, рассказ о Магнусе Эрикссоне – один из интереснейших эпизодов «Шведской хроники». Работая над переводом этого рассказа, я произвел солидную исследовательскую работу: сверял варианты, присутствующие в рукописях, изучал научную литературу о Магнусе Эрикссоне и его эпохе, знакомился с дополнительными источниками – хрониками, памфлетами, дипломами, откровениями Биргитты. Все это, в числе прочего, позволило усовершенствовать перевод. Особенно интересно одно из сложных мест, правильный перевод которого был установлен мной при подготовке второго издания хроники, в данное время находящегося в печати. Продолжая рассуждать об откровениях Святой Биргитты, Олаус делает заключение, которое в первом варианте моего перевода выглядит так:

---

³⁵ OPSS IV. S. 115.

³⁶ Олаус Петри. Шведская хроника. С. 91.

«Значит, не все справедливо в тех обвинениях, которые возводились на короля Магнуса; и чем больше видишь, как старалась по этой части Святая Биргитта, тем больше возникает сомнений. Ведь некоторые пишут, да и сама Святая Биргитта признает, что он прилежно ходил в церковь, читал духовные книги, постился; из благочестивых соображений по долгу воздерживался от сожительства с супругой, на что та поначалу сама дала добро, и **все-таки** низко пал».

Словосочетанием «все-таки» я стремился передать ранне-новошведское словосочетание «*ther offuer*» – «сверх того», «вдобавок». Именно такие эквиваленты предлагали фундаментальные словари раннего новошведского и древнешведского языков. И все же в дальнейшем я установил более точный смысл. Подсказка нашлась в немецком языке: аналогичный термин – «*darüber*» – означает там не только «сверх того» и «вдобавок», но еще и «посредством этого», «из-за этого». И в данном случае дело не только в том, что немецкий язык оказал значительное влияние на язык Олауса Петри и других шведских реформаторов, но еще и в том, что упомянутый вариант перевода сам по себе логичен и отлично передает идею, содержащуюся в обсуждаемом источнике – откровениях Святой Биргитты. По мысли Биргитты, именно длительное воздержание Магнуса Эрикссона от супружеских отношений, поначалу вызванное благочестивыми побуждениями, в итоге привело к распутству короля³⁷. Мой перевод отрывка хроники стал выглядеть следующим образом:

«Значит, не все справедливо в тех обвинениях, которые возводились на короля Магнуса; и чем больше видишь, как старалась по этой части Святая Биргитта, тем больше возникает сомнений. Ведь некоторые пишут, да и сама Святая Биргитта признает, что он прилежно ходил в церковь, читал духовные книги, постился; из благочестивых соображений по долгу воздерживался от сожительства с супругой, на что та

---

³⁷ Об этом говорится в одном из откровений Святой Биргитты (Кн. VIII, гл. II). См., например, следующее издание: Heliga Birgittas uppenbarelser / Utg. G. E. Klemming. Stockholm, 1861. Bd. III. S. 318–319.

поначалу сама дала добро, и **именно из-за этого** низко пал».

Вот еще один случай, когда поиск русского эквивалента потребовал особенно вдумчивой и кропотливой работы. Рассуждая о причинах неудач христианских миссионеров Стафана и Адальварда, проповедовавших в Швеции в XI веке, Олаус приходит к выводу: упомянутым миссионерам не хватило качества, которое хронист именует «beskedligheet». У данного термина имеются разные оттенки: «кротость», «смирение», «вежливость», «учтивость». Я остановился на варианте «смирение»:

«У достойных людей – Стафана и Адельварда были благие намерения, но им не хватало **смирения**: поэтому то, что они своей проповедью воздвигли, вскоре рухнуло. Нужно **смирение**, чтобы проповедовать для неразумных людей и подвигнуть их к исправлению. Идолы следовало сперва изъять из сердца, и лишь затем – с алтаря»³⁸.

Исследуя «Шведскую хронику» и другие произведения Олауса Петри, я пришел к выводу: понятие «beskedligheet» – одно из важнейших в творчестве Олауса. Фактически речь идет о качестве, которое мы сегодня назвали бы толерантностью. Термину «beskedligheet» близко по смыслу латинское слово «comitas», которое употребляет Эразм Роттердамский, рассуждая о терпимости, миролюбии, христианском смирении. Может быть, термин Олауса Петри является попыткой передать указанное латинское понятие, почерпнутое из трудов Эразма.

Репрезентация стиля

Как переводчик «Шведской хроники», я должен был создать текст, который с легкостью могли бы воспринимать российские читатели. Вот любопытный факт: мне существенно помог довольно простой прием. Я разделил хронику на большее число абзацев. Абзацы Олауса Петри, как правило, очень длинные; нередко они охватывают несколько страниц. Разделив такие абзацы на меньшие по объему, я сделал текст более удобным для современного читателя.

---

³⁸ Олаус Петри. Шведская хроника. С. 34.

Другая проблема заключалась в том, чтобы дать читателю представление о стиле автора – особенно, когда речь идет о пассажах с многочисленными параллелизмами и рефренами. Я старался сохранить в переводе риторические фигуры Олауса Петри – но не любой ценой: порой я жертвовал ими ради естественности, гибкости и пластичности русской речи. Позже я с удовлетворением отметил, что подобный подход был применен Н. Я. Галь – признанным мастером – в работе над переводом «Маленького Принца» А. Сент-Экзюпери.

В ряде случаев потребовалось изменить структуру предложения. Порой историки полагают, что перевод исторического текста всегда должен быть буквальным, что не вполне верно. Умелая перестройка фразы может сделать перевод и более ясным, и более точным.

Вот пример, иллюстрирующий приведенную мысль. В предисловии к хронике Олаус замечает: «werlden är altijdh sich sielffuer lijck»³⁹. Буквальный смысл таков: «мир всегда подобен себе». Однако при таком переводе фраза теряет свой идиоматический характер. Я нашел подходящий русский эквивалент: «мир не меняется».

Вот еще несколько примеров. В заключительной части хроники Олаус описывает переговоры между архиепископом Якобом Ульфссоном и шведскими крестьянами. Архиепископ хотел, чтобы крестьяне избрали герра Эрика Тролле (шведского рыцаря, аристократа из т.н. «скандинавского», шведско-датского рода) регентом Швеции, но крестьяне отказались, заявив, что у рода Тролле датские корни. Олаус заключает: «Men ingen bättre swar fick Erchebischen ther, än at the sadhe Ney til her Eric Trolle»⁴⁰. Дословно: «Но архиепископ не получил там лучшего ответа, чем их «нет», сказанное герру Эрику Тролле». Буквальный русский перевод выглядит довольно громоздко. Перестроенное предложение, напротив, хорошо звучит по-русски: «Так или иначе, герру Эрику Тролле сказали «нет»: вот и все, чего добился архиепископ на той встрече».

---

³⁹ OPSS IV. S. 3.

⁴⁰ OPSS IV. S. 270.

Описывая Стокгольмскую кровавую баню, Олаус упоминает следующий факт: многие из тех, кто был повешен, прибыли в город верхом. Олаус замечает: «så at vtaff hesten och i galgen, thet ganska gräselighit war»⁴¹. Буквальный русский перевод проигрывает оригиналу в выразительности: «Так, с лошади прямо на виселицу – это было ужасно». Я нашел лучший вариант: «Страшная участь: с лошади – прямо на виселицу».

Приведу пример своей работы с фразеологизмами, употребленными в хронике Олауса Петри. Рассказывая о короле Амунде Мерзком⁴², Олаус приводит традиционную для средневековой историографии историю о том, как король Амунд произвел размежевание границ с Данией, а затем, пожалев, что таким образом утратил область Сконе, попытался вернуть эту область с оружием в руках:

«Men thenne Amund Sleme gick til och läät leggia råmerkie emellen Swerige oc Scåne, och läät så gå bort then rett som Swenske män hade ther til, hwilkit honom på thet sijdzsta begynte storliga ångra at han så dårliga giordt hade, Ther fore wille han thå tagha thet med weriande hand in i gen som han hade så owijsligha lätit gå sich i frå, **Men itt gott spell är snart forseedt, och seent i gen hemtat...**»⁴³.

При буквальном переводе заключительное предложение приведенного отрывка зазвучит по-русски примерно так: «Но хорошая игра быстро приводит к проигрышу и редко завершается реваншем». В более качественном переводе, выполненном близко к тексту, указанное предложение могло бы выглядеть, например, так: «Но азартно играя, быстро проигрываешь и редко отыгрываешься». Все же и в этом случае перевод оказался бы примером буквализма, по сути являлся бы неточным. К счастью, в русском языке имеется поговорка «Играй, да не отыгрывайся», распространенная в повседневной жизни и ши-

---

⁴¹ OPSS IV. S. 296.

⁴² Амунд (также – Эмунд) Мерзкий, он же – Эмунд Старый; в латинских источниках также – Эмунд Наихудший (Emundus Pessimus). Король Швеции, правил в середине XI в.

⁴³ OPSS IV. S. 48.

роко известная в качестве эпитафии к классическому произведению русской литературы – поэме М. Ю. Лермонтова «Тамбовская казначейша». Эта поговорка по смыслу аналогична фразеологизму, употребленному Олаусом Петри. Вышеприведенный отрывок в моем переводе звучит следующим образом:

«Но Амунд Мерзкий распорядился размежевать границу между Швецией и Сконе, и так отказался от прав, которые шведы имели на эти земли.

В конце концов Амунд начал сокрушаться, что так сумасбродно поступил. Потому он решил с оружием в руках отобрать то, что столь глупо утратил. **Но, как говорится, играй, да не отыгрывайся»**⁴⁴.

Еще одна интересная проблема, которую предстояло решить, заключалась в том, чтобы перевести документы, относящиеся к более раннему периоду. Олаус Петри цитирует в своей хронике несколько средневековых источников, язык которых более архаичен, чем язык основного текста хроники. Один из таких документов – средневековый закон о наследстве, оставшемся после священников и епископов:

«Döör Swensker prester, taki barn hans arff och orff, är ey barn til, taki then arff och orff honom är nester och kyni kunnaster, Döör Vtlendzsker prester Ensker eller Dansker, taki biskoper arff och orff, Döör Swensker biscopper, taki barn hans arff och orff, ära ey barn til taki then arff och orff som honom är nester och kyni kunnaster, Döör Vtlendzsker biscopper stondi arff och orff vndir staff och stool [...]»⁴⁵.

В таких случаях заманчивой выглядит идея использовать в переводе архаичный язык. Поначалу я экспериментировал с древнеславянской лексикой: «аще», «чада». Затем отказался от этой идеи и использовал современную русскую лексику:

«Если свейский священник умрет, да получат наследство дети его; если нет детей, да получит наследство родич ближайший, ученейший; а умрет чужеземный священник – англичанин либо датчанин, да получит епископ наследство. Если свейский епископ умрет, да получат наследство дети его;

---

⁴⁴ Олаус Петри. Шведская хроника. С. 41.

⁴⁵ OPSS IV. S. 63–64.

если нет детей, да получит наследство родич ближайший, ученейший; а умрет чужеземный епископ – да причтется наследство престолу и посоху»⁴⁶.

Как можно убедиться, в переводе использован современный русский язык, но старомодный характер древнешведского текста до некоторой степени передан благодаря использованию аллитерации, внутренних рифм, ритмической прозы, инверсии и других выразительных средств, позволяющих отразить стилистические особенности оригинала.

Заключение

В целом, моя работа в качестве переводчика «Шведской хроники» позволила еще раз убедиться в том, что древние хроники обладают несомненными литературными достоинствами. Переводя подобные произведения, следует принимать во внимание (и в ряде случаев брать на вооружение) методы опытных переводчиков художественной прозы. Умелое применение подобных методов позволит достигнуть большей точности в научном переводе.

Что касается различий между научным и художественным переводом, то существенной отличительной чертой научного перевода древних текстов является интенсивное взаимодействие исследовательской и переводческой работы. Исследование текста позволяет повысить качество и практическую ценность перевода, а работа над переводом, в свою очередь, стимулирует интерес как к широким научным проблемам, так и к более частным, но важным деталям.

---

⁴⁶ *Олаус Петри. Шведская хроника. С. 52.*

Григорий Рафаэлевич Консон,
Московский физико-технический институт
(национальный исследовательский университет),
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Московский городской педагогический университет

АВТОРСКИЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД ФРАГМЕНТОВ ЛИБРЕТТО ОРАТОРИЙ Г. Ф. ГЕНДЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЕГО КОНЦЕПЦИИ

а) Философско-этические взгляды Генделя

Возможно ли прояснить систему философско-этических взглядов Георга Фридриха Генделя? Крупнейший исследователь его творчества – источниковед с говорящей фамилией Д. Бэрроуз (буквально «роющий норку» или в переносном смысле «архивариус») *исключает возможность выявления мировоззрения композитора*, так как прямых свидетельств, раскрывающих его, в отличие от многочисленных документов, касающихся иных аспектов жизни и творчества композитора, фактически не осталось¹. Бэрроуз также скептически относится и к возможности прояснить мировоззренческие позиции Генделя посредством анализа его произведений, поскольку композитор, сознательно или нет, «... позаботился, чтобы его мысли и склонности остались за рамками творчества»².

Однако два важных свидетельства, раскрывающих этические задачи Генделя, все же известны. Одно выражено в высказывании Генделя, обращенном к лорду Киннуэлу: «Я очень сожалел

---

¹ *Burrows D.* Handel. The Master Musicians. Oxford, 2012. P. 9. Бэрроуз пишет, что сохранилось лишь одно свидетельство политической активности Генделя, когда он в 1749 г. голосовал за кандидата от либеральной партии на довыборах в Вестминстерский парламент. См.: *Ibid.* P. 372.

² *Ibid.* P. 372.

бы, если бы моя музыка только развлекала моих слушателей: я стремился сделать их лучше»³. Хотя по данному поводу существует мнение, что это всего лишь анекдот. Но приверженцы подобной позиции не слишком вдаются в подробности этой версии⁴. Для выяснения реальной ее основы попытаемся раскрыть смысл понятия «анекдот».

В отечественных изданиях дается следующая трактовка: **Анекдот** – «(франц. anecdote, от греч. τὸ ἀνέκδοτον ≈ неизданный), короткий рассказ о незначительном, но характерном происшествии из жизни исторического лица. В современном словоупотреблении (с середины 19 в.) под анекдотом понимается также небольшой устный шуточный рассказ с неожиданной и остроумной концовкой».

Большая советская энциклопедия

Анекдот имеет два смысловых значения:

1. «короткий рассказ об историческом лице, происшествии.
2. Жанр городского фольклора, злободневный комический рассказ-миниатюра с неожиданной концовкой, своеобразная юмористическая притча.

Энциклопедический словарь, 1998 г.

Анекдот – «короткий по содержанию и сжатый в изложении рассказ о замечательном или забавном случае».

*Толковый словарь живого великорусского языка, В. Даль*⁵

В объяснениях рассматриваемого термина зарубежными коллегами находим следующее: «Большинство людей рассказывают друг другу анекдоты, думая, что они рассказывают

---

³ Цит. по: *Иванов-Борецкий М. В.* Материалы и документы по истории музыки. Т. 2: XVIII век (Италия, Франция, Германия, Англия). М., 1934. С. 31.

⁴ См.: *Кириллина Л. В.* Гендель. М., 2017. С. 457. [Серия «Жизнь замечательных людей».]

⁵ Понятия анекдота даны по: Значение слова анекдот.

URL: <https://xn--b1algemdcbsb.xn--p1ai/wd/%D0%B0%D0%BD%D0%B5%D0%BA%D0%B4%D0%BE%D1%82> (дата обращения: 05.02.2019).

истории. [На самом же деле] анекдот – это то, что происходит [в действительности]»⁶.

Анекдот – это «короткая забавная (занятная, занимательная) или интересная *история о реальном случае или персоне* [курсив наш. – Г. К.]»⁷.

Из приведенных значений следует, что «анекдот»:

- понятие историческое, которое только с середины XIX в. стало восприниматься как фольклорно-шуточное;
- во времена Генделя оно означало достоверный рассказ об историческом событии и конкретном лице.

Убеждению в подлинности версии о приведенной выше фразе Генделя способствует письмо профессора моральной философии и логики Маришальского колледжа и Абердинского университета Джеймса Битти, в котором тот сообщал доктору Уильяму Лэйngu два лондонских «анекдота», связанных с упомянутым генделевским заявлением и сложившейся традицией после лондонской премьеры оратории «Мессия» (которая возникла в 1743 г. в день ее первого представления), – вставать слушателям после хора «For the Lord God Omnipotent reigneth» (известного как «Hallelujah», неофициально считающегося вторым гимном Британии) и аплодировать стоя. Называя в начале письма свои сообщения анекдотами, Дж. Битти в дальнейшем определяет их в качестве историй, придавая им характер светских рассказов, услышанных от самого лорда Киннуэла, которого он встретил в Банфшире (графство в Северной Шотландии)⁸. Бэрроуз в своих коммен-

---

⁶ Morgan N. What's the Difference Between an Anecdote and a Story? 13 Oct. 2010.

URL: <https://www.forbes.com/sites/nickmorgan/2010/10/13/whats-the-difference-between-an-anecdote-and-a-story/#1d91f82036e7> (дата обращения: 06.02.2016).

⁷ What is anecdote? [Oxford languages].

URL: <https://www.google.com/search?q=What+is+anecdote%3F&oq=What+is+anecdote%3F&aqs=chrome..69i57j0l5.26834j1j9&sourceid=chrome&ie=UTF-8> (дата обращения: 05.02.2019).

⁸ См.: Beattie J. The letter to W. Laing. 25 May of 1780 // Georg Frideric

тариях к этому посланию (2018)⁹, а позднее в письме к генделеву Ирине Консон (2019) обращает внимание на то, что рассказанные истории вполне могли быть реальными, поскольку лорд Киннуэл в то время (в 1743 г.) действительно находился в Лондоне и посетил 7 генделевских представлений из двенадцати (правда, свидетельств о его присутствии непосредственно на исполнении оратории «Мессия» нет). Более того, Бэрроуз уточняет, что «вставание после хора “Hallelujah” было инициировано королем Георгом II, который находился среди слушателей»¹⁰. Следовательно, первый из двух «анекдотов» Битти в действительности оказался былью, второй же – вполне близким к реальности и, как писал Битти, делает честь Генделю, музыке и английской нации в целом¹¹.

Таким образом, в том, что Гендель, воспитанный в русле высоких библейских и лютеранских максим, мог сказать королю Георгу II (с кем был лично знаком) или кому-либо из других знатных особ о своих этических устремлениях, не было ничего удивительного. Но здесь важно то, насколько же прочно за ним закрепилась такая высокая характеристика, если молва о его намерении сделать слушателей лучше дошла до наших дней и теперь почти ни у кого не вызывает сомнений.

Другое свидетельство, раскрывающее нравственные задачи Генделя, содержится в его открытом письме к читателю «Daily Advertiser», где он аргументирует просьбу к публике о поддержке своих ораториальных произведений: «...я постиг, что совмещение в музыке благого [good] смысла и значимых слов является лучшим [творческим] методом, который для английских слушателей оказывается наиболее привлекательным; я направлял свои... усилия, чтобы показать [возможности] ан-

---

Handel: Collected documents. 1609–1763. Vol. 4. 1742–1750 / Ed. D. Burrows, H. Coffeey, J. Greenacombe, A. Hicks. Cambridge, 2018. P. 68.

⁹ Ibid. P. 68.

¹⁰ Burrows D. Commentary // Georg Frideric Handel: Collected documents. 1609–1763. Vol. 4. 1742–1750... P. 68. (Письмо и комментарии находятся на одной и той же странице.)

¹¹ Beattie J. The letter to W. Laing. 25 May of 1780... P. 68.

гнийского языка, который столь искусен в выражении наивозвышенных чувств, что наиболее приемлем [для использования в создании] такого фундаментального и торжественного жанра музыки [как оратория – Г. К.]»¹².

Данное высказывание Генделя об английском языке может показаться его стремлением как немца подчеркнуть свою лояльность Англии. Однако этого композитора по отношению к его второй родине нельзя было назвать просто лояльным – он был ее патриотом, проявив свои чувства и в гражданских поступках, и в музыке. Более того, при вспыльчивом характере Гендель в жизни не всегда следил за внешней формой своих высказываний и мог перейти к действиям, взяв, например, однажды на руки одну из ведущих своих солисток – оперную диву Франческу Куццони – и, пригрозив за непослушание выкинуть ее в окно¹³, или вызвать своего друга и делового партнера – разностороннего музыкального деятеля Иоганна Маттесона на дуэль¹⁴. Так что он, хоть и говорил с выраженным немецким акцентом, понимал исконную певучесть и, следовательно, красоту английского языка в сравнении со своим родным. Не случайно С. Фостер писал, что «благодаря Генделю английский язык действительно оказался [мощным] средством выражения. Теперь композиторам оставалось изучить эти возможности, а промоутерам – использовать»¹⁵.

Из приведенных высказываний становится ясно, что три составляющие: сделать слушателей лучше, раскрыть

---

¹² Письмо от 17 января 1745 г. опубликовано в «Daily Advertiser» (цит. по: *Burrows D. Handel... P. 281*).

¹³ См.: *Барна И.* «Если бы Гендель вёл дневник» / Пер. с венгр. В. Тогобицкого. Будапешт, 1987 (оригинальное издание – 1972). С. 23. Факт, приводимый исследователем, в других источниках, впрочем, не подтверждается. Хотя, учитывая темперамент композитора и истеричность певицы, место иметь мог.

¹⁴ См.: *Руман Г.* Гендель, Г.Ф. // Музыкальный словарь / Пер. с 5-го нем. изд. Б. Юргенсона; Пер. и все доп. под ред. Ю. Энгеля. М.; Лейпциг, 1901. С. 325.

¹⁵ *Foster S. C.* ‘To Entertain the Fancy’: The Orchestral Concert Song in England, 1740–1800. London, 2013. P. 157.

наивозвышенные чувства, причем в очень подходящем для этого жанре оратории, – складывались для композитора в единую проблему. При этом стремление выразить высокие чувства свидетельствовало не просто об эстетическом намерении передать прекрасное, а о типе характера композитора и его мировоззрении¹⁶.

б) Гендель и лютеранство

В формировании мировоззрения Генделя основополагающее значение имели *библейские заповеди, составившие основу лютеранской социальной этики*, заложенной в «Малом катехизисе» («Enchiridion») и «Большом катехизисе» («Der deutsche Catechismus») Лютера (оба издания увидели свет в 1529 г. на родине композитора в Саксонии). Перевод Лютером и его единомышленниками Ветхого и Нового Заветов с древнебиблейских текстов на немецкий язык стимулировал усиленный к ним интерес. Библия стала самой издаваемой и читаемой книгой, вошла в каждый немецкий дом, дала первые образцы прозы и религиозно-философской поэзии на немецком языке (особенно Псалтирь в переводе Лютера)¹⁷. Поэтому не случайно, что в будущем библейские сюжеты, положенные в основу либретто генделевских ораторий, были «лучше известны публике, чем исторические оперные»¹⁸.

Говоря о мировоззрении Генделя, есть веские причины считать его убежденным лютеранином. Согласно М. ван Тил, на родителей Генделя сильное влияние невольно оказало их окружение в немецком городе Халле, который под предводи-

---

¹⁶ См.: Бахтин М. М. Проблема текста. Заметки 1959–1961 гг. // Его же. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 297–325; 421–423 (прим.). URL: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_text.htm (дата обращения: 13.10.2016).

¹⁷ Синило Г. В. Пасторальная топика в немецкой поэзии XVII века // Пастораль вчера, сегодня, завтра: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Т. В. Саськова. М.; Edinburgh, 2014. С. 14.

¹⁸ Burrows D. Handel... P. 307.

тельством ученого и пастора Августа Германа Франке – последователя основателя пиетизма Филиппа Якоба Шпенера – стал во времена генделевского детства центром этого религиозного течения. И хотя официальными его приверженцами родители композитора не были, этические принципы этой особо сакрализованной разновидности лютеранства (притом, разумеется, что данное течение характерно не только для него), побуждавшие к всемерной помощи ближним, были ими восприняты¹⁹.

Духовно-религиозную и культурную атмосферу Халле игумен Петр (Мещеринов) характеризует как двойственную, в которой сосуществовали две, казалось бы, взаимоисключающие тенденции. Одна из них – пуританская регламентация общественной жизни с негативным отношением к любой развлекательности вплоть до оперы. Другая была связана с «сильными гражданскими традициями, с университетом, а там, где университет, там самоуправление и вольнолюбивый дух»²⁰.

Как и Бах, «лютеранскую презумпцию» которого отмечал М. Сапонов²¹, Гендель «в своей религии, – считает младший современник Генделя Джон Хокинс, в XVIII столетии один из крупнейших музыкальных историографов, – был лютеранином»²². Более того, уже наш современник, источниковед К.-П. Кох утверждает, что в целях определенного ограничения данного влияния отец композитора, будучи приверженцем ортодоксального лютеранства и потому противником расту-

---

¹⁹ См.: *Til M. van. George Frederic Handel // A Music Lover's Guide to His Life, His Faith & the Development of Messiah & His Others Oratorios. Youngstown (NY), 2007. P. 2.*

²⁰ Гендель – музыкант и человек. Лекция игумена Петра (Мещеринова). 14 января 2014. URL: <http://www.pravmir.ru/gendel-muzykant-i-chelovek> (дата обращения: 03.09.2016).

²¹ *Сапонов М. А. Вероисповедный замысел Мессы h-moll Баха: гипотезы и документы // AD MUSICUM: К 75-летию со дня рождения Юрия Николаевича Холопова: Статьи и воспоминания / Ред.-сост. В. Н. Холопова. М., 2008. С. 107.*

²² Цит. по: *Burrows D. Handel... P. 371.*

щего в школах Халле пиетизма, даже вынужден был приглашать на дом частных учителей²³. Тем не менее Гендель, вопреки строгому воспитанию, держал конкурс на место органиста в кальвинистском кафедральном соборе Халле и, как отмечает П. Ланг, в 1702 г. был с испытательным сроком на эту должность назначен. Показательно, что и композитора, и церковные власти различие в разновидностях протестантизма не смутило, поскольку комиссия в выборе Генделя исходила из явного его профессионального превосходства над другими кандидатами²⁴.

Другой пример готовности Генделя к религиозному диалогу очевиден еще во время его первого пребывания в Италии, когда в начале своей ораториальной деятельности он создал произведение на евангельский сюжет – аллегорическую «La Resurrezzione» (1708), текст к которому написал известный поэт того времени Карло Сиджизмондо Капече (1652–1728). Включение Генделя в католический ареал контактов не было случайным. Так, тесно взаимодействовал он с кардиналом Бенедетто Памфили (1653–1730), впоследствии ставшим Папой Иннокентием Х. В этом общении вновь видятся *характерные для Генделя черты: веротерпимость* – уважительное отношение к представителю другой конфессии, который, правда, и сам отличался либеральными взглядами, к тому же являлся для композитора едва ли не главным покровителем.

Музыкальная культура Англии к приезду Генделя в Лондон в 1710 г. была весьма противоречивой²⁵. *Одна тенденция была связана со значительными достижениями*. Д. Бэрроуз подчеркивал высокий вокальный и инструментальный уровень исполнительства, процветание национального жанра ма-

---

²³ Koch K.-P. Handel's German relatives // Handel's Will: Facsimiles and commentary / Ed. by D. Burrows. London, 2009. P. 23.

²⁴ См.: Lang P. H. Georg Frideric Handel / Compiled and ed. by W. C. Holmes. New York, 1966. P. 18.

²⁵ Об этом подробнее см.: Konson G. R. Georg Friedrich Handel and British Musical Culture // Music Scholarship. 2018. № 3. P. 72–83.

сок, а также полу-оперы²⁶. В другой тенденции обозначилось заметное падение уровня моральных и художественных критериев. На это в 1710 г. обращал внимание английский писатель и композитор А. Бедфорд, отмечая, как за последнее время «почти не пишется песен, которые бы не были непристойными и даже богохульственными, что почти легко находят композиторов, готовых без угрызения совести одобрить такие стихи, увеличить зло, написав к ним музыку, и стать соучастниками в грехах»²⁷. Д. Бэрроуз пишет, что в 1706 г. не хватало искушенных оперных композиторов: ранние лондонские оперы были написаны в жанре пастиччо, будучи в определенной степени преобразованы из узнаваемых итальянских произведений²⁸.

В театральной жизни Англии была широко распространена героическая драма, основоположником которой явился поэт и драматург, идеолог абсолютизма Стюартов Джон Драйден. Его произведения были пронизаны морализирующей идеей противопоставления любви и чести. Однако героическая драма была аморфной, малоубедительной, эклектичной и не имела единой одухотворенной идеи. Театральная атмосфера Лондона была выражена словами известного комедиографа того времени д'Эрфи: «понравиться лондонцам очень легко, если бы только драматурги это поняли: жига, песенка, один-два стишка обеспечат успех»²⁹. Не случайно на рубеже XVII–XVIII веков, в связи с утратой английским театром высокого идейного начала, вышло несколько документов, осудивших снижение его духовного уровня. Среди них – книга-памфлет преподобного Дж. Коллиера «Краткий обзор безнравственности и непристойности английской сцены»³⁰.

---

²⁶ Burrows D. Handel... P. 61, 64–65.

²⁷ Цит. по: Иванов-Борецкий М. Материалы и документы по истории музыки... С. 554.

²⁸ Burrows D. Handel... P. 65.

²⁹ Цит. по: Конен В. Дж. Культура перселловского Лондона // Этюды о зарубежной музыке. М., 1968. С. 110.

³⁰ Об этом см.: Бояджиев Г. Н. История западноевропейского теат-

Местные традиции были мощным препятствием Генделю в создании английской оперы и оратории. Основой этого, по наблюдению Джеффри Бэрню, была одержимость публики итальянской оперой-*seria*. В таком неравном соревновании лежала сущностная причина: ряд убеждений, касающиеся взаимодействия музыки и языка³¹. Забегая вперед, отметим, что и в более поздний период – после закрытия возглавляемой Генделем Королевской академии музыки уровень культуры Англии вновь снизился. Д. Дьюмигэн пишет, что после 1733 г. постановки произведений, которые относились к ««серьезной» английской опере, [фактически] прекратились, уступив место массе разного рода развлекательных музыкально-сценических представлений, щедро предлагаемых многими театрами»³². Ссылаясь на Дж. Мильхауза и Р. Хьюма, исследователь полагает, что широкое привлечение ведущих артистов из оперы-*seria* в сугубо увеселительные постановки стало одной из причин ее упадка.

В целом же, согласно мнению С. Чёрчилль, английская публика того времени была покорена внешним блеском итальянской оперы, дорогих и эффектных певцов и прежде всего «экзотических [для лондонского оперного театра] кастратов, искусных декораций и [необычайно] драматического накала музыки»³³. П. Ланг пишет, что «лондонская оперная публика в XVIII веке – как слишком часто и в Нью-Йорке XX столетия, – была заинтересована в певцах и певицах, но не в самой музыке»³⁴.

ра. Т. 2. М., 2013. С. 36.

³¹ See: *Barnouw J. Lost Chances: Obstacles to English Opera for Purcell and Handel // Music in the London Theatre from Purcell to Handel / Ed. by C. Timms, B. Wood. Cambridge, 2017. P. 49.*

³² *Dumigan D. Nicola Porpora's Operas for the «Opera of the Nobility»: the Poetry and the Music. Doctoral thesis. Huddersfield: The University of Huddersfield, 2014. P. 14.*

³³ См.: *Churchill S.-A. The Tradition of Transcription: Handel Aria Arrangements in the Fifth Book of The Ladys Banquet: DMA. Toronto, 2011. P. 7.*

³⁴ *Lang P. Georg Frideric Handel / Compiled and edited by W. C. Holmes. New York, 1966. P. 243.*

В такой же степени, как и опера, «развлечением» в Англии, по мнению Э. Уокера, стала оратория, поскольку в практике богослужений Англиканской церкви того времени было мало возможностей для выражения духа, которым, например, были пронизаны церковные кантаты И. С. Баха. Пассионы Генделя показали, что в основе их традиции в Германии того времени лежала концепция пиетизма, которая среднестатистическому лондонскому слушателю в своем музыкальном воплощении могла бы показаться скучной и неуместной³⁵.

Принимая уокеровскую оценку значения пиетизма в творчестве Генделя, вряд ли можно согласиться с радикальным мнением исследователя об ораториях Генделя как о развлекательном жанре, ведь уже в первых трех английских ораториях («Эсфирь», «Дебора», «Аталия»), созданных на библейские тексты, Гендель начал развивать идеи, заложенные в своих «Пассионах по Брокесу»³⁶. В них вызревали новые тенденции, говорившие *о склонности композитора к драматическим сюжетам и трагическому осмыслению нетрагических*. Единичные же попытки создания оратории английскими композиторами оставались в то время в тени «звездного соседа» оратории – оперы. А под термином «оратория» и Гендель, и его публика, как пишет Е. Уокер, понимали самые разные хоровые произведения³⁷. Но в связи с вызреванием в музыкальной культуре Англии 1730-х гг. новых тенденций, намечалось становление национальной оратории, проявились перекрестные влияния Генделя и известных британских композиторов той эпохи, среди которых были Томас Арн, Морис Грин, Михаэль Фестинг, Джон Стенли. На их фоне Гендель предстал

---

³⁵ Walker E. A History of Music in England. 3rd Rev. Oxford, 1952. P. 229.

³⁶ Пассионы или «Истории Страстей» – господствовавший в Германии церковно-хоровой жанр, близкий к ораториальному, созданный на типовой сюжет о мучениях Христа. (Об определении жанра см.: Smither H. E. History of Oratorio. Vol. 2: The Oratorio in the Baroque Era. Protestant Germany and England. Chapel Hill, 1977. P. 3, 4.)

³⁷ Walker E. A History of Music in England... P. 229.

широкомасштабным мыслителем, написавшим 26 ораторий на сюжеты древнегреческой мифологии, Ветхого и Нового завета и создавшим на их основе целостную систему из пяти жанрово-драматургических типов:

– героико-эпический («Дебора», «Эсфирь», «Израиль в Египте», «Иуда Маккавей», «Иисус Навин», «Оратория на случай»);

– лирический («Триумф Времени и Правды», «О радости, печали и умеренности [мудрости]», «Соломон», «Выбор Геракла», «Праздник Александра»);

и три типа трагических:

– народно-героическая трагедия («Аталия», «Самсон», «Валтасар»);

– семейно-бытовая («Ацис и Галатя», «Саул», «Геракл», «Семела», «Александр Бал», «Сусанна», «Иосиф и его братья»);

– сакральная оратория-трагедия, посвященная подвигу героя во имя веры («Пассионы по Брокесу», «Мессия», «Феодора», «Иефай», «Воскресение»).

Однако в общую атмосферу Лондона приезд Генделя, как справедливо считает Г. Бикс, первоначально перемен не внес, потому что устремления промоутеров итальянской оперы были во многом нацелены на совершенствование своих собственных музыкально-организационных возможностей, которые осуществлялись за счет увеличения числа итальянских музыкантов³⁸. И цель эта амбициозным деловым партнерством Дж. Коллиера – А. Хилла была достигнута³⁹. Но главное – и сам Гендель приехал в Англию, собираясь поначалу сочинять *итальянскую оперу*, которая, как пишет П. Хольман, «занимала его в Англии первые двадцать лет жизни»⁴⁰.

---

³⁸ *Beeks G.* «Exit, Pursued by a Bear» The Haymarket Opera Orchestra and Handel's Arrival in England // *Händel-Jahrbuch* № 42/43. New York, 2007. P. 62.

³⁹ См.: *Ibid.* P. 62–63.

⁴⁰ *Holman P.* Eighteenth-Century English Music: Past, Present, Future // *Music in Eighteenth-Century Britain* / Ed. by D. W. Jones. London,

Из приведенных высказываний следует, что к приезду Генделя Англия нуждалась в композиторе такого масштаба, который бы после Пёрселла смог продолжить развитие национального искусства на должной этической высоте. Такого композитора некоторые общественно-музыкальные деятели увидели в Генделе. Драматург, менеджер и энергичный директор Королевского оперного театра Хаймаркет Аарон Хилл (1685–1750), мечтавший о создании английской оперы, встретил Генделя с распростертыми объятиями⁴¹, обратившись к нему с просьбой: «Освободите нас от уз итальянского языка и покажите, что английский тоже достаточно мягок для Оперы, когда за нее берутся поэты, которые знают, как отличить сладостность нашей манеры произношения от ее силы, когда последнее не столь необходимо»⁴². И Хилл, критиковавший ранее оратории Генделя «Дебора» и «Эсфирь» за недостаточную, по его мнению, весомость музыкально-поэтического их воплощения, фактически стал катализатором творческих идей Генделя в его содружестве с поэтом Ч. Дженнензом. Он, согласно Р. Смит, инициировал их создать ораторию «Саул», благодаря чему в развитие английской оратории был внесен существенный вклад⁴³.

Будучи автором англоязычного сценария генделевской оперы «Ринальдо», Хилл оказался одним из многочисленных очевидцев оглушительного ее успеха (1711). Мэйнуоринг, критикуя ранние атаки журналистов, писал, что «Ринальдо» «положил конец царству ерунды в оперном искусстве»⁴⁴. Успех «Ринальдо» отразился даже на популярности современных ему

2000. P. 7.

⁴¹ См.: *Howkins J.* A General History of the Science and Practice of Music: in Five Volumes. Vol. II. London, 1875. P. 146.

⁴² Письмо Хилла к Генделю от 5 декабря 1732 г. (цит. по: *Knapp M.* Aaron Hill and the London Theatre of His Time // *Händel-Jahrbuch.* № 37. Leipzig, 1991. P. 178).

⁴³ Цит. по: *Barnouw J.* Lost Chances: Obstacles to English Opera for Pursell and Handel... P. 63.

⁴⁴ Цит. по: *Burrows D.* Handel... P. 86.

произведений, невольно конкурировавших с Генделем авторов – Т. Клейтона, Н. Хаима и Ч. Дьюпарта, вследствие чего они, публично сетуя на отмеченные обстоятельства, «были вынуждены просить благосклонности слушателей по отношению к ближайшей своей постановке в имени мистера Клейтона»⁴⁵ (несмотря на то, что до приезда Генделя в попытках создания в Англии *итальянской* оперы они явно претендовали на лидерство (хотя и далеко не всегда успешно))⁴⁶.

Оратории, в которых проводилась подчеркнуто морализирующая идея с опорой на неопровержимые логические доказательства, стали для Генделя той школой, которой он «проверял» свое искусство, постоянно совершенствуя, вплоть до последних лет жизни («Триумф Времени и Правды» – 1 ред., в 1707 г., 2 – в 1737, 3 – в 1757, «Ацис и Галатея»⁴⁷).

В целом лютеранская этика лежала в основе мировоззрения Генделя и мотивировала как его собственное поведение, так и его оратории. В формировании этой основы находились объективные и субъективные причины. К первым относились общенемецкая лютеранская традиция и шире – западноевропейская, протестантская, с акцентом на пиетистской специфике родины композитора Халле. Субъективными же явились личностные черты юного Георга Фридриха, сформировавшиеся под влиянием педагога, который привил ему почитание духовных ценностей лютеранского учения. Религиозная этика в будущем обусловила гражданское содержание ораторий Генделя⁴⁸ и стала источником его трагедийных образов⁴⁹.

---

⁴⁵ *Howkins J. A General History of the Science and Practice of Music: in Five Volumes...* P. 814, 820.

⁴⁶ *Ibid.* P. 810.

⁴⁷ 1-е название – «Ацис, Галатея и Полифем».

⁴⁸ См. об этом: *Конен В. Дж.* О главном у Генделя // *Этюды о зарубежной музыке.* М., 1968. С. 116.

⁴⁹ Определенное сходство сюжетной коллизии в оратории «Самсон» с историей Христа отмечал Е. Рубаха. См.: *Рубаха Е. А.* Оратория Г. Ф. Генделя «Самсон»: Как исполнять музыку Генделя: Научное исследование. Екатеринбург, 2001. С. 148.

**в) Религиозно-философская этика.
Вера. Надежда. Любовь. Разум**

Христианская мораль, питавшая мировоззрение Генделя⁵⁰, опирается, как известно, на добродетели веры, надежды, любви: «...человек оправдывается верою, независимо от дел закона»⁵¹. Выдвинутый апостолом Павлом тезис об оправдании **верой** нашел претворение в протестантизме: в противопоставлении глубинной религиозности формальной ритуальности. Тезис «оправдание верой» был нацелен на «внутреннего человека» [М. Лютер], иначе – на *духовный мир личности*. Вера явилась одним из мощных идеологических стержней в истории религиозно-этических учений, достигнув своего максимального выражения в *концепте веры* Лютера: только вера (*sola fide*) «подобающим образом оправдывает и спасает человека»⁵².

Отмеченные добродетели нашли отражение в либретто генделевских ораторий, поэтому при репрезентации содержания в качестве религиозно-философских концептов в литературно-поэтической форме (т.е. речь не о вокально-ориентированной презентации текстовой основы, а о попытке самостоятельной ее вербализации) *основной задачей переводчика видится артикулирование соответствующих образно-смысловых акцентов*. Так, вера, надежда, любовь – это нравственные ориентиры **Феодоры** (1749) – главной героини в одноименной оратории, созданной Генделем в содружестве со священником Томасом Мореллом (в существенной мере способствовавшим, согласно собственным устремлениям и настоятельным требованиям композитора, этизации их произ-

---

⁵⁰ Об этом см.: *Консон Г. Р.* Оратории Г. Ф. Генделя (К 325-летию со дня рождения) // Музыкальная академия. 2010. № 2. С. 91–95.

⁵¹ Ап. Павел. Римл. 3:28.

⁵² *Лютер М.* О свободе христианина: Трактат (1520) / Пер. К. Комарова.

URL: [https://www.thirdmill.org/files/russian/upload/52876~3_21_01_3-47-39_РМ~\(Martin_Luther_On_Christian_Freedom\).htm](https://www.thirdmill.org/files/russian/upload/52876~3_21_01_3-47-39_РМ~(Martin_Luther_On_Christian_Freedom).htm) (дата обращения: 12.12.2019).

ведений)⁵³. В «выходной» арии Феодоры, где она, предчувствуя смерть, прощается с жизнью, вера и надежда остаются для нее незыблемыми: «*Fond flatt'ring world, adieu! [Thy gaily-smiling pow'r, Empty treasures, Fleeting pleasures, Ne'er shall tempt or charm me more. Faith inviting, Hope delighting, Nobler joys we now pursue]*» / «Обманчив, льстивый мир, прощай. [Мощь улыбки, смеха сила, пусты лари, чар стремнина – сердце взор отворотило... В вере нынче утопай и к надежде воспылай, радость чувств столь благородных обретем тогда мы рай]»⁵⁴.

Любовь прежде всего была фундаментом отношения к Богу. Но, помимо теоцентрической направленности, являлась

---

⁵³ Приводим краткое содержание оратории. (Здесь и далее перевод выполнен автором данного текста.)

Римский наместник в Антиохии Валенс, насаждая языческую веру, стремится укрепить власть и распоряжается устроить празднество в честь Юпитера во славу счастливого правления цезаря Диоклетиана. Знатная христианка Феодора (казненная по легенде в IV в.), не желая принимать участия фактически в оргии, отказывается, показывая таким образом братьям и сестрам по вере пример истинного служения Господу. Разгневанный Валенс сообщает Феодоре, что отдаст ее на забаву солдатам, чтобы сломить ее сопротивление, а пока отправляет в тюрьму поразмыслить, не стоит ли все же на пиршество согласиться. Римляне приветствуют его решение.

Любящий Феодору римский офицер Дидим решает ее спасти или умереть с ней вместе. Он проникает в тюрьму и предлагает красавице обменяться одеждой, чтобы она могла, обманув стражников, сбежать. Та, нехотя, соглашается, а юноша вместо нее остается в темнице. Но дома Феодору настигает известие о том, что любимый в опасности, а разъяренный Валенс требует ее смерти. Тогда девушка возвращается в тюрьму. Дидим предлагает Валенсу отдать за Феодору свою жизнь. Римляне потрясены его благородством. Феодора хочет умереть вместо Дидима. Взбешенный Валенс приказывает увести их на казнь. Римляне в растерянности, не понимая, что движет христианами мучениками. Христиане в скорбной колыбельной поют о силе божественной любви.

⁵⁴ Анализ проводится по: *Händel G. F. Theodora [: Partitur] // G. F. Händel's Werke. Bd VIII. Leipzig, 1860. Plate VIII.*

непосредственным выражением и антропоцентрической идеи. Отображением земной любви Гендель вписывался в культурную традицию Нового времени. *Однако оба начала – любовь к Богу и любовь земная – в его ораториях часто находились в конфликтном взаимодействии.* Конфликт этот обострился в поздних ораториях Генделя, где была выражена идея самосовершенствования. В противостоянии Феодоры преследованиям диктатора (в одноименной оратории) и Иеффая искушению нарушить клятву Богу (в оратории «Иеффай») раскрывается христианская мысль о достоинстве человека. Она сформулирована у апостола Павла: «Вы куплены *дорогою* ценою; не делайтесь рабами человеков»⁵⁵ и выражает ту свободу и честь верующих, о которых впоследствии говорил Лютер – внутреннее освобождение от мира и от любых мирских установок, поскольку Христос выкупил человека у этого мира. У Генделя близкая ей идея высказана в предфинальном речитативе подруги Феодоры – Ирины (с хором христиан) «*Ere this, their doom is past [and they are gone To prove that love is stronger far than death]*» («Теперь судьба предрешена – умрут, чтоб доказать могущество любви пред смертью») и завуалированно – в речитативе Феодоры «*Deluded mortal! [Call it not rebellion, That thus we persevere in spirit and truth, To worship God: it is his dread command, His whom we cannot, dare not, disobey, Though death be our reward.]*» («[О,] смертный, [стойкий] в заблужденьи! Не бунт, что в истины храненьи – бесстрашно Бога во почтеньи, пред Кем, едва ль что в дерзновеньи забыли б мы повиновенье, хотя б и гибель – награжденье»).

В показе мирской любви Гендель часто делал противопоставление любви глубокой – поверхностной, добродетельной – аморальной. В арии Михи из оратории «Самсон» (1743)⁵⁶,

---

⁵⁵ Ап. Павел. I Коринф. 7:23.

⁵⁶ Приводим краткое содержание оратории.

Ослепленный филистимлянами библейский герой Самсон брошен в темницу. Попал он сюда в результате предательства своей жены – красавицы Далилы, которая за деньги выдала своим соплеменникам тайну его необыкновенной силы. Лишенный былой мощи, Самсон

созданной Генделем в партнерстве с либреттистом Ньюбергом Хамильтоном дана развернутая нравственная платформа, нацеленная на критику хищнических устремлений Далилы: «*It is not virtue [, valour, wit, Or comeliness of grace That woman's love can truly hit, Or in her heart claim place. Still wav'ring where their choice to fix, Too oft they choose the wrong: So much selflove does rule the sex, They nothing else love long.]*») / «Не добродетель [, доблесть, ум иль света благодать девичье сердце пламенит аль не велит отдать. Столь зыбок трон, где надлежит решенье принимать: падет любовь, взалкает что саму себя лобзать]». Своеобразной иллюстрацией высказывания Михи служит циничная позиция самой Далилы, напутствующей Самсона в арии «*To fleeting pleasures make*»: «Жизнь коротка, удовольствия преходящи, лови момент». И отношение Самсона к предложенной Далилой «программе удовольствий»: «Господь послал ее испытать меня»⁵⁷.

Таким образом, *в христианской морали человек находился*

тяжело страдает. Но больше всего гнетут его не физические мучения, а нравственные. Они возрастают во время филистимского празднования в честь бога Дагона. Однако узник не одинок. Его навещают друг Миха, отец Маной, сочувствует народ. Они верят в силу Самсона и победу Израиля. В темницу приходит и Далила. Ей нужно привести Самсона на торжество филистимлян, чтобы потешить их самолюбие. Она притворяется любящей женой, призывает его забыть прошлое и ловить миг наслаждений. Самсон отказывается. Рассерженная женщина уходит. Несчастный гонит от себя чарующий голос, воспринимая приход Далилы как испытание. Другой посетитель – филистимский воин Харафа. Он издевается над беспомощным пленником, который предлагает ему сразиться в поединке. Харафа трусливо отказывается, но требует, чтобы Самсон явился на пиршество. Узник остается в темнице. Разгневанный Харафа удаляется. Но Самсона в цепях все же приводят в храм Дагона. Герой сокрушает колонны, под которыми гибнет не только он сам, но и три тысячи филистимлян. Народ скорбит о погибшем и празднует победу над угнетателями.

⁵⁷ Анализ проводится по: *Händel G. F. Samson [: Partitur] // G. F. Händel's Werke... Bd X. Leipzig, 1861. Plate H.W. X.*

перед выбором земных или духовных ценностей. «Помышления плотские суть смерть, а помышления духовные – жизнь и мир»⁵⁸. Вера же в Бога для Генделя служила эталоном **духовной и мирской мудрости**. Актуальность такой направленности была обусловлена конфликтом мирского и духовного начала в личности, отражавшей противоречивые исторические тенденции в стремлении общества к идеалу. *Поэтому христологическая этика стала тем концептуально-нравственным стержнем, который пронизал оратории, написанные Генделем не только в Германии и Италии, но и в Англии.*

Одной из показательных явилась партия пророка Даниила в оратории «**Валтасар**» (1744) – фундаментального сценического концепта Генделя и английского поэта Чарльза Дженненса⁵⁹. Моральное кредо провидца, имя которого переводится с древнееврейского как «Бог мой судия» или «Судья Божий», выражено в арии, где ключевым является понятие истины, содержащей в себе большой нравственный смысл: *«O sacred oracles of truth [O living spring of purest joy! By day be ever in my mouth,*

---

⁵⁸ Ап. Павел. Римл. 8:6.

⁵⁹ Приводим краткое содержание оратории.

Мать вавилонского царя Нитокрис скорбит о сыне Валтасаре – царе Вавилона, осуждая нечестивый образ его жизни и опасаясь за его судьбу. От тирании правителя гибнут люди, народы живут в рабстве, а сам он проводит жизнь в застольях. Опасения Нитокрис не напрасны. Иудейский пророк Даниил предсказывает возмездие тем, кто не чтит Святого Писания. И действительно, в самый разгар пира Валтасара персидское войско во главе с молодым полководцем Киром входит в ворота города, а в то же время в воздухе перед взором пирующих появляется видение руки, пишущей огненные письмена: «Mene Mene Tekel Upharsin», которые никто не может понять. Валтасара и его сановников охватывает неподдельный ужас. Чтобы прочесть загадочные слова, Нитокрис призывает Даниила. Расшифровывая их, он предсказывает смерть ассирийскому царю. В этот момент в праздничную залу врывается Кир со своим войском, который убивает Валтасара, а Нитокрис дарует свободу, оставляя за ней трон. Полководец и народ возносят хвалы Богу.

And all my nightly thoughts employ. Whoe'er withhold attention due, Neglect themselves, despising you.] / «Священ, о, истины бесценной прозрачной радости расцвет! Ты днями всласть уста наполнишь, а ночью думы в сон клонишь. Отвергнет дар кто, драгоценный, – души презреет самоцвет»⁶⁰. В этом нетрудно заметить связи с христианской моралистикой, идущей от апостола Павла к Лютеру.

Принципиально значимым явилось суждение Даниила о добродетели. В его арии «Lament not thus, O Queen, in vain!», утешающего мать царя Валтасара Нитокрис, говорится об истинной сути добродетели: «*Lament not thus, O Queen, in vain! [Virtue's part is to resign All things to the will divine, Nor of its just decrees complain. The sins of Babylon urge on her fate; But virtue still this comfort gives, On earth she finds a safe retreat, Or bless'd in Heav'n for ever lives]*» / «Не плачь, царица, горько всеу! То добродетельных удел – как праведно Господь велел (!), так пусть стенанья их минуют. Грех Вавилона рок ревнует; достойны взыщут утешенья – в миру найдут отдохновенье – иль в вечности их коронуют».

Из данных высказываний становится очевидным, что в христианском споре земного и возвышенного, несмотря на примат веры, ощущалась опора на *разумные доказательства*, веские доводы в пользу запрограммированного выбора. Такая максима лежала в сфере иерархического универсума Августина Блаженного, полагавшего, что добродетель заключается в умении правильно, *разумно* оценивать вещи в соотношении с их местом в Божественном порядке⁶¹.

Подобный концепт, несмотря на кажущуюся его парадокс-

---

⁶⁰ Анализ проводится по: *Händel G. F. Belsazar [: Partitur] // G. F. Händel's Werke... Bd XIX. Leipzig, 1864. Plate H.W. XIX.* Та же трактовка истины находится в основе произведений Корнелия (одна из его пьес – «Феодора» – послужила отдаленным источником одноименной оратории Генделя), у которого истина осмыслена в качестве нравственного закона.

⁶¹ См.: История этических учений / Под общ. ред. А. Гусейнова. М., 2003. С. 517.

сальность, лежал в основе *проповеднической функции ораторий Генделя*. Примером может служить оратория «**Иосиф и его братья**» (1744), созданная композитором в успешном творческом альянсе со священником Джеймсом Миллером⁶², писавшим, впрочем, и почти антиклерикальные тексты, которые подвергались критике лондонским епископом Эдмундом Гибсоном, который тогда был советником премьер-министра Роберта Уолпола⁶³. Образ Бога в рассматриваемом сочинении буквально живет в душе каждого героя: Всевышний распоряжается судьбами правителей мира (об этом поет обращенный к нему с молитвой хор: «O God, who in thy heav'nly hand» («О Бог, в руке небесной что [замкнул сердца царей могу-

---

⁶² Приводим краткое содержание оратории.

Иосиф, вероломно проданный в рабство своими братьями, томится в узилище. Виночерпий египетского фараона Фанор приглашает его к фараону. Тот повелевает растолковать свой сон. Иосиф предсказывает ему 7 урожайных лет, после которых наступят 7 голодных лет. Фараон назначает Иосифа в Египте своим наместником. Дочь фараона Азенат и Иосиф любят друг друга. Фараон и народ прославляют их брачный союз. Иосиф радуется плодородию египетской земли. Но неожиданное свидание с братьями, которые не узнают Иосифа в богатых египетских одеждах, нарушает его душевное равновесие. В нем еще живет обида на них. Иуда и Рувим выказывают Иосифу уважение и просят принять дары Ханаана. А младший – Вениамин – вдруг обнаруживает внешнее сходство Иосифа со своим отцом. Братья уходят к себе домой. Но, по замыслу Иосифа, в один из подаренных мешков с хлебом им подбрасывают серебряную чашу. В пути их настигают и возвращают во дворец. В краже чаши обвиняют Вениамина. Задержанные просят Иосифа освободить брата ради отца-старика и принять наказание вместо Вениамина. Особо настаивает Симеон. Иосиф не выдерживает и открывается. В отношениях Иосифа с братьями восстанавливается мир.

⁶³ См.: *Robarts L. M. M. A Bibliographical and textual study of the wordbooks for James Miller's Joseph and his brethren and Thomas Broughton's Hercules, oratorio librettos set to music by George Frideric Handel, 1743–44: PhD. Birmingham: University of Birmingham Research Archive, 2008. P. 140.*

чих]»)»⁶⁴. Слова горячей ему признательности произносит находящийся в темнице Иосиф, беседующий с виночерпием Фанором: «Blest vicissitude! Jehovah, whom I serve, bears witness to me» («[Судьбы] благая весть! Иегова, я служу кому, взор на меня свой обратил»).

Проповедническая функция в оратории «Иосиф» выражена, в частности, и в скромности в почитании Бога. Такая убежденность Иосифа проявляется в беседе с фараоном: «Oh mighty Pharaoh! It is not me: Interpretation belong to Heav'n»: «Могущественный царь! Принадлежит не мне познания путь, но Небесам [и лишь Господь Предвечный по милосердию своему ответ способен дать]». Аналогично и в диалогической сцене Азенат с Фанором («Phanor, we mention not his highest glory!» («Фанор, не нам вещать о высшей его славе»).

Философская максима «смысл жизни – в любви» выражена в речитативе Азенат «Life of my life» («Жизнь жизни моей») в сцене с Иосифом «Whence, Asenath, this grief that hangs upon thee» («Откуда, Азенат, печаль на лице твоём»), в дуэте Иосифа и Азенат «What's sweeter than the new-blown-rose» («Что расцветшей розы слаще»), а также в арии Иосифа «The people's favour and the smiles of pow'r are no more than the sunshine of an hour» («Людской [молвы] благоволения, улыбки власти упоения – не больше солнца озарения столь преходящего мгновенья»).

Тема самопожертвования ради ближнего, вложенная в высказывание Симеона, восстанавливает его нравственный облик: «Give, give him [father] up the lad in whom his life is bound. Oh, let me suffer whatever punishment is doom'd for him» («[О], отпусти [к отцу], молю, того, вовек в ком жизни смысл его, мученье мне пусть суждено, что уготовил для него»).

В целом все отмеченные темы назидания отвечают сути библейского рефрена «И был Господь с Иосифом...»⁶⁵ и сложены здесь в единый показ своеобразного кодекса добродете-

---

⁶⁴ Анализ проводится по: *Händel G. F. Joseph* [: Partitur] // *G. F. Händel's Werke...* Bd XLII. Leipzig, 1883. Plate H. W. XLII.

⁶⁵ Первая книга Моисеева. Быт. 39:2.

лей, на которые, по всей очевидности, был ориентирован генделевский современник.

***

Подобных примеров в ораториальном творчестве Генделя достаточно много. Они выстраиваются в своеобразную панораму, раскрывающую концептуальность творческого замысла композитора и его либреттистов. Поэтому, как было показано выше, задачей переводчика, нацеленного на литературно-поэтическую репрезентацию текстовой основы генделевских произведений, становится интерпретация, позволяющая сфокусировать внимание на прояснении религиозно-философской основы их создателей.

*Сердечно благодарю исследователя творчества
Г. Ф. Генделя и ораториального жанра Ирину Консон за ценные
соображения, высказанные при подготовке настоящей
статьи к печати*

ТЕРМИНОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПОНЯТИЙ

*Дарья Павловна Сафронова,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова*

ФАЛЬШИВЫЕ ГРАМОТЫ В ЛЕОНСКОЙ ПРАВОВОЙ ПРАКТИКЕ X–XI ВЕКОВ

Значительное число раннесредневековых грамот Леонского королевства дошли до нас лишь в копиях XII–XIV вв., и многие из этих документов вызывают сомнения в своей подлинности¹. Так, в некоторых картуляриях того времени, например, в овьедском *Liber Testamentorum*, доля поддельных и интерполированных грамот раннего Средневековья составляет не менее 70 процентов². Примерно к такому же показателю в своем исследовании астура-леонского корпуса королевских документов пришел

---

¹ Количество раннесредневековых леонских грамот, дошедших до нас в копиях, по разным подсчетам составляет около 60–70 процентов (см.: *Agúndez San Miguel L.* Escritura, memoria y conflicto entre el monasterio de Sahagún y la catedral de León: Nuevas perspectivas para el aprovechamiento de los falsos documentales (siglos X al XII) // *Medievalismo*. 2009. № 19. P. 266; *Davies W.* Windows on justice in northern Iberia, 800–1000. Oxford; New York, 2016. P. 12; *Barrett G.* The written and the world in early medieval Iberia. PhD thesis. Oxford, 2015. P. 20).

² См.: *Fernández Conde F. J.* El Libro de los Testamentos de la catedral de Oviedo. Roma, 1971. P. 369; *Idem.* Espacio y tiempo en la construcción ideológica de Pelayo de Oviedo // *Annexes des Cahiers de linguistique et de civilisation hispaniques médiévales*. 2003. № 15. P. 129–130. Здесь и далее под интерполированными мы будем понимать грамоты, в которые были внесены какие-либо изменения в процессе составления копии.

приверженец гиперкритического подхода Л. Баро-Диго³. Как саркастично отмечал К. Санчес-Альборнос в полемике с этим историком, при чтении его работ складывается впечатление, что люди первых веков Реконкисты «всецело посвящали себя фальсификации и интерполяции документов»⁴.

Современный анализ раннесредневекового леонского корпуса с учетом не только королевских дипломов или документов отдельных картуляриев, как правило, показывает более низкий процент сомнительных грамот⁵. Тем не менее преимущественно с опорой на дипломатические исследования в научной литературе за этим периодом прочно утвердилась репутация «золотого века» подделок. В то же время очевидно, что в оценке распространенности фальшивых документов данные дипломатики не всегда репрезентативны уже хотя бы в силу того, что дошедший до нас комплекс грамот является выборкой от некогда существовавшего, а среди исследователей по-прежнему нет единства мнений о том, какой документ следует считать фальшивым⁶. К тому же лишь на основании

---

³ *Barrau-Dihigo L. Étude sur les actes des rois Asturiens, 718–910 // Revue Hispanique. 1919. T. 46. № 109. P. 4.*

⁴ *Sánchez Albornoz C. Despoblación y repoblación del valle del Duero. Buenos Aires, 1966. P. 14.*

⁵ *Barrett G. The written... P. 19. Оценка отдельно кастильского корпуса см.: Escalona Monge J. La documentación de la Castilla condal: Viejos problemas y nuevas perspectivas // Mundos medievales: Espacios, sociedades y poder: Homenaje al profesor José Ángel García de Cortázar y Ruiz de Aguirre / Ed. B. Arizaga Bolumburu et al. Santander, 2012. T. 1. P. 485–486.*

⁶ В современной историографии поддельные документы принято разделять на дипломатические и исторические. К первым относят такие грамоты, составители которых намеренно вводят читателя в заблуждение относительно обстоятельств создания самих этих документов, например, ложно указывают место и время их издания или неверно приписывают его какому-либо лицу. Однако в том, что касается содержания такой грамоты (например, сути описанной в ней сделки), дипломатическая подделка может передавать подлинные сведения. Историческая подделка является ложной, напротив,

дипломатического анализа мы едва ли можем судить о том, при каких обстоятельствах люди того времени прибегали к махинациям с документами и, в частности, в какой мере применяли подделки в судебной практике.

В том, что касается мотивов фальсификаторов, наши источники иногда позволяют проследить взаимосвязь между созданием той или иной поддельной грамоты и конкретным имущественным или юрисдикционным конфликтом; но такие сведения оказываются в нашем распоряжении, как правило, не ранее появления картуляриев – с конца XI в.⁷ Именно в

именно по содержанию, а не по форме. Иными словами, сами обстоятельства создания исторической подделки указаны в ней верно, но суть описываемого дела вымышлена или искажена. На практике в работе исследователей с этой классификацией, конечно, неизбежно возникает множество нюансов и оговорок (подробнее о проблеме на леоно-кастильском материале см.: *Díaz Salvado M. E. Falsos y falsificaciones en documentación Latina medieval del reino de León. Tesis. Universidad de Santiago de Compostela, 2011. P. 2–38; Fernández de Viana y Vieites J. I. Problemas y perspectivas de la diplomática de los reinos asturiano, leonés y castellano leonés en la Alta Edad Media // Actas del VI Congreso internacional de historia de la cultura escrita / Ed. C. Sáez Sánchez. Alcalá de Henares, 2002. T. 2. P. 39–53; Escalona Monge J. La documentación de la Castilla condal. P. 485–486. Общий методологический обзор проблемы см. также: Hiatt A. The making of medieval forgeries. False documents in fifteenth-century England. London, 2004. P. 1–15). В данной статье нас будут интересовать любые махинации с документами, т.е. как дипломатические, так и исторические подделки.*

⁷ См., например: *Deswarte T. Restaurer les évêchés et falsifier la documentation en Espagne: la suppression du diocèse de Simancas (974) et l'église cathédrale d'Astorga // Revue Mabillon. 2004. № 15. P. 81–106; Agúndez San Miguel L. Op. cit. P. 261–285; García Turza F. J. San Millán de la Cogolla, entre la historia y el mito. La elaboración de una memoria histórica // Mundos medievales. T. 1. P. 557–572; Cantera Montenegro M. Falsificación de documentación monástica en la Edad Media: Santa María de Nájera // Espacio, tiempo y forma. 2013. Serie III. Vol. 26. P. 59–76; Peterson D. Mentiras piadosas. Falsificaciones e interpolaciones en la diplomática de San Millán de la Cogolla // Las donaciones piadosas en el*

этот период было положено начало систематизации грамот и переходу на каролингское письмо, что потенциально могло способствовать росту количества подделок и привнести изменения в их бытование по сравнению с первыми веками Реконкисты. В эпоху картуляриев фальшивые грамоты были часто задуманы как часть более обширного исторического нарратива, изложенного в совокупности различных документов и хроник. Помимо правовой, и, возможно, даже в первую очередь такой комплекс текстов мог выполнять административные и историографические функции, в частности, создания институциональной памяти⁸. Так, сфабрикованные с самыми разнообразными целями грамоты зачастую были приписаны составителями картуляриев более ранней эпохе и в силу ограниченности собственно раннесредневековых источников по этой теме во многом определяют наши представления о том, как фальсифицировали документы в X–XI вв.⁹

---

mundo medieval / Ed. A. García Leal. Oviedo, 2012. P. 295–314. Основные тенденции в изучении средневековых подделок Леона и Кастилии см.: Escalona Monge J. Epica y falsificaciones documentales en la Castilla medieval // Antigüedad y cristianismo: Monografías históricas sobre la Antigüedad Tardía. 2012. № 29. P. 224–229; Escudero Manzano G. J. Las falsificaciones documentales medievales: del rechazo a los nuevos retos // Roda de fortuna. 2016. № 5 (1–1). P. 165–177.

⁸ В научной литературе высказывалось предположение, что бóльшая часть средневековых поддельных грамот никогда не привлекалась в судебном контексте, но скорее служила альтернативой хроникам при конструировании идентичности (Roach L. Forgery and memory at the end of the first millennium. Princeton, 2021. P. 258–257).

⁹ В силу этой особенности источников при изучении леонских подделок основное внимание исследователей было сосредоточено главным образом на периоде развитого Средневековья, в то время как леонские подделки, созданные в X–XI вв. (а не приписанные им), изучались существенно меньше (см.: Escalona Monge J. Lucha política y escritura: falsedad y autenticidad documental en el conflicto entre el monasterio de Santo Domingo y el Burgo de Silos (ss. XIII–XIV) // Conflictos sociales, políticos e intelectuales en la España de los siglos XIV y XV / Ed. J. I. de la Iglesia Duarte. Logroño, 2004. P. 215–217;

Конечно, и в раннее Средневековье церковные конгрегации и землевладельцы светского звания, даже оставаясь в стороне от составления картуляриев и историописания, использовали документальные свидетельства при разрешении имущественных споров и могли прибегать к различным злоупотреблениям. Однако доминирующее значение в суде того времени, как правило, отводилось клятве и устным показаниям¹⁰. Скорее всего, не случайно, что связанный именно с ними, а не с грамотами обман пытались пресечь дошедшие до нас правовые памятники XI в. Хотя фуэро Леона (1017 г.) предписывало в некоторых ситуациях проверять подлинность грамот, оно устанавливало наказание только за устное лжесвидетельство, обходя своим вниманием

Sanz Fuentes M. J. El lenguaje de los documentos falsos // Orígenes de las lenguas romances en el reino de León (siglos IX–XII). León, 2004. Т. 1. P. 119–158; *Carriedo Tejedo M.* Libros, documentos y clérigos (en la época de San Rosendo) // Rudesindus: miscelánea de arte e cultura. 2008. № 3. P. 60–62; *Barrett G.* The written... P. 183–187). Что касается истории права, то, за исключением работ Х. А. Александре-Гарсии, фальсификация документов в X–XI вв. также не вызывала особый интерес среди правоведов в связи отсутствием законодательных источников по этой теме (*Alejandro García J. A.* Estudio histórico del delito de falsedad documental // Anuario de historia del derecho español. 1972. № 42. P. 123–125, 147–150; *Idem.* El delito de falsedad testimonial en el derecho histórico español // Historia. Instituciones. Documentos. 1976. № 3. P. 63–72). Тем не менее данный вопрос отчасти затрагивался при изучении роли письменного свидетельства в суде того времени (см.: *Prieto Morera A.* El proceso en el reino de León a la luz de los diplomas // El reino de León en la alta edad media: Ordenamiento jurídico del reino / Ed. M. Lucas Álvarez. León, 1992. Т. II. P. 464–466; *Alfonso Anton I.* Judicial rhetoric and political legitimation in medieval León-Castile // Building legitimacy: Political discourses and forms of legitimation in medieval societies / Ed. eadem, H. Kennedy, J. Escalona Monge. Leiden, 2004. P. 80–83; *Davies W.* Op. cit. P. 28, 242–243).

¹⁰ Подробнее историографию этого вопроса см.: Сафронова Д. П. Документы на ассамблеях в Леонском королевстве X–XI веков // Средние века. 2018. № 79 (2). С. 88, прим. 5.

фабрикацию документов¹¹. Подобным образом декреты Собора в Койансе (1055 г.), ссылаясь на вестготский кодекс *Liber Iudiciorum* (VII в.), регламентировали лишь преследование давших ложные показания свидетелей¹². В свою очередь сам *Liber Iudiciorum* предусматривал серьезное наказание против подложных грамот (LI VII, 5, 1–2), а также описывал сложные дипломатические процедуры по их выявлению вплоть до сопоставления почерков (LI II, 5, 17)¹³. Тем не менее наши источники умалчивают

¹¹ Про подлинность документов: *Fuero de León (Ov)* / Ed. G. Martínez Díez // *El reino de León en la alta edad media: Ordenamiento jurídico del reino*. Т. II. Cap. II. P. 160. О лжесвидетельстве: *ibid.* P. 164. Cap. XX: «*Si autem aliquis testium falsum testificasse probates fuerit, reddat pro falsitate regi LX solidos et illi ex quo falsum protulit testimonium quicquid suo testimonio perdidit intergum domusque illius falsi testis destruantur a fundamentis et de deinceps a nullis recipiatur in testimoniis*». О нарушении клятвы см. также: *Попова Г. А.* Клятвопреступление короля Альфонсо VI в исторических сочинениях XII–XIII вв. // *Обман как повседневная практика. Индивидуальные и коллективные стратегии поведения* / Под. ред. О. И. Тогоевой, О. Е. Кошелевой. М., 2016. С. 17–33.

¹² *Decretum Fredenandis regis (Concilio de Coyanza (Ov))* / Ed. G. Martínez Díez // *El reino de León en la alta edad media: Ordenamiento jurídico del reino*. Т. II. P. 182. Cap. VII: «*...In iudicio testimonium nisi illorum presentium qui viderunt et audierunt non accipiant. Quod si testes falsi conuicti fuerint, illum supplicium accipiant quod in Libro Iudicum de falsis testibus est constitutum*». В этом отрывке речь идет, скорее всего, о вестготском законе «О свидетелях и свидетельствах» (*Liber Iudiciorum sive Lex Visigothorum* / Ed. K. Zeumer // *Monumenta Germaniae Historica. Legum sectio I*. Hannover, 1902. Т. I: *Leges Visigothorum*. P. 33–456 (далее – LI). II, 4, 6–7. Перевод *Liber Iudiciorum* на русский язык см.: *Вестготская правда (Книга приговоров)*. Латинский текст. Перевод. Исследование / Под ред. О. В. Аурова, А. В. Марея. М., 2012).

¹³ Подробнее о поддельных грамотах в вестготском законодательстве см.: *King P. D.* *Law and society in the Visigothic kingdom*. Cambridge, 1972. P. 110–111; *Marlasca Martínez O.* *La regulación de la falsificación de los documentos en el Derecho Romano y en la Ley de los Visigodos* // *Estudios de Deusto: Revista de la universidad de Deusto*.

об обращении к этим или каким-либо другим законам против фальсификации документов в Леонском королевстве X–XI вв. (хотя другие нормы *Liber Iudiciorum*, посвященные составлению грамот, а не в строгом смысле их фабрикации, находили свое применение в этот период¹⁴).

В связи с этой правовой лакуной в научной литературе утвердилось мнение о том, что махинации с документами в раннесредневековом Леоне не преследовали по закону. В то же время принято считать, что люди того времени по-прежнему осуждали фабрикацию грамот и проводили принципиальное различие между ней и фальсификацией текстов неправового характера, например, хроник (т.е. намеренным искажением в них исторических фактов¹⁵)¹⁶. А. Алехандре-Гарсия, автор одной из немногих специальных работ по этой теме, объяснял безнаказанность составителей подделок в этот период недостатком соответствующих норм и потестарных институтов¹⁷. Этот исследователь считал парадоксальным то, что в числе наиболее плодovitых фальсификаторов той эпохи часто оказывались епископы, которые, казалось бы, должны

1999. Т. 47. № 1. P. 209–233; Everett N. Lay documents and archives in early medieval Spain and Italy, c. 400–700 // Documentary culture and the laity in the early Middle Ages / Ed. W. C. Brown, M. Costambeys, M. Innes, A. J. Kost. Cambridge, 2013. P. 86–87.

¹⁴ Например, леонская грамота 952 г. цитирует закон о том, как следует обращаться с завещанием (LI V, 2, 6), а сомнительная грамота 1025 г. из картулярия *Liber fidei* Браги – нормы о приоритете устного свидетельства над письменным (LI II, 1, 23; LI II, 4, 5) (см. соответственно: Colección documental del archivo de la catedral de León / Ed. E. Sáez. León, 1987. Т. I. Doc. 256 (952); *Liber fidei sanctae Bracarenensis ecclesiae* / Ed. A. de Jesus da Costa. Т. 1. Braga, 1965. Doc. 22 (1025)). См. также примеч. 27.

¹⁵ Например, в начале XII в. епископ Овьедский Пелайо, копируя хронику Сампиро X в., дополнил текст рассказом о вымышленных Овьедских соборах IX в.

¹⁶ Escalona Monge J. Lucha política. P. 215–216; Agúndez San Miguel L. Op. cit. P. 269–270.

¹⁷ Alejandre García J. A. Estudio histórico del delito. P. 147–148.

были в первую очередь пресекать такое мошенничество.

В попытке объяснить это явление в запиренейской историографии второй половины XX в. сложился релятивистский взгляд на средневековые фальсификации¹⁸. Его сторонники предложили рассматривать само понятие «подделки» как анахронизм по отношению к раннему Средневековью, поскольку люди того времени далеко не всегда стремились и могли выявить фальшивую грамоту. Более того, они не считали постыдным сфабриковать документ, если это, по их мнению, помогало восстановить справедливость (*aequitas*). Для них не существовало привычной современному сознанию оппозиции между подлинным и фальшивым, так что они не считали зазорным сфабриковать письменное свидетельство, если оно, по их мнению, помогало вершить правосудие. Так, многие подделки рассматривались в то время как «благочестивые» (*falsitas pia*), поскольку не были созданы *ex nihilo*, но имели своей целью восстановить утраченную подлинную грамоту или зафиксировать на письме правдивую устную традицию. Противники релятивистского подхода утверждают, что современное нам понимание поддельного документа вполне применимо к раннему Средневековью, поскольку и в ту эпоху фальсификаторы сознавали противоправность своих действий, а благие мотивы служили лишь прикрытием преступления¹⁹. Более того, само существование идеи «благочестивой подделки» указывает на необходимость оправдать это нарушение.

Применительно к Леонскому королевству X–XI вв. реляти-

---

¹⁸ Fuhrmann H. Die fälschungen im Mittelalter: Überlegungen zum Mittelalterlichen Wahrheitsbegriff // Historische Zeitschrift. 1963. № 197. P. 529–554; Constable G. Forgery and plagiarism in the Middle Ages // Archiv für Diplomatik. 1983. № 29. P. 1–41; Гуревич А. Я. Избранные труды. Средневековый мир. СПб., 2007. С. 147–149. Пример применения этого подхода к леонскому материалу см.: García Turza J. F. San Millán de la Cogolla, entre la historia y el mito. La elaboración de una memoria histórica // Mundos medievales. Т. 1. P. 557–572.

¹⁹ Brown E. Falsitas pia sive reprehensibilis: Medieval forgers and their intentions // Fälschungen im Mittelalter. Hannover, 1988. Т. 1. P. 101–119.

вистский подход представляется заведомо излишне радикальным, поскольку в леонских источниках того времени прослеживается эксплицитное противопоставление подлинного документа с одной стороны, и фальшивого (*falsus*) и недействительного (*invalidus*) – с другой. Тем не менее в имущественных конфликтах этого периода сообщения о намеренной фальсификации письменного свидетельства, по нашим наблюдениям, относительно немногочисленны и довольно неравномерно представлены в источниках различных регионов Леонского королевства (в основном на западе²⁰). Хотя некоторые из известных нам упоминаний о махинациях с грамотами дошли до нас в оригинале²¹, большая часть сохранилась лишь в копиях, которые были выполнены в конце XI – XIV в. для ряда картуляриев преимущественно в Португалии²² и Галисии²³ (в меньшей степени в Асту-

²⁰ Относительно более высокий уровень документальной культуры на западе Леонского королевства по сравнению с его востоком отмечался в научной литературе применительно к другим правовым практикам и требует дальнейшего изучения (см.: *Barrett G. The text of Visigothic law in practice // Visigothic symposia. 2020–2021. № 4. P. 21*).

²¹ *Documentación del monasterio de San Salvador de Oña I (882–1280) / Ed. M. J. Torrens Álvarez et al. Madrid, 2016 (далее SSO). Doc. 2 (944); Colección documental del archivo de la catedral de León / Ed. J. M. Ruiz Asencio. León, 1987. T. III (далее ACL). Doc. 669 (1008); Colección diplomática del monasterio de San Vicente de Oviedo (años 781–1200) / Ed. P. Florianio Llorente. Oviedo, 1968. T. 1 (далее SVO). Doc. 37 (1045).*

²² *Livro de Mumadona* (составлен в конце XI в., дошел в копии XII–XIII вв.) из монастыря Гимарайнш, *Liber Testamentorum* (конец XIII в.) из монастыря Пасу-де-Соза, *Livro Preto* (конец XII в.) из Коимбры (*Portugaliae monumenta historica: a saeculo octavo post christum usque ad quintumdecimum: Diplomata et chartae / Ed. A. Herculano. Lisboa, 1868. T. I. Fasc. I (далее РМН). Doc. 183 (999), 225 (1014), 226 (1015), 228 (1016); см. также современные издания этих картуляриев соответственно: Portugalia monumenta historica. Diplomata et chartae: Livro de Mumadona, cartulário do mosteiro de Guimarães / Ed. A. Evangelista Marques et al. Lisboa, 2016; Livro dos testamentos do mosteiro de Paço de Sousa / Ed. M. T. Monteiro, J. J. Rigaud de Sousa // Bracara Augusta. 1970. № 24 (57–58). P. 138–*

рии²⁴ и Кастилии²⁵).

Это позволяет нам поставить вопрос о том, в какой мере фальсификацию документов использовали в качестве судебной стратегии в X–XI вв. и насколько эта проблема была актуальна в глазах людей того времени. Задача данной статьи заключается в том, чтобы выяснить, кто и в каких ситуациях в Леонском королевстве этого периода обращался к фабрикации документов, а также какими способами люди того времени пытались этому противостоять. Наряду с фальсификацией грамот в строгом смысле, мы будем рассматривать казусы, в которых документ составляли с целью придать вид законности заведомо противоправным действиям. В таких случаях злоумышленники под давлением заставляли своих жертв скреплять грамоты, которые могли быть подлинными в дипломатическом плане, т.е. в них, скорее всего, были верно указаны время и место их издания. В то же время такие грамоты были подложными по содержанию, т.к. заключенная сделка была представлена в них добровольной и легитимной.

Что касается источников, то большая часть существующих

283; Livro preto: cartulário da Sé de Coimbra. Edição crítica. Texto integral / Ed. M. A. Rodrigues, A. de Jesus da Costa. Coimbra, 1999).

²³ *Tumbo* (XII–XIII вв.) из монастыря Селанова (Colección diplomática del monasterio de Celanova (842–1230) / Ed. E. Sáez, C. Sáez. Alcalá de Henares, 1996–2000. Т. I–II (далее CEL). Doc. 52 (936), 191 (982)); *Tumbo* (нач. XIII в.) из монастыря Сан-Хулиан-де-Самос (El Tumbo de San Julián de Samos (siglos VIII–XII) / Ed. M. Lucas Álvarez. Santiago de Compostela, 1986 (далее SJS). Doc. 9 (995), 213 (1075)); *Tumbo* (XIII–XIV вв.) из монастыря Собрало-делос-Монхес (Tumbos del monasterio de Sobrado de los Monjes / Ed. P. Loscertales de G. de Valdeavellano. Madrid, 1976. Т. 1 (далее SLM). Doc. 131 (1000), 132 (1001), 139 (1097)).

²⁴ *Liber Testamentorum* (первая треть XII в.) кафедры Овьедо (Colección de documentos de la catedral de Oviedo / Ed. S. García Larragueta. Oviedo, 1962 (далее ACO). Doc. 74 (1075), 87 (1083)).

²⁵ *Becerro Gótico* (кон. XI в.) из монастыря Карденья (Fuentes para la historia de Castilla. Т. 3: Becerro Gótico de Cardeña / Ed. L. Serrano. Valladolid, 1910 (далее BGC). Doc. 69 (914–945)).

исследований по этой теме была основана на изучении непосредственно поддельных грамот. В отличие от предшествующей историографии, в данной статье в качестве источников были привлечены подлинные документы X–XI вв. с описанием судебных и внесудебных имущественных конфликтов, в которых в свою очередь фигурировали недобросовестно составленные письменные свидетельства. Все отобранные нами тексты не считаются интерполированными, но в своем анализе мы учитываем, что более позднее время создания копий, как и их церковное происхождение, могло повлиять на их содержание.

Принуждение к составлению документа под давлением является формой махинации с грамотами, которая относительно хорошо освещается нашими источниками, в том числе оригинальными. Лишь в единичных случаях уличенному в таком принуждении человеку удавалось доказать, что поставленная под сомнение грамота была на самом деле сделана добровольно. Так, согласно оригинальному документу 1008 г. из Леонской коллекции, граф Муньо Фернандес смог отвести от себя обвинение в том, что он заставил Веласкиту, сестру епископа Асторги, скрепить акт о продаже деревни в свою пользу. По версии этого епископа, граф посадил женщину в заточение, «мешал ей жить и молиться» и принудил скрепить документ с целью заполучить ее имущество²⁶. На судебной ассамблее по поводу этого конфликта Муньо Фернандес, по видимому, представил саму спорную грамоту, но добровольный характер этой сделки купли-продажи был подтвержден клятвой со стороны графа.

---

²⁶ ACL. Doc. 669 (1008): «Dicente domnus Scemenus episcopus contra parte Munnio Fredenandiz: “Villa que tenis nominata fuit de iermana mea domna Velasquita, et prendidisti ea et misisti in custodia, et vedasti ey vittum et oraculum; et *saccasti* [здесь и далее курсив мой. – Д. С.] ea ad ipsa mea iermana *invitissime*, et fecit tibi *carta de illa sine sua voluntate*, et tenes ea contra te fortissime”. Dedit Monnio Fredenandiz responsum: “...Et que non feci ad illa nulla arte mala cum cupiditate de ipsa villaprehendere set ut dedit mici illa domna Velasquita per *carta que in concilio paret* et conplibi illa de pretio emto quod desuper resonat...”».

В остальных известных нам сходных случаях составленный под давлением документ был впоследствии лишен силы. Например, согласно оригинальному документу 1045 г. из монастыря Сан-Висенте-де-Овьедо, пресвитер Хеволдо, «не желая того, насильно и в страхе», сделал грамоту о дарении своей церкви в пользу графа Муньо Родригеса, который в то время «правил Астурийской землей по фуэро короля»²⁷. Вероятно, в связи с последующей сменой власти это имущество вернулось к пресвитеру, а скрепленная им грамота дарения была «по закону (*ad legem*)» признана недействительной (*non continet valere*) как составленная в страхе. Под законом здесь, скорее всего, подразумевается соответствующий титул *Liber Iudiciorum* (LI II, 5, 9), текстуальные заимствования из которого можно найти в нашем источнике²⁸.

Согласно грамоте 995 г. из картулярия Самоса, с отсылкой к этому же вестготскому закону и реминисценциями из него была лишена силы грамота брата Сентано о его имуществе, которую галисийский герцог Сити Лусиди заполучил у этого монаха силой²⁹. Данный источник также сообщает, что, помимо этого инцидента с Сентано, герцог бунтовал против мо-

²⁷ SVO. Doc. 37 (1045): «Et ego metum plenus ausum non fuit contendere cum eo propter imperium suum; et volens nolens, *per vim et metum*, feci illi karta pro ad ipsum monastenum prefatum, quos *ad legem non continet scriptura valere* qui per metum facta fuerit».

²⁸ LI II, 5, 9: «Quod omnis scriptura vel definitio, que *per vim et metum* extorta fuerit, *valere non poterit*. Pactum, quod per vim extorsit persona potentior vel inferior, sive placita vel reliquas scripturas, id est, si ille, qui paciscitur, aut in custodia mittetur aut sub gladio mortem forte timuerit, aut ne penas quascumque vel ignominia patiat, vel certe si aliquam iniuriam passus fuerit, huiusmodi pactio vel scriptura quilibet *nullam habeat firmitatem*».

²⁹ SJS. Doc. 9 (995): «Mandaverunt ea mihi invictissime rovorare ut post ovitum meum prendidiset ipsa hereditate ipse Citi, que nec veritas est nec mea voluptas conplacabat. Deus scit quia non mencior. Post non multis vero temporibus exivit de ipsa terra propter multa sua scelera ipse Citi cum sociis et tudoribus suis et perducti sunt in terram Portugalis cum revelli Guntisalbus Menendiz».

нарха и, совершив «многие злодеяния», бежал в Португалию. Потерпевшему монаху впоследствии удалось вернуть свое имущество на королевской ассамблее, которая признала грамоту Сентано в пользу Сити Лусиди недействительной (*non abuiset nulla firmitatem*) по «подлинному постановлению канона и готскому закону»³⁰.

Однако далеко не во всех случаях пострадавший мог легко отстоять то, что оспаривалось на основе составленного против его воли документа. Так, согласно широко известной в научной литературе грамоте 982 г. из *Tombo* Селановы, епископ Гонсало заставил жившего под его управлением Бермудо Одойниса, когда тот был тяжело болен, скрепить в свою пользу документ о монастыре св. Колумбы³¹. Бермудо выжил и вернул свое имущество, но составленная им под давлением грамота впоследствии неоднократно переходила из рук в руки и использовалась для того, чтобы лишить его сына и наследника по имени Одойно этого монастыря. Только с помощью короля и другого епископа Одойно удалось забрать злополучный документ у хранившей его на тот момент женщины, заплатив ей при этом отступное во избежание дальнейших тяжб³².

В связи с этим становится понятным стремление людей того времени уничтожить составленный вопреки воле документ, как

---

³⁰ Ibidem: «Placuit rex et vidit bene omne suo sancto concilio: comites adque pontifices, filii bonorum, magnati palatii et per ueram scienciam canonica et lex gotiga ut omne *scriptura inuictissime uel invalide, que non abuiset nulla firmitatem* sicut illa Citi et totum bonum ad eclesiam currentium mandamus et auctorigamus et scriptura sacra confirmat».

³¹ CEL II. Doc. 191 (982): «Cumque esset [Veremudus – Д. С.] ibi habitans evenit ei infirmitas periculum mortis significans. Tunc ipse Gundesindus episcopus fecit eum roborare testamentos de ipsa casa sancta Columba *invittissime quod non pacifice*».

³² Ibidem: «Ac vero ipse serenissimus [rex Ranemirus – Д. С.] misericordia motus ordinavit tio suo domno Rudesindo episcopo ut per se venisset et de verbum regis cum ipsa domna locutus fuisset ut mihi Odoyno meas scripturas dedisset. Ex tunc ego dum vidissem quam quod rex imperaverat illa devote complebat, ad confirmandam mihi meam veritatem ut amplius cum ea non abuissem contemptionem, dedi ei in sua offertione...».

это описывает грамота 936 г. из того же картулярия. Согласно данному источнику, бездетная пара сделала завещание в пользу своих кузенов при условии, что те будут служить завещателям при жизни. Однако предполагаемые наследники не только нарушили свои обязательства, но и организовали на супругов нападение, ограбили их и, удерживая в заточении, заставили скрепить другой документ в свою пользу³³. Освободившись, завещатели лишили этих кузенов наследства, публично на ассамблее разорвали составленную ранее в их пользу грамоту и запретили использовать ее в дальнейшем³⁴.

В попытках отнять имущество у своих родственников злоумышленники могли фабриковать документы и без привлечения его законных владельцев. Так, согласно, грамоте 1000 г. из картулярия монастыря Собрадо, кузины монахини Терезы совершили вторжение в деревню, где жили либертины (вольнотпущенники) Терезы, составили подложную грамоту (*scripturam falsitatis*) и нанесли им серьезный материальный ущерб³⁵. Источник подчеркивает, что в числе прочих бесчинств одна из кузин вместе со своим мужем галисийским графом Суэро Гундемари-сом приняла участие в мятеже против короля.

Различные враждебные действия также часто сопровождали составление поддельных документов, когда в роли фальсификаторов выступали монахи³⁶. Так, согласно оригинальному до-

³³ CEL I. Doc. 52 (936): «Et morabimus ibidem sub vim nocte una et dies duos muniti custodia, donec *invictissime* roboravimus placitum, qualiter dedissemus pomare medio ad Honoratum diaconum quem ipsi supradicti Hector abebant».

³⁴ Ibidem: «Tulimus eis ipsam hereditatem et ipsam scripturam quod illis prius fecimus, in omni concilio inictu confringimus et proibemus eius roborem in alicuius concilio permanere».

³⁵ SLM. Doc. 131 (1000): «Surrexit una ex subrinis nostris nomine Gudilone qui cum fratre nostro Sauarigo quia nostram causam regebat, *scripturam falsitatis composuit*, et inmissiones et misit et multa mala in ipsis hominibus fecit. Et inde surrexit comes Suarius Gundemariz, cui cum alia nostra subrina coniux eius nomine Gunzina qui et *ad reges rebelium composuit* et nobis potentialiter de ipsos homines illos medios tulit».

³⁶ Леонская грамота 1031 г. содержит свидетельство того, что, по-

кументу 944 г. из монастыря Сан-Сальвадор-де-Онья, один из его братьев по имени Конанцио, отрицая свою принадлежность к этой обители, вместе с сообщниками и подложными грамотами (*cartas falsarias*) выгнал других монахов из их дома, учинив там разгром³⁷. Разоренное имущество было возвращено монастырю в результате разыскания, которое выявило «обман» со стороны Конанцио. Грамота 1097 г. из картулярия Собрадо описывает сходный случай с Петром Гонсалесом, которому было поручено организовать монашескую общину на вверенной ему в пользование земле аббата³⁸. Петр нарушил условия соглашения, забросив землю, распродав скот и «ложной грамотой сделав себя наследником» этого имущества. Как и в предыдущем казусе, в ходе судебного разбирательства было проведено разыскание – опрос местных жителей, на основании которого имущество было возвращено законному владельцу.

В более редких случаях фабрикация документа, по сообщению наших источников, не сопровождалась другими насильственными действиями, но была произведена в контексте формального судебного разбирательства. Например, согласно грамоте 1001 г. из картулярия Собрадо, Лусидо Кириаси присвоил

мимо монахов, аббаты также могли быть уличены в фальсификации документов. В более поздней приписке к этой грамоте (предположительно кон. XI – нач. XII в.) сообщается, что ее сфальсифицировал настоятель (ACL. Doc. 887 (1031)).

³⁷ SSO. Doc. 2 (944): «Conantius frater qui fuit in ipsa regula sub regimine Vuimarani abbati et sub manu Silbani abba XXII annos; et post hec venit illi *spiritus deceptionis* quum aliis gasalians qui sunt suasores ecclesie, quum *cartas falsarias* et extranearunt nobis de nostra casa, et fuimus ex illa minus dies triginta, et rapinaberunt ex illa quantum in notitia resonat, et effugaverunt fratres de ipsa casa».

³⁸ SLM. Doc. 139 (1097): «Dedit domnus Vimara abba et pater eius Odoarius Vimare ad Petrum Gundisalui ecclesiam Sancte Eulalie de Curtis de suo atondo, et per suum placitum, ut laboraret et edificaret eam et fecisset in ea opera monastica secundum canones, et fuit negligens de omni actu et fecit ad eos mala... Deinde surrexit ipse Petrus in austum temerarium et *per falsum scriptum* fecit se heredem cum ille in ipsa ecclesia, et fuit in querimonia...».

одну из деревень этого монастыря, воспользовавшись голодом и запустением, которое ее постигло. Для этого Лусидо тайно составил «недействительные документы» (*scripturas invalidas*) и долгие годы благополучно держал эту деревню в своем праве³⁹. Однако спустя 20 лет монастырь все же решил вернуть ее и с этой целью привел на суд 120 свидетелей. В ходе разбирательства сам Лусидо не смог представить свидетелей и признал свое поражение, упав на колени перед судьями. В итоге стороны заключили соглашение (*convenientiam*), согласно которому проигравший дело сохранял за собой право пользования спорной деревней при условии, что будет отдавать часть дохода с нее в пользу монастыря, а после смерти Лусидо все это имущество полностью перейдет к монахам.

Согласно грамоте 1075 г. из *Tumbo Самоса*, так же мирно происходила тяжба между этим монастырем и Гауденсо Эйтасом. Этот человек со своими родственниками пытался отсудить у Самоса деревню, предоставив на ассамблее «подложную грамоту, которую злонамеренно сфабриковал»⁴⁰. По указанию судей монахи подтвердили свои права клятвой и были готовы также прибегнуть к ордалиями, но Гауденсо признал поражение, пообещав более не претендовать на спорную землю, в том числе с помощью фальсификации грамот (*artem scripturam subpositionis*).

В попытке противостоять подложным документам именно устные показания и клятва, как правило, играли ключевую роль в X–XI вв. Альтернативный способ дискредитации подделок, который представляется нам скорее исключением для своего времени, описан в португальских картуляриях: источники

---

³⁹ Ibidem. Doc. 132 (1001): «Stante et permanente in suo iure, uenit Lucidus Quiriaci *absconse* a fratribus et *supposuit scripturas inualidas* de ipsis hereditatibus et extraniauit de iure monasterii ipsas tres partes ab integro hodie XX annos et aplicauit iuri suo et habet contra se».

⁴⁰ SJS. Doc. 213 (1075): «Dederunt fratres de Samanos suos *scriptos legitimos* et placitum de ipsa hereditate... Dedit ipse Gaudenzo et sui supriini suam *cartam falsam*, quam ille *subposuerat per iniquum consilium*, ut devenisset ad ipsam hereditatem».

этого региона показывают, как фальшивый документ мог быть выявлен путем его сопоставления с подлинным⁴¹. Так, например, согласно грамоте 1015 г. из *Liber Testamentorum* монастыря Пасу-де-Соза, судьи отвергли письменные свидетельства пресвитера Саламира как «более поздние» (*posteriores*) и разорвали их, присудив победу его оппоненту на основании предоставленных им «более ранних» (*priores*) грамот⁴².

Документы из *Livro de Mumadona*⁴³ монастыря Гимарайнш и *Livro Preto*⁴⁴ из Коимбры также указывают на то, что в ходе судебного разбирательства с привлечением письменных свидетельств с обеих сторон люди того времени отдавали предпочтение более ранним грамотам. Древность документа как таковая могла цениться в этот период⁴⁵, и в данном случае возраст конкурирующих текстов, возможно, сыграл свою роль, но определяющим здесь скорее являлся порядок, в котором они были составлены. Как именно судьи оценивали предоставленные сторонами письменные свидетельства, подробнее всего иллюстрирует

---

⁴¹ За пределами Португалии сопоставление документов, предоставленных участниками тяжбы, встретилось нам лишь в грамоте первой половины X в. из *Becerro Gotico* кастильского монастыря Карденья (BGC. Doc. 69 (914–945); подробнее об этом казусе см.: Сафронова Д. П. Указ. соч. С. 99–100).

⁴² РМН. Doc. 226 (1015): «Unde intencio inter nos fuit, et dedimus nostras scripturas et vos vestras ante iudices prefati, et crebaverunt meas scripturas, quos invenerunt *posteriores*, et elegerunt illas vestras scripturas, que erant *priores*».

⁴³ РМН. Doc. 183 (999): «Et dum legerunt ipsi iudices et intellexerunt omnia inuenerunt ueridicum illum quod aseruit vimara muniut. Et ordinarunt per Librum Iudicum ut traucisset Vimara Muniuz cum suos plazos et suas scripturas et suas testes que erant suas scripturas *priores* et iterum religauit eos ipse sagion sub certo plazo ut dedisset Vimara Munioz ipsas V testimonias prenominatas pro ad iuramento».

⁴⁴ РМН. Doc. 228 (1016): «Quando audivit Flavianus et Ranimirus illum placitum de domno Oseredo qui erat *priore* et investido de illa hereditate et veridico agnoverunt se in veritate».

⁴⁵ См., например: Colección diplomática del monasterio de Sahagún / Ed. M. Herrero de la Fuente. León, 1988. Т. II. Doc. 444 (1036).

грамота 1014 г. из *Livro de Mumadona*. Согласно этому документу, в тяжбе Ордоньо Сентарии против монастыря Гимарайнш судьи сверили даты тех грамот, которые подали участники спора, и сочли грамоты монахов «более ранними», а мирянина – «более поздними и поддельными, и неправдоподобными» (*postteriores et falsas et aborrendas*) и приказали их разорвать⁴⁶. Несмотря это поражение Ордоньо, претензии к монастырю по поводу этого дела не прекратились и монахам пришлось в ходе дальнейшего разбирательства отстаивать свои позиции, но уже путем принесения клятвы.

Подводя итоги, можно отметить, что фабрикация документа, как и принуждение к его составлению, не только явно осуждалась людьми того времени, но зачастую стояла в одном ряду с серьезными насильственными действиями вплоть до восстания против короля. В грамотах X–XI вв. фальсификация практически не описана как самостоятельное нарушение порядка, но, как правило, дополняет череду других бесчинств. Как не раз отмечалось в научной литературе, поддельная грамота одним фактом своего существования манифестирует саму идею документа⁴⁷; в подобном леонском контексте насилия фабрикация грамот еще более подчеркивает то, насколько обыденным в глазах людей X–XI вв. было письменное оформление транзакций. В то же время нельзя забывать, что в наших источниках всегда отражена только позиция победившей в тяжбе стороны, а потому резонно за-

---

⁴⁶ PMH. Doc. 225 (1014): «Et audierunt ipsas scripturas ipsos iudices legentes et cartas de Ordonio et intellexerunt eas et *adtestarunt era et annum* de illas cartas de Ordonio cum era de illo testamento et de illas cartas quos in concilio presentabit ille abbate domno Honorico et inuenerunt era et annum de illo testamento prior. Et inuenerunt era de cartas de Ordonio *postteriores et falsas et aborrendas*. Et intellexerunt ipsos iudices quomodo *subposuerant* eas ad illo testamento et *mandarunt eas crepare* et fuissent inualidas. Et elegerunt illo testamento que iam quinquagenario concluderat post parti ecclesie et illas cartas quos in concilio presentabit ille abate domno Honoricus». Подробнее об этом казусе см.: Сафронова Д. П. Указ. соч. С. 100–102.

⁴⁷ Hiatt A. Op. cit. P. 1.

подозрять в них некоторое преувеличение того ущерба, который, наряду с предоставлением ложного письменного свидетельства, причинил фальсификатор. Тем не менее в изображении источников X–XI вв. понятие «подделки» явно несло в себе отрицательные коннотации, а фальшивые документы едва ли представлялись их современникам «благочестивыми».

Согласно нашим грамотам, письменное свидетельство, как правило, фабриковали с целью придать вид законности чему-то заведомо противоправному, а не честно отстаивать справедливость в суде. В некоторых случаях участник спора мог использовать фальсификацию грамоты как судебную стратегию, но чаще речь идет о том, что с помощью фальшивых документов люди того времени старались закрепить за собой уже полученную ими фактически в пользование или захваченную землю. При этом фальсификаторы зачастую пытались обогатиться за счет тех, с кем уже состояли в каких-то родственных или имущественных отношениях. Таким образом, идея «благочестивой подделки» едва ли нашла отражение в наших источниках, возможно, в силу их неизбежной ангажированности; но если толерантный подход к фальсификации все же бытовал в Леоне X–XI вв., то скорее в контексте двойных стандартов.

К фабрикации документов, вероятно, мог прибегать широкий круг лиц как духовного, так и светского звания. Так, например, наделенные властью люди, будь то графы или епископы, могли незаконно заполучить имущество, силой заставив его владельца скрепить недействительные грамоту в свою пользу. Мелкие землевладельцы и монахи в свою очередь могли присвоить переданное им на условиях службы имущество, сочинив грамоту о нем на свое имя. При этом церковное происхождение наших источников позволяет предположить, что они склонны выставлять именно мирян в наихудшем свете и, возможно, даже приписывать им фальсификацию документов, которая на самом деле не имела место⁴⁸. Тем не менее

---

⁴⁸ Х. Эскалона-Монхе предполагал, что обвинения в фальсификации документов в данном контексте являются проекцией, т.е. выдают того, кто сам был повинен в махинациях с грамотами (*Escalona*

уже сам факт упоминания об участии светских лиц в такого рода махинациях заставляет думать, что оно выглядело как минимум правдоподобным в глазах современников, иными словами, миряне действительно могли прибегать к фальсификации грамот в конфликтах как с представителями церкви, так и между собой.

Во всех известных нам случаях предоставившая ложный документ сторона формально проигрывала дело. В то же время, даже будучи пойманным за руку, фальсификатор не лишался автоматически возможности продолжить отстаивать свои притязания по тому же делу или претендовать на отступное за утерянное в результате неблагоприятного приговора имущество⁴⁹. Что касается самой фальшивой грамоты, то ее могли провозгласить недействительной и разорвать. В публичном уничтожении подделки можно усмотреть символическое значение, однако за этим также могли стоять вполне прагматические мотивы: фальшивый документ мог послужить основой для возобновления притязаний, и даже при повторном рассмотрении дискредитировать его могло оказаться непросто.

В редких случаях, когда речь шла о принуждении к составлению грамоты, ее могли лишиться силы, ссылаясь на постановления *Liber Iudiciorum*. Тем не менее доступные в X–XI вв. методы выявления фальшивых документов, скорее всего, оставались более скромными по сравнению с вестготским: за редким исключением, дела с привлечением сомнительных документов в этот период решались с помощью принесения клятвы и показаний свидетелей, а не анализа самих письменных свидетельств. Рискнем предположить, что именно такое состояние судебной экспертизы (а не низкая осведомленность людей того времени о проблеме фальсификации), объясняет ограниченное количество дошедших до нас свидетельств о разоблачении подделок в конфликтах того времени.

Monge J. Lucha politica. P. 216).

⁴⁹ Похожие наблюдения были сделаны на каталонском материале этого периода (см.: *Bowman J. A. Shifting landmarks: Property, proof, and dispute in Catalonia around the year 1000*. New York, 2004. P. 151).

ЭПИТЕТЫ САМОЗВАНЦА ТИЛЯ КОЛУПА В НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIII-XIV СТОЛЕТИЙ: ОБРАЗЫ, ОЦЕНКИ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Появление самозванных правителей и их амбициозные попытки вернуть себе власть и признание народа – явление не самое частое, хотя и возникающее спорадически в разных концах Европы эпохи Средневековья и Нового времени¹. И хотя лжеправители стали появляться примерно тогда же, когда возник и сам институт монархии², у западноевропейских хронистов к XIII–XIV вв. ещё не сложилось устоявшегося набора терминов и характеристик для подобных обманщиков. В этой статье я собираюсь проанализировать некоторые особенности осмысления немецкими хронистами фигуры фальшивого императора Фридриха II Штауфена, действовавшего на нижнем Рейне в 1284–1285 гг. и оставшегося в письменных источниках под именем Тиля Колупа. Для этого будут рассмотрены эпитеты и характеристики обманщика и его деятельности в немецких хрониках конца XIII – первой половины XIV в.

Вообще, успех – более или менее краткий – лже-Фридрихов был обусловлен комплексом причин: ослаблением центральной власти в германских землях, её дефицитом, сомнениями в легитимности действующего правителя, наличием устойчивых представлений у подданных о том, что при прежнем государе был порядок и справедливость, в отличие от теперешних смутных времен, и т. д.³ Наконец, междуцар-

---

¹ Ср., например: лже-Генрих V, последний император Салической династии, лже-Балдуин I Фландрский, лже-Вильгельм Бранденбургский, Перкин Уорбек и др.

² *Ингерфлом К.* Аз емь царь: история самозванства в России / Пер. с франц. П. Каштанова. М., 2021. С. 15.

³ Комплексное исследование условий появления правителей-

ствие, длившееся 19 лет, породило вакуум власти. После смерти императора Фридриха II в 1250 г. и краткого правления его сына Конрада IV (ум. 1254 г.) династия Штауфенов пресеклась, и германский трон оставался вакантным до 1273 г., когда королём был избран Рудольф Габсбург.

Нужно также учитывать, что XIII столетие было временем эсхатологических ожиданий и такая фигура, как Фридрих II, у приверженцев учения Иоахима Флорского (1132–1202) отождествлялась то с Антихристом, то с императором «последних времен». В обоих сценариях его смерть в 1250 г. не вписывалась в расчёты средневековых интеллектуалов. Вера же простолудинов в то, что великий государь вернется и восстановит порядок, мир и справедливость в своей стране, найдет управу на представителей Церкви и на сеньоров-притеснителей, не в последнюю очередь была сформирована им самим еще при жизни. Ведь всем без исключения психологам хорошо знакомы коллективные ожидания населения, выражающиеся формулой: «Мою бедность и несправедливость победит сильный правитель»... Совсем не случайно хроники отмечают, что именно городские низы особенно быстро проникались симпатией к самозванцу и признавали его правителем⁴.

Легковерие народа также указывается среди причин, почему обманщику поверили и чествовали его как настоящего императора⁵. Это свойство проистекало не только из-за малой образо-

---

самозванцев (Балдуина Фландрского, Фридриха II и Вальдемара Бранденбургского) в германских землях конца XIII – середины XIV в. см. в: *Schwinges R. C. Verfassung und Kollektives Verhalten. Zur Mentalität des Erfolges falscher Herrscher im Reich des 13. und 14. Jahrhunderts // Mentalitäten im Mittelalter / Hrsg. von F. Graus. Sigmaringen, 1987. S. 177–202.*

⁴ См., например: *Detmar-Chronik // Die Chroniken der niedersächsischen Städte / Hrsg. durch die historische Commission bei der Königlichen Akademie der Wissenschaften. Lubeck; Leipzig. 1884. Bd. 1. S. 367; Ottokars Österreichische Reimchronik / Ed. J. Seemüller // Monumenta Historiae Germanicae Deutsche Chroniken (далее – MGH Dt. Chron.). Hannover, 1890. T. 5, pars. 1. P. 424–425.*

⁵ Подробнее см. примеч. 36.

ванности: очень мало людей лично видело императора в лицо, бывая при дворе или застав пребывание правителя в городе, и способно было «опознать», истинный ли перед ними государь⁶.

Недовольство политикой действующей власти и стремление обрести более милосердного короля также толкало людей разных социальных групп навстречу фальшивому Фридриху: в нескольких текстах прямо сказано, что определенная часть знати и простолудинов поддерживала псевдо-императора из ненависти к королю Рудольфу⁷.

Помимо социально-политических интересов в признании Тиля Колупа императором Фридрихом сыграли роль и чисто экономические соображения. Имперские города, перешедшие на сторону самозванца, в то время как раз конфликтовали с королём Рудольфом из-за налогообложения. Он ввёл новый налог, называемый «тридцатый пфенниг»⁸.

Еще одна важная причина популярности лже-императоров заключалась в том, что в Германии точно не знали, как именно Фридрих II скончался. В декабре 1250 г. Штауфен находился в Апулии. Желудочная инфекция, казавшаяся поначалу

---

⁶ Именно веское слово того, кто видел настоящего императора лично, становилось причиной для изгнания из города человека, называющего себя императором. См.: Detmar-Chronik... S. 367.

⁷ “Quod Rudolfo quidam a suis emulis asserunt procuratum”. *Iohannis abbatis Victoriensis. Liber Certarum Historiarum* / Ed. F. Schneider // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores* (далее – MGH SS.) rer. Germ. in usum scholarum. Hannover; Leipzig, 1909. Т. 36. Lib. 1. P. 245; “...quidam dicebant eum missum fuisse ab emulis regis ad destructionem ipsius, fortunam temptantes, si posset forte in cesarem promoveri, quo facto mox regis auctoritas exspiraret. Sed frustrati et fraudati sunt sua spe”. *Monachi Fürstenfeldensis Chronica de Gestis Principum* / Ed. G. Leidinger // MGH SS rer. Germ. in usum scholarum. Hannover; Leipzig, 1918. Т. 19. P. 42.

⁸ Налог на имущество составлял 3,3 %. Городское население особенно противилось его уплате. На общем фоне наиболее сильным был протест городов Эльзаса. Подробнее о налоговой политике короля в отношении городов см.: *Martin T. M. Die Städtepolitik Rudolfs von Habsburg*. Göttingen, 1976. S. 161 ff.

неопасной, приняла плохой оборот, и занемогшего правителя на носилках доставили в замок Фьорентино, близ Лучеры, мусульманского поселения на континенте. 13 декабря 1250 г. он умер в окружении приближённых, успев утвердить своё завещание. Его побочный сын Манфред, присутствовавший при кончине отца, 15 декабря из Фоджи отослал соответствующее письмо своему сводному брату Конраду в Германию. Практически тот же текст получили и жители Палермо⁹. Тем не менее, сведения об обстоятельствах и причинах кончины Фридриха, а также о том, что происходило сразу после этого, в хрониках противоречивы и далеко не всегда заслуживают доверия. Это говорит о том, что современникам не доставало достоверных знаний о произошедшем.

Штауфен был захоронен в порфириновом саркофаге в кафедральном соборе Палермо. Однако, несмотря на соблюдение полагающихся ритуалов, слухов о смерти государя по-прежнему было много: роковую весть мог распространять как он сам, чтобы укрыться от гнева понтифика, так и папская курия, чтобы возвестить «конец империи»¹⁰. Незнание порождало различные интерпретации и усиливало всеобщее сомнение в том, что правитель на самом деле скончался¹¹.

Появление «призраков» Фридриха II часто связывается специалистами с мифами, витавшими вокруг персоны императора еще при его жизни и широко распространившимися в различных вариациях после его смерти.

На примере рассказов средневековых историографов о

---

⁹ Текст письма см.: *Historia diplomatica Friderici Secundi, sive constitutiones, privilegia, mandata, instrumenta quae supersunt istius Imperatoris et filiorum ejus. Accedunt epistolae Papatum et documenta varia. Collegit, ad fidem chartarum et codicum recensuit, juxta seriem annorum disposuit et notis illustravit / Ed. par J.-L.-A. Huillard-Breholles. Parisiis, 1861. Т. 6. Р. 811–812.*

¹⁰ См. об этом, например: *Kantorowicz E. H. Frederick the Second. 1194–1250. New York, 1957. Р. 686.*

¹¹ См., например: *Houben H. Kaiser Friedrich II. (1194–1250). Herrscher, Mensch und Mythos. Stuttgart, 2008. S. 195.*

мошеннике, который выдавал себя в конце XIII в. за императора Фридриха II Штауфена, я постараюсь реконструировать, в чём именно авторы видели нарушение этим странным человеком привычного общественного порядка. По тому, какими эпитетами наделяли хронисты лжеправителя, какие метафоры они использовали, можно сделать заключение о некоторых особенностях средневекового историописания, о том, как авторы текстов с помощью образного языка характеризовали современное им общество, тем или иным образом реагировавшее на слова и действия псевдо-Фридриха.

Большинство упоминаний об этом обманщике кратки: в таких записях сообщалось лишь о его притязаниях и о печальном, но закономерном конце. Вот, например, типичные строки, сообщающие о его судьбе: «Некто, **присвоив себе имя и личность** императора Фридриха сначала в Нойсе, а потом и в Вестфалии многих привлёк на свою сторону, но, схваченный Рудольфом, сожжён живьём в день поминовения [св. мученика] Килиана [т. е. 7 июля 1285]»¹².

---

¹² “Eodem anno quidam **usurpans sibi nomen et personam** Frederici imperatoris, primo in Nusia deinde in Westphalia multos sibi attraxit, tandem ex precepto Rudolphi vivus exurit in vigilia Kiliani”. *Annales breves Wormatienses* / Ed. G. H. Pertz // *MGH SS*. Hannover, 1861. T. 17. P. 77. Такой же фразой описываются действия этого лже-Фридриха и в нижнеавстрийских анналах Генриха фон Хаймбурга. Ср.: “Quidam **usurpavit sibi nomen Friderici imperatoris**, quem postea Rudolphus rex Romanorum fecit cremari”. *Henrici de Heimburg annales* / *Ibid.* P. 718. См. также другие хроники, вкратце осветившие историю лже-Фридриха: *Annales Blandienses* / Ed. L. Bethmann // *MGH SS*. Hannover, 1844. T. 5. P. 33; *Ellenhardi Agrentiensis Annales* / Ed. Ph. Jaffé // *MGH SS*. T. 17. P. 103; *Annales Moguntini* // *Ibid.* / Ed. G. H. Pertz. P. 2; *Annales S. Stephani Frisingenses* // *MGH SS* / Ed. Societas aperiendis fontibus rerum Germanicarum medii aevi. Hannover, 1881. T. 13. P. 57; *Chronicon Imperatorem et Pontificum Bavaricum* // *MGH SS* / Ed. Societas aperiendis fontibus rerum Germanicarum medii aevi. Hannover, 1879. T. 24. P. 225; *Annales Halesbrunnenses Majores* // *Ibid.* P. 45; *Continuatio VI: Cronica minor Auctore minorita* // *Ibid.* P. 213; *Martini Continuatio Brabanta* // *Ibid.* P. 263.

Даже подобные краткие свидетельства могут дать историкам пищу для заключений. Использование разных глаголов и эпитетов со значением «обманывать», «мошенник», «плут» и др. свидетельствуют о том, что у хронистов конца XIII – начала XIV в. не существовало единого мнения или только одного источника информации об этом происшествии, который задавал бы единственное направление описаний/суждений о лже-Фридрихе, и историографического канона в данном случае не сложилось.

В повествованиях о фальшивом государе, снискавшем расположение горожан епископского города Нойса, а также имперских городов Франкфурт, Вецлар, Фридберг и прочих¹³, присутствует чрезвычайно разнообразная лексика. Это говорит о значительном распространении вестей о лже-Штауфене по северу и югу германских земель, об устной традиции, получившей широкое хождение, а также о том, что история с посягательством на трон законного государя со стороны человека, не имеющего прав на престол, рассматривалась как предостерегающий и в то же время назидательный пример для правителей, а также для поведения их приближённых уже в XIV столетии.

Все характеристики лжеправителя и образа его действий можно разбить на три группы, за каждой из которых стоит определённая историографическая модель, задающая направление мысли хронистов и формирующая общую оценку самого нарушителя спокойствия. Рассмотрев эти определения, мы сможем ответить на вопрос, в чём средневековые историографы видели преступление этого человека.

I. «Обманщик»

Наиболее часто в хрониках – особенно кратко упоминающих о самозванце – указывается на присвоение им имени императора: “...**usurpavit sibi nomen** Friderici imperatoris”¹⁴.

---

¹³ Ellenhardi Agrentiensis Chronicon... P. 126.

¹⁴ См., например: Annales breves Wormatienses... P. 77; Annales

Хронист конца XIII в. Элленхард Страсбургский (ум. 1304), современник событий и автор одного из самых подробных рассказов о деяниях лже-Фридриха, использовал красочное образное описание, сформулировав самую суть притязаний самозванца: «Он желал своим серпом собрать чужую жатву, **заявляя**, что он – император прежних времен Фридрих»¹⁵. В этих строках характеризуется, в чём именно состоял подлог этого лжеца: он претендовал на получение плодов (титула и признания народа), на которые не имел никакого права по рождению.

Очень часто в рассказах о деяниях псевдоправителя используются слова, отсылающие к понятию обмана. Действительно, выдавать себя за другое лицо – значит намеренно вводить в заблуждение. И в том, как хронисты описывают эти действия, раскрывается, что они собственно понимали под обманом.

Надо заметить, что словарь средневековых историографов при описании этого понятия богат. Так, анналы монастыря св. Рудберта в Зальцбурге (записи доходят до 1286 г., т. е. кончаются всего на год позже завершения деятельности псевдоимператора), называют попытку самозванца выдавать себя за Фридриха II «поразительным обманом (плутовством)» (*trupha mirabilis*)¹⁶, т. е. такой аферой, которая нечасто встречалась хронисту. Стоит заметить, что зальцбургские анналы не единственный источник, близкий к событиям 1284–1285 гг., где подчёркивается экстраординарный характер мошенничества самозванца. Анналы бенедиктинского монастыря Мармутъё в Эльзасе (их записи оканчиваются 1288 г.) наделяют исключительными эпитетами самого мистификатора: «Некто Дитрих Деревянный Башмак, **невиданный мошенник**, / Цезарь без всякого на то права, был сожжён на костре. / По приказу ко-

---

Moguntini... P. 2; Henrici de Heimburg annales... Ibid. P. 717.

¹⁵ "...falcem suam mittere volens in messem alienam, **asseruit** se esse Fridericum quondam imperatorem...". Ellenhardi Agrentiensis Chronicon... P. 126.

¹⁶ Annales Sancti Rudberti Salisburgenses a. 1–1286 / Ed. G. H. Pertz // MGH SS. Hannover, 1851. T. 9. P. 809.

роля Рудольфа подвергся он такому наказанию»¹⁷.

Сам лже-Фридрих называется «мнимым господином» (*fantasticus dominus*)¹⁸, «лжецом» (*falsidicus*)¹⁹, «обманщиком/мошенником/плутом» (*truphator*)²⁰, «нечестивейшим человеком, что совершал много хитростей»²¹ и даже «еретиком»²². В более поздних хрониках, середины XIV – начала XV в., когда на территории германских земель появляются хроники не только на латыни, но и на средневерхненемецком и средненижненемецком языках, в них часто можно встретить эпитет «обманщик» (*верхненем.* “*trügener*”)²³, он становится устоявшимся определением лже-Фридриха в восприятии следующих поколений. Для сравнения, в хронике францисканского хрониста Детмара из Любека сказано, что назвавшийся императором вводил людей в заблуждение (*нижненем.* “*tusches*”, ср. *нем.* “*Täuschung*”)²⁴.

Как можно заметить по приведённым текстам, хронисты богато наделяют эпитетами самого обманщика и не менее красочно описывают характер его свершений. Наряду со сло-

¹⁷ “*Quidam Diethricus Holtzschuoch, truphator iniquus, / Cesar et iniustus idem, fuit ignibus ustus; / Quem dedit hiis penis Rudolphi iussio regis*”. *Annales Maurimonasterienses* / Ed. Ph. Jaffé // MGH SS. Hannover, 1861. T. 17. P. 182.

¹⁸ *Ellenhardi Agrentiensis Chronicon...* P. 126.

¹⁹ *Iohannis abbatis Victoriensis. Liber Certarum Historiarum* / Ed. F. Schneider // MGH SS rer. Germ. in usum scholarum. Hannover; Leipzig, 1909. T. 36. Lib. 1. P. 245.

²⁰ *Monachi Fürstenfeldensis...* P. 42.

²¹ “...Tandem post multas versutias nefandissimi hominis...”. *Ellenhardi Agrentiensis Chronicon...* P. 126.

²² “*Heretica pravitate cecatus, excecavit cum eo multos nobiles Alemanie...*”. *Ibidem*.

²³ См., например, страбургские хроники *Chronik des Jakob Twinger von Königshofen* // *Die Chroniken der oberrheinischen Städte. Straßburg* / Hrsg. von K. Hegel. Leipzig, 1870. Bd. 1. S. 450; *Strassburgische Chronik von Fritsche Closener* / Hrsg. von A. Schott, A. W. Strobel. Stuttgart, 1843. Bd. 1. S. 31–32.

²⁴ *Detmar-Chronik...* S. 367.

во формами *decipio* встречается *tingo* («притворяться, делать вид»): «1285. В этом году некто в Кёльне и Нойсе на Рейне **притворялся** императором Фридрихом, но он, **обманув многих, обманулся сам**»²⁵.

С помощью приведённых выше эпитетов и определений, которыми хронисты наделяли самозванца, они попытались привести характер его деятельности к уже известным, устойчивым в сознании и памяти социально-правовым и моральным категориям. Распространённость вердикта «обманщик» и в более поздних хрониках говорит о том, что именно этим словом средневековые авторы обобщили характер его деятельности, неконкретно, но в то же время по существу довольно точно, следующие поколения воспринимали его притязания на всенародное признание и констатировали нарушение общественных норм.

II. «Маг», «чернокнижник»

Вторая группа эпитетов, употреблённых хронистами по отношению к самозванцу и роду его деятельности, связана со сферой магического. Лже-Фридрих назван чародеем, заколдовавшим людей – потому якобы те и верили, что перед ними – настоящий император.

В Хайльсбронских анналах монастыря цистерцианцев в Баварии (составлялись в 1126–1313 гг.) осталась краткая, но весьма показательная запись о фальшивом правителе: «1285 г. Некий **чернокнижник**, который утверждал на виду у всех, что он – император Фридрих, сожжён в присутствии короля Рудольфа в Вецларе»²⁶.

---

²⁵ “1285. Sub hoc quidam in Colonia et Nussia super Renum se Fredericum quondam imperatorem **fingerbat**, utens multiplici **decepcione, se ipsum decipiens**”. Chronicon Imperatorem et Pontificum Bavaricum... P. 225.

²⁶ “A.D. 1285. Quidam **nigromanticus**, qui se Fridricum imperatorem esse publice affirmabat in Wepfelern in presencia regis Rudolphi est combustus”. Annales Halesbrunnenses Majores... P. 45.

В анналах монастыря августинцев в Пассау (Бавария), хронике францисканца из Эрфурта, а также записях августинского монастыря Клостернойбурга в Австрии (составлены самое позднее в 1291 г.) остались идентичные свидетельства, восходящие к одному источнику: «Некий **чародей, притворившийся** императором Фридрихом, большую часть Германии **ввёл в заблуждение**. В конце концов, после того, как его **мистификации** были разоблачены, король Рудольф сжёг его на костре»²⁷.

В хронике Элленхарда Страсбургского, доведённой до 1299 г., связывается овладение самозванцем навыками магии и то, что он оказался способен увлечь за собой народ: «Многих он заставил ступить на неверный путь **собственной порочностью и искусством магии...**»²⁸.

В хронике «Деяния Генриха, архиепископа Трирского» конкретизируется, какими навыками овладел самозванец с помощью магии, раскрывается «технология» его подлога: «Некоторые знатные люди и бароны страны, которым тот посылал свои письма, скреплённые его печатью, сделанной наподобие печати императора Фридриха, стали всерьёз задумываться, а не вправду ли это император Фридрих? В самом деле, мнение многих было таково: он **при помощи магии** разузнал, что те, кто некогда были солдатами и служили под началом императора Фридриха явно или тайно, имели обыкновение подчиняться его письмам, если узнавали его подпись. Вот почему многие склонялись на его сторону и почитали его как короля»²⁹.

---

²⁷ “Quidam **fascinator**, se Fridericum imperatorem **simulans**, magnam partem Alamannie **in errorem duxit**; tandem compertis **prestigiis** suis per Rudolfum regem Romanorum crematur”. Continuatio VI: Cronica minor Auctore minorita... P. 213; Martini Continuatio Brabanta... P. 263; Annales S. Nicolai Patavienses et notae Wolfelmi. Continuatio Claustr. VI / Ed. G. Waitz // MGH SS. Hannover, 1879. T. 24. P. 61.

²⁸ “...multos **sua pravitate et arte magica** fecit titubare...”. Ellenhardi Agrentiensis Chronicon... P. 126.

²⁹ “...nonnulli nobiles et barones terre, quibus ipse litteras suas, suo

Учитывая, что очень немногие в Средние века имели возможность видеть правителя воочию, подпись, похожая на императорскую, да ещё и скрепленная печатью, также похожей на настоящую, были одним из главных знаков «подлинности» правителя.

В анналах монастыря св. Рудберта в Зальцбурге (записи завершились на два года позже происшествия с самозванным императором) замечено, что лже-Фридрих был далеко не единственным, кто изображал из себя законного государя: якобы действовала целая группа магов, которая обманывала таким образом народ. «1284. В том же году происходит **поразительный обман**. А именно: некие **люди, сведущие в черной магии**, появлялись в разных частях света и **при помощи чар** приковывали взоры людей, представляя похожими на каких угодно правителей. Один из них появился около Кёльна, и **с помощью различных ухищрений изображал** императора Фридриха. Он **ввёл в заблуждение** большую часть Германии»³⁰. Здесь имеется в виду, что лже-Фридрихов в конце XIII в. объявлялось много³¹, и тот, кто был сожжён на костре

---

sigillo facto ad instar sigilli Friderici imperatoris sigillatas, destinavit, hesitando putarent, eum esse veraciter cesarem Fridericum. Nam opinio fuit multorum, ut per artem magicam cognosceret illa que militibus quondam sub Friderico imperatore militantibus clam vel palam acciderant, et hec suis litteris inserere consuevit, cognito intersigno. Unde multi declinaverunt ad illum, et venerabantur eum tamquam regem Fridericum”. Gesta Henrici Archiepiscopi Treverensis // MGH SS. Hannover, 1879. T. 24. P. 462.

³⁰ “1284 Oritur etiam hoc anno **trupha mirabilis**. Nam **quidam experti nigromantiam** in diversas partes mundi se transferunt, etiam **per facinationes** oculos intuentium detinent, similitudinem quorumvis principum sibi assumentes. E quibus unus circa Coloniam se recepit, et **prestigiis** se imperatorem Fridericum **simulans**, magnam partem Alamannie **in errorem duxit**”. Annales Sancti Rudberti Salisburgenses... P. 809.

³¹ Annales Blandienses... P. 33. См. об этом также: Герштейн А. Б. Фальшивый император на Рейне: казус из социально-политической истории Германии конца XIII в. // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2018 / Под. ред. О. И. Тогоевой,

у Вецлара — лишь один из многих.

Объяснения хронистами успеха и признания самозванных императоров сверхъестественными (в современном понимании этого слова) причинами могли иметь несколько объяснений. Первое предположение лежит на поверхности: у них не нашлось более веского довода, почему так много людей из разных социальных слоев германских земель, среди которых были горожане, бароны, графы и даже духовные лица, поверили в то, что перед ними — настоящий император Фридрих II. Если же объяснить причину популярности самозванца колдовством, наваждением, то повествование средневековых историографов об этом обманщике приобретало логику и стройность. Учитывая, что присутствие и деятельность потусторонних сил в земном мире считались в средневековом обществе ощущались как реальные³², едва ли апелляция к магии казалась современникам натянутой, как это может показаться современному читателю.

Вторым возможным обстоятельством служило то, что подобное объяснение выставляло в хорошем свете законного правителя Рудольфа I Габсбурга. Ему, доброму христианскому королю, противостоял оппонент, черпавший свою силу явно не от Бога, а из «злого начала», чёрной магии. Такое соперничество не делало короля ни на миг слабым, утратившим власть и потерявшим верность своих городов и земель. Напротив, побеждая в конце концов «чародея», он предстал как «наихристианнейший» король, верный сын Церкви и восстановливал порядок, заведённый свыше.

Примирение поверивших самозванцу людей и Рудольфа I Габсбурга тоже объясняется некоторыми хронистами в категориях «возвращения к свету истины после помутнения от колдовских чар», т. е. «возвращения городов к верности» за-

---

И. Н. Данилевского, при участии О. Е. Кошелевой. 2018. Вып. 13. С. 19–20.

³² См. об этом подробнее: *Гуревич А. Я.* Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla XIII века). М., 1989. С. 181.

конному королю Рудольфу³³. Хроники не называли сторонников лже-Фридриха мятежниками, в описании историографов не делается акцента на непослушании населения Рудольфу, напротив, тема прямой *неверности* королю смягчается. Это была удобная историографическая формула примирения горожан и Рудольфа, позволяющая избежать категоричных эпитетов для обеих сторон конфликта: никто не выглядел виноватым в мятеже или утратившим контроль над ситуацией.

III. «Обольститель», «совратитель»

Ещё одна группа метафор и эпитетов, с помощью которых хронисты характеризуют самозванца и его деятельность, связана со словоформами *seduco*. Это весьма богатый для трактовок образ, на котором стоит остановиться подробнее.

Указание на то, что самозванец по наущению дьявола смущал людей и сеял на земле раздор, содержится в хронике Элленхарда Страсбургского: «...некто, **соблазнённый злым духом...** заявлял, что он – император прежних времен Фридрих, но своим нечестивым поведением он показал яркую противоположность [поведению настоящего императора]»³⁴.

Этот же хронист, повествуя о конце самозванца, использует эпитет «соблазнитель» (*seductor*): «...жители Вецлара... намереваются того **опасного обольстителя** передать королевским палачам и подручным, дабы свести на нет **его распространившееся лукавство...** и таким образом королевство, очищенное от остатков **столь великого заблуждения**, с того момента стало верным и преданным своему королю»³⁵.

---

³³ Ellenhardi Agrentiensis Chronicon... P. 126; *Iohannis abbatis Victoriensis...* P. 246.

³⁴ “quidam spiritu seductus reprobo... asseruit se esse Fridericum quondam imperatorem, quamvis moribus suis contrarium ostenderit nefandis”. Ellenhardi Agrentiensis Chronicon... P. 126.

³⁵ “...seductorem illum **pernitiosum** tortoribus et ministris regis, **ipsius exigente malitia**, vellent committere trucidandum... et sic regnum a **tante seductionis** scoria purgatum suo regi in reliquum fideliter

В анналах общины секулярных каноников св. Стефана во Фрайзинге (с начала XII в. по 1380 г. они велись современниками событий) осталась следующая запись о лже-Фридрихе: «1285. В этом же году некий **обольститель**, который долгое время помрачал умы глупых людей, объявив, что он – император Фридрих, был сожжён на костре королём Рудольфом»³⁶.

В Баварской хронике императоров и пап, доведённой до 1291 г., приводится схожее свидетельство, но с добавлением уникальной информации о роли ближайшего окружения самозванца: «При Рудольфе в Кёльне и Нойсе некто **притворялся** императором Фридрихом и два года **обольщал** многих и в конце концов при посредстве своего же приближённого был сожжён на костре в Гессене»^{37, 38}.

Seduco (seductio, seductor) – это эпитеты, которые в Священном Писании относились к Антихристу³⁹. Соответственно, используя такой язык метафор, хронисты подчеркивали, что самозванец расколол общество, побудил сойти с правильного пути, являясь заведомым антагонистом законного короля и установленного Богом мироустройства. Показательно, что эту идею хронисты иллюстрировали, привлекая для сопоставления не известную историческую фигуру, например, лже-

---

adherebat” .Ibid. P. 126.

³⁶ “1285 Eodem anno **seductor** quidam, qui longo tempore homines stultos dementaverat, asserit se imperatorem Fridericum, a rege Ruodolfo est exustus”. Annales S. Stephani Frisingenses... P. 57.

³⁷ Лже-Фридрих был сожжён на костре у стен Вецлара, крупного имперского города среднего Гессена.

³⁸ “Sub Rodolfo in Colonia et Nussia quidam se Fredericum **fingens** imperatorem et duobus annis multos **seducens**, tandem per comitem Hassie crematus est”. Chronicon Imperatorem et Pontificum Bavaricum... P. 225.

³⁹ Cp.: “Quoniam multi **seductores** exierunt in mundum, qui non confitentur Jesum Christum venisse in carnem: hic est **seductor**, et antichristus”. (2 Iohann, 1:7); “Et projectus est draco ille magnus, serpens antiquus, qui vocatur diabolus, et Satanus, qui **seducit** universum orbem: et projectus est in terram, et angeli ejus cum illo missi sunt”. (Apocal., 12:9).

Нерона или фальшивого Балдуина I Фландрского, а главный отрицательный образ для христианской цивилизации в целом, врага всего рода человеческого.

Отсылки к дьяволу можно видеть и в употреблении эпитета “perfidus” (лукавый) применительно к самозванцу⁴⁰.

---

⁴⁰ “Perfidus ille homo”. Ellenhardi Agrentiensis Chronicon... P. 126. Этот эпитет использовал Августин. См., например, письмо св. Аврелия Августина Кириллу, епископу Иерусалимскому: “Cernens se asperis **perfidus diabolus** a iuvene superari, tanquam leo rugiens subtiliores nocendi artes coepit quaere, ut iuvenem devoraret” // Sancti Aurelii Augustini Hipponensis episcopi opera omnia, post Lovaniensium thologorum recensionem, castigata denio ad manuscriptos codices gallicos, vaticanos, belgicos, etc., necnon ad editiones antiquiores et castigatiores / Ed. J.-P. Migne. Parisii, 1836. T. 2. Col. 1451. (Ep. XIX). У бенедиктинского монаха Эмуана из Флэри (ок. 950–1008) в сочинении во славу Св. Бенедикта, подобно строкам из Апокалипсиса, “perfidus” и “draco” употребляются в одной фразе: “Perfidus ille draco mulcet properare fugacem, Sistit iter vetitum perfidus ille draco”. *Aimoinus Floriacensis. Sermo in festivitibus S. Benedicti* / Ed. J.-P. Migne. Parisii, 1853. Cap. V. fol. 0863A.

URL: http://www.mlat.uzh.ch/MLS/xfromcc.php?table=Aimoinus_Floriacensis_cps2&rumpfid=Aimoinus_Floriacensis_cps2.%20Sermo%20in%20festivitibus%20S.%20Benedicti.%20%20%205&id=Aimoinus_Floriacensis_cps2.%20Sermo%20in%20festivitibus%20S.%20Benedicti.%20%20%205.%20%20%20%20%2054&level=99&level9798=&satz=54&hilite_id=Aimoinus_Floriacensis_cps2.%20Sermo%20in%20festivitibus%20S.%20Benedicti.%20%20%205.%20%20%20%20%2054&string=perfidus&binary=&corpus=&target=&lang=0&home=&von=suchergebnis&hide_apparatus=1&inframe=1&jumpto=54#54 (дата обращения: 16.03.2021).

У Алкуина в 186-ой Песне «Об алтарях, посвященных святым архангелам» говорится о победе над «тем лукавым драконом»: “Hanc regat omnipotens Michael angelus aram, Per quem victus erat perfidus ille draco...”. *Alcuinus. Carmina CLXXXVI, PL 101. Fol. 0772C.*

URL: http://www.mlat.uzh.ch/MLS/xfromcc.php?table=Alcuinus_cps2&rumpfid=Alcuinus_cps2.%20Carmina.%20186&id=Alcuinus_cps2.%20Carmina.%20186.%20%20%20%20%20%20%201&level=99&level9798=&satz=1&hilite_id=Alcuinus_cps2.%20Carmina.%20186.%20%20%20%20%20%201&string=perfidus&binary=&corpus=&target=&lang=0&h

В книжной культуре раннего и классического Средневековья слово “perfidus” было одной из характеристик дьявола. Разумеется, не всякий раз при употреблении этого определения в умах хронистов появлялась ассоциация с дьяволом или Антихристом, однако это была та краска историографа, которой рисовали лже-Фридриха, но и Антихриста тоже, и прилагательное “perfidus” задавало направление общей оценки персонажа, показывало, из какого лагеря человек. Оно вполне определённо ассоциировалось с силами зла, противостоящими Богу и его установлениям.

Стоит заметить, что такие распространённые характеристики дьявола как “imitator” или “aemulator” не встречаются среди эпитетов, которыми историографы конца XIII – середины XIV в. наделяли самозванца. Следовательно, хронисты не пытались наградить псевдоправителя всеми эпитетами дьявола. Впрочем, в стихотворной хронике Оттокара из Штирии (ум. 1318 или 1322 г.), написанной на средневерхненемецком языке, где описываются события с года смерти Фридриха II, 1250-го, до коронации Генриха VII в 1309 г., лже-Фридрих назван “Äffer karc”⁴¹ («хитрый, искусный подражатель»). Этот термин эквивалентен латинскому “imitator”. К существительному “Äffer” в средневерхненемецком словаре Г. Кёблера даётся следующий ряд синонимов в современном немецком языке – Äffer (подражатель), Nachahmer (подражатель, тот, кто копирует), Affe (обезьяна, также ругательное значение «дурак»), Narr (дурачок, шут), Ketzer (еретик), Betrüger⁴² (об-

---

[ome=&von=suchergebnis&hide_apparatus=1&inframe=1&jumpto=1#1](#)
(дата обращения: 16.03.2021).

⁴¹ “... disen [A]effaer karc / verderbt: er wurd ze starc”. Ottokars Österreichische Reimchronik... P. 423. Ср. публикацию этих стихов в: Meyer V. Tile Kolup, der falsche Friedrich, und die Wiederkunft eines achten Friedrich, Kaisers der Deutschen: eine historische Studie. Wetzlar, 1868. S. 87: “Vnd disen Aeffe charikch / Verderbt, er wurd ze starkch”.

⁴² В этой же хронике ниже лже-Фридрих наделён точно таким эпитетом. См.: Ottokars Österreichische Reimchronik... P. 424.

манщик, плут, мошенник, шулер), Scharlatan⁴³. Все эти значения восходят к одному и тому же смысловому посылу: лже-Фридрих выступал антагонистом настоящего правителя, его копией и подделкой, но никак не истинным государем. Здесь снова следует подчеркнуть приём, которым пользуется средневековый историограф: он объясняет неправильные действия персонажа, отсылая к известным ему авторитетным текстам, в данном случае, новозаветным. Примечательно, что литературной моделью, которую использует Оттокар из Штирии для описания самозваного императора Фридриха, становится именно Антихрист.

IV. Невысказанный эпитет

Как можно заметить по приведённым выше характеристикам, авторы хроник наделяли лже-Фридриха признаками и «приметами» Антихриста, не называя, однако, самозванца этим словом буквально. Такому восприятию способствовали несколько особенностей духовной культуры средневекового общества Германии и Италии XIII в.

Эсхатологические ожидания, весьма распространённые в середине – второй половине XIII века в среде духовных лиц и мирян⁴⁴, с одной стороны, способствовали «узнаванию» в са-

---

⁴³ См.: URL: http://www.koeblergerhard.de/mhd/mhd_a.html (дата обращения: 12.05.2021).

⁴⁴ См. об этом, например: *Салимбене де Адам*. Хроника / Пер. с лат. И. С. Культышевой, С. С. Прокоповича, В. Д. Савуковой, М. А. Таривердиевой. М., 2004. С. 191: «Заметь, что обман, связанный с Фридрихом, был легко предсказуем, потому что у Сивиллы мы читаем: «И будет звучать среди людей “живет” и “не живет”». В самом деле, я и сам долгое время едва мог поверить, что он умер, пока не услышал об этом своими ушами из уст папы Иннокентия IV, когда он на обратном пути из Лиона произносил проповедь при полном стечении населения Феррары. Ведь я находился рядом с ним и постоянно с ним соприкасался, когда он сказал в проповеди: «Как нам точно сообщили, господин бывший император, наш противник и враг Бога и Церкви, встретил свой последний час». Услышав это, я содрогнулся и едва

мозванце Штауфенского императора разными социальными группами, а с другой – были почвой, из которой выросло представление о фальшивом Фридрихе как об Антихристе⁴⁵. Среди средневековых интеллектуалов такая ассоциация возникла, потому что в фигуре лжеправителя соединялись сразу несколько главных свойств врага рода человеческого: к фальшивости и ереси добавлялось его «искусство магии», лже-мессианство⁴⁶.

Такое же восприятие самозванного императора можно видеть и у высших государственных деятелей. Способ казни обманщика был нетипичен для преступника: самозванец был сожжен на костре, к которому приговорил его Рудольф I Габсбург на совете с архиепископом Кёльнским и другими знатными⁴⁷. Михаэль Обервайс связывает такую смерть лже-Фридриха (как еретика) с характером его преступления, которое, очевидно, воспринималось королем как затронувшее не только светскую, но и религиозную сферу⁴⁸.

Анализ эпитетов фальшивого императора Фридриха II, а также образные описания характера его деятельности и даже обстоятельства его казни, приведённые в германских хрони-

---

мог тому поверить. Ибо я был иоахимитом, и верил и ожидал и предполагал, что Фридрих содеет еще большее зло, чем то, которое содеял до сих пор, хотя он и содеял его немало».

⁴⁵ Подробнее см. об этом: *Thomsen M. Endkaiser oder Antichrist? Grundzüge der frühen Rezeption Friedrichs II.* // Thomsen M. “Ein feuriger Herr des Anfangs...”: Kaiser Friedrich II in der Auffassung der Nachwelt. Ostfildern, 2005. S. 32–60.

⁴⁶ *Oberweis M. De falsitate convictus et heresi igne meniit concremari. Überlegungen zur Hinrichtung Dietrich Holzschuhs im Jahre 1285 // Inszenierungen des Todes. Hinrichtung, Martyrium, Schändung / Hrsg. von L.-M. Günther, M. Oberweis. Berlin, 2006. S. 150.*

⁴⁷ Текст приказа Рудольфа см.: *Urkundenbuch für die Geschichte des Niederrheins oder des Erzstifts Cöln, der Fürstenthümer Jülich und Berg, Geldern, Meurs, Kleve und Mark, und der Reichsstifte Elten, Essen und Werden: in 4 Bd. / Hrsg. von Th. J. Lacomblet. Düsseldorf, 1840. Bd. 2. S. 808.* См. также прим. 12, 17, 38.

⁴⁸ См. об этом: *Oberweis M. Op.cit. S. 143–155, insb. 146.*

ках XIII–XIV вв., – всё это указывает на то, что историографы воспринимали самозванца как нарушителя привычных границ и устоев средневекового общества, не разделяя «светскую» и «духовную» сферы его преступления. Хронисты оценивали этого обманщика не как локального нарушителя спокойствия, вмешавшегося в социально-политическую жизнь немецких городов и вызвавшего гнев короля, но как человека, стремившегося подорвать устройство всего христианского мира, установленное в обществе свыше. Его коварство описывается с помощью лексики из Священного писания, что выводит фигуру лже-Фридриха на «вселенский» уровень, он представляется врагом всего христианского мира, а не только политическим соперником короля Рудольфа. Он действовал против права, пишут историографы, стремился совратить умы людей и заставить их свернуть с праведного пути, склонить их к нарушению верности законной власти и толкнуть на неверный путь – подобно тому, как поступает дьявол, кознями своими отвращая людей от Христа. Для иллюстрации этой идеи используются эпитеты “perfidus”, “seductor”, которые употребляются и в отношении Антихриста, и лже-Фридриха.

Объяснения хронистами успеха самозванца его знанием черной магии, эпитеты чародея и чернокнижника также подчеркивали связь обманщика с дьяволом и потусторонним миром, ведь одним из основных умений черных магов в средневековой культуре считалась их способность пересекать черту между миром живых и иным миром, встречаться с демонами и дьяволом, а также заключать с ними сделки⁴⁹.

Характерно, что средневековые историографы в поисках

---

⁴⁹ Ср., например: Cæsarii Heisterbacensis monachi ordinis cisterciensis Dialogus Miraculorum. D. V. Cap. II, IV, XVIII. URL: <https://web.archive.org/web/20060508210455/http://gahom.ehess.fr/relex/dialogusmiraculorum1/CdH-Dialog.mir.-Vol1/> (дата обращения: 16.03.2021); См. также: Cæsarii Heisterbacensis Monachi Ordinis Cisterciensis Dialogus Miraculorum / Ed. J. Strange. Coloniae; Bonnae; Bruxellae, 1851. Vol. 1. P. 276–278; 279–281; 296–298. См. похожие истории у Салимбене: *Салимбене де Адам...* С. 616–620.

фигуры «антигероя», с которым можно было бы сравнить лже-Фридриха, выдвигают Антихриста (точнее, его образ действий и его признаки). Хронисты видели в действиях самозванца больше схожего именно с описанием тактики дьявола, чем какого-либо несправедливого правителя, упомянутого в Священном писании, или известного им исторического лица.

Столкнувшись с необходимостью рассказать и охарактеризовать уникального для них нарушителя норм общественной жизни, хронисты с помощью разнообразных аллюзий и эпитетов создали представление об антигерое, негативном персонаже, прототипом для которого послужил образ, находящийся на самой высочайшей ступени «несправедности» в мировом масштабе, что всё же было преувеличением глубины того волнения, которое вызвал фальшивый император в германских землях в 1284–1285 гг. Указав в своих хрониках на сходство лже-Фридриха с Антихристом, авторы средневековых текстов таким образом характеризовали его образ действий как персонажа, который вопреки установленному порядку притязал занять место законного властелина. В церковной истории Антихрист также обманом и подражанием Христу пытался занять его место. Таким образом, этот эпитет в описании указанного персонажа в данных исторических обстоятельствах вбирает в себя смыслы, которые мы сегодня вкладываем в понятие «правитель-самозванец».

СИНЬОРИЯ – ЭТО?

Разносторонняя научная деятельность М. А. Юсима распространяется в том числе и на исследование итальянской синьории. Автор осмеливается представить эту скромную ремарку в качестве оммажа выдающемуся ученому, поскольку именно этот вопрос, вопрос о сути синьории некогда прозвучал на обсуждении одного из докладов Марка Аркадьевича, и был, в частности, обращен к автору этой работы. Оговорим сразу, что работа в основном касается трудов по истории Италии на русском языке, посвященных теме синьории или относящихся к ней.

Для исследователей, воспитанных на «Истории Италии», вышедшей в 1970 г.¹, представление об итальянской синьории (*signoria*) было сформировано на основании изучения трудов Е. В. Бернадской (1918–2004)². Синьорию, которая в XIII–XIV вв. сменяла власть коммун Северной и Средней Италии, Бернадская называла специфически итальянской формой правления. Период перехода от комуны к синьории исследователь-

---

¹ Бернадская Е. В. Политический строй итальянских государств. Синьории и принципаты // История Италии. Том 1. М., 1970. С. 295–346 (далее: Бернадская Е. В. Политический строй...).

² Тема синьории была основной в творчестве Е. В. Бернадской. Ее кандидатская диссертация «Возникновение синьории в Ферраре», защищенная в 1948 г., была посвящена исследованию социально-политических корней ранней итальянской синьории; до этого времени история отдельных итальянских синьорий в России вообще не изучалась. Е. В. Бернадская не оставляла этой темы, развивая ее в своих работах. Впоследствии именно ей был поручен раздел о синьории в коллективном труде «История Италии», переведенном на итальянский язык и вышедшем также и в Италии. См. *Bernadskaya E. V. Il regime politico dell'Italia settentrionale e centrale dal XIII al XV secoli. Le signorie e i principati // Storia d'Italia. Milano, 1979. Vol. I. P. 287–339.*

ница характеризовала следующим образом: «когда, казалось, создались благоприятные условия для процветания итальянских коммун и господства пополанов³ – именно тогда то в одном, то в другом городе Северной, а затем и Средней Италии власть начали захватывать единоличные правители – синьоры или тираны. Они постепенно подавляли коммунальные свободы, подчиняли себе городское управление, расширяли прерогативы своей власти, стали передавать ее по наследству и, наконец, превратили собственные владения в территориальные княжества. Многочисленные самостоятельные города, феодальные земли, церковные и монастырские патримонии⁴, сельские коммуны – все эти разнообразные и дробные владения Северной и Средней Италии XIII–XIV вв. были объединены ко второй половине XV в. в несколько территориальных государств: Флорентийскую республику (в XVI в. ставшую герцогством), Патримоний св. Петра (Папскую область), герцогства Миланское и Феррарское, маркизат Мантую, республики Венецию и Геную. Большинство из них в конце XV – начале XVI в. являлось государствами монархического типа и вело свое происхождение от синьорий»⁵. Е. В. Бернадская подчеркивала: вопрос о синьории – это прежде всего вопрос о путях развития итальянской государственности.

Анализируя разнообразный и одновременный процесс возникновения и развития синьорий в Ферраре, Вероне, Падуде, Мантуе, Милане, Лукке, Пизе, поздней синьории во Флоренции, она отмечала, что наряду с синьориями, превратившимися в территориальные государства, было много политических образований такого типа, которые быстро распались. При всем их разнообразии Е. В. Бернадская выделяла основные общие черты синьорий Северной Италии. Первое – установление синьории опиралось на внешнее соблюдение

---

³ Пополаны (от итал. popolo) – незнатные люди, простой народ.

⁴ Патримоний (лат. patrimonium) – наследственное имение. Патримоний церкви – церковное имущество, прежде всего земельные владения церквей и монастырей.

⁵ Бернадская Е. В. Политический строй... С. 295–296.

правовых норм коммун – на общем собрании граждан (парламенто), хотя по сути являлось насильственным захватом власти, поскольку выборы проводились под вооруженным давлением сторонников претендента на власть, а состав собрания часто был специально подобран. Второе – юридической основой власти синьора являлось также пожалование ему викариата⁶ со стороны империи или папства⁷.

На парламенто синьор добивался передачи ему управления городом и округой: права издавать и изменять статуты, назначать должностных лиц, распоряжаться финансами, командовать городским войском. Имперский или папский викариат обеспечивал синьору суверенную власть: всю полноту судебных и законодательных полномочий⁸. Это можно проследить на примере развития самой ранней и самой длительной синьории, синьории д'Эсте в Ферраре. Старые коммунальные учреждения и должности там сохранялись, но над ними устанавливалась неограниченная власть синьора, что нашло отражение в Статуте Феррары 1287 г.⁹ В начале XIV в. владычество д'Эсте в Ферраре пошатнулось из-за противоречий с папским престолом и Венецией, но в 1317 они вновь были провозглашены синьорами Феррары в качестве папских викариев, все более утверждая свою власть. Следует отметить, что до начала XIV в. папы практически ничего не предпринимали для того, чтобы сделать более действенной свою власть над городом и оспорить владычество д'Эсте; такая политика невмешательства

---

⁶ Викариат от лат. *vicarius*, викарий – замещающий, наместник. В Римской Империи викарий – глава диоцеза, подчиненный после 312 г. префекту и исполнявший обязанности «заместителя» префекта в своем диоцезе: должностное лицо, назначавшееся императором. Здесь викариат – практически неограниченные полномочия на управление определенным городом и его округой, признанные или переданные викарию папой или императором.

⁷ *Бернадская Е. В.* Политический строй. С. 325.

⁸ Там же.

⁹ *Statuta Ferrariae anno MCCLXXXVII / Ed. W. Montorsi. Ferrara, 1955.*

Папского престола продолжилась и после указанного конфликта, обеспечивая полноту независимости синьории д'Эсте во внутренней и внешней политике¹⁰.

Е. В. Бернадская подчеркивала, что при отсутствии центральной власти в Италии «перед синьориями стояла задача осуществить местную, региональную централизацию»¹¹. По ее мнению, именно синьории принадлежит значительная роль в объединении разнообразных и дробных владений Северной и Средней Италии ко второй половине XV в. в несколько территориальных государств¹².

М. А. Юсим высказывает сходные идеи о сути итальянской синьории и причинах ее распространения. Происходивший в Италии в XIV в. процесс образования синьорий он характеризует как установление в бывших коммунах режимов личной власти, более жизнеспособных в условиях средневековой Западной Европы, в ситуации перманентных войн между территориально-национальными государствами. Он пишет, что синьорами в результате насильственного, а иногда и мирного захвата власти становились представители влиятельных семей, пользовавшиеся раздорами, постоянно сопутствовавшими внутренней жизни городских республик¹³. Далее М. А. Юсим, характеризуя переход от коммуны к синьории, пишет о том, что устанавливается «единоличная и передаваемая по наследству, фактически монархическая власть»¹⁴.

¹⁰ *Chiappini L. Gli Estensi. Varese, 1970. P. 55, 61. Dean T. Land and Power in late medieval Ferrara. The Rule of the Este, 1350–1450. Cambridge, 2002. P. 18.*

¹¹ *Бернадская Е. В. Политический строй... С. 299.*

¹² *Бернадская Е. В. Политический строй... С. 295–296.*

¹³ *Юсим М. А. Расцвет Запада // Всемирная история в 6 т. / Глав. ред. А. О. Чубарьян. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока / Отв. ред. П. Ю. Уваров. С. 524.*

¹⁴ *Юсим М. А. «Ренессансное государство» и социальные процессы // Там же. С. 735. Сходным образом определяется итальянская синьория в трудах других отечественных итальянистов. Одна из последних работ: Брагина Л. М. От республики к принципату: этапы политического развития городов Италии в XIII–XV вв. // Электрон-*

Несмотря на то, что целью этой работы является рассмотрение интерпретации термина «синьория» именно в отечественной историографии, небезынтересно проследить, как это понятие трактуется если не в итальянской научной литературе (такая задача выходит за рамки этого исследования), то, со всей краткостью и емкостью, в пользующихся признанием итальянских энциклопедиях. Enciclopedia del Diritto (Энциклопедия права, опубликованная издательством Garzanti) характеризует синьорию как форму правления, которая устанавливалась в итальянских городах со второй половины XIII в., где вся полнота власти, единоличной и неограниченной, сосредотачивалась в руках правителя, Синьора (Signore). Эту власть Синьор приобретал пожизненно и не нес юридической ответственности перед населением города. Энциклопедия указывает также, что в XIV в. синьория в Италии, сменяя коммуну, становится обычной и прочно установившейся системой управления. Под властью одного Signore в результате завоевания, или иными путями, объединялись несколько городских и сельских центров; таким образом формировались так называемые региональные государства. В это же время власть Синьора приобретала наследственный характер¹⁵.

В этой же статье энциклопедии Garzanti автор пишет о синьории как о наименовании органа самоуправления в городских республиках – Венеции, Флоренции и других городах Тосканы, не выделяя этот случай употребления слова «синьория» в отдельной статье или рубрике, как о явлении другого порядка. Здесь автор подчеркивает, что в XIV веке в Италии в целом наблюдалась тенденция к укреплению и усилению институтов власти в плане централизации даже там, где не было

ный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 10 (96): От патримониальной монархии к публично-правовому государству в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. URL: <https://history.jes.su/s207987840011180-7-1/> (дата обращения: 01.05.2021).

¹⁵ Signoria // Enciclopedia del Diritto. Italia: Garzanti Libri, 2001. P. 1216.

настоящей синьории. Это, по мнению автора энциклопедической статьи, происходило с введением олигархических или аристократических реформ муниципальных учреждений.

Обычно в статьях о синьории эти два значения слова понимаются как различные, в словарях и энциклопедиях разделяются на отдельные рубрики или статьи, но здесь, следуя логике автора, необходимо отметить, что синьория как «тираническая», монархическая власть в Милане, Ферраре с одной стороны, и синьория в республиканской Флоренции¹⁶, с другой, все же имеют нечто общее: это суверенная власть.

Как мы видим, исследователи в целом единодушны в характеристике синьории как специфически итальянской формы правления, монархического режима, единоличной и передаваемой по наследству, фактически монархической, суверенной власти, с ее верховенством внутри и независимостью извне; некоторые расхождения этих авторов относятся лишь к причинам установления и распространения синьории в итальянских локальных центрах.

Эти рассуждения не имели бы права на появление в научной литературе, если бы не другой термин, идущий от французской историографии: а именно сеньория; который по написанию, и в особенности по звучанию в русском языке, почти не отличается от предмета нашего внимания, но содержание того и другого термина различается, несмотря на некоторые точки соприкосновения между ними.

По известному определению М. Блока «С точки зрения пространства она (сеньория) представляла территорию, организованную таким образом, что значительная часть доходов от земли прямо или косвенно поступала одному владельцу; с точки зрения населения – группу людей, подчиненных одно-

---

¹⁶ Одна из последних работ, касающихся флорентийской Синьории с одной стороны, а также сеньориальной знати во Флоренции, с другой: *Краснова И. А.* Флорентийское общество во второй половине XIII–XIV в.: гранды и пополаны, «добрые» купцы и рыцари. М.; СПб., 2018.

му господину»¹⁷. Знаменитый ученый подчеркивал при этом, что сеньория не является исключительно экономической категорией: «Было бы совершенно неверным видеть в отношениях сеньора и его подданных только экономическую сторону, как бы важна она ни была»¹⁸. Концепт «сеньория» получил развитие в трудах таких французских ученых, как Жорж Дюби и Жак Ле Гофф, на материале западноевропейских источников, прежде всего источников по истории Средневековой Франции. Затем изучение проблем сеньории заняло заметное место также в кругу исследований истории Италии как в трудах итальянских, так и российских авторов¹⁹.

Не возникает вопросов, когда и тот, и другой термин встречаются под одной обложкой в признанных академических изданиях или авторитетных учебниках; «сеньория» появляется на страницах, посвященных итальянской истории, «сеньория» – французской²⁰; впрочем, авторами соответствующих разделов в этих изданиях дана при их употреблении отчетливая характеристика. В качестве примера можно указать на второй том Всемирной истории, «Средневековые цивилизации Запада и Востока». Описание свойств сеньории, о которой для этого издания

---

¹⁷ Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Углубленный анализ трудов итальянских авторов, посвященных проблемам сеньории в Италии, представлен в статье Н. А. Селунской *Селунская Н. А. Эта банальная банальная сеньория // Средние века. Вып. 65. 2004. С. 61–74*; Здесь должны быть указаны и другие работы Н. А. Селунской, много занимавшейся этой темой: *Селунская Н. А. «Коммуна» и «сеньория» средневековой Италии: история концептов, или особенности национальной охоты к историографии // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. № 20. М., 2007. С. 63–89*; *Она же. Сеньориальный нобилитет и замковая община // Средние века. Вып. 59. 1997. С. 77–88.*

²⁰ Всемирная история в 6 т. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока... История Средних веков: В 2 т.: Учебник / Под ред. С. П. Карпова. М., 2008.

писал М. А. Юсим, было цитировано и приведено выше; сеньория же, рассмотренная в других разделах, представлена как «вотчина», состоявшая из земельных владений и судебно-административных прав, проистекающих из права бана. Получившие «вотчину», несмотря на принесенную клятву и на полагающуюся верность своему сеньору, следуя духу времени, быстро начинали себя считать господами «милостью божией»²¹. В Заключении к этому тому определена роль сеньории в Средневековом мире: «Итак, для феодального Запада основной ячейкой не только хозяйственной, но и политической жизни являлась сеньория (дополненная приходом и общиной). Более крупные политические структуры, монархии и империя, существовали лишь в виде «наброска», скорее отсылая к некоей идее государственной власти, чем осуществляя реальный контроль над властью сеньоров»²². Сходным образом, как «вотчина», характеризуется сеньория в учебнике под редакцией С. П. Карпова²³.

Что касается узкоспециальной научной литературы, следует отметить, что сейчас все реже появляются работы, посвященные сеньории как специфически итальянской форме правления; такие исследования отступают на второй план, забываются, и все более расширяется круг исследований сеньории, в том числе сеньории в Средневековой Италии²⁴.

---

²¹ Уваров П. Ю., Арнаутова Ю. Е. «Великая мутация» Запада (X–XII века) // Всемирная история в 6 т. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока... С. 420.

²² Уваров П. Ю. Заключение. «Роскошь феодализма» // Всемирная история в 6 т. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока... М., 2012. С. 816.

²³ Филиппов И. С. Глава 4. Франкская держава // История Средних веков: В 2 т.: Учебник / Под ред. С. П. Карпова. М., 2008. Т. 1. С. 126.

²⁴ Характерно в этом плане замечание известного итальянского ученого Сандро Кароччи, много работ посвятившего сеньории. В начале одной из своих статей он написал, что в последнее время исследование этой темы находится в фазе усталости – очевидно, имеются в виду предшествовавшие напряженные дискуссии и обширный круг литературы о сеньории: «La ricerca sulla signoria rurale conosce negli ultimi tempi una

Представляется поэтому, что авторам, исследующим такие темы, необходима определенность отображения содержания этих терминов при их употреблении. Медиевисту, в особенности итальянисту, не составляет труда различить, о чем в данном конкретном случае идет речь, о синьории или сеньории, но неподготовленный читатель может испытывать затруднения. Коварство в понимании отличий того и другого понятия состоит в том, что они во многом пересекаются: часто темой исследований такого рода является противопоставление синьории (или сеньории) коммуне; синьория может рассматриваться как сеньория, наделенная суверенной властью, и др. Здесь следует обратить внимание на то, как в научной и справочной литературе на итальянском языке различаются эти понятия: синьория нередко обозначается как *Signoria urbana* или *Signoria cittadina* – синьория городская, а сеньория как *Signoria rurale* – сельская сеньория; эта лексика проникает и в научные работы на русском языке. Другой способ быть «*a more reader-friendly*» обнаруживается в монографии английского исследователя Т. Дина о правлении династии д'Эсте в Ферраре. В небольшом терминологическом указателе к книге приведено значение слов *Signore* и *signoria*: lord, lordship of a town and its *contado* – господин, господство над городом и его *contado* (округой)²⁵. Причем эти слова в английском тексте книги зачастую приведены на итальянском языке и выделены курсивом. Утвердившаяся в Ферраре синьория характеризуется автором как «отождествление

---

fase di stanchezza». Carocci S. Signoria rurale e mutazione feudale. Una discussione // Storica. Rivista quadrimestrale. N. 8. Anno III. 1997. Один из последних сборников, посвященных сеньории: “La signoria rurale nell’Italia del tardo medioevo”. Обращает на себя внимание статья из этого сборника, посвященная децимальным платежам в Ломбардии: Della Misericordia M. Le decime dai signori alle comunità nella Lombardia settentrionale (XIV–XVI secolo) // La signoria rurale nell’Italia del tardo medioevo. 1. Gli spazi economici Quaderni degli Studi di Storia Medioevale e di Diplomatica, II. Milano; Torino, 2019. P. 131–154.

²⁵ Dean T. Land and Power in late medieval Ferrara... P. XIV.

правительства с личностью господина (*Signore*) и с его чиновниками»²⁶.

Представляется, что лучшим завершением этой работы будут соображения М. А. Юсима, высказанные ее автору: Марк Аркадьевич указал на то, что понятия «сеньория» и «синьория» отчасти перекрываются, особенно этимологически, отчасти и по существу, поскольку оба термина происходят от латинского *senior* (старший)²⁷. То же значение, что и у слова *dominus* (господин), «*senior*» приобретает в поздней, «варварской» латыни, в народном языке, восходящем к латинскому²⁸.

Что же касается отличий между этими терминами, М. А. Юсим особо подчеркнул важность того, что *реальная историческая* терминология не всегда находится в прямом соответствии с *научной* терминологией историков. Если в прошлом эти термины обозначали некие реалии, иногда разнообразные (синьор – правитель города, в том числе и коллективный), то в современном языке науки они являются еще и продуктом теоретизирования. Например, в трудах историков «сеньор» фактически становится синонимом термина «феодал»: сеньоры – феодалы, разнокалиберные землевладельцы, вотчинники, но также и служилые, имеющие политико-правовые полномочия.

Таким образом, эта короткая заметка посвящена не столько вопросам терминологии, не столько отличиям «синьории» и «сеньории», сколько направлена на то, чтобы привлечь внимание к исследованиям обеих тем, тесно связанных с ключевыми проблемами истории Средневековой Италии.

---

²⁶ “the identification of government with the person of the lord and with his officials”. Ibid. P. 20.

²⁷ Senior (старший) представляет собой сравнительную степень прилагательного *senex*, *senis* (старый, древний).

²⁸ Об этом см. статью «*signore*» этимологического словаря итальянского языка *Ottorino Pianigiani P. Vocabolario etimologico della lingua italiana*. S.l., 1993. P. 1284.

*Анна Александровна Анисимова,
Институт всеобщей истории РАН*

ГОРОД И «ГОРОДА» – ТЕРМИНОЛОГИЯ (НАЗВАНИЙ) СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА

Средневековая терминология очень многообразна и неустойчива, и по отношению к одному городу могут применяться одновременно (в рамках одного источника) несколько терминов. При этом значимость того или иного употребления остается под вопросом. Но насколько важно, какое именно слово используется применимо к городскому поселению?

В свое время С. Рейнольдс, давая определение города, помимо функциональной («постоянное и концентрированное поселение людей, в котором значительная часть населения занята несельскохозяйственным трудом»), также отметила и социальную составляющую: «жители города обычно считают себя и воспринимаются жителями других (сельских) поселений как отдельная группа людей»¹. Частью такого восприятия могло быть и наименование (слово, использованное для обозначения) поселения. Как представляется, еще более значимой оказывается используемая терминология, когда происходит спор относительно статуса того или иного поселения.

В то же время для средневековой Англии было характерно трехязычие: латинский язык (язык церкви и делопроизводства), нормандский диалект старофранцузского языка, привнесенный Нормандским завоеванием и достаточно активно используемый в делопроизводстве, как королевском, так и городском до XV в., а также среднеанглийский язык, который возникает в делопроизводстве в XIV в. и в дальнейшем занимает в нем все более основательное место. Соответственно, в каждом

---

¹ Цит. по: *Palliser D. M. Introduction // The Cambridge Urban History of Britain. Vol. 1: 600–1540 / Ed. by D. M. Palliser. Cambridge, 2000. P. 5.*

языке можно обнаружить слова для обозначения города.

Какие же термины используются в отношении городских поселений? Для обозначения города в английских средневековых² источниках можно встретить следующие слова: *villa*, *villata*, *burgus*, *civitas* – на латинском языке, *ville*, *vile*, *bourg* – по-французски, и, наконец, *town*, *borough* и *city* – по-английски. В то же время большая часть поселений именовалась *villa*, что может быть переведено на английский как *town*, т.е. «город». В то время как для сельских поселений использовались такие слова как *villata*, *villa*.

Рассмотрим значения отдельных терминов. В каждом из трех упомянутых языков можно увидеть определенные соответствия. Если верить словарям, то все эти термины выстраиваются в определенную иерархию.

Римское, по происхождению, понятие *civitas* в Средние века утратило в Англии прошлое указание на «общину» или «гражданство» и применялось по отношению к крупным городам. Это наиболее редкий из всех терминов со значением «город». В соответствии с этой логикой, английское слово *city* также используется для обозначения важных английских и иностранных городов, как правило, епископских центров. Впоследствии, при Генрихе VIII, в результате создания новых епископств в Англии, города, в которых они располагались, получили наименование *city*³. Например, Вестминстер на протяжении Средних веков всегда именовался в источниках как *villa*,

---

² Хотя англосаксонский период, несомненно, является частью Средних веков, в данной статье речь пойдет скорее о периоде после Нормандского завоевания, времени с более устоявшейся терминологией. Для раннего Средневековья характерна еще более сложная и подвижная терминология. В то же время, формирование средневековых городов только начиналось, поэтому не может быть речи о какой-то четкой терминологии.

³ City, n. // The Oxford English Dictionary Online. March 2021. Oxford University Press.

URL: <https://www.oed.com/view/Entry/33555?redirectedFrom=city> (дата обращения: 29.05.2021).

но в 1540 г. был основан собор (на месте Вестминстерского аббатства), и город стал именоваться *city*⁴. Тем не менее, значение «крупного и значимого города» также существовало.

Понятие *burgus/borough/burgh/bourg* относилось к, с одной стороны, укрепленным городам, а также поселениям, где была городская корпорация или особые привилегии, пожалованные королем, имеющим представительство в парламенте⁵. Этот термин противопоставляется «деревне». В то же время даже словарь указывает на значение «маленькая деревня» как вариант для слова *burgh*. А города со статусом *civitas* также имели представительство в парламенте.

Наконец, наиболее сложный для интерпретации латинский термин *villa*, переводящийся на английский как *vill, town, township*⁶, который включает в себя такие значения как: «манор/поместье», «деревня» или «деревушка» / «хутор», «город». Считается, что это поселения, которые меньше и являются менее значимыми, чем обозначаемые словом *borough*. Первоначально преобладало именно значение «деревни». Кроме того, слова эти относятся к поселениям, выросшим на частных землях как противопоставление королевским (явно более привилегированным). Однако данное слово и более широко использовалось для обозначения любого поселения, поэтому применялось и к крупным городам, даже Лондону.

Шведская исследовательница Анн-Мари Свенссон провела исследование употребления слов, которые в среднеанглийском языке (XII–XV вв.) используются для обозначения «го-

---

⁴ Merritt J. F. 'Under the Shadowe of the Church'? The Abbey and the Town of Westminster 1530–1640 // Westminster Abbey Reformed: 1540–1640 / Ed. by C. S. Knighton, R. Mortimer. Aldershot, 2003. P. 171.

⁵ Borough, n. // The Oxford English Dictionary Online. March 2021. Oxford University Press.
URL: <https://www.oed.com/view/Entry/21687?redirectedFrom=borough>
(дата обращения: 29.05.2021).

⁶ Latham R. E. Revised Medieval Latin World-List from British and Irish Sources, with Supplement. Oxford, 1999. P. 512–513.

рода»⁷. Для этого она проанализировала 90 текстов (69 поэтических и 21 прозаических). Слова, которые были ею изучены: *town, city, borough, chester, port, mote, wick, by, village, thorp, grange, hamlet*. Однако она приходит к выводу, что 90% всех упоминаний приходится на три слова – *town, city* и *borough*. При этом наблюдается определенная эволюция словоупотребления во времени. Наиболее значительные перемены относятся, по мнению А.-М. Свенссон, к XIII–XIV вв., когда происходят изменения в том, какие слова предпочитают употреблять источники для обозначения городского поселения. По наблюдениям Свенссон, слово *city* в основном используется в переводной литературе, для не-английских городов и воспринимается как иностранное. Слово *borough* из обозначения укрепленного места (крепости) к XIII в. превращается в термин, ассоциирующийся с определенными привилегиями, присущими поселению. При этом авторы начинают избегать термин *borough* после 1325 г. Специфика слова делала его менее популярным для общего употребления. В то же время слово *town* использовалось для обозначения поселения, находившегося между *borough* и сельской местностью (*country*). При этом данное слово становится наиболее употребительным с XIV в. Все эти наблюдения относятся к английскому языку и терминам, присущим для него, но посмотрим, можно ли увидеть схожие тенденции в отношении словоупотребления в латинском, а также старофранцузском языках.

Обратимся к тому, какие слова и в каком контексте используются применительно к монастырским городам – в основном небольшим городским поселениям, с не всегда явно обозначенным городским статусом.

Прежде всего, можно обратить внимание на момент основания города монастырями-сеньорами. Так, хроника монастыря Баттл (графство Сассекс), рассказывая о новом поселении (будущий город Баттл), появившемся в начале XII в., именует его *villa*, подчеркивая при этом, что его жители –

---

⁷ Svensson A.-M. Middle English Words for “Town”: A Study of Changes in a Semantic Field. Gothenburg, 1997.

*burgenses*⁸. Монастырь, согласно хронике, активно способствовал притоку новых поселенцев в свой город, куда приезжали «как из других графств, так и из-за границы»⁹. Возможно, особое наименование жителей подчеркивало их привилегированный статус.

В истории об основании Уолтэм Эбби (графство Эссекс) он также обозначается как *villa*. Само основание произошло, согласно местной монастырской хронике («Хроника Уолтэма», “*De inventione sancte crucis*”), в XI в.¹⁰, а хроника была написана в конце XII в. В дальнейшем же хроника использует по отношению к данному поселению то *burgus*¹¹, то *villa*¹².

Схожая во многом ситуация наблюдается и в отношении города Данстебл (графство Бедфордшир). Город был основан Генрихом I (грамота не сохранилась) и вскоре после этого пожалован новому монастырю – приорату св. Петра в Данстебле. В грамоте, закрепляющей данный дар, говорилось о том, что вместе с манором монахи получили город (*burgum*) Данстебл, а также имеющиеся в нем рынок и школу и четыре поля в его окрестностях (*circum villam de Dunstaple*)¹³. В «Анналах Данстебла» город Данстебл чаще всего именуется «бургом», хотя наименования *villa* и даже *villata* тоже встречаются¹⁴.

---

⁸ The Chronicle of Battle Abbey / Ed. by El. Searle. Oxford, 1980. P. 58: “*Homines autem ipsius uille, ob eiusdem loci premaximam excellencie dignitatem, burgenses uocantur*”.

⁹ Ibid. P. 50–51.

¹⁰ The Waltham Chronicle. An Account of the Discovery of our Holy Cross at Montacute and its Conveyance to Waltham / Ed. and trans. by L. Watkiss, M. Chibnall. Oxford, 1994. P. 18–19.

¹¹ Ibid. Cap. 28 (P. 74–75).

¹² Ibid. Cap. 30 (P. 78–79).

¹³ A Digest of the Charters Preserved in the Cartulary of the Priory of Dunstable / Ed. by G. H. Fowler // Publications for the Bedfordshire Historical Record Society. Bedford, 1926. Vol. 10. P. 240; Regesta Regum Anglo-Normannorum / Ed. by C. Johnson and H. A. Cronne. Oxford, 1986. Vol. 2. P. 275. № 1827.

¹⁴ Annales Monasterii de Dunstaplia (A. D. 1–1297) // Annales Monastici / Ed. by H. Richards Luard. London, 1866. Vol. 3. P. 1–420.

Однако, когда приор и монастырь св. Свитуна в Винчестере решили в XIII в. основать новый город в одном из своих маноров, в 1247–1249 гг. они пожаловали своему городу (*villa*) Уитчёрч статус свободного города (*liber burgus*) и определили его границы. Кроме того, его жители (*burgenses*) становились свободными и обладали городскими держаниями (*burgagia*) со всеми привилегиями¹⁵. Таким образом, желая дать уже существующему поселению особый (городской) статус, они присваивают ему новое наименование, означавшее наличие определенных привилегий, которые также перечисляет грамота.

В пользу этого свидетельствует и более широкая практика пожалования королями «городских» привилегий, которая сложилась в Англии в XII–XIII вв. Примеры собраны в тематической публикации грамот, пожалованных городам¹⁶. Можно убедиться, что вышеупомянутое пожалование Уитчёрчу вполне в духе характерных городских пожалований. Так, епископ Уэллса даровал одноименному городу в 1174–1180 гг. грамоту, согласно которой “*villam Welliae burgum esse in perpetuum et eisdem finibus quibus in eadem carta diffinitum est et prescriptum*”¹⁷. В 1201 г. данное пожалование было уже закреплено королевской грамотой: “*libertates omnes et liberas consuetudines burgensium et burgorum qui plenarias habeant libertates burgo de Wellis et burgensibus universis et singulis*”¹⁸. Существует множество грамот, жалующих тому или иному городу (как частновладельческому, так и королевскому) при-

¹⁵ Deveson A. M. Small Medieval Towns, With Special Reference to Whitchurch, Hampshire, ca. 1250–1400. PhD Thesis. Southampton, 1995. Appendix 5. P. 207–208; Chartulary of Winchester Cathedral / Ed. by A. W. Goodman. Winchester, 1927. P. 203–204: “*villa nostra de Whitcherche sit liber burgus sicut perambulate est*”.

¹⁶ British Borough Charters, 1042–1216 / Ed. by A. Ballard. Cambridge, 1913; British Borough Charters, 1216–1307 / Ed. by A. Ballard, J. Tait. Cambridge, 1923; British Borough Charters, 1307–1660 / Ed. by M. Weinbaum. Cambridge, 1943.

¹⁷ British Borough Charters, 1042–1216. P. 2.

¹⁸ Ibidem.

вилегии и обычаи, присущих «бургу». Как это было сформулировано в грамоте Стаффорду 1206 г., “*omnes alias libertates et liberos consuetudines quas aliquis liber burgus Angliae habet*”¹⁹, хотя мог быть указан конкретный «бург» или «бурги» определенного региона/графства. Именно благодаря таким пожалованиям к началу XIV в. складывается понятие «свободный бург» (*liber burgus*)²⁰.

То, что за словом *burgus* (или чаще даже *liber burgus*) стоял определенный статус, подтверждается и попытками горожан добиться закрепления за их поселением данного наименования. Так, в 1326 г. горожане Сент-Олбанса выдвинули своему аббату ряд требований, а также заявили, что они и их город были свободными как бург и как горожане (*villa et ejusdem burgenses fiebant ita liberi sicut burgus et burgenses*), о чем, по их мнению, свидетельствует грамота о привилегиях и некая книга в казначействе под названием «Страшный суд»²¹. Король послал запрос к казначею о том, был ли Сент-Олбанс «свободным бургом» (*liber burgus*), а его жители – «свободными горожанами» (*liberi burgenses*), что предполагалось установить по «Книге Страшного суда»²². Выписка из «Книги» упоминает в Сент-Олбансе *villa* и *burgenses*²³. При дальнейшем разбирательстве была рассмотрена грамота Генриха II, которая подтверждает пожалование монастырю города (*villa*) Сент-Олбанс с рынком и всеми привилегиями, какие должны быть у «бурга». Однако толкование слова «бург» (так как оно наносило ущерб монастырю) было отложено до другого дня, когда решили собраться в Вестминстере, чтобы посоветоваться с королевским советом и мудрыми мужами ко-

---

¹⁹ Ibid. P. 3.

²⁰ Weinbaum M. The Incorporation of Boroughs. Manchester, 1937. P. 16–17.

²¹ Gesta Abbatum Monasterii Sancti Albani, a Thoma Walsingham, regnante Ricardo Secundo, ejusdem ecclesiae præcentore, compilata / Ed. by H. T. Riley. London, 1867–1869. Vol. 2. P. 157–158.

²² Ibid. P. 162–163.

²³ Ibid. P. 163.

ролевства²⁴. По соглашению 1327 г. горожане устанавливали границы города (*Burgh*), все держания в границах которого были городскими держаниями (*burgages*), а все живущие на его территории – горожанами (*burgeys*)²⁵.

Между тем статус городов и городских общин претерпевает изменения, и во второй половине XIV в.²⁶ распространяется процесс формального создания городской корпорации как юридического лица, обладающего соответствующими правами. Некоторую эволюцию представлений можно проследить на примере города Рединга (графство Беркшир). Он был обозначен в «Книге Страшного Суда» как «бург»²⁷. В начале XIV в. этот статус признавался королевской администрацией, в отчете которой за 1316 г. говорится, что «нет городов-цивитас в... [Беркшире], а только три бурга, а именно, Уоллингфорд, Нью Виндзор и Рединг»²⁸. Ок. 1391 г. горожане утверждали, что Рединг был королевским бургом, причем еще до основания аббатства²⁹. В жалобе против аббатства начала XVI в. говорится, что «город Рединг является старинным бургом (*the Town of Redyng is an auncient Burgh*) и является корпорацией... с незапамятных времен»³⁰. Для горожан Рединга в начале XVI в. уже было более актуально отстаивать наличие у них корпорации, а не просто «бурга».

В то же время, связь между наименованием «бург» и обладанием определенными привилегиями, с ним ассоциирующихся, могла и отсутствовать. Примером этого является Дан-

---

²⁴ Ibid. P. 166–170.

²⁵ Ibidem.

²⁶ Первая инкорпорация (создание такой корпорации) состоялась в середине XIV в.

²⁷ Domesday Book. Vol. 5. Berkshire. Chichester, 1979. 15,2.

²⁸ Цит. по: *Rixon P.* The Town of Reading 1200–1542. PhD Thesis. Oxford, 1998. P. 56.

²⁹ Ibid. P. 65.

³⁰ *Slade C. F.* Reading records (4). Documents Concerning Relations between Town and Abbey c. 1500 AD // Berkshire Archaeological Journal. 1963–1964. Vol. 61. P. 52.

стебл, для которого спор о «бурговом статусе» оказывается неактуален. Здесь монастырь не оспаривал наименование города «бургом», хотя и не готов был наделить его жителей теми привилегиями, которых они добивались. Впрочем, это могло быть связано с тем, что некогда король основал «бург Данстебл», и только потом он был пожалован монастырю.

В средневековой Англии не существовало какого-то общегородского законодательства, но можно обратить внимание на некоторые общие документы и те категории городов, которые они выделяют. «Книга Страшного Суда», которая, по словам Я. А. Левицкого, «является основным источником для изучения английских городов в XI в.»³¹, знает несколько категорий, в ней встречаются *civitas*, *burgus* и *villa*. Но и тут они используются непоследовательно. Например, Дувр, описание которого открывает запись касательно графства Кент³², обозначен как *villa* и *portus*, хотя его жители обозначены как *burgenses*³³, а Кентербери – как *civitas*, но его жители как *burgenses*³⁴. В то же время маленькие городки Сисолтер и Фордвич названы «маленькими бургами» (*parvum burgum*)³⁵.

Великая хартия вольностей в пункте 13 упоминает “*omnes alie civitates, et burghi, et ville, et portus, habeant omnes libertates et liberas consuetudines suas*”³⁶. Это одна из немногих статей, касающихся горожан в данном документе. Кроме того, в пункте 23 касательно запрета принуждать сооружать мосты на реках, речь идет об отдельных людях или поселениях

---

³¹ Левицкий Я. А. Английский город в XI веке // Левицкий Я. А. Город и феодализм в Англии / Отв. ред. Е. В. Гутнова. М., 1987. С. 61.

³² Как правило, в начале записи о графстве помещалось описание главного города.

³³ Domesday Book. Vol.1. Kent / Ed. by P. Morgan. Chichester, 1983. D,1–10; 9,9.

³⁴ Ibid. C,1; 5,127.

³⁵ Ibid. 3,10; 7,10.

³⁶ Памятники истории Англии XI–XIII вв.: русский и латинский тексты Великой хартии вольностей и других документов / Введ. Д. М. Петрушевского. 2 изд. М., 2010. С. 100–101.

(*villa*)³⁷. В пункте 37 при перечислении разных видов держаний упоминается и городское – *per burgagium*³⁸. Таким образом, подтверждается наличие разных категорий городов, но разница между ними не обозначена.

Можно также отметить, что приглашения в парламент получали *civitas*, которые посылали туда *cives*, и *burgus* с *burgenses*³⁹. Жители Сент-Олбанса, доказывая, что их город имеет право именоваться *burgus*, в качестве аргумента приводили тот факт, что они посылали двух своих представителей в парламент⁴⁰. Хотя есть отдельные примеры, когда города, не имеющие такого статуса, также имели представительство в парламенте, но чаще всего нерегулярное⁴¹.

Хронист Сент-Олбанса, описывания волнения 1326–1327 гг., связанные со смещением с престола Эдуарда II, отмечает, что примеру лондонцев последовали общины многих городов (*civitatium, burgorum, villarum communitates*), силой добившиеся получения у своих господ грамоты и привилегии, по которым они могли стать свободными⁴². Правда, в этом случае *villa* могли также обозначать и сельские общины.

Рассмотрим словоупотребление в «Первой городской книге Фавершема»⁴³, созданной во второй половине XIV –

³⁷ Там же. С. 104–105. Любопытно, что Петрушевский переводит слово *villa* в данном контексте как «община». В английских переводах оно дается как *town*.

³⁸ Там же. С. 106–107.

³⁹ См., например, приглашение выбрать представителей для Нортгемптоншира: Там же. С. 222–223.

⁴⁰ *Gesta Abbatum Monasterii Sancti Albani*. P. 158.

⁴¹ Анисимова А. А. Английский парламент как средство урегулирования конфликтов между горожанами и их сеньорами // Средние века. М., 2014. Вып. 75 (3–4). С. 84–85.

⁴² *Gesta Abbatum Monasterii Sancti Albani*. P. 156.

⁴³ *The First Town Book of Faversham // The Early Town Books of Faversham*, с. 1251–1581 / Ed. by D. Harrington & P. Hyde. Chippenham, 2008. Pt. 1. P. 1–76. Перевод на рус. яз.: Первая городская книга Фавершема / Пер. А. А. Анисимовой // «Ради блага города»: Городские правовые сборники / Сост. А. А. Анисимова, Г. А. Попова. М., 2014.

XVI веке. В ней содержатся тексты на трех языках – латинском, французском и английском. Фавершем (графство Кент) – относительно небольшой монастырский город, городская община которого в середине XIII в. была очень активна и выстраивала городскую идентичность своего поселения, преодолевая сопротивление сеньора, местного монастыря. Создание городской книги отражает уже достаточно развитый этап существования городской общины, хотя стоит отметить, что сеньориальные города (особенно, монастырские) в целом несколько запаздывали в своем развитии по сравнению с королевскими или даже принадлежавшими светским сеньорам. В состав книги входит целый ряд самых разных документов: королевские грамоты, запись обычаев, договор между городом и его сеньором, формуляры документов и т.д.

Королевские грамоты 1252 и 1302 г. адресованы «баронам» города, поскольку их пожалование было связано с их членством в Конфедерации Пяти Портов⁴⁴, а сам Фавершем в грамоте 1252 г. не обозначен каким-либо термином, а в грамоте 1302 г. – как *villa*⁴⁵. Этот же термин содержится и в соглашении 1258 г. между жителями Фавершема и их сеньором-монастырем⁴⁶. А в отдельных фразах даже употребляется *villata*. В городской книге тексту грамоты 1252 г. предшествует заголовок, где говорится о том, что она пожалована «людям Фавершема» (*hominibus*). Неупотребление слова *burgus* может объясняться влиянием сеньора, его неприятием данного термина. Хотя между горожанами и аббатом шел долгий спор о том, как именовать главное должностное лицо городской общины – элдермен или мэр, но схожих дебатов касательно «города» неизвестно.

Обычаи Фавершема были записаны на французском языке, с латинскими заголовками, и везде используется *villa* в латин-

---

С. 119–234.

⁴⁴ Конфедерация Пяти Портов – привилегированная ассоциация городов юго-востока Англии, которая снаряжала корабли для короля.

⁴⁵ The First Town Book of Faversham. P. 7–8.

⁴⁶ Ibid. P. 11.

ской части и *la vile* во французской⁴⁷. Единственное слово, которое могло бы намекать на *burgus*, это наименование городского рога, который использовался для созыва горожан на общее собрание – *Burghorn*, которое вообще является англицизмом в латинском тексте. Такое словоупотребление совпадает и с терминами, используемыми в других документах, представленных городской книге. В разбирательстве 1388 г. появляется *communitas ville de Faversham*⁴⁸.

Английские тексты в «Первой городской книге Фавершема» представлены еще одной записью городских обычаев, грамотами XV в. и весьма поздними клятвами должностных лиц. Фавершем везде обозначается как *towne, toune*⁴⁹. Только в клятве членов городского совета появляется *bur[gh]mothe*, обозначающий заседание городского совета⁵⁰.

Таким образом, жители Фавершема явно не добиваются «бургового» наименования для своего города, как это делали в Сент-Олбансе или Рединге. Данное обстоятельство может объясняться особенностью положения Фавершема как члена Конфедерации Пяти Портов, по отношению к членам которой всегда употреблялось слово *portus/port(z)* или *la vil(l)e*, даже для головных портов⁵¹. Кроме того, особый статус их жителей определялся их наименованием как «баронов».

В грамоте об официальном создании городской общины Фавершема (1546 г.), после роспуска монастыря-сеньора во время Реформации, город также именуется *villa*⁵².

Таким образом, из приведенных примеров можно увидеть,

---

⁴⁷ Ibid. P. 12–23.

⁴⁸ Ibid. P. 27–28.

⁴⁹ Ibid. P. 2–4, 47, 48, 72, 73.

⁵⁰ Ibid. P. 3.

⁵¹ Примеры можно увидеть в описаниях службы, которую должны были нести города, входившие в конфедерацию Пяти Портов, соглашением между Фавершемом и его головным портом Дувром. Ibid. P. 37–39, 45–46.

⁵² *Tann P.* The Royal Charters of Faversham including the Magna Carta. Faversham, 2013. P. 150–160.

что термин *burgus* имел определенную смысловую нагрузку, обозначая город с определенными правами и привилегиями, в то время как *villa* было более нейтральным словом, обозначающим поселение. При этом любое городское поселение, в том числе и обладающее «бурговым» статусом, также могло обозначаться как *villa*. Во многом это зависело от контекста употребления данного слова – насколько было актуально подчеркнуть определенный статус поселения. В то же время обозначение поселения как *burgus* не делало его автоматически городом, а скорее указывало на амбиции его жителей или намерения основателя. Схожее употребление, судя по всему, было перенесено и во французский и английский языки, хотя более позднее появление источников на английском языке означает, что в нем чаще используется слово *towne*, аналог/перевод *villa*, поскольку *burgus* (*burgh*) оказывается менее актуальным.

При такой множественности словоупотребления неизбежно возникают сложности с переводом этих терминов на русский язык, поскольку все эти слова можно переводить как «город», но в любом случае будут необходимы определенные пояснения. Возможно, использование разных языков только способствовало путанице терминов, хотя можно увидеть схожие тенденции во всех трех языках. В то же время вопрос о правовом статусе разных поселений в Средние века является сложным сам по себе и невозможно проследить четкую связь между статусом города и терминами, используемыми для его обозначения.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ

*Ирина Александровна Краснова,
Северо-Кавказский федеральный университет*

ФЛОРЕНТИЙСКИЕ ХРОНИКИ XIII – НАЧАЛА XIV В.: ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИОПИСАНИЯ

От ранних веков флорентийской истории (XI – первая половина XIII в.) дошло мало анналов, хроник и других памятников летописания, а те, которые сохранились, главным образом представляют сухие и лаконичные погодные записи, написанные на латыни, реже – на вольгаре¹. В XII в., как полагают, уже сложился и действовал метод компиляции, к которому прибегали представители церкви и юристы². Наиболее известными из них являются авторы «*Annales Florentini primi*» (1110–1173) и «*Annales Florentini secundi*» (1107–1247), в которых повествовалось главным образом о выборах консулов и подеста Флоренции. Важным моментом процесса историописания во Флоренции следует считать перевод на вольгаре хроники доминиканца Мартина из Опавы, известного в Италии, как Мартино Полоно (Мартин Польский или Мартин Поляк, умер в 1278 или 1279 г.), под названием «Хроника пап

---

¹ О них см.: *Villari P. Le origini di Firenze // I primi due secoli della storia di Firenze. Firenze, 1905. P. 41–44; Santini P. Quesiti e ricerche di storiografia fiorentina. Firenze, 1903. P. 36, 47, 55–58.*

² *Santini P. Op. cit. P. 47.* В результате рукописной традиции во Флоренции, как и в других местах, сложились компилятивные техники. Труды, написанные таким способом, часто назывались «Цветы» или «Цветочки из хроник» по многочисленным небольшим текстам, явно возникшим вследствие компиляции – см.: *Guenée B. Histoire et culture historique dans l'Occident médiéval. Paris, 1980. P. 211.*

и императоров»³. Другая хроника, которая могла использоваться, – «Деяния флорентийцев» («Gesta florentinorum») Сандзаноме (букв. пер.: Безымянный)⁴.

Наиболее известными произведениями, относящимися к жанру хроник, составленных, как полагают, до появления труда Джованни Виллани, являются «Хроника Флорентийского Анонима» (далее – Аноним), в которой повествование по годам начинается с 1051 г. (первая дата, сохранившаяся в тексте хроники) и доводится до 1297 г., называемая также

---

³ *Martini Oppaviensis. Chronicon pontificum et imperatorum // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. T. XXII. Hannover, 1872. P. 443–475.* В работе также использовалось: *Saggio d'un antico volgarizzamento inedito della Cronica di Martino Polono con osservazioni critiche di Sebastiano Ciampi. Milano, 1828.* URL: https://ia802301.us.archive.org/11/items/bub_gb_eNPx2SUIfk8C/bub_gb_eNPx2SUIfk8C.pdf (дата обращения: 04.04.2021). О влиянии указанного труда на флорентийских хронистов, в частности, на Джованни Виллани, см.: *Юсим М. А. Джованни Виллани – первый историк Флоренции // Виллани Дж. Новая хроника или история Флоренции / Пер. с итал. М. А. Юсима. М., 1997. С. 475; Ragone F. Giovanni Villani e i suoi continuatori. La scritta delle cronache a Firenze nel Trecento. Roma, 1998. P. 10.* Франка Рагоне отмечала, что во Флоренции первый перевод на вольгаре хроники Мартино Полоно, сопровождающийся краткой информацией о локальной истории, приписывался судье Пьетро Буонфанте. Он датируется временем около 1279 г. См. также о нем: *Santini P. Quesiti e ricerche di storiografia fiorentina. P. 81–87.*

⁴ *Sanzanome. Gesta Florentinorum // Cronache dei secoli XIII e XIV / A cura di G. Milanese. Firenze, 1876. P. 117–154.* Автор родился предположительно в 60-70-е гг. XII в., умер, вероятно, около 1245 г. Автор считается неизвестным, хотя оставил множество следов, подписывая акты и договоры только как «Sanzanome, iudex et notarius». Его активная деятельность в сфере внешней политики Флоренции продолжалась с 1200 по 1235 гг., хотя хроника прерывается 1231 г. См. о нем: *Chellini R. Sanzanome // Dizionario Biografico degli Italiani. Vol. 90. 2017.*

URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/sanzanome_%28Dizionario-Biografico%29/ (дата обращения: 05.04.2021).

«Хроника Псевдо-Брунетто», поскольку долгое время ее автором ошибочно считали Брунетто Латини⁵, и более поздняя «Хроника» Паолоино Пьери, охватывающая период с 1080 по 1305 г.⁶ Именно эти хроники займут центральное место в данной статье, прежде всего, потому, что они содержат наиболее богатые сведения о перипетиях и событиях внутри городского общества Флоренции.

Краткое авторское введение к хронике П. Пьери⁷ свидетельствует о сложной компиляции: «Это хроника из многих книг, найденных, заново пересмотренных и для памяти записанных мною, Паолоино ди Пьеро. Поскольку людям свойственно заблуждаться, они хотели бы слышать и узнавать о событиях прошлого по воспоминаниям, кем-нибудь записанным, и мы добавим также... сведения о событиях в городе Флоренции, чтобы те, которые придут после нас, помнили и о

---

⁵ *Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII // Testi fiorentini del Dugento e dei primi del Trecento / Ed. A. Schiaffini. Firenze, 1954.* В своем предисловии к тексту (Р. 82 указанного издания), А. Скьяффини заявлял: «Автограф этой хроники, ошибочно приписываемой Брунетто Латини, хранился в Национальной библиотеке, теперь Мальябеккиана XXV.565, Лауренциана-Гаддиана 77 (это полная компиляция, созданная в XV в.). Первым издателем оригинала этой хроники был П. Виллари: *Villari P. I primi due secoli della Storia di Firenze. Vol. II. Firenze, 1894. P. 195–269.* Затем она была переиздана в 1905.

⁶ *Pieri P. Cronaca di Paolino Pieri fiorentino delle cose d'Italia dall'anno 1080 fino all'anno 1305 / A cura di A. F. Adami. Roma, 1755.*

⁷ Паолоино Пьери – единственный из флорентийских хронистов, считающихся предшественниками Джованни Виллани, чье имя известно. Но о нем самом дошло очень мало сведений: лишь один документ – нотариальный акт от 1324 г., в котором он идентифицируется, как «*Paolinus Pieri*», живущий в приходе Сан Пьеро Маджоре и являющийся подрядчиком по сбору габелл с торговцев соломенными изделиями и зеленщиков. Если это так, то он жил еще почти 20 лет после конечной записи в своей хронике. См. о нем: *Bego A. Paolino Pieri, Croniche di Firenze, edizione critica. Padova, 2016.*

URL: http://tesi.cab.unipd.it/52790/1/ANDREA_BEGO_2016.pdf (дата обращения: 05.04.2021).

тех делах и о нас... и просили бы Господа за душу того, кто писал, дабы Господь простил его...»⁸. Понятно, что автор рассматривал свой труд компилятора как богоугодное и душе-спасительное дело. Об этом свидетельствует и последующий длинный ряд имен святых покровителей, которым он посвящал свой труд. В тексте хроники он ссылаясь на некие «записи». Так, повествуя о деяниях коммуны Флоренции по захвату Вальдарно в 1270 г., П. Пьери сообщал между делом: «В это время я нашел в другом месте некую запись, что были схвачены люди из дома Уберти. И умерли мессер Аццолино (Уберти) и его сотоварищи, о каковых я писал 2 года назад, и... думаю, что это являлось правдой, но поскольку это не было точно определено, я не стал менять запись»⁹. Иногда Паолино заявлял о том, что являлся непосредственным свидетелем событий. Так он описывал прием Неаполитанского короля Карла I Анжуйского (1266–1285) во Флоренции в 1284 г.: «И флорентийцы оказали ему великие почести и хотели, чтобы он развернул Палио¹⁰ над головой. Но король не пожелал, а также не хотел, чтобы кричали «Да здравствует король!», а распорядился, чтобы кричали «Да здравствует Победитель!», и я, который видел это и слышал, свидетельствую об увиденном; и стоял я у ворот Сан Никколо...»¹¹.

На основе сопоставления текстов Анонима и Паолино Пьери с вышеупомянутыми хрониками Мартина Польского и Сандзаноме, которыми они могли воспользоваться, становится заметным, что в описании событий, относящихся к XI–XII вв., особенно заметно сходство в преобладании материала, свидетельствующего о деяниях римских пап и императоров Священной Римской империи. Явно просматривается склонность к биполярному видению политического устрой-

---

⁸ *Pieri P. Cronica*. P. 1.

⁹ *Ibid.* P. 38.

¹⁰ Палио в данном случае – знамя участников состязания – конного ристания или бега, которым отмечались праздники и торжественные события.

¹¹ *Pieri P. Cronica*. P. 46.

ства социума: папство – Империя. Трудно судить, в какой степени это явление являлось элементом мирозерцания самих хронистов или же влиянием широко распространенного в тот период труда Мартина Польского.

В частности, в анонимной «Хронике», ошибочно приписываемой Брунетто Латини, аннотации, относящиеся к XI–XII вв., следуют структуре прототипа – нарративу Мартина Польского: сначала указывается череда сменяющихся друг друга пап на протяжении определенного времени, затем имена и деяния императоров, относящихся к тому же периоду. Годы 1057–1073 охарактеризованы только именами пап, сменяющихся на престоле Св. Петра, и лишь в рубрике, датированной 1074 г., на историческую арену выступает император Генрих IV (1084–1105), и довольно подробно описываются перипетии его борьбы с папой Григорием VII (1073–1085)¹². Из всех записей, датированных XI в., только три относятся к истории Флоренции: о попытке императора Генриха III (1046–1056) осадить город, которая не удалась благодаря героизму флорентийского войска во главе с нобилем Уголино дельи Уги, а также о «большой войне» между знатными фамилиями Уги и Бертельди «из-за одной женщины из рода Ламберти, к которой представители родов питали любовь, что привело к истощению их имущества и персон»¹³. Здесь содержится первый намек на тему рыцарских куртуазных нравов, которая затем получит некоторое развитие в тексте Анонима. Наконец, имеются еще очень краткие ремарки об успешных походах флорентийцев (1080) на Монти Орланди и Прато¹⁴.

Сравнивая содержание хроники Анонима и «Деяний флорентийцев», можно прийти к выводу, что аннотации анонимной хроники, касающиеся Флоренции в XI–XII веках, в целом

---

¹² Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII. P. 86–88.

¹³ Ibid. P. 82–83. Степень достоверности сообщения о войне между Уги и Бертельди не удалось проверить сведениями других хронистов (запись не датирована).

¹⁴ Ibid. P. 89.

повторяют рубрики «Деяний», но не тождественны им. К записи, датированной 1080 г., о приходе Генриха IV к стенам Флоренции, Аноним добавлял, конкретизируя информацию, что император осаждал город 17 дней и был разбит 21 июля¹⁵. Стремление Анонима к уточнению дат заметно и в рубрике о противостоянии консулов и дома Уберти, которую он относил к 1172 г. Если в «Деяниях» говорилось о том, что эта война длилась 2 года, то в «Анонимной хронике» утверждалось, что «она шла 27 месяцев, ибо Уберти не подчинялись консулату, желая управлять Флоренцией сами»¹⁶. Сообщая о захвате крепости Монте Орланди и Прато, Аноним кроме некоторых дополнительных деталей осады, приводит также и тот факт, что «мессер Оддо Арриги дельи Амидеи был туда назначен комендантом пожизненно»¹⁷, тогда как в «Деяниях» не упоминались для этого периода никакие должностные лица Флоренции. То же самое соотношение излагаемого материала заметно в сообщениях о захвате флорентийцами и разрушении укреплений Фьезоле (1125): в «Деяниях» только констатируются факты, в «Анонимной хронике» указано, что флорентийцы «имели с древности великую вражду с городом Фьезоле и его гражданами, подошли в ночное время с народом и рыцарями, а как только наступило утро, на рассвете, вошли внутрь и захватили город, разрушили все ворота и рвы, стены и укрепления, за исключением церквей. И тогда навели и устроили порядок, какого не было никогда, а для напоминания... на холме внутри стен не разрушили строения до конца,

---

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Ibid. P. 104–105. Речь идет об управлении Флоренцией.

¹⁷ Ibid. P. 89. Конкретизация датировки заметна у Анонима в рубрике об осаде флорентийцами замка Монте ди Кроче (1153): хронист указал, что осадили его 10 июля, в то время как в «Деяниях» говорится только о месяце июле. Констатируя факт захвата Монте ди Кроче Флоренцией в 1153 г. (та же дата и в «Деяниях») Аноним добавляет: «И было установлено, чтобы никогда не возводить на этом холме никакого укрепленного строения». См.: *Виллани Дж. Новая хроника. IV. 37. С. 107.* Виллани, описывая эти события, указал дату 1154 г.

оставив их высотой не более 5 локтей». Аноним стремился подчеркнуть негативное отношение к фьезоланцам, поскольку в древности Флоренция соперничала с Фьезоле¹⁸. Если в «Деяниях» ничего не говорится о том, как Уберти захватили власть во Флоренции, и вообще о событиях внутри города, то Аноним посвящает этому событию довольно просторную рубрику, заявляя, что «консулами и правителями города Флоренции в 1180 г. стали мессер Уберто дельи Уберти и мессер Ламберто Ламберти со своими компаньонами»¹⁹, одобряя их правление. Затем упоминаются имена консулов в 1181, 1182, 1183, 1184, 1185 гг.²⁰. Первый раз имя подеста – Гвальфредотто из Милана – появляется под датой 1207 г.²¹.

Паолоино Пьери, начав свою хронику с 1080 г., следующую аннотацию датировал уже 1100 г., опуская 20 лет²². Стоит отметить, что и у Анонима в этом временном промежутке упомянуты только 2 даты: 1081 и 1089 гг., причем информация,

¹⁸ Ibid. P. 97. Джованни Виллани демонстрировал еще более негативное отношение к фьезоланцам: *Виллани Дж.* Новая хроника. IV. 32. С. 104. В то же время Джованни Виллани указывал, что «усобицы и смуты во Флоренции вызваны тем... что ее населили два совершенно разных народа – благородные римляне и суровые и жестокие фьезоланцы. Неудивительно поэтому, что наш город постоянно подвергается войнам, раздорам, переворотам и заговорам». См.: Там же. III. 1. С. 70.

¹⁹ Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII. P. 105.

²⁰ Ibid. P. 108–109. Относительно первых консулов он добавлял: «Эти консулы управляли городом Флоренцией во внутренних и внешних делах, во время мира и во время войны».

²¹ Ibid. P. 115. О них говорится в связи с осадой земли Монте Альто (1207) и походом на Сиену (1208). Джованни Виллани подтверждает данные Анонима относительно Гвальфредотто из Милана. См.: *Виллани Дж.* Новая хроника. V, 32. С. 125–126. «Новая хроника» не содержит сведений относительно Джудиче да Папа, говоря о победе флорентийцев над сиенцами, Виллани утверждает, что консулами в то время были Каталано делла Тоза «со товарищи». См.: Там же. 34. С. 126–127.

²² *Pieri P.* Cronica. P. 2.

относящаяся к 1089 г., почти полностью посвящена событиям Первого крестового похода.

Далее в хронике Пьери в аннотациях с 1107 по 1119 гг. освещаются почти только флорентийские события, причем столь же лаконично, как и в произведении Анонима²³. В описании того, что случилось в 1125–1185 гг., у Паолоино, в отличие от Анонима, преобладал больший интерес к флорентийским происшествиям, касающимся в основном двух тем: экспансии коммуны в контадо и очень занимающего хрониста сюжета о том, кто правил Флоренцией, в отличие от Сандзаноме, который не касался этого вопроса. Паолоино подчеркивал рвение сограждан к достижению успеха в завоевательной политике Флоренции при рассказе о событиях 1269 г., когда флорентийцы в очередной раз выступили против Сиены в союзе с французскими войсками, и было решено усилить войско гражданами-добровольцами: «И была поставлена свеча в воротах Площади, и около нее было объявлено, что никто из трех сестер²⁴ не должен быть найден оставшимся дома, после того как эта свеча догорит; и получилось так, что не было нужды в объявлении, потому что не случилось никого, кто не пошел бы с охотой в войско; и по долгу большая часть людей начала быстро сбегаться... и многие из них несли гирлянды, и во всей Флоренции не было человека, который бы не проявил готовности, потому что люди шли туда с радостью»²⁵.

Но тема флорентийских правителей явно имела первостепенное значение для П. Пьери. С 1195 г. он датировал появление во Флоренции консулов²⁶. Аноним относил «первый консулат Уберти» к 1180 г. и в целом одобрял власть этих должностных лиц²⁷. С 1200 г. оба хрониста фиксировали из-

---

²³ Ibid. P. 2–4.

²⁴ Сестера – территориально-административная единица Флоренции до 1343 г. (1/6 часть города, разделенного по числу ворот).

²⁵ Ibid. P. 3.

²⁶ Ibid. P. 10–11. Первыми консулами Флоренции он называл Руджьери Джандонати с сотоварищами.

²⁷ Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII. P. 104–105. Консулы –

бране иноземных ректоров – подеста в лице Паганелло да Поркара²⁸. При этом Пьери весьма положительно характеризовал правление первого подеста, «мессера Паганелло да Поркара из Лукки»: «Он осуществлял свою власть очень хорошо и поэтому был утвержден на следующий год», и тогда «он правил прекрасно»²⁹. Пьери констатировал, что 1210–1211 гг. власть находилась в руках Консулов, затем, в 1212–1213 гг. правили подеста, которые некоторое время чередовались с консулами. К консулату Буондельмонте Буондельмонти (один из вождей партии гвельфов) и Ламберто ди Моска Ламберти (представитель гибеллинов) в 1214 г. Пьери относил территориально-административную реформу: разделение по четырем «воротам», название которым дали 4 главные церкви города³⁰. Реформа 1250 г. (*Primo Popolo*), расширив-

---

избираемые после 1115 г. должностные лица (знатные флорентийцы), облеченные функциями исполнительной власти.

²⁸ Подеста – иноземное должностное лицо, избираемое городом-коммуной. Усложнение социальной стратификации и усиление торгово-ремесленных слоев потребовало независимого арбитра, способного поддерживать общественное равновесие между грандами и народом.

²⁹ *Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII*. P. 112–113. *Pieri P. Cronica*. P. 11. Институт подеста еще не совсем сложился и утвердился во Флоренции: как и Аноним, Пьери указывал, что избрание подеста перемежалось с консульским правлением. В 1203–1204 гг. управляли консулы, 1205–1206 – то консулы, то подеста, и только с 1207 г. окончательно устанавливается правление подеста. Он называется то же имя, что и Аноним – Гвальфредотто из Милана – «самый великий человек из всех в той земле». *Ibid.* P. 12–13. В 1210 г. вновь имело место консульское правление. См.: *Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII*. P. 112. Аноним относил правление этого первого подеста к 1199 г., никак его не характеризует.

³⁰ *Pieri P. Cronica*. P. 14. «Ворота» назывались: Пор Санта Мария, Пор Сан Пьеро, Пор де Дуомо, Пор Сан Панкратио, и были тогда сделаны вымпелы, по одному на каждые Ворота, и на одном были изображены ворота, на другом ключи, на третьем Дуомо, на четвертом – лапа льва.

шая полномочия пополанства³¹, по всей видимости, не вызывала интереса у этого хрониста, ограничившегося краткой сухой ремаркой: «...Впервые сделал флорентийский народ Примо Пополо»³². Зато автор перечислял с 1270 по 1279 гг. сменявших одного за другим викариев³³ короля Неаполя Карла I Анжуйского (1268–1295)³⁴. Затем по истечении 10-летнего правления наместников Карла, он снова указывал на восстановление института подеста.

Аноним и П. Пьери имели обыкновение как бы присоединять глобальные события к тем, которые происходили во Флоренции, размечая их именами флорентийских подеста, но особенно эта манера отличала хронику Пьери: «В 1221 г. был Подеста Флоренции мессер Бондароне де Бальони из Перуджи, очень знатный человек. Во время его правления в 1222 г. сарацины снова вернули Дамьяту по договору...»³⁵.

---

³¹ Пополаны (от итал. *Popolo* – народ) – незнатные торговоремесленные слои города в отличие от грандов – знатных флорентийцев, владевших землями и замками в городской округе, башнями в городе, рыцарским достоинством.

³² *Ibid.* P. 25. Этот лаконизм не идет ни в какое сравнение с подробным рассказом Дж. Виллани, который явно находился на стороне народа, выступившего против гибеллинской знати, «тиранившей народ своим вымогательством». См.: *Виллани Дж.* Новая хроника. VI. С. 157–159. «Примо Пополо» (дословно: «Первый Народ») – название «Первого народного правления», когда пополаны обрели властные полномочия в новых структурах власти: Совет народа – законодательный орган и Капитана народа – чужеземное должностное лицо с функциями исполнительной власти, избираемое пополанами.

³³ Викарии – наместники Неаполитанского короля, назначаемые им во Флоренцию. В 1267 г. во Флоренцию вернулись гвельфы и обратились за покровительством к королю-гвельфу Карлу I Анжуйскому, как союзнику в борьбе против гибеллинов.

³⁴ *Ibid.* P. 44. «В 1272 г. был назначен викарием от короля Карла мессер Таддео да Монте Фельтро, который был графом, доблестным человеком и добрым Синьором». Викарию же императора, присланному в 1281 г., «флорентийцы отказались повиноваться».

³⁵ *Ibid.* P. 17.

В отличие от Сандзаноме, Аноним и Паолоино Пьери в ключительных частях своих хроник, относящихся к событиям второй половины XIII в., обращали пристальное внимание на социальные противоречия во Флоренции, так или иначе, определяя свое к ним отношение. Повествуя о социальных потрясениях 1292–1293 гг., Аноним скорее выступал на стороне пополанов: «В этом году один знатный горожанин-пополан по имени Джано делла Белла, имел ссору с мессером Берто ди Фрескобальди, который желал ему навязать свои резоны силой; и указанный мессер Берто в церкви Сан Пьеро Скераджо схватил рукой за нос Джано делла Белла и сказал, что пустит ему соплю. И многие другие грубости и насилия всякий день гранды творили против пополанов. По каковой причине указанный Джано... устроив собрание, поднял народ против грандов... И народ решил, что к компании Приоров³⁶ следует добавить Гонфалоньера справедливости³⁷, сопровождаемого 4000-ми пеших, следующих за ним под вымпелом... и многие строгие и жесткие постановления народ принял против грандов»³⁸. Джованни Виллани в своих оценках событий 1292–1293 г. в целом солидарен с высказываниями Анонима: «Против нобилей... повинных в обидах пополанов и простых людей... у которых они отнимали имущество и которым чинили насилия...», «некоторые добрые мужи Флоренции, ремесленники и торговцы, желающие навести порядок, стали искать средство и защиту от этой напасти...»³⁹.

Джованни Виллани не сообщал о некоторых деталях, очевидно, известных Анониму. В частности – это эпизод о

---

³⁶ Приоры цехов – должностные лица-пополаны, впервые избранные в 1282 г. «Установления справедливости» 1293 г. провозгласили Приорат (коллегию из восьми Приоров) главным государственным органом власти, избираемым на 2 месяца.

³⁷ Гонфалоньер (знаменосец) справедливости – избираемое с 1293 г. должностное лицо, возглавлял коллегию Приоров и должен был защищать интересы пополанства.

³⁸ *Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII*. P. 138.

³⁹ *Виллани Дж.* Новая хроника. VIII. 1. С. 223.

столкновении Джано с неким подростком: «В это время в Гарбо, в грамматической школе нашли умершим одного юного мальчика 15 лет, каковой имел драку с Джано делла Белла, и было объявлено по всему городу, что указанный Джано приказал его убить». Отметим, что Аноним не прояснял, действительно ли факт убийства имел место или это лишь инсинуации враждебно настроенных грандов. Однако его симпатии явно на стороне Джано делла Белла: «Спустя малое время получилось так, что указанный Джано всеми именитыми пополанами по наущению грандов был предан... осужден вместе с его братом и сыном... лишен гонфалона⁴⁰ народа». Далее следовала хвалебная сентенция: «Об этом Джано делла Белла можно воистину сказать, что он был настоящим отцом народа Флоренции и столь честным человеком, какового никогда не было в народе: исключая то, что все свои вендетты он творил под властью того же народа»⁴¹. У Анонима и Джованни Виллани оценки Джано делла Белла совпадали, как и морально-дидактические сентенции в адрес флорентийских пополанов⁴². Виллани указывал: «Джано был самым надежным и убежденным его [народа] сторонником, как никто во Флоренции преданным общему благу, который давал коммуне больше, чем получал от нее», хотя и заявлял при этом о «некоторой его самонадеянности» и «надменности»⁴³.

Паолино Пьери фиксировал события 1293 г. очень кратко и определенно: «В январские календы 1293 г. ... народ Флоренции из страха, который он питал к грандам, принял некие установления, каковые приказано было называть «Установления справедливости», тогда как на самом деле следовало назвать «Установления злобы» для тех, кто ими преследовал-

---

⁴⁰ То есть, знамени народа, с которым он должен был выступать на защиту пополанов, подвергшихся насилию со стороны грандов, чтобы покарать их.

⁴¹ *Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII*. P. 141.

⁴² *Виллани Дж.* Новая хроника. VIII. 8. С. 227–228.

⁴³ Там же. С. 228.

ся. И избрали Гонфалоньера»⁴⁴. Характеризуя события 1308 г., он отметил, что в ходе гражданских распри «устранили несколько «Установлений преступности», которые назывались «Установления Справедливости»⁴⁵. Пьери также отметил расправы народа с грандами и конфискации их имущества⁴⁶. Обращаясь к событиям 1294 г., когда изгнали из города подеста Джованни ди Лучино из Падуи, Пьери обвинял в этом Джано делла Белла: «Так получилось, что Флоренция тогда управлялась тощим народом, Капитаном которого был Джано делла Белла». Далее сообщалось, что Джано «не понравились судебные сентенции, которые вынес подеста... а поскольку он (Джано) был Синьором, который держался надменно, то побудил поднять великий шум...», и подеста пришлось спешно бежать из города, а все акты по процессам были изорваны. Уничтожение актов и других документов «не понравилось судьям и жирным пополанам, которые ненавидели Джано, и он был лишен имущества и изгнан с шумом за пределы Флоренции, и те, кто были ему друзьями, понесли наказание»⁴⁷. Далее следовала сентенция автора: «Воистину он был набольшим Пополаном, какового никогда не было до него во Флоренции; и случилось бы еще худшее, если бы он сотворил то, что желал содеять в своих помыслах... Этот

⁴⁴ *Pieri P. Cronica*. P. 56.

⁴⁵ *Ibid.* P. 77.

⁴⁶ *Ibid.* P. 56. «И управлялась земля тощим народом, и... взывали многие пополаны произвести изъятия у многих грандов их домов и владений, тому подлежащих, и силой народ Флоренции возымел их...».

⁴⁷ *Pieri P. Cronica*. P. 58. Одно изгнание быстро последовало за другим. Сначала народ взбунтовался против судебных решений подеста. Трудно сказать, что Джано являлся инициатором этого стихийного проявления недовольства, ибо хронисты Дино Компаньи и Джованни Виллани, являвшиеся современниками событий, указывали на то, что он пытался утихомирить народ и защитить подеста. См.: *Компаньи Д. Хроника событий, случившихся в его время* / Пер. с итал. М. А. Юсима. М., 2015. Кн. 1, 16. С. 78–81; *Виллани Дж. Новая хроника*. Кн. 8. 8. С. 227–228.

Джано был призван, осужден, выслан и сокрушен в 2 дня»⁴⁸. В этом повествовании явно проступает негативное отношение автора к Джано делла Белла как предводителю народа. Оценки событий 1293–1295 гг., как видим, у названных хронистов, не относящихся к сословию грандов, различались: у П. Пьери они были прямо противоположны суждениям Анонима и Дж. Виллани.

Аноним и П. Пьери порицали гражданское противостояние в городе. Аноним безусловно осуждал распри грандов: «И также возникло в городе Флоренции много несогласий и различных непристойностей (1296); и много людей погибло в том столкновении, которое случилось у Донати и Герардини, каковые вступили войну... и начали убивать друг друга». Автор заявлял о пагубных последствиях гражданских столкновений для города и всей Италии: «Из этого дела родилось великое зло в городе... и возобновилась старая ненависть между домами Уберти и Буондельмонти, а также кровь полилась по всей Италии»⁴⁹. В этой связи Аноним горячо уповал на миротворческую миссию церкви и папства (1297): «Город Флоренция, больной тяжкими и затяжными болезнями, стал объектом святейшей заботы Римской Церкви и мессера папы Бонифация VIII, который, творя мир, пожелал исцелить эти язвы и умиротворить город». Далее следовал рассказ о миссии кардинала Маттео д'Акваспарта, который прибыл во Флоренцию: «...он проповедовал мир и желал его дать; но ему не верили...»⁵⁰. На этом обрывалась рубрика и вся хроника Анонима: дату его смерти установить невозможно.

У П. Пьери отношение к миротворческой практике церкви, как будет сказано далее, более противоречивое, хотя он также возлагал надежды на миссию кардинала Латино (1280). С гордостью он рассказывал, как флорентийцы оказали ему великую

---

⁴⁸ *Pieri P. Cronica*. P. 59.

⁴⁹ *Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII*. P. 148.

⁵⁰ *Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII*. P. 147–148. О миссии кардинала д'Акваспарта см. P. 150.

честь: вывезли ему навстречу Карроччо и знамена 21-го цеха⁵¹, 50 бойцов вышли для турнира, и устроили Палио⁵², как и для встречи Императора или папы... и тогда вернулись во Флоренцию все гибеллины, им возвратили их имущество... были заключены многие примирения между гвельфами и гибеллинами, между гвельфами и гвельфами, между гибеллинами и гибеллинами, между грандами и пополанами и отдельно между Адимари и Тозинги, между Пацци и Адимари...»⁵³. Приподнятый тон повествования явно указывал на удовлетворение, которое испытывал автор, описывая эти события.

Аноним и П. Пьери писали о противоборстве партий во Флоренции, но в этом случае определить их позиции сложнее. Оценки Анонима были обычно продиктованы морально-нравственными критериями и не содержали явно выраженной партийной ориентации, в отличие от его младших современников Дино Компаньи и Джованни Виллани. В этом смысле интересен сюжет о поражении гибеллинов в сражении при Кампальдино в 1289 г., когда флорентийские гвельфы пошли войной на Ареццо, в должности подеста которого был граф Гвидо де Гвиди, предводитель тосканских гибеллинов. Далее следовал своего рода плач автора по погибшим главам гибеллинской партии: «...Были убиты многие нобили, а также благородные и достойные люди, почти весь цвет лучших воинов Тосканы». Он перечислял этих славных представителей гибеллинских родов, тосканцев и флорентийцев: Убертини, Пацци да Вальдарно, сыновья Фаринаты дельи Уберти, Фифанти, Абати и

---

⁵¹ Карроччо – особая военная повозка, символ доблести флорентийского войска. Каждый цех имел собственное знамя со своим гербом, под ними формировалось цеховое ополчение.

⁵² Палио, как ранее говорилось, вид состязания, которое устраивали в торжественные моменты: скачки или бег.

⁵³ *Pieri P. Cronica*. P. 43. Миротворческая миссия высокопоставленных церковных лиц состояла не только в том, чтобы примирить враждующие партии, но и отдельные фамилии, находящиеся в состоянии кровной вражды, к каковым принадлежали Адимари, Пацци и Тозинги – гвельфские городские кланы.

другие, «каковых и за 100 лет до этого в Тоскане невозможно было бы найти». Среди них было 800 рыцарей, 12 000 пеших, и 12 из них были паладинами⁵⁴; «и столь отважно они сражались, что превосходили паладинов Франции, но более 2500 из сражавшихся были убиты». Доблести павших противопоставляется предательство Гвидо деи Гвиди, графа Новелло, который, «как трус и подлец, поскорее ушел и отправился восвояси»⁵⁵. Заметно, что в этой аннотации Аноним делает явный акцент на мужестве и воинской доблести совершенных рыцарей, ставших жертвами вероломства, но не на их партийной принадлежности. Однако в рассказе об изгнании партии гвельфов в феврале 1247 г. «силой гибеллинов», он заявлял о недостойном и явно «нерыцарском» поведении гибеллинов: «И тогда гибеллины разрушили башни и палаццо гвельфов и совершили другие дела, достаточно низкие и гадкие, насилюя женщин и девушек к великому позору»⁵⁶. Паолино Пьери также описывал битву лишь как факт, указывая только на то, что «пали более 20 самых знатных и лучших людей из партии гибеллинов»⁵⁷, и тоже не выражая в данном случае каких-либо партийных пристрастий и антипатий.

В отношении разделения города на партии в 1215 г., в отличие от Анонима, П. Пьери дал лишь краткую аннотацию о «великой распре», констатирующую факт, без всяких авторских пояснений, выражающих те или иные пристрастия⁵⁸. Точно так же отстраненно он описывал и столкновения между гибеллинами и изгнанными из Флоренции гвельфами в 1249 г.⁵⁹, как и сражение при Монте Аперти в 1260 г., закончившееся поражением флорентийских гвельфов и их изгнани-

---

⁵⁴ Паладинами называли тех рыцарей, которые сражались в Святой Земле.

⁵⁵ *Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII*. P. 134–135.

⁵⁶ *Ibid.* P. 129.

⁵⁷ *Pieri P. Cronica*. P. 52.

⁵⁸ *Ibid.* P. 14–15.

⁵⁹ *Ibid.* P. 24.

ем из города⁶⁰. Автор скорее с морально-нравственных позиций осуждал сам факт предательства, совершенный сторонниками гибеллинов в 1260 г. Кроме того, как флорентийцу, ему горько было переживать бедствия, обрушившиеся на его город из-за победы сиенцев, союзников гибеллинов: «...большого ущерба и зла невозможно упомянуть во всей Тоскане; и сиенцы вышли победителями и взяли Колокол, который звался «Мартинелла»⁶¹. И затем в четверг 9 сентября все гвельфы оставили город, а в воскресенье 12 сентября вернулись гибеллины во Флоренцию». Таким же образом он описывал и последующее изгнание гибеллинов из города⁶². Возможно, именно это беспристрастие послужило основой заявления Р. Давидсона в адрес Пьери: «Ни гвельф, ни гибеллин, но стоящий вне партий, и поэтому типичный благоразумный флорентийский гражданин средней руки»⁶³. Это подтверждается явно выражаемым в хронике одобрением мира между партиями, который пытался заключить в 1273 г. папа Григорий X (1271–1276). Его Паолино очень одобрял, как «человека святого, доброго, осторожного, тонкого и понимающего истину», который «принудил целоваться в уста синдиков от каждой партии... но гибеллины не вернулись во Флоренцию и

⁶⁰ Ibid. P. 30. «...Все эти люди вместе столкнулись с сиенцами в месте, называемом Монте Аперти, и их вымпелы пали по предательству Боккино Абати, Рацанте и других гибеллинов, находящихся в лагере флорентийцев... Из-за этого предательства флорентийцы и их союзники были разбиты и лишились многих, которые были убиты и захвачены».

⁶¹ «Мартинелла» – колокол, который висел в арке ворот Санта Марии и звонил только в моменты, когда городу угрожали враги. Когда флорентийское войско выступало в поход, колокол водружался на карроччо вместе со штандартом коммуны. Потеря колокола в бою – знак неминуемого поражения (как это произошло в сражении при Монтаперти в 1260 г.) и великого позора.

⁶² *Pieri P. Cronica*. P. 30. Столь же нейтральную позицию автор занимает при описании возвращения гвельфов во Флоренцию, относя эту дату к 1267 г. См. P. 32–33.

⁶³ *Davidsohn R. Storia di Firenze*. Т. III. Firenze, 1959. P. 282.

не соблюдали мир»⁶⁴, за что в 1275 г. тот же папа Григорий X подверг Флоренцию церковному отлучению, «потому что не соблюдался мир между гвельфами и гибеллинами...»⁶⁵.

П. Пьери оставил свидетельства о событиях 1298–1305 гг. касающихся противостояния Белых и Черных гвельфов, которые его очень удручали, хотя он и не выразил явных предпочтений: «Царила страшная ненависть между гвельфами... И тогда изливался яд, который флорентийцы имели в сердце, и наихудшая злоба, которую они носили скрытой, и так началось во Флоренции великое разрушение»⁶⁶. В другом месте он заявлял: «Но таково было высокомерие во Флоренции, что из одной партии гвельфов возникли 2 партии...»⁶⁷. Здесь хронист уже явно не возлагал особой надежды на посредничество представителей церкви. Миротворческой миссии кардинала Маттео д'Акваспарта (1300) он почти не уделил внимания, просто констатировав факт и заметив только, что «кардинал не преуспел»⁶⁸. Так же краток он и в отношении попыток водворить мир, предпринятых кардиналом Никколайо да Прато в 1303 г., который «ничего не смог добиться», в итоге «кардинала отправили прочь... он вышел из Флоренции и почти бегом ушел в Сиену»⁶⁹. В последних приведенных аннотациях явно ощущается разочарование П. Пьери в миротворческих миссиях представителей церкви.

Во всех аннотациях, посвященных этим событиям, хронист упорно настаивал на том, что «партия Белых не желала мира», при этом он явно осуждал действия Корсо Донати, одного из предводителей Черных гвельфов, за агрессивность и развязы-

---

⁶⁴ *Pieri P. Cronica*. P. 39–40.

⁶⁵ *Ibid.* P. 41.

⁶⁶ *Ibid.* P. 61–62. Рубрика датирована 1297 г.

⁶⁷ *Ibid.* P. 77.

⁶⁸ *Ibid.* P. 67. Рубрика датирована 1300 г. В другом месте (1301 г.) он также отмечал, что «кардинал ничего не сумел сделать». P. 71.

⁶⁹ *Pieri P. Cronica*. P. 77–78, 79. О гражданских распрях во Флоренции в 1303 г. см.: *Виллани Дж.* Новая хроника. VIII. 68. С. 253–254.

вание гражданской войны в городе⁷⁰: «Так без всякого управления держался город 6 дней, и никто не мог иметь полномочий власти и правосудия... и случились в это время многие погромы в городе и в контадо, и многие были убиты; и они причиняли зло всякому, кому пожелают, если у него было какое-то имущество»⁷¹.

Не удивительно, что не надеясь на миссии кардиналов, П. Пьери одобрял и превозносил жесты миролюбия и смирения своих сограждан, их попытки прервать цепочку вендетт. Он восхвалял Симоне ди Корсо Донати, раненого в схватке и скончавшегося на следующую ночь, но «перед этим очень хорошо позаботившегося о душе своей, умоляя отца и других заключить мир с Черки и со всеми врагами... ибо покуда мир стоит, пребудет во благе его душа». Хронист резюмировал: «Разумом и храбростью Симоне превосходил своего отца, по доблести и великодушию равнялся Александру, и по твердости духа показывал, что в настоящее время он – лучший в своем клане»⁷².

Пьери с горечью констатировал нескончаемый процесс разделения во Флоренции: «Не очень-то они (гвельфы) между собой находились в согласии; потому что возникло у них две партии, и одна показывала, что она за народ, а другая – за грандов, но в каждой партии были и гранды и пополаны, и так одна партия кричала: «Да здравствует народ и Долой грандов!», другая: «Да здравствуют гранды и Долой народ!»⁷³. На

---

⁷⁰ Ibid. P. 68–69. Он писал, что «имея при себе 30 всадников и около 70 пеших, Корсо пошел на дома бывших приоров, которые его осудили и изгнали, и разрушил их... а затем разрушили коммунальные тюрьмы; затем взяли Палаццо, сместив всех приоров цехов, избрали других».

⁷¹ Ibid. P. 69.

⁷² Ibid. P. 70–71. *Виллани Дж.* Новая хроника. VIII. 49. С. 240–241. Джованни Виллани также одобрял Симоне ди Корсо, как «самого совершенного и доблестного из молодых людей Флоренции, готовящихся стать рыцарями».

⁷³ *Pieri P. Cronica.* P. 79.

описании этих бесконечных гражданских распрей в 1304 г. обрывается хроника П. Пьери, ее последняя часть почти исключительно посвящена событиям, происходившим во Флоренции, тогда как предыдущие содержат и сведения о том, что вершилось за ее пределами.

Наконец, в отношении хроники Анонима следует отметить значительное место особых сюжетов, которые не обнаруживаются в текстах Сандзаноме и Паолино Пьери. Из них особенно выделяются два: описания чудес, а также тема рыцарства и кургузного поведения.

Начальная дата хроники Анонима не сохранилась, но записи о чудесах продолжались до 1051 г., первой даты, от которой он начал приводить описания реальных событий. Например, хронист повествовал о находке тела мертвого гиганта (высота тела – 17 стоп), утверждая, что «в его изголовье горел неугасимый золотой светильник, который ни ветром, ни водой, никаким иным способом нельзя было погасить»⁷⁴. При этом его отличала манера вписывать рассказ о чудесах и сбывающихся предсказаниях⁷⁵ в канву своего исторического повествования совершенно естественно, как и реально происшедшие события. Но с другой стороны, уже заметна и двойственность в оценках сверхъестественных происшествий. В аннотациях о папах и императоре Генрихе IV, как нечто само

---

⁷⁴ Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII. P. 83–84.

⁷⁵ Ibid. P. 106. Описывая события третьего Крестового похода (1189 г.), он сообщал о некоем «мудром и чтимом человеке – аббате Джоваккино из Калабрии (вероятно, Иоахим Флорский, умер в 1202 г.), каковой написал много книг об Апокалипсисе, о Иеремии-пророке и других пророках», якобы, предсказавшим неудачу крестоносцам: «Вы пойдете, но ничего не совершите, потому что еще не пришло время предназначенное». Обращаясь к четвертому Крестовому походу, когда крестоносцы захватили Константинополь, он заявлял, что местные жители не могли в это поверить, ибо было предсказано, что земля эта будет завоевана Ангелом, и тогда, якобы, «как только неприятели вошли в эту землю, то сразу же высекали из мрамора ангела, а синьор этого войска звался мессер Анджело Анджольери». Ibid. P. 113.

собой разумеющееся, случившееся реально в 1055 г., включался следующий факт: «В это время один знатный и могущественный человек, сидя среди рыцарей на знатном ужине, был убит... крысами; собралось их бесчисленное множество, но они не тронули никого, кроме него»; а когда его в лодке оттолкнули от берега, «все крысы страны устремились к морю и бросились вдогонку за лодкой...». Видимо, это был отголосок предания о Гамельнском крысолове. Но все же автор уже отдавал себе отчет в том, что читатели могут усомниться в реальности произошедшего, поэтому настаивал на том, что это подлинное событие: «И знайте же то, что этот факт не является чудом, поскольку он случился в тех землях, где людей убивают леопарды, а крысы там... изобиловали...»⁷⁶.

Его повествования о Крестовых походах также содержали в себе описания чудес, которые, с точки зрения автора, требовали доказательств. Он писал, как в 1089 г. Св. Апостол Андрей объявился «одному виллану... человеку простому и благой жизни», и сказал ему: «Иди и отыщи мне копьё, которое пронзило бок Христа». Виллан при взятии города Антиохии... стал рыть под каштаном у церкви Сан Пьеро... и обнаружил там копьё... Но сомневались многие, что это копьё, пронзившее Христа, тогда он сам явился одному мудрому рыцарю... и тот приказал разжечь большой костер, и с копьём в руке прошел через этот огонь без всякого вреда для себя. И тогда войско христиан, увидев чудо, доверилось Христу и тому копьё, которым был он пронзен, и с надеждой сотворить благо они ринулись вперед...»⁷⁷.

Наконец, следует отметить чудесный эпизод, датированный 1226 г. и связанный с канонизацией папой Григорием IX Святой Елизаветы, дочери короля Венгрии. По мнению Анонима, она была исполнена такого милосердия, что «раздавала по своей любви все свои одежды и драгоценности и забирала из столовой весь хлеб для бедняков, получая за это много попреков от отца, матери и даже своих служанок». Во время празднова-

---

⁷⁶ Ibid. P. 85.

⁷⁷ Ibid. P. 90–91.

ния своей помолвки, она, «желая отдать хлеб беднякам, спрятала его у своего лона, но король с баронами ринулись ей навстречу, чтобы ее устыдить... и вынудили показать то, что имела с собой, но этот хлеб вдруг превратился в благоуханные розы». И устроили «великое празднество, и столы были наполнены розами, а также белым хлебом...»⁷⁸. Джованни Виллани был также не чужд рассказам о чудесах⁷⁹, но, согласно мнению М. А. Юсима: «Чудеса, знамения, сверхъестественные явления нередки в сочинении Виллани, но и нельзя сказать, что он совершенно не критичен...»⁸⁰. Флорентийский Аноним явно проявлял большую склонность верить в чудеса, судя по наивным попыткам убедить в их достоверности.

В аннотациях, относящихся к XIII в., проступает еще одна тема, волнующая Анонима и отличающая его от других хронистов – сюжеты о рыцарстве. Три аспекта всплывают из авторских аннотаций: воинская доблесть или ее отсутствие, месть, реализующаяся в вендеттах, а также интерес к куртуазным нравам⁸¹, выявившийся в описании пира, о котором, насколько удалось выяснить, не упоминали другие хронисты. Пир был устроен в 1215 г. одним из флорентийских нобилей по случаю его производства в рыцари. Из-за проделки «придворного игроца» вспыхнула ссора и драка между рыцарями. Но по завершении пира «когда подняли столы, мессер Буондельмонте Буондельмонти ударил ножом мессера Оддо Арриги в плечо и сильно ранил его». Затем состоялась попытка примирения: Буондельмонте согласился взять в жены пле-

---

⁷⁸ Ibid. P. 122.

⁷⁹ Виллани Дж. Новая хроника. VI. 30. С. 151. Здесь говорится «О великом чуде, явившемся в Испании» – находке книги с пророчествами, относительно которой «все были уверены, и по справедливости, что это оружие воли божьей».

⁸⁰ Юсим М. А. Джованни Виллани – первый историк Флоренции... С. 477.

⁸¹ Краснова И. А. Флорентийское общество во второй половине XIII – XIV в.: гранды и пополаны, «добрые купцы» и рыцари. М.; СПб., 2018. С. 120.

мяницу Оддо. Но в дело вмешалась супруга мессера Форезе ди Донати, которая прельстила Буондельмонте его пограничным достоинством и красотой своей дочери. В отличие от Джованни Виллани, который был склонен несколько идеализировать Буондельмонте, Аноним, напротив, не питая особых партийных пристрастий, стремился показать его безрассудство, несовместимое с рыцарскими идеалами: стал проявлять неуместную агрессию уже после пира; без всякого совета с представителями своей фамилии в одночасье расторг помолвку, оставив «женщину из Амидеи покрытой позором»⁸². Думается, следует привести точку зрения современного историка Энрико Фаини, который указывал на некоторую тенденциозность нарратива Дж. Виллани, составленного убежденным гвельфом уже после полного торжества гвельфской партии: он склонен был к идеализации Буондельмонте – выходца из клана лидеров гвельфизма во Флоренции⁸³, изображая его почти «фигурой ангелической», описывая его «почти с отеческим благоволением»⁸⁴. Из повествования Анонима, напротив, видно, что благоразумно и сдержанно, строго следуя обычаям консортерии, вел себя один из будущих предводителей гибеллинов Оддо Арриги, который не совершал никаких поступков без обязательного совета с членами своего клана, чего требовали правила вендетты⁸⁵. Таким образом, Аноним приводит собственный вариант описания распри, которая

---

⁸² Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII. P. 117–118.

⁸³ *Faini E.* Il convito fiorentino del 1216. La vendetta all'origine del fazionalismo fiorentino // *Annali di storia di Firenze*. 2006. Vol. I. P. 120–121.

⁸⁴ *Виллани Дж.* Новая хроника. V. 38. С. 129–130. Надо отметить, что Дж. Виллани высказывал и некоторые критические замечания в адрес Буондельмонте: «...красивый, но довольно легкомысленный молодой человек» (С. 129).

⁸⁵ *Najemy J. M.* Storia di Firenze 1200–1575. Torino, 2014. P. 13. Американский историк полагал, что сцена пира у Анонима показана с позиций «пополанской критики в адрес социального поведения элиты», с чем трудно согласиться в свете других аннотаций Анонима, постоянно возвращавшегося к рыцарским сюжетам.

привела к разделению флорентийского общества на гвельфов и гибеллинов.

Далее Аноним писал, как после долгой войны между гвельфами и гибеллинами, в 1239 г. они заключили мир, скрепленный по обычаю браком между «очень достойной женщиной, мудрой и красивой» из рода Буондельмонти и Нери Пикколино, братом мессера Фаринаты дельи Уберти, лидера гибеллинов. Но военные действия сразу же начались снова, как полагал Аноним, по вине гвельфов Буондельмонти и их сторонников, которыми предательски были убиты предводители гибеллинов⁸⁶. Из-за вероломного нападения гвельфов Нери Пикколино решил расторгнуть брак, скреплявший ранее состоявшееся примирение, и «отослал жену к отцу, говоря: «Я не хочу плодить поколения от предателей»». Изгнанную супругом женщину против ее воли вновь выдали замуж за графа Паннокино Паннокьески. Далее автор воспроизводил рассказ явно в духе рыцарских куртуазных романов: «...Муж хотел получить от нее удовольствие должным образом, но женщина плакала и просила его о пощаде: «Я прошу тебя, взывая к твоему благородству (*cortesia*): ты не должен принуждать меня... ибо я не могу быть твоей женой, я супруга самого мудрого и лучшего рыцаря в Италии, мессера Нери Пикколино дельи Уберти из Флоренции». Граф Панноккино... благородный и учтивый человек, отказался от наслаждения, но... с любовью предоставил ей утешения, советы и великие дары, и также свиту для сопровождения. И она стала монахиней в обители «Монтичелли Старый»⁸⁷. В других источниках не удалось найти свидетельств подлинности этой истории о куртуазном благородстве.

Думается, следует лишь в некоторой степени согласиться с мнением современной исследовательницы флорентийских хроник Франки Рагоне, которая, ссылаясь на опыт Оттавио Банти, изучавшего нарративы пизанских хронистов, полагала, что его

---

⁸⁶ *Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII*. P. 119–120.

⁸⁷ *Ibid.* P. 120. Монтичелли Старый – обитель во Флоренции, основанная в XI в.

вывод применим и к флорентийским случаям: «Горожанин, почти всегда посредственной культуры, жаждущий сохранить для себя память об исторических событиях Коммуны, побуждаемый стремлением собрать вместе эти воспоминания для своего частного пользования, не заботился о литературном совершенстве или достоверности, но копировал слово за словом главы, написанные другими, естественно, без указаний на источники или имена авторов, которых он часто не знал»⁸⁸.

Можно предположить, что процесс компиляции исторических текстов являлся сложной культурной практикой, даже если говорить о фиксации событий XI–XII вв., происходивших задолго до рождения хронистов, вынужденных использовать более ранние анналы и хроники. Даже в этом случае добавлялись детали, уточнялись даты и продолжительность тех или иных событий во времени, материал дополнялся сведениями, вызывавшими особый интерес хронистов, но не упомянутыми их предшественниками. Например, Анонима и П. Пьери явно интересовали политические процессы, протекавшие во Флоренции в XII в., которых мало касался автор «Деяний флорентийцев». Говоря о ситуациях, непосредственными свидетелями которых являлись хронисты, следует отметить не только высокую степень насыщенности фактами, но и стремление выразить собственное к ним отношение, что заметно при сопоставлении хроник Анонима и Паолоно Пьери. О феномене сложной компиляции писал и М. А. Юсим в отношении труда Джованни Виллани: «Читатель «Новой хроники»... знакомится с содержанием и других средневековых сочинений, отдельные места из которых, особенно в первых книгах, Виллани переписывает почти дословно... В дальнейшем, начиная с первого десятилетия XIV в., Джованни Виллани опирается главным образом на собственные воспоминания и на документы, представленные в «Хронике»... Таким образом «Хроника» приобретает значение источника, во многих случаях незаменимого»⁸⁹.

---

⁸⁸ *Ragone F.* Op. cit. P. 10.

⁸⁹ *Юсим М. А.* Джованни Виллани – первый историк Флоренции... С. 475–476.

В хрониках XIII – начала XIV в. «флорентинизм», если воспользоваться термином Ф. Рагоне, еще не обрел той целостности и системности, как в более поздних произведениях Джованни Виллани и хронистов Малиспини, которые прослеживали путь города на Арно от его зарождения и мифа «Флоренция – дочь Рима» до, возможно, конца своей жизни. Особенно полно картина исторического пути Флоренции выглядит у Джованни Виллани, который посвящал особые обобщающие главы силе, процветанию и великолепию своей коммуны, показывая, каких успехов она достигла за много веков развития⁹⁰.

Но рассматриваемые здесь исторические повествования также интересны тем, что иногда в них проявляются индивидуальные черты и пристрастия тех, кто их писал, – убедительным примером в этом случае является хроника флорентийского Анонима с его, по всей видимости, горячей верой в чудеса и приверженностью к рыцарско-куртуазным нравам.

В заключение хотелось бы выразить искреннюю благодарность Марку Аркадьевичу Юсиму за его работу над переводами и изданиями «Новой хроники» Джованни Виллани и «Хроники» Дино Компаньи, тексты которых стали доступны широкому кругу отечественных исследователей и читателей.

---

⁹⁰ Виллани Дж. Новая хроника. XI. 91–94. С. 373–379.

*Марина Игоревна Дмитриева,
Санкт-Петербургский государственный университет*

ГОРОДСКИЕ ХРОНИКИ СИЕНЫ ЭПОХИ РАННЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Городские пополанские хроники XIV–XV вв.¹ относятся к числу важных источников по истории Сиены эпохи раннего Возрождения. Впервые они были опубликованы Лодовико Антонио Муратори в рамках многотомного свода «*Rerum italicarum scriptores*» во второй четверти XVIII в.² Редактором 15 тома, в который вошли тексты сиенских хроник, описывающие городскую историю XIV в., выступил друг Муратори эрудит Уберто Бенвольенти, предложивший к публикации хронику Андреа Деи, продолженную Аньоло ди Тура (охватывает 1186–1352 гг.)³, и хронику Нери ди Донато (1352–1384 гг.)⁴. Тексты этих хроник не сохранились в их подлинном рукописном виде и были известны Бенвольенти, по крайней мере, по двум спискам: первый – содержал более краткую и позднюю редакцию хроник, второй – их более подробную и раннюю версию. Бенвольенти выбрал для публикации более поздний список, отличавшийся «лучшим стилем» и написан-

---

¹ Объектом нашего исследования являются городские пополанские хроники, в данном случае мы не рассматриваем сочинения представителей городской аристократии, сиенских гуманистов XV в.

² *Rerum italicarum scriptores: Ab anno aerae christianae quingentesimo ad millesimum quingentesimum quorum potissima pars nunc primum in lucem prodit ex Ambrosianae, Estensis, aliarumque insignium bibliothecarum codicibus / Ludovicus Antonius Muratorius. ... collegit, ordinavit amp; amp; praefationibus auxit. T. 1–18, 20–25. Mediolani, 1723–1751. T. 1–18, 20–25.*

³ *Cronaca Sanese di Andrea Dei, continuata da Agnolo di Tura // Rerum italicarum scriptores. T. XV. Mediolani, 1729. P. 11–128.*

⁴ *Cronache di Neri di Donato da Siena // Ibid. P. 135–294.*

ный более литературным, с его точки зрения, языком⁵.

Ссылки на данное издание хроник можно найти в трудах крупнейшего отечественного итальяниста второй половины XX века Виктора Ивановича Рутенбурга. В нескольких своих работах, посвященных сиенской истории: в статье о восстании дель Бруко, в монографии об истории народных движений в городах Италии, а также в очерке, рассказывающем о социально-политической ситуации в Сиене во второй половине XIV в.⁶, Рутенбург цитировал значительные фрагменты текста хроники Нери ди Донато, исследуя их в качестве источника по событийной истории, как яркий иллюстративный материал. Его переводы фрагментов хроники Нери ди Донато, демонстрируя блестящую работу Рутенбурга с текстом, ярко отражают его позицию представителя марксистской историографии. Отметим, что данные работы Рутенбурга, посвященные политической истории Сиены эпохи Треченто, были едва ли не единственными в отечественной историографии.

В 30-е годы XX века в Болонье вышло в свет другое издание сиенских хроник под редакцией Алессандро Лизини и Фабио Якометти⁷. Лизини существенно откорректировал состав сиенских хроник. Он считал, что его предшественник Бенвольенти ошибался, когда полагал, что оба списка сиенских хроник были основаны на одном и том же оригинальном

---

⁵ Бенвольенти считал, что публикуемые хроники относятся к XIV в. и они «...те самые, которые цитировал в своем трактате о происхождении языка антикварий Чельсо Читтадини», как наиболее древние из написанных на вольгаре. Цит. по *Lisini A. Prefazione alle cronache senesi // Cronache senesi / Ed. A. Lisini, F. Iacometti // Rerum Italicarum Scriptores. 1931–1939. Т. XV. Pt. 6. Bologna, 1937. P. XV.*

⁶ *Рутенбург В. И. Восстание «обездоленных» в Сиене в 1371 г. и предшествующие ему народные восстания в 50-х и 60-х годах XIV века // Средние века. 1953. Вып. 4. С. 152–180; Он же. Народные движения в городах Италии XIV – начало XV века. М.; Л., 1958; Он же. Сиена восставшая // Итальянский город от раннего Средневековья до Возрождения: очерки. Л., 1987. С. 72–102.*

⁷ *Cronache senesi / Ed. A. Lisini, F. Iacometti // Rerum Italicarum Scriptores. 1931–1939. Т. XV. Pt. 6. Bologna, 1937.*

тексте XIV в. По мнению Лизини, опубликованная Бенвольенти хроника Андреа Деи является более поздним сочинением, относящимся к концу XVI или к XVII веку⁸, в то же время хроника Нери ди Донато, по его мнению, точно – сочинение второй половины XIV в., скопированное в XV в. с оригинальной рукописи⁹. В исправленное и дополненное издание «*Rerum italicarum scriptores*» вошло несколько сиенских хроник: две анонимные хроники XIV в.¹⁰; Большая хроника, приписываемая Аньоло ди Тура дель Грассо¹¹; хроника Донато Нери и его сына Нери¹² (в издании Муратори – Нери ди Донато); два больших фрагмента хроники Паоло ди Томмазо Монтаури, датированной первой половиной XV в.¹³; а также хроника Томмазо Фечини¹⁴ и фрагмент дневника Кристофоро Кантони¹⁵, описывающие события городской истории XV в.

Представители западной, в первую очередь итальянской, исторической науки второй половины XX в. опирались в своих исследованиях именно на это (дополненное) издание. В их трудах, посвященных истории средневековой и ренессансной Сиены, городские хроники традиционно изучались как источники по событийной истории, в то же время их все чаще рассматривали и в качестве произведений «пополанской» литературы, наряду с семейными хрониками и дневниками, в ка-

⁸ *Lisini A.* Prefazione // *Ibid.* P. XIII, XXXIV.

⁹ *Ibid.* P. XV.

¹⁰ *Cronaca senese dall'anno 1202 al 1262 con aggiunte posteriori fino al 1391 di autore anonimo della meta del secolo XIV / Ed. A. Lisini, F. Iacometti // Rerum Italicarum Scriptores. Bologna, 1937. T. XV. Pt. 6. P. 42–162 (далее – Cronaca senese di autore anonimo); Frammento di cronaca senese di anonimo (1313–1320) // Ibid. P. 163–172.*

¹¹ *Cronaca senese attribuita ad Agnolo di Tura del Grasso detta la Cronaca Maggiore // Ibid. P. 253–564.*

¹² *Cronaca senese di Donato di Neri e di suo figlio Neri // Ibid. P. 569–685.*

¹³ *Cronaca senese conosciuta sotto il nome di Paolo di Tommaso Montauri // Ibid. P. 179–252; 689–835.*

¹⁴ *Cronaca senese di Tommaso Fecini (1431–1479) // Ibid. P. 837–874.*

¹⁵ *Frammento di un diario senese di Cristoforo Cantoni (1479–1483) // Ibid. P. 875–944.*

честве источников, характеризующих менталитет эпохи¹⁶.

В настоящее время изучение итальянских хроник эпохи Средневековья – раннего Возрождения в качестве источников, характеризующих общественное сознание горожан этого времени, продолжается. Особенности полопанской психологии и идеологии продолжают изучать и в отечественной исторической науке, о чем свидетельствуют научные переводы флорентийских хроник Джованни Виллани и Дино Компаньи, осуществленные М. А. Юсимом¹⁷, исследование флорентийских городских и семейных хроник в трудах И. А. Красновой¹⁸. Автор данной статьи продолжает анализировать сиенские хроники, выявляя социально-политические представления их авторов, их общественные идеалы¹⁹.

Итак, сиенские хроники, описывающие события городской истории XIV в., отличаются от типично средневековых – своим светским характером, полопанским происхождением авторов, и, наконец, своим народным языком – «вольгаре». Представления их авторов – полопанских хронистов, в полной мере отразили дух XIV столетия: его переходный характер, противоречивость, многоплановость, борьбу старого и нового. В них сочетались элементы традиционного средневекового и нового светского и прагматического мировоззрения. Из элементов традиционного в представлениях авторов хроник следует отметить господство принципа Божественного всевластия, а также свойственную менталитету этого периода по-

---

¹⁶ *Cardini F.* L'argento e i sogni: cultura, immaginario, orizzonti mentali // *Banchieri e mercanti di Siena*. Roma, 1987. P. 291–378.

¹⁷ *Виллани Дж.* Новая хроника или История Флоренции / Пер., статья и прим. М. А. Юсима. М., 1997; *Компаньи Д.* Хроника событий, случившихся в его время / Пер. с итал., статьи, прим. М. А. Юсима. М., 2015.

¹⁸ *Краснова И. А.* Флорентийское общество во второй половине XIII – XIV в.: гранды и полопаны, добрые купцы и рыцари. М.; СПб., 2018.

¹⁹ *Дмитриева М. И.* Городские хроники Сиены XIV века как источники по изучению представлений полопанов об обществе и власти // *Гуманитарный научный вестник*. 2018. № 3. С. 37–43.

лярность в восприятии мира: нобили – пополаны, доброе – дурное, согласие – раздоры. Новое – нашло отражение в появлении, наряду с христианскими, светских этических норм в оценке хронистами людей и их поступков, в описаниях ими событий городской жизни, в росте их городского самосознания. Отношение к территориальной экспансии Сиены как к успеху, к богатству как к главному условию благополучия города и к бережливости его жителей как к добродетели – стали характерными проявлениями элементов нового светского и прагматического мировоззрения их авторов.

Анализ политической терминологии сиенских хроник XIV–XV вв. показывает, что в качестве общественного идеала в текстах хроник выступает «доброе состояние» города, «доброе правление» («buono stato»), основанное на Божественных добродетелях и связанное с такими понятиями, как «мир», «согласие», «справедливость». Его антипод – «дурное состояние», «дурное правление» («male stato»), атрибутами которого выступают вражда, раздоры, жестокость, предательство, обман и ярость – пороки, являющиеся порождением дьявола. Сиенские хронисты оценивают каждое из народных правительств XIV в.: богатых купцов – Девяти Синьоров (1287–1355 гг.), цеховой верхушки – Двенадцати Синьоров (1355–1368 гг.), широких слоев «среднего народа» – Реформаторов (1368–1385 гг.) в соответствии с их представлениями об идеальном «доброе правление» и его антиподе – «дурное правление»²⁰.

Во второй половине XIV века в Сиене образовались партии или «монти» из бывших членов народных правительств и их сторонников: «новески», «додичини», «реформатори» и «пополари», члены которых формировали все народные коалиции конца XIV в. – Десяти (1386–1387 гг.), Одиннадцати (1388–1398 гг.) и Двенадцати приоров (1398–1399 гг.), а также коалиционные правительства XV в. Четыре народные партии, а также

---

²⁰ Подробнее об этом см. в статье: *Дмитриева М. И.* Народные правительства и «партии»: образы власти в Сиене XIV в. // *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени.* 2017. № 3–1. С. 7–26.

«партия нобилей»²¹ стали основой политической системы Сиены эпохи Возрождения и, несмотря на изменения²², сохраняли свою роль на протяжении всего XV века, вплоть до установления синьории Петруччи (1487–1525 гг.).

Важнейшей проблемой перевода и интерпретации сиенских хроник, описывающих события XIV–XV вв., стало изучение представлений о «добром» и его антипode «дурном» правлении – в их текстах.

Автор анонимной хроники²³ использует термин «доброе

---

²¹ Представители пяти главных семей нобилей («nobili»): Салимбени, Толомеи, Малавольти, Сарачини, Пикколомини в XIV–XV вв. сильно влияли на политическую жизнь города. В середине XV в. благодаря римскому папе Пио II (уроженцу Сиены из семьи городской аристократии Пикколомини) нобили смогли ненадолго войти в правительство.

²² «Партии» сохранялись во время недолгого пребывания Сиены в составе Миланского государства (1399–1404 гг.). Восстание «додичини» (1403 г.), поддержанное Флоренцией, привело к изгнанию этой партии из правительства «навек», позже из политической жизни города «ушли» и их политические союзники – нобили Салимбени, что, впрочем, не изменило самого принципа организации власти (Подробнее см. в ст. *Дмитриева М. И.* Семья Салимбени и Толомеи в средневековой Сиене // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. 2010. Вып. 8. С. 231–250). Политическая конкуренция «монти» сдерживала переход к синьории, становление которой в Сиене произошло на полвека позже, чем во Флоренции. В отличие от флорентийской – сиенская синьория Петруччи оказалась недолгой и непрочной.

²³ Анонимная хроника (1202–1391 гг.) содержит регулярные записи с начала повествования и до 1332 г., включая от одной до пяти глав за год, а затем записи с перерывами доходят до 1362 г. Аноним, описывающий события первой половины XIV в. демонстрирует своеобразный местный патриотизм, ярко выраженные гражданские чувства. По мнению А. Лизини, с середины и до конца XIV в. хронике дополнял другой анонимный автор, который, по-видимому, разделил ее на главы, подражая своему младшему современнику, автору самой знаменитой из итальянских городских хроник XIV в. – флорентинцу Джованни Виллани. См. *Lisini A.* Prefazione... P. XIII.

правление» постоянно. Основными признаками «доброе правления» являются «мир и спокойствие» («pace e tranquillita»), «спокойный мир и единение» («tranquilla pace e unione») ²⁴, «святой мир и единство» («santa pace e unione») ²⁵, «мир и дружба» («pace e amicizia») ²⁶ и даже «мирный мир» («pacificha pace») ²⁷. Под «миром» хронист подразумевает, прежде всего, единство среди горожан. «Мир» и «согласие» («concordia») внутри города становятся залогом успеха в отношениях Сиены с соседями ²⁸. «Доброе правление», в интерпретации этого автора, базируется на таких религиозно-нравственных добродетелях как любовь, святость и милосердие ²⁹, мудрость и достоинство. Воплощенным идеалом «доброе правления» становится для анонима правительство Девяти Синьоров, которое он даже сопоставляет со знаменитыми аллегориями «Доброе правления и его плодов», изображенными на фресках сиенского живописца Амброджо Лоренцетти в сиенском Палаццо Пубблико ³⁰. Аноним прославляет республиканские ценности, но замечает, что в республиках «...случается и иначе, когда капитаны и подеста становятся причинами многих бед для коммуны, и потому говорит половица, что один человек может стоять ста, а сто могут не

²⁴ Cronaca senese di autore anonimo. P. 78.

²⁵ Ibid. P. 57.

²⁶ Ibid. P. 123.

²⁷ Ibid. P. 120.

²⁸ Ibid. P. 108–109.

²⁹ Ibid. P. 112.

³⁰ Cronaca senese di autore anonimo. P. 78. Фрески были заказаны художнику правительством Девяти и созданы в конце 30-х гг. XIV в., когда Девять были «на пике» своей политической активности. Более подробно о влиянии идейной программы «Доброе и дурное правлений и их плодов» на представления авторов сиенских хроник см.: *Дмитриева М. И.* Фрески Лоренцетти в Палаццо Пубблико и формирование общественного идеала в Сиене эпохи Возрождения // *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени.* 2020. Вып. 6(1) (в печати).

стоять одного»³¹. В то же время этот автор положительно оценивает монархию Роберта Неаполитанского, указывая: «Когда синьор пользуется любовью подданных, то не допустит «дурного правления», так как он с любовью и миром поддерживает синьорию, и примиряет бедных с богатыми, и вершит справедливое правосудие»³². Таким образом, по мнению анонима, как монархия, так и республика может быть как «добрым», так и «дурным» правлением, в зависимости от отношения властей к общему благу. Понятие «общего блага» встречается в этой хронике неоднократно и всегда связано с категорией справедливости³³. Хронист подчеркивает, что именно справедливость и страх Божий объединяют всех горожан во имя общего блага³⁴.

Во фрагменте другой анонимной хроники первой половины XIV в.³⁵ несколько раз встречается описание «дурного состояния» города во время восстания в 1318 г. цехов мясников и нотариусов против народного правительства Девяти³⁶. Мы не найдем здесь описаний «доброго правления», но, следуя логике автора, таковым должно быть мирное, сильное, справедливое и мудро управляемое государство.

События второй половины XIV в. (демографический кризис, порожденный Черной смертью и последующими эпиде-

---

³¹ Cronaca senese di autore anonimo. P. 75.

³² «E quando el signore e` bene volute da` suoi suditi, non puo` pervenire in male stato, quando chon amore e chon pace mantenere la signoria e fa ragione al povero chome a richo e osserva la giustizia direttamente». Ibid. P. 105.

³³ Ibid. P. 53, 75, 82.

³⁴ «...e stavano co` molta giustizia e temevano Idio, ed erano tuti uniti insieme al ben commune». Ibid. P. 53.

³⁵ Фрагмент анонимной хроники (1313–1320 гг.), сохранившийся в рукописи, считается самым ранним нарративным источником по истории города на вольгаре. Утрата значительной части манускрипта делает невозможным установление начальной даты повествования и имени его автора, но, очевидно, автор хроники был пополаном и жителем Сиены.

³⁶ Frammento di autore anonimo (1313–1320). P. 171.

миями чумы; усиление кондотьерской угрозы³⁷; ухудшение экономической ситуации; частая смена политических элит) оказали большое влияние на самосознание и мировосприятие хронистов³⁸. Авторы более поздних хроник, написанных во второй половине XIV – XV в. гораздо чаще своих предшественников выражают свои собственные мнения, включают в свои повествования прямую речь, вступают в полемику с другими авторами или ведут диалог с читателем. Подобно своим предшественникам (анонимам первой половины – середины XIV в.), хронисты второй половины XIV – начала XV в. используют понятия «доброе» и «дурное» правлений. Расширение их взглядов на общество, более гибкая трактовка некоторых идей, в частности, идеи справедливости, расширяет и усложняет их трактовку.

В Большой хронике, описывающей события первой половины XIV в.³⁹ справедливость, мир, спокойствие и согласие в

---

³⁷ С середины XIV века в условиях «падения» значения городского ополчения Сиена стала прибегать к практике найма кондотьерских отрядов для защиты своей независимости. Неспособность городских властей своевременно оплачивать услуги наемников приводила к тому, что те грабили территорию сельской округи, разоряли города и деревни на территории Сиены. Получая огромные суммы «отступного», кондотьеры отходили, чтобы вскоре появиться вновь. Современный американский исследователь Уильям Каферро подсчитал, что во второй половине XIV в. Сиена подверглась разрушительным рейдам кондотьерских отрядов в общей сложности 37 раз. *Cafferro W. Mercenary Companies and the Decline of Siena. Baltimore, 1998. P. XVI.*

³⁸ *Дмитриева М. И. «Эпоха бедствий»: Сиена во второй половине XIV века // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 11. СПб., 2014. С. 90–103.*

³⁹ Большая хроника – самая объемистая и подробная из всех сиенских хроник. Составленная в первые десятилетия XV в. на основе семейных дневников, хроник и других документов XIV в., она условно приписывается Аньоло ди Тура дель Грассо, имя которого встречается в ее тексте единожды в связи с сообщением о чуме 1348 г. Документы городского архива Сиены содержат данные о

городе являются признаками «доброе правления», когда «...все любят друг друга как братья»⁴⁰, а «дурное правление» связано со «смертью справедливости»⁴¹ и отсутствием социального единства. Раскрывая мотивы партийной распри в Пистойе (речь идет о событиях 1300 г.), хронист называет вражду и гнев, «...родившиеся... из-за гордыни... и по наущению дьявола»⁴², буквально описывая изображения «Дурного правления и его плодов» в сиенском Палаццо Публико. Сиену в «дурное состояние» приводят взаимные распри семей нобилей Малавольти, Салимбени, Пикколомини, Скварчалупи и Пеликани, в то время как установление мира между главами семей нобилей и возвращение в город изгнанников становится поводом для городского праздника, на котором «...каждый радуется такому миру и единству»⁴³. Итак, когда в республиках царит мир, а их граждане находятся в согласии друг с другом и трудятся совместно для достижения общего блага, они являются «добрыми государствами», когда же в них начинаются раздоры, они становятся плохо управляемыми и «дурными государствами»⁴⁴, таковыми республики являются также, когда они ведут войны⁴⁵.

хронисте и его семье, из которых следует, что Аньоло ди Тура дель Грассо был по профессии чулочником, его семья проживала в бедном квартале Овиле, дважды (в 1329 и в 1355 гг.) он принимал участие в городском управлении, правда, на постах второстепенной важности. По мнению Лизини, в начале XV в. анонимный составитель хроники располагал разными документами, в том числе и семейным дневником Аньоло ди Тура, которого он сделал одним из своих «соавторов». *Lisini A. Prefazione...* P. XVII–XX.

⁴⁰ *Cronaca Maggiore*. P. 367.

⁴¹ “...stava la città in male stato. E allora morì la giustizia in Siena...”. *Ibid.* P. 256.

⁴² *Ibid.* P. 255–256.

⁴³ Речь идет о событиях 1302 г., в ходе которых «мудрое» правительство Девяти умиряет противников и возвращает в город изгнанников. *Ibid.* P. 266.

⁴⁴ *Ibid.* P. 260, 279, 280–281.

⁴⁵ *Ibid.* P. 360.

Автор Большой хроники уделяет много места описаниям тирании Висконти. Так, о смерти одного из выдающихся властителей Милана – Маттео Висконти – сказано следующее: «Миссер Маффео Висконти, капитан Милана, умер 28 июня (1322), отлученный от церкви...» и далее: «Он был мудрым синьором и великим тираном и завершились великие дела, которые он вел, благодаря своему рассудку и умению, он жил более чем до 90 лет и до самого конца сохранял мудрость и величие»⁴⁶. Последующий же приход же к власти Галеаццо Висконти описан так: «Затем названный Галеаццо добился своего избрания синьором Милана под крики народа 29 декабря. Итак, за короткое время изменились судьбы и умножилось зло для Милана и для всей Ломбардии, о чем пойдет речь ниже»⁴⁷. Таким образом, по мнению автора хроники, такие добродетели, как мудрость, величие и сила фактически ставят тирана Маттео Висконти в ряд «добрых правителей», в то же время Галеаццо Висконти, в интерпретации этого автора, является «дурным» правителем. В Большой хронике описывается и монархия Филиппа IV Красивого. Отмечая «плюсы» Филиппа IV как государя, автор Большой хроники указывает на его красоту, мудрость и величие⁴⁸. В качестве «минусов» фигурируют склонность поручать исполнение своих дел другим, а также привычка слушать «дурные советы», которая «...не идет на пользу государству»⁴⁹.

В хронике Донато Нери и его сына Нери⁵⁰ подробно обри-

---

⁴⁶ “Costui fu savio signore e gran tiranno e grandi cose [trasse a fine] per suo senno e industria; e viasse piu` di 90 anni e per infino all`ultimo fu savio e di gran signoria”. Ibid. P. 395.

⁴⁷ “...e poi il detto Galeasso si fe`fare signore di Milano a grida di popolo, a di 29 di dicembre. E cosi in corto termine si cambio la fortuna per accrescere maggior male in Milano e in Lombardia, come inazi si fara`mentione”. Ibid. P. 400.

⁴⁸ “... costui fu uno bellissimo omo che fusse ai suo tempo, ...savio da se` e bono omo”. Cronaca Maggiore. P. 348.

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ Хроника Донато Нери и его сына Нери описывает историю Сиены с 1352 по 1381 гг. Донато Нери и его сын Нери были из семьи сред-

сованы все перипетии истории Сиены второй половины XIV в.: заговоры и восстания, падения одних народных правительств и утверждение у власти других. Авторы являются очевидцами свержения правительства Девяти Синьоров и установления правительства Двенадцати Синьоров, а также последующего прихода к власти и управления Реформаторов или Пятнадцати. Весьма показательно, что в объяснении причин свержения Девяти на первый план в этой хронике выходят представления о справедливости и общем благе. После изгнания Девяти восставшие горожане, заручившись поддержкой императора Карла IV, создают комиссию из 12 нобилей и 18 «мелких» пополанов, чтобы «преобразовать Город в доброе государство, управляемое добрыми гражданами...» (“...i detti cittadini chiamati riformassero la città Siena in buono stato e a buoni cittadini a regimento...”)⁵¹. Таким образом, требование социальной справедливости, по мнению автора хроники, является достаточным основанием для восстания против правительства Девяти, превратившегося в олигархию. В то же время восстания и заговоры против Двенадцати и Реформаторов, так же как и конфликты между семействами нобилей, в хронике осуждаются, поскольку являются нарушением существующего порядка, ведут к разрушению общего блага. Такую позицию можно объяснить принадлежностью Донато Нери и его сына Нери к партии Двенадцати⁵², оппозиционной правительству Девяти и пришедшей

него достатка, проживавшей в районе Сан-Мартино. Они состояли в одном из богатых и почетных цехов города – цехе старьевщиков (*ligrittieri*). *Lisini A. Prefazione...* P. XX. Отец и сын были членами партии Двенадцати, о чем они сами сообщили на страницах хроники. Авторы хроники уделяют еще больше внимания финансовому состоянию коммуны и постоянно знакомят читателя с размерами жалования должностных лиц и суммами «отступного», уплаченными кондотьерам. По некоторым их замечаниям можно судить, что хронисты были очевидцами событий последних десятилетий XIV в.

⁵¹ *Cronaca senese di Donato di Neri e di suo figlio Neri*. P. 578.

⁵² В 1370 г. Донато ди Нери (отец) заплатил штраф размером в 100 флоринов за свою принадлежность к оппозиции. *Ibid.* P. 634. Про Нери ди Донато (сына) известно, что в 1372 г. он дважды подвер-

к власти сразу после его свержения, но это объяснение не будет исчерпывающим. Ведь если бы их принадлежность к группировке Двенадцати была определяющей, то они должны были бы приветствовать политику правительства Двенадцати или хотя бы сочувствовать своим «партийным» коллегам во время его падения (1368 г.), но в хронике этого нет, а сообщения о деятельности правительства Двенадцати, мягко говоря, не приукрашены⁵³. Таким образом, Сиена времен «падения» Девяти и под управлением Двенадцати описывается, как город «дурного правления», в то же время главный «советчик» Двенадцати – Джованни д’Аньолино Салимбени, с чьим именем связана неудавшаяся попытка установления синьории в Сиене в середине XIV в., выступает «добрым правителем»⁵⁴. «Добрым» в этой хронике является и правительство Реформаторов, которое охарактеризовано как «...самое представительное, справедливое и уважаемое как в Сиене, так и за ее пределами»⁵⁵. Подобная оценка может быть связана со временем написания хроники (по-видимому, совпавшим с нахождением у власти правительства Реформаторов (1368–1385 гг.) и, в то же время, с ответственностью этого народного правительства политическому идеалу авторов⁵⁶. Хроника содержит информацию и об отношении ее авторов к синьориальной форме власти. Так, в ней

гался штрафам подобно своему отцу, во второй раз даже был выслан из Сиены на два месяца. Ibid. P. 645, 649.

⁵³ Хронист пишет, например, о злоупотреблениях первого состава правительства Двенадцати Синьоров, суде и казни одного из его членов. Cronaca di Donato Neri e di suo figlio Neri. P. 582.

⁵⁴ *Дмитриева М. И.* Джованни д’Аньолино Салимбени и правительство Двенадцати Синьоров в Сиене // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Сер. 2. Вып 4. С. 231–235.

⁵⁵ Cronaca di Donato Neri e di suo figlio Neri. P. 644.

⁵⁶ Мнение хронистов подтверждаются результатами исследования деятельности этого правительства, проведенными с привлечением и других источников по истории города. Об исследованиях «реформатории» см.: *Дмитриева М. И.* «Сиенский случай»: политическое развитие Сиены эпохи Возрождения в историографии второй половины XX–XXI веков // Научный диалог. 2019. № 9. С. 281.

рассказывается о синьории Гамбакорта (1354 г.): «Пиза управлялась Гамбакорта и его наследниками как «доброе государство», а ее правители поддерживали мир со всеми соседями в Тоскане⁵⁷. Далее сообщается, что власти воспользовались городской казной, в которой хранилось 150 тысяч флоринов, и тон повествования меняется: после известия о том, что это вызвало возмущение среди «некоторых горожан», говорится, что ни одно официальное лицо не назначалось без разрешения правителей⁵⁸. Значит, именно стремление правителей поправить общее благо и действовать в личных интересах сделало Пизу под их управлением «дурным государством». Очевидно, в представлениях Донато Нери и его сына Нери о «добром правлении» «справедливость» была тесно связана с «общим благом».

Авторы хроник конца XIV – XV в., в отличие от своих предшественников, фактически не используют самих терминов «доброе» и «дурное правление», но «подразумевают» их, помещая их характерные признаки («мир», «единство», «согласие», а также «раздоры», «ненависть», «предательство») в описания событий городской жизни. Их социально-политические представления усложняются: «доброе правление» в их интерпретации выглядит как достижение не только мира внутреннего (гражданского), но и мира «внешнего», связанного с удачами в политике, способности противостоять влиятельным противникам, в первую очередь, Флоренции, и сохранять свою независимость, прежде всего, именно от нее.

В хронике Паоло ди Томмазо Монтаури⁵⁹ подробно описа-

---

⁵⁷ Cronaca di Donato Neri. P. 574.

⁵⁸ Ibid. P. 574–575.

⁵⁹ Хроника Паоло ди Томмазо Монтаури, описывающая события сиенской истории с конца XII в. до 1432 г., в большей своей части не оригинальна и представляет компиляцию других хроник. В издании сиенских хроник под редакцией А. Лизини опубликовано два ее крупных фрагмента: с 1170 по 1315 гг. и с 1381 по 1431 гг. Рукопись этой хроники не сохранилась, поэтому для публикации была использована копия конца XV в. (1490 г.) некоего Антонио ди Мартино д'Антонио, который, по-видимому, был ремесленником, не имел

на сиенская история последних десятилетий XIV в.: чума, вновь посетившая город в 1383 г.⁶⁰, вторжения кондотьеров во главе с Джоном Хоквудом (Джованни Акуто)⁶¹, голод «...начавшийся в Сиене, как и по всей Тоскане»⁶². Финансовое истощение коммуны⁶³, вызванное кондотьерскими набегами и голодом, привело к недовольству правительством Реформаторов, восстанию и его изгнанию. Объединение народных партий, формирование коалиции с участием Девяти, Двенадцати и новой прослойки народа – «пополаров»⁶⁴, как и участие в создании нового правительства нобилей (Салимбени, Пикколомини, Малавольти и Черетани) автор оценивает сугубо положительно, как признаки «добротного правления»⁶⁵. Хронист сообщает об установившемся после этого «...безопасном мире и спокойствии», о радости горожан, устроивших по этому поводу праздник и выборах нового пра-

---

большого навыка в письме и, вероятно, не был сиенцем. Хотя сам копиист утверждал, что переписал рукопись ювелира Паоло ди Томмазо Монтаури (жившего во второй половине XV в.), однако нигде не упомянул, что тот являлся ее автором или компилятором. По мнению А. Лизини, автором первой части хроники мог быть омоним Паоло ди Томмазо, живший в XIV в. *Lisini A. Prefazione...* P. XXV.

⁶⁰ Cronaca senese di Paolo di Tommaso Montauri. P. 697.

⁶¹ Подробнее о Хоквуде см.: *Cafferro W. John Hawkwood, An English Mercenary in Fourteenth-Century Italy*. Baltimore, 2006. Сиенское правительство вынуждено было заплатить тогда знаменитому кондотьеру 7000 флоринов «отступного» одновременно и заключить с ним договор о выплате 100 флоринов ежемесячно с 1 декабря 1383 г. Cronaca senese di Paolo di Tommaso Montauri. P. 698–699.

⁶² Cronaca senese di Paolo di Tommaso Montauri. P. 700.

⁶³ В следующем, 1384 г. кондотьерам снова было выплачено 15 000 флоринов, что, однако, не помешало им вновь блокировать город с трех сторон, вызвав в нем голод. Хоквуд потребовал от сиенцев 50 000 флоринов, из которых они смогли заплатить только часть (11 040 флоринов). *Ibid.* P. 701–702.

⁶⁴ *Ibid.* P. 709.

⁶⁵ *Ibid.* P. 710–711.

вительства в «...мире, любви и единстве»⁶⁶. Впрочем, спустя несколько лет, хронист описывает новую смену власти и новые потрясения, сопровождавшиеся войной, голодом и чумой, и новыми нашествиями кондотьеров и заключает: «...весь мир оказался измученным и разрушенным, отчего каждый говорил, что пришел конец света...»⁶⁷.

Политическая жизнь Сиены в конце XIV в. отмечена целой чередой коалиционных правительств, одно из которых заключает союз с Джангалеаццо Висконти, ведущим войну с Флоренцией, для того чтобы Сиена могла противостоять своей могущественной соседке. Очевидно, «доброе правление» подразумевает уже не столько сохранение мирных отношений внутри и вне города, сколько следование собственным политическим интересам, допускающим даже эту краткосрочную потерю самостоятельности. Подчинение сильному «защитнику» авторы хроник XV в. оценивают вполне положительно.

Хроника Томмазо Фечини⁶⁸ и дневник Кристофоро Кантони⁶⁹, описывающие события XV в., содержат самые разнообразные сведения об отношениях общества и власти: сиенских коалициях и формировавших их народных партиях, других политических силах в Сиене и вовне, оценку их деятельности – все это позволяет судить об их общественно-политических идеалах. Сиена этой эпохи становится более зависимой от внешних сил. Меняется сама риторика авторов, усложняется их понимание политической ситуации, которая описывается теперь в соответствии с изменениями в итальянской политике второй половины XV в. Авторы поздних хроник не употребляют терминов «доброе» и «дурное» правительство, но по их описаниям можно судить, какое положение Сиены представляется им благоприятным.

---

⁶⁶ Ibid. P. 712.

⁶⁷ "...tutto el mondo guasto e tribulato si trovava, unde ciascuno diceva che e` venuto lo tempo di fine mondo...". Ibid. P. 729.

⁶⁸ Cronaca senese di Tommaso Fecini. P. 837–874.

⁶⁹ Frammento di un diario senese di Cristoforo Cantoni. P. 875–944.

Так, в хронике Томмазо Фечини⁷⁰ подобное благоприятное положение наступает в Сиене во время пребывания в ней императора Сигизмунда Люксембурга, следовавшего через город в 1432 г. по пути на коронацию в Риме⁷¹. Автор хроники очень подробно описывает празднества, устроенные в его честь, привилегии, данные городу и его гражданам, а также визиты именитых гостей, приезжавших для встречи с монархом, свидетельствующие о той гордости, которую он испытывал за родную Сиену. Похожая ситуация возникает в Сиене, в его интерпретации, и во время встречи здесь в 1451 г. германского короля Фридриха III с его невестой Элеонорой Португальской в присутствии епископа Сиены Энея Сильвия Пикколомини⁷².

Текст дневника Кристофоро Кантони⁷³ демонстрирует, что и для этого автора союз Сиены с Фердинандом Неаполитанским и его сыном Карлом Калабрийским – «...благодетелями и защитниками города и республики...»⁷⁴ описан как явно положительное для города событие. Кантони рассказывает о том, что сиенское правительство фактически подчинилось неаполитанскому королю, чтобы противостоять своей сосед-

⁷⁰ Томмазо Фечини был уроженцем Сиены, принадлежал к партии Девяти (*Monte dei Nove*), по-видимому, имел отношение к банковскому делу и на протяжении одного срока (второй половины 1471 г.) был одним из Провведиторов Биккерны (выборная должность одного из начальников (*provveditori*) главной финансовой магистратуры) от терции Сан-Мартино. (Построенная на трех холмах, Сиена с античных времен делилась на три основные части – терции, которые в средние века назывались Сан-Мартино, Камуллия и Читта'). *Cronaca senese di Tommaso Fecini*. P. 838.

⁷¹ *Cronaca senese di Tommaso Fecini*. P. 844–848.

⁷² *Ibid.* P. 864–865.

⁷³ Известно, что автор дневника – Кристофоро Кантони был приписан к цеху нотариусов, о чем сообщает он сам. *Frammento di un diario senese di Cristoforo Cantoni*. P. 882. Сведения об этом содержит и один из нотариальных протоколов сиенского архива. Дневник описывает события сиенской истории конца 70-х – начала 80-х гг. XV в. *Ibid.* P. 877.

⁷⁴ *Frammento di un diario senese di Cristoforo Cantoni*. P. 882.

ке-сопернице Флоренции, причем его автор «настаивает» на пользе такого положения для Сиены. Сообщая об изгнании из правящей коалиции представителей одной из партий, как врагов и противников иноземных «защитников» Сиены⁷⁵, он ожидает одобрения своей позиции.

Для понимания специфики исторического пути Сиены в эпоху Раннего Возрождения самым актуальным продолжает оставаться вопрос: являлась ли она «замершей» средневековой коммуной⁷⁶ или представляла собой иную по сравнению с Флоренцией модель складывания Ренессансного государства⁷⁷? Изучение политической риторики сиенских пополанских хронистов, их социальных и политических представлений, с нашей точки зрения, приближает к решению данной проблемы. Анализ трактовки сиенскими пополанскими хронистами понятия «доброе» правления в городских хрониках эпохи раннего Возрождения дает возможность судить об изменении их политической риторики, усложнении общественно-политических представлений на протяжении XIV–XV вв.

Тексты хроник, описывающих события XIV в. (обе ано-

---

⁷⁵ Ibidem.

⁷⁶ Как указывает современный итальянский исследователь Л. Танцини, Флоренция, в которой развивалось направление «гражданского» гуманизма, уже во время «режима Альбицци» (1380–1434 гг.) начала переходить к новому этапу своего политического развития, что впоследствии прекрасно выразили Макиавелли и Гвиччардини, в то время как Сиена все еще продолжала «говорить» на языке «доброе правление». *Tanzini L. Tuscan states: Florence and Siena // The Italian Renaissance State / Ed. by A. Gamberini and I. Lazzarini. Cambridge, 2012. P. 111.*

⁷⁷ Сравнительно недавние работы историка Сиены М. Аскери убедительно доказывают, что политическое развитие и государственное устройство Сиены эпохи Возрождения следует рассматривать не как «задержку» развития, а как особый путь развития, во многом альтернативный флорентийскому. *Ascheri M. L'altro potere: la città-Stato italiana e il caso di Siena // Siena e la città-Stato del Medioevo italiano. Siena, 2003. P. 45–66; Idem. Storia di Siena dalle origini ai giorni nostri. Pordenone, 2013.*

нимные хроники, Большая хроника, хроника Донато Нери и его сына Нери) содержат термины «доброе» и «дурное» правления, которым сопутствуют описания их характерных признаков – «наборов» добродетелей или пороков. Бедствия второй половины XIV в., оказавшие огромное психологическое воздействие на современников, значительно изменяют риторику авторов: хронисты второй половины XIV – начала XV в. (Донато Нери и его сын Нери, автор Большой хроники) сообщают больше подробностей и выражают больше эмоций в своих текстах, их понимание «доброе правление» усложняется в связи с расширением трактовки идеи справедливости.

Хроники, описывающие события конца XIV – XV в. (хроники Паоло ди Томмазо Монтаури и Томмазо Фечини, дневник Кристофоро Кантони) демонстрируют дальнейшее расширение социальных и политических представлений. Термины «доброе и «дурное» правление в их текстах фактически не встречаются, а «наборы» их признаков, подразумевающие характер правления, присутствуют гораздо реже (хроника Паоло ди Томмазо Монтаури), чем в более ранних хрониках. Суждения авторов середины – второй половины XV в. (Томмазо Фечини, Кристофоро Кантони) становятся более «историчными», они описывают политическую ситуацию более подробно, характеризуют события городской жизни в соответствии со своими представлениями об интересах Сиенской республики в Тоскане и Италии.

ОТ ТИРАНА ДО ГЕРОЯ: ОЦЕНКИ ЯКОБА ВАН АРТЕВЕЛДЕ В ИСТОЧНИКАХ

Якоб ван Артевелде (Артевельде, ок. 1390 – 1345), лидер крупномасштабного Гентского восстания 1338–1346 гг.¹, – один из самых ярких персонажей фламандской истории XIV в. Сегодня исследователи знают о нем довольно много, по крайней мере, по сравнению с большинством других предводителей восстаний во Фландрии как более раннего, так и более позднего периодов. Этому значительно способствовал возросший интерес к фигуре Якоба в начале XIX в., побудивший ряд историков в течение последующих столетий к поиску, публикации² и тщательному изучению архивных документальных источников, связанных с биографией гентского героя. Именно на них прежде всего основываются исследования XX и XXI столетий, в той или иной степени посвященные Ван Артевелде. Вместе с тем представления о Якобе у его современников, не являвшихся свидетелями происходивших во Фландрии событий, и у нескольких последующих поколений формировались вовсе не на этих документальных источниках. Они основывались на сообщениях о Якобе ван Артевелде це-

---

¹ Окончательно конфликт фламандцев со своими правителями завершился лишь в 1349 г.

² Наиболее обширная из них, включающая документальные источники, а также отрывки из хроник: *Pauw N. de. Cartulaire historique et généalogique des Artevelde. Bruxelles, 1920.* Наполеон де Пау опубликовал целый комплекс материалов, относящихся к Якобу ван Артевелде, его семье и связанным с ней гентским родам, см. раздел, посвященный непосредственно Якобу: *Idid. P. 199–267.* Несколькими десятилетиями ранее Н. де Пау издал сборник городских постановлений Гента, куда, в том числе вошли документы, появившиеся во время восстания: *De Voorgeboden der stad Gent in de XIVE eeuw / Door N. De Pauw. Gent, 1885.*

лого ряда хроник XIV в., которые зачастую противоречат друг другу и, в силу пристрастий создававших их авторов, носят яркую политическую окраску. Во многом эти же сообщения послужили основой для формирования образа Якоба в начале XIX в., когда героя вернули из забвения и популяризировали представители романтизма³.

Эта статья будет посвящена сопоставлению и анализу таких оценок в первую очередь в нарративных источниках, содержащих наиболее подробные рассказы о Ван Артевелде: франкоязычных «Фландрской хронике», «Правдивых хрониках» Жана Ле Беля, разных редакциях «Хроник» Жана Фруасара, а также написанной по-латыни «Анонимной бернской хронике»⁴. Для этого мы обратимся к эпизодам, связанным с Якобом: рассказам о его приходе к власти, о способах осуществления этой власти, об отношениях Якоба с правителями и знатными сеньорами и о его смерти. В некоторых случаях кажущиеся не всегда правдоподобными сообщения нарративных источников возможно проверить на основании сохранившихся документов (чаще всего подобного рода сопоставления в этой статье будут опираться на историографию).

Возвышение Якоба ван Артевелде и стиль его правления

Коротко напомним канву событий, связанных с началом восстания во Фландрии: желая оказать давление на это граф-

---

³ См. подробнее: *Майзлиш А. А.* «Герои» с именами и «герои» без имен в борьбе городов Фландрии «за общее благо» в XIV – начале XV вв. // *Средние века.* 2013. Вып. 74 (3–4). С. 330, 331, 339–341.

⁴ Один из наиболее детализированных рассказов о Гентском восстании и Якобе ван Артевелде на фламандском содержится в «Хронике земли и графства Фландрия» Николаса Деспарса. Она сообщает довольно много подробностей, относящихся к событиям, происходившим в самом Генте. Но это сочинение было составлено во второй половине XVI в. и представляет собой сложную компиляцию и переработку материала различных источников, в том числе и документальных. См.: *Despars N.* *Cronycke van den Lande ende Graefscpe van Vlaenderen, van de jaeren 405 tot 1492 / Door J. De Jonghe.* Brugge; Rotterdam, 1839. Dl. 2. P. 319, 323–333, 337, 357–359, 361, 374–376.

ство в первые годы Столетней войны, английский король Эдуард III (1327–1377) вводит эмбарго на экспорт туда шерсти. Значительная часть населения Фландрии живет за счет сукноделия, а ткани, производимые на экспорт, изготавливаются ими из привозного английского сырья. Таким образом эмбарго ставит под угрозу благосостояние огромной массы населения, не имеющей никаких доходов, кроме заработной платы, включая большое число ремесленников в самом крупном городе графства – Генте. Но граф Фландрии Людовик Неверский (1322–1346) в конфликте между Англией и Францией занимает сторону французского короля Филиппа VI (1328–1350). По одной из версий «Хроник» Жана Фруассара, граф, участвовавший во всех собраниях фламандцев, устраивавшихся для поиска способов разрешения кризиса, имел на них решающий голос и отвергал все предложения, которые бы способствовали общему благу графства, если они шли в разрез с интересами французского короля (“*li contes de Flandres leurs sires estoit le plus à leurs conssaux et parlemens, et brisoit tous les proupos qui bons estoient au commun pourfit dou pays en tant que d'estre contraire à le couronne de Franche*”)⁵. Это привело к тому, что фламандцы, несмотря на попытки графа удержать их в повиновении обещаниями считаться с их привилегиями и вольностями⁶, решают обеспечить соблюдение

---

⁵ *Фруассар Ж.* Амьенский манускрипт // Он же. Хроники. 1325–1340 / Пер., статья и прим. М. В. Аникиева. СПб., 2008. С. 109–110; *Oeuvres de Froissart. Chroniques* / Pub. avec les variantes des divers manuscrits, par M. le baron Kervyn de Lettenhove. T. 1–25. Osnabrück, 1967. (Réimpr. de l'édition 1867–1877). T. 2. P. 361–363.

⁶ Об этом сообщает написанная на латыни «Хроника» уроженца Турне и современника Гентского восстания Жиля Ле Мюизи применительно к событиям уже после избрания Якоба ван Артевелде одним из капитанов Гента: *Chronique et annales de Gilles le Muisit, abbé de Saint-Martin de Tournai (1272–1352)* / Pub. par H. Lemaître. Paris, 1906. P. 115–116. Достаточно краткий рассказ Ле Мюизи содержит мало оценок и в основном сосредоточен на описании военных кампаний, которые вели фламандцы. Тем не менее, он точно называет Якоба капитаном Гента.

собственных интересов самостоятельно.

В этот момент на политической сцене и появляется Якоб ван Артевелде⁷, который стал одним из пяти капитанов города, избравшихся в чрезвычайных обстоятельствах от пяти приходов (в первую очередь – для руководства городским ополчением, но капитаны могли выполнять и ряд административных функций). Избрание капитанов⁸ практически давало им власть в обход постоянно существовавших городских институтов управления (городского совета, эшевенгов, деканов цехов и т.д.)⁹. Последние, тем не менее, продолжали свою работу: чаще всего именно они, а не Якоб или других капитаны, официально заключали различные договоры и издавали иные документы, связанные с управлением, и тем или иным образом взаимодействовали с капитанами.

Тексты нескольких хроник достаточно подробно описывают последующие события. При этом часть из них содержит и некоторые сведения о самом Якобе. Например, автор первой части (до 1342 г.) «Фландрской хроники» – вероятно, им являлся житель Сент-Омера, крупного города в соседнем с Фландрией графстве Артуа, и современник Гентского восстания¹⁰ – даже сообщает ряд подробностей о биографии Ван

⁷ Подробнее см.: *Пиренн А.* Средневековые города Бельгии / Пер. с франц. под ред. Е. А. Косминского. СПб., 2001. С. 425–428 (1-ое изд. – М., 1937; перевод включил в себя 1-ый и начало 2-ого тома оригинального французского издания: *Pirenne H.* Histoire de Belgique. Vol. 1–7. Bruxelles, 1902–1931. См.: Ibid. Vol. II. Bruxelles, 1903. P. 99–102).

⁸ Якоб ван Артевелде стал капитаном от прихода св. Иоанна. Его положение с самого начала было выше положения остальных капитанов, что подтверждает более высокая, чем у его коллег, сумма выплат, ежегодно получаемых от города. *Pauw N. de.* Cartulaire. P. 222–223; *Nicolas D.* The van Arteveldes of Ghent. The Varieties of Vendetta and the Hero in History. Leiden; New York; København; Köln; 1988. P. 23, 26.

⁹ *Nicolas D.* The van Arteveldes of Ghent. P. 3.

¹⁰ *Аникиев М. В.* Предисловие переводчика / Хроники и документы времен Столетней войны / Пер. и прим. М. В. Аникиева; под. ред.

Артевелде до его прихода к власти, в том числе о его браке с владелицей пивоварни, а точнее – мёдоварни (*une brasseresse de miél*)¹¹. Этот факт сложно проверить на основании сохранившихся источников, но они подтверждают существование связей между семейством Ван Артевелде и цехом изготовителей мёда (в его состав не входили непосредственно пивовары¹² – т.е. производители пива, в части рукописей «Фландрской хроники» приводится верный термин, в одном из вариантов уточняется, что он женился на вдове). Документальные источники показывают, что Ван Артевелде являлся брокером, занимавшимся торговыми операциями с разными видами товаров, был связан с цехом ткачей, но также и с представителями т.н. «малых цехов», в основном занимавшихся обеспечением нужд внутреннего рынка Гента. Его семья была достаточно богатой и владела недвижимым имуществом в Генте и за его пределами¹³. Тем не менее то, что во многих других нарративных источниках (в том числе, в «Правдивых хрониках» Жана Ле Беля и чрезвычайно популярных у современни-

---

Ю. П. Малинина. СПб., 2005. С. 17.

¹¹ Фландрская хроника // Хроники и документы времен Столетней войны. С. 139; *Istore et chroniques de Flandres, d'après les textes de divers manuscrits* / Par. M. le baron Kervyn de Lettenhove. Т. 1–2. Bruxelles, 1879–1880. Т. 1. Р. 363.

¹² Тем не менее, в историографии на русском языке и при переводе источников традиционно для передачи этих терминов используются слова «пивовар», «пивоварня», «пиво». В некоторых источниках Якоб, действительно, называется именно пивоваром, например, в «Хронике четырех первых Валуа» (*godalier*), автор которой в принципе не очень внимателен к деталям и сообщает, что фламандцы избрали Ван Артевелде «своим сеньором и графом» (“*esleurent à seigneur et à conte*”). *Chronique des quatre premiere Valois (1327–1393)* / Pub. par C. Luce. Paris, 1861. Р. 7.

¹³ См.: *Nicolas D. The van Artevelde of Ghent*. Р. 14–16; *Майзлиш А. А.* Недвижимое имущество горожан Гента XIV в. (сделки, разделы, тяжбы) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Вып. 8 (62). URL: <https://history.jes.su/s207987840002038-0-1/> (дата обращения: 16.06.2021).

ков и последующих поколений «Хрониках» Жана Фруассара) сам Якоб называется мёдоваром (“brasseur de miés”, в том числе – с пренебрежительным оттенком в высказываниях некоторых представителей знати), на протяжении долгих десятилетий вызывало бурную дискуссию в историографии: с точки зрения ряда историков, эти хронисты намеренно приносили социальный статус Ван Артевелде¹⁴.

Сведения, сообщаемые «Фландрской хроникой» о нахождении Якоба в молодые годы на службе у двух французских сеньоров: сначала участия в военных походах в Италию (oultre les mons) и на Родос с братом Филиппа IV Красивого Карлом, графом Валуа, а затем в придворном штате (в качестве “varlès de la fruiterie”, т.е. слуги-зеленщика, в русском переводе М. В. Аникиева – «слуги при плодохранилище») другого брата Филиппа IV – Людовика, графа д’Эврё, – также с трудом поддаются верификации¹⁵.

Непосредственно же возвышение Якоба, названного «человеком ясного ума» (“de moult cler engien”), «Фландрская хроника» связывает с тем, что его выбрали англичане для ведения переговоров с фламандцами¹⁶ (англичане и дальше представлены в качестве «пружины», стимулирующей действия восставших, например, заключение союза между Ген-

---

¹⁴ Об этой дискуссии см., например: *Пиренн А.* Средневековые города Бельгии. С. 429–430, сноска 1.

¹⁵ Фландрская хроника. С. 139; *Istore et chroniques de Flandres*. Т. 1. Р. 363. См. попытку перепроверить эти данные и найти в сохранившихся документальных источниках упоминания о Ван Артевелде: *Pauw N. de.* Cartulaire. Р. 201–220.

¹⁶ Интересно, что одна из анонимных хроник, отрывки из которых опубликованы в приложении к «Фландрской хронике», сообщает, как и версия из «Больших французских хроник», что англичане решили вести переговоры не просто с властями фламандских городов, а с “maistres des gardes” (это определение можно отнести к командующим ополчениями). *Chroniques anonymes conservées dans la Bibliothèque national de Paris (extraits)* // *Istore et chroniques de Flandres*. Т. 1. Р. 613; *Les grandes chroniques de France* / Pub. par P. Paris. Vol. 5. Paris, 1836. Р. 371.

том, Брюгге и Ипром). Затем Якоб успешно убеждает горожан в том, что они не смогут прожить без хороших отношений с королем Англии, так как без шерсти невозможно заниматься сукноделием – основным ремеслом фламандцев (“leur monstra que sans le roy d’Engleterre il ne pooient vivre, car toute Flandres est fondée sur draperie, et sans laine on ne peut draper; et pour ce looit qu’on tenist le roy d’Engleterre à amy”). При этом в Брюгге Ван Артевелде встречаются «с ликованием», и все другие города графства также первоначально выказывают покорность власти Якоба (последнее оказывается оправданным, так как английский король, узнав о событиях, отправляет во Фландрию большую партию шерсти, после чего, как сообщают некоторые из версий «Фландрской хроники», фламандцы устраивают большой праздник)¹⁷.

Но установление прочного контроля и системы управления Якоба и его сторонников в графстве «Фландрская хроника» описывает уже во все более мрачных красках. Тем не менее, отметим, что речь при этом не идет непосредственно о самом Ван Артевелде или о его единоличных решениях и приказах. Сначала представители трех городов (Гента, Брюгге и Ипра) заключают между собой прочный союз, который позволил им самим осуществлять управление вместо людей графа, оказавшихся не в силах им противостоять. Горожане добиваются от графа согласия на возвращение во Фландрию политических изгнанников (в дальнейшем они участвуют в управлении). Затем восставшие рассылают во все «добрые города» и кастильянства графства своих комендантов (капитанов) и, опасаясь сопротивления со стороны знати, берут (под страхом смерти) заложников из знатных людей, которых держат в Генте¹⁸. Коменданты и изгнанники, поставленные управлять

---

¹⁷ Фландрская хроника. С. 139; Istore et chroniques de Flandres. T. 1. P. 363–365.

¹⁸ Содержание этой части рассказа «Фландрской хроники» практически полностью повторяют составители соответствующего отрывка «Больших французских хроник» (при этом орфография этих двух текстов отличается довольно значительно, монахи из Сен-Дени не

Фландрией, творят произвол, скверно обращаются с «дворянами» (*gentieulx hommes, nobles*) и «добрыми людьми земли Фландрской», а за малейшие попытки сопротивления этому произволу отсылают виновных в качестве заложников в Гент. Это в итоге провоцирует восстание в кастелянствах на юго-западе Фландрии – Берге и Вёрне (Фюрне). Поместья знатных людей, присоединившихся к сбежавшему из графства Людовика Неверскому, сжигают по приказу Ван Артевелде (по другим версиям «Фландрской хроники» – отданному не только им лично, но и тремя городами)¹⁹.

На рассказе «Фландрской хроники» частично основываются (соответствующие фрагменты практически представляют собой дословный перевод) и сообщения «Анонимной бернской хроники», написанной на латыни. Тем не менее, этот источник содержит и ряд пассажей и подробностей, отсутствовавших во «Фландрской хронике». Например, в «Анонимной бернской хронике», автор которой, вероятно, был родом из одного из городов Северной Франции (Французской Фландрии или Артуа) и составил свой труд в 60-е – 70-е гг. XIV в.²⁰, приводится название места, в котором Якоб стал лидером гентцев – Билок²¹. Имеется в виду аббатство Бейлок (*Bijloke*)²², находившее-

---

заимствовали и подзаголовки из «Фландрской хроники»): *Les grandes chroniques de France. Vol. 5. P. 371–373.*

¹⁹ Фландрская хроника. С. 140–141. *Istore et chroniques de Flandres. T. 1. P. 367–370.* Барон Ж.-Б.-М.-К. Кервин де Леттенхове приводит различные версии этого рассказа из нескольких манускриптов («Хроника Фландрии» пользовалась популярностью, и сохранилось достаточно большое число рукописей, в части из которых есть существенные вариации и заимствования из других хроник, например, Фруассара). См. подробнее о рукописях: *Introduction / Istore et chroniques de Flandres. T. 1. P. XXI–XXVII.*

²⁰ *Аникиев М. В.* Предисловие переводчика. С. 22.

²¹ В русском переводе хроники Билок назван площадью, но в соответствующем латинском тексте этого слова нет. Возможно, разница здесь и в нескольких других случаях, отмеченных ниже, между текстом перевода и публикациями источников на языке оригинала связана с тем, что русский перевод, хотя и был сделан по этим публи-

еся в то время в пригороде Гента. Но упоминание о нем встречается в несколько ином контексте: речь идет не о выборе капитанов, а о фактическом захвате Якобом власти, что способствует созданию его образа как тирана. При этом соответствующий эпизод следует уже после рассказа о возвышении Ван Артевелде, представляющего собой компиляцию из «Фландрской хроники», и автор приводит его как иную версию событий, о которой он слышал. Якоб, добивавшийся поддержки гентцев, обещал им обеспечить поступление во Фландрию необходимых товаров. Посчитавший его действия опасными балльи с помощью членов городского совета попытался призвать горожан оставаться на стороне графа и короля Франции, уверяя, что запрет на ввоз английских товаров не может продлиться долго, и арестовать самого Ван Артевелде. Тем не менее, гентцы выступили в защиту Якоба, который убедил их вооружиться. В произошедшем столкновении мелкого люда с именитыми горожанами (*minores contra majores*) и балльи последние потерпели поражение, после чего были вынуждены бежать из Гента. При этом хронист сообщает, что сам Якоб в схватке разрубил одному человеку голову до зубов (вероятно, это должно было продемонстрировать ярость, силу и жестокость Якоба). Движимое и недвижимое имущество бежавших было конфисковано. Затем Ван Артевелде набрал отряд из 700 человек. Они носили «белые колпаки» (лат. – *capucia alba*, франц. – *chapeçons blancs*) и должны были сопровождать и охранять Якоба²³.

Отметим, что автор «Анонимной бернской хроники» в определенной мере представлял себе систему городского управления во Фландрии: кроме балльи в его рассказе упоми-

---

кациям, но затем выверялся по более новым и точным изданиям источников.

²² Сейчас в здании бывшего аббатства расположен Городской музей Гента (*Stadsmuseum Gent*).

²³ Анонимная бернская хроника // Хроники и документы времен Столетней войны. С. 177–178; *Chronique anonyme conservée dans la Bibliothèque de la ville de Berne (extraits)* // *Istore et chroniques de Flandres*. Т. 1. Р. 551–552.

наются эшеваны и *majores burgenses*²⁴, но при этом их роль в событиях значительно искажена. Кроме того эта версия сводит конфликт к довольно традиционному противостоянию «верхов и низов», значительно упрощая его и меняя его суть. Эмбарго на ввоз шерсти наносило серьезный ущерб не только простым рабочим, занятым в сукноделии, но и гораздо более обеспеченным брокерам, суконщикам, руководству цехов и т.д. Поэтому Ван Артевелде и его сторонники имели достаточно широкую поддержку²⁵. Якоб же приобретает в описании «Анонимной бернской хроники» «классические» черты тирана, стремящегося получить поддержку простонародья, при этом отряды «белых колпаков» представляются фактически в качестве личных телохранителей гентского лидера²⁶.

В следующей главе, где рассказывается как Ван Артевелде в сопровождении «белых колпаков» и толпы гентцев отправляется к графу, чтобы предложить ему способ решения проблемы с эмбарго, эти черты усиливаются, а горожане изображаются грубыми невеждами. В то время как Людовик Неверский возмущается тем, что лидер гентцев ведет себя как будто это он – настоящий правитель Фландрии, а сенешаль советует

²⁴ Возможно, имеется в виду городская знать (патрициат).

²⁵ См. *Пиренн А.* Средневековые города Бельгии. С. 427, 430–431. Анри Пиренн подчеркивает отличие этого восстания, заключающееся в объединении «всех классов» гентского населения для сопротивления графу и заключении соглашения о разделе городской власти между различными политическими силами: патрициатом, ткачами, сукновалами, представителями «малых цехов».

²⁶ Эти отряды в течение XIV в. несколько раз создавались в чрезвычайных обстоятельствах для защиты городских интересов и, вероятно, не имели прямого отношения к личной охране Ван Артевелде, впрочем, действительно достаточно многочисленной (по данным городских счетов – больше 50 человек). См.: *Nicolas D.* The van Artevelde of Ghent. P. 30–32. Подробнее о «белых колпаках» см.: *Oeuvres de Froissart.* Т. 5. P. 530–531 (комментарий Кервина де Леттенхове, связанный уже со следующим крупным Гентским восстанием 1379–1385 гг., в котором автор прослеживает более раннюю историю появления этих отрядов).

Якобу «варить свой мёд», вместо того, чтобы лезть по глупости не в свое дело, Якоб угрожает отрубить ему голову²⁷, «белые колпаки» же хватают со стола графскую посуду. При этом любопытно, что и сам Людовик Неверский (испугавшийся и тут же сбежавший в Париж) и его придворные также представлены не в лучшем свете. С другой стороны, автор «Анонимной бернской хроники» показывает, что Ван Артевелде продолжает осуществлять свои планы, опираясь на коллективные формы управления, – например, для переговоров с англичанами выбирают по 4 представителя от трех городов. Для того чтобы вершить правосудие в графстве, он назначает эшевенгов и присяжных (*scabinos et juratos*)²⁸.

Возможно, наиболее ярким (но неоднозначным) пассажем, связанным с Якобом ван Артевелде, в этой хронике является описание реакции фламандцев на его успех в переговорах с королями Англии и Франции (заключение договоров о нейтралитете Фландрии, что позволило добиться возобновления торговли с Англией при сохранении торговли с Францией²⁹). Жители графства говорили, что «он – сам Бог, сошед-

---

²⁷ М. В. Аникиев справедливо отмечает, что и в ряде других эпизодов «Анонимной бернской хроники» подчеркивается «вспыльчивость и кровожадность» Якоба. *Аникиев М. В.* Предисловие переводчика. С. 25–26.

²⁸ Анонимная бернская хроника. С. 178–179; *Chronique anonume... de la ville de Berne*. P. 553. Интересно, что в следующих главах автор «Анонимной бернской хроники» вновь возвращается к компилированию рассказа «Фландрской хроники», поэтому речь идет уже о произволе капитанов и изгнанников, поставленных Ван Артевелде и тремя городами управлять графством. *Chronique anonume... de la ville de Berne*. P. 556.

²⁹ См.: Договор короля Англии с добрыми фламандскими городами о нейтралитете Фландрии (10 июня 1338 г.) // *Хроники и документы времен Столетней войны*. С. 271–275 (*Traité du roi d'Angleterre et des communes de Flandre* (10 juin 1338) // *Oeuvres de Froissart*. Т. 18. P. 56–62); Договор Филиппа VI Валуа с добрыми горожанами Фландрии об их нейтралитете (13 июля 1338 г.) // Там же. С. 275–276 (*Oeuvres de Froissart*. Т. 18. P. 62–63; Кервин де Леттенхове пуб-

ший с небес дабы спасти их» (“ipse esset Deus qui descenderat ad salvandum eos”)³⁰. С одной стороны, это сообщение в любом случае можно расценивать как признание заслуг Якоба, несмотря на очевидно отрицательное отношение к нему хрониста³¹, с другой – слова фламандцев, излишне превозносящие их лидера, возможно, должны были восприниматься как кощунство, и этот пассаж отражает также чрезмерное возвышение Ван Артевелде, что характерно для описания тиранов.

Несколько иную версию событий представляют «Правдивые хроники» Жана Ле Беля (ок. 1290 – 1370), уроженца Льежа, первая часть которых (события до 1340 г.) была создана в 1352–1356 гг. Этот хронист не объясняет причин возвышения Ван Артевелде (англичане в его рассказе ведут переговоры с Якобом, когда он уже занимает свое высокое положение, Ле Бель ничего не пишет и об экономической подоплеке конфликта между графом Фландрии и его подданными), сообщая лишь, что Ван Артевелде «снискал такую милость и благорасположение по всей Фландрии, что от одного ее края до другого беспрекословно выполнялись любые его замыслы и распоряжения». Дальше он также рисует картину тиранического правления Якоба в Генте: его постоянно сопровождают 60 или 80 вооруженных охранников (вероятно, эти цифры недалеки от реального числа телохранителей Якоба), которые убивают по его приказу любых неугодных ему людей (и таким образом погибает множество «знатных господ» – “grands

---

ликует этот договор, сохранившийся в архивах Брюгге и Лилля, без подзаголовка).

³⁰ Анонимная бернская хроника. С. 180; *Chronique anonyme... de la ville de Berne*. P. 554–555.

³¹ Возможно, эта фраза может расцениваться и как топос: например, Жан Ле Бель, рассказывая о победе Эдуарда III в битве при Слэйсе (24 июня 1340 г.), сообщает, что фламандцы «восхваляли его словно Бога» (“l’aouoient comme Dieu”). См. *Ле-Бель Ж. Правдивые хроники // Хроники и документы времен Столетней войны*. С. 103–104; *Chronique de Jean Le Bel / Pub. par J. Villard et Eu. Déprez*. Paris, 1904. T. 1. P. 178–180.

maistres”), что наводит сильный страх на горожан. При этом охранники Ван Артевелде получают хорошее жалование, которое выплачивается им вовремя – из недели в неделю. Также он размещает во всех городах и крепостях (artilleries) Фландрии своих людей (sergans souldoyers), которые не просто выполняют его распоряжения, но и ведут слежку, выискивая недовольных и высказывающих сочувствие Людовику Неверскому, которых в итоге убивают или изгоняют из графства.

Таким образом, в своем рассказе хронист изображает атмосферу террора, царившего в Генте и во Фландрии в целом. Но в отношении убитых и изгнанных Ле Бель сообщает любопытную деталь – половину имущества казненных или изгнанных Ван Артевелде отнимал, а другую оставлял их женам и детям (“pour la gouvernance et le douaire de leurs femmes et de leurs enfens”)³². Это может восприниматься как проявление Якобом некоторого милосердия, но, как отмечает американский исследователь Дэвид Николас в своей монографии о Ван Артевелде, речь идет о соблюдении гентским лидером соответствующего закона, действовавшего в городе (т.е. возможно, подразумевается забота о поддержании видимости «законности» при фактически самовольном совершении убийств и вынесении приговоров об изгнании)³³.

Создавая отрицательный образ Якоба, Ле Бель также сообщает об установлении им очень прочной власти во Фландрии и о жестком подчинении фламандцев, с которых Ван Артевелде собирал все возможные налоги и пошлины, ранее шедшие в казну графа³⁴, и тратил их по своему усмотрению,

---

³² *Ле-Бель Ж.* Правдивые хроники. С. 85–86; *Chronique de Jean Le Bel.* Т. 1. Р. 128–130.

³³ *Nicolas D.* The van Arteveldes of Ghent. Р. 32.

³⁴ М. В. Аникиев считает, что этот пассаж Ле Беля призван показать, что под правлением Ван Артевелде фламандцы «не только не приобрели новых свобод, но даже утратили те, что у них были раньше». *Аникиев М. В.* Предисловие переводчика. С. 15–16. С одной стороны, эта трактовка укладывается в отрицательный образ Якоба в «Правдивых хрониках», с другой – возможно, в данном случае ав-

не перед кем не отчитываясь. Последнее утверждение противоречит городским счетам Гента, в которых сохранились сведения о компенсации Ван Артевелде его расходов, например, в связи с переговорами с англичанами, городскими властями³⁵. При этом в описании самих переговоров у Ле Беля Якоб вновь действует не один (хотя англичан уверяют, что добиться поддержки фламандцев можно, только завоевав расположение Ван Артевелде), а вместе с советниками из «добрых городов», которых он несколько раз собирает по своей инициативе³⁶.

Уроженец Валансьена, расположенного в соседнем с Фландрией графстве Эно, Жан Фруассар (ок. 1337 – ок. 1410), работая над первой³⁷ из прозаических версий своих «Хроник»

тор использует топос, характерный для описания могущества правителя, совершенно необязательно в отрицательном ключе. Например, бургундский хронист Жорж Шателен сообщает, что герцог Бургундский Филипп Добрый «за свою жизнь... выжал из подданных больше денег и богатств, чем все его предшественники, вместе взятые, за триста или четыреста лет», при этом Шателен специально оговаривает, что это было достигнуто не тиранией или насилием, а благодаря любви к нему подданных (“non pas par tyranie, non pas par rappine, ny par voye d’extorsion, mais par amour et gratuite procedant de ferme dilection à luy”). *Oeuvres de Georges Chastellain / Pub. par M. le baron Kervyn de Lettenhove. T. 2. Chronique. 1430–1431, 1452–1453. Bruxelles, 1863.* Русский перевод Ю. П. Малинина цит. по: *Малинин Ю. П. Неосвобожденный Константинополь (франко-бургундские планы крестового похода против турок в XV в.) // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 3. СПб., 2001. С. 227.*

³⁵ *De rekeningen der stad Gent. Tijdvak van Jacob van Artevelde (1336–1349) / Door N. De Pauw en J. Vuylsteke. Gent, 1874. Dl. 1 (1336–1339). P. 385.*

³⁶ *Ле-Бель Ж. Правдивые хроники. С. 86–87; Chronique de de Jean Le Bel. P. 130–134.*

³⁷ По мнению опубликовавшего во второй половине XIX в. классическое издание исторических произведений Фруассара бельгийского историка Кервина де Леттенхове.

(известной по т.н. «Амьенскому манускрипту»³⁸) в 70-е гг. XIV в., опирался в описании событий времен начала англо-французского конфликта именно на сочинение Ле Беля. При этом он расширял и перерабатывал ряд сообщений предшественника, в том числе и те, которые относятся к Якобу ван Артевелде, на основании других доступных ему сведений (к их числу, по видимости, стоит отнести и «Анонимную бернскую хронику», либо Фруассар и её автор в ряде случаев обращались к общему источнику). В результате у Фруассара получился гораздо более красочный, подробный и логичный рассказ (хронист мастерски выстраивает причинно-следственные связи) о событиях, которые привели к Гентскому восстанию, и о возвышении Ван Артевелде³⁹. Лидер гентцев превращается в яркого, привлекательного, крайне деятельного и активного персонажа. А. Пиренн считал, что именно Фруассару, плененному фигурой своего героя и, вероятно, переработавшему доступные устные и письменные сведения о нем в соответствии со своей фантазией, Якоб ван Артевелде был обязан последующей славой⁴⁰.

По сообщению Фруассара, гентцы, слушавшие Якоба, обещавшего вернуть Фландрии её доходы, добившись хороших отношений как с Англией, так и с Францией, считали его рассудительным и даже умнейшим человеком (*saige homme, très sage homs*), а его речи были крайне мудрыми (*trop sage ment parler*). Они обращаются к нему почтительно, кланяются ему, снимают перед ним шапки (*sarregons*), поднимают на руки и несут на руках от дома до Билока⁴¹, где проходит со-

---

³⁸ В нескольких других рукописях сохранились разные варианты соответствующих отрывков из этой ранней версии «Хроник» Фруассара.

³⁹ См. сравнение некоторых оценок Ван Артевелде в «Хрониках» Фруассара и сочинении Ле Беля: *Philippeau P. Froissart et Jean le Bel. Étude littéraire sur la Chronique de Jean le Bel, chanoine de Saint-Lambert à Liège (1290?–1370) // Revue du Nord. T. 22, n°86 (mai 1936). P. 85–86.*

⁴⁰ *Пиренн А. Средневековые города Бельгии. С. 428.*

⁴¹ Неизвестно, насколько Фруассар представлял себе топографию

брание горожан, включая самых влиятельных. Гентцы слушают, как мудро и красноречиво (*si bellement et si sagement*) выступает Якоб, после чего клянутся считать его верховным правителем (*le tenoient pour souverain*), во всем ему подчиняться и защищать его. При этом Фруассар как рассказчик удивляется тому почтению, которые горожане оказывают Якобу. Ван Артевелде же, пользуясь расположением гентцев, в дальнейшем устраивает многочисленные собрания, чтобы склонить их на сторону Эдуарда III. В дальнейшем Якоб «вершит свою волю» (*fist en partie⁴² ses vollentés*) во Фландрии на протяжении 9 лет, также во многих случаях действуя совместно с советом добрых городов Фландрии.

Вместе с тем Фруассар сохраняет и пассажи, посвященные тираническому стилю правления Ван Артевелде, опирающиеся на сочинения своих предшественников. Среди них сообщения о многочисленных телохранителях, которым выплачивается регулярное жалование (отметим, что Фруассар вставляет в повествование рассказ о множестве покушений на Якоба, которые организуют граф и его сторонники, и это в какой-то мере может объяснить усиленную охрану⁴³), об убийствах и изгна-

---

Гента и то, где находился дом Ван Артевелде, но расстояние между ним и Бейлоком, расположенном на другом берегу реки Лейе, составляет примерно 1,5 км. Эта подробность почти наверняка вымышлена хронистом. Фруассар применяет к Билоку такие определения как *lieu* и *plase*, в русском переводе – площадь.

⁴² В русском переводе – «безраздельно».

⁴³ В разных вариантах первой редакции «Хроник» Фруассара – 120 или 140 и 100 или 200 охранников, из которых 5 или 6 и соответственно 20 или 30 – доверенные люди Ван Артевелде, убивающие неугодных ему горожан. В версии из т. н. «Валансьенского манускрипта» сообщается, что дом Якоба охраняли днем и ночью, так как он знал, что его ненавидят – “*il savoit bien qu’il estoit hays*”. Во второй редакции «Хроник» фигурируют в одном месте 60 или 80 охранников, в другом – 100 или 120. В этой редакции также появляется упоминание о «белых колпаках», о которых хронист отзывался довольно плохо: их было около 6 тыс., и численность этих отрядов постоянно увеличивалась. *Oeuvres de Froissart*. Т. 2. Р. 416, 423, 424.

ниях знатных горожан, выслеживании недовольных, самовольных и безотчетных тратах собираемых во Фландрии податей. К ним добавляется и пассаж о том, что Якоб после успеха в переговорах с англичанами и возвращения во Фландрию склада шерсти (стапля), а также бегства из графства Людовика Неверского начинает править, словно государь, и заводит большой придворный штат⁴⁴.

Фруассар неоднократно перерабатывал свои «Хроники», несколько меняя канву повествования, добавляя некоторые фрагменты и детали и, напротив, сокращая и изменяя другие⁴⁵. Это коснулось и глав, посвященных возвышению Якоба ван Артевелде. Наиболее сильные изменения видны в самой поздней из редакций «Хроник», созданной уже в нач. XV в. – и известной по т.н. «Римскому манускрипту». В этой версии рассказа Фруассара Якоб называется не «пивоваром» (возможно, хронист к моменту работы над ней лучше представлял себе некоторые факты биографии Ван Артевелде, с другой стороны, это может быть и результатом сокращения), а просто горожанином, при этом говорится, что он был «человеком суровым, умным и на редкость сметливым» (*‘hauster homme, sage et subtil durement’*) и «сумел заставить весь город склониться перед своей волей» (*‘fist tant par sa poissance que toute la ville de Gand fu encline à lui et à ses volentés’*)⁴⁶. Далее следует довольно краткая версия рассказа о переговорах Якоба и жителей Гента с англичанами и их планах получить в дальнейшем поддержку других городов, вкратце повторяется и история об усиленной охране Якоба, вызванной как опасениями в отношении возможных покушений со стороны графа, так и желанием про-

---

⁴⁴ Фруассар Ж. Амьенский манускрипт. С. 124–126, 128–129, 135–137; Oeuvres de Froissart. Т. 2. Р. 411–416, 420–423, 437–438.

⁴⁵ О разных редакциях «Хроник» Жана Фруассара и дискуссии в отношении последовательности их создания см.: Аникиев М. В. Жан Фруассар и история создания его «Хроник» // Фруассар Ж. Хроники. 1325–1340. С. 10–11.

⁴⁶ Фруассар Ж. Римский манускрипт // Он же. Хроники. 1325–1340. С. 323–324; Oeuvres de Froissart. Т. 2. Р. 382–383.

демонстрировать свое высокое положение (“il fist le mestre et le seigneur et volt monstrier poissance entre ceuls de Gand”), о жестоких расправах с неугодными людьми, создании дружины «белых колпаков», которую содержали за счет города (подробность, появляющаяся лишь в этой редакции)⁴⁷.

Вслед за этим Фруассар вводит отсутствовавший в ранних версиях пассаж о хитрости, на которую пошел Якоб для укрепления своей власти во всей Фландрии. В это время Людовик Неверский разместил гарнизон на острове Кадзанд⁴⁸, и нападения со стороны его людей на море мешали осуществлению торговли Англии и ганзейских городов с Фландрией (препятствуя проходу к Слэйсу⁴⁹ и Брюгге) и соседними нидерландскими княжествами. По рассказу Фруассара, Ван Артевелде была выгодна эта ситуация, так как он начал распускать слухи, что мог бы придумать выход из неё, что побудило

---

⁴⁷ Часть этого пассажа отсутствует в публикации «4-ой редакции» «Хроник» Кервином де Леттенхове в его 26-томном издании, вышедшем в 1867–1877 гг. Как и некоторые другие фрагменты, она присутствует в издании Кервином де Леттенхове непосредственно текста первой книги «Хроник» из «Римского манускрипта», вышедшем несколькими годами ранее (*Le premier livre des Chroniques de Jehan Froissart / Pub. d’après un manuscrit de la Bibliothèque du Vatican par M. le baron Kervyn de Lettenhove*. Т. 1–2. Paris, 1863. Т. 1. P. 213). Именно на это издание опирался М. В. Аникиев, работая над русским переводом этой редакции «Хроник». *Фруассар Ж.* Римский манускрипт. 1325–1340. С. 327.

⁴⁸ В Средние века небольшой остров с поселениями на нем у побережья Зеландской Фландрии, недалеко от Слэйса. Занимал стратегическое положение, позволявшее контролировать морские торговые пути и проход к Брюгге и в устье Шельды. С изменением береговой линии позднее стал частью материка, находится на территории совр. Нидерландов.

⁴⁹ Слэйс (Слейс, Слюйс, Эклюз) – в XIV–XV вв. фламандский город (в настоящее время также находится на территории совр. Нидерландов), являвшийся портом, через который шла торговля главного коммерческого и финансового центра Фландрии (и значительной части Западной Европы к северу от Альп) Брюгге, соединенного со Слэйсом каналом. До Слэйса роль основного порта Брюгге играл Дамме.

представителей Брюгге, Дамме и Слэйса, экономика которых базировалась на морской торговле, обратиться к Якобу за помощью. Тот в свою очередь предложил Эдуарду III решить проблему, выбив гарнизон графа Фландрии с Кадзанда, что обеспечило бы английскому королю благорасположение фламандцев. Так и было сделано. Тем не менее, Ван Артевелде попросил Эдуарда III пока не посылать английские товары во Фландрию, а когда фламандцы возмутились тем, что он не сдержал свое обещание, Якоб подтолкнул представителей других городов начать совместные переговоры с англичанами. В результате возобновилась торговля английской шерстью с Фландрией, а позднее на её территорию, в Брюгге, был возвращен и стапль⁵⁰. Всё это позволило Ван Артевелде добиться признания своей власти в графстве⁵¹.

В данном случае Фруассар выстраивает новый вариант причинно-следственных связей в своем рассказе, приписывая Якобу интриги, которые он, по всей видимости, не использовал в действительности: т. н. «битва при Кадзанде» произошла в ноябре 1337 г., и большинство других нарративных источников никак не связывают эти события с Ван Артевелде⁵². Но этот ход позволяет хронисту создать образ хитрого и в какой-то степени беспринципного политика. Фруассар подчеркивает, что Якоба мало беспокоил ущерб, который причиняют Брюгге и Фландрии в целом (“*Jaquèmes Dartevelle... n'estoit*

---

⁵⁰ Через стапль в Брюгге велась торговля английской шерстью не только с Фландрией, но и с купцами из соседних нидерландских княжеств и других стран. Тем не менее, в последующие годы стапль из-за различных политических перипетий находился в Брюгге лишь периодически, а в 1363 г. был окончательно перенесен англичанами в Кале. *Nicolas D. Medieval Flanders*. New York, 1992. P. 289–291.

⁵¹ *Фруассар Ж.* Римский манускрипт. 1325–1340. С. 327–333; *Le premier livre des Chroniques de Jehan Froissart*. Т. 1. P. 213–227.

⁵² Жиль Ле Мюизи даже сообщает, что Якоб Ван Артевелде, правда, несколько позднее – летом 1338 г., препятствовал попытке высадки англичан в районе Слэйса, что, вероятнее всего, является вымыслом хрониста и не подтверждается другими источниками. *Chronique et annales de Gilles le Muisit*. P. 116.

pas courouchiés de ce que chil qui hérioient la ville de Bruges et le païs de Flandres se tenoient à Gagant...”⁵³. Но при этом хронист отмечает, что Ван Артевелде хорошо разбирается в экономической ситуации в графстве и показывает, как умело он манипулирует не только жителями родного Гента, но и представителями других городов Фландрии.

Отношение к Якобу ван Артевелде правителей и знатных сеньоров

Как уже было отмечено выше, в описании большинства нарративных источников Якоб показан как враг графа Фландрии Людовика Неверского и поддерживавшей его фламандской знати, представители которой либо бегут из Фландрии, либо оказываются в заложниках в Генте, либо подвергаются конфискации имущества и изгнанию из графства, либо и вовсе лишаются жизни в результате произвола Ван Артевелде и его сторонников. Именно фламандские рыцари выступают в качестве инициаторов восстания против власти наместников Якоба в кастелянствах Берг и Вёрне. Отметим при этом, что рассматриваемые нами нарративные источники практически не содержат сообщений об иных внутренних конфликтах во Фландрии в период восстания, хотя они существовали, – вероятно, противоречия между городами мало интересовали авторов хроник.

Вместе с тем Якоб ван Артевелде и представители фламандских городов, выступая в качестве союзников Эдуарда III, в ряде ситуаций (во время переговоров или в ходе ведения военных кампаний) оказывались в обществе как самого короля и его окружения, так и других сторонников Эдуарда на континенте. Последние являлись весьма знатными сеньорами и правителями соседних с Фландрией нидерландских княжеств. Хронисты очень по-разному представляют читателям отношения между Ван Артевелде и этими благородными государями. Например, автор «Фландрской хроники» рассказывает о кон-

---

⁵³ Le premier livre des Chroniques de Jehan Froissart. T. 1. P. 217.

фликте, возникшем, когда графиня Эно⁵⁴ проявила инициативу в переговорах о перемирии между Эдуардом III и Филиппом VI во время осады союзниками английского короля Турне⁵⁵ в 1340 г.⁵⁶ Узнав о планах подписать это соглашение, Ван Артевелде, по словам хрониста, напомнил о существовавшем между Англией и Фландрией договоре (*sermont*)⁵⁷ и пригрозил Эдуар-

---

⁵⁴ Жанна Валуа (ок. 1294–1342), в 1305 г. выданная замуж за графа Эно, Голландии и Зеландии Вильгельма I (1304–1337), приходилась сестрой Филиппу VI и матерью жене Эдуарда III Филиппе Геннегауской (ок. 1314–1369).

⁵⁵ Союзные войска, включая фламандцев, брабантцев и геннегаусцев, осаждали Турне с 23 июля по 25 сентября 1340 г.

⁵⁶ Речь идет о подписании Эсплешенского перемирия, которое в названии главы в «Фландрской хронике» неверно датировано 1341 годом. Требования фламандцев в этом документе были учтены (пункт 8), хотя ни города, ни граф Фландрии не фигурируют в списке заключающих договор сторон. См.: Филипп VI отказывается от права отлучать фламандцев от церкви (25 сентября 1340 г.) // Хроники и документы времен Столетней войны. С. 324–325; Эсплешенский договор о годичном перемирии, заключенный между Францией и Англией (25 сентября 1340 г.) // Там же. С. 325–327 (*Philippe de Valois renonce au droit d'excommunier les Flamands* (25 septembre 1340) // *Oeuvres de Froissart*. Т. 18. P. 376–377; *Forma Treugarum, inter Regem & Philippum de Valesio, ac inter Anglicos & Scotos, Concordatarum // Foedera, convenciones, literae, et cujusunque generis acta publica, inter reges Angliae, et alios quosvis imperatores, reges, pontifices, principes, vel communitates...* / *Accurante Th. Rymer. Editio tertia*. Т. 1–10. *Nagae Comititis, 1737–1745*. Т. 2, Pt. II. *Nagae Comititis, 1739*. P. 83–84).

⁵⁷ Имеется в виду договор Эдуарда III о союзе с городами Фландрии, по которому английский король обязуется не заключать никаких договоров с Филиппом VI и не вести с ним переговоров без согласия фламандцев. См.: Союзный договор Эдуарда III с городскими общинами Фландрии (23 марта 1340 года) // Хроники и документы времен Столетней войны. С. 298–310 (*Alliance d'Édouard III avec les communes flamandes* (23 mars 1339, v.s.) // *Oeuvres de Froissart*. Т. 18. P. 110–129); соответствующий пункт – с. 300–301, p. 113–114. Автор «Анонимной бернской хроники» сообщает, что Якоб ван Ар-

ду III и его сторонникам, что не уведет свои силы, если условия фламандцев не будут учитываться при заключении перемирия. В одной из версий «Фландрской хроники» при этом объясняются мотивы гентского лидера – Ван Артевелде понял, что вложенные фламандцами в кампанию средства в итоге могут оказаться потраченными впустую (“*tout ce qu’il avoit cousté au pays de Flandres estoit argent perdu*”). Возмущение Якоба дало повод графине назвать Ван Артевелде «мужланом» (*vilain*) и пожелать, чтобы Господь не допустил пролития из-за его слов благородной христианской крови (“*tout li noble sang de la crestiente*”). Это, вероятно, можно интерпретировать как стремление хрониста подчеркнуть незнатное положение предводителя фламандцев, его дерзость и приписать ему неготовность мыслить высокими идеалами⁵⁸. Тем не менее, читатель не может не заметить в этом рассказе решимость и смелость Якоба в отстаивании интересов фламандских городов.

История с репликой графини Энно почти дословно заимствована (в переводе на латынь) автором «Анонимной бернской хроники», но он добавляет в рассказ о заключении перемирия сообщение о предшествующей этому попытке Якоба настоять на продолжении осады Турне, уверяя, что вскоре город должен пасть, в противовес позиции герцога Брабантского⁵⁹, выступавшего за перемирие. В словесной перепалке между Ван Артевелде и герцогом, лидер гентцев заявил, что герцог слишком рьяно стремится к миру, а последний обвинил Якоба в том, что он старательно разжигал войну. Затем,

---

тевелде еще до этого договорился с Эдуардом III о предоставлении фламандцами королю субсидии для ведения войны при условии, что в случае заключения мирного договора они будут в нем участвовать. Анонимная бернская хроника. С. 194; *Chronique anonyme... de la ville de Berne*. P. 572.

⁵⁸ Фландрская хроника. С. 159–160; *Istore et chroniques de Flandres*. T. 1. P. 396–398.

⁵⁹ Ян (Жан) III (1312–1355), герцог Брабанта и Лимбурга. В начале англо-французского конфликта поддерживал Эдуарда III, но в 1345 г. перешел на сторону Филиппа VI.

чтобы напомнить королю о его обязательствах (в том числе – финансовых), предводитель фламандцев решительно перерезает дорогу Эдуарду III и другим командующим войсками⁶⁰. Подобное поведение также должно было рассматриваться читателями как грубость и дерзость, так как незнатный горожанин (пусть и самый влиятельный во Фландрии) сознательно нарушал существовавшую социальную иерархию, позволяя себе общаться на равных со знатными сеньорами и уверенно отстаивать свою позицию перед королем.

Рассказу об этом конфликте Ван Артевелде и герцога Брабантского в «Анонимной бернской хронике» предшествует другой эпизод (несколькими главами раньше), иллюстрирующий их отношения, которого во «Фландрской хронике» также не было: предводитель фламандцев в присутствии Эдуарда III обвинил герцога Брабантского в том, что он сделал для захвата Турне меньше, чем все остальные союзники английского короля. После этого один из возмущенных поведением Якоба рыцарей герцога в гневе сказал Ван Артевелде отправляться в Гент варить свой мёд, так как ему «не пристало иметь столько власти» (“non pertineret tantum dominium”). Подобное оскорбление привело к тому, что Якоб тут же убил обидчика пикой или топором (“hasta seu securi”). А Эдуард III, по словам хрониста, успокаивая герцога, собиравшегося тут же покинуть лагерь, назвал Ван Артевелде «предателем и негодяем», но при этом подчеркнул, что он «очень полезен и нужен ему для ведения этой войны» (“licet traditor et malus esset, tamen erat sibi multum utilis pro guerra sua et necessarius”)⁶¹. Таким образом, даже главному союзнику Якоба – Эдуарду III «Анонимная бернская хроника» приписывает очень неоднозначное отношение к предводителю фламандцев. Сам же Ван Артевелде, вероятно, должен был восприниматься современниками, читавшими хронику, как выскочка и гру-

---

⁶⁰ Анонимная бернская хроника. С. 217–218; Chronique anonyme... de la ville de Berne. P. 603–604.

⁶¹ Анонимная бернская хроника. С. 213–214; Chronique anonyme... de la ville de Berne. P. 600.

биян, который неоднократно конфликтовал с союзниками⁶² и стремился занять высокое положение, присущее лишь представителям знати.

Иначе описывает отношение Эдуарда III к Якобу ван Артевелде Жан Фруассар: оно воспринимается читателями как вполне дружеское. Например, валансьенский хронист подчеркивает, что во время переговоров с фламандцами в Лондоне английский король и королева оказали им самый радушный прием (в том числе они были приглашены на обед в королевских покоях), в особенности Ван Артевелде. Хронист объясняет это расположением самого Якоба к Эдуарду, которое последний заметил, и тем, что Ван Артевелде пользовался наибольшим влиянием среди фламандцев⁶³. В дальнейшем король часто останавливался в Генте, что способствовало более тесному знакомству с Якобом. Фруассар называет лидера фламандцев «большим другом» (*grans amis*) Эдуарда III и его «кумом» – в последней редакции «Хроник» содержится рассказ о том, как английский король и королева стали крестными отцом и матерью родившегося в 1340 г. у Якоба сына Филиппа⁶⁴, названного в честь королевы⁶⁵.

Взаимоотношения Ван Артевелде с другими союзниками Эдуарда III в описании валансьенского хрониста также выглядят вполне дружественными. Например, в одном из эпизодов он рассказывает, как граф Эно приглашает «самых вид-

---

⁶² В еще одном эпизоде этой хроники Ван Артевелде в присутствии английской королевы Филиппы и других союзников обвиняет её брата – графа Эно, Голландии и Зеландии Вильгельма II (1337–1345) в предательстве, и тот вынужден оправдываться. Анонимная бернская хроника. С. 196–197; *Chronique anonyme... de la ville de Berne*. P. 576–577.

⁶³ *Фруассар Ж.* Римский манускрипт. 1325–1340. С. 333; *Le premier livre des Chroniques de Jehan Froissart*. Т. 1. P. 226.

⁶⁴ Филипп ван Артевелде (1340–1382), один из предводителей следующего крупного Гентского восстания 1379–1385 гг. После убийства отца воспитывался в Англии, был посвящен в рыцари.

⁶⁵ *Фруассар Ж.* Римский манускрипт. 1325–1340. С. 390; *Le premier livre des Chroniques de Jehan Froissart*. Т. 1. P. 349.

ных сеньоров» (“grans signeurs”), и в первую очередь герцога Брабантского и Якоба ван Артевелде, в гости в Валансьен, «дабы на славу почтить и попотчевать» (“festia et honnpoura grandement”). При этом Фруассар сообщает, что Якоб выступил с речью перед горожанами на рыночной площади, вновь произведя на слушателей впечатление своим красноречием и умом, так что все «отзывались о нем очень похвально и одобрительно и признавали, что он достоин руководить и править всей фламандской землею» (“disent qu’il avoit durement bien parlet et par grant expérience; et en fu de tous moult loés et prisiés; et disent qu’il estoit bien dignes de gouverner et excerser le conté de Flandres”)⁶⁶.

Убийство Якоба ван Артевелде

Успех лидера гентцев – горожанина, сумевшего подчинить своей власти (пусть и не единоличной) всю Фландрию и получить расположение короля Англии, несомненно, казался современникам удивительным, вне зависимости от их отношения к Якобу, но оказался недолгим. Летом 1345 г. Ван Артевелде был убит в результате волнений, спровоцированных в Генте его политическими противниками⁶⁷. Нарративные источники⁶⁸ вновь сообщают нам несколько разных версий самих этих событий, но, что более интересно в контексте этой

---

⁶⁶ Фруассар Ж. Манускрипты «семейства А/В» (фрагменты) // Фруассар Ж. Хроники. 1325–1340. С. 502–503; Oeuvres de Froissart. Т. 3. Р. 208–209.

⁶⁷ В историографии существуют различные точки зрения о том, какими причинами была вызвана потеря Якобом ван Артевелде своего политического влияния и что спровоцировало позднее беспорядки, которые привели к его убийству. См., например: *Пиренн А.* Средневековые города Бельгии. С. 440–442. Подробнее анализ событий, в том числе и оценку достоверности сообщений различных хроник см.: *Nicolas D.* The van Artevelde of Ghent. Р. 39–71 (глава “The Hero Redundant: The Fall and Death of James van Artevelde, 1343–1345).

⁶⁸ Автор «Анонимной бернской хроники» не доводит свое повествование до 1345 г., соответственно, в ней нет рассказа об убийстве Ван Артевелде.

статьи, их авторы выводят разную мораль из случившегося.

Жан Ле Бель очень кратко и в нейтральных выражениях рассказывает об убийстве лидера фламандского восстания в его собственном особняке (*hostel*), приписывая расправу с Якобом сукновалам (*foulons*), и сообщает, что новым предводителем фламандцев стал суконщик (*drapier*) Жерар Дени (Герард Денис или Денеис, *Denijs*, по-фламандски). Но при этом льежский хронист добавляет, что Эдуард III был очень расстроен случившимся, так как это нарушило планы короля и он потерял друга (*grand amy*), который мог бы оказать ему значительную помощь. Этому пассажи чуть ранее предшествует рассказ о намерениях Эдуарда III сделать своего наследника принца Уэльского⁶⁹ графом Фландрии. В переговорах об этом с «добрыми городами Фландрии» и должен был помочь королю Ван Артевелде⁷⁰.

Не слишком подробное сообщение Жилия Ле Мюизи похоже на рассказ Ле Беля, но содержит ряд других деталей: хронист из Турне рассказывает, что фламандцы отказались признать сына Эдуарда III своим графом и сеньором, а также, что жена Ван Артевелде и его сокровищница (*thesauro*) находились в Англии⁷¹. Немногим ранее (датируя события 1344 г.⁷²) Ле Мюизи также сообщает, что в Генте произошел серьезный конфликт между сукновалами и ткачами. В нем одержали победу ткачи, которых поддерживал Ван Артевелде. Но все эти события в хронике Ле Мюизи не связаны друг с другом и с

---

⁶⁹ Эдуард, принц Уэльский (1330–1376), известный как Черный Принц.

⁷⁰ *Chronique de Jean Le Bel*. Т. 2. Р. 36, 38.

⁷¹ Известно, что семьи Ван Артевелде, действительно, в это время не было в Генте. А вдова Якоба Катрин де Костер, вернувшись из Англии в Гент в 1349 г., была вынуждена возратить в городскую казну довольно крупную сумму (60 ливров), взятую оттуда её мужем. *Nicolas D. The van Artevelde of Ghent*. Р. 77.

⁷² Конфликт между сукновалами и ткачами произошел 2 мая 1345 г. В хронике Ле Мюизи, возможно, дана датировка по старому стилю (новый год начинался с Пасхи), но автор, скорее всего, не знал точно, когда произошли эти события, так как Пасха приходилась на 27 марта.

убийством Якоба, похороненного, по словам её автора, под Гентом, в аббатстве Билок. В отличие от Ле Бея, хронист из Турне ничего не рассказывает об отношении к событиям английского короля, но вкратце подводит итог семилетнего (в данном случае Ле Мюзи точен) правления Ван Артевелде над Фландрией, делая акцент на его отрицательных результатах: все подчинялись воле Якоба, никто не смел его ослушаться и «им было совершено и из-за него произошло много зла» (“*multa mala evenerunt per eum et propter eum*”)⁷³.

Версии этой истории у Ле Бея и Ле Мюзи напоминает и фрагмент, посвященный убийству Якоба, в «Больших французских хрониках». Они повествуют, как предводитель фламандцев обещал Эдуарду III, что города Фландрии принесут ему оммаж, и пытался добиться этого хитростью (по оценке автора хроники «предательски и лживо» – “*traitreusement et fausement*”): в каждом из трех городов он говорил о согласии на это жителей двух других. (Заметим, что этот пассаж противоречит уже приведенному ранее в «Больших французских хрониках» рассказу, о том, как восставшие фламандцы в 1339 г.⁷⁴ принесли оммаж английскому королю⁷⁵.) Когда о предательстве Якоба узнали, его попросили вернуться в Гент, где настроенная против него толпа силой ворвалась в его дом. Попытка Ван Артевелде бежать не увенчалась успехом – его догнали и жестоко убили (“*occis moult vilainement*”). Захороненное в аббатстве под Гентом, тело Якоба было позднее вынута из могилы (никаких подробностей об этом хронист не приводит), и его растерзали и съели птицы (“*il fu gettié à estre*

---

⁷³ Chronique et annales de Gilles le Muisit. P. 145–148.

⁷⁴ Также датировка по старому стилю: так как Пасха приходилась на весну (16 апреля), события зимы хронист датирует не 1340 г., а предыдущим (в соответствии с нашим календарем) 1339 г.

⁷⁵ “Et... après se commencièrent les Flamens à rebeller et par especial ceux de Gant; et à l’énortement de Jacques d’Arthevelt, il firent hommage au roy d’Angleterre comme roy de France, et laissièrent leur droit seigneur, comme faux et traistres qu’il estoient”. Les grandes chroniques de France. Vol. 5. P. 378–379.

mengié et dévoré des oyseaux”)⁷⁶. Таким образом, автор приписывает Якобу позорную участь после смерти, которая, согласно библейской традиции, предназначена нечестивцам и злодеям⁷⁷.

Совсем иную оценку дает убийству Ван Артевелде (и самому предводителю Гентского восстания) автор «Рассказов валансеньского горожанина»⁷⁸. Он сообщает, что Ван Артевелде и сопровождавшие его фламандцы встречались с приплывшим в Слэйс Эдуардом III, чтобы заключить более прочный союз. Хронист изображает Якоба во время этой встречи весьма почтительным – он преклоняет перед королем колени, Эдуард же поднимает его и устраивает для фламандцев большой пир. Затем Якоб отсылает большую часть своей свиты, а сам остается и беседует с королем о многих важных делах. Подобное поведение кажется жителям Гента подозрительным (“ils se tindrent à mal payés”), и они отправляются к особняку Ван Артевелде, где не обнаруживают ни его жены, ни детей, ни богатств. После этого за Якобом отправляют двух эшевен-ов, предлагая вернуться «по-хорошему», но тот отказывается, сославшись на продолжавшиеся переговоры с английским королем. Это вызвало гнев гентцев, решивших убить его, так как он позволяет себе слишком много (“le meteroient à mort, car trop avoit regné”). Эдуард III пытается дать Ван Артевелде перед его возвращением в Гент в охрану своих людей, но тот

---

⁷⁶ Ibid. P. 438–439.

⁷⁷ См.: 3 Цар. 14:11, 16:4, 21:24.

⁷⁸ Повествование основной части этой хроники начинается с XIII в. и заканчивается 1366 г., но Кервин де Леттенхове во введении к её публикации предполагает, что заключительные главы «Рассказов» не дошли до наших дней. *Récits d'un bourgeois de Valenciennes (XIVème siècle) / Publ. par M. le baron Kervyn de Lettenhove. Genève, 1979 (Réimpr. de l'édition Paris, 1877). P. vii.* Автор этой хроники несколько раз упоминает о Ван Артевелде (называет его «капитаном», сообщает, что он приводил разумные доводы на переговорах с Эдуардом III, добиваясь восстановления торговли с Англией), но за исключением пассажей, связанных с убийством Якоба, делает это весьма лаконично.

полагает, что ему ничего не угрожает и замечает опасность, лишь когда люди в городе не снимают перед ним головные уборы, как они это делали обычно.

Тем временем глава цеха ткачей (“maistre des telliers⁷⁹”) Герард Денис собирает множество вооруженных людей, которые со знаменами в руках отправляются к дому Якоба, и требует от Ван Артевелде дать отчет о переговорах с английским королем. Когда Якоб к ним не выходит, сторонники Дениса врываются в дом и, несмотря на храбрую оборону приближенных Ван Артевелде, ему приходится бежать. В итоге его настигают и жестоко убивают в церкви. Хронист подводит итог своему рассказу об этом злодеянии (“male emprinse et domageuse fourfaiture”) словами: «Жаль было Якоба, ибо он вовсе этого не заслужил. Он помог фламандцам выстоять против всех недругов и правил ими спокойно и мудро на про-

---

⁷⁹ Термин, использованный хронистом (а также Жаном Фруассаром), обозначает трепальщиков, как и назван Жерар Дени в русском переводе «Рассказов» и «Хроник». Но Н. де Пау справедливо полагает, что в данном случае имеются в виду ткачи. Основную массу ремесленников-сукноделов в Генте составляли ткачи, сукновалы и красильщики, процент представителей других ткацких профессий, например, стригальщиков, о существовании цеха которых нам известно, был невелик. Вероятность того, что хронисты, происходившие из крупного сукнодельческого центра Валансьена, путают трепальщиков с ткачами, довольно мала. См.: *Pauw N. de. Cartulaire historique et généalogique des Artevelde. P. 246–247, n. 1; Nicholas D. The Metamorphosis of a Medieval City. Ghent in the Age of the Arteveldes, 1302–1390. Leiden, 1987. P. 154–177.* Герард Денис, действительно, являлся деканом цеха ткачей, и на момент убийства Ван Артевелде его позиции после недавней победы в Генте ткачей над сукновалами были даже более прочными, так как Ван Артевелде примерно в то же самое время перестал занимать должность капитана Гента. Ведя переговоры с Эдуардом III, Ван Артевелде, вероятно, использовал по просьбе новых городских властей, свои хорошие личные отношения с английским королем для того, чтобы вновь заключить союз фламандских городов с Англией в изменившихся условиях. *Nicolas D. The van Arteveldes of Ghent. P. 55–56.*

тяжении девяти лет, как добрый хранитель, вместо графа Фландрского, который никогда не делал стране добра»⁸⁰. Затем автор «Рассказов валансьенского горожанина» сообщает, что Эдуард III разгневался, узнав о смерти Ван Артевелде, и уплыл из Слэйса, а граф Эно огорчился, так как потерял «доброе друга»⁸¹. Очевидно, что хронист симпатизирует Якобу и стремится подчеркнуть положительные стороны его контроля над Фландрией, хотя и не замалчивает дошедшие до него слухи о том, что Ван Артевелде отослал из Гента свою семью и вывез казну.

В продолжении «Фландрской хроники»⁸² действия Герарда Дениса, напротив, представлены как защита в ответ на коварную попытку Ван Артевелде и английского короля навязать фламандцам свою волю. Наиболее подробный из сохранившихся вариантов этой хроники сообщает, что предложение Эдуарда III сделать Черного Принца графом Фландрии, согласиться на которое убеждал гентцев Якоб на Пятничной площади⁸³, не нашло поддержки у наиболее обеспеченной части горожан (“les bourgeois et les plus grans”). Их мнение вы-

---

⁸⁰ “Dont ce fut damage de Jaques, car il ne favoit point déservi, ains avoit ceulx de Flandres maintenus et gouvernés contre toutes personnes, bien et paisiblement et sagement, par l’espasse de IX ans, comme bon gardyen, ou lieu du conte de Flandres qui onques ne fist bien au pays”.

⁸¹ Рассказы валансьенского горожанина (фрагмент) // *Фруассар Ж.* Хроники. 1340–1350 / Пер. и прим. М. В. Аникиева. СПб., 2012. С. 587–589; *Récits d’un bourgeois de Valenciennes*. P. 198–201.

⁸² Рассказ второй части «Фландрской хроники», продолженной с 1342 г. уже другим автором во второй половине XIV в., доведен до 1383 г. (эта часть не была переведена на русский язык). *Аникиев М. В.* Предисловие переводчика. С. 17.

⁸³ Одна из центральных площадей Гента (и, вероятно, самая большая в Средние века). В сер. XIX в. на ней был установлен памятник Якобу ван Артевелде. Именно на Пятничной площади 26 января 1340 г. произошло провозглашение Эдуарда III королем Франции, что ряд нарративных источников также связывает с предложенной Ван Артевелде идеей. *Boone M. A Medieval Metropolis // Ghent. A City Of All Times / Ed. by M. Boone, G. Deneckere. Ghent, 2010. P. 80, 83.*

разил декан цеха ткачей (*doyen des tisserans*) Герард Денис, заявивший, что подчиниться другому сеньору вместо своего законного будет слишком большим злодеянием (“*trop grant meffait seroit de son droitturier et naturel seigneur renoier pour aler obéir à ung aultre*”). Якоб ван Артевелде привез английскому королю эти новости, а затем и предложил план, который помог бы добиться желаемого результата: отправить 500 вооруженных людей, которые бы тайно проникли в Гент ночью и убили Герарда Дениса и многих других, выступавших против идеи сменить графа. Но о намерениях Якоба стало известно его противникам, заподозрившим предательство, после чего Герард Денис вооружил бюргеров и множество простых людей (“*fist mettre en armes ung grant nombre des bourgeois de la ville et moult des communes gens*”), дом Ван Артевелде был взят штурмом, а он сам убит, что весьма расстроило короля Эдуарда⁸⁴. Эта история вполне укладывается в образ Якоба как тирана, заботящегося в основном о собственных интересах, который прослеживается и в первой части «Фландрской хроники».

Различные подробности из рассказов других хронистов были заимствованы и дополнены Жаном Фруассаром, когда он работал над разными редакциями своих «Хроник». Во всех из них убийство Ван Артевелде связывается с планами сделать принца Уэльского герцогом Фландрии, а саму Фланд-

---

⁸⁴ Istore et chroniques de Flandres. Т. 2. Р. 12–15. Значительная часть содержания опубликованной Кервином де Леттенхове «Фландрской хроники», в том числе и пассажи, относящиеся к убийству Ван Артевелде, совпадает с содержанием рукописи, изданной Ж.-Ж. Де Смет под названием «Хроника Нидерландов, Франции, Англии и Турне», см.: *Corpus chronicorum Flandriae = Recueil des chroniques des Flandre* / Ed. J.-J. De Smet. Bruxelles, 1856. Т. 3. Р. 164. См. подробнее об этом источнике: *Fris V. La Chronique des Pays-Bas, de France, d'Angleterre et de Tournai* // *Bulletin de la Commission royale d'Histoire*. 1900. Т. 10. Р. 65–82. Та же версия событий в более кратком варианте приводится и во фрагменте рукописи «Хроник Сен-Дени», опубликованном Н. де Пау: *Paauw N. de. Cartulaire historique et généalogique des Artevelde*. Р. 253–254.

рию, соответственно, герцогством (что повысило бы её статус). Но, если первый вариант рассказа Фруассара (из «Амьенского манускрипта») довольно лаконичен, и эта связь не прописана напрямую⁸⁵, то так называемые «Манускрипты «семейства А/В»» и наиболее поздняя редакция «Хроник» из «Римского манускрипта» позволяют увидеть, как Фруассар дважды творчески перерабатывает эту историю.

В первом случае хронист сообщает, что ошибкой Якоба являлось то, что после переговоров представителей (советников, *consauls*) фламандских городов с Эдуардом III в Слэйсе он задержался при короле. Затем Ван Артевелде еще и поехал убеждать в преимуществах предложенной идеи в Брюгге и Ипр, в то время как в Генте люди начали роптать, услышав это предложение, и говорили, что Якоб «обрел слишком большую власть и хочет распоряжаться графством Фландрским по своей воле», чего «никак нельзя стерпеть»⁸⁶. К этому промаху, по мнению Фруассара, привела самоуверенность⁸⁷

---

⁸⁵ *Фруассар Ж.* Амьенский манускрипт // Фруассар Ж. Хроники. 1340–1350 / Пер. и прим. М. В. Аникиева. СПб., 2012. С. 134–135; *Oeuvres de Froissart*. Т. 4. Р. 312–313. Отметим лишь то, что Фруассар в первой редакции «Хроник» сообщает о высокой оценке Эдуардом III правления Ван Артевелде: упрекая фламандцев в убийстве Якоба, английский король говорит, что Ван Артевелде правил ими очень мудро.

⁸⁶ «*Vechi cesti qui est trop grans mestres et qui voet ordonner de le conté de Flandres à se volenté: ce ne fait mies à souffrir*». *Oeuvres de Froissart*. Т. 4. Р. 316.

⁸⁷ Самонадеянность или высокомерие (*l'aroganza*) Якоба называет среди возможных причин его убийства и флорентийский хронист Джованни Виллани (ок. 1274 – 1348), живо интересовавшийся событиями во Фландрии, где он прожил некоторое время в начале XIV в. Также Виллани пишет, что гентцы называли Якоба предателем. *Cronica di Giovanni Villani*. Vol. 2. Р. 1514. URL: http://www.letteraturaitaliana.net/pdf/Volume_2/t48.pdf (дата обращения: 30.05.2021). О биографии Виллани см.: Юсим М. А. Джованни Виллани – первый историк Флоренции // Виллани Дж. Новая хроника, или История Флоренции / Пер., статья и прим. М. А. Юсима. М.,

Якоба, который, хотя и постоянно опасался фламандцев⁸⁸, повел себя неосмотрительно.

Недовольство Ван Артевелде усилилось из-за слухов о том, что он отправил в Англию фламандскую казну, куда собирались доходы, причитающиеся графу, которые Якоб годами не тратил⁸⁹. В итоге горожане, и в первую очередь простые ремесленники (*menues gens de mestier*), напали на дом Ван Артевелде. (Возможно, здесь имеются в виду подмастерья. В любом случае хронист, видимо, пытается обвинить в случившемся наиболее бедные слои горожан⁹⁰.) Он попытался успокоить их, напоминая, как много сделал для Фландрии во время своего правления, в том числе, что у гентцев была мирная жизнь, зерно, шерсть и разные другие товары по сходной цене. Тем не менее, Якоба не стали слушать и убили при попытке бежать. В качестве человека, нанесшего смертельный

1997. С. 470–472. (К сожалению, 47 глава 13 книги «Новой хроники», где речь идет об убийстве Ван Артевелде, не была включена в перевод на русский язык.)

⁸⁸ Прямо об этом в истории об убийстве Ван Артевелде говорится только версии из «Римского манускрипта».

⁸⁹ В отрывке фламандской рукописи XV в., опубликованном Н. де Пау, декан ткачей (*deken van den wevers*) Герард Денейс подстегивает недовольство фламандцев Якобом, взывая к существующим социальным противоречиям. Он говорит, что Ван Артевелде, вопреки данным ранее обещаниям, приобрел себе слишком много богатства, домов и лошадей и завязал родственные связи со знатью (“*hij kyndren an verghulde sporen huwen zoude, of hooghe husen zonde doen maken, of hooghe peerden houden tzinen rydene, of groote seat ghadren zoude om ryke te wesen*”), обманув тем самым доверие горожан. *Pauw N. de. Cartulaire historique et généalogique des Artevelde*. P. 246–248.

⁹⁰ *Halsberghe R. Étude historiographique de “Récits d’un Bourgeois de Valenciennes” (1253–1366) // Revue du Nord. T. 65, № 258. 1983. P. 475–476.* Исследовательница сравнивает сообщения автора «Рассказа валансьенского горожанина» и Жана Фруассара (оба хрониста были родом из Валансьена и происходили из городской среды) отмечая, что первый, в отличие от второго, не склонен обвинять низшие классы городского населения во всех злодеяниях.

удар Ван Артевелде, называется ткач (teliers) Тома Дени (хронист путает его имя, в этой же форме оно упоминается и в «Римском манускрипте»). Затем Фруассар делает вывод: «Бедные люди его сначала возвысили, а злые люди его в конце концов убили» (“povres gens l’amontèrent premièrement, et meschans gens le tuèrent en le parfin”). А в уста представителей фламандских городов, оправдывающихся перед Эдуардом III в совершенной гентцами расправе, хронист вкладывает признание заслуг Якоба: послы говорят, что его «участие... во всех делах было весьма полезным и необходимым, а его правление и руководство землей Фландрской было превосходным и мудрым»⁹¹.

В редакции «Хроник» из «Римского манускрипта» в самом начале рассказа о событиях, которые повлекли за собой убийство Ван Артевелде (этот вариант истории – самый пространный и подробный), Фруассар утверждает, что Якоб «сам привел себя к печальному концу» и представляет дальнейшее повествование как объяснение причин подобного утверждения. Среди деталей, добавленных хронистом в этой версии истории, стоит отметить несколько наиболее интересных.

Во-первых, Ван Артевелде, выступая перед гентцами, в качестве аргумента в пользу признания Черного Принца сеньором Фландрии приводит то, что наследник английского престола будет править «по добрым обычаям, соблюдая справедливость и разумный порядок в отношении всех людей» (“gouverneroit la terre et le país de Flandres en tous bons usages, et tenroit justice et raison à tout homme”). Именно соблюдения обы-

---

⁹¹ “...il recongnissoient bien que il leur avoit esté moult propisces et nécessaires à tous leur besoins, et avoit regné et gouverné le pays de Flandres bellement et sagement...”. *Фруассар Ж.* Манускрипты «семейства А/В» // *Фруассар Ж.* Хроники. 1340–1350. С. 471–475; *Oeuvres de Froissart.* Т. 4. Р. 313–318. (М. В. Аникиев опирался при переводе этой редакции «Хроник» не на издание Кервина де Леттенхове, а на публикацию С. Люса, считая её более точной, см.: Аникиев М. В. От переводчика / *Фруассар Ж.* Хроники. 1340–1350. С. 5–6).

чаев фламандцы постоянно требовали от своих графов, выражая недовольство их нарушением. Таким образом, Фруассар вновь представляет Якоба довольно опытным и мудрым политиком, понимающим, какие доводы могут склонить горожан к нужному ему решению.

Во-вторых, хронист из Валансьена пытается сделать причинно-следственные связи в своем рассказе более логичными. Для этого он добавляет к присутствующему также и в «Манускриптах «семейства А/В»» пассажу (почти дословно заимствованному из «Фландрской хроники») о недопустимости, по мнению части фламандцев, лишения прав своего законного сеньора Людовика Неверского, уточнение: им было жаль не столько самого графа, сколько его сына – будущего графа Людовика Мальского (1346–1384). Если отношения с Людовиком Неверским у подданных складывались крайне сложно (возможно, поэтому Фруассару казалось сомнительным, что восставшие могут испытывать к нему симпатии), то наследника графа, по словам хрониста, фламандцы держали в Генте и стремились воспитать нужным себе образом.

В третьих, Фруассар связывает убийство Ван Артевелде с интригами герцога Брабантского⁹², задумавшего выдать свою дочь за Людовика Мальского, в связи с чем правителя соседнего княжества совершенно не устраивали планы Эдуарда III и Ван Артевелде передать Фландрию принцу Уэльскому. Поэтому именно Ян III якобы стоял за волнениями, организованными Тома Дени, который в этой редакции хроник представлен уже как декан (старшина) ткачей (*doyens des tissrans*). Последнего хронист обвиняет в неблагодарности по отношению к Якобу, который сделал ему много добра, поставил его на место главы цеха (*doianné des tellier*)⁹³ и являлся его кумом. Фруассар пишет, что Ван Артевелде был «убит злодейским

---

⁹² О его возможной причастности к событиям сообщает и Джованни Виллани. *Cronica di Giovanni Villani*. Vol. 2. P. 1514.

⁹³ Фруассар в одном абзаце использует два разных термина в отношении должности Тома Дени, а также называет самих ремесленников, напавших на дом Ван Артевелде “*tisserans de draps*”.

образом» (“ochis... mescamment”), хотя до того момента пользовался во Фландрии «большой властью, почетом и успехом» (“qui tant avoit eu d'estat, d'honneur et de prospérités”), и не нашлось желающих отомстить за него, довольно скоро о нем забыл даже вначале разгневанный новостями об убийстве Якоба Эдуард III⁹⁴. Хронист выводит мораль из своего рассказа: «Так вершатся земные судьбы: никто, если он мудр, не должен слишком сильно полагаться на свое преуспеяние в этом мире»⁹⁵, то есть вновь видит ошибку Якоба в излишней самоуверенности⁹⁶.

Таким образом, в подробных рассказах обеих более поздних редакций «Хроник» Фруассар скорее симпатизирует Ван Артевелде, осуждая совершенное жителями Гента преступление. В качестве же причин, которые привели к его убийству (несмотря на выводы о вине в этом и самого Якоба), приводятся большей частью внешние факторы, спровоцировавшие недовольство им горожан и последующие волнения.

Подводя итог проведенному сопоставлению наиболее ярких фрагментов различных хроник, посвященных Якобу ван Артевелде, стоит отметить, что большинство из них отражает весьма противоречивый образ предводителя восставших фламандцев. Лишь авторы «Анонимной бернской хроники» и «Больших французских хроник» стремятся представить Ван Артевелде максимально негативно, на что, в том числе влияют их профранцузские симпатии. Некоторые пассажи, описывающие Якоба и его сторонников в первой из них, восприни-

---

⁹⁴ Отметим, что в «Римском манускрипте» нет пассажа, в котором представители фламандских городов, оправдываясь перед английским королем, признают заслуги Ван Артевелде перед Фландрией.

⁹⁵ “Ensi vont les fortunes de ce monde, ne nuls ne se puet, ne doit confyer, se sages est, trop grandement ens ès prospérités de ce monde”.

⁹⁶ *Фруассар Ж.* Римский манускрипт // Фруассар Ж. Хроники. 1340–1350. С. 261–265; *Oeuvres de Froissart.* Т. 4. Р. 318–324 (между текстом этих глав в опубликованной Кервином де Леттенхове отдельно версией «Римского манускрипта» и четвертой редакцией «Хроник» в данном издании нет каких-либо существенных различий).

маются даже несколько карикатурно. Другие же хронисты, хотя и не слишком расположенные к Якобу, как например создатели «Фландрской хроники», Жан Ле Бель и Жиль Ле Мюизи, акцентируя внимание читателей на тиранических чертах в поступках и стиле правления Ван Артевелде, всё же сообщают и о том, что могло считаться сильными сторонами (ум, умение убеждать) и заслугами Якоба (способность придумать выход из сложной ситуации с английским эмбарго). Вместе с тем хронисты, относящиеся к Ван Артевелде скорее положительно, например, автор «Рассказов валансьенского горожанина» и Жан Фруассар, также не склонны замалчивать негативные стороны правления Якоба (жесткий контроль над графством, выискивание и наказание противников и недовольных, присваивание казны и т.д.). Это создает достаточно сложный образ Ван Артевелде, который, вполне возможно, во многом соответствовал характеру и образу действий реального политического деятеля, хотя рассказы хронистов включают в себя и противоречащие сохранившимся документальным источникам детали.

*Марина Владимировна Винокурова,
Институт всеобщей истории РАН*

НА КАКИХ ЯЗЫКАХ ГОВОРЯТ ДОКУМЕНТЫ МАНОРИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ: К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

В этой статье автору хотелось бы показать, каким образом современный исследователь может прочесть, понять и расшифровать такие специфические источники как документы манориальной истории (в частности, описи маноров¹; их иногда называют также экстендами²). Как, кем и с какими целями создавались эти документы? В чем состоит специфика их содержания?

---

¹ Наблюдения, представленные в этой работе, сделаны на основании изучения следующих источников: *Survey of the Lands of William the First Earl of Pembroke, 1566–67*. Oxford, 1909; *Survey of the Manors of Philipp the First Earl of Pembroke and Montgomery*. 1631–32. Devizes, 1953; *The Survey of the Manor of Rochdale in the County Lancaster, Parcel of the Possessions of the Worshipful Sir Robert Heath, Knt., His Majesty's Attorney General, made in 1626* / Ed. by H. Fishwick. Manchester, 1913. См. о них: *Винокурова М. В.* Мир английского манора. По земельным описям Ланкашира и Уилтшира второй половины XVI – начала XVII в. М., 2004; *Она же.* Описи маноров в Англии раннего Нового времени: Феномен унификации // Феномен унификации в истории. М., 2019. С. 140–161.

² Термин «экстенд» (англ.: «extent») пришел в исследовательский обиход из средневековой практики составления описей. Дело в том, что описи по обмерам (*surveys*) в манорах составлялись не сразу, не за один день, а постепенно, «кусочками», «мерами». Для землемеров, которые производили обмеры крестьянских держаний, домена и пр., это была нелегкая и небыстрая работа. И вот такими частями (мерами) все данные и сведения о земле заносились в документацию курии. Отсюда, по сути, слово «extent» стало практически синонимом слова «survey». В исследованиях по аграрной истории термин «extent», таким образом, равнозначен термину «survey», обозначающему опись земель, которая постепенно, подобно мозаике, складывалась из ежедневных «мер».

Можно ли интерпретировать по преимуществу цифровой язык этих документов как непосредственный знак из прошлого, который сегодня может являться для историка особым инструментом познания? Может ли он восприниматься в качестве приема сознательного «кодирования» данных о прошлом или является бессознательно-необходимым, естественным способом их учета? Какие еще «языки», кроме цифрового, характерны для указанных документов? Как можно проверить достоверность данных, включенных в документы? Нужно ли это делать?

Таким образом, этот текст посвящен вопросу о специфике составления и возможностях исследования и интерпретации главного типа документов по аграрной истории Англии. Речь идет об источниках, на материале которых основано большинство положений и выводов отечественной историографии по социально-экономическому развитию английского манора периода Средневековья и начала Нового времени³.

Это по преимуществу массовые источники. Характеристика их в качестве *массовых* предполагает а) схожие причины и обстоятельства составления описей отдельных маноров, включаемых в свод (кадастр), б) относительно стандартную их форму и содержание, в) большую (измеряемую десятками и сотнями тысяч акров) территорию, подлежащую включению в описи.

Характеристика указанного типа источников для XVI – начала XVII в. может быть дана на примере упомянутых выше крупных земельных кадастров, относящихся, в частности, к юго-западному и северо-западному регионам Англии⁴. Это графства Уилтшир и Ланкашир. Более всего, повторю, нам интересен вопрос о том, как (на основании каких принципов) составлялись описи и как их – сложные источники, «говорящие» на специфических языках – можно исследовать ныне.

В целях характеристики такого рода источников обратимся к

---

³ *Косминский Е. А.* Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М.; Л., 1947; *Барг М. А.* Исследования по истории английского феодализма в XI–XIII вв. М., 1962; *Лавровский В. М.* Исследование по аграрной истории Англии XVII–XIX вв. М., 1966 и др.

⁴ См. сноску 1.

обширному материалу, предоставляемому нам 29 манориальными описями графов Пемброков⁵ в юго-западной Англии. Кроме того, важны будут и описи 20 маноров крупного поместного комплекса Рочдейл в Ланкашире, составленные в 20-х гг. XVII в. и принадлежавшие главному поверенному Карла I сэру Роберту Хиту.

Сначала – об описях поместий графов Пемброков, крупнейших лендлордов периода правления королевы Елизаветы и первых Стюартов. Существует две серии описей их земель. Первая относится к 60-м гг. XVI в., а вторая фиксирует состояние владений этой влиятельной фамилии в 30-е гг. XVII столетия⁶. Основное земледельческое ядро владений графов, как уже упоминалось, было расположено в Уилтшире – одном из графств Юго-Западной Англии. Эти земли издавна являлись частью королевского домена, и только в 50-х гг. XVI в. одновременно с секуляризированными в 1539 г. землями Уилтон-

---

⁵ Здесь имеются в виду графы Пемброки (Пембруки) т. н. «десятой креации». Впервые титул графа Пемброка был учрежден королем Стефаном (1135–1154) для Гилберта фиц-Гилберта де Клер (1100–1148), англо-нормандского аристократа, сторонника короля в гражданской войне 30–50-х гг. XII в. Обладание этим титулом в Средние века было связано с земельными владениями вокруг замка Пемброк и самим этим замком, расположенным на Юго-Западе Уэльса. На протяжении XII–XVI вв. оно девять раз прерывалось и воссоздавалось вновь. Среди графов Пемброков можно отметить таких крупных деятелей английского Средневековья как Ричард де Клер, второй граф Пемброк (по прозвищу Стронгбоу) (1130–1176), «завоеватель Ирландии»; Уильям Маршал (1146–1219), регент Англии в начале XIII в., руководитель королевской армии во время Первой баронской войны (1215–1217). Титул графа Пемброка носил Джаспер Тюдор (1431–1495), дядя короля Генриха VII и лидер Ланкастеров в конце Войн Роз и некоторые другие известные люди. Ныне титул принадлежит Уильяму Александру Герберту, XVIII графу Пемброку и Монтгомери (род. 1978).

⁶ Survey of the Lands of William the First Earl of Pembroke, 1566–67...; Survey of the Manors of Philipp the First Earl of Pembroke and Montgomery. 1631–32...

ского⁷ аббатства они были пожалованы графу Вильяму Герберту Пемброку, после чего и закрепились за его семейством.

Вильям Герберт, граф Пемброк (1501–1570), при котором был составлен земельный кадастр 1566–1567 гг., вначале небогатый рыцарь из семейства Гербертов, мало что имеющий за душой, после женитьбы на Анне Парр, родной сестре шестой жены короля Генриха VIII, был одарен властями землями из секуляризованного монастырского фонда. В 1555 г. он преумножил свое состояние, получив от королевы Марии Тюдор новые владения в графстве Уилтшир.

Сын Вильяма Герберта Генри был не такой уж примечательной личностью (пожалуй, он более всего известен в истории как супруг Мэри Сидни, графини Пемброк, сестры известного английского поэта и «образцового придворного» Филиппа Сидни, автора знаменитой поэмы «Аркадия»). Зато внук первого представителя рода Пемброков десятой креации, тоже Вильям, был канцлером Оксфордского университета, крупным меценатом, любителем и знатоком живописи и поэзии⁸. Поскольку собственных детей у него не было, то все земли перешли по завещанию к его брату Филиппу Герберту, также довольно известному политическому деятелю, фавориту Якова I и Карла I, занимавшему при Стюартах ряд высших

---

⁷ Уилтон – центр владений графов в Уилтшире, а также – центр одноименного аббатства; с XVI в. и поныне это небольшой провинциальный городок, население которого составляет немногим больше 3,5 тыс. человек.

⁸ Именно ему и его брату Филиппу («...to incomparable pair of brethren...») – несравненной паре братьев) посвятил первый том своих сочинений Вильям Шекспир. Это посвящение можно увидеть на титуле т.н. First Folio (Mr. William Shakespeare's Comedies, Histories & Tragedies. London, 1623). Так именуется первый том сочинений Шекспира, опубликованный в 1623 г., оригинал которого находится ныне в Лондоне, в Музее Виктории и Альберта (The Victoria and Albert Museum). Существует немало работ, посвященных First Folio, включающих и историю указанного «посвящения». См., например: *Higgins B. D. R. Printing the First Folio // The Cambridge Companions to Shakespeare's First Folio / Ed. by E. Smith. Cambridge, 2016. P. 30–47.*

государственных должностей. С именами первого и четвертого представителей фамилии Пемброков и связаны два интересующие нас сейчас земельные кадастра.

Составление описей земельных владений было весьма распространенным явлением в практике хозяйственной деятельности манориальных лордов. Необходимость систематизации конкретных правовых норм внутрипоместной жизни, регулировавших ее в рамках сложившегося обычая, объяснялась в основном спецификой экономического развития Англии того времени. Вполне понятно, что лордам – крупнейшим собственникам земли – надо было учитывать владения, полученные из разных источников, особенно в условиях аграрной революции: колеблющейся стоимости денежных знаков, изменения цен на шерсть, зерно и землю. Были нередки и продажи имений, сопровождавшиеся приведением дел в порядок и, прежде всего, подготовкой описей имущества.

Составление первого из интересующих нас сводов манориальных описей было поручено в начале марта 1563 г. особым комиссарам – двум джентльменам, состоявшим на службе у графа Вильяма Герберта, – юристам Чарльзу Воугену (Vowgen) и Роберту Грову (Grove). В течение 1563–1565 гг. ими были проведены предварительные землемерные работы; в результате было описано более 40 маноров⁹.

Экстенды маноров владений Пемброков елизаветинских времен составлены на латинском языке. Они представляют собой 122 пергаменные мембраны, сшитые в несколько связок-томов. В течение трех с лишним веков эти документы пролежали в графской канцелярии и были обнаружены лишь в начале XX в. В 1909 г. источники были обработаны и опубликованы Чарльзом Стратоном.

---

⁹ Автору этой статьи удалось исследовать 12 из них. Еще 17 маноров были изучены по описи этих же земель, сделанной в 30-х гг. XVII в. Сравнительно-статистическое исследование для двух «хронологических срезов» проводилось по 12 манорам, представленным в *обеих описях*. См.: *Винокурова М. В.* Английское крестьянство в канун буржуазной революции середины XVII века. М., 1992.

Второй интересующий нас земельный кадастр из серии манориальных документов Пемброков был подготовлен примерно через три четверти века (в 1631–1632 гг.) двумя землемерами, служившими у графа Филиппа Пемброка и Монтгомери, – Робертом Дрю (Drew) и Вильямом Кентом (Kent). Составленный (на английском языке) в первой трети XVII в. для 17 маноров, он был опубликован Эриком Керриджем лишь в 1953 г. в отчетах Уилтширского общества археологии и естественной истории.

Что же представляют собой эти кадастры как исторические источники? Какой материал они содержат? На каких языках «говорят»? Насколько в них отражена жизнь английского манора?

Во-первых, эти тексты дают представление о размерах крупного землевладения в Англии – Пемброки владели десятками тысяч акров земель, в состав которых входили пашни, луга, пастбища, леса, пустоши и т.д. Все эти данные запечатлены на страницах описей в цифровом выражении.

Во-вторых, из описей (особенно из земельного кадастра 1566–1567 гг.) отчетливо проступает система поместной администрации. Известно, какую роль в жизни английского крестьянина играла манориальная курия¹⁰. В курии держатель после принесения лорду присяги и уплаты вступного файла получал допуск к держанию – копию протокола, в котором фиксировались размеры участка земли, полученного им от лорда манора, типы угодий, сроки держания, различного рода повинности и т.д. Не последняя роль в системе манориальной юрисдикции отводилась и различного типа судам (они перечисляются в конце этой статьи). В текстах упоминаются и служащие манориальной администрации. Это главный управляющий поместным хозяйством (стюард или сенешал), обычно представлявший лорда манора в манориальных судах при рассмотрении дел держателей, бейлифы – приказчики в манорах, дворцовые служащие,

---

¹⁰ См., например, также и протоколы манориальных курий поместья Тоттенхем в Восточной Англии, 1377–1399 гг.: *Tottenham Manorial Court Rolls: Manor Bruces, Dawbeneys, Pembrokes: 1377–1399*. Tottenham, 1961.

выполнявшие хозяйственные функции и т.д.

В-третьих, клерки позаботились и о том, чтобы провести вполне четкую границу между отдельными категориями состава держателей манориального комплекса: деление сельского населения маноров на фригольдеров, копигольдеров и арендаторов дает основание для решения вопроса об особенностях юридической и социально-имущественной дифференциации в их среде.

Наконец, эти тексты дают обширный материал об эволюции рентных отношений. В них обычно содержатся подробные данные о размерах выплачиваемых рент, как денежных, так и натуральных, а зачастую – и отработочных, сообщаются размеры вступных платежей (файнов) и геритов (посмертных платежей).

Манориальные описи и, в частности, экстенды маноров Пемброков, таким образом, позволяют нам использовать их в качестве довольно надежных и репрезентативных источников для выяснения вопроса о специфике развития английского манора. Получить ответы на совокупность многих вопросов, связанных с этой спецификой, является для компактной группы маноров редкой, если не уникальной возможностью даже на одном и том же хронологическом срезе.

Познавательная важность манориальных описей как основного типа источников по истории средневекового манора еще более повышается от того, что их сравнительно-статистический анализ на *различных* хронологических срезах¹¹ позволяет выявлять не просто *статiku*, а *социальную динамику* процессов, имевших место в сельской экономике предреволюционной Англии.

Однако обработка манориальных описей, в том числе и экстендов маноров Пемброков, связана для исследователя, как уже упоминалось выше, с определенными трудностями. Речь идет не столько о сложнейших статистических подсчетах, сколько о тонкостях терминологическо-смыслового анализа.

---

¹¹ В нашем случае, как упоминалось, это 60-е гг. XVI в. и 30-е гг. XVII в.

Дело в том, что в описях того времени проявилось обусловленное спецификой переходной эпохи противоречие между новыми явлениями в социально-экономической действительности и традиционно средневековыми способами отражения этой действительности в манориальной документации. Достаточно упомянуть, например, что термин «копигольдер», обозначающий классический юридический статус английского крестьянина XIV–XVII вв., в описях раннего Нового времени зачастую применялся по отношению к держателю, которого трудно было считать крестьянином по его хозяйственному положению, – ему, как обладателю 150–200 (а иногда и более) акров земли, мог позавидовать любой фермер¹².

Разумеется, причислять такие хозяйства исключительно к крестьянскому типу держаний неправомерно, поскольку указанную площадь вряд ли можно было обработать силами одной семьи; нередко приходилось поэтому прибегать к найму коттеров и батраков. Такого рода обстоятельства приходится иметь в виду при работе с источниками по манориальной истории, внося определенные «коррективы» в записи клерков и

---

¹² Поясним, что речь идет о представителях зажиточных слоев – тех, кто в описях все еще именуется традиционным именно для крестьянства (державшего землю по копии, а, например, не по договору аренды) термином «копигольдер», но по социально-экономической сути вряд ли уже подлежит включению в эту категорию. Скорее, это были «ранние» фермеры, применявшие наемный труд, но в описях традиционно числившиеся как крестьяне-копигольдеры. Налицо расхождение между «буквой» описей и реальной стороной дела. Их еще нельзя считать арендаторами или фермерами (они так не именуется в документах и с правовой точки зрения, как лица, не заключавшие договора об аренде, таковыми и не являются). Но фактически это уже и не крестьяне-копигольдеры. В такого рода случаях при работе с документами мы все же следуем «букве» описи, считая их копигольдерами. Но при исследовании, например, неизбежного в любом случае (в трудах по аграрной истории) вопроса о дифференциации крестьянства, согласно определенной методике исследования, помещаем таких держателей в «верхнюю», самую «зажиточную» категорию «120–150 акров» или даже иногда «200 акров и выше».

стремясь к адекватному реальной действительности смысловому толкованию документов¹³.

Некоторые разделы описей имеют дефекты, что также создает определенные сложности для их обработки. Очень часто исследователю приходится «разгадывать» или расшифровывать истинное значение многих терминов и рубрик, интерпретировать отсутствие тех или иных «позиций» в положении держателей и т.д. Неясно, например, что означает постоянно встречающийся в источниках термин «blank» – «пропуск, лакуна»¹⁴: свидетельствует ли он об истинном отсутствии в тех или иных случаях каких-то данных (рент, вступительных платежей, угодий определенного типа и т.д.) или говорит о небрежности переписчиков, временами, возможно, забывавших внести в описи определенные, подчас весьма важные детали. С другой стороны, известная «дотошность» манориальных клерков в деле составления экстенгов, которая основывалась прежде всего на пристальном контроле их деятельности со стороны односельчан, заинтересованных в адекватном отражении в описях их истинного материального положения, как будто бы опровергает это предположение, равно как и предположение о сознательной небрежности представителей поместной администрации.

Так или иначе, но дефекты подобного рода в описях довольно многочисленны. Однако важна не столько констатация того,

---

¹³ См., например, о специфике и методе исследования вопросов, связанных с дифференциацией крестьянства: *Винокурова М. В.* Мир английского манора... М., 2004. С. 264–288.

¹⁴ Поясню, что это слово встречается именно в самих рукописях, которые мне при посещении поместья Пемброков в 1999 г., во время научной командировки в Англию, приходилось держать в руках, наряду с оригиналами других источников. Эту любезность, после долгого поиска, по поводу которого заранее велись письменные переговоры, оказал мне управляющий поместьем лорда Генри, XVII графа Пемброка, мистер Стентон. См. об этой встрече: *Винокурова М. В.* Мир английского манора. М., 2004. С. 287. Таким образом, его не добавлял в текст публикации описей Чарльз Стратон, благодаря усилиям которого эти документы увидели свет в 1909 г.

что их наличие в определенном смысле влияет на точность статистических подсчетов. Как представляется, важнее помнить другое: при работе с массовыми источниками по манориальной истории точность статистических подсчетов и точность результатов исследования – не одно и то же. Результаты сравнительно-статистического исследования документов манориальной истории зависят прежде всего от исторической логики самих приемов этого исследования. Поэтому при анализе таких сложных источников как описи маноров есть смысл учитывать следующие важнейшие принципы:

1. территориальные пределы изучаемого региона должны совпадать в сравниваемых хронологических разрезах (территориальный принцип);

2. однородность содержания разновременных земельных кадастров должна служить основанием для одних и тех же принципов группировки данных, чем максимально обеспечивается сопоставимость результатов исследования на различных хронологических срезах (принцип идентичности данных);

3. при сопоставлении данных лучше учитывать не только абсолютные цифры, но и процентное соотношение того или иного вида анализируемых позиций.

Ценность сравнительно-статистического исследования, построенного на указанных принципах, значительно повышается, ибо его результаты, являясь в начале анализа абсолютно непредсказуемыми, в конечном итоге полностью поддаются проверке.

Кроме описей маноров графов Пемброков, обратимся, в целях характеристики интересующих нас вопросов, к крупному владельческому комплексу Рочдейл, состоявшему из 20 обширных маноров. Он, как отмечено выше, находился в графстве на северо-западе Англии – Ланкашире и принадлежал на момент описи в 1626 г. генеральному атторнею (поверенному) короля Карла I сэру Роберту Хиту¹⁵. Эти поместья так же, как и комплекс маноров Пемброков в Уилтшире, имеют долгую и

---

¹⁵ The Survey of the Manor of Rochdale in the County of Lancaster, Parcel of the Possessions of the Worshipful Sir Robert Heath, Knt., His Majesty's Attorney General, made in 1626...

достаточно любопытную владельческую историю.

Рочдейл известен со времен нормандского завоевания Англии как часть коронных земель. И даже в описях первой трети XVII в. он все еще, несмотря на ряд «переходов» в XIII–XVI вв. из рук в руки, фиксируется как «часть королевского домена».

История Рочдейла XI–XII вв. темна: источники не проливают хотя бы тусклого света на хозяйственную или владельческую сторону его «жизнедеятельности». Однако известно, что около 1212 г. Рочдейл, состоявший в то время из 20 маноров, был пожалован Иоанном Безземельным (как часть королевского домена) дому герцогов Ланкастерских¹⁶. С этого времени короли Англии начинают «делегировать» свои владельческие права в частные руки (во владение или феодальную аренду) за выплату королевской ренты, уровень которой должен был составлять 4 пенса на акр с наделов держателей.

В середине XV в., во времена правления Эдуарда IV, маноры Рочдейла были взяты у короны в аренду сэром Николасом Байроном (за ренту 18 фунтов 6 шиллингов и 8 пенсов + королевская рента с держателей) и закрепились за домом предков знаменитого английского поэта (при этом по-прежнему являясь частью коронных земель) почти на два столетия.

По истечении в 1625 г. срока этой длительной аренды Байроны не стали возобновлять договора с короной по одной-единственной причине: они были небогаты и не могли более выплачивать ренты. В 1625 г. вступивший на английский престол Карл I через посредничество сэра Ричарда Моллино, управлявшего в то время манорами от имени короля, передает их (за определенную сумму, размер которой, к сожалению, не указан в источниках) сэру Роберту Хиту (Heath), рыцарю, генеральному атторнею его величества (His Majesty's Attorney General). При нем в 1626 г. и были составлены описи 20 маноров Рочдейла.

Однако эти земли недолго пребывали в руках генерального атторнея. Уже через год он заложил их за 2500 фунтов старшему сыну вышеупомянутого Джона Байрона, женатого, к слову, на Анне Моллино, дочери королевского управляюще-

---

¹⁶ Ibid. P. 7.

го. С тех пор – и до 20-х гг. XIX в. – именно представители семейства Байронов являлись владельцами (но по-прежнему при «верховном посредничестве» короля) этих земель. И только в 1823 г. знаменитый Джордж Гордон Байрон продал их одному из местных эсквайров, джентльмену по имени Джеймс Дерден¹⁷.

Такова, вкратце, история маноров Рочдейла. Обращает на себя внимание тот факт, что «владельческая иерархия» Рочдейла включает, как минимум, два слоя номинальных собственников. Это, во-первых, корона и, во-вторых, те представители феодальной знати (включая – с XIII в. – семейство Ланкастеров, а позднее – Хитов и Байронов), к которым, как к владельцам первой руки от короля, периодически переходят указанные земли.

Описи поместья Рочдейл 1626 г. содержат описание четырех приходов восточной части Ланкашира (в бассейне реки Роч), каждый из которых состоял в то время из 3–7 маноров, и в которых, собственно, и были расположены интересующие нас земли. Это был массивный комплекс земель, включавший, как уже упомянуто, 20 маноров общей площадью – согласно нашим подсчетам – около 38 тыс. акров.

Уже из приведенных цифр видно, что источники, фиксирующие их состояние в 1626 г., вполне пригодны для того, чтобы дать нам представление о размерах крупного землевладения в Англии раннего Нового времени. Ведь эти поместья были даже более обширны, чем исследованные нами и охарактеризованные выше крупнейшие владения графов Пемброков в Уилтшире, составлявшие в совокупности по манорам, на основе которых проводилось наше исследование, около 35 тыс. акров. В состав маноров Рочдейла, что естественно, входила пахотная земля, пастбища, луга, вересковые пустоши, болота. Лесов и парков было мало – в описях практически не содержится сведений о них. Зато имелись каменоломни (stone quarries) и даже угольные шахты, хотя и совсем немногочисленные. Фиксируются также сведения о мельницах, рыбных ловлях, кроличьих садках и т.д. Особенностью манориального

---

¹⁷ Ibid. P. 11.

комплекса Рочдейл являлось то обстоятельство, что в нем не было собственно «домена лорда» (его не фиксируют источники), то есть того комплекса земель, на котором, по традиции, должны были отрабатывать барщину крестьяне. И это понятно – ведь Рочдейл, как указывалось, «от века» входил в состав земель короны. Он сам являлся доменом короля. Это обстоятельство наложило глубокий отпечаток на всю его историю и предопределило специфику хозяйственного развития. Однако в источниках зафиксированы общинные земли – правда, они имелись далеко не во всех манорах (лишь в 11 из 20). Их площадь составила, согласно моим подсчетам, 9603 акра (чуть более 25 % общей площади манориального комплекса).

Весьма непривычной особенностью описей маноров Рочдейла явилось то, что при «фиксации» ими типов угодий в каждом из крестьянских держаний они, эти угодья, к сожалению, редко описывались раздельно¹⁸. Эта специфика фиксации угодий держателей Рочдейла, конечно же, существенно затрудняет решение вопроса об особенностях хозяйственной направленности их использования, о выявлении пропорций между пастбищным и пахотным хозяйством, об особенностях огораживаний в Ланкашире и т.д. Хотя, что касается огораживаний в этом регионе, то достаточно беглого взгляда на источники, чтобы понять, что этот процесс, мягко говоря, не отличался здесь размахом: упоминания о них крайне скудны, буквально единичны.

Однако в целом описи, подготовленные служащими манориальной администрации, отличаются необычайной тщательностью в подборке данных. Земли, «зафиксированные» в этих источниках, распределены, в соответствии с правилами составления такого рода документов, по отдельным «рубрикам» – точно так же, как это было сделано манориальными клерками владений графов Пемброков в Уилтшире. Таким образом, подразделение держателей на отдельные, определяемые по прин-

---

¹⁸ То есть для каждого крестьянского держания фиксируется пахотная земля, а земли пастбища, луга, леса и других угодий описаны в общем ряду «иных земель» с указанием названий полей.

ципу сходства, правовые категории в каждом из маноров дает возможность поставить и решить вопрос о юридической и социально-экономической дифференциации в среде крестьянства. Особенностью держательского состава маноров Рочдейла являлось наличие чрезвычайно плотного слоя фригольдеров – исторически это, несомненно, было связано с достаточно свободными распоряжениями на коронных землях. Однако здесь практически полностью отсутствовали отношения договорного типа (аренда). Так же, как и описи маноров графов Пемброков в Уилтшире XVI – первой трети XVII в., документы по манориальной истории Рочдейла содержат сведения и о рентах держателей – но лишь о рентах ежегодных (сведений о файнах, отработках, натуральных выплатах, посмертных платежах держателей в них практически не содержится).

Эта особенность данных текстов может отражать лишь один факт: крестьянство Рочдейла действительно не было обязано манориальным лордам никакими другими платежами, кроме упомянутого вида рент. В данном случае отсутствие файнов или герiotов в описях не могло объясняться ни забывчивостью клерков (или их отказом от принципа исчерпывающего составления документов), ни какими-то другими обстоятельствами. Во внутренней жизни английского поместья при составлении документов в курии не было ничего более важного, чем именно исчерпывающим образом зафиксировать в них земельные держания (более всего пахоту) и ренты.

Все описи в целом позволяют исследовать следующие важные проблемы:

- манориальная и держательская структура (соотношение юридических типов держаний);
- соотношение между сословной принадлежностью держателей и юридическим статусом держателей;
- преобладающая форма крестьянского держания и его средний размер; феномен «последнего вилланства», его отличия от держания по обычаю;
- дифференциация держателей по земельной площади; степень их материальной и правовой «обеспеченности»;
- соотношение сумм рентных платежей с площадью дер-

жаний различных юридических статусов;

– соотношение сумм рент и дохода с единицы держания различных юридических статусов;

– соотношение сумм арендных платежей и сумм платежей традиционных держателей (а также держателей на общем праве);

– сословная и экономическая характеристика аренды;

– роль огораживаний и файнов за допуск к держанию в процессе экспроприации крестьянства;

– проблема свободного держания; фригольд «благородный», «городской» и крестьянский; региональная специфика эволюции фригольда, «иллюзорная» и реальная его дифференциация; проблема доходности свободного держания; корреляция доходов и рент с фригольда;

– сроки традиционных держаний и сроки различных форм аренды;

– роль обычая в жизни английского крестьянства; манориальная курия и администрация как атрибуты манора.

Каковы были принципы составления описей в манориальной курии? Существовал ли определенный алгоритм составления такого рода текстов, «вводивший» в них сведения о повседневности крестьянина? Если существовал, то являлся ли он объективным, диктуемым самой повседневной жизнью, или был субъективным порождением сознания писцов и клерков? Попробуем ответить на этот вопрос.

Надо отметить, что данные о крестьянском хозяйстве в текстах разнесены, как можно заметить сразу же, с первого взгляда, по именам держателей. Какие это данные? Это (см. Приложение 1):

– имя и фамилия держателя;

– сроки держаний;

– площадь земли (как правило, в акрах или долях акра);

– типы угодий (пахота, пастбищная земля, луг, лес и др.; но не у каждого держателя имелись все из них);

– огороженные участки пашни, пастбища или луга (если таковые имеются);

– ренты (в фунтах или составляющих фунта: шиллингах и пенсах);

- доходы (в фунтах; реже – в шиллингах);
- файны (вступительные взносы при вхождении в держание; в фунтах);
- герiotы (посмертные платежи; как правило, в натуральном выражении; обычно лучшая голова скота) или коммутированные герiotы (в шиллингах или фунтах).

Эти «позиции» тщательно расписаны для каждого из сотен и тысяч лиц, зафиксированных описями (в Приложении 1 приведена «ропись» лишь на одно, произвольно взятое хозяйство). Они отмечены клерками с максимальной степенью тщания, скрупулезно, до акра и пенса. Думается, что эти сведения и относительно однотипный характер их фиксации в курии были порождены самой повседневной жизнью крестьянского хозяйства и веками закреплялись в практике манориальных клерков при составлении подобного рода документов; в то же время они не представляли собой, если можно так выразиться, алгоритма «сознательного кодирования» документации¹⁹.

Каковы доказательства всего этого?

По-видимому, они лежат в плоскости повседневности. Как уже указывалось, при составлении описей (особенно на предмет продажи имения) манориальным лордам необходимо бы-

---

¹⁹ Здесь нужны пояснения. Слово «кодирование», применяемое к данному контексту, принадлежит автору статьи, хотя и другие современные исследователи его иногда применяют. Мне оно кажется подходящим для определения того покрова, состоящего из цифр, который характерен для анализируемого типа документов. Без цифр жизнь в этой сфере невозможно было адекватно отразить, поэтому в статье и подчеркивается, что употребление «цифрового покрова» или «кода» или «языка» не было специальной осознанной задачей клерков на предмет, скажем, намеренного «шифрования» действительности, а просто иначе и невозможно было всю эту их многообразную хозяйственную жизнь описать. Отмечу здесь же, что унифицирующий подход клерков не был сознательно применяемым «техническим» приемом составителей описей; он был порожден самой хозяйственной повседневностью манора, которая самым рациональным образом включала в себя упомянутые «позиции» (ренты, файны, типы угодий, стоимость держаний и пр. – все то, что фиксируется в документах).

ло иметь исчерпывающую картину того, чем они владели. Попробуем представить себе продавца имущества или его покупателя, которые при совершении сделки купли-продажи не имеют исчерпывающей картины объекта сделки! Вообразить такое можно с трудом. Здесь сказывался, очевидно, еще и национальный характер англичан с присущей им скрупулёзностью и дотошностью при заключении деловых сделок и составлении соответствующих документов.

Кроме того, и крестьянам тоже было важно зафиксировать в документах курии объективную и исчерпывающую картину состояния их хозяйств – ведь они платили повинности, размер которых исчислялся с земельной площади и которые не должны были быть выше определенного уровня. В противном случае крестьянское хозяйство могло быть ввергнуто в экономический дисбаланс и не обеспечить даже своего простого воспроизводства. Действие невидимых экономических законов (а не сознательное применение некоего «кода» при «переводе» повседневной действительности в цифровой язык поместной документации) помогало сбалансировать и саму повседневность, и ее отражение в документах манориальной истории.

Таким образом, когда исследователь сегодняшнего дня готовит специальную таблицу (см. также Приложение 1) на каждого из держателей, куда вносит все указанные выше данные (в качестве первичного этапа обработки источника), то «сетка» такой таблицы – не выдумка, не изобретение историка, старающегося сплести тенета для того, чтобы уловить повседневность прошлого. Нет, эта «сетка», представляющая в глазах исследователя определенный алгоритм составления описей и помогающая ему в работе, основывается на реалиях *той* жизни, она отражает данные источника, составленного, повторю, максимально тщательно, по показаниям крестьян и обмерам, в присутствии 12 или 24 поверенных в манориальной курии. Не только лорд или администрация манора следили за тщательным составлением описей; эта тщательность и скрупулезность и своего рода «алгоритмичность» были залогом относительной стабильности повседневной жизни самого крестьянства.

Вся эта информация правдива, она отражает истинное состо-

яние вещей. В этой истинности, объективности данных, дошедших до нас из прошлого, также заложена возможность изучения манориальной истории в форме проведения сравнительно-статистических исследований, о которых мы уже упоминали.

Однако для проведения таких исследований – стоит еще раз подчеркнуть это – историку нужно в своих подсчетах по материалам описей непременно соблюдать принцип идентичности данных, фиксируемых как для отдельного держателя, так и для целых категорий держателей по отдельным манорам и в конечном итоге – по отдельным регионам²⁰. *Алгоритм идентичности данных* – вот та особенность составления описей (и базис для их анализа сегодня), которая является залогом успеха при проведении историком сравнительно-статистических подсчетов.

Но и тут имеются трудности для исследователя. Одна из них состоит в том, что приходится преодолевать противоречие между социальными (общими) терминами и конкретными данными источников об отдельных крестьянах. Ведь индивидуумы обозначены в них одновременно именами собственными и сословными терминами. Причем часто в одном имени собственном пересекаются разные «сословные имена»: так, некий держатель может числиться в описи как благородный-эсквайр, при этом быть крестьянином – держателем на общем праве (фригольдером) и одновременно являться владельцем копи-

---

²⁰ Идентичность в данном случае не означает абсолютную «схожесть» или «одинаковость». Имеется в виду следующее. Если, например, историк изучает вопрос о годовых рентах в денежном выражении на одном хронологическом «срезе», то он не может взять данные, скажем, о вступительных взносах или гериотах в том же маноре, работая на другом «срезе». В случае с описями Пемброков – напомним – это 60-е гг. XVI в. и 30-е гг. XVII в. Если на первом «срезе» высчитываются данные для беднейшего крестьянства (коттеров, которые держали не более 5 акров), то для второго нельзя исследовать группы крестьян, которые хозяйствуют на более обширной площади. Иначе мы не получим объективных данных при сравнении. Это относится ко всей большой массе сведений, представленных в источниках (огораживания, доходы, площадь держаний, сословная и имущественная дифференциация крестьян, особенности аренды и т.д.).

гольда в этом же маноре, а, следовательно, быть зачисленным в описи в раздел «копигольд». Тут уже в именах пересекаются не только социальные (сословные) термины, но и социальные статусы земли. Таким образом, анализ манориальных описей на основе специальной методики – это не столько некое «действие» историка, стремящегося построить модель аграрного общества, и состоящее из набора определенных методов и приемов, сколько попытка уловить отражение в источниках того реального, очень сложного и многомерного мира повседневности, который представлял собой мир английского манора.

Итак, из той характеристики, которая дана здесь источником, становится понятным, что основным язык документов – коль скоро речь идет о сравнительно-статистических подсчетах – *цифровой*. Описи полны цифр, почти все их данные – количественные. Современный исследователь должен декодировать этот цифровой «флер» и привести все данные в состояние, удобное для социально-исторического анализа.

Что делать для этого «технически»? Для этого приходится, как уже отмечалось выше, на хозяйство каждого держателя, упомянутого в описях по манорам, составлять отдельную, т.н. «первичную», таблицу (таких хозяйств может быть от 50 до сотни на манор). Затем – сводить их в общие сводные таблицы (сначала по отдельным манорам, а затем по всему комплексу) – причем составлять такие сводные таблицы отдельно по видам земельных держаний, по рентам, по вступным файнам, гериотам, огороженным участкам, имущественным категориям крестьянства для того, чтобы исследовать вопрос о его дифференциации и т.д. Работа историка-аграрника весьма кропотлива...

И данные каждой такой таблицы – не «изобретение» исследователя, а отражение истинной информации. Это отражение определенного алгоритма действий составителей описей, которые, в свою очередь, стремились правдиво отразить в документах, «как все было на самом деле».

На страже этой истинности стоял и внутривотчинный контроль лорда, и охранительный контроль обычая, и стремление каждой крестьянской семьи, глава которой являлся платель-

щиком ренты, к адекватному отражению данных служащими лорда в манориальной документации. Поэтому отмечу еще раз, что вряд ли можно интерпретировать цифровой язык описей в качестве инструмента сознательного кодирования. Нет, конечно. Он, напротив, является бессознательно-необходимым, естественным и единственно возможным способом учета хозяйственных данных.

Кстати, точность и достоверность данных, включенных в описи, можно проверить путем пересчета. Нужно ли это делать? Ну, если кто-то очень захочет. Но небольшие погрешности в подсчетах – что выяснилось на основании многолетнего опыта – не влияют на интерпретацию исследователем цифрового языка источников.

Считаю нужным отметить, что манориальные документы говорят и еще на двух основных языках. Это язык права (как правило, обычного) и язык исторической памяти, причем памяти (если можно так выразиться) повседневной.

Если говорить о признаках правового языка в документах манориальной истории, то придется говорить об обычае. Что такое обычай? Обычай можно определить как исторически сложившееся, основанное на повторяемости действий и, таким образом, достигшее устойчивости правило поведения в той или иной сфере жизни, вошедшее в привычку, то есть представлявшее собой особый алгоритм, закрепленный в памяти поколений традиционностью применения этого «правила-действия». В сущности, обычай представлял собой некий незримый поведенческий вектор, легитимирующий повседневность Средневековья. И в частности, повседневность манора.

Обычай был материальным правом обычного держания, он минимизировал поведенческую анархию в маноре, играя подчас своего рода полицейскую функцию. Кроме того, он придавал прочность и надежность, как говорил Д. М. Петрушевский – «обеспеченность» – крестьянскому хозяйству, держатели которого платили твердые, фиксируемые обычаем, а не волей лорда, ежегодные ренты.

Как именно выражается правовой язык в документах манориальной истории? Это, во-первых: фиксация в особых доку-

ментах (протоколах манориальных курий) правил работы этих курий (в частности, времени заседаний, которые, как правило, проводились за неделю до церковных праздников, а иногда – через неделю после них)²¹.

Во-вторых, фиксация необходимости обращения в различные типы судов.

Так, существовали суды для копигольдеров – *customary courts*; суды лорда для свободных держателей в маноре – *courts baron*, *Lord's court* или *Curia baronia*²²; суды признания лорда

---

²¹ См. о работе манориальной курии: *Винокурова М. В.* Мир английского манора... С. 182–189.

²² В XIII–XIV вв. так (*Curia baronia*, *Court baron*) именовали суд лорда (как господина) в маноре. Позже этим же термином стали определять специальный суд для фригольдеров в поместье – тех, кто по каким-то причинам не мог судиться в городских или королевских судах (в отличие от *customary courts* – упомянутых выше судов для копигольдеров в курии манора, назначаемых в специальные «Судные дни»). В связи с этим возникает вопрос: могли ли приравнивать свободных держателей в маноре к «баронам»? Или, возможно, их считали таковыми? Этот вопрос интересный и важный; он подлежит специальному изучению в дальнейшем. Пока же могу сказать, что к фригольдерам (свободным) относились не только крестьяне; в сословном отношении этот вопрос мог трактоваться шире. В описях к фригольду относят владения не только свободного крестьянства, но и «джентльменов», «рыцарей» и др. – т.н. «благородных». Описи фиксируют также горожан и клириков на фригольде маноров (на земле копигольда, кстати, тоже). По сути, и те люди, которые имели высшие титулы (граф, маркиз, в т.ч. и «барон») с точки зрения общего права также могли считаться лицами, обладающими фригольдом – то есть правом свободного владения. Кроме того, и король владел «фригольдом» – землей Англии и всем своим королевством, единственный из всех в нем обладая полной и безусловной собственностью (*full ownship*). Так что «фригольд» – это универсальный термин общего права. В этом смысле иногда и по отношению ко всему свободному населению манора, вне зависимости от сословной принадлежности, применяли слово «барон» – как в городе его применяли по отношению к полноправным горожанам. К крестьянам-фригольдерам, конечно, нечасто, но такие примеры мне встречались. Этим термином, по всей видимости, охватывали всех свободных; он

держателями (в качестве господина), на которых крестьяне приносили феодальную присягу и выплачивали денежные взносы за участки – *courts of recognition*; специальные суды для составления и подтверждения описей – *courts of survey* и некоторые другие.

Это также наличие важных правовых данных, присутствующих в протоколах, которые свидетельствуют о порядке проведения судов, об особенностях проступков и наказаний в маноре и за его пределами, о практике взаимоотношений поместных судов с судами графств, о недоразумениях между лордами и шерифами и о многом-многом другом.

И наконец, это наличие особой правовой терминологии, которая нередко нуждается в расшифровке с учетом необходимого знания социальной реальности. Так, например, в документах XVI в. все еще существуют любопытные термины, связанные с вилланским прошлым копигольда, то есть личной несвободой английского крестьянина, – те, которые первоначально были представлены в источниках более раннего времени (XII–XIII вв.): *sak*, *sok*, *toll*, *team*. Приведем их социально-правовую интерпретацию. «*Soc*» – это право лорда «держать суд» (*libera curia*) и принуждать держателей судиться в

имел, если можно так выразиться, «уважительный» оттенок по отношению к «свободному» статусу в маноре. В отличие, например, от вилланского статуса. Кстати, и Ф. У. Мейтланд, ссылаясь на знатока английского общего права Эдуарда Кока, писал о том, что по отношению к свободным крестьянам внутри манора применяли слово «барон», уважительно подчеркивая этим, помимо почтения к статусу, и еще одно обстоятельство. Дело в том, что в теории общего права любой манор с правовой точки зрения не мог быть позиционирован как манор (то есть как базовая прекарная система феодального господства и подчинения), если в нем не имелось хотя бы двух фригольдеров, которые могли бы составить судебное Жюри в данном поместье. Эта правовая теория, изложенная Э. Коком в его «Комментариях на Литтлтона», получила название «теории двух фригольдеров». Она сложна и пока изучена совершенно недостаточно. См.: *Maitland F. Select Pleas in Manorial and Other Seigneurial Courts. Vol. 1. Reigns of Henry III (1216–1272) and Edward I (1272–1307). London, 1889. Introduction. P. 60–80.*

куриальном суде. «Sac» – право налагать судебные штрафы, вытекающее из указанного права суда. Обычно эти термины в документах употреблялись вместе: «*sac and soc*». Термином «*toll*» именовалось право налагать поборы и пошлины на вилланов. Слово «*team*» означало право лорда на потомство виллана («*right to the progeny*», «*the brood*»), то есть на его детей как на «приплод» лорда. Это право, как отмечают исследователи, составляло «невыносимо грубую черту» вилланского состояния²³. Наличие этих терминов в документах XVI в. явно свидетельствует, наряду с другими «приметами», о долгом веке вилланского состояния²⁴.

Должна также сказать, что язык исторической памяти как памяти повседневной (то есть определенного набора норм и традиций, касающихся жизни деревенской общности, идущих из прошлого и передаваемых в маноре из поколения в поколение) также очевиден в документах манориальной истории. Памятью пронизан и обычай, крестьянская повседневность во всем ее многообразии, и правила наследования земли и другого имущества, и топография манора, и его демография (все семейные традиции), и общинные распорядки и многое другое. О каждой из этих «составляющих» можно было бы написать не одну исследовательскую статью²⁵.

Живая память, отраженная в документах, питает интуицию исследователя особенно на том этапе, когда удается уже расшифровать цифровой и правовой язык документов. Но язык

---

²³ *Maitland F.* Select Pleas in Manorial and Other Seignorial Courts. Vol. 1. Reigns of Henry III and Edward I. London, 1889. P. 12–13.

²⁴ См.: *Савин А. Н.* Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903; *Винокурова М. В.* Кто такие «последние вилланы» в Англии XVI в.? // Средние века. М., 2001. Вып. 62. С. 84–95.

²⁵ Здесь я лишь упоминаю о проблеме «языка памяти». Более основательно этот вопрос был поставлен ранее. См.: *Винокурова М. В.* Формы передачи памяти в средневековом английском маноре // Историческая память. Люди и эпохи. М., 2010. С. 55–58. Однако вопрос настолько важен, что о нем в дальнейшем еще предстоит думать и писать.

памяти неотделим в то же время от других «языков» этих документов. Не надо считать, что они существуют изолированно друг от друга. Нет, они основательно переплетены – и этот своеобразный симбиоз языков, на которых говорят документы, как раз и является залогом, если можно так сказать, – не столько субъективной, сколько, в конечном счете, – объективной интерпретации подобного рода источников.

Приложение 1.

Фрагмент из описей маноров графа Филиппа первого Пемброка и Монтгомери 1631–1632 (Survey of the Manors of Philipp the first Earl Pembroke and Montgomery, 1631–1632. Devizes, 1953 // Wiltshire Archaeological and Natural History Society. Records Branch. Vol. 9 / Ed. by E. Kerridge. P. 39.)

William Barnes (40), John, his brother (36) and Henry (60), their father, hold by copy, 11 November 21 James (1623), by grant of William, Earl of Pembroke, under fine of 50 s., a messuage or tenement and a yardland in Teffont; rent 9s. 6d.; heriot the best beast. To which belong a dwelling house and barn, each of 3 rooms, a stable and cow house of 2 rooms, an orchard, garden and backside (by measure 1 ac.), a close of meadow called Home Mead (1, $\frac{3}{4}$ ac.), closes of arable called Watcombe (2 ac.) and Gasson (1, $\frac{1}{2}$ ac.), another close called Hill Close (1, $\frac{1}{2}$ ac.), 1 ac. of underwood in Thickthoarn and 20 ac. 10 lugs of arable in the common fields, whereof in the East Field 6, $\frac{1}{4}$ ac., in the Middle Field 8, $\frac{1}{4}$ ac., and in the West Field 5, $\frac{1}{2}$ ac. 10 lugs; with common of pasture for 6 beasts and 60 sheep. Reputed a yardland. Worth 10 £. Acre – акр = 4047 кв. м. (немногим менее половины гектара: 0,45 га.).

Yardland – ярдленд = около 30 акр.

Lug – лаг = $\frac{1}{4}$ акр.

Close – участок огороженной (под пастбище для овец) пахотной земли или луга.

Имя, возраст	Срок	Пашня	Пастб.	Огораж.	Лес	Рента	Файн	Доход	Гериот
William Barnes (40)	hold by copy;	20 acr. 10 lugs (2,5 a.)	blank	1,3/4 acres of meadow;	1 acre	9 s.6 d.	50 s. =	10 £	the best beast
John, his Brother (36)	for 3 lives	Total: 22,5 acres		2 acres of arable; 1,5 acres of arable; 1,5 acres		Total: 9,5 s.	2,5 £		
Henry, father (60)				Total: 6, 3/4					
3	3 lives	22,5		6, 3/4	1	9,5 s.	2,5 £	10 £	

Имя, возраст: William Barnes (40); John (36), his brother; Thomas (60), their father.

Срок держания²⁶: 3 жизни (обычно 21 год).

От кого держат: William Earl of Pembroke.

Пахота (Arable): 20 акр. 10 лагов (2,5 акр.) = 22,5 акр.

Пастбище (Pasture): не указано

Луг, лес, подлесок (Meadow, forest, undergrowth): 1 акр. (подлесок)

Огороженные участки (Enclosures): 1 $\frac{3}{4}$ акр. луга + 2 акр. пашни + 1,5 акр. пашни + 1,5 акр. = 6, $\frac{3}{4}$ акр.

Рента (Rent) 9 ш. 6 п. = 9,5 ш.

Файн (Fine): 50 ш.

Гериот (Heriot) лучшая голова скота (the best beast)

Доход (Worth): 10 фунтов

Количество скота (Cattle): 60 овец, 6 голов скота

Имущество (Movables): дом, амбар, конюшня, коровник, сад, задний двор и др. (всего на S = 1 акр.)

Общая площадь: 31, 25 акр., включая площадь под хозяйственными постройками.

---

²⁶ В данном примере представлено одно хозяйство, но записано оно на трех держателей (три имени = три «жизни», согласно терминологии описей). Это наиболее типичный случай, т.н. «держание на три жизни»; в копии, согласно обычаю, нередко указывались имена детей, а иногда жены и ребенка как ожидаемых «правопреемников» – в дополнение к основному держателю. Это означало, что в курии после смерти отца «через руки лорда» земля перейдет к этим людям, если основной держатель не укажет каких-то иных лиц. Держания на «одну жизнь» (одно имя в документе) встречаются редко. Правилom было наличие трех имен. Об этом немало написано в монографиях всех наших аграрников.

*Сергей Сергеевич Лазарев,
Санкт-Петербургский государственный университет*

О ПРАКТИКЕ ПРИМЕНЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ СТАТУТОВ «PRAEMUNIRE» В АНГЛИИ XIV – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI В.

После нормандского завоевания Англии в 1066 г. король Вильгельм Завоеватель (1066–1087) издал ордонанс, согласно которому церковные суды отделялись от светских. Это способствовало не только увеличению влияния церкви, но и создало условия для постоянных конфликтов между королевской и церковной юрисдикцией. Наиболее известным конфликтом между английской короной и церковью является противостояние Генриха II Плантагенета (1154–1189) с Томасом Бекетом, архиепископом Кентерберийским, из-за Кларендонских конституций, которые попытались отрегулировать апелляционную юрисдикцию церковных судов¹. Но данные конституции не были приняты, а архиепископ поплатился за это своей жизнью. Вновь отношения между церковной и светской властью обострились в период царствования Иоанна Безземельного (1199–1216), который вступил в конфликт с папой Иннокентием III (1198–1216). Результатом этого столкновения стала вассальная зависимость Англии от папского престола. Папство смогло не только расширить юрисдикцию церковных судов, но и ограничить права английской короны. Проявлением данной зависимости была ежегодная подать, выплачиваемая Англией папе в размере 1000 марок².

Изменить такое положение дел стало возможным только в XIV в., когда английские короли начали ограничивать полно-

---

¹ Памятники истории Англии XI–XIII вв. / Пер. и введ. акад. Д. М. Петрушевского. М., 1936. С. 72–73.

² *Леонова Т. А.* «Если Папа – француз, то англичанин – Христос»: английский контекст борьбы за суверенитет с авиньонским папством // Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии. Вып. 5. 2016. Т. 5. С. 122–124.

мочия папского престола. Для этой цели в правление Эдуарда III (1327–1377) и Ричарда II (1377–1399) были изданы серии статутов «Provisors» (1351, 1390 гг.) и «Praemunire» (1353, 1365, 1393 гг.). Принятие статутов «Provisors» было ответом на повышенные требования папства по сбору аннатов³ и сервисий⁴ в период Авиньонского пленения пап (1309–1377). Кроме этого, статуты касались вопросов защиты сложившейся в Англии системы патроната и назначений на церковные бенефиции⁵. Недовольство вызывало то, что папа жаловал многие бенефиции иностранцам, как правило итальянцам, которые не могли должным образом исполнять свои духовные обязанности из-за незнания языка своей паствы и вывозили деньги из королевства⁶. Преступлением по статутам «Provisors» считалось принятие или покупка папской провизии⁷ на тот бенефиций, *advowson*⁸ которого находился в руках короля или был спорным между королем и папой⁹. Статуты «Praemunire» регу-

---

³ Сбор, поступающий в римскую курию при получении бенефиция.

⁴ Побор, взимаемый с патриархов, архиепископов, епископов, аббатов и иногда с приоров в случае их посвящения или конфирмации понтификом в консистории.

⁵ Weale C. A. Patronage priest and parish in the archdeaconry of Huntingdon 1109–1547. London, 1996. P. 90.

⁶ Parliament Rolls of Medieval England, 1275–1504 (PROME, 1351) / Ed. by C. Given-Wilson, P. Brand, etc. Woodbridge, 2005. URL: <https://www.british-history.ac.uk/no-series/parliament-rolls-medieval/february-1351> (дата обращения: 05.06.2021).

⁷ Папская провизия – документ, представляющий собой письменное постановление или буллу, вручаемый папой будущему держателю бенефиция. Условием для получения такой буллы было подтверждение об обязательстве выплаты анната или сервисия. См.: *Потехина И. П.* Основные способы увеличения прибыльности папских бенефициальных налогов в Средние века // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 7. 2008. С. 89.

⁸ Право распределения церковных приходов, бенефициев.

⁹ The Statutes of the Realm. 1101–1713 / Ed. by A. Luders, T. Tomlins. London, 1810. Vol. 1. P. 318; The Statutes of the Realm. 1101–1713 /

лировали апелляционные иски к суду римской курии, а позднее и к церковным судам внутри королевства¹⁰.

Именно статуты «Praemunire» являлись краеугольным камнем в противостоянии между королевскими и церковными судами, конкурировавшими за расширение собственной юрисдикции. Следует отметить, что обе судебные системы представляли собой совокупность различных трибуналов. В структуру королевской юстиции входили Вестминстерские суды¹¹: Суд королевской скамьи, Суд общих тяжб и Суд казначейства. Система церковного судопроизводства в Англии была разделена в административном плане на две архиепархии (Кентербери и Йорк), в каждой из которых были свои трибуналы. В архиепархии Кентербери существовало три суда: суд Арки, Прерогативный суд провинции Кентербери и суд Аудиенции. В Йорке была такая же троичная структура: Канцлерский суд архиепархии, суд Казначейства и суд Аудиенции. На уровне диоцезов действовали суды консистории, на которых председательствовал генеральный викарий епископа. В Лондоне действовал суд консистории диоцеза Кентербери – Комиссариатный суд¹².

Некоторое время считалось, что статуты «Provisors» и «Praemunire» не исполнялись. С. Дэвис в своей статье утверждала, что статут «Provisors» 1351 г. не исполнялся из-за заключения в 1377 г. конкордата между короной и папством¹³. Р. Дж. Дэвис полагал, что в 1390-х гг. Ричард II не поощрял своих судей к агрессивной политике против церковных судов, поэтому статуты «Provisors» и «Praemunire» практически не применялись. Это объясняется тем, что король признавал ду-

---

Ed. by A. Luders, T. Tomlins. Vol. 2. London, 1816. P. 72.

¹⁰ *Pantin W. A. The English Church in the Fourteenth Century. Cambridge, 2010. P. 85.*

¹¹ Этот термин используется для обозначения высших (королевских) судов в средневековой Англии.

¹² *Паламарчук А. А. Цивильное право в раннеюэртвовской Англии: институты и идеи. СПб., 2015. С. 229–230.*

¹³ *Davies C. The Statute of Provisors of 1351 // History. 1953. Vol. 38. № 133. P. 131–132.*

ховный авторитет папы и защищал церковные свободы и собственность¹⁴. Но исследование Д. Мартин показало, что только в период с 1376 по 1394 гг. в суде королевской скамьи было рассмотрено 91 судебное дело по статуту «Praemunire»¹⁵. Д. Ф. Гослинг установил, что сложность изучения обращения к статутам «Praemunire» заключается в том, что они могли находиться в тесной связи со статутами «Provisors». Хотя и те и другие статуты регулировали разные вопросы, были случаи, когда получение папской провизии (утверждения в бенефиции) в силу технических оговорок могло расцениваться как апелляция к римской курии. В таких ситуациях мог применяться не статут «Provisors», который регулировал вопросы о назначениях на церковные бенефиции, а статут «Praemunire»¹⁶.

Следует отметить, что в английской судебной практике термин *praemunire* был полисемантическим. Можно отметить три основных значения, в которых он применялся: 1) сам статут «Praemunire»; 2) судебное предписание *praemunire facias*; 3) преступление *praemunire* за нарушение одноименного статута.

Название статуты «Praemunire» и судебных предписаний *praemunire facias* возникло из-за неправильного прочтения классической латыни средневековыми юристами. Глагол *praemunire* в классической латыни означал «укреплять», однако в средневековой латыни его перепутали с глаголом *praemonere* – «предупреждать заранее, предостерегать, увещевать». Подобного рода предписание содержало приказ шерифу сообщить подозреваемому о том, что он должен предстать перед королевским судом из-за нарушения статута

---

¹⁴ *Davies R. G.* Richard II and the Church // *Richard II: The Art of Kingship* / Ed. by A. Goodman and J. Gillespie. Oxford, 1999. P. 96.

¹⁵ *Martin D.* Prosecution of the Statute of Provisors and Praemunire in the king's bench, 1377–1394 // *Fourteenth Century England* / Ed. by J. S. Hamilton. Woodbridge, 2006. P. 115.

¹⁶ *Gosling D. F.* Church, State, and Reformation: the use and interpretation of Praemunire from its creation to the English break with Rome. Leeds, 2016. P. 15. URL: <http://etheses.whiterose.ac.uk/16474/> (дата обращения: 30.03.2021).

«Praemunire». Содержание статута «Praemunire» можно обобщить следующим образом: лицо, решившее подать апелляцию в римскую курию, или получившее буллу или какое-то иное пожалование, затрагивающее интересы короля и короны, лишается королевской защиты, а его имущество конфискуется. В 1353 г. по петиции Палаты Общин был издан первый статут «Praemunire» (27 Edw. III, Stat. 1, с. 1). Её члены были обеспокоены тем, что некоторые лица королевства обращались «в любой другой суд»¹⁷ за пределами Англии по вопросам, которые находились в юрисдикции королевского суда, или пытались оспорить решения королевского суда. Их предложение означало, что римская курия перестанет осуществлять полномочия высшей апелляционной инстанции¹⁸. Один из пунктов этой петиции требовал лишения королевской защиты, конфискации товаров и имущества лиц за неявку в королевский суд по истечении двух месяцев после выдачи судебного предписания *praemunire facias*¹⁹.

Следует отметить, что статут «Praemunire» 1353 г., по-видимому, был плохо предан огласке. Единственное упоминание об этом законе в 1350-х гг. – это правовая дискуссия о правильном применении статута, начиная с 1356 г. Никаких явных жалоб со стороны папства или английской церкви по поводу статута не поступало²⁰. Кроме того, статут «Praemunire» 1353 г. был сфокусирован на обвинении тех лиц, которые подрывали авторитет королевской власти, что не вызывало протестов папы.

Через двенадцать лет в 1365 г. был издан второй статут «Praemunire» (38 Edw. III, Stat. 2, с. 1–2). Примечателен тот факт,

---

¹⁷ The Statutes of the Realm. 1101–1713. Vol. 1. P. 329.

¹⁸ Pantin W. A. The English Church... P. 85.

¹⁹ Parliament Rolls of Medieval England, 1275–1504 (PROME, 1353) / Ed. by C. Given-Wilson, P. Brand, etc. Woodbridge, 2005. URL: <http://www.british-history.ac.uk/no-series/parliament-rolls-medieval/september-1353> (дата обращения: 30.03.2021).

²⁰ Brown A. L. The Governance of Late-Medieval England 1272–1461. London, 1989. P. 174.

что жалобы, рассмотренные на заседании парламента в тот же год, были представлены лично королём, а не Палатой Общин. К середине 1360-х гг. отношения между Эдуардом III и папой Урбаном V (1362–1370) испортились по трём основным причинам. Во-первых, Урбан V запретил брак Эдмунда Лэнгли, одним из сыновей Эдуарда III, с Маргаритой Мальской, наследницей графа Фландрии. Этим браком король попытался закрепить Фландрию за будущими наследниками этой пары. Урбан V, отказавшись предоставить Эдмунду и Маргарите разрешение, одобрил брак Маргариты с Филиппом Бургундским, младшим сыном французского короля Иоанна II Доброго (1350–1364). Во-вторых, это было связано с бенефициальной политикой папства, когда Урбан V произвел резервирование²¹ всех епископских бенефициев с доходом свыше 200 флоринов и монастырских с доходом свыше 100 флоринов²². В-третьих, причиной ухудшения отношений являлась продолжавшаяся подача апелляций в римскую курию против решений королевского суда как английским духовенством, так и мирянами²³.

Последнее хорошо иллюстрирует спор, возникший между Уильямом Линном, епископом Чичестерским, и Ричардом Фицаланом, графом Арунделом, когда первый был отлучен от церкви в суде Арки²⁴. Линн обратился к папе Урбану V, который отменил решение суда и немедленно попытался перевести епископа из Чичестера в Лондон. Однако епископ Линн

---

²¹ Папские резервации – канонический принцип, позволяющий первосвященнику по своему усмотрению замещать и облагать разнообразными поборами любой бенефиций, относящийся к той или иной категории духовных владений или должностей. Подробнее см.: *Потехина И. П. Основные способы...* С. 85–89.

²² *The New Cambridge Medieval History. Vol. 6. 1300–1415.* Cambridge, 2008. P. 669.

²³ *Parliament Rolls of Medieval England, 1275–1504 (PROME, 1365) / Ed. by C. Given-Wilson, P. Brand, etc.* Woodbridge, 2005. URL: <https://www.british-history.ac.uk/no-series/parliament-rolls-medieval/january-1365> (дата обращения: 22.05.2021).

²⁴ Высший апелляционный суд архиепархии Кентерберги, располагавшийся в Лондоне.

отказался от перевода и вызвал Фицалана и ряд его сторонников в римскую курию в начале 1364 г., чтобы они ответили за причиненный ему ущерб²⁵. Поскольку и Линн, и Фицалан занимали высокое место в социальной иерархии, этот спор привлек личное внимание короля.

В конце того же года Эдуард III написал письмо новому французскому королю Карлу V (1364–1380), объяснив, что действия Урбана V против графа Арундела могут создать проблемы не только для английского, но и для французского короля: «Дорогой и любимый брат, мы недавно узнали, что папа из-за совершенно ложных и необоснованных обвинений, выдвинутых в адрес нашего дорогого и верного кузена Ричарда, графа Арундела и Суррея, одного из великих пэров нашего королевства и главных должностных лиц нашего совета, приказал лично вызвать его ко двору вместе с другими влиятельными, обеспеченными и уважаемыми людьми, что кажется нам совершенно неправильным...» («Dear and beloved brother, we have recently heard that the pope, on account of utterly false and baseless accusations made to him, has caused to be summoned personally to his court our dear and faithful cousin Richard earl of Arundel and Surrey, one of the great peers of our realm and chief officers of our council, together with other notable and sufficient and well-respected persons, which seems to us quite wrong...»)²⁶. По словам Эдуарда III, такая политика папы может ограничивать власть короля; более того, то, что в этот раз был вызван англичанин, не означало, что в следующий раз не будет вызван француз²⁷. Остальная часть письма касалась бенефициальной реформы папы, направленной на борьбу с плюрализмом²⁸. В период между написанием этого письма и январским парламентом 1365 г. отношения между английским королем и папой стали еще более напряженными из-за вышеупомянутого отказа дать разрешение на брак Эдмунда Лэнгли с

---

²⁵ *Given-Wilson C. The Bishop of Chichester and the Second Statute of Praemunire, 1365 // Historical Research. 1990. P. 131.*

²⁶ *Given-Wilson C. The Bishop of Chichester... P. 135.*

²⁷ *Given-Wilson C. The Bishop of Chichester... P. 135.*

²⁸ Одновременное владение несколькими бенефициями.

Маргаритой Мальской. По мнению У. А. Пентина, общее настроение по отношению к папству в Англии также было негативным. После побед англичан при Креси и Пуатье в 1346 и 1356 гг., казалось нелогичным, что папство занимало настолько профранцузскую позицию²⁹. Как отмечает Т. А. Леонова, у английской стороны были поводы сомневаться в беспристрастности пап в англо-французском конфликте. Например, в 1362 г. папа Иннокентий VI (1352–1362) предоставил субсидию, собранную с английского духовенства, в качестве части выкупа за плененного французского короля Иоанна II Доброго³⁰.

Тогда в 1365 г. Эдуард III подал в Суд королевской скамьи иск против Линна на том основании, что он вызвал графа Ричарда Фицалана, сэра Эдварда де Сент-Джона и других лиц в римскую курию с ходатайством, которое подлежало юрисдикции английской короны. Первоначально иск был основан на статуте «*Praemunire*» 1353 г., потому что он был подан ещё до заседания парламента в 1365 г. Адвокат епископа сначала попытался возразить, что Линн не должен быть привлечен к суду, но адвокат короля заявил о том, что на последнем заседании парламента был принят второй статут «*Praemunire*», согласно которому любое лицо несёт ответственность за подачу апелляций за пределы королевства. В итоге дело завершилось тем, что епископ был лишён защиты короля, а все его имущество и земельные наделы конфисковали³¹.

Статут «*Praemunire*» 1365 г. так же, как и предыдущий, не был направлен против папства, несмотря на продолжающиеся споры между королем и папой. Новый статут в первую очередь затрагивал священнослужителей внутри королевства, таких как У. Линн, которые стремились обойти королевское правосудие в своих целях. Законодательство первых статутов «*Praemunire*» только затрудняло взаимоотношения между светскими и церковными судами. В том же году, когда был

---

²⁹ *Pantin W. A. The English Church...* P. 82.

³⁰ *Леонова Т. А. «Если Папа...»* С. 119–120.

³¹ *Select cases in the Court of King's Bench under Edward III / Ed. by G. O. Sayles. London, 1965. Vol. 6. P. 143–145.*

принят второй статут «*Praemunire*», декан и глава церкви Святого Петра (Эксетер) обратился к королю с просьбой, чтобы местные викарии могли беспрепятственно служить Богу, так как они преследуются и в римской курии, и в королевском суде из-за спорного представления бенефиция архидиакону Корнуолла. Король принял решение о том, что королевский суд не должен рассматривать это дело, ибо бенефиций архидиакона был получен не от короля, и иск мог быть подан на рассмотрение в церковный суд³².

Таким образом, можно заключать, что статуты «*Praemunire*» 1353 и 1365 гг. не запрещали обращения в папскую курию, а регулировали их. После издания второго статута «*Praemunire*» стороны взяли за правило спрашивать совета или разрешения короля, прежде чем подавать апелляцию за пределами королевства. Это подтверждает случай, когда в 1366 г. приор и монастырь Св. Освальда подали королю петицию с просьбой разрешить обратиться в римскую курию с апелляцией по поводу ежегодной ренты от церкви Лита, либо заверить, что, если они подадут дело в королевский суд, то Джон де Болтон, пастор Лита, не предъявит им обвинение в римской курии. Было приказано заставить Болтона принести присягу перед Судом королевской скамьи, и пообещать не подавать иск в римскую курию под страхом конфискации имущества. Кроме того, если Болтон откажется явиться в суд в указанный день, то его имущество должно быть конфисковано в качестве наказания за неявку³³. Тот факт, что вышеупомянутое разрешение было запрошено, предполагает желание избежать наказания за обращение в суд за пределами королевства.

Следующий этап в развитии законодательства «*Praemunire*» связан с работой парламента, собравшегося 21 января 1393 г. Одним из рассматривавшихся на нем вопросов было обсуждение статута «*Provisors*», принятого в 1390 г., чтобы избежать

---

³² Calendar of Close Rolls Preserved in the Public Record Office, Prepared Under the Superintendence of the Deputy Keeper of Records: Edward III. London, 1910. Vol. 12 (1364–1368). P. 125–126.

³³ Gosling D. F. Church, State... P. 93.

споров между королем и папой. Результатом работы парламента стало издание очередного статута «Praemunire», который принято называть «Великим статутом Praemunire» (16 Ric. II, с. 5). Принятию этого статута способствовали жалобы, поданные через петицию Палаты Общин, как и в случае с первым статутом «Praemunire»³⁴. Необходимо отметить, что статут «Praemunire» в редакции 1393 г. назначал наказание как тем, кто не явился в королевский суд после предупреждения, так и тем, кто появился и был признан виновным. При этом наказание за нарушение статута «Praemunire» оставалось прежним: лишение королевской защиты и конфискация имущества³⁵. Это хорошо демонстрирует дело клерка Джона Фостера из Гновешала, который был обвинён в 1428 г., так как не явился в королевский суд, нарушив статут «Praemunire». Дело закончилось тем, что Фостер был лишён королевской защиты, а его имущество конфисковано³⁶. Как видно, статут «Praemunire» 1393 г. в отношении наказаний не устанавливал ничего нового.

В 1434 г. была созвана конвокация³⁷ для обсуждения ряда жалоб английского духовенства. Одна из этих жалоб зафиксировала новое применение судебных предписаний *praemunire facias*, которые теперь были направлены не только против апелляций к римской курии, но и на ограничение юрисдикции английских церковных судов³⁸. Это можно объяснить тем, что основанием для новой интерпретации стала неоднозначная фраза в тексте «Великого статута Praemunire»: если кто-либо обращается «в римскую курию или в другое место (*ou*

---

³⁴ Parliament Rolls of Medieval England, 1275–1504 (PROME, 1393) / Ed. by C. Given-Wilson, P. Brand, etc. Woodbridge, 2005. URL: <https://www.british-history.ac.uk/no-series/parliament-rolls-medieval/january-1393> (дата обращения: 23.05.2021).

³⁵ The Statutes of the Realm. 1101-1713. Vol. 2. P. 85.

³⁶ Gosling D. F. Church, State... P. 91.

³⁷ Конвокации – собрания духовенства, созываемые архиепископами для обсуждения духовных дел.

³⁸ Records of Convocation V: Canterbury, 1414–1443 / Ed. by G. Bray. Woodbridge, 2005. P. 345.

aillours) [по] любым таким переводам, предписаниям и приговорах об отлучении, буллам, документам или любым другим вещам, которые направлены против короля, его короны, его правления или его королевства... то он будет лишен защиты короля, а его земли, владения, товары и движимое имущество перейдут нашему господину королю» (“in the Court of Rome, or elsewhere (*ou aillours*), by any such Translations, Processes, and Sentences of Excommunications, Bulls, Instruments, or any other Things whatsoever, which touch the King against him, his Crown, and his Regalty, or his Realm... shall be put out of the King's Protection, and their Lands and Tenements, Goods and Chattels, forfeit to our Lord the King”)³⁹. Следует отметить, что «Великий статут *Praemunire*», как и предыдущие статуты «*Praemunire*» запрещал только те апелляции, которые затрагивали интересы английской короны. Новация статута заключалась в том, что под фразой «другое место» (“*ou aillours*”) стали подразумевать английские церковные суды.

Но вплоть до прихода Тюдоров к власти новая практика применения статутов «*Praemunire*» не получила широкого распространения. Это можно объяснить тем, что внутренние и внешние политические противоречия, осложненные Войнами Роз (1457–1488), оттеснили вопрос о регулировании границ юрисдикции. Однако с приходом к власти Генриха VII (1485–1509) королевская власть постепенно крепнет. Немалую помощь в наступлении на церковную юрисдикцию оказывали юристы общего права. С 1490-х гг. королевские юристы преднамеренно использовали статуты «*Praemunire*», чтобы ограничить юрисдикцию церковных судов. Одним из самых известных и влиятельных юристов был сэръ Джон Фине, назначенный главным судьей королевской скамьи в 1495 г. и остававшийся на этой должности в течение 30 лет до своей смерти в 1525 г. Он использовал предписания о запрещении (*writs of prohibition*)⁴⁰, чтобы обойти канцлера,

---

³⁹ The Statutes of the Realm. 1101–1713. Vol. 2. P. 85.

⁴⁰ Предписания о запрещении – процедурное средство регулирования юрисдикции. В средневековой Англии они использовались для того, чтобы удержать нижестоящий суд от превышения его юрис-

чьи постановления требовались для получения предписаний *praemunire facias*⁴¹. А это было особенно важно потому, что на протяжении долгого времени часто канцлерами становились священнослужители, которые не были заинтересованы в новом судебном толковании «*Praemunire*».

Как отмечает Р. Х. Хельмгольц, основные направления атаки на церковные суды были сосредоточены в четырёх областях спорной юрисдикции: контракты *laesio fidei* (с лат. «нарушение доверия») ⁴², диффамация по обвинению в светских преступлениях ⁴³, взыскание завещательных долгов и юрисдикция *ex officio* (с лат. «по должности», «в силу занимаемой должности») ⁴⁴. Лишение церковных судов юрисдикции над этими четырьмя областями было основным следствием применения статута «*Praemunire*» в кон. XV – нач. XVI в. ⁴⁵ Хотя в статутах «*Praemunire*» ничего не упоминалось о таких делах, именно интерпретация неоднозначной фразы «Великого статута *Praemunire*» позволила юристам общего права рас-

---

дикции. Подробнее см.: Лазарев С. С. Способы ограничения церковной юрисдикции в средневековой Англии // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: исторические и филологические исследования. 2020. № 4 (19). С. 36.

⁴¹ Palmer R. C. *Selling the Church: the English Parish in Law, Commerce, and Religion, 1350–1550*. Chapel Hill; London, 2002. P. 25.

⁴² Церковные суды рассматривали имущественные тяжбы под предлогом того, что они были скреплены клятвой и условия этой клятвы нарушались одной из сторон (*laesio fidei*).

⁴³ Юристы общего права претендовали на те дела, в которых диффамация (клевета) содержала в себе обвинения в светских преступлениях. Иными словами, когда один человек назвал другого вором или убийцей, то только светские суды могли рассматривать иск о клевете, потому что только они обладали юрисдикцией в отношении таких преступлений.

⁴⁴ Судебные разбирательства, предпринятые в отношении предполагаемых нарушителей канонического права по инициативе епископа или церковного судьи в силу его «должности».

⁴⁵ Helmholz R. H. *Roman Canon Law in Reformation England*. Cambridge, 1990. P. 31.

смаатривать данные дела в королевских судах. Эти действия постепенно привели к сокращению количества дел, рассматриваемых в церковных судах. Об этом нам свидетельствуют некоторые статистические данные. Епархиальный суд в Кентерберри рассмотрел 636 дел в 1482 г., а к 1522 г. это число сократилось до 223. В консисториальном суде Личфилда годовой объём судебных разбирательств снизился со 102 в 1472 г. до 68 в 1531 г. Комиссариатный суд Лондона в 1471 г. рассмотрел 980 дел, а в 1514 г. – 143⁴⁶.

В некоторых епархиях ситуация была противоположной. С. Ландер показал, что в Чичестере благодаря реформаторским усилиям епископа Роберта Шербурна в 1520-х гг. удалось на некоторое время сохранить юрисдикцию консисториального суда⁴⁷. В епархии Дарема, где епископ обладал светской и духовной юрисдикцией, непосредственное влияние действия статутов «*Præmunire*» также являлось не столь внушительным⁴⁸. Однако это были исключения. Снижение объёмов рассматривавшихся в церковных судах дел произошло практически повсеместно.

Деятельность юристов общего права оказала достаточно сильное воздействие на дальнейшую практику применения статутов «*Præmunire*». Начиная с XVI в. юристы общего права стали претендовать на рассмотрение дел, которые традиционно относились к церковной юрисдикции. Самой печально известной попыткой втянуть традиционно церковный спор в королевскую юрисдикцию было дело Ричарда Ханна (*Richard Hunne*), которого 4 декабря 1514 г. нашли мертвым в камере башни лоллардов собора Святого Павла, где он ожидал расследования по обвинению в ереси.

---

⁴⁶ *Helmholz R. H. Roman Canon Law... P. 31–32.*

⁴⁷ *Lander S. Church courts and the Reformation in the diocese of Chichester, 1500–58 // Continuity and change. Personnel and administration of the Church in England 1500–1642 / Ed. by R. O’Day, F. Heal. Bristol, 1976. P. 217–234.*

⁴⁸ *Houlbrooke R. A. The decline of ecclesiastical jurisdiction under the Tudors // Ibid. P. 240.*

Ричард Ханн был достаточно обеспеченным лондонским портным-купцом, жившим на Бридж-стрит в приходе Св. Маргариты. У него был маленький сын Стивен, которого он выхаживал в приходе церкви Св. Марии Матфелон (Уайтчепел). 29 марта 1511 г. младенец умер, и Томас Дриффелд, ректор Уайтчепела, попросил оплатить простыню ребёнка в качестве похоронного сбора (*mortuary*⁴⁹). Но Ханн отказался выплачивать похоронный сбор на основании того, что эта простыня не принадлежала его сыну в качестве собственности, поскольку он был ещё младенцем. Тогда Дриффелд и его капеллан Генри Маршалл в апреле 1512 г. обратились в Прерогативный суд Кентербери, где он утверждал, что настоятели прихода Святой Марии Мэтфелон всегда получали подобные выплаты. Катберт Танстолл, генеральный комиссар суда, вынес решение в пользу Дриффелда, и Ханну было приказано выплатить сумму похоронного сбора⁵⁰. В ответ на это Ханн начал действовать против Дриффелда и его пособников. Он подал иск в Суд королевской скамьи, опираясь на статут «Praemunige». Конфликт усугубился, когда 25 января 1513 г. приходский священник Генри Маршалл отлучил Ханна от церкви, назвав его самым проклятым из прихожан. В ответ на это Ханн подал иск в Суд королевской скамьи о диффамации на Маршалла, обосновывая это тем, что понёс убытки из-за дискредитации своего доброго имени⁵¹.

Вскоре после этого церковный суд обвинил Ричарда Ханна в ереси. В октябре 1514 г. епископ Лондонский взял Ханна под стражу. 2 декабря 1514 г. Ричард Фитцджереймс, епископ Лондон-

---

⁴⁹ Погребальная выплата, вносимая наследниками приходскому священнику на помин души покойнику. Традиционно обычаем требовал, чтобы «второе лучшее животное» покойного отдавалось в качестве платы, что вызывало недовольство у родственников умершего. В эпоху Тюдоров этот обычай часто заменялся денежной выплатой. См.: Ogle A. The tragedy of the Lollards' Tower. Oxford, 1949. P. 52.

⁵⁰ Gosling D. F. Church, State... P. 173.

⁵¹ McBride G. K. Once Again, the Case of Richard Hunne // Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies. 1969. Vol. 1. № 1. P. 20–21.

ский, в Фулхэме предъявил Ханну обвинение в ереси, неуплате десятины, клевете на духовенство, защите еретических взглядов некоей Джоан Бейкер и хранении запрещенных книг⁵². Вечером того же дня Ханн вернулся в свою камеру, находившуюся в башне лоллардов. Он собственноручно написал заявление по поводу выдвинутых против него обвинений, благодаря которому намеревался получить не столь суровое наказание. Но это заявление не было подписано, что остаётся загадкой для исследователей⁵³. А. Огл предполагал, что церковные власти не могли позволить Ханну подписать это заявление, так как им было выгодно представить его упрямым еретиком⁵⁴.

Иски же самого Ханна по статуту «Praemunire» и о диффамации не успели рассмотреть из-за его неожиданной смерти 4 декабря 1514 г. Томас Мор в своём «Диалоге о ереси», составленном в 1529 г., сообщает, что смерть Ханна была, как утверждала и церковь, самоубийством, вызванным осознанием того, что его иск по статуту «Praemunire» потерпит неудачу⁵⁵. Через несколько десятилетий Джон Фокс включил Ричарда Ханна в «Книгу мучеников», где говорилось, что он был убит⁵⁶. Впрочем, необходимо отметить, что «Книга мучеников» ни в коем случае не является беспристрастным источником.

Таким образом, к раннетюдоровскому периоду можно наблюдать, что применение статута «Praemunire» сильно изменилось по сравнению с тем, как его использовали в XIV в. Хотя эти статуты по-прежнему запрещали апелляции в римскую курию, которые обходили королевское правосудие, гораздо более распространёнными стали дела, оспаривающие на

---

⁵² Letters and Papers, Foreign and Domestic, Henry VIII / Ed. by J. S. Brewer. Vol. 1. Pt. 2. London, 1920. P. 1468.

⁵³ McBride G. K. Once Again... P. 23.

⁵⁴ Ogle A. The tragedy... P. 65.

⁵⁵ The Yale Edition of the Complete Works of St. Thomas More. Vol. 6. Pt. I–II: A Dialogue Concerning Heresies / Ed. by T. M. C. Lawler, G. Marc'hadour, R. C. Marius. New Haven, 1981. P. 326–327.

⁵⁶ The Acts and Monuments of John Foxe / Ed. by S. R. Cattley. Vol. IV. London, 1837. P. 183–205.

основании этих статутов разбирательства в английских церковных судах. Хотя первоначальное изменение в интерпретации «*Praemunire*» произошло в 1430-х гг., достичь их успешного применения в этом отношении удалось только в эпоху Тюдоров благодаря находчивым юристам общего права.

В 1512 г. был принят статут «Акт об убийствах и тяжких преступлениях» (4 Hen. VIII, c. 2)⁵⁷, который ограничивал привилегии духовенства (*benefit of clergy*), что вызвало его недовольство. Кроме того, события декабря 1514 г., связанные со смертью Ричарда Ханна, никак не способствовали улучшению отношений между церковью и короной. Конфликт усугубился после того, как Ричард Киддерминстер, аббат Уинчкомба, произнёс проповедь, объявив статут 1512 г. противоречащим закону Божьему, а его создатели были подвергнуты церковному порицанию. Кого бы проповедник ни имел в виду под создателями статута, это было расценено как нападение на королевский авторитет. По петиции Палаты Общин, возглавляемой спикером сэром Робертом Шеффилдом, король назначил нескольких докторов права для обсуждения этого вопроса. Церковные власти в 1515 г. возбудили дело против Генри Стэндиша, доктора богословия, который предстал перед конвокацией по сфабрикованному обвинению в ереси. Настоящие причины этого были связаны с тем, что Стэндиш поддерживал позицию короля и вёл судебное дело против Киддерминстера. Но это дело о ереси в итоге было передано на рассмотрение короля как нарушающее королевскую юрисдикцию. После его пересмотра все, кто участвовал в процессе против Стэндиша, включая архиепископа Кентерберийского Уильяма Уорхэма, были обвинены в преступлении в соответствии со статутом «*Praemunire*»⁵⁸. Таким образом, позиция, занятая английским духовенством в этой ситуации, значительно ослабила его авторитет.

---

⁵⁷ The Statutes of the Realm. 1101–1713 / Ed. by A. Luders, T. Tomlins. Vol. 3. London, 1817. P. 49.

⁵⁸ The Oxford History of the Laws of England / Ed. by J. H. Baker. Oxford, 2003. Vol. 6. P. 537–538.

После смерти Ричарда Ханна и преследования Генри Стэндиша доверие к церковной системе судопроизводства упало. В первой трети XVI в. статут «*Præmunire*» использовался и как метод политического давления, а не только как средство регулирования границ юрисдикции. Это демонстрирует дело против кардинала Томаса Уолси и «маневры вокруг *præmunire*»⁵⁹. Опа-ла кардинала Уолси была связана с неудачной стратегией анну-лирования брака Генриха VIII (1509–1547) и Екатерины Арагон-ской, которая строилась на возможности признать ничтожной диспенсацию⁶⁰ папы Юлия II, разрешавшую королю жениться на вдове своего умершего старшего брата принца Артура. В сво-ей аргументации Уолси опирался на авторитет библейской кни-ги Левит 18:16. Но папа отказался аннулировать брак. Генрих VIII, придя в ярость, обвинил во всем Уолси⁶¹. 9 октября 1529 г. Уолси в Суде королевской скамьи вменили в вину нару-шение статута «*Præmunire*», заключавшееся в том, что карди-нал, осуществляя свои полномочия, поддерживал папскую власть в ущерб королевской, а также принял несколько бенефи-циев, находившихся под патронажем короля⁶². Дело закончи-лось в конце октября. Уолси признал свою вину и лишился должности лорда-канцлера и имущества, но ему было разрешено остаться архиепископом Йоркским.

После падения Уолси в условиях, когда у короля были напряженные отношения с церковью из-за развода с Екатери-ной Арагонской, Генрих VIII решил добиться большего кон-троля над духовенством. Летом 1530 г. в суде Королевской скамьи было возбуждено дело против четырнадцати священ-

⁵⁹ *Паламарчук А. А.* Цивильное право... С. 234–235.

⁶⁰ Термин канонического права, обозначающий освобождение лица от нормы канонического права или послабление в его исполнении.

⁶¹ *Домнина Е. Г.* Дипломатия в эпоху перемен: Тюдоры и римская курия (1485–1558 гг.). М.; СПб., 2020. С. 72–76.

⁶² *Calendar of State Papers, Spain. Vol. 4. Pt. 1. Henry VIII, 1529–1530 / Ed. by P. de Gayangos. London, 1879. URL: <http://www.british-history.ac.uk/cal-state-papers/spain/vol4/no1/pp289-309> (дата обращения: 26.05.2021).*

нослужителей за то, что они подчинились и выплачивали часть своего ежегодного дохода кардиналу Уолси, признав его легатом *a latere* (папский легат, выполняющий особую миссию)⁶³. Целью этого судебного процесса было запугать духовенство и заставить его признать верховенство власти Генриха VIII, а не папы. Восемь из четырнадцати священнослужителей были епископами: Джеффри Блайт, Ричард Никке, Генри Стэндиш, Томас Skeffington, Николас Уэст, Джон Фишер, Джон Клерк и Роберт Шерборн. Трое являлись аббатами: Джон Айлип, Джон Мелфорд и Роберт Фуллер. Оставшимися были Эдвард Финч (архидьякон Уилтшира), Эдмунд Форстер (декан Херефорда) и Джайлс Хаклюйт (заместитель декана Солсбери)⁶⁴. Отметим, что некоторые из этих духовных лиц не поддерживали аннулирование брака Генриха VIII и Екатерины Арагонской.

Первоначально обвинение было направлено только против этих четырнадцати священнослужителей, но манёвр короля заключался в том, что его в теории возможно было распространить на всех священнослужителей, ибо власть Уолси как кардинала и папского легата формально распространялась на всё английское духовенство. Юристы общего права ещё в XIV–XV вв. подтвердили, что судебные иски, инициированные по статутам «*Praemunire*», карают одинаково всех обвиняемых, независимо от того, были ли они главными или второстепенными⁶⁵. В обмен на помилование за нарушение королевской юрисдикции духовенство церковной провинции Кентерберии должно было выплатить субсидию в размере 100 тыс. фунтов стерлингов. Исходя из этого, можно полагать, что король стремился не только получить от духовенства одобрение своего развода, но и пополнить за его счет казну.

Представители духовенства, столкнувшись с давлением со стороны короля, собрались на конвокации в Кентерберии. Они

---

⁶³ Этот судебный процесс известен как «манёвры вокруг *praemunire*».

⁶⁴ *Guy J. A. Henry VIII and the Praemunire Manoeuvres of 1530–1531 // The English Historical Review. 1982. Vol. 97. № 384. P. 482–483.*

⁶⁵ *Gosling D. F. Church, State... P. 191–192.*

составили петицию, в которой были представлены основные условия для выплаты Генриху VIII денежной субсидии. Во-первых, они потребовали, чтобы были подтверждены все древние привилегии церкви, гарантированные Великой хартией вольностей и другими законами. Во-вторых, они просили дать точное определение тех правонарушений, которые подпадают под действие статуты «*Praemunire*», а также заверение о том, что судебные предписания *praemunire facias* не будут применяться в будущем против каких-либо лиц на основании «незаконного» осуществления духовной юрисдикции. В-третьих, духовенство оспаривало действительность трех статуты⁶⁶, принятых во время первой сессии парламента в 1529 г., утверждая, что они нарушали церковный иммунитет от светской юрисдикции⁶⁷. Стратегическая ошибка этой петиции состояла в том, что духовенство использовало резкие и категоричные выражения. Генрих VIII немедленно ответил на это, разработав встречные требования в форме 5 статей⁶⁸.

Эти королевские статьи Уорхэм, архиепископ Кентерберийский, представил на конвокации 7 февраля 1531 г. С этого момента был поставлен вопрос о королевской супрематии, который требовал безраздельного внимания духовенства. Особый интерес представляет первая статья, где утверждалось, что король является «единственным защитником и верховным главой Церкви и духовенства Англии»⁶⁹. Данная статья вызвала множество споров, но Генрих VIII с помощью юристов и судей настаивал на немедленном признании этого положения. Король считал это фактом, а не нововведением во взаимоотношениях между духовной и светской властью, по-

---

⁶⁶ Эти статуты регулировали вопросы об оплате *mortuary* и других взносов за погребение, взимаемых епископами, а также о плюрализме бенефициев и нерезидентстве. См.: *The Statutes of the Realm*. 1101–1713. Vol. 3. P. 285–289, 292–296.

⁶⁷ *Scarlsbrick J. J.* II. The Pardon of the Clergy, 1531 // *Cambridge Historical Journal*. 1956. Vol. 56 (1). P. 32.

⁶⁸ *Guy J.A.* Henry VIII... P. 495.

⁶⁹ *Scarlsbrick J. J.* II. The Pardon... P. 34–35.

этому сопротивление духовенства он расценивал как преступное неповиновение. Формулировка этой статьи неоднократно пересматривалась до тех пор, пока не была одобрена королём и, хотя и с неохотой, принята духовенством. С этого момента Генрих VIII назвался «единственным покровителем/протектором Церкви и клира английских, единым и верховным господином и – насколько это позволяет закон Христов – даже верховным главой в силу его величия» (“*Ecclesiae et cleri Anglicani singularem protectorem, unicum et supremum dominum, et quantum per Christi legem licet etiam supremum Caput ipsius majestatem*”)⁷⁰.

В итоге Генрих VIII «манёврами вокруг *praemunire*» добился некоторых успехов: 1) король в общей сложности получил денежную сумму в размере 120 тыс. фунтов стерлингов, включавшую церковную субсидию⁷¹ и индивидуальные штрафы с лиц, которые обвинялись по статуту «*Praemunire*»; 2) король смог сломить сопротивление противников его развода с Екатериной Арагонской.

Статуты «*Praemunire*» сыграли важную роль в развитии отношений между церковью и английской короной. В 1533 г. был принят «Акт об ограничении апелляций» (24 Hen. VIII, с. 12), который не только продублировал многие положения статутов «*Praemunire*»⁷², но и расширил запрет на подачу апелляций в римскую курию по делам, связанным с «завещаниями, браком, разводом, правом на десятину, подношениями

---

⁷⁰ *Исаев С. А.* Реформационные движения в Англии // Европейская Реформация и её возможные аналоги в России. 2017. С. 292.

⁷¹ Духовенство провинции Йорка внесло за свою просьбу о помиловании субсидию в размере 18 840 фунтов стерлингов согласно статуту 23 Hen. VIII, с. 19. См.: *The Statutes of the Realm. 1101–1713. Vol. 3. P. 383.*

⁷² «Акт об ограничении апелляций», как и «Великий статут *Praemunire*», запрещал подачу апелляций в римскую курию или в любой другой суд, почти одинаково юридически определял перечень тех лиц, которых следует относить ко второстепенным ответчикам, а также вводил одинаковое наказание за правонарушение: лишение королевской защиты и конфискация имущества.

и т. д.»⁷³. Непосредственная цель этого статута заключалась в том, чтобы окончательное решение по делу Генриха VIII о разводе с Екатериной Арагонской принял суд архиепископа Кентерберийского, который уже был подчинен королю.

Успех принятия «Акта об ограничении апелляций» был обусловлен расширенным толкованием «Великого статута Praemunire», в котором фраза «другое место» (“*ou aillours*”) подразумевала английские церковные суды, что позволило юристам общего права рассматривать церковные вопросы в королевских судах. Как считает Р. Х. Хельмгольц, «Акт об ограничении апелляций» и другие статуты Генриха VIII во время Реформации не сильно повлияли на положение церковных судов, лишь изменив место подачи апелляций. Апелляции с этого момента должны были рассматриваться в церковных судах на территории Англии, а высшей апелляционной инстанцией стал сам король⁷⁴. Но несмотря на схожесть двух правовых документов, созданных с разницей более чем в сто лет, они были разными по содержанию и по применению. Если статуты «Praemunire» были средством защиты королевских судов, конкурировавших с юрисдикцией церковных судов, то «Акт об ограничении апелляций» стал оружием, способствовавшим распространению высшей юрисдикции короля на дела, рассматривавшиеся в церковных судах, и одним из важных шагов в сторону разрыва между английской короной и папством и развития английской Реформации.

Таким образом, история принятия и применения статуты «Praemunire», показывает, что напряженность между английской короной и папством существовала на протяжении долгого времени. Английская корона, используя эти статуты для защиты своих интересов, создала законодательную почву для Реформации и утверждения королевской супрематии. Поэтому ошибочно полагать, что Англия начала разрыв с Римом только тогда, когда папа Климент VII отказался предоставить Генриху VIII аннулирование его брака с Екатериной Арагонской.

---

⁷³ The Statutes of the Realm. 1101–1713. Vol. 3. P. 428.

⁷⁴ Helmholz R. H. Roman Canon Law... P. 34.

Оксана Викторовна Савельер,
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАРИЖСКИЕ ПРОПОВЕДИ: ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА И ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Насколько адекватно современный исследователь воспринимает содержание средневековых проповедей? Какие препятствия и трудности встречаются на пути решившихся их перевести и интерпретировать? Я попытаюсь дать ответ на поставленные вопросы, опираясь на свой опыт работы с некоторыми источниками такого типа.

В фокусе моего внимания проповеди парижанам XIII – начала XIV в., записанные на латинском языке. Выбор хронологических рамок обусловлен тем, что лишь на рубеже XII–XIII вв. под влиянием различных обстоятельств, о которых пойдет речь ниже, проповедь начала развиваться стремительными темпами. Идея регулярно проповедовать прихожанам звучала по меньшей мере с VI в.¹, однако в раннее Средневековье она так и не была в полной мере воспринята. Несмотря на то, что в Париже были хорошо известны такие труды, как «Декрет» (до 1023) Бурхарда Вормского (ум. 1025) или «Сумма церковных обязанностей» (1162) Иоанна Белета (ум. 1182), содержащих рекомендации обращаться к народу по воскресеньям и праздникам, мы не располагаем источниками, которые бы ясно подтверждали подобную практику вплоть до епископата Мориса де Сюлли (1160–1196). Насколько мне известно, существуют лишь четыре подобных свидетельства, датируемых X–XII вв.² К ним относится сборник из двадцати двух проповедей, составленный аббатом бе-

---

¹ *Klingshirn W.* Caesarius of Arles. The Making of a Christian Community in Late Antique Gaul. Cambridge, 1994. P. 229.

² *Bériou N.* L'avènement des maîtres de la Parole. La prédication à Paris au XIIIe siècle. Paris, 1998. Vol. 1. P. 17.

недиктинского монастыря Сен-Жермен-де-Пре Аббоном Горбатым (ум. 923), по заказу парижского епископа Фульрада (ум. 926). Во вступительной части рукописи указано, что она предназначена для простых священников, дабы они находили дерзновение и утоляли жажду проповедования пастве³. Однако неясно, использовались ли эти проповеди по назначению. Другим свидетельством об услышанной в некой «парижской церкви»⁴ проповеди о конце времен делится Аббон Флерийский (ум. 1004). Однако автор оказался скуп на подробности и не оставил нам даже имени проповедника. Следующие случайные упоминания появляются после полутора столетий «молчания». В 1163 г. папа Александр III (ум. 1181) во время торжественной процессии «на лугу вблизи аббатства Сен-Жермен» прочитал проповедь верующим, как гласит один из документов этого монастыря⁵. Разумеется, столь неординарное явление, как проповедь папы во время визита вряд ли можно считать примером рядовой литургической практики. И, наконец, четвертое – письмо бенедиктинца Петра Целльского (ум. 1183) парижскому епископу Теобальду (ум. 1158), где говорится о посылаемых ему проповедях, трех на период

---

³ “Me coegerunt episcopi, Frotarius videlicet Pictave sedis et maxime Fulradus Parisiace, istud tenui stilo eudere negotium ad utilitatem simplicium clericorum, quatinus hinc omni tempore sumant ausum et hauriant potum predicandi subiectis”. (Ibid. P. 17. N. 8).

⁴ “De fine quoque mundi coram populo sermonem in ecclesia Parisiorum adolescentulus audivi, quod statim finito mille annorum numero Antichristus adveniret, et non longo post tempore universale iudicium succederet: cui praedicationi ex Evangeliiis ac Apocalypsi et libro Danielis, qua potui virtute, restiti” (*Abbonis Floriacensis. Apologeticus ad Hugonem et Rodbertum reges Francorum* // *Patrologiae cursus completus, Series Latina* / Ed. J.-P. Migne. T. 139. Paris, 1880. Col. 471).

⁵ “Dominus papa Alexander ad pratum quod est iuxta monasterii muros cum solempni processione procedens, ad populum sermonem fecit” (*Poupardin R. Recueil des chartes de Saint Germain-des-Prés, des origines au début du XIIIe siècle. Paris, 1909. T. 1. P. 193. № CXXIX, charte du 21 avril 1163*). См. также: *Lehoux F. Le bourg de Saint-Germain-des-Prés. Paris, 1951. P. 139*).

Адвента и одной на Рождество, составленных монахом по заказу прелата⁶. В 1181 г. Петр и сам займет епископскую кафедру Шартра, сменив на ней Иоанна Солсберийского. Каждое такое упоминание несомненно ценно, однако если в первом случае нет информации о «публичной» судьбе текстов, то в трех оставшихся не сохранились сами проповеди.

Таким образом, о практике проповедования в Париже до конца XII в. мы знаем совсем немного. Однако сохранились проповеди служителей Церкви других городов Французского королевства, например, Радебонда II (ум. 1098), епископа Нуайона, Ива Шартрского (ум. 1115), епископа Шартра, и Хильдеберта Лаварденского (ум. 1131), епископа Ле-Мана⁷. Вместе с тем все проповеди мирянам, датируемые ранее конца XII в., насколько можно судить, имеют отношение не к регулярной пастырской заботе приходских священников, а к деятельности видных епископов. С другой стороны, начиная с XIV столетия, повсеместно прослеживается тенденция фиксировать проповеди на народном языке. Таким образом, абсолютное большинство интересующих нас текстов относится к периоду с конца XII по начало XIV в., и именно записанные на латыни источники представляются наиболее интересными для рассмотрения проблемы пределов возможностей интерпретации.

Географические рамки исследования обусловлены несколькими факторами. Как известно, в XIII в. Париж был крупнейшим городом Европы. За один век численность его населения выросла, по разным подсчетам, от 50 тысяч до 200 тысяч жителей⁸. В этом динамичном городе проживали светские сеньоры, епархиальные клирики и монахи всех орденов, юристы, многочисленные школяры, мечтавшие построить карьеру, ремесленники, торговцы, держатели таверн,

---

⁶ “Tres sermones de Adventu Domini, et unum de Navitate orditus sum vobis” (*Petrus Cellensis. Epistola XIX // Patrologiae cursus completus, Series Latina. T. 202. Paris, 1885. Col. 421*).

⁷ *Bériou N. L'avènement des maîtres de la Parole... Vol. 1. P. 17.*

⁸ *Geremek B. Paris la plus grande ville de l'Occident médiéval? // Acta Poloniae historica. 1968. T. 18. P. 31.*

цирюлен и постоянных дворов, шайки маргиналов, а также жаждающий найма пришлый люд, привлеченный вольным парижским воздухом. Словом, у проповедников не было недостатка в слушателях самого разного статуса и образа жизни.

В этот же период резко увеличилось количество церковных приходов. Несмотря на то, что к тому времени даже на острове Сите существовало несколько храмов, до конца XII века в Париже, как и в других городах королевства, приходом считался лишь кафедральный собор⁹. К концу XIII в. их становится 37¹⁰. И далее, до XVIII в., число приходов практически не меняется¹¹. Развитие приходской системы в XIII в. стимулировало пересмотр церковных обязанностей епархиального духовенства, в частности их назидательной и регулирующей функций в жизни общины.

Кроме того, в первую очередь благодаря парижскому университету, который в изучаемый период стал главным центром западноевропейской теологии, в городе сосредоточилось большое количество священников и богословов. В стенах университета рождались многочисленные тексты, способствующие профессиональному становлению успешных проповедников. Это и всевозможные «методические» трактаты, в частности «Об искусстве проповедования», «Суммы», «Беседы»; и вспомогательные материалы, такие как «Различения» (*distinctiones*) и «Согласования» (*concordationes*) книг Библии, сборники «Примеров» (*exempla*) и т. н. образцовых проповедей (чаще всего, они представляют собой расширенный план-структуру для будущей полной проповеди). Эти материалы

---

⁹ *Aubrun M.* La paroisse en France: des origines au XVe siècle. Paris, 1986. P. 111–113.

¹⁰ *Lot F.* L'état des paroisses et des feux de 1328 // Bibliothèque de l'École des chartes. 1929. Т. 90. P. 297.

¹¹ *Ibid.* P. 60. Подробнее о парижских приходах см.: *Савельев О. В.* Механизмы регулирования приходского сообщества и формирования идентичности прихожанина в средневековом Париже // ЭНОЖ «История». 2020. Т. 11. Вып. 11 (97). URL: <https://history.jes.su/s207987840012843-6-1/> (дата обращения: 09.03.2021).

многokrатно тиражировались. Первостепенное значение в этот период приобрела система “*resia*”, которая позволяла значительно ускорить процесс производства популярных рукописей, благодаря единовременному копированию текста по частям разными переписчиками. Первоначальный – эталонный – манускрипт обычно утверждался университетом. Из университетской среды происходило и большинство заказчиков. Париж был также центром притяжения монахов нищенствующих орденов. Они не только активно включались в проповедническую деятельность, но и играли важную роль в распространении вышеперечисленных материалов по всему латинскому Западу. Известный медиевист Д. Л. Д’Аврэ считает, что гомилетическая деятельность достигает своего расцвета в этот период, главным образом, благодаря доступности духовенству адекватного инструментария для составления хороших текстов¹². Н. Бериу, признанный авторитет в области изучения средневековых проповедей, в числе наиболее важных факторов, повлиявших на рост проповеднической активности в Париже на рубеже XII–XIII вв., выделяет особую роль епископов и магистров университета, а также необходимость борьбы с набиравшим обороты еретическим пантеистическим учением Амальрика Бенского (ум. 1205/1207)¹³, как считается, возвестившего наступление эры Святого Духа¹⁴.

Сохранилось довольно много проповедей, записанных в изучаемый период. В каталоге латинских проповедей, составленном И. Б. Шнейером, известном как “*Repertorium*”, период с 1150 по 1350 г. представлен девятью томами¹⁵. Это более 7300 страниц,

---

¹² *D’Avray D. L.* The Preaching of the Friars. Sermons Diffused from Paris before 1300. Oxford, 1985. P. 13–63.

¹³ *Bériou N.* L’avènement des maîtres de la Parole... V. 1. P. 15–71.

¹⁴ В источниках идеи амальрикан трудно отделить от взглядов самого Амальрика, потому как осудившие секту клирики приписывали все заблуждения ее основателю. См. например: *Capelle G. C.* Autour du Décret de 1210: III. Amaury de Bène: étude sur son panthéisme formel. Paris, 1932; *Dal Pra M.* Amalrico di Bene. Milano, 1951.

¹⁵ *Schneyer J. B.* Repertorium der lateinischen Sermones des Mittelalters

где перечислены лишь первые строки каждого известного историка гомилетического текста, всего – свыше 60 тыс. Однако большинство сохранившихся источников не содержит заголовков, позволяющих провести полную атрибуцию, то есть распознать имя проповедника, место, дату и литургический повод. Поэтому исследователи с осторожностью пишут о предназначении таких текстов. Они могут являться как действительно произнесенными когда-либо проповедями, так и служить образцом для начинающих проповедников, быть поучительным чтением в часы отдыха монахов или священнослужителей, играть роль университетского упражнения в ораторском искусстве.

Другое дело – проповеди с указанием места проповедования, даты и автора или содержащие хотя бы часть этих данных. В таких случаях практически все медиевисты единодушны в суждении о судьбе исследуемого текста: он функционировал и в устной форме. Эту разновидность гомилетического источника принято называть *reportatio*. Он представляет собой подробный конспект-стенограмму услышанной проповеди. Молодые священники из университетской среды записывали их прямо во время проповедования, перенимая таким образом опыт старших коллег¹⁶. Заимствование идей и удачных оборотов было в то время обычным явлением.

Учитывая специфику записи на слух, мы не можем игнорировать вопрос об искажениях, возникающих в процессе конспектирования. Он непрост не только потому, что записывающий, весьма вероятно, что-нибудь да недослышит, но и потому, что в процессе фиксации автор *reportatio*, судя по всему, занимался синхронным переводом. Большинство исследовате-

---

für die Zeit von 1150–1350. Münster, 1969–1973. Bd. 1–9.

¹⁶ Во французской историографии, помимо образцовых проповедей (*sermons modèles*) и стенограмм слушателей (*sermons réportés*), выделяются тексты, записанные самими авторами (*sermons rédigés*). См., например: *Bériou N. Les sermons latins après 1200 // The Sermon / Ed. V. M. Kienzle. Turnhout, 2000. P. 363–447; Bataillon L.-J. Sermons rédigés, sermons réportés (XIIIe siècle) // Medioevo e Rinascimento. Firenze, 1989. Vol. 3. P. 69–86.*

лей сходятся во мнении, что проповеди прихожанам читались на народном, а слушатели воспроизводили их письменно на латинском языке¹⁷. Эта точка зрения представляется убедительной, поскольку при анализе латинского текста нередко заметен условно французский синтаксис. Дополнительным аргументом служит вкрапление старофранцузской лексики.

К слову, сохранились немногочисленные проповеди, датированные ранее начала XIV в., которые были записаны преимущественно на народном языке¹⁸. Интересно, что и в них часть текста, так или иначе, дана на латыни. Американская медиевистка Л. Д. Тейлор, соглашаясь с выводами М. Зенка¹⁹, пишет, что при работе с такими источниками создается впечатление, будто автор не в силах зафиксировать целое предложение на народном диалекте: «Повсеместно, – констатирует она, – предложение начинается с французского, к середине смешивается с латынью и заканчивается латынью»²⁰.

Большинство проповедей записано полностью или почти полностью на латинском языке. В чем причина популярности древнего языка среди конспектирующих? С одной стороны, латынь была верным способом сохранить текст в обороте на территории католической Европы²¹. С другой, преимуще-

---

¹⁷ Другой позиции придерживается Д. Л. Д'Аврэ. Он считает, что проповеди изначально читались на смеси латинского с народным языком, хотя и признает, что язык устного выступления обязательно должен был быть понятен аудитории. Я предполагаю, что такая точка зрения, как и мнение о том, что основной аудиторией, вероятнее всего, был клир, объясняется тем, что объектом его исследований были образцовые проповеди (*model sermons*), а не стенограммы. См.: *D'Avray D. L. The Preaching of the Friars...*

¹⁸ Практически весь корпус проповедей на старофранцузском языке до XIV в. проанализировал М. Зенк: *Zink M. La prédication en langue romane avant 1300. Paris, 1976.*

¹⁹ *Zink M. La prédication en langues vernaculaires // Le Moyen Âge et la Bible / Ed. P. Riché, G. Lobrichon. Paris, 1984. P. 363–447.*

²⁰ *Taylor L. J. French sermons, 1215–1535 // The Sermon / Ed. V. M. Kienzle. Turnhout, 2000. P. 745.*

²¹ О мерах, принятых для ограничения распространения текстов на

ством письменной латыни перед народным языком, как полагал английский палеограф М. Б. Паркс, была стабильность ее грамматических форм и связанная с этим обстоятельством большая точность понимания читателем, меньшее количество разночтений. Латинский язык не только выполнял функцию универсального письменного языка грамотного населения, но и имел устоявшиеся формы сокращений, что было немаловажно, учитывая дороговизну пергамента²².

Как уже было сказано, латынь стенограмм парижских проповедей весьма специфична. В отличие от «образцов» и «автографов» (см.: прим. 16), *reportationes* оставляют устойчивое впечатление, что мы имеем дело с французскими предложениями, записанными латинскими словами. Порядок слов характерен, скорее, для аналитического языка. Грамматические времена часто выражаются вспомогательным глаголом и причастием, падежные функции – сплошь и рядом – предложениями. Предложения в большинстве своем сложноподчиненные, часто со множеством придаточных. Регулярно встречаются старофранцузские слова и даже целые фразы. В основном это пословицы, мнемонические стихи, прямая речь прихожан и различные бытовые термины.

Проиллюстрирую обозначенные тезисы на примере наиболее изученных мной источников²³. Их автор Ранульф де ла Ублоньер (ок. 1225 – 1288 гг.), магистр теологии, каноник собора Нотр-Дам, а с 1280 г. – епископ Парижа и, несомненно, один из выдающихся проповедников своего времени. Его проповеди весьма наглядны, поскольку сохранились как раз в

народных языках в XIII в., см.: *Coletti V. L'éloquence de la chaire. Victoires et défaites du latin entre Moyen Âge et Renaissance. Paris, 1987. P. 42–51.*

²² *Parkes M. B. Scribes, Scripts and Readers: Studies in the Communication, Presentation and Dissemination of Medieval Texts. London, 1991. P. 19–33.*

²³ *Савельев О. В. Проповеди Ранульфа де ла Ублоньера как исторический источник. Магистерская диссертация. МГУ, Исторический факультет, 2018.*

виде конспектов-reportationes²⁴.

В проповеди на день Св. Стефана (26 декабря), произнесенной перед мирянами, Ранульф, намереваясь сказать о следующем за чашей мученичества вечном покое, прибегает к пословице о жизни парижских кутил:

«Vulgariter dicitur: *'A seur boit qui son lit voit'*. Ideo Dominus beato Stephano in certamine posito, ut calicem martiri libenter biberet, lectum suum in celo ostendit in quo modo cum Christo requiescit»²⁵.

Перевод:²⁶

«Говорят в народе: *«Тот смело пьет, кто постель найдет»* [букв. «видит» – О. С.]. Потому Господь допустил побиение Св. Стефана, что, приняв чашу мученичества, тот обретет постель свою на небесах, то есть найдет успокоение с Христом».

В проповеди прихожанам Сен-Жермен-Л'Осеруа, рассказывая поучительный анекдот о дьяволе, преклонившем колено перед священником, Ранульф прибегает к мнемоническому ритмизованному стиху:

«*'Et per De, plus maveys / ne devreun nos mye / etre de deble de enfer'*, imo deberemus portare reuerentiam ministris Domini»²⁷.

Чтобы перевести этот отрывок, стоит на минуту вообразить себя сочинителем детских считалок:

«*“Ни на кроху хуже / не должны быть мы, / чем князь Тьмы”*, то есть должны с почтением относиться к слугам Господа».

В той же проповеди неоднократно используется прямая речь, например:

«Dicunt aliqui, etiam illi qui faciunt se sapientiores: “Ad quid irem ego ad confessionem ad meum sacerdotem de tali

---

²⁴ Bériou N. La prédication de Ranulphe de la Houblonnière. Sermons aux clercs et aux simples gens à Paris au XIIIe siècle. Paris, 1987. Vol. 2.

²⁵ Ibid. P. 279.

²⁶ Здесь и далее перевод мой.

²⁷ Bériou N. La prédication de Ranulphe de la Houblonnière... P. 94.

peccato, quia similiter facit ipse, similiter de tali peccato”, et sic de omnibus aliis peccatis suis dicunt: “*Ainsi fet nostre prestres*”»²⁸.

Перевод:

«Некоторые, даже считающие себя поумнее, говорят: “Зачем пойду я исповедоваться в своих грехах к священнику, ведь он так же поступает, так же грешит?” И обо всех других прегрешениях говорят в том же духе: “*Так же делают наши священники*”».

Как мы видим, в стилизации под речь прихожан лишь некоторые фразы переданы на старофранцузском языке. О причинах подобной выборочности остается только догадываться.

Другой пример – включение в проповедь народного эпитета. Возможно, он свидетельствует о моменте переводческой растерянности средневекового «стенографиста», который не сообразил сразу, каким латинским словом можно было бы записать это определение:

«*Sed nos sumus ita 'falli de cuer' quod nos sumus facti muti et surdi et a demonio obsessi*»²⁹.

Перевод:

«Но мы настолько *слабодушны*, что сами делаемся немые, глухи и подвластны дьяволу».

На народном языке записаны названия некоторых животных: сурок (*melota*), филин (*huardus*), сторожевая собака (*mastinus*), голубь (*rijon*, *rijonus*); блюд: пирог (*gastiel*), суп или нарезанные овощи (*poreta*); предметов одежды: рубаха (*cheyse*), верхняя накидка (*bliaut*); природных явлений: туман (*buha*, *brulac*).

Иногда за цитатой из Библии следует старофранцузский перевод. Вероятно, так происходило в отдельных случаях и в реальном времени. Проповедник мог дать цитату на латинском даже для необразованных прихожан, а затем переводил и пояснял ее.

Много ли вкраплений народных слов? В двадцати семи

---

²⁸ Ibid. P. 93.

²⁹ Ibid. P. 92.

проповедях Ранульфа де ла Ублоньера, занимающих примерно 330 печатных страниц привычного всем книжного формата, около ста семидесяти слов – старофранцузские. Иными словами, стенограммы выступлений этого проповедника нельзя назвать целиком макароническими, то есть перемежающими два языка. Однако при чтении невольно вспоминается известная фраза, местами отражающая и специфику языка его проповедей: «*Qui nescit motos, forgere debet eos*», – то есть: «Кто не знает слов, должен их придумать», где “*mot*” и “*forger*” – французские слова, вплетенные в латинское предложение.

Как передать такое смешение языков при переводе на русский? Разумеется, наиболее логичным решением было бы давать подстрочный комментарий ко всем ярким моментам и отдельно описывать эту особенность языка источника во вступительных статьях к переводам, но стилистические потери неизбежны. Читателю оригинала, возможно, еще удастся прочувствовать вкус макаронической письменной речи, насладиться переходным состоянием средневекового языка, но, боюсь, что перевод не сможет в достаточной мере передать всей сложности.

Обращает на себя внимание и особая окраска слов. В проповедях XIII в. встречается, в сегодняшнем понимании, грубая или грубоватая лексика. Это такие слова как «шлюха» (*bordellaria*), «подлец» (*ribaldus*), «толстяк» (*gros*), «гадить, испражняться» (*ordurare, facere merdam*). Они относятся к героям поучительных примеров, чаще всего к дьяволу, но иногда и к самому Богу (оба они, и Бог, и дьявол, выступают в одной из проповедей «двумя толстяками»). Все это вряд ли можно отнести к «грехам речи», даже самым безобидным вроде брани, насмешки (*convicium*), поскольку не относится ни к кому из современников³⁰. Однако сама стилистика иногда ставит в тупик, интуитивно вынуждая в некоторых случаях повышать штиль. Нужно ли это? Может быть, такого рода «сглаживания» даже вредны? На этот вопрос у меня нет однозначного ответа. Существует мнение, что в Сред-

---

³⁰ О грехах речи см.: *Casagrande C., Veccio S. Les péchés de la langue. Discipline et éthique de la parole dans la culture médiévale. Paris, 1991.*

невековые еще не существовало строгого разделения на обычную, медицинскую, детскую и вульгарную лексику³¹. Если принять эту точку зрения, выходит, что лишь на первый взгляд парижский епископ, будучи магистром богословия, и, разумеется, имеющий представление о высоком регистре латыни, во время проповеди позволяет себе чрезвычайно откровенные высказывания, а, подчас, и неприличные сравнения. Это наводит на мысль, что рамки допустимого в устном выступлении были иными, нежели в современном мире. Вероятно, и восприятие одних и тех же слов со временем изменилось. В таком случае, принимая решение «не сглаживать» резкие речевые обороты в академическом переводе, мы рискуем выставить проповедника не в том свете, наделить его неверными характеристиками, напрасно сделать из него человека экстравагантного или даже эксцентричного. Задача же переводчика в том, чтобы найти точное соответствие, не только смысловое, но и стилистическое.

Сказав о специфике самого языка, следует остановиться на проблеме интерпретации проповедей, возникающей в силу неизбежных аббераций. Еще Э. Бетти, один из первых теоретиков современной исторической интерпретации, отмечал, что письменная формулировка любой фразы отличается от первоначальной идеи автора³². Не подлежит сомнению, что изменения имеют место и при устной передаче мысли проповедника. Некоторые коррективы автор вносит в речевом акте намеренно. В этом отношении большой интерес представляют проповеди, прочитанные в один день и одним автором, составленные, очевидно, по одной схеме, но для разной паствы.

Приведу примеры из двух проповедей Ранульфа, прочитанных в день Сретения (2 февраля 1273 г.), в одном случае – университетской публике, в другом – бегинкам. Тексты, в соответствии со схоластической традицией композиционного строения проповедей, имеют одинаковое деление основного

---

³¹ В частности, его придерживается М. Зенк, которому я задавала вопрос о сниженной лексике в проповедях.

³² *Бетти Э.* Историческая интерпретация / Пер. с итал. Ю. Г. Россигус // История философии. 2012. № 17. С. 95–96.

стиха из Библии, взятого в этот день за основу, и очень похожий состав ссылок на авторитетные источники. Тем не менее, совершенно очевидно, что Ранульф учитывал кругозор аудитории. Университетским клирикам он предлагал цитаты из Писания или из текстов христианских и античных авторов, бегинкам – чаще *exempla*. Например, в связи с тезисом: «В делах своих думай о последствиях», университету даны лишь две цитаты из Ветхого Завета и выдержка Боэция:

«Лекарство [для искупления греха – *O. C.*] должно состоять из горьких трав, то есть из памяти о грехе, суда и смерти. «Во всех делах твоих помни о конце твоём, и вовек не согрешишь» (Сир. 7:39). О том же у Боэция: «Недостаточно лишь того, что перед глазами»³³. И в книге Иова: «В страхе очистятся (*territi purgabuntur*)» (Иов. 41:16)³⁴, – в страхе, то есть осознавая низость греха и неуверенность в смерти и исходе суда»³⁵.

Бегинкам в этом случае была рассказана поучительная история про цирюльника и короля:

«Сказано в Писании: «Во всех делах твоих помни о конце твоём, и вовек не согрешишь» (Сир. 7:39). <...> Говорят, что некий цирюльник брил одного короля и, не знаю за что, пожелал убить его. У того короля на всех салфетках было написано: «Во всех делах твоих помни о конце твоём». Тот брадобрей начал читать те надписи и тотчас подумал: «Если сделаешь, что задумал, сразу поймут тебя и повесят». И от таких мыслей руки его затряслись. Король понял, что тот задумал недоброе, и заставил его подобру-поздорову во всем сознаться. Так этот человек вспомнил о конце»³⁶.

Аналогичные сравнения можно привести на материале других проповедей. Иными словами, проповедник каждый раз адаптировал, по сути, одну и ту же мысль к разному культурному уровню слушателей.

---

³³ *Боэций*. «Утешение философией» и другие трактаты / Ред. Г. Г. Майоров, пер. В. И. Уколова, М. Н. Цейтлин. М., 1990. С. 205.

³⁴ В русских переводах нет слов об очищении.

³⁵ *Bériou N.* La prédication de Ranulphe de la Houblonnière... P. 65.

³⁶ *Ibid.* P. 65.

Вернемся к вопросу об искажениях. Следующие aberrации происходили во время записи проповеди. Они возникли бы, даже если конспектирующий не пытался бы сделать синхронный перевод. Каждый преподаватель хорошо знает: то, что услышал, понял и записал студент в своей тетради, может разительно отличаться от лекционного материала. Представим, насколько велик риск подобных отклонений при переводе, совмещенном во времени с конспектом. Это хорошо заметно в тех случаях, когда, по счастью, сохранилось сразу несколько стенограмм одной проповеди. Не забудем также, что многие конспекты переписывались. Однако погрешности переписчика, как правило, менее значительны и встречаются реже.

И вот наконец за перевод источника берется современный исследователь. Закончился ли долгий путь трансформаций этого текста? никоим образом. Начинается процесс истолкования, сопровождающийся переложением его на другой язык другой эпохи. Заключительный штрих – интерпретация перевода современным читателем. Как он поймет текст, многократно подвергшийся переработке: случайной, вынужденной или намеренной?

Задумавшись о многочисленных уровнях и типах искажений, которым подвергался текст, и проследивая долгий путь от замысла проповедника XIII в. до перевода, созданного в XXI в., невольно подвергаешься искушению впасть в скепсис и заявить о непознаваемости истории и невозможности сколь-нибудь адекватного перевода источников. Однако мне кажется, что радикальный нигилизм здесь излишен. Понимание потенциальных и вполне реальных текстовых отклонений в сочетании с признанием разницы культурных кодов, на мой взгляд, напротив, должно помочь переводчику в выполнении его непростой задачи.

*Олег Федорович Кудрявцев,
Московский государственный институт
международных отношений (МГИМО МИД России)*

РУССКИЕ ЗЕМЛИ НА ГЛОБУСЕ МАРТИНА БЕХАЙМА

В 1492 г. представитель старинного патрицианского рода Нюрнберга Мартин Бехайм (1459–1506/1507) по заданию властей этого города изготовил земной глобус, не самый древний из известных¹, но, несомненно, самый знаменитый и наиболее точно отражающий уровень географических знаний его времени. Он опирался не только на античных географов Страбона, Птолемея, Помпония Мелу и средневековых авторов Исидора Севильского, Винцента из Бове, Марко Поло, сэра Джона Мандевилля, но и на труды близких ему по времени картографов, данные о новых географических открытиях, прежде всего португальцев². Да и сам Бехайм, если верить одной из надписей на его глобусе, в 1484 г. был в числе руководителей португальской экспедиции вдоль западного побережья Африки, за что король произвел его в рыцари. Впрочем, достоверность обоих известий, похоже, небезосновательно, подвергается сомнению новейшими исследователями³. Остается открытым вопрос о его возможном влиянии на план Христофора Колумба достичь Азии, плывя из Европы в западном направлении⁴.

В создании глобуса Бехайму помогали мастера разных

---

¹ См. анализ известий о глобусах, изготовленных прежде того, который сделал Мартин Бехайм: *Gautier Dalchè P. Avant Behaim: les globes terrestres au XV-e siècle // Mediaevales. 2010. N 58. P. 43–61; Vogel K. A. Armillarsphäre und frühe Globen vor 1492 // VIII. Symposium der internationalen Coronelli-Gesellschaft. Dez. 1995. P. 31–54.*

² *Ravenstein E. G. Martin Behaim, His Life and His Globe. London, 1908. P. 62–66; Обручев С. В. Русские поморы на Шпицбергене в XV веке и что написал о них в 1493 г. нюрнбергский врач. М., 1964. С. 71–72.*

³ *Ravenstein E. G. Op. cit. P. 30–32; Обручев С. В. Указ. соч. С. 65–69.*

⁴ *Ravenstein E. G. Op. cit. P. 32–34; Обручев С. В. Указ. соч. С. 73.*

специальностей, а также известные космографы его времени Иероним Мюнцер и Хартманн Шедель⁵. В 1492 г., когда Бехайм преподнес глобус городу, работа над ним отнюдь не завершилась, в надписях, нанесенных на его поверхности, имеются более поздние добавления; одно из них, в частности, сообщает год смерти самого Бехайма⁶. Считается, что география Бехаймова глобуса обнаруживает значительное влияние карт Николая Германца, опубликованных в ульмских изданиях Птолемея 1482 и 1486 гг.⁷

В изображении Европы есть заметное сходство с картой Хроники Шеделя, ибо, по-видимому, и та, и другая восходят к карте Николая Кузанского⁸. Это же обстоятельство роднит карту Европы глобуса с картой Эйстат и картами Генриха Мартелла⁹. В частности, как было уже замечено¹⁰, пространство суши между Черным и Балтийским морями сужено так, что выглядит неким перешейком, или мостом, между Европой и Азией. И это похоже на изображение того же региона на упомянутых выше картах.

К северу от Черного и Каспийского морей нанесены горы. Неподалеку от одной их гряды, тянущейся с запада на восток, не подписанной, но обозначающей скорее всего изобретенные античными географами Рифейские горы, берет начало река Дон (done fl.); впадает она в Азовское море. Другая река без названия, тянущаяся с севера на юг и широким устьем впадающая в Каспийское море, может быть только Волгой; истоки ее в горах, вытянутых с севера на юг; они тоже не названы, но по расположению могут быть приняты за Уральские горы, которые, впрочем, должны были бы находиться дальше к востоку.

На глобусе Бехайма Черное и Азовское моря оставлены без

---

⁵ *Muris O.* Der "Erdapfel" des Martin Behaim // *Ibero-amerikanisches Archiv*. Vol. 17. N 1/2 (1943/44). S. 58; *Обручев С. В.* Указ. соч. С. 71, 72.

⁶ *Muris O.* Op. cit. S. 53, 54.

⁷ *Ibid.* S. 55; *Ravenstein E. G.* Op. cit. P. 62; *Обручев С. В.* Указ. соч. С. 70.

⁸ *Rücker E.* Hartmann Schedels Weltchronik. Das grösste Buchunternehmen der Dürer Zeit. München, 1988. S. 20.

⁹ *Ibid.*; *Обручев С. В.* Указ. соч. С. 70.

¹⁰ *Muris O.* Op. cit. S. 59.

названия, Каспийское по античной традиции названо Гирканским морем (das hyrkanische mer). Любопытно, что имя Балтийского моря дано по-итальянски “das mer von alemagna”, то есть Алеманское (или Немецкое) море, хотя от немецкого географа следовало бы ожидать обозначение этого имени по-немецки – “das teutsche mer”. По мнению исследователей, это доказывает, что Бехайм опирался, хотя бы отчасти, на итальянские портоланы¹¹; их догадку подтверждает и написание имени Москвы на итальянский манер (di moscha; см. о ней ниже).

Мартин Бехайм. Глобус. 1492. Музей Нюрнберга. Фрагмент с изображением Восточной Европы.

Имя Руси/Россия (reussen) в качестве обозначения русской земли расположено вдоль одной из безымянных рек, впадающих в Балтийское море, которую можно принять за Западную Двину или даже за Неман. К западу от этой Руси на побережье указана Пруссия (pruse), к северо-востоку – Лифляндия (liflant), а далее все там же на побережье – Ливония (liven). Еще дальше в том же направлении за неназванной рекой (ско-

¹¹ Ravenstein E. G. Op. cit. P. 65; Muris O. Op. cit. S. 58.

рее всего, Нарвой) надпись гласит Малый Новгород (klein pogart), под которым, вопреки мнению Равенштейна¹², не следует разуметь Ивангород, только заложенный в 1492 г.¹³ За ним строго на восток, за некой горной грядой раскинулась на довольно большом пространстве надпись Великий Новгород (gros pogart), обозначающая, как видно, не только город, но и принадлежащие ему земли. Пояснение в скобках гласит, что он является владением «герцога Московского» (gehört dem Herzog von Moscha), что соответствовало действительности, ибо в 1478 г. Новгород был окончательно присоединен к Москве. Сама Москва (di moscha), опять же как город и как его земля, показана южнее и тоже за какой-то невысокой горной цепью. Не к востоку от нее, как следовало бы, а к западу, у истоков Дона, обозначена Татария (tartaria). То есть Москва помещена среди восточных территорий далеко в Азии (границей Азии считалась река Дон). Не случайно крупная надпись ниже гласит Азиатская Сарматия (Surmat asie), тем самым обозначая, что все окрестные политические образования располагаются в ее пределах. Далее следующий текст легенды к западу от нижней Волги поясняет изображенный там столп: «До этого столпа дошел Александр Великий, и не далее на север» (bis an dis seile ist der gros Alexander kome und nit ferner gegen mitternacht). Сведения о неких столпах Александра, будто бы воздвигнутых великим завоевателем в самой северной точке, до которой доходила его армия, Бехайм скорее всего заимствовал у Птолемея¹⁴.

Недалеко от устья Дона, к востоку, изображена фигура на троне с короной на голове и скипетром в правой руке; под ней надпись: «этот император Татарии зовется Соболийки; он очень могущественен и воюет с герцогом Москвы» (diser kaiser von

¹² Ravenstein E. G. Op. cit. P. 78.

¹³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 5. Гл. 4 // Сочинения. М., 1989. Кн. III. С. 127.

¹⁴ Птолемей. Географическое руководство. III.9.15 // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. I. Античные источники / Составитель А. В. Подосинов. М., 2009. С. 194.

tartaria heist sobolijki der ist fast mechtig und krigt dem herzog von der moscha). По справедливому предположению исследователей, вместо “sobolijki” должно быть “zavolzhskiy”, то есть «заволжский», и тогда становится понятно, что речь идет о хане Заволжской орды. Что касается походов в московские пределы, то они предпринимались как ханами Золотой Орды, так и правителями тех образований, которые возникли на ее обломках.

Недалеко от устья Волги и северного берега Каспийского моря картинкой с изображением двух башен обозначен город, имя ему Сарай (Sara), – резиденция золотоордынских ханов, правда, ко времени создания карты он уже потерял былое значение и изрядно запустел.

К западу от Дона и к северу от Крымского полуострова лицом к выше описанному татарскому правителю изображен сидящим на троне с жезлом в руке другой предводитель татар, надпись гласит: «Этот император татар зовется Макок» (diser kaiser von tartaria heist macoc). Речь скорее всего идет о крымских татарах, хотя в числе их ханов не было ни одного с подобным именем; предположение Равенштейна о том, что на самом деле мог подразумеваться Ивак, хан Шибанской, или Тюменской орды, разбивший зимой 1480–1481 гг. золотоордынского хана Ахмата¹⁵, выглядит мало правдоподобным. Стоит обратить внимание на то, что это имя совпадает с одним именем из легенды/пророчества о нашествии народов Гога и Магога, о котором писали в хрониках, соотнося его в частности с завоеваниями монголов, и на картах позднего средневековья. Южнее этой фигуры изображен глубоко вдающимся в Черное море, отделяя его от Азовского, Крымский полуостров с надписью Каффа (caffa); на самом деле так именовался крупнейший в то время город полуострова (современная Феодосия), и его название Бехайм принял за имя территории, на которой он расположен. Османский флаг (на красном поле полумесяц) указывает ее политическую принадлежность; и это соответ-

---

¹⁵ Ravenstein E. G. Op. cit. P. 80. См. также: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 5. Гл. 3 // Он же. Сочинения. М., 1989. Кн. III. С. 79, 80.

ствовало действительности, ибо в 1475 г. османы захватили Каффу и все генуэзские владения на юге Крыма, а татарские ханы признали свою зависимость от Порты¹⁶.

У истоков Дона обозначены, по-видимому, так называемые алтари Цезаря (Julien Cäsar's), о которых сказано у Птолемея¹⁷, а в изгибе Дона, который он делает, резко меняя на карте течение с юго-восточного направления на юго-западное, изображен двумя башнями и стеной между ними некий город именем Алена (alena); Равенштейн предлагает это название считать производным от "Alauni" у Птолемея¹⁸, коим античный географ обозначил горы¹⁹. Западнее указаны названия еще двух русских городов. Одно из них расположено у истоков той реки, которая впадает в Немецкое (=Балтийское) море и вдоль течения которой помещено имя Русь (reussen), – Смоленск (smolentsko); другое отнесено еще дальше на запад, ближе к Польше (polen), это – Львов (Iemberg).

Если иметь в виду, как будут восприниматься русские земли в последующем, начиная с Матвея Меховского, весьма показательным следует считать то, что Русь на глобусе Бехайма локализована на небольшом пространстве недалеко от польских пределов, тогда как Москва (московские земли) изображена как нечто совсем другое, чужое, отделенное от Руси горами и даже страной Татарией (tartaria). Возможно, глобус Бехайма первым в наглядном виде отразил активно распространяемую польской пропагандой и наукой и несколькими десятилетиями позже воспринятую в Европе, пусть и не полностью, установку трактовать Русь и Московию как разные и никак не связанные страны.

---

¹⁶ *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Османской империи до начала XVIII в. СПб., 1887; *Зайцев И. В.* Образование Крымского ханства // История Крыма. М., 2017. Т. I. С. 374–378.

¹⁷ *Птолемей.* Указ. соч. III.5.26. С. 187. Александровы алтари помещены на Дону, поскольку эту реку отождествляли с Яксартом, до которого доходил Александр Македонский.

¹⁸ *Ravenstein E. G.* Op. cit. P. 78.

¹⁹ «Алаунские», или «Аланские» горы. См.: *Птолемей.* Указ. соч. III.5.15. С. 185.

***

Русь/Россия упоминается на глобусе Бехайма еще в нескольких местах, преимущественно в контексте информации о северных странах. И это явно не соответствует ее локализации на очень небольшом пространстве в юго-восточной части Прибалтики, данной на глобусе. В рассказе о том, как городской совет Нюрнберга повелел ему изготовить глобус, Бехайм причисляет Русь вместе с Исландией и Норвегией (*eysland norwegen und reussen*) к отдаленным северным областям земли (*weiten orth der welt gegen mitternacht end tramontana*), которые в его время уже известны и которые можно достигнуть на кораблях²⁰.

Еще раз о Руси Бехайм упоминает в довольно большом тексте, основанном на 48-й главе третьей книги Марко Поло, в котором повествуется о северном народе, «именуемом татарами пермяками» (*von tartaren genant permiani*). Зимой, как сказано, они кочуют на север в горы (?) и охотятся там на соболей, куниц, горностаев, лисиц и прочих животных; мясо употребляют в пищу, шкуры – на одежды. С приближением зимы они перемещаются на юг, в направлении Руси (*gegen geuse*). Затем добавлено: русские, желая посетить их страну, чтобы приобрести дорогие меха, из-за болот и глубокого снега должны передвигаться на санях, которые везут большие собаки²¹.

К Руси как к стране, расположенной на севере или поблизости от него, имеет отношение заметка на глобусе, описывающая арктический пояс (*circulus arcticus*). «Шестой климат – это климат Рифейских гор. Он управляется Марсом, чей металл – железо и дом – Скорпион»²². Рифейские горы, на наличии которых настаивала античная наука, ренессансными космографами помещались обычно на Руси; отмеченное воздействие Марса в этом поясе земли должно было, согласно астрологии, иметь злотворный характер, обуславливая дикость и неспособность к упорядоченной добрыми нравами гражданской жизни всех находящихся здесь людей; а, значит, и русских.

---

²⁰ *Ravenstein E. G. Op. cit. P. 71.*

²¹ *Ibid. P. 92.*

²² *Ibid. P. 72.*

Георгий Павлович Мельников,
Институт славяноведения РАН

К ПРОБЛЕМЕ АДЕКВАТНОСТИ ПРОЧТЕНИЯ ВИЗУАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ РУДОЛЬФИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ. КАЗУС АРЧИМБОЛЬДО

Рудольфинская культура, то есть культура двора императора и чешского короля Рудольфа II, сложившаяся в Праге на рубеже XVI–XVII вв. под непосредственным влиянием взглядов и вкусов императора, при всей многосоставности форм и видов культуры прежде всего визуальна. Конечно, в рудольфинской культуре значительное место занимают сочинения научного и паранаучного характера (труды по алхимии, астрологии и астрономии, магии и т.д.), поскольку эта сфера знания, в которой научное и квазинаучное еще составляли целостность, пользовалась особым покровительством Рудольфа II. Связь этой сферы с изобразительным искусством многократно отмечалась исследователями рудольфинской эпохи. В рудольфинской художественной культуре на первом месте стоят живопись и тесно с ней связанная графика, затем идут декоративно-прикладное искусство и скульптура. Архитектура отодвигается на задний план. Рудольф II для своей резиденции на Пражском Граде ограничился лишь переоборудованием нескольких залов, созданием помещения для кунсткамеры и постройкой триумфальных ворот.

В целом рудольфинская культура¹ являет собой некий мета-

---

¹ См. важнейшие работы о рудольфинской культуре: *Тананаева Л. И.* Рудольфинцы. Пражский художественный центр на рубеже XVI–XVII веков. М., 1996; *Prag um 1600: Kunst und Kultur am Hofe Rudolfs II.* / Ed. K. Vocelka. Bd. 1–3. Freren, 1988; *Fučíková E., Bukovinská B., Muchka I.* Umění na dvoře Rudolfa II. Praha, 1988; *DaCosta Kaufmann T.* The School of Prague. Painting at the Court of Rudolf II. Chicago; London, 1988; *Evans T. J. W.* Rudolf II and his World. Oxford, 1997; *Hausenblasová J., Šroněk M.* Praha císaře Rudolfa II. Praha, 1997; *Rudolf II. a Praha. Císařský*

текст, насыщенный семантикой, почти декларативно требующий дешифровки и раскрытия тайных смыслов художественного послания. Просвещенным современникам эти смыслы, очевидно, были понятны, но для представителей другой эпохи и другой культуры они нуждаются в своеобразном переводе – раскрытии и комментировании.

Рудольфинская художественная культура представляет собой довольно цельный по стилю и содержанию визуальный текст. Этот термин я понимаю, исходя из концепции московско-гартуской школы семиотики, что позволяет более цельно и интердисциплинарно подойти к проблеме адекватности его прочтения. Сам рудольфинский визуальный текст герметичен, перенасыщен символикой, содержащей тайные подтексты, в определенной степени эзотеричен и адресован узкому кругу избранных, посвященных.

Семантика рудольфинской художественной культуры, определяющая ее «шифр», неразрывно связана с той сферой рудольфинской культуры, название которой не имеет в науке четкой и однозначной формулировки. Ее называют средневеково-ренессансным видом знания, паранаукой, псевдонаукой, герметизмом, синтезным научно-сверхъестественным знанием и т. п. Эта сфера включает в себя оккультизм, каббалу, магию, чернокнижие, хиромантию, некромантию, но первые места занимают алхимия и астрология. Необходимо акцентировать глубокую взаимосвязь этой сферы с собственно научным, в современном понимании, знанием. Дифференциация произойдет гораздо позднее, в эпоху Просвещения, с установлением культа критического разума. Вспомним, что два «титана Возрождения», связанные с Прагой и Рудольфом II, И. Кеплер и Дж. Бруно, занимались, соответственно, составлением гороскопов и мнемотехникой. Художественная и паранаучная

---

dvůr a residenční město jako kulturní a duchovní centrum střední Evropy. / Eds. E. Fučíková, J. M. Bradburne, B. Bukovinská, J. Hausenblasová, L. Konečný, I. Muchka, M. Šroněk. Praha; Londýn; Milan, 1997; Rudolf II, Prague and the World. Papers from the International Conference. Prague, 2–4 September, 1997. Praha, 1998.

(остановимся на этом термине) части рудольфинской культуры настолько тесно проникли друг в друга, что образовали синтез, уникальный в истории европейской культуры.

Поэтому исследователи, чтобы адекватно понять рудольфинское искусство, стремятся к раскрытию герметического содержания рудольфинских артефактов. Насколько это удастся и сколь адекватны предлагаемые прочтения, остается дискуссионным.

Дешифровкой рудольфинской художественной культуры занимаются прежде всего искусствоведы, изучающие эту культуру. Однако они не являются историками научного и паранаучного знания и средневековой символики. С другой стороны, историки знания далеко не всегда владеют суммой специальной искусствоведческой информации о культуре круга Рудольфа II. К тому же современные академические исследователи не являются и не могут являться адептами тайнознания. Адепты же, «посвященные», т.е. современные алхимики и астрологи, прежде всего чешские, активно изучают рудольфинскую культуру, но стараются избегать анализа произведений рудольфинского искусства. Яркий пример тому – огромного объема том под типично алхимическим названием «Opus magnum» пражского издательства эзотерической литературы «Trigon»², опубликованный к одноименной выставке, где анализируются алхимические трактаты той эпохи с позиций алхимии конца XX в. Насколько адекватно такое прочтение, мы, не будучи «посвященными», судить не можем. Уникальной попыткой объединения чешских историков, историков науки (Иво Пурш, Ярослава Хаузенблазова и др.) и чешских алхимиков наших дней во главе с Владимиром Карпенко стал огромный по объему (840 страниц в формате А 4) труд, точнее, сборник статей, под названием «Алхимия и Рудольф II»³. В нем заявлен междисциплинарный и комплексный научный подход, но его реальное воплощение оставляет желать лучшего. Книга издана Институтом истории искусств

---

² Opus magnum / Ed. V. Zadrobílek. Praha, 1997.

³ Alchymie a Rudolf II / Ed. I. Purš, V. Karpenko. Praha, 2011.

Академии наук Чешской Республики, но парадоксальным образом в ней отсутствуют работы искусствоведов, хотя в этом же институте существует с 2001 г. специальный Центр изучения искусства и культуры эпохи Рудольфа II, издающий на европейских языках ежегодный бюллетень «*Studia Rudolphina*».

Искусствоведы пытаются расшифровать тайный смысл рудольфинского искусства, обращаясь к алхимической и аналогичной ей литературе того времени и современности. Однако из-за отсутствия специальной алхимической подготовки такие интерпретации обречены на приблизительность и гипотетичность. Поэтому остается неясным, насколько аутентична предлагаемая трактовка, насколько она адекватна объекту исследования и в этом смысле исторична.

В качестве примера остановимся на интерпретации творчества Джузеппе Арчимбольдо (1527–1593), значительную часть жизни проведшего в Праге при дворе Рудольфа II. Его «коллажные» (композитные) головы привлекали значительное внимание современников, включая Фердинанда Тирольского и Рудольфа II, а в начале XXI в. его необычная, уникальная в истории искусства манера приобрела широкую популярность. В нашу задачу не входит представить краткий очерк жизни и творчества Арчимбольдо⁴. Мы лишь сравним интерпретации его творчества, имеющиеся в науке.

Известный итальянский искусствовед Федерико Дзери, анализируя «коллажные» или «составные» головы, составленные Арчимбольдо из цветов и других растений, приходит к мнению, что они выражают идею множественности мироздания в единстве и целостности фигуры. Он же указывает на алхимическо-ботаническую символику каждого растения, что ведет зрителя к пониманию того, почему Арчимбольдо выбрал именно эти цветы для воплощения идеологического по-

---

⁴ *Деньщикова А. В.* Арчимбольдо // *Культура Возрождения. Энциклопедия.* М., 2007. Т. 1. С. 101–103. Там же список основной литературы. См. также сборник статей и материалов, изданный к выставке в Париже и Вене: *Arcimboldo / Ed. S. Ferino-Pagden.* Milano, 2007.

слания своей картины⁵.

Совсем иную интерпретацию дал другой искусствовед – Бенно Гайгер, автор первой научной монографии об Арчимбольдо. Он опирается на суждения некоторых современников Арчимбольдо, не видевших в работах художника натурфилософского и алхимического содержания. Он вслед за ними называет картины Арчимбольдо гротесками, скерцо, употребляет термины *bizzarie*, *caricci*. Исследователь квалифицирует произведения Арчимбольдо как всего лишь кунштюк, цель которого – рассмешить аристократию, и сравнивает Арчимбольдо с Франсуа Рабле⁶. Очевидно, Б. Гайгер считает картины Арчимбольдо проявлением той же карнавальной культуры Ренессанса, о которой у нас применительно к творчеству Рабле написана ставшая классической книга М. М. Бахтина. Непосредственно к определению гротеска, присущего и Рабле, и Арчимбольдо, можно отнести следующие определения автора. «Гротескное тело <...> – становящееся тело. Оно никогда не готово, не завершено: оно всегда строится, творится и само строит и творит другое тело; кроме того, тело это поглощает мир и само поглощается миром»; «Формы головы <...> приобретают гротескный характер лишь тогда, когда они переходят в звериные формы или в формы вещей <...>. В гротеске особое значение приобретают всякие отростки и ответвления»; «Гротескное тело космично и универсально: в нем подчеркиваются общие для всего космоса стихии – земля, вода, огонь, воздух»; «Вселенная как бы еще раз собрана в теле человека во всем своем многообразии: все ее элементы встречаются и соприкасаются в единой плоскости человеческого тела»⁷.

По контрасту с Б. Гайгером американский искусствовед Томас ДаКоста Кауфманн, ведущий специалист по рудольфинскому искусству, считает, что Арчимбольдо чрезвычайно

---

⁵ Дзери Ф. Арчимбольдо. Весна / Пер. с итал. И. Прусс. М., 2001. С. 28.

⁶ Geiger B. Die skurrilen Gemälde des Giuseppe Arcimboldo. Wiesbaden, 1960.

⁷ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 351, 353, 400.

серьезен. Арчимбольдо полностью вписывается в контекст культуры своего времени, отвечает ее главным тенденциям в эпоху маньеризма. Вслед за такими крупнейшими учеными, как англичанин Р. Д. В. Эванс⁸ и чех Павел Прайс⁹, Т. ДаКоста Кауфманн считает живопись Арчимбольдо «системой соответствий между микрокосмом и макрокосмом, теорией элементов Аристотеля»¹⁰. От неоплатонизма идет трактовка сада (в случае Арчимбольдо голова предстает как сад), в котором воплощены четыре времени года и четыре элемента как аллегии императорской власти, уподобляемой власти Бога над миром¹¹. Живопись Арчимбольдо – это императорская живопись¹².

Характерно, что Т. ДаКоста Кауфманн, как и Б. Гайгер, для подтверждения своих взглядов ссылается на сочинения современников Арчимбольдо, правда, на разные. Он указывает на поэму Д. Б. Фонтео (1524–1587) «Живопись четырех времен года и четырех элементов императорского художника Джузеппе Арчимбольдо», прямо анализирующую специфику образов Арчимбольдо в указанном ключе. Но тематика картин художника шире, чем времена года и элементы. Поэтому, когда такого явного помощника по дешифровке нет, мы обречены на расшифровку по аналогии.

Т. ДаКоста Кауфман также определил параллели между фантастическим видением природы у Арчимбольдо и природными курьезами как капризами и прихотями природы¹³. Этот же ис-

---

⁸ *Evans R. J. W. Op. cit.*

⁹ *Preiss P. Giuseppe Arcimboldo. Praha, 1967; Idem. Panorámá manýrismu. Praha, 1974; см. Указатель.*

¹⁰ *DaCosta Kaufmann T. Caprices of Art and Nature: Arcimboldo and the Monstrous // Kunstform Capriccio. Von der Groteske zur Spieltheorie der Moderne / Hrsg. E. Mai, J. Rees. Köln, 1998. S. 33–51.*

¹¹ *Ibid. S. 38.*

¹² Подробнее см.: *Деньщикова А. В. Сакрализация императора в рудольфинской культуре // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти / Отв. ред. Н. А. Хачатурян. М., 2006. С. 456–467.*

¹³ *DaCosta Kaufmann T. Caprices... S. 33–51.*

следователь констатирует, что Арчимбольдо считался при дворе Рудольфа II экспертом по «натуральной истории»¹⁴. Художник, по сообщению его современника и друга Грегорио Команини, часто наблюдал животных в императорских зверинцах. Т. ДаКоста Кауфманн сравнивает первые в европейской живописи самостоятельные натюрморты, которыми он считает «коллажные» головы Арчимбольдо, с «натуралистическим жанром» в творчестве других представителей рудольфинского искусства – Йориса и Якоба Хёфнагелей и Руланда Саверея, и находит, что эти художники запечатлевали натуралии, наблюдая их не только в жизни, но и в экспозиции кунсткамер¹⁵, что соответствует общему стремлению к визуализации «натуральной истории»¹⁶.

Принято считать, что главный образ «коллажных» картин Арчимбольдо – это метаморфозы, превращение части человеческого тела – головы в другие живые и неживые предметы, что генетически восходит к «Метаморфозам» Овидия. Превращения же не столько часть «натуральной истории» (эволюция видов еще неизвестна), сколько основа алхимии (трансмутации). Поэтому у нас есть все основания говорить о явной связи образов Арчимбольдо не только с «натуральной историей», но и с алхимией, процветавшей в Праге во время правления Рудольфа II. Но, строго говоря, это лишь основательная гипотеза, не подтверждаемая литературными или документальными текстами.

Немецкий исследователь Франц Кирхвегер рассматривает творчество Арчимбольдо в контексте естественнонаучных и натурфилософских воззрений позднего Ренессанса, проводя аналогии с феноменом кунсткамеры, формирующейся в это время. Он считает, что идея кунсткамеры – соединение в одном пространстве двух сфер: *naturalia* и *artificialia*, поскольку они составляют две части единого целого. На Арчимбольдо серьезно повлияли концепции кунсткамер императоров Мак-

---

¹⁴ *DaCosta Kaufmann T.* Giuseppe Arcimboldo, The Habsburg's Leonardo // *Rudolf II, Prague and the World...* P. 172.

¹⁵ *Ibid.* P. 171–172.

¹⁶ *Renaissance Watercolours / Ed. M. Evans.* London, 2020. P. 112.

симилиана II и Рудольфа II. Составлялись искусственные композиции из натуралий, или же авторы искусно имитировали такие артефакты (Б. Палисси, В. Ямницер). Это безусловно повлияло на Арчимбольдо, который также делал такие имитации природных объектов для Рудольфа II. Цель состояла в том, чтобы удивить, раздражить, развлечь, расширить кругозор¹⁷. Ф. Кирхвегер, как видим, пытается соединить концепции Б. Гайгера и Т. ДаКоста Кауфмана по принципу дополнения.

Другой немецкий искусствовед, Вернер Кригескорте, прямо утверждает, что Арчимбольдо тщательно изучал экспонаты кунсткамеры. Это оказало на него большое влияние, что видно по его работам¹⁸.

Исследователь феномена кунсткамеры Патрик Морье указывает на обратное влияние Арчимбольдо на дизайн кунсткамер. Как пример он приводит работы последователей Арчимбольдо (Arcimboldesci) в Италии: фигуры негров начала XVII в. из Тосканы, сделанные, в том числе и головы, из различных ракушек¹⁹. В конце XX в. парижский коллекционер и галерист Суланж Фуйоль организовал свой музей по принципу старинной кунсткамеры, в которой в экспозицию, стилизующую дизайн кунсткамер XVI–XVII вв., включено произведение под названием «Портрет», сделанное в XIX в. из ракушек в подражание манере Арчимбольдо. Так Арчимбольдо в буквальном смысле слова вернулся в родное для него пространство кунсткамеры²⁰. Это также можно рассматривать как актуальное прочтение визуального текста Арчимбольдо сквозь призму постмодернизма.

В сущности, исследователи, говоря о связи микрокосма и макрокосма, об элементах и метаморфозах, косвенно проводят мысль, не формулируя ее четко, о том, что философия

---

¹⁷ *Kirchweger F.* Between Art and Nature: Arcimboldo and the World of the Kunstkamer // Arcimboldo... P. 189–194.

¹⁸ *Kriegeskorte W.* Giuseppe Arcimboldo. Köln, 1999. P. 22, 27.

¹⁹ *Maurès P.* Cabinets of Curiosities. London, 2013. P. 83–86.

²⁰ *Ibid.* P. 246–247.

картин Арчимбольдо полностью соответствует концепции *Harmonia mundi*, утвердившейся в конце XVI в. в натурфилософии и, шире, в культурном сознании просвещенной части общества. *Harmonia mundi* – явление сложного порядка, не исключающее диалектические противоречия. Поэтому правы Ф. Дзери и Т. ДаКоста Кауфман, считающие, что идея всемирной гармонии дополняется идеей *discors concordia* (совмещение несовместимого), являющейся одной из основных идей позднего маньеризма²¹ и которую Ф. Дзери рассматривает как некую утопию. Он отмечает, что тот же принцип лежит в основе кунсткамеры, где в одном пространстве соединяются в некоем контексте абсолютно разные, в реальной жизни несовместимые предметы. Отметим, что этот же принцип характерен для современного постмодернизма, что может объяснить вновь вспыхнувший повышенный интерес к творчеству Арчимбольдо в конце XX в. Утопизм Арчимбольдо Ф. Дзери понимает следующим образом: «Утопический характер поисков художника заключается в его стремлении схватить и передать в ускользающей множественности явлений единство божественного начала и воссоздать Единое множественностью видимого»²². От себя хочу отметить, что такого рода утопизм близок не социально-философской утопии Томаса Мора и Томмазо Кампанеллы, а итальянской натурфилософии (Джироламо Кардано, Бернардино Телезио, Джордано Бруно), а также в какой-то мере предвещает утопизм Яна Амоса Коменского, включая его «*Orbis sensualium pictus*» как каталог феномена мира видимого и мира идеального в качестве интегральных частей единого божьего мира – Вселенной²³.

Возвращаясь к искусствоведческой интерпретации картин

---

²¹ Дзери Ф. Указ. соч. С. 4; *DaCosta Kaufmann T.* Arcimboldo's Composite Heads: Origins and Invention // Arcimboldo... Р. 100.

²² Дзери Ф. Указ. соч. С. 26.

²³ Мельников Г. П. Специфика утопизма Яна Амоса Коменского // Утопия и утопическое в славянском мире / Ред. Л. А. Софронова. М., 2002. С. 35–46.

Арчимбольдо, вновь поставим вопрос: это фантастические гротески или серьезные натурфилософские концепты, включающие в себя разного рода аллегории, в том числе алхимические? Мне представляется, что ближе к истине последнее, ибо мир натуралий Арчимбольдо наделен такой же вселенской духовностью, как и космические концепты итальянских натурфилософов XVI в. Арчимбольдо именно через многообразие тварного мира выражает концепт высшего знания, неизреченного смысла, религиозно-философского понимания основополагающей категории *Harmonia mundi*. Но нельзя совершенно отбрасывать и первую интерпретацию. Точку зрения Б. Гайгера дополняет Филипп Морель, акцентирующий риторичность и карнавальность гротесков Арчимбольдо, имеющих в действительности гораздо более глубокие смыслы²⁴. Всемирная гармония как сочетание несочетаемого невозможна без гротеска. Человек после грехопадения, в сознании христианского мира, это пародия на самого себя до изгнания из Рая/Сада. Здесь Арчимбольдо не ренессансен, как и Босх. Отсюда идет средневековая карнавальная гротескность «коллажных» голов Арчимбольдо. Но это лишь моя интерпретация, одна из возможных, однако стремящаяся синтезировать уже существующие.

---

²⁴ *Morel P.* Arcimboldo's Composite Heads, Grotesques and the Aesthetics of Paradox // Arcimboldo... P. 221–231.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР

*Михаил Владимирович Дмитриев,
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова,
НИУ «Высшая школа экономики»*

CULTURAL MISUNDERSTANDINGS? О «НЕПЕРЕВОДИМОСТИ» В ДИАЛОГЕ КАТОЛИКОВ, ПРОТЕСТАНТОВ И ПРАВОСЛАВНЫХ, ЗАПАДА И РУСИ В XVI В.¹

В нашем эссе речь пойдет об опыте взаимного непонимания носителей католической, православной и протестантской культур при их встрече и диалоге в русских и украинско-белорусских землях в XVI в. Мы обратимся к тому, как православные и протестантские полемисты не увидели и не поняли, что Реформация и византийско-христианская традиция исходят из кардинально разных посылок в решении религиозных вопросов; как православные сторонники сближения с Римом в годы подготовки Брестской церковной унии не поняли, что предлагаемый ими проект фактически не осуществим, потому что католицизм – это совсем не то, что православие; как католические иерархи и ученые монахи в эти же годы оказались не способны разобраться в том, что составляло конфессиональную идентичность православной культуры Украины и Белоруссии, и поэтому уния не могла не вызвать острого религиозного кризиса на востоке Европы; как западным путешественникам (католикам и протестантам) не удава-

---

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Запреты в средневековом обществе», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г.

лось адекватно «перевести» на язык их культур то, что они видели в Московской Руси.

Я очень рад, что это эссе появляется в сборнике в честь Марка Аркадьевича Юсима, который в последние годы принимал активное участие в проектах Лаборатории медиевистических исследований ВШЭ, Германского исторического института в Москве и Центра украинистики и белорусистики Истфака МГУ, посвященных проблеме генезиса современных наций и истории Реформации. В каком-то смысле моя статья есть и отклик на замечательную книгу Марка Аркадьевича «История и мораль»², которая в 2016 г. стала предметом обсуждения в семинаре ЛМИ ВШЭ «Дискуссионное средневековье».

***Cultural misunderstanding* как понятие**

Когда речь идет о встрече, диалоге и конфронтации христианских конфессий в культуре Восточной Европы – никакие объяснения о предмете обсуждения не нужны. Но вот что такое *cultural misunderstandings*, нуждается в комментариях. Это довольно строгое понятие культурной антропологии и, отчасти филологии, лингвистики и семиотики³, позволяющее квалифицировать такие ситуации, когда при встрече и диалоге двух культур (в данном эссе речь идет о двух христианских *конфессионально* специфических культурах) система референций и значений одной из них оказывается не переводима (или не вполне переводима) на язык другой; понятия и представления одной культуры оказываются несовместимы (или не вполне

---

² Юсим М. А. История и мораль. Ценности и время. Субъективный фактор в истории. М., 2014.

³ См., например: *Hinnenkamp V. The notion of misunderstanding in intercultural communication // The diversity of intercultural communication / Ed. by J. Dorriots. Göteborg, 2002. P. 55–88; Hartog J. Beyond ‘misunderstandings’ and ‘cultural stereotypes’: Analyzing intercultural communication // Beyond misunderstanding: Linguistic analyses of intercultural communication / Ed. by K. Bühlig and J. D. Thije. Amsterdam, 2006. P. 175–188.*

совместимы) с понятиями и представлениями другой культуры. В нашем случае мы сталкиваемся с культурно детерминированной неспособностью католиков, православных и протестантов понять конфессиональные особенности специфических систем религиозных дискурсов других участников диалога (католических, православных и протестантских). Эта неизбежная «глухота» и порожденные ею тупики в межкультурной коммуникации были последствием и выражением существенной асимметрии (найдется ли лучшее слово?) нормативных вероучительных установок, присущих византийско-христианским и «латинским» религиозным традициям⁴.

---

⁴ Проблематика различий двух христианских традиций и воздействия этих различий на эволюцию обществ Западной и Восточной Европы находится в центре международной исследовательской программы «Влияние православия и западного христианства на общества. Сравнительный подход». Ряд книг, не считая десятков статей, уже опубликован: Moines et monastères dans les sociétés de rite grec et latin / Études publiées par J.-L. Lemaître, M. Dmitriev et P. Gonneau. Genève, 1996; Fonctions sociales et politiques du culte des saints dans les sociétés de rite grec et latin au Moyen Âge et à l'époque moderne. Approche comparative / Sous la dir. de M. Derwich et M. Dmitriev. Wrocław, 1999; Les Chrétiens et les Juifs dans les sociétés de rites grec et latin. Approche comparative. Actes du colloque organisé les 14–15 juin 1999 à la Maison des Sciences de l'Homme (Paris) / Textes réunis par M. Dmitriev, D. Tollet et E. Teiro. Paris, 2003; Être catholique, être orthodoxe, être protestant dans l'Europe médiévale et moderne / Sous la dir. de M. Derwich et M. Dmitriev. Wrocław, 2003; La frontière entre les chrétientés grecque et latine au XVIIIème siècle. De la Lithuanie à l'Ukraine subcarpathique (специальный выпуск журнала «XVIIIème siècle». 2003. N 3. [Juillet–Septembre 2003, 55ème année]); Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – новое время / Под ред. М. В. Дмитриева = Religion et ethnicité dans la formation des identités nationales en Europe. Moyen Âge – époque moderne / Sous la dir. de M. V. Dmitriev. M., 2008; Евреи и христиане в православных обществах Восточной Европы / Под ред. М. В. Дмитриева. M., 2011; Confessiones et nationes. Discours identitaires nationaux dans les cultures chrétiennes: Moyen Âge – XXe siècle / Textes réunis par M. V. Dmitriev et D. Tollet. Paris, 2014.

Подчеркнем: мы имеем дело не просто с *трудностями* перевода, а с тем, что две или три культуры, стоящие за соответствующими дискурсами, настолько различны, что многие значения и смыслы одной вообще не удается передать языком другой. Ирония пушкинских строк «Мой дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог и уважать себя заставил...», как заметил М. П. Алексеев⁵, совершенно не может быть передана средствами китайского языка и стоящей за ним культуры, построенной на иных, чем в Европе, нормах и представлениях об отношениях отцов и детей. Ипостаси Троицы, как и ипостасность в связи иконы и первообраза – понятия и представления Византии, не переводимые на язык западной средневековой схоластики⁶. Понимание связей религии и пра-

---

⁵ Алексеев В. М. О последнем, 1943 года, переводе «Евгения Онегина» на китайский язык. Из набросков к докладу «Пушкин в Китае» // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации / Под ред. М. Л. Гаспарова, Е. М. Мелетинского, А. Б. Куделина, Л. З. Эйдлина. М., 1985. С. 257–258 («Одиозное для китайца “Мой дядя самых честных правил” требовало поставить слово “честный” в кавычки, придать юмористический характер, что, по-видимому, было выше сил переводчика. Я сам как педагог, преподававший русский язык китайцам, позорно споткнулся на этом же слове “честный”: мой ученик отказывался понять, как можно вообще относиться к честности иронически: “Если в вашей стране относятся к этому иронически, то ваша поэзия нам не подходит”»). См. подробнее: Алексеев В. М. Пушкин в Китае // Алексеев В. М. Труды по китайской литературе. В двух книгах. Кн. 2. М., 2003. С. 175–201.

⁶ Кирилл (Говорун), архим. Ипостась // Православная энциклопедия. Т. 26. М., 2011. С. 183–190 (о разработке понятия «ипостась» в византийском богословии); Острогорский Г. А. Гносеологические основы византийского спора о св. иконах // Seminarium Kondakovianum. II. Praha, 1928. С. 47–51; Живов В. М. «Мистагогия» Максима Исповедника и развитие византийской теории образа // Художественный язык средневековья / Под ред. В. А. Карпушина. М., 1982. С. 108–127 (переиздано: Живов В. М. «Мистагогия» Максима Исповедника и развитие византийской теории образа // Живов В. М. Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. М., 2002. С. 15–39; См. также: Besançon A. l'Image interdite. Une histoire intellectuelle de l'iconoclasme.

ва в исламе, видимо, не передается в терминах и понятиях христианских и постхристианских культур.

И покуда речь шла бы о встрече Европы и Китая, или Китая и ислама, или европейского христианства с исламской культурой или, например, буддизмом – сомнения в приложимости понятия *cultural misunderstandings* не возникали бы. Но вот когда мы имеем дело с внутрехристианскими конфессиями и соответствующими субкультурами, сомнения в том, что и тут могут встретиться *cultural misunderstandings*, сразу возникают и бывают весьма острыми. Ведь в диалоге между протестантами и католиками, говорят оппоненты, – при всей глубине различий протестантизма и католицизма – *cultural misunderstandings* якобы, невозможны, потому что и те, и другие – христиане. Отсюда часто делается вывод, что *cultural misunderstandings* не могут возникать и в отношениях православной и «латинской» христианских культур, потому что они обе – именно христианские ... Так ли это?

Поиск ответа на этот вопрос приводит к главному тезису, который обосновывается настоящим эссе: наши источники отражают ряд ситуаций, когда в истории Восточной Европы в XVI в. мы имеем дело с именно *cultural misunderstandings* в диалоге и конфликте «латинских» и восточнохристианских традиций.

Cultural misunderstandings в полемике православных и протестантов в XVI в.

Первый раз, вовсе не зная ещё о понятии *cultural misunderstandings*, я вплотную столкнулся с ситуацией взаимной «глухоты» участников межконфессионального диалога в 1981–1984 гг., изучая памятники полемики православных авторов с протестантами в XVI – начале XVII в.⁷

Paris, 2000 (есть недавний русский перевод: *Безансон А.* Запретный образ. Интеллектуальная история иконоборчества / Пер. с франц. М. Розанова. М., 1999).

⁷ *Дмитриев М. В.* Реформационные движения в восточнославянских

Характерный пример православного восприятия протестантизма – послания старца Артемия, русского ученого монаха середины XVI в., который, бежав в Литовское государство в 1550-е гг., вёл полемику с протестантами в ряде произведений⁸, в том числе в двух посланиях к одному из видных деятелей кальвинизма в Речи Посполитой Шимону Будному (в 1563–1564 гг.) и в сочинении «К люторским учителям» (конец 1560-х гг.)⁹.

Артемий резко и подчас даже грубо критикует учение протестантов, каким он его видит. В их «богопротивных» общинах, пишет он, нет согласия ни в чём, кроме отсутствия поста. Их учение нацелено лишь на то, чтобы «порочить» истинных христиан; в «новых науках тайна деется антихристова беззакония»¹⁰. Протестанты разрушают христианскую веру, переданные апостолами нормы и институты, вводят вместо «бо-

---

землях Речи Посполитой во второй половине XVI – первой половине XVII в. Автореферат дисс. ...канд. ист. наук. М., 1984; *Дмитриев М. В.* Православие и Реформация. Реформационные движения в восточнославянских землях Речи Посполитой во второй половине XVI века. М., 1990.

⁸ О старце Артемии см: *Вилинский С. Г.* Послания старца Артемия (XVI века). Одесса, 1906; *Зимин А. А.* Дело старца Артемия // *Зимин А. А. И. С.* Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958. С. 153–168 и по указателю; *Schulz G.* Die theologiegeschichtliche Stellung des Starzen Artemij innerhalb der Bewegung der Besitzlosen in Russland der ersten Hälfte des 16. Jahrhunderts. Erlangen, 1980 (=Oikonomia. Quellen and Studien zur Orthodoxen Theologie, XV); *Dmitriev M.* Dissidents russes. I. Feodosij Kosoj; *Dmitriev M.* Dissidents russes. II. Matvej Baskin, le starec Artemij. Baden-Baden, 1999 (Bibliotheca dissidentium. Répertoire des non-conformiste religieux des seizième et dix-septième siècles / Ed. par A. Séguenny. Т. XX); *Калугин В. В.* Артемий // *Православная энциклопедия.* Т. 3. М., 2001. С. 458–462.

⁹ [*Артемий*]. Послания старца Артемия / Изд. П. А. Гильтебрант // *Русская историческая библиотека.* Т. 4. СПб., 1878 (Памятники полемической литературы в Западной Руси, I). Стб. 1201–1266, 1287–1328, 1423–1432.

¹⁰ Там же. Стб. 1289.

жественных правил» свою «самозаконную лесь» и т.д.¹¹ Артемий считает «люторов» «духоборцами», которые, называя богослужение «чарами и плясанием», а хлеб причастия – простым хлебом, а не телом Господним, заменили веру на «лжеименитый разум», мудрствуют «по плоти», не понимают Евангелия Христова и проповедают вместо него Десятословие (Десять заповедей Моисея)¹².

Учение протестантизма в посланиях Артемия было представлено искаженно. На первый план выдвинуто не оправдание верой, новый взгляд на Св. Писание, отрицание авторитета Рима, отказ от большинства таинств, новое понимание ехаристии, а отвержение почитания икон и святых мощей, непризнание института монашества. В одном из релевантных пассажей своего антилютеранского трактата Артемий следующим образом излагает учение оппонентов. Они утверждают, что проповедают евангельское учение, и тех, кто идет за ними, называют евангельскими детьми. Однако главное место в учении еретиков занимает Десятословие. «Потом глаголете: “не почитай образов, не кланяйся иконам, есть идоли язычестии, дело рук человеческих, владость”... И паки глаголете: “такоже и кресту Христову не поклоняйся, то есть виселица; и крестного заменя на лица не чини, не мотай руками; литургия не тебе; аще ли възсошет кто причащатися, то кознодея дает хлеб прежде, а потом вино; а пръвая служба и все церковное пение недобре; таже и преданная посты от церкви в общину не постити; а опитемии за грехи не тебе, токмо поклоняние (*sic!* – М. Д.) истинно; и крещение, и всяко последование древнее, и молитвы прежде писаныя от святых, яко непотребны, отставити; постническое житие, рекше отшелничества мира, отнюдь ни на кою же ползу, занеже всего того во евангелии не писано”»¹³.

Как и другие православные полемисты той эпохи¹⁴, Артемий

¹¹ Там же. Стб. 1290–1291.

¹² Там же. Стб. 1276–1278.

¹³ Там же. Стб. 1250–1251.

¹⁴ Цветаев Д. В. Литературная борьба с протестантством в Москов-

вёл речь не о том, что было действительно существенно в протестантизме середины XVI в., а о том, что было центрально именно для православной культуры Восточной Европы того времени. Православные полемисты видели в протестантизме прежде всего иконоборчество, отрицание таинств и обрядов христианской церкви, атаку на монашество и культ святых. Тема оправдания верой, а не «добрыми делами», оставалась как бы незамеченной. С другой стороны, периферийное для протестантизма иконоборчество выдвигалось в центр полемики.

Прекрасный пример того, как православные и протестанты не понимали друг друга, оставлен нам обменом посланиями между константинопольским патриархом Иеремией и тюбингенскими теологами (Крузием и другими) в 1570-е гг.¹⁵ Д. Вендебург, очень внимательно изучив всё, что касается этих посланий, констатирует, что «позиция обеих сторон отмечена рядом недоразумений – от языково-технических ошибок в ложном понимании того или иного текста вплоть до случаев, в которых собеседники попросту не слышали друг друга, так как традиции и мыслительные структуры были фундаментально разными, в чем стороны, однако, не отдавали себе отчета»¹⁶. По заключению И. Мейендорфа, диалог между

ском государстве. М., 1887; *Он же*. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890; *Müller L.* Die Kritik des Protestantismus in der russischen Theologie vom 16. bis zum 18. Jahrhundert. Wiesbaden, 1951 (Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der Geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse. Jg. 1951, № 1). См. также: *Соколов И. И.* Отношение протестантизма к России в XVI и XVII веках. М., 1880.

¹⁵ *Wendebourg D.* Reformation und Orthodoxie: der ökumenische Briefwechsel zwischen der Leitung der Württembergischen Kirche und Patriarch Jeremias II. von Konstantinopel in den Jahren 1573–1581. Göttingen, 1986. См. также: *Zachariades G. E.* Tübingen und Konstantinopel. Martin Crusius und seine Verhandlungen mit der griechisch-orthodoxen Kirche. Göttingen, 1941 (Schriftenreihe der Deutsch-Griechischen Gesellschaft. Heft 7).

¹⁶ *Wendebourg D.* Op. cit. S. 152 (“Es wird sich zeigen, dass auf beiden Seiten eine Reihe von Missverständnissen vorliegen – von sprachlich-

Иеремией и тюбингенскими богословами показывает «отсутствие в ту эпоху подлинно общего языка»¹⁷.

Важно при этом помнить, что и протестанты не замечали и не понимали многого, что имело центральное значение для православной традиции.

Но почему православные не понимали протестантизм и *vice versa*? В поисках ответа невозможно обойтись без опыта историко-богословских исследований. И. Мейендорф констатирует, что православие и протестантская Реформация XVI в. сосредоточены на разных проблемах, и два языка богословской культуры были очень различны. «Теологические формулы протестантизма – по крайней мере тогда, когда их рассматривают в свете восточной патристической традиции, – прочно зависят от западной, августиновской проблематики» религиозной мысли¹⁸, а эта проблематика по ряду важнейших

---

technischen Pannen über Fehldeutungen des jeweiligen Textes bis hin zu Fällen, in denen man schlicht aneinander vorbereitredete, weil Traditionen und Denkstrukturen grundverschieden waren, ohne man sich dessen bewusst gewesen wäre»). Исследовательница констатирует также, что многие богословские послылки протестантов и многие их утверждения «были чужды патриарху и едва ли не полностью непонятны». Это не значит, что Иеремия вообще не понимал того или иного тезиса. Он мог адекватно передавать содержание этих тезисов, но много чаще высказывания протестантской стороны не представлялись ни верными, ни ложными, но оставались для него или неясны, или не вполне вняты, не говоря уже о тех случаях, когда Иеремия попросту искажал смысл прочитанного (Ibid. S. 153 [«viele theologische Anliegen der Confession Augustana und viele Feststellungen “waren dem Patriarchen fremd, wenn nicht völlig unverständlich”. Das heist nicht, er habe darin überhaupt nicht verstanden. Er referierte die protestantischen Ideen. Aber häufiger sind de Fälle “in denen ihm Aussagen weder falsch noch richtig, sondern unklar oder unvollständig erschienen, von denen, die er schlicht missdeutete, ganz abgesehen”»]).

¹⁷ *Meyendorff J.* La signification de la Réforme dans l'histoire du christianisme // *Meyendorff J.* Orthodoxie et catholicité. Paris, 1965. P. 123 (“l'absence, à cette époque, d'un véritable langage commun”).

¹⁸ Ibid. P. 120 (“impermeabilité... illustre simplement le fait que la formulation théologique du protestantisme – du moins quand on le voit à

параметров была совсем иной, чем проблематика византийско-православного христианского мышления.

И. Мейендорф и Д. Вендебург подошли к интересующей нас проблеме как проблеме богословия. Насколько обнаруженное ими релевантно в контексте изучения не истории «высокой» религиозной мысли, а социальной истории и истории культуры, истории «переживаемого»¹⁹ христианства? Например, православные жители Восточной Европы и их соседи-протестанты в XVI в. – «переживали» и осмысливали ли они вопросы христианской веры одинаковым образом или нет? Ответ на этот вопрос затруднён, главным образом, тем, что православная культура Московской Руси и украинско-белорусских земель в зрелое Средневековье и раннее Новое время изучены далеко не так полно, как культура «латинского» мира в ту же эпоху. Однако мы знаем, что Артемий и другие современники Лютера и Кальвина жили в мире, где не было ничего, подобного папству, духовенство не только не прошло через григорианскую революцию, но и было подчинено светской власти, миряне причащались под двумя видами, Библия была переведена на славянский язык и язык богослужения был понятен прихожанам, священники жили в браке, схоластическая манера мышления о религии отсутствовала, миряне в приходе играли много большую роль, чем в католической церкви. Мы знаем также, что были и много более глубокие и глубинные различия. Они касались понимания греха (и последствий грехопадения Адамы и Евы, и греховности индивидуума), подходов к толко-

---

la lumière de la tradition patristique orientale – dépend fondamentalement de la problématique occidentale et augustinienne”).

¹⁹ Различение между «christianisme prescrit» и «christianisme vécu», благодаря Ж. Делюмо и другим французским историкам, стало одним из центральных принципов европейских историко-религиозных исследований, начиная с 1960-х гг. (см.: *Delumeau J. Le Catholicisme entre Luther et Voltaire*. Paris, 1971 (Nouvelle Clio); *Idem. Un chemin d'histoire. Chrétienté et christianisation*. Paris, 1981). См. также: *Делюмо Ж. Историк и его религия // Французский ежегодник. 2004. М., 2004. С. 56–75.*

ванию Св. Писания и его соотношению с церковной традицией (преданием), представлений о спасении и благодати, о святости, смерти и «большой эсхатологии», об ипостасях Троицы и нетварных энергиях и т.д.

Лежащий на поверхности пример – иконопочитание, защита которого оказалась в сердцевине полемики православных авторов против протестантизма, в то время как для протестантов проблематика иконы имела периферийное значение. Откуда такая асимметрия? Наверно, дело тут в тесной связи (в православной традиции, в отличие от католицизма) иконопочитания и догмата Боговоплощения²⁰, а этот догмат (и, соответственно, представления об иконе) был неразрывно и органически связан с коренными особенностями византийско-христианской антропологии, экклезиологии и сотериологии (учения о спасении)²¹.

---

²⁰ *Острогорский Г. А.* Соединение вопроса о святых иконах с христологической догматикой в сочинениях православных апологетов раннего периода иконоборчества // *Seminarium Kondakovianum*. I. Praha, 1927. С. 36–48; *Успенский Л. А.* Богословие иконы Православной Церкви. Коломна, 1997; *Бычков В. В.* Феномен иконы. История. Богословие. Эстетика. Искусство. М., 2009; *Евдокимов П.* Введение в икону // Евдокимов П. Православие. М., 2002. С. 307–338. См. также: *Дмитриев М. В.* Тема иконопочитания в посланиях старца Артемия и в «Послании против лютеров» (в контексте процессов «православной конфессионализации») // *Православие Украины и Московской Руси в XV – XVII веках: общее и различное* / Под ред. М. В. Дмитриева. М., 2012. С. 40–57; *Он же.* Эволюция представлений об иконе и «иконическом» в православной культуре Руси (вторая половина XVI – начало XVII в.) // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. История. История Русской Православной церкви*. Вып. 78. 2017. № 5. Сентябрь–октябрь. С. 22–45.

²¹ Обзор этой проблематики: *Дмитриев М. В.* Православие-Россия-Запад: в чем проблема // *Одиссей*. 2001. М., 2001. С. 51–55; *Он же.* Человек Православный и Homo Catholicus // *Интеллектуальный форум*. № 9, май 2002 г. С. 63–87; *Dmitriev M.* Catholicisme, Orthodoxie, Protestantisme et les sociétés de l'Europe: questions à poser // *Être catholique, être orthodoxe, être protestant...* P. 15–38; *Idem.* L'Europe

Cultural misunderstandings
в истории Брестской церковной унии 1595–1596 гг.

Подготовка и провозглашение Брестской церковной унии в 1590–1596 гг.²² – ещё одно явление в религиозно-общественной жизни на пограничье «латинского» и православного миров, в сведениях о котором мы обнаруживаем ситуацию, которую можно и необходимо квалифицировать именно как *cultural misunderstandings*²³.

”latine” et l’Europe “orthodoxe”: dimensions d’alterité // *Revue historique*. Т. CCCXI. 2009. № 3. Р. 645–670; *Дмитриев М. В.* Православие и западное христианство: глубоки ли различия? // *Религиозные традиции Европы и современность: изучение и преподавание в российских и зарубежных университетах. Сборник научных и научно-методических статей*. Иваново, 2011. С. 8–38.

²² О Брестской унии в первую очередь см.: *Chodynicki K.* Kosciol prawoslawny a Rzeczpospolita Polska. Zarys historyczny. 1370–1632. Warszawa, 1934; *Halecki O.* From Florence to Brest (1439–1596). Hamden, 1968; Историчний контекст, укладення Берестейської унії і перше поунійне покоління / Під ред. Б. Гудзяка. Львів, 1995; *Дмитриев М. В., Флоря Б. Н., Яковенко С. Г.* Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVII в. Ч. 1. Брестская уния 1596 г. Исторические причины. М., 1997; *Gudziak B. A.* Crisis and Reform. The Kyivan Metropolitane, the Patriarchate of Constantinople, and the Genesis of the Union of Brest. Cambridge, 1998 (Harvard Series on Ukrainian Studies); *Дмитриев М. В.* Между Римом и Царьградом. Генезис Брестской церковной унии 1595–1596 гг. М., 2003. Обзор историографии генезиса Брестской унии: *Он же*. Брестская уния в исследованиях польских и российских историков // *Российско-польские научные связи в XIX – XX вв.* / Отв. ред. В. К. Волков. М., 2003. С. 203–217; *Он же*. Исторические предпосылки и генезис Брестской унии: факты и интерпретации // *Die Union von Brest (1596) in Geschichte und Geschichtsschreibung: Versuch einer Zwischenbilanz* / Hrsg. von I. Marte und O. Turij. Lviv, 2008. С. 95–115 (перевод на немецкий: *Historische Voraussetzungen und die Genese der Union von Brest: Fakten und Deutungen* // *Ostkirchliche Studien*. Bd. 56. 2007. Heft 2. S. 322–342.

²³ Статья с развернутым обоснованием этого тезиса: *Дмитриев М. В.*

Православные инициаторы унии (большинство епископов и киевский митрополит Михаил Рагоза), подготавливая унию в ответ на внутренний кризис, охвативший Киевскую митрополию, исходили из представления, что римский папа займет в отношениях с Киевом ту же позицию, какую по отношению к православной церкви Восточной Европы занимал константинопольский патриарх; что киевские митрополиты будут избираться на соборе, этот факт будет подтверждаться польским королём, а Рим будет лишь получать уведомление о случившемся; что после провозглашения унии будет полностью остановлено обращение православных храмов в костёлы, запрещены переходы в католицизм, отлученные от церкви православные верующие не будут приниматься в католических приходах; что все вероучительные и обрядовые особенности православия будут сохранены в неприкосновенности; что польские власти восстановят полномочия епископов в диоцезах (то есть лишат православные церковные братства той поры их широких полномочий); что православное духовенство получит те же сословные привилегии, что и католические духовные лица, а православные епископы, как и их коллеги из католической церкви, станут членами сената Речи Посполитой. В ответ на всё это православная сторона готова была признать верховенство Римского престола в христианском церковном мире²⁴. Как мы видим, выдвинутые и представленные римским понтификам условия унии были совершенно нереалистичны. Но почему же православная сторона не понимала, что уния на таких условиях для Рима неприемлема и невозможна? Если ответить на этот вопрос предельно коротко, то дело тут в том, что православное духовенство и поддерживавшие проект унии миряне не понимали, что католи-

---

Брестская церковная уния 1595–96 гг. как конфликт двух экклезиологий и *cultural misunderstanding* // *Rzeczpospolita vs Carstwo – spór cywilizacyjny czy walka imperiów* / Pod red. A. Gila. Lublin, 2011. С. 15–39.

²⁴ *Он же*. Между Римом и Царьградом... С. 168–186 (разделы, касающиеся подготовки унии в 1595 г.).

цизм не может перестать быть католицизмом!

А католики? Почему деятели римской курии и лидеры польского духовенства не поняли в 1595–1596 гг., что провозглашение унии без учета православного взгляда на этот проект обернется острыми конфликтами и превратится, по сути дела, в церковно-политическую авантюру? Если снова дать предельно краткий ответ, то придется признать, что католики не понимали, что православные не могут перестать быть православными, признав папу викарием Христа и, вообще, не могут отказаться от своей конфессиональной идентичности.

В опыте Брестской церковной унии выявились именно структурные, то есть фундаментально-конститутивные различия в понимании христианства (и не одной только экклезиологии в узком смысле термина) в византийско-православной культуре Восточной Европы по сравнению с культурой католической.

Проиллюстрирую сказанное несколькими примерами из наших источников. Как они отразили, чем должна была стать уния, по мнению католических лидеров?

Д. Соликовский, львовский архиепископ, сообщал папскому нунцию Дж. Маласпине 17 февраля 1595 г., что предварительные переговоры об унии завершены и что Терлецкий вскоре прибудет в Краков с тем, чтобы, вооружившись письмами нунция и короля, отправиться дальше в Рим. Цель предстоящей поездки – провозглашение послушания папе Римскому, отказ от послушания патриарху и подчинение во всем власти Рима²⁵. В письме к кардиналу Альдобрандини в Рим, сообщая о поездке двух епископов (И. Потя, Владимирского владыки, и К. Терлецкого, Луцкого владыки) в Рим, он называет ее единственной целью «выражение послушания» папскому престолу²⁶. Николай Радзивилл Сиротка, староста в Троках (совр. Тракай), например, в сентябре 1595 г. в письме к папе уверял, что речь

---

²⁵ Documenta Unionis Berestensis eiusque auctorum (1590–1600) / Ed. A. G. Welykij. Romae, 1970. № 27. P. 49 (“obedientiae praestandae causa, se per omnia subdentes potestati suae Sanctitatis, et renunciantes suo patriarchae”).

²⁶ Ibid. № 94. P. 148.

идет о намерении православных отдаться во власть Рима²⁷. В одном из посланий говорилось, что цель православных – «во всем и полностью соединиться с римской церковью»²⁸, хотя реальность была совершенно иной.

В то же время из донесения нунция Дж. Маласпины в Рим от 10 февраля 1595 г. ясно видно, что он и высшее польское духовенство отдавали себе отчет, что православная сторона понимала предстоящее совсем иначе: нунций писал в Рим, что православные в самом деле готовы объединиться с Римской церковью, но при этом желают быть непременно кооптированными в сенат и сохранить свою религию (“*conservati nella loro religione*”)²⁹. Нунций призывал действовать предельно осторожно (то есть не объявлять подлинных представлений курии о возможной унии), «так чтобы еретики, раскрываясь в своем легкомыслии, не обнаружили бы во мне излишней легковёрности»³⁰.

Рискованность положения и возможные тяжелые последствия оставались как бы вне понимания деятелей курии. Инструкция от 11 марта 1595 г., которой Ватикан ответил на сообщение нунция Маласпины о переговорах с Кириллом Терлецким, сообщала, что курия надеялась увидеть это предприятие «законченным таким образом, который в наибольшей степени желателен для единства и единообразия церкви»³¹.

Дж. Маласпина характеризовал позицию Терлецкого и Потия перед их путешествием в Рим: греческие епископы пишут, что в назначенное время явятся в Рим, «полные решимости делать то, что им будет предписано ради служения их душам и душам паствы, которая им препоручена»³².

---

²⁷ Ibid. № 89. 140–141.

²⁸ Ibid. № 67. P. 119 (“*unirsi in tutto et per tutto con la chiesa romana*”).

²⁹ Ibid. № 24. P. 45.

³⁰ Ibid. № 24. P. 46.

³¹ Ibid. № 30. P. 51 (“*nel modo che piu si desidera per la unione et uniformita della Chiesa*”).

³² Ibid. № 37. P. 59 (“*resignati di voler far cio, che li sara ordinato per servizio dell'anime loro, et del grege a loro commesso*”).

А в письме Маласпины, рекомендующем Потия и Терлецкого кардиналу Альдобрандини, от 25 сентября 1595 г. говорится, что Бог просветил епископов, позволил им понять прежние заблуждения, в которых они пребывали столько лет, и побудил их обратиться к папе как единственному викарию на земле³³.

Заключение унии воспринимается авторами римских документов как «возвращение к римской католической вере»³⁴; как «примирение рутенских епископов с латинской церковью»³⁵; как «подчинение римскому понтифику»³⁶.

Особенно релевантны в этом отношении 16 папских бреве, подписанных 7 февраля 1596 г. и обращенных к киевскому православному митрополиту Михаилу Рагозе и различным влиятельным лицам Речи Посполитой. В них говорилось об «обращении из *ереси в истинную веру*» (курсив мой – М. Д.). Даже в послании митрополиту Рагозе сотрудники курии без сомнений употребили понятие «обращение» (“...propter conversionem vestram ad hanc vestram matrem carissimam sanctam Romanam Ecclesiam”³⁷). Тот же термин фигурирует в других бреве. Заявлялось также, что прибывшие в Рим епископы от имени всего духовенства признали католическое исповедание веры и отреклись от расколов, заблуждений и ересей, которые отделяли православие от Римской церкви (“...iidem Episcopi duo catholicae fidei professionem de scripto fecerunt, tam suo quam vestro nomine omnesque haereses, et schismata, et errores detestati sunt, et eos praesertim, qui vos hactenus a Sancta Romana Catholica Ecclesia separarunt”³⁸). Уния понималась как безоговорочное подчинение власти Рима, которому принесена присяга «вечного послушания» (Терлецкий и Потий “sanctae

---

³³ Ibid. № 99. P. 157–158.

³⁴ Ibid. № 264. P. 413.

³⁵ Ibid. № 248. P. 388. (“la reconcilazione delli Vescovi Ruteni con la chiesa latina”).

³⁶ Ibid. № 247. P. 387 (“soggetatione al Pontifice Romano”).

³⁷ Ibid. № 181. P. 278.

³⁸ Ibid. № 181. P. 279.

huic Apostolicae Sedi perpetuam obedientiam praestiterunt”), а местный собор Киевской митрополии должен был, по мысли и требованию бреве, лишь публично присоединиться к католическому исповеданию веры и подтвердить все, что было провозглашено от имени православного духовенства в Риме.

С особенной однозначностью та же самая позиция выражена в бреве, обращенных к королю Сигизмунду III и виднейшим сановникам Речи Посполитой: в них речь идет о том, что епископы заявили о «должном послушании» папе, признали католическое исповедание веры, отреклись от старых заблуждений и ересей (“omnes haereses, et schismata detestati sunt, et fidei catholicae professionem rite fecerunt, et nobis... veram obedientiam praestiterunt”³⁹).

Позднее, в бреве от 23 февраля 1596 г., в котором папы предоставляли униатским митрополитам право назначать епископов, не только снова упоминались «ереси», от которых отрекается перешедшая под власть папы церковь (“omnes suos et ipsorum errores, haereses et schismata damnaverint”), но наряду с понятием «послушание» вводилось понятие «подчинение», которое отныне и навсегда связывает униатов с Римской курией (“nobisque et Apost. Sedi debitam obedientiam et subiectionem praesiterint et perpetuo praestare promiserint”)⁴⁰. Аналогичные формулы и настойчивое упоминание прежних ересей присутствуют в ряде других бреве.

Как же квалифицировать высказывания наших источников о том, какой представлялась грядущая уния двум вовлеченным в дело сторонам? Из наших источников видно, во-первых, что присущее православным лидерам мышление о церкви, о централизации и унификации в церковной жизни, об «еретическом» и «правоверном» исходило из иных принципов, чем представления о том же их современников-католиков⁴¹. Во-

---

³⁹ Ibid. № 174. P. 269.

⁴⁰ Ibid. № 193. P. 292.

⁴¹ Попутно заметим, что, если не пугаться анахронизмов, православная программа унии может быть понята как вполне экуменическая, допускающая единство Церкви при сохранении глубокого раз-

вторых, как кажется, и той, и другой стороне думалось, что предлагаемая ими модель унии приемлема и осуществима. Иными словами, пребывая в иллюзиях относительно будущей унии, православные не понимали – в силу своего рода религиозно-культурной «глухоты» и «слепоты» – что уния на предложенных ими условиях никак не возможна. А католики – уже в силу своей «глухоты» и «слепоты» – не понимали, что и их надежды на унию есть иллюзия (у нас нет никаких оснований думать, что унию предполагалось вводить насильно; католицизм постепенно распространялся в украинско-белорусских землях и без унии...). Мы имеем дело с примером «культурного недоразумения», *cultural misunderstanding*.

Не исключено, что православно-протестантская полемика середины XVI в. и история подготовки Брестской унии в конце того же столетия могут быть признаны частными случаями *cultural misunderstandings*, которые встречаются в опыте взаимодействия латинской и православной культуры Европы в Средние века и в раннее Новое время.

Как кажется, с фактами того же рода и того же порядка мы неоднократно имеем дело и тогда, когда речь идёт, например, о контактах иностранцев из Европы (католиков и протестантов) с Московской Русью⁴².

нообразия частей этой Церкви.

⁴² Berichte über Moskowien im 16./17. Jahrhundert // Russen und Russland aus deutscher Sicht. 9. – 17. Jahrhundert / Hrsg. von M. Keller. München, 1988 (West-östliche Spiegelungen. Russen und Russland aus deutscher Sicht und Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. Von den Anfängen bis zum 20. Jahrhundert. Wuppertaler Projekt zur Erforschung der Geschichte deutsch-russischer Fremdenbilder / Unter der Leitung von L. Kopelev. Reihe A. Bd. 1). S. 114–286 (статьи В. Ляйтча, А. Каппелера, И. Ауэрбах, Ф. Кэмпфера, У. Лишковского, М. Вельке); *Poe M. Foreign descriptions of Muscovy. An Analytic Bibliography of Primary and Secondary Sources*. Columbus, 1995; *По М. Сочинения иностранцев о Московии* / Пер. с англ. О. Е. Кошелевой // Homo viator. Путешествие как историко-культурный феномен / Под ред. А. В. Толстикова и И. Г. Галковой. М., 2010. С. 208–238.

*Cultural misunderstandings
во встречах католиков и протестантов
с Московской Русью в XVI в.*

Сигизмунд Герберштейн (словенец по происхождению), побывавший в России в 1517 и 1526 гг., освоил русский язык, был в контакте с многими придворными и другими «москови-тами» и с максимальной тщательностью, как видно из его «Комментариев», пытался отделить достоверное от недостоверного. Тем характернее и показательнее оказываются те случаи, когда видно, что даже такому внимательному и критичному к получаемым сведениям наблюдателю не удается «прорваться» за культурный барьер, отделявший человека западной культуры от реалий Московской Руси.

Возьмём несколько ставших известными высказываний Герберштейна. «Властью, которую он имеет над своими подданными, он далеко превосходит всех монархов целого мира»; «всех одинаково гнетёт он [жестоким] рабством»⁴³, пишет Герберштейн и доверяет словам своих знакомых, которые, как бы оправдывая великого князя, отбиравшего в казну полученные придворными по время дипломатических миссий подарки, «говорили: “Что же, если государь пожалует нас за это иной какою милостью?”»⁴⁴. Согласно Герберштейну, «они прямо заявляют, что воля государя есть воля Божья и что бы ни сделал государь, он делает это по воле Божьей. Поэтому также они именуют его ключником и постельничим Божьим и вообще веруют, что он – свершитель божественной воли»⁴⁵. Если верить словам Герберштейна о Василии III, «свою власть он применяет к духовным так же, как и к мирянам, распоряжаясь беспрепятственно по своей воле жизнью и иму-

---

⁴³ *Герберштейн С.* Записки о Московии. В 2-х тт. / Под ред. А. Л. Хорошкевич. Т. 1. Латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского А. И. Малеина и А. В. Назаренко, с ранненововерхнемецкого А. В. Назаренко. М., 2008. С. 89.

⁴⁴ Там же. С. 93.

⁴⁵ Там же.

ществом каждого из советников, которые есть у него; ни один не является столь значительным, чтобы осмелиться разногласить с ним или дать ему отпор в каком-нибудь деле»⁴⁶.

В самом ли деле посол Максимилиана и Фердинанда Габсбургов понял, как строились отношения великого князя и его подданных? Был ли способен – как носитель западных религиозно-политических представлений и укорененных уже в ментальности (а не только в идеологии) мыслительных схем – адекватно осознать и передать специфику московской политической культуры, которая выросла из кардинально иных, чем в «латинском» мире, традиций (византийских ли, ордынских ли, в данном случае большого значения не имеет)? Теперь мы хорошо знаем, что представления аристократии и духовенства Московского государства о власти правителя, правах и статусе его подданных, о собственности, праве и суде были много сложнее, чем думалось Герберштейну⁴⁷, и по-

---

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ *Савва В. И.* Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901 (переиздание: М., 2014); *Вальденберг В. Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII в. Пг., 1916 (переиздано: М., 2006); *Успенский Б. А.* Царь и патриарх: харизма власти в России (византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998; *Бовыкин В. В.* Местное самоуправление в Русском государстве 16 в. СПб., 2012; *Bilington J. H.* The Icon and the Axe. An Interpretive History of Russian Culture. New York, 1970 (first edition – 1966). P. 47–78 (The Muscovite Ideology); *Kivelson V.* Muscovite ‘Citizenship’: Rights without Freedom // *The Journal of Modern History*. Vol. 74, № 3 (September 2002). P. 465–489; *Eadem.* Autocracy in the Provinces. The Muscovite Gentry and Political Culture in the XVIIth Century. Stanford: Stanford, 1996; *Eadem.* Merciful Father, Impersonal State: Russian Autocracy in Comparative Perspective // *Modern Asian Studies*. Vol. 31. 1997. № 3. P. 635–663; *Klug E.* Das «asiatische» Russland. Über die Entstehung eines europäischen Vorurteils // *Historische Zeitschrift*. Bd. 245. 1987. S. 265–289; *Idem.* Wie Entstand und was war die Moskauer Autokratie // *Zwischen Christianisierung und Europäisie-*

литический режим Московии был далёк от его «ориенталистских» стереотипов о «восточном деспотизме»⁴⁸.

Герберштейн пытался истолковать верования в то, что после смерти «благочестивых» и «нечестивцев» их души ожидают Страшного суда либо в светлом, либо в темном месте и

---

rung. Beiträge zur Geschichte Osteuropas in Mittelalter und früher Neuzeit. Festschrift für Peter Nitsche zum 65. Geburtstag / Hrsg. von E. Hübner, E. Klug und J. Kusber. Stuttgart, 1998. S. 91–113 (S. 95: “Für eine Übernahme des politischen Ordnung der Horde durch russische Fürstren bzw. die Moskauer Grossfürsten lassen sich jedoch keine überzeugenden Argumente anführen”); *Ostrowski D.* Byzantine political thought and Muscovy // *Idem.* Muscovy and the Mongols. Cross-cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589. Cambridge, 1998. P. 199–218; *Rowland D.* Did Muscovite Literary Ideology Place Limits on the Power of the Tsar (1540–1660s)? // *Russian Review*. Vol. 49. 1990. № 2. P. 125–155; *Rüss H.* Herren und Diener. Die soziale und politische Mentalität des russischen Adels. 9.-17. Jh. Köln, 1994. Показательна в этом отношении краткая дискуссия между М. По и его оппонентами, см.: *Poe M.* The Truth about Muscovy // *Kritika*. Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 3. № 3. Summer 2002. P. 473–486 и комментарии: *Kivelson V. A.* On Words, Sources, and Historical Method: Which Truth about Muscovy // *Ibid.* P. 487–499, *Halperin Ch. J.* Muscovy as a Hyper-trophic State: A Critique // *Ibid.* P. 501–507.

⁴⁸ *Ostrowski D.* Muscovy and the Mongols. Cross-cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589. Cambridge, 1998. P. 85–107 (глава 4. Oriental despotism). Ср. спонтанное высказывание Х. Шиллинга, прекрасного историка, который, замечательно зная историю Запада в раннее Новое время, в предисловии к русскому переводу биографии Мартина Лютера почему-то выражает уверенность, что Герберштейн легко понял культуру и политический и общественный строй современной Лютеру России (*Шиллинг Х.* Мартин Лютер. Бунтарь в эпоху потрясений. М., 2017. С. XV («Отчет Герберштейна о его путешествии... содержал обширную и, главное, аутентичную информацию о географии, земле и людях, буднях и культуре, религиозных и ритуальных особенностях, политическом устройстве и общественных структурах России. Так были заложены солидные основания для лучшего понимания до сих пор практически неизвестного и потому окутанного мифологической пеленой православного востока Европы, которое в последующие эпохи постепенно углублялось»)).

не испытывают никаких физических мук⁴⁹, обращаясь к своим собственным представлениям об эсхатологии, а специфически православные идеи о посмертном мире⁵⁰ были ему неизвестны, поэтому разобраться и в «малой эсхатологии» москвитов ему было не под силу.

Как католик он был убежден, что русское духовенство было занято систематической и активной работой среди язычников («важнейшая забота их духовенства состоит в том, чтобы приводить всех людей в свою веру», монахи-отшельники «долго и усиленно» сеют слово Божие среди идолопоклонников⁵¹), а на самом деле миссия не понималась и не практиковалась в Московской Руси так, как это происходило на Западе⁵².

---

⁴⁹ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. 1. С. 206–209.

⁵⁰ См., например: *Vasiliev A. Medieval Ideas of the End of the World: West and East // Byzantion. Vol. XVI (1942–1943). № 2. P. 462–502; Clement O. L'Apocalypse: une perspective orthodoxe // Les apocalypses et la fin des temps. 5e colloque, 10–11 janvier 1970. Paris, 1994. P. 131–145; Luneau A. L'Histoire du salut chez les Pères de l'Eglise. La doctrine des Ages du monde. Paris, 1964; Корзо М. А. Образ человека в проповеди XVII века. М., 1999; Она же. Социальные и этические вопросы католической и православной церковно-учительной литературы Речи Посполитой XVII в. Автореферат... канд. истор. наук. М., 1999; Бережная Л. А. Украинско-белорусская поэзия и драматургия XVII века о смерти и загробном мире // *Ucrainica et belorossica. Исследования по истории Украины и Белоруссии. Вып. 1 / Под ред. М. В. Дмитриева. М., 1995. С. 28–50; Berezhnaya L. Sin, Fear, and Death in the Catholic and Orthodox Sermons in the 16th – 17th Century Polish-Lithuanian Commonwealth (An Attempt at Comparison) // Être catholique, être orthodoxe, être protestant. Confessions et identités culturelles en Europe médiévale et moderne / Études réunies et pub. par M. Derwich et M. V. Dmitriev. Wrocław, 2003. P. 253–284.**

⁵¹ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. 1. С. 215.

⁵² *Glazik J. Die russisch-orthodoxe Heidenmission seit Peter dem Grossen. Ein missionsgeschichtlicher Versuch nach russischen Quellen und Darstellungen. Aschendorff, 1954; Idem. Die Islammission der Russisch-Orthodoxen Kirche. Eine Missionsgeschichtliche Untersuchung nach russischen Quellen und Darstellungen mit vier Übersichtskarten. Münster, 1959; Луннов П. Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических*

Перечень «культурных недопониманий», которыми сопро-
вождались суждения даже такого ответственного и внима-
тельного наблюдателя как Герберштейн, можно было бы про-
должить, и важно, что созданные им клише оказали огромное
воздействие на отзывы других иностранцев о России во вто-
рой половине XVI и XVII в.⁵³

В 1570-е гг. датский посланник и протестант Я. Ульфельдт
проявлял пристальное и очень заинтересованное внимание к
религиозности русских. Он писал, что очень часто беседовал

известий о них до 19 века. Ижевск, 1999 (первое издание – 1899 г.).
Луппов констатировал, что сведения об Удмуртии XVI – XVII вв. дают
«полное основание заключить, что за это время христианство среди
вотяков не сделало никаких успехов, и отсутствие сведений об обра-
щении вотяков в христианство можно толковать в том смысле, что слу-
чаев такого обращения не было» (Луппов П. Н. Христианство у вотя-
ков. С. 104). *Nolte H.-H. Religiöse Toleranz in Russland, 1600–1725. Göt-
tingen, 1969. S. 20–26; Дмитриев М. В. Православная церковь Москов-
ской Руси перед лицом ислама и язычества в Поволжье: велась ли мис-
сионерская деятельность в XVI–XVII вв.? // Религия, religio, религиоз-
ность в глобальном и локальном измерениях / Под ред. И. Е. Аринина.
Владимир, 2013 (Свеча. Вып. 25). С. 336–354; См. также: *Rom-
aniello M. P. Mission delayed: The Russian Orthodox Church after the Con-
quest of Kazan' // Church History. Vol. 76. 2007. № 3. P. 511–540;*
Slezkine Y. Arctic Mirrors. Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca;
London, 1994.*

⁵³ *Leitsch W. Herberstein's Impact on the Reports about Muscovy in the 16th
and 17th Centuries: Some Observations on the Technique of Borrowings //*
Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. Bd. 24. 1978. S. 163–177.
См. также: *Poe M. T. «A People born to Slavery». Russia in Early Modern
European Ethnography, 1476–1748. Ithaca (N. Y.); London, 2000.* Очень
характерно и показательно, что непредвзятое непонимание Гербер-
штейном некоторых сторон русской жизни сменяется предвзятой и
остро тенденциозной враждебностью в отзывах А. Гванини, который
если и был в России, то только как участник Ливонской войны в её фи-
нальной фазе. Он активно черпал сведения у Герберштейна, сопровож-
дая их искажениями и акцентами, которые самому Герберштейну не
свойственны (*Гванини А. Описание Московии / Пер. с лат., вводная
статья и комм. Г. Г. Козловой. М., 1997*).

со «священниками и боярами об их религии и обрядах»⁵⁴.

И вот Ульфельдт собственными глазами наблюдает за обрядом водосвятия в августе 1578 г. под Новгородом (малое освящение воды в день «мёдового Спаса»). Толпа народа собралась на берегу реки, «здесь были почти все горожане, как мужчины так и женщины, либо державшие младенцев на руках, либо ведшие детей за руку», прибыл епископ со священниками. «Взойдя на мост через реку, возведенный специально для этой надобности, и произнеся речь, он благословил реку и по особому обряду, похожему на католический, освятил воду. После этого великое множество мужчин разделись и голыми у всех на виду бросились в реку, не прикрыв срамных частей...». А женщины «обливали этой водой своих детей и обмывали и очищали этой святой водой все свои идолы, отмечая этот день в качестве праздничного»⁵⁵.

Ульфельдт увидел также, «каким образом они пользуются помощью святых при изготовлении пива и какими действиями [это] сопровождают. После того, как они нальют в бочку воду, они погружают в неё изображение святого (его специально держат под рукой), привязанное к длинной палке, и тотчас вынимают обратно. Это же они делают, когда кладут солод и хмель. Затем они поднимают палку кверху, а сами, преклонив колени, опустив голову и осеняя лоб крестным знаменем, поклоняются этому образу»⁵⁶.

Разумеется, протестанту Ульфельдту всё увиденное представляется «идолопоклонством», в то время как в православной традиции святость воды во время совершаемых религиозных обрядов понималась в категориях благодатной «энергии», проникающей в материальные предметы и, вообще, в материальный мир во время богослужения⁵⁷. Соответствующим

---

⁵⁴ Ульфельдт Я. Путешествие в Россию / Отв. ред. Д. Линд, А. Л. Хорошкевич, пер. Л. Н. Годовиковой. М., 2002. С. 307.

⁵⁵ Там же. С. 305–306.

⁵⁶ Там же. С. 306.

⁵⁷ См.: Дмитриев М. В. «Вода вся – святая». О древнерусских обрядах освящения воды в «народной» и «высокой» культуре // Вода в

щее учение было чуждо не только протестантам, но и католикам, так что *cultural misunderstandings* в такой ситуации были совершенно неизбежны.

Примечательный пример взаимного непонимания – разговор Ульфельдта о спасении с приставом Фёдором, «человеком пожилым и степенным». Федор заявил, что «каждый может спастись, пусть даже он изо дня в день прибавляет грех к грехам, если только однажды у него появится намерение обдумать [свои поступки] и принести покаяние». Ульфельдт согласился лишь отчасти, признав значение покаяния; продолжая грешить, верующий «грешен против Святого Духа, и этот грех ни в нынешней, ни в будущей жизни не будет ему прощён». Фёдор же «достойно ответил, что все грехи прощаются» и привёл весьма неожиданный пример Марии Магдалины, которая уступила настояниям мужчины, «склонявшего её к прелюбодеянию, прося, чтобы она сделала это ради Господа». Согласно мнению пристава Фёдора, Мария Магдалина «спаслась... по той причине, что не отказала в этом, но дозволила ради имени Божья»⁵⁸.

Вряд ли слова Федора воспроизведены Ульфельдтом точно, но видно, что столкнулись два несовместимых мнения о том, каковы пределы божественного милосердия, и за ними стояли кардинально разные религиозно-этические принципы.

Несколько позднее папский легат А. Поссевино, оказавшись в Москве, вынес впечатление и убеждение, что «...московиты легко смогли поверить всему, что бы ни наговаривали греки, завистники к римской славе и благочестию. Утверждаясь с малых лет в этом убеждении, читая испорченные хроники, не имея среди себя тех, кто смог бы устранить из их сознания эту клевету, они прониклись отвращением к католикам. Поэтому, когда они хотят кому-нибудь большого зла, они говорят: “Увидеть бы мне тебя в латынской вере!” Заметив, что кто-нибудь по простоте своей молится тем ико-

---

иеротопии и иконографии христианского мира / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2017. С. 659–671.

⁵⁸ Ульфельдт Я. Путешествие в Россию. С. 304–305.

нам, которые в почете у католиков, они говорят: “Не молись, ведь они не нашей веры”⁵⁹. Он продолжал: «Обычно некоторые знатные люди, которых государь приставил к нам (из любви или для наблюдения за нами) и которые должны были заботиться обо всем необходимом, обедая с нами, не вставали, когда мы благословляли трапезу и возносили благодарность богу. Они не хотели ни молиться нашим иконам, ни оказывать им какие бы то ни было знаки уважения (в то время как свои иконы они почитают очень ревностно), ни делать что-нибудь в этом роде»⁶⁰.

На самом же деле, как мы достаточно хорошо знаем, отношение приобщенных к образованию кругов Московского государства к католицизму и католической культуре было далеко не всегда враждебным и тем более не строилось на одном лишь слепом и предвзятом отрицании «латинства»⁶¹.

---

⁵⁹ *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. / Пер., вступ. статья и комм. Л. Н. Годовиковой. М., 1983. С. 22.

⁶⁰ Там же. С. 23.

⁶¹ Такой вывод неизбежно следует из накопленных сведений о том, каков был взгляд Московской Руси на «латинский» (в первую очередь – католический) Запад. В этой области никак не устарели труды А. И. Соболевского и С. Ф. Платонова (*Соболевский А. И.* Западное влияние на литературу Московской Руси XV–XVII вв. СПб., 1899; *Он же.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. Библиографические материалы. СПб., 1903; *Платонов С. Ф.* Москва и Запад в XVI–XVII веках. Л., 1925). См. в частности: *Казакова Н. А.* Западная Европа в русской письменности XV–XVI вв. Из истории международных культурных связей России. Л., 1980; *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980; *Мулюкин А. С.* Приезд иностранцев в Московское государство. СПб., 1909; *Орленко С. П.* Выходцы из Западной Европы в России XVII века. Правовой статус и реальное положение. М., 2004; *Он же.* Выходцы из Западной Европы и русские горожане в XVII веке (по неопубликованным источникам РГАДА) // *Славяноведение.* 2002. № 2. С. 69–81; *Опарина Т. А.* Иноземцы в России XVI–XVII вв. М., 2007; *Западноевропейские специалисты в России XV–XVII веков.* М., 2002. См. также: *Дмитриев М. В.* Московская Русь перед лицом «иннове-

В самом начале XVII в. Ж. Маржерет, «мушкетер» на службе Русского государства, писал: «...когда их спрашивают, какой они нации, отвечают «Руссак», что означает – Русские, а если спрашивают, откуда они, то отвечают «из Москвы» – из Москвы, Вологды, Рязани или из других городов»⁶². На первый взгляд, тут не к чему придаться. Но современные исследования показывают, что дискурсы «национальной» идентичности в том смысле, в каком они были присущи французу Маржерету, в начале XVII в. были чужды населению Московской Руси. То, что казалось Маржерету «нацией» подданных царства, понималось в России как конфессионально-политическое сообщество православных подданных государства, и сам дискурс «русского» не соотносился (чаще всего) ни с чем, кроме конфессии, «гражданства» и территории «православного царства»⁶³. Поэтому в данном случае мы сталкиваемся с *cultural misunderstanding* «в чистом виде», за

рия»: восточнохристианская модель религиозно-культурного плюрализма? // Средневековая Европа: Восток и Запад. М., 2014. С. 289–308 (раздел, посвященный взгляду на католическую и протестантскую культуру).

⁶² *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях (тексты, статьи, комментарии) / Под ред. А. Береловича, В. Д. Назарова, П. Ю. Уварова. М., 2007. С. 117. Французский текст: “...eux memes quand on leur demande quelle nation ils sont, respondent Russac, qui veut dire Russes, et si on leur demande de quel lieu; ils respondent, is Moscoue, de Mosco, Vologda, Rasan, ou d’autres villes” (Там же. С. 46).

⁶³ *Dmitriev M.* Le confessionnel et l’ “ethnique” dans la construction des discours proto-nationaux en Russie Moscovite aux XVIe – XVIIe siècles // *Istina*. Vol. 50. 2005. № 2. P. 137–162; *Дмитриев М. В.* Конфессиональный фактор в формировании представлений о «русском» в культуре Московской Руси // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе... С. 218–240; *Дмитриев М. В.* «Русский народ» или «люди Божии»? Об особенностях протонациональных дискурсов в культуре Московской Руси // *Polystoria*. Бог, Рим, народ в средневековой Европе / Отв. ред. М. А. Бойцов, О. С. Воскобойников. М., 2021. С. 256–304.

непониманием московских реалий не скрывается никакой предвзятости.

Маржерет сообщал также: «У них никогда не проповедают, разве что по некоторым праздникам они устраивают определенные наставления, где читают главы из Библии или Нового завета, но невежество среди народа таково, что и треть не знает, что такое Отче наш или Символ веры. Словом, можно сказать, что невежество – мать их благочестия»⁶⁴.

Маржерет в начале XVII в. не знал, как эпоха Раскола обнажит то, что прежде не было никак видно извне: во-первых, глубокую и органическую укорененность именно христианских (а не полуязыческих, как часто ошибочно думают) представлений и дискурсов в культуре весьма широких слоёв населения; во-вторых, очень специфическую, радикально не похожую на западный опыт, манеру понимать связь обряда и догматики, жеста и слова, знака и означаемого⁶⁵. Равным образом Маржерету осталась непонятна система передачи религиозных знаний и нормативных представлений (в том числе и богословско-философских) вне института регулярно работающих школ и семинарий⁶⁶.

---

⁶⁴ *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи. С. 128. Французский текст: “L’on ny presche jamais, ains a quelques festes ils ont certaines lesons qu’ils lisent de quelque chapitre de la Bible ou nouveau Testament, mais l’ignorance est telle parmy le peuple, qu’il ne se trouvera pas le tiers qui sçache que c’est l’Oraison Dominicale, et Symbole des Apostres. En fin on peu dire l’ignorance est mere de leur devotion” (Там же. С. 57).

⁶⁵ См. особенно: *Успенский Б. А.* Раскол и культурный конфликт XVII века // Он же. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С. 333–367.

⁶⁶ См., например: *Кошелева О. Е.* Феномен школы и ученичества в православной культуре: проблема изучения московских училищ XVII в. // Религиозное образование в России и Европе в XVII веке / Под ред. Е. С. Токаревой и М. Инглота. СПб., 2011. С. 82–94 («Если в Московской Руси вплоть до середины XVII в. не было училищ, подобных западноевропейским, означает ли это также и отсутствие обучения здесь детей?... Отсутствие школ не означало отсутствие

***

Два вывода напрашиваются из приведенных наблюдений.

Cultural misunderstandings – важный и до сих пор толком не идентифицированный и должным образом не осмысленный (в его значении, в «удельном весе»...) *факт* во взаимодействии православной и «латинских» (католической и протестантской) культур в Восточной Европе в XVI в. Подчеркнем, что к такому выводу приводит именно эмпирический, а не умозрительный подход, индукция, а не дедукция.

Второй вывод в том, что если увидеть *факт* «культурных недоразумений», *cultural misunderstandings* в диалоге христианских конфессий и культур на востоке Европы в зрелое Средневековье и раннее Новое время и признать их вес и существенные функции в культуре, политическом и социальном развитии этого региона, то это понятие может стать важным *инструментом* в продуктивном историческом анализе опыта не только российско-московского и украинско-белорусского регионов (благодаря сравнению этого опыта с западным), но и опыта *западного* – благодаря сравнению с опытом византийско-православных культур.

какого-либо обучения вообще: оно осуществлялось иным образом... Феномен ученичества является одним из наиболее перспективных направлений в изучении образования в русской средневековой культуре». С. 92). См. также: Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (с древнейших времен до конца XVII в.) / Под ред. Э. Д. Днепров. М., 1989.

ФЕНОМЕН «АЛЯМОДСТВА» В ГЕРМАНИИ В ГОДЫ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ (1618–1648)

Эпоха Тридцатилетней войны (1618–1648) оставила неизгладимый отпечаток в немецких землях Священной Римской империи, превратившись в «национальную» катастрофу как для современников, так и для потомков¹. Разнообразные процессы, вышедшие на первый план в годы войны, и ее последствия неоднократно становились предметом научных трудов². Особенно это относится к изучению социальной, политической и экономической истории войны, в то время как духовное развитие в большей степени оставалось за рамками исследований. Вариации на тему, что «Тридцатилетняя война остановила развитие немецкой культуры, которая была отброшена назад» достаточно прочно укрепились в историографии³. Однако подобный подход игнорирует своеобразие

---

¹ Классическими стали работы о войне немецких и английских историков. Подробнее см.: *Burkhardt J. Der Dreissigjährige Krieg. Frankfurt am Main, 1992; Kampmann Ch. Europa und das Reich im Dreißigjährigen Krieg. Geschichte eines europäischen Konflikts. Stuttgart, 2008; Schormann G. Der Dreissigjährige Krieg. Göttingen, 1993; Parker G. The Thirty-Years War. London, 1984; Wilson P. H. The Thirty Years War: Europe's Tragedy. Harvard, 2009.*

² С новой силой интерес к Тридцатилетней войне пробудился в связи с 400-летним юбилеем ее начала в 2018 г. Из обобщающих трудов см.: *Dynamik durch Gewalt? Der Dreißigjährige Krieg (1618–1648) als Faktor der Wandlungsprozesse des 17. Jahrhunderts / Hrsg. von M. Rohrschneider und A. Tischer. Münster, 2018; Schmidt G. Die Reiter der Apokalypse: Geschichte des Dreißigjährigen Krieges. München, 2018; Прокопьев А. Ю. Тридцатилетняя война. СПб., 2020.*

³ *Данн О. Нации и национализм в Германии. 1770–1990. СПб., 2003 (Оригинал: Nation und Nationalismus in Deutschland 1770–1990. Mün-*

немецких культурных традиций раннего Нового времени, когда Германия оказалась вовлеченной в процесс межкультурного взаимодействия. На рубеже XVI–XVII вв. немцы, как и вся Европа, находились под сильным влиянием романской – прежде всего испанской и французской – культуры, считавшейся передовой и, поэтому, модной. Однако во время Тридцатилетней войны немецкая интеллектуальная элита, непосредственно столкнувшаяся с военным вторжением испанцев и французов в немецкие земли, объявила собственную войну всему иностранному, вылившуюся на страницах публицистики в феномен борьбы с «алямодем» (нем. *Alamodewesen*). Насмешливый термин «алямодем» – от французского «à la mode», т.е. «как модно, модный» – данный немецкими интеллектуалами приверженцам иностранных заимствований, превратился постепенно в обозначение особого типа культурного развития германских земель в первой половине XVII в. Во Франции словосочетание «à la mode» применялось для обозначения самых последних смелых экспериментов в одежде⁴. В Германии же термин «алямодем» получил презрительные коннотации и ассоциировался с настоящим низкопоклонничеством перед всем «чужим»⁵.

Тревоги немецких интеллектуалов о потере «собственного лица» были связаны в первую очередь с модной иностранной одеждой, которой увлекалось все высшее общество немецких княжеств⁶. Если до первой четверти XVII в. главным модным центром Европы считался Мадрид, то в эпоху Тридцатилет-

---

chen, 1993) С. 40. Cp.: *Langer H.* Hortus bellicus. Der Dreissigjährige Krieg. Eine Kulturgeschichte. Leipzig, 1982. S. 161.

⁴ *Schramm F.* Schlagworte der Alamodezeit. Straßburg, 1914. S. 16.

⁵ *Coupe W. A.* Broadsheets of the “Alamodezeit” // *German Life and Letters*. Vol. XIV. 1961. P. 282–292; Cp.: *Grimmelshausen H. J. Ch.* Der Teutsche Michel. Frankfurt am Main, 1673. S. 63; *Harsdörffer G. Ph.* Nathan und Jotham. Nürnberg, 1651. S. 294.

⁶ *Graul U.* Einleitung // *Frau Hoeffart & Monsieur Alamode: Modekritik auf illustrierten Flugblättern des 16. und 17. Ausstellung vom 21. Juni bis 19. Juli 1998.* Halle, 1998. S. 4.

ней войны стал отчетливо заметен переход от жесткой накрахмаленной испанской одежды к легким свободным французским костюмам⁷. Новые более удобные для ношения французские платья быстро завоевывали сердца. Вслед за одеждой все большую популярность приобретал французский язык. Наравне с латынью и итальянским, он считался языком поэзии, что обеспечивало французскому лидерство в придворных обществах и за пределами Франции⁸. Дворы германских правителей не стали исключением. Интеллектуалы и публицисты прозвали новых модников «господами (мсье) – а ля мод»⁹. «Новых модников» легко можно было узнать. У них были необычно длинные волосы, небольшая острая бородка, они носили широкополые шляпы со множеством пышных перьев, длинный плащ, шикарный камзол с большим количеством различных украшений, многочисленными оборками, воланами и пышными рукавами, кружевной, длинный воротник очень большого размера, широкие штаны с длинной бахромой и ботфорты с непомерно широким голенищем и узкими носами. Не только мужчины, но и женщины стремились одеваться по моде, чтобы «нравиться господам-щеголям»¹⁰. Чрезмерно широкие юбки, шляпки с плюмажем, кружева и

---

⁷ Ibidem. Ср.: Мерцалова М. Н. Костюм разных времен и народов. В 4-х томах. СПб., 2001. Т. 2. С. 262–263.

⁸ Langer H. Op. cit. S. 219. Ср.: Garber K. Zur Konstitution der europäischen Nationalliteraturen. Implikationen und Perspektiven // Nation und Literatur in Europa der frühen Neuzeit / Hrsg. von K. Garber, Tübingen, 1989. S. 14–15.

⁹ Ala Modo Monsiers: Die Neue umbgekehrte Welt. 1630 // Deutsche illustrierte Flugblätter XVI–XVII. Jahrhundert / Hrsg. von W. Harms. Bd.1–4. Tübingen, 1981–1984. Bd. I. № 119.

¹⁰ Allomodischer DefensionSpiegel: Warhafftige Abbildung / deß nunmehr in aller Welt bekandten / vnd vnschuldig wol vexierten Herrn Allmodo Wapen / Schildt vnd Helm; mit beygefügeter seiner Ehrenrettung / Allen Spöttern vnd Verächtern / sich hierinnen zuspiegeln / an Tag geben. 1629 // Herzog August Bibliothek Wolfenbütel (Далее – НАВ), Einbl. Xb FM 27.

меха отличали «алямодниц»¹¹. В среднем, в костюме таких «господ-алямодников» входило 26 предметов, в то время как «нормальный» немец мог обходиться 19¹². Этот новый костюм не соответствовал традиционному немецкому платью конца XVI – начала XVII в.: раньше немцы предпочитали носить короткие панталоны, плотно облегающие камзолы, скромные воротники. Именно с критики костюма немецкие публицисты начали свое выступление против «алямодства», постепенно выйдя на более широкую проблему его отрицательного влияния на немецкий «национальный характер».

В борьбе с «алямодством» в эпоху Тридцатилетней войны можно выделить два хронологических этапа. Высокой степени остроты «новомодничество» достигло в первый период войны. В 1620-е гг. многие немцы старались скрыться от военного хаоса за границей. Возвращаясь домой, они привозили с собой иностранные традиции, начав, по мнению интеллектуалов, презирать собственные. Это проходило на фоне продвижения испанских войск по немецким землям, символом которого стало разрушение Пфальца – одного из ведущих культурных центров Империи. В качестве главного метода своей борьбы против иностранного вторжения интеллектуалы и публицисты выбрали высмеивание «алямодников». Рассматривая общественную роль смеха, можно констатировать, что, как и в Средние века, в раннее Новое время смех был элементом свободы и протеста для преодоления боязни перед силой и запретами. Смеху присущ элемент критики любого господства, который не поддается контролю¹³. Комизм, таким образом, является тактическим «средством для расширения границ свободы»¹⁴. Поводом для осмеяния являлась практи-

---

¹¹ Ibidem.

¹² A La Modo Monsiers. Oder Chartell deß Stutzerischen Auffzugs / Der Durchsichtigen / Hochgefidderten / Wolgesport -vnnd gestiffelten...Cavaliers. 1628 // HAB, IE 154.

¹³ Cipitelli C. Plädoyer für eine Lachkultur // Medium. Jg.24. 1994. Sonderheft Humor und Satire in Fernsehen. S. 61–64.

¹⁴ Plum A. Die Karikatur im Spannungsfeld von Kunstgeschichte und Po-

чески каждая деталь вычурного пышного иностранного костюма: «Юнкеры сами боятся длинного воротника, / который как змеи Медузы обвивает шею»¹⁵, «репутацию можно заслужить только подвязками»¹⁶, и другие подобные характеристики являются доминирующими в листовках серии «алямод». Манера носить длинные волосы вызывала ядовитые насмешки: «Не удивительно, что наши черные как копать волосы, / с косами похожими на коровьи хвосты / свисают прядями на лоб и воротник / и уничтожают наш ум»¹⁷. Длинные волосы вызывали также нарекания гигиенического характера: «их волосы годятся только на домик вошкам», – писали в листовках¹⁸. Критика костюма переносилась на личные качества «алямодников»: если по придворному этикету щеголь должен был показывать себя отважным, галантным, уметь вести себя в обществе дам, то литераторы приписывали им абсолютно противоположные качества: трусость, грубость, хитрость¹⁹. Следование новой моде стирало в мужчинах мужское начало, так как костюмы были настолько вычурны и пышны, что «с трудом можно определить, где мужчина, а где женщина»²⁰.

Второй, может быть, еще более яркий период в борьбе с «алямодством» пришелся на заключительный этап Тридцатилетней войны, вошедший в историографию как «франко-шведский» (1635–1648). Изучение взаимоотношений немцев и французов уже давно стало хрестоматийными для историографии²¹. Начало открытого вторжения в немецкие княжества

---

litikwissenschaft. Aachen, 1998. S. 120.

¹⁵ A La Modo Monsiers. Oder Chartell deß Stutzerischen Aufzugs.

¹⁶ Allomodischer DefensionSpiegel.

¹⁷ Winter Alla modo Meßieur. 1628 // Deutsche illustrierte Flugblätter XVI–XVII Jh. Bd. 1. № 132.

¹⁸ Allomodischer DefensionSpiegel.

¹⁹ Ala Modo Monsiers: Die Neue vmbgekehrte Welt.

²⁰ Ibidem.

²¹ Обширная библиография по этой теме собрана Ж. Шиллингером (*Schillinger J. Les pamphlétaires allemands et la France de Louis XIV. Berne, 1999*). К самым известным работам относятся: *Jeismann M. Das Vaterland der Feinde. Studien zum nationalen Feindbegriff und*

Франции нарушило традиционные законы ведения «справедливой» войны²²: «христианнейший» король, связанный с Габсбургами династическим союзом, воевал против императора-католика, поддерживая при этом протестантов. Эта внешне непривычная ситуация спровоцировала немецких интеллектуалов и публицистов второй четверти XVII в. на поиск собственного объяснения действий французов. В политике Ришелье и Людовика XIII они увидели лишь отражение многовековой ненависти Франции к «немецкой свободе» и стремление уничтожить «всю Германию». С приходом французов «из всех разверстых врат к нам (в Германию – *А. Л.*) хлынули порок, распутство и разврат»²³. В начале 1640-х пламя борьбы против моды разгорелось, таким образом, с новой силой. Во многом это связано с успехами французского вторжения в германские государства. К 1642 г. французы хозяйничали уже

Selbstverständnis in Deutschland und Frankreich 1792–1918. Stuttgart 1992; *Bosbach F.* Der französische Erbfeind. Zu einem deutschen Feindbild im Zeitalter Ludwigs XIV. / Feindbilder. Die Darstellung des Gegners in der politischen Publizistik des Mittelalters und der Neuzeit / Hrsg. von F. Bosbach. Köln u. a. 1992. S. 117–139; *Schillinger J.* Franzosen und Türken in deutschen Flugschriften des 17. Jahrhunderts / Wahrnehmungsgeschichte und Wissensdiskurs im illustrierten Flugblatt der Frühen Neuzeit / Hrsg. von W. Harms, A. Messerli. Basel, 2002. S. 169–187; *Hagemann K.* Aus Liebe zum Vaterland. Liebe und Hass im frühen deutschen Nationalismus: Franzosenhass // Gefühl und Kalkül. Der Einfluss von Emotionen auf die Politik des 19. und 20. Jahrhunderts / Hrsg. von B. Aschmann. Stuttgart, 2005. S. 101–123.

²² О понятии «справедливой войны» в немецкой публицистике раннего нового времени подробнее см.: *Janssen W.* Krieg // Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / Hrsg. von O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck. 8 Bände in 9. Bd. 3. Klett-Cotta; Stuttgart, 1972–1997. S. 568 etc. Ср.: *Лазарева А. В.* «Дочь греха»: образ Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.) в немецкой публицистике XVII века // Исторические Исследования. Журнал Исторического факультета МГУ. М., 2014. № 1. С. 44.

²³ *Опитуц М.* Жалоба // Европейская поэзия XVII века. М., 1977. С. 192. Пер. Льва Гинзбурга.

не только в Центральной, но и в Восточной Германии, продвигаясь маршем по Саксонии на помощь шведам.

«Слуги носят à la mode платье, / точно у господ / немцу стыд смотреть французу / в алчный и порочный рот», – с такой эпиграммой обрушился на моду Фридрих Логау²⁴, один из крупнейших литераторов и интеллектуалов эпохи Тридцатилетней войны. «Немецкий дух подпал под гнет нововведений.

Мы наряжаемся, мы ходим, пьем, едим

Фехтуем, странствуем, поем и говорим

На чужеземный лад... Взыскуешь восхвалений?

Так подчинись во всем дурацкой новой моде

Иль будешь высмеян при всем честном народе!» –

писал известный поэт первой половины XVII в. Ганс Абшатц²⁵. Особенно четко связь между господством новой моды и неминуемым упадком немецких княжеств подчеркивал Иоганн Мошерош. В своем знаменитом плутовском романе «Приключения Филандера фон Зиттенвальда» он писал: «Алямодействие меня пугает тем, / что отсюда, в жажде нового / берет свое начало упадок Германии. / То, что хочет быть показушным, / обязательно должно быть à la mode / После этого мир видит: / кто крадет таким образом себя самого, / тому и почет. / Разве мы не жалкий народ? / Алямодействие ведет нас только / к чужому господству и игу. / Это звучит отвратительно, / но это правда. / И опять возвращаемся к началу: / что конец немцев / берет свое начало / в жажде нового»²⁶. Критика «алямодействия» была одним из основных направлений работы патриотически настроенных публицистов немецких княжеств. В борьбе с ним они использовали самые разные варианты злой сатиры, в частности рискованные шутки: «Ева, наша праматерь, своим поведением à la

---

²⁴ Logau F. Salomons von Golaw Deutscher Sinn-Getichte Drey Tausend. Breßlaw, 1654. S. 28.

²⁵ Абшатц Г. Предостережение к Германии // Европейская поэзия. С. 292. Пер. Льва Гинзбурга.

²⁶ Moscherosch J. M. Wunderbahre Satyrische gesichte verteutscht durch Philander von Sittewald. Straßburg, 1640. S. 15–16. Здесь и далее перевод автора статьи, если не указано иное.

mode, своим желанием новизны, попробовала à la mode кое-что новенькое»²⁷. Популярной стала и насмешка, подчеркивающая антихристианский характер французского влияния: «Не расставайтесь с пьянством! Не расставайтесь с пьянством! Немцы, продолжайте пьянствовать! / Только мода, только мода утащит вас к черту»²⁸.

Однако немецкие публицисты могли угрожать новым модникам лишь с иллюстрированных листовок. В качестве оружия борьбы на многочисленных листовках изображен огромный нож, который «обрежет все оборки и кружева с камзолов», «обкарнает волосы» и «вернет немцам их немецкий облик». Модников предупреждали: «Вы, господа *ala mode*, обратите свой взор и разум к немецкой одежде и чести»²⁹ [18, № 126]. Вместе с тем, борьба с «алямомодством» не ограничивалась нарисованными ножами. Иностранная мода вызвала также протест властей.

Борьба с «алямомодством» дала импульс широкому изданию законов об одежде. Это были кодексы правил, которые касались не только внешнего вида, но также регламентировали некоторые вопросы, связанные с церковными обрядами и бытом. Подобные правила должны были влиять на костюм, потому что он свидетельствовал не только о вкусе и богатстве человека, но показывал его социальный статус и иногда традиции и обычаи, которых он придерживался³⁰. В 1618–1632 гг. законы об одежде по сравнению с предыдущими периодами стали появляться чаще (если раньше в начале XVII в. законы об одежде издавались с интервалом 1 раз в 2–3 года, то в период 1618–1628 гг. в отдельных землях они переиздаются иногда по 2–3 раза за год (например, в Баварии) и их публикация становится практически привычным делом – *А. Л.*). В середине 1620-х гг. их количество заметно возросло и продолжало расти вплоть до 1650 г.,

---

²⁷ Ibid. S. 16.

²⁸ *Logau F.* Op. cit. S. 45.

²⁹ *A La Modo Monsiers. Oder Chartell deß Stutzerischen Auffzugs.*

³⁰ *Eisenbart L.* Kleiderordnungen der deutschen Städte zwischen 1350–1700. Göttingen, 1962. S. 5.

после чего в издании законов об одежде наблюдается определенный спад (вывод сделан на основании данных из исследования Л. Айзенбарт³¹ – А. Л.) Именно в годы Тридцатилетней войны законы об одежде приобрели национальную окраску. Если разбирать тексты законов об одежде на те составляющие, которые присущи литературе с национальным подтекстом, то в них можно найти целый комплекс привычных для раннего национализма атрибутов. Помимо сохранения сословных традиций – что было главным содержанием подобных законов прежде, – их авторы кроме того противопоставляли современному им тяжелому положению Германии идею единства и прежней мощи немецких земель и, таким образом, вышли на национальную проблематику, выдвигая теории о национальной специфике и благодатном влиянии всего немецкого, начиная с традиционного костюма. Старое, сословное и новое, национальное в подобных законах отныне сосуществовали. «Сегодня каждое сословие в наших многочисленных княжествах и землях нарушает древние благотворные постановления и почти ежедневно использует *легкомысленную иностранную одежду* [курсив мой – А. Л.]... а между лицами высшего и низшего сословия должна быть видна разница» – говорилось в Баварском законе об одежде 1626 г.³² Наряду с утверждением, что «каждый должен быть одет с подобающими его достоинству и сословию различиями»³³, отныне жителям городов возбранялось «подражать англичанам, французам, итальянцам и носить ан-

---

³¹ Ibid. S. 104.

³² Deß durchleuchtigisten fürsten und herm, herrn Maximilian, pfaltzgraven bey rheyn etc. auffgerichte satz: und ordnungen von unnothwendiger uberflüssiger koestligkeit der kleyder, und wie dieselb hinfueran in den fuerstenthumb unnd landen obern und nidern bayrn etc. eingezogen werden soll. 1626. S. 2.

³³ Johan Kasimir Herzog von Sachsen: Mandat Deß Durchläuchtigen... Herrn Johann Casimiers, Herzogen zu Sachsen... Zu aller und jeden dero Unterthanen Wohlfart, Nutz, und gemeinem besten, bey gegenwertigen gefährlichenLeufften, und Zeiten... ergangen, und außgefertiget. 1631 / Flugschriftensammlung Gustav Freytag. № 997. S. 1.

глийские, французские, итальянские платки, подвязывать чулки на английский манер... запрещается использовать слишком длинные воротники, широкополые иностранные шляпы»³⁴. Купцы и ремесленники обязаны были исключить из своего гардероба «роскошную, пышную, не известную до сего дня голландскую одежду, равно как и не использовать для пошива иностранные ткани... не носить слишком длинную и слишком широкую одежду»³⁵. Людям знатного сословия предписывалось «отказаться от недавно появившегося непривычного иностранного платья»³⁶. Высшее дворянство «должно исключить странные, бесформенные иностранные костюмы»³⁷.

Законы об одежде несли на себе отпечаток конфессиональных различий, однако были едины в отвержении иностранного влияния и защите всего немецкого. В протестантских землях указывалось, что следует придерживаться тех порядков, которые были приняты в эпоху Реформации: «мы хотим напомнить нашим подданным те законы, которые были приняты во время Реформации и повелеваем жить, соблюдая их», – говорится в саксонском законе 1625 г.³⁸ Для протестантов Реформация ассоциировалась со временем наибольшей славы Германии. Все события реформационного периода считались априори правильными, и возвращение к традициям того времени, по мнению авторов, могло способствовать новому подъему и объединению немецких княжеств. Католические законы об одежде, в первую очередь баварские, делают акцент на «прошлой» мощи Империи и предостерегают «любезную молодежь от чрезмерной роскоши и необдуманного изменения старых традиций», угрожая «карой Господней»³⁹.

---

³⁴ Deß durchleuchtigisten fürsten und herm, herrn Maximilian, pfaltzgraven bey rheyn etc. auffgerichte satz. S. 3.

³⁵ Ibid. S. 5.

³⁶ Ibid. S. 7.

³⁷ Ibid. S. 9.

³⁸ Johan Kasimir Herzog von Sachsen: Mandat. S. 2.

³⁹ Deß durchleuchtigisten fürsten und herrn, herrn Maximilian, pfaltzgraven bey rheyn etc. auffgerichte satz. S. 2.

Апелляции к традиционной одежде часто выражены формулировкой: «что мы носили с незапамятных времен». «Традиционная» одежда признавалась «абсолютно удобной и соответствующей немецкому духу»⁴⁰, а возвращение немцев к «древнему благочестию» ставилось во главу угла.

В законах об одежде нашло свое отражение и разделение на «своих» и «чужих». Формула «иностранный (или чужая) одежда» появилась в законах об одежде, датируемых 1618–1632 гг., и прочно укоренилась в них, получив отрицательные коннотации. Именно ношение «иностранный» одежды порицалось в большей степени и категорически запрещалось: «английские, французские, итальянские и другие платки... иностранное полотно... иностранные широкополые шляпы подлежат запрету»⁴¹. Любые излишества или непривычные немецкому глазу детали костюма обозначались как «чуждые», несоответствующие традиции, наносящие урон немецкой чести. «Чужие манеры и одежда усердно изучаются <...> и легкомысленность все более открыто пробивает себе дорогу день ото дня», – писал курфюрст Саксонский своим подданным⁴².

Иностранная одежда на немце, согласно издававшимся в 1618–1632 гг. законам, считалась позором. Во многих документах содержится мысль о том, что именно иностранная мода настолько ослабила немецкую нацию, что вторжение иностранцев представляется чуть ли не закономерным, потому что немцы сами дали повод для Божьей кары, отказавшись от сво-

---

⁴⁰ Rectoris Und Eines Ehrwürdigen Concilii Revidirte Kleider, Verlöbnuß: Hochzeit, Kindtauff, Recrorats: und Promotion: Ordnung. Rostock. 1625. Flugschriftensammlung Gustav Freytag. № 992. Verneuerte Ordnung, Der Erbarh Hochzeiten zu Nürnberg. 1626 / Flugschriftensammlung Gustav Freytag. № 988. S. 18.

⁴¹ Deß durchleuchtigisten fürsten und herrn, herrn Maximilian, pfaltzgraven bey rheyn etc. auffgerichte satz. S. 3.

⁴² E. E. Raths der Stadt Leipzig Renoviertes Mandat, Wegen der Kleider-Ordnung, Und wie es forthin uff Verlöbnüssen, Hochzeiten, Kindtauffen und Leichenbegängnissen zu halten. 1634 / Flugschriftensammlung Gustav Freytag. № 999. S. 7.

ей самобытности. Об этом писал еще в середине XVI в. известный немецкий гуманист Андреас Мускулус, произведения которого активно переиздавались в годы Тридцатилетней войны: ««Мы, вероятно, заслужили, что Бог поставит над нами, немцами, чужой народ, и он сотрет нас с лица земли войной и кровопролитием и изгонит нас со стремительным усердием, как людей недостойных»⁴³. В законе об одежде, изданном от имени курфюрста Саксонского, говорилось, что «новая мода» является источником «дурного примера, ведущего к тому, что наше тяжелое сегодняшнее положение день ото дня становится все хуже»⁴⁴. «С неразберихой в обрядах крещения, свадеб, заключения сделок, так же как и в одежде, в этом году беспорядки укореняются все больше», – констатирует закон об одежде города Любека. Для Любека 1619 г. – год появления закона – был непростым, так как начавшаяся Тридцатилетняя война повлияла на жизнь города, примкнувшего к Протестантской унии. Таким образом, властные круги подчеркнули взаимосвязь усиления иностранной моды, ухудшения положения внутри города и начала войны. Вместо иностранных костюмов и заграничных материалов для их изготовления немцам предписывалось обратить внимание на «свои» образцы и ткани. Под «своими» подразумевались платья, сшитые в Мюнхене, Браунау, Мейсене, Вестфалии⁴⁵. Нарушители законов об одежде штрафовались, причем штрафы были довольно суровые и составляли от 2 до 20 гульденов (или марок)⁴⁶. Разгневавшийся за несоблюдение законов об одежде курфюрст Саксонский в 1628 г. предписал штрафовать нарушителей порядка на суммы

---

⁴³ *Musculus A.* Deß jetzigen Weltbeschrayten verachten und verlachten Almodo Kleyder Teuffels Alt-Vatter Genant der Hosen-Teuffel. 1629 / Flugschriftensammlung Gustav Freytag. № 996. S. 23.

⁴⁴ E. E. Raths der Stadt Leipzig Renoviertes Mandat, Wegen der Kleider-Ordnung. S. 2.

⁴⁵ Dero Stadt Braunschweig Kleider-Ordnung. 1650 / Flugschriften-sammlung Gustav Freytag. № 1010. S. 12.

⁴⁶ *Eisenbart L.* Op. cit. S. 36-37.

от 100 до 300 талеров⁴⁷. Иногда дело могло доходить и до тюремного заключения на 10 дней⁴⁸.

Увлечение иностранной модой в немецких землях имело еще одно специфическое выражение. Речь идет о засорении немецкого языка заимствованиями из других, прежде всего французского, итальянского и латыни. Борьба с «алямомодством» нашла свое самое яркое воплощение в настоящей «битве за язык», то есть в стремлении очистить родной язык от чужих слов. Как заметил один из крупнейших литераторов эпохи Тридцатилетней войны Иоганн Клай «с войной к нам стали проникать чужие слова, такие как *marchiren* вместо шагать, *bataille* вместо битвы. Разве это не всеобщий позор, что мы должны учиться и перенимать слова у иностранцев?»⁴⁹. На самом деле еще до войны и задолго до появления французских солдат в германских землях здесь сложилась специфическая языковая ситуация. Норм литературного немецкого языка еще не существовало⁵⁰, пытаясь приобрести хорошие манеры, немецкая знать уезжала учиться за границу, однако, как с горечью замечал один из самых известных немецких литераторов эпохи барокко Г. Я. К. Гриммельсгаузен «возвращались, не говоря ни по-французски, ни по-немецки»⁵¹. Несмотря на уже давно существовавшую довоенную тягу к чужим заимствованиям, стремление соответствовать канонам придворной моды и употребление иностранных слов в речи лишь с Тридцатилетней войной вызвали настоящий шквал негодования у немецких интеллектуалов и публицистов.

Противостояние иностранному влиянию и борьба за очищение языка от заимствований нашли свое широкое отражение в создании «языковых обществ», культурно-

---

⁴⁷ Ibid. S. 40.

⁴⁸ Ibid. S. 39.

⁴⁹ *Klaj J.* Lobrede der Teutschen Poeterey. Nürnberg, 1645. S. 24.

⁵⁰ *Ahlzweig C.* Muttersprache-Vaterland. Die deutsche Nation und ihre Sprache. Opladen, 1994. S. 49; *Polenz P. von.* Deutsche Sprachgeschichte vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart. Berlin, 2013. Bd. 2. S. 71.

⁵¹ *Grimmelshausen H. J. Ch.* Op. cit. S. 15.

просветительских организаций, ставивших своей целью развитие норм литературного языка⁵². Любовь и уважение литераторов эпохи Тридцатилетней войны к родному языку дало право позднейшим исследователям называть членов языковых обществ «патриотами языка»⁵³. Первым языковым обществом в германских землях стало «Плодоносящее общество», основанное в 1617 г. князем Людвигом Ангальт-Кеттенским. За годы Тридцатилетней войны были созданы также «Общество ели» (1633), появившееся в Страсбурге в студенческой среде, «Немецкое товарищество» профессионального писателя Филиппа фон Цессена (1643), «Пегницкий цветочный и пастуший орден» (1644), объединивший группу литераторов Нюрнберга, а также «Орден лебеда» под руководством священника-лютеранина Иоганна Риста (1658).

Свою работу по созданию позитивного образа немецкого языка интеллектуалы начали с противопоставления родного языка французскому. «У них даже слово «*poisson*» – рыба – созвучно с «*poison*» – яд», – насмешливо замечали памфлетисты⁵⁴.

---

⁵² Подробнее о языковых обществах в Германии см.: *Володарский В. М.* Культура Германии в XVII веке // История культуры стран Западной и Центральной Европы в XVII веке / Под ред. Л. М. Брагиной (отв. ред.), В. М. Володарского, Т. П. Гусаровой. СПб., 2017. С. 303–304; *Ball G.* Alles zu Nutzen – The Fruchtbringende Gesellschaft (1617–1680) as a German Renaissance Academy // The Reach of the Republic of Letters. Literary and Learned Societies in Late Medieval and Early Modern Europe / Ed. by A. van Dixhoorn and S. Speakman Sutch. Leiden 2008, Vol. II. P. 389–422; *Fruchtbringende Gesellschaft.* Der Fruchtbringenden Gesellschaft geöffneter Erzschrein. Das Köthener Gesellschaftsbuch Fürst Ludwigs I. von Anhalt-Köthen 1617–1650 / Hrsg. von K. Conermann. 3 Bde. Leipzig, 1985.

⁵³ Этот термин встречается во многих работах, посвященных становлению норм литературного немецкого языка и роли литераторов в этом процессе.

⁵⁴ Abdruck Schreibens von einem fürnemen Officier under der von Hertzog Bernhardt Sachsen-Weimar hinderlaßnen Armee, wegen Einnemmung frantzösischer Guarnison in Breysach an einen vertrauten Brudern abgangen. 1639 / Flugschriftensammlung Gustav Freytag. № 5641.

В начале 1640-х гг. в немецкой публицистике при высмеивании французских заимствований появляется один из ключевых национальных символов немецкой истории – Немецкий Михель⁵⁵. Михель олицетворял собой древние немецкие традиции, он высмеивал тех, кто отказывался от родного языка, а вместе с ним и от своей самобытности: «Я – Немецкий Михель – понимаю здесь nihil [т.е., «ничего не понимаю». Автор намеренно искажает конструкции в предложении и употребляет иностранные слова, которые в оригинале даны курсивом – *А. Л.*]. В своем Отечестве. Это позор. Каждый портной, увы, хочет познать языки и говорит на латыни, итальянском и французском. Ну и глупец, суший шельмец»⁵⁶. На иллюстрации к этой листовке 1642 г. изображен «франт», нацепивший на себя костюмы всех народов, за которыми невозможно узнать, немец ли это вообще⁵⁷. В 1648 г. к тексту 1642 г. были добавлены ноты и расписаны партитуры. В предисловии к музыкальному сочинению сказано, что «старый Немецкий Михель выступает с жалобной песней, которая должна показать весь ужас пренебрежения родной речью»⁵⁸.

---

⁵⁵ Подробнее см.: *Медяков А. С.* Михель против казака: русско-германские отношения в открытках Первой мировой войны // История. Электронный научно-образовательный журнал. 2014, № 3 (26) URL: <https://history.jes.su/s207987840000734-6-2>. (дата обращения: 02.05.2021).

⁵⁶ Ein schön new Lied / genannt Der Teutsche Michel / etc. 1642. Bayerische Staatsbibliothek München (далее BSB). URL: <http://daten.digitale-sammlungen.de/~db/0003/bsb00031778/images/> (дата обращения: 02.05.2021)

⁵⁷ Ein schön new Lied... Профессор Тринити-колледжа Эда Сагарра, описывая традицию изображения Немецкого Михеля полагает, что на листовке 1642 г. появляется сам Михель, однако это утверждение достаточно спорно. Иконографически этот образ повторяет листовки с изображением новых модников рубежа 1620–1630-х гг., а также вписывается в традицию визуального высмеивания моды, начавшуюся на рубеже 1630–1640-х. Ср. *Sagarra E.* The strange history of der deutsche Michel // URL: <http://www.gfl-journal.de/1-2000/sagarra.html> (дата обращения: 02.05.2021).

⁵⁸ *Teutschen-Holdt M.* Wehe-Klag, Deß alten Teutschen Michels, Vber

В этом сочинении в порче немецкого языка открыто обвиняются французы: «Убирайся домой, длинноносый петух, со своими ленивыми крыльями. Если ты этого не сделаешь, ты поломаешь себе ноги»⁵⁹.

Наиболее излюбленным приемом критики «алямодства» в языке, как и в случае борьбы с модой в одежде, стала ирония и насмешка: «Я хочу высмеять тех, – писал Гриммельсгаузен, – кто чужие языки любит и почитает больше, чем тот, которому они научились у матери, и показывает такой нелепой вычурностью, что они хотели бы отречься от своего происхождения и зарекаются использовать немецкий»⁶⁰. Кроме попыток иронизировать над происходящим поэты стремились показать горечь и трагизм сложившейся ситуации. «Мы же в нашей тяге к иностранщине наш врожденный, совершенный, чистый, богатейший словами родной язык превращаем в раба... Тем самым немецкий язык делаем безъязыким, немецкий дух – бездушным», – писал другой знаменитый литератор XVII в. Ю. Г. Шоттель⁶¹. Интеллектуалы видели, что порча языка является лишь одним из звеньев утраты национальной самобытности и «изменения своей сущности»⁶². Тема потери свободы вместе с потерей родного языка нашла отклик и у других поэтов. Немцы «добровольно продали себя в рабство иностранцам», используя в языке иностранные заимствования: «Покуда в нашем языке / не появились нелепые слова / и не заняли в нем господствующего положения, / Германия процветала./ Эти слова принесли с собой чуму, голод, кровь и войну», – писал Гарсдёрффер⁶³. Отказ немцев от своего культурного наследия и использование иностранных традиций стали, по мнению интеллектуальной элиты, одним из решаю-

---

die Allomodische Sprachverderber. 1642 // BSB. Mus.pr. 87.90. S. 2.

⁵⁹ Ibid. S. 3.

⁶⁰ *Grimmelshausen H. J. Ch. Op. cit. S. 52.*

⁶¹ *Schottelius J. G. Ausführliche Arbeit von der Teutschen Hauptsprache. Bd. 1–2. Hamburg, 1663. S. 167.*

⁶² Ibid. S. 53.

⁶³ *Harsdörffer G. Ph. Nathan und Jothan. Bd.1–2. Nürnberg, 1659. S. 97.*

сих «грехов немцев», за которые Бог послал на них войну. Военные неудачи поэты связывали также с потерей собственного языка: именно иностранные заимствования отнимают у немцев волю к победе, потому что «нельзя без ущерба для себя влиться в чужую форму», не утратив при этом важную составляющую своего могущества⁶⁴.

Феномен «алямомдства» и борьба с ним стали одной из важнейших составляющих развития немецкой национальной идеи в раннее Новое время. В публицистике эпохи Тридцатилетней войны постепенно распространилось мнение, что «господа-алямомдники» довели Германию до того, что она «до корней волос стала итальянской, французской, испанской»⁶⁵. «Алямомдство» воспринималось как причина захвата Германии иностранными войсками. Публицисты считали, что культура «à la mode» разрушает страну изнутри, возможно, даже в большей степени, чем война: «Снег и ветер будут в Германии от всего ненемецкого; и снега будет слишком много, и воздух станет слишком холодным для этой божественной юной девы [т.е. Германии – А. Л.]»⁶⁶. Именно в отказе от собственного лица интеллектуалы и публицисты видели причину современного им упадка и тяжелого положения немецких княжеств. Общим было мнение о том, что «чужое платье, mores, обычаи / притягивают чужих птиц в страну / которые разрушают весь порядок»⁶⁷. В борьбе против «алямомдства» немецкие публицисты часто проводили деление по принципу «свой» – «чужой», при этом «чужим» считалось все, что не попадало под представления самих интеллектуалов о «немецком» идеале. Под таким идеалом подразумевался своеобразный комплекс качеств и добродетелей, которыми традиционно интеллектуалы наделяли немцев.

«Алямомдство» воспринималось немецкой интеллектуальной элитой как иноземное иго, а «господ-алямомд» обвиняли в

---

⁶⁴ Ibid. S. 168.

⁶⁵ Allomodischer DefensionSpiegel.

⁶⁶ Schottelius J. G. Op. cit. S. 1128.

⁶⁷ Ala Modo Monsiers: Die Newe vmbgekehrte Welt.

пособничестве врагу, пытающемуся «поработить Германию». В критике «алямодства» четко проступили контуры патриотизма немецких интеллектуалов и публицистов эпохи Тридцатилетней войны; появился термин «неалямодский патриот»⁶⁸, показывающий, что истинная любовь и уважение к Родине не имеет ничего общего с новой модой. Негодование интеллектуалов вызывал отказ «алямодников» от традиций. «Мы господа-алямод и нам не нужны устаревшие традиции», – такие слова вкладывали публицисты в уста новых щеголей⁶⁹. Как писали насмешливо, но в то же время с горечью, авторы листовок, щеголи не хотели связывать себя древними немецкими традициями, считая, что «честь, доблесть, отвага» уже устарели и не привели ни к чему хорошему – в стране идет война, власти, по сравнению с другими странами, слабы. Иллюстрированные листовки отражают весьма мрачную картину действительности, показывая, что в современном им мире не осталось ничего, что было свято в предыдущие эпохи: «мир сегодня полностью испорчен и перевернут <...> что у нас раньше считалось пороком, грехом, стыдом, сейчас наивысшее благо»⁷⁰. Такая ситуация возникла, по мнению авторов листовок, в основном из-за отказа от древних традиций и подражания иностранцам. «По нашему наряду видно, что мы за птицы – мы непослушные сыновья / Мы отрицаем всецело и полностью заветы отцов / мы господа *ala mode* и отказываемся от древних немецких традиций», – такие слова приписывали авторы листовок щеголям⁷¹. Современники также задавались вопросом, возможно ли вообще считать полноценными людьми тех, кто постоянно пытается менять традиции. На вопрос, «как же прозвали таких людей?», публицисты

---

⁶⁸ Teutsch-Französischer Alamode-Teufel, Beschrieben Und auf den Schau-Platz Teutschlandes Aufgeführt und vorgestellt. 1679 / Flugschriftensammlung Gustav Freytag. № 1055. S. 3.

⁶⁹ A La Modo Monsiers. Oder Chartell deß Stutzerischen Auffzugs.

⁷⁰ Ibidem.

⁷¹ Trauer-Gesang / Uber den allzu früe tödtlichen abgang / Alla modo Monsier. НАВ, IE 166.

отвечали: «Алямодники»⁷². Показательно, что отрицание «алямодства» не выглядело как простое неприятие «чужого», оно опиралось на национальные представления и одновременно стимулировало их: «Кто может удержаться от смеха, когда видит как этакий фантазер с помощью глупого изменения обычаев и одежды *искажает сам себя* и со всей прилежностью *делает из себя не немца* [курсив мой – А. Л.], а своих честных соотечественников старается презирать»⁷³.

«Делать из себя не немца» означало превратиться в иностранца. В соответствии с этим, отношение к иностранцу-врагу, разорявшему немецкие земли, было дополнено негативным восприятием иностранца, посягнувшего на национальную идентичность. Сравнение с иностранцами однозначно приравнивается к оскорблению. В начале публицисты просто высмеивали глупость тех, кто хочет «жить по новой моде»: «та одежда, которую нынче носит немец, должно быть, выдумана дураками»⁷⁴. Однако постепенно главным объектом порицания становилась связь между «алямодным» и иностранцами: французами, итальянцами, испанцами, шведами. Заискивание перед иностранцами и желание немцев подражать им, даже если они глупо при этом выглядели, подвергалось жесткому осуждению. Про «алямодников» возмущенно писали в листовках: «У этих господ половина от Франции, другая от Италии», указывая тем самым на то, что у новых щеголей не осталось ничего немецкого⁷⁵. «На их платье столько кружев, как у французов»⁷⁶, а сами французы, как считали публицисты, принимали таких щеголей за своих соотечественников⁷⁷. Одним из наиболее емких нарицательных определений стало словосочетание «немецкий француз», появившееся

---

⁷² Teutsch-Französischer Alamode-Teufel. S. 21.

⁷³ *Grimmelshausen H. J. Ch. Op. cit. S. 22.*

⁷⁴ Winter Alla modo Meßieurs. HAB, IE 161.

⁷⁵ Eigentliche Abbildung / Vnderschiedlicher Hoch=vnd Niederstands WeibsPersonen. 1629 // Deutsche illustrierte Flugblätter XVI–XVII Jh. Bd. 1. № 138.

⁷⁶ Wie sich ein Teütscher Monsier Kleiden soll. 1630 // *Idid. № 127.*

⁷⁷ *Grimmelshausen H. J. Ch. Op. cit. S. 19.*

на одной из листовок и активно использовавшееся литератора-ми⁷⁸. Поведение щеголей характеризовалось как «антинациональное», потому что было позором всей немецкой нации: «О благородная Германия, вспомни о своей доблести, / с немецкой добросовестностью взрасти новую молодежь, / знаешь, тогда ты все больше будешь нравиться своему Богу / и он оградит тебя от позора и насмешек. Знаешь, тогда ты однажды сама сошьешь алямоодские штаны итальянцам и французам, чтобы Бог вознаграждал твой честный нрав. / О ты, благородное Отечество немецкой нации»⁷⁹. Орудием божественной справедливости немецкие интеллектуалы и публицисты увидели себя. В сложившейся ситуации они стали развивать мессианскую идею, в которой на долю немцев выпало остановить порок: «Пусть мы сохраним в следующих веках праведные немецкие сердца. Мы должны остановить тех, кто хочет уничтожить немецкую свободу, тех, чей аппетит не удовлетворить»⁸⁰.

Недовольство немецких литераторов новой модой вышло на первый план в годы Тридцатилетней войны и было одной из особенностей немецкого патриотизма эпохи. Поэты и публицисты объявили новой моде настоящую войну. Литература и публицистика подвергали жестокому порицанию все, что казалось стремлением отказаться от «немецкого». Она способствовала консолидации немецкого общества, а также осознанию и выработке новых стереотипов, построенных на противопоставлении «свой-чужой». Эта схема особенно четко проявилась в оценочных суждениях о «себе» и о представителях других «наций». Страх перед потерей немецкой самобытности превалировал в публицистике. Этот страх был важной чертой в понимании немецкими мыслителями эпохи Тридцатилетней войны национальной идеи.

---

⁷⁸ A La Modo Monsiers. Oder Chartell deß Stutzerischen Auffzugs.

⁷⁹ Ala Modo Monsiers: Die Newe vmbgekehrte Welt.

⁸⁰ Abtruck Schreibens...

Владимир Александрович Ведюшкин,
Институт всеобщей истории РАН

ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА В ХОДЕ ПОСОЛЬСТВА П. И. ПОТЕМКИНА В ИСПАНИЮ (1667–1668)

К истории посольства в Испанию П. И. Потемкина и С. В. Румянцева в 1667–1668 гг., с которого принято отсчитывать историю русско-испанских дипломатических отношений, в последние десятилетия обращались достаточно часто как в нашей стране, так и в Испании¹. Однако вопрос о том, как,

---

¹ См., в частности: *Derjavin C.* La primera embajada rusa en España // *Boletín de la Real Academia de la Historia*. 1930. № 96. P. 877–896; *Фернандес Искьердо Ф.* Первые испано-русские дипломатические контакты: посольство П. И. Потемкина в 1667–1668 годах // *Проблемы испанской истории*. 1992. М., 1992. С. 95–104; *Fernández Izquierdo F.* Las embajadas rusas a la Corte de Carlos II // *Studia Historica. Historia Moderna*. 2000. Vol. 22. P. 75–107; *Кантерева Т. П.* Первое русское посольство в Испании // *Художник*. 2007. № 1. С. 58–67; *Волосюк О. В.* Внешняя политика Испании в XVIII веке: становление русско-испанских отношений. М., 2011. С. 87–101; *Третьякова М. В.* К вопросу о посольстве стольника П. И. Потемкина и дьяка С. Румянцева в Испанию в 1667–1668 гг. // *Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время*. Арзамас, 2012. Вып. 7. С. 101–123; *Флорья Б. Н.* Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013. С. 201–203; *Egea Fernández M. A.* La primera embajada moscovita a la Monarquía Hispánica // *From Ireland to Poland: Northern Europe, Spain and the Early Modern World* / Ed. E. García Hernán y R. Skowron. Valencia, 2015. P. 273–288; *Эгеа Фернандес М. А.* Прием русского посольства 1667–1668 гг. при дворе Карла II (по материалам испанских архивов) // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время*. М., 2015. Вып. 4. С. 205–209; *Она же.* Первое русское посольство в Испанское королевство (1667–1668 годы). Источники испанских архивов // *Новая и новейшая история*. 2016. № 4. С. 115–125; *Egea Fernández M. A.* La primera embajada moscovita a la monarquía hispánica:

собственно, стороны вели переговоры, как именно был организован процесс перевода с одного языка на другой, до сих пор фактически не привлекал внимания исследователей. Между тем трудности и специфика перевода могли повлиять на восприятие сторонами друг друга, на ход переговоров и, в конечном счете, на их результаты. Важно также отметить, что изучение связанных с потребностями перевода эпизодов истории посольства, зафиксированных в документации, возможно, позволит приблизиться к пониманию механизмов работы русских переводчиков и в этом смысле окажется полезным для понимания русской дипломатии XVII в. в целом.

Как только было принято решение об отправлении посольства в Испанию, важной составной частью его подготовки в Посольском приказе стал поиск информации об этой стране, но ее оказалось очень мало, т.к. прямых дипломатических контактов между двумя державами до этого времени не было. Правда, в 1523, 1525 и 1527 гг. Испанию посетили посольства Василия III, однако это особый случай: хотя Карл V и принял русских послов в Испании, они были направлены к нему не как к пиренейскому монарху, а как к императору, и к тому же, не имея продолжения в течение почти полутора столетий, оказались прочно забыты².

---

conexiones mercantiles y redes de contacto hispano-moscovitas (1667–1668). Tesis doctoral dirigida por Angel Luis Encinas Moral (dir. tes.), José Cepeda Gómez (dir. tes.). Universidad Complutense de Madrid (2018). Режим доступа: <https://eprints.ucm.es/id/eprint/54684/1/T41003.pdf> (дата обращения: 6.06.2021); Посольство П. И. Потемкина в Испанию в 1667–1668 годах: Документы и материалы / Отв. ред. В. А. Ведюшкин, сост. В. А. Ведюшкин, Е. Е. Рычаловский. М., 2018 (Далее – Посольство...; в дальнейшем те документы, для понимания которых в нашем случае достаточно русского перевода, цитируются по этому изданию).

² Подробнее см.: *López de Méneses A.* Las primeras embajadas rusas en España (1523, 1525 y 1527) // *Bulletin Hispanique.* 1946. Т. 48. № 3. Р. 210–226; *Алексеев М. П.* Московский подьячий Я. Полушкин и итало-испанский гуманист Педро Мартир // *Сравнительное литературоведение.* М., 1983. С. 49–57; *Ведюшкин В. А.* Великое княжество Московское и первые известия об Испании // *Испания и Россия:*

Часть сведений обязательно нужно было собрать до отъезда посольства из Москвы – прежде всего это относилось к титулатуре испанских монархов, которую в полном виде следовало включить в состав царских грамот. Поскольку в Посольском приказе на тот момент не было ни одного человека, знавшего испанский (и не было оснований считать, что при мадридском дворе знают русский), то ко всем грамотам прилагались латинские переводы. Поэтому важно было выяснить титулатуру испанских королей в ее латинском варианте – в РГАДА сохранились два документа с росписью титулов испанских монархов, один на русском языке, второй на латыни, причем само наличие двух документов с разными вариантами написания титулов свидетельствует о желании получить необходимую информацию из различных источников³.

В соответствии с практикой того времени посольство сопровождали переводчик и толмач. Переводчик отвечал за точность письменного перевода, осуществлял официальный перевод во время аудиенций, мог выполнять функции пристава, сопровождая иностранных послов, а подчас выступал и как дипломат, хотя и не самого высокого ранга. Толмач преимущественно переводил повседневную устную речь, но часто получал и другие поручения самого разного характера. Статус и жалованье переводчика были выше, чем у толмача, что не в последнюю очередь связано с его личной ответственностью за точность перевода грамот, подписанных царем или адресованных ему, и особенно царской титулатуры; нередко статус переводчика получали после многих лет службы в качестве толмача⁴. Переводчиком в посольство П. И. Потемкина

дипломатия и диалог культур. Три столетия отношений. España y Rusia: diplomacia y diálogo de culturas. Tres siglos de relaciones / Отв. ред. О. В. Волосюк. М., 2018. С. 17–19.

³ Посольство... С. 222–223.

⁴ Подробнее о переводчиках и толмачах Посольского приказа применительно к более раннему периоду – началу XVII в. – см.: *Лисейцев Д. В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. Ч. 1–2. М., 2003, особенно с. 166–183; см. также: *Беляков А. В., Гуськов А. Г., Лисей-*

и С. В. Румянцева был назначен Иван Госенц, который ех *of-
ficio* знал латынь, а толмачом – Роман (перейдя в православие, принял имя Яков) Эглин, владевший немецким и английским. А судя по тому, как описывается пребывание посольства в Испании, кто-то из его членов, по-видимому, знал и голландский, иначе трудно было бы объяснить, почему членов посольства во время пребывания в Андалусии устраивал перевод «з галанского языка на шпанской»⁵.

Д. В. Лисейцев отмечает, что в европейские страны, в отличие от азиатских, толмачей посылали редко, предпочитая им более квалифицированных специалистов – переводчиков⁶; по крайней мере, так было в начале XVII в. Возможно, то обстоятельство, что в посольство П. И. Потемкина были назначены и переводчик, и толмач, объясняется дальностью расстояния (и, соответственно, длительностью поездки) и отсутствием в штате Посольского приказа людей со знанием испанского языка: не зная заранее, какой именно язык сможет послужить в качестве посредника, решили на всякий случай обеспечить членам посольства возможность вступать в контакты на нескольких иностранных языках.

В Кадисе, куда прибыло посольство, и в Эль Пуэрто де Санта Мария, где оно около месяца ожидало разрешения властей ехать в Мадрид, наряду с посольскими переводчиками использовались голландцы, которые охотно предлагали свои услуги. Так, 6 декабря один из членов посольства дворянин едет в Эль Пуэрто с посольским переводчиком и с голландцем для перевода с испанского. В расходной книге соболиной казны⁷ названы несколько проживавших в Испании иностранцев,

---

цев Д. В., Шамин С. М. Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю / Науч. ред. А. А. Романова. М., 2021.

⁵ Посольство... С. 143.

⁶ *Лисейцев Д. В.* Указ. соч. С. 179–180.

⁷ Помимо того, что из ценных мехов (прежде всего собольих, но также и других, в частности, горностаевых и беличьих) состояли посольские дары («любителные поминки»), меха, наряду с золотыми и серебряными деньгами, составляли значительную часть по-

переводивших для посольства: Еремей Фанколин (Иеремия ван Колен) переводил во время визитов в Кадис и в Эль Пуэрто; «домникан» (доминиканец) Амвросий – во время пребывания посольства в Эль Пуэрто, а брабантские земли⁸ иноземец Кашпир Плюс» (Каспар Плёмс) – во время трехнедельной остановки в Севилье⁹. В качестве вознаграждения им обычно передавали пару собольих шкур, ценившихся в Европе очень высоко. Переводчик, предоставленный испанской стороной, сопровождал посольство и на пути в Мадрид. Однако в документах нет никаких указаний на то, чтобы кто-то из работавших с посольством испанцев знал русский, поэтому в любом случае перевод носил двухступенчатый характер, причем по доступным сведениям можно только предполагать, когда языком-посредником был немецкий или голландский, а когда – латынь.

Несмотря на трудности с переводом, за время пребывания в Андалусии и в Мадриде, а также за время путешествия по Испании послы, как показывает составленный ими по возвращении в Москву отчет (статейный список), получили самые разнообразные сведения о стране, ее истории, хозяйстве, управлении, нравах и обычаях населения, заокеанских владениях и многом другом. Эти сведения были изложены в специальном разделе статейного списка, который следует за традиционным обзором внешней политики Испании и для такого рода документов является уникальным – поскольку в Москве почти не располагали сведениями об Испании, П. И. Потемкину и его спутникам было предложено собрать сведения, которые могут оказаться полезными, и передать их в Посольский приказ:

сольской казны, ими расплачивались за различные оказанные посольству услуги, тщательно фиксируя расходы в специальной книге.

⁸ Следует иметь в виду, что на территории Испанской монархии голландцам часто было выгодно представляться выходцами из Испанских Нидерландов (в состав которых входил и Брабант), поэтому нельзя быть уверенным, что речь идет непременно о брабантце, даже если он сам официально так себя называл.

⁹ Посольство... С. 142–143.

«Про всякие вести, которые великому государю, его царскому величеству, и всему Московскому государству надобны, проведывать и записывать себе имянно и подлинно и ту записку, приехав к Москве, подать в Посолском приказе»¹⁰. Хотя в «испанском экскурсе», составляющем заметную часть статейного списка, имеются некоторые фактические ошибки¹¹, однако характер этих ошибок предполагает не неточности перевода, а скорее недостаток внимания к реалиям испанской жизни и истории или даже простую путаницу.

7 (17) марта, через 10 дней после въезда в Мадрид, послы получили аудиенцию у малолетнего короля Карла II и вдовствующей королевы-регентши Марианны Австрийской. Вопрос о том, как во время аудиенции осуществлялся перевод, статейный список обходит молчанием. Ничего об этом не сказано и в официальных испанских документах, зато в самом подробном неофициальном описании событий, которое принадлежит их современнику Диего де Сото и Агилар, приводятся сведения совершенно фантастические, явно свидетельствующие о недостаточной осведомленности автора: посол якобы говорил то по-латински, то по-итальянски, то по-тоскански (sic!), а переводчик всё это переводил на испанский¹². В то же время сравнение записи речи посла на аудиенции¹³ – своего рода стенограммы – с текстом привезенной грамоты показывает, что устный перевод на аудиенции был достаточно точным.

8 марта, на следующий день после аудиенции, придворный переводчик Габриэль Бернардо де Кирос («посольских дел секретарьус Гаврил», как его называют в статейном списке) попросил перевести русский текст грамоты на латынь. Посланники, в соответствии с инструкциями наказа, сразу же передали ему привезенный ими из Москвы латинский текст, и спустя два дня королеве, а потом и ее советникам был зачитан испанский перевод.

---

¹⁰ Посольство... С. 201.

¹¹ Подробнее см.: Там же. С. 55.

¹² Там же. С. 346.

¹³ Там же. С. 298–300.

Сочетание расплывчатого содержания «любительной» грамоты с дальностью расстояния, огромными усилиями и расходами на осуществление посольства заставляло испанскую сторону предположить, что цели посольства не сводятся просто к установлению дипломатических отношений, что у послов, видимо, имеются какие-то еще грамоты либо устные поручения. Но сами дипломаты об этом не говорили, пока их не спросили, а тогда заявили, что выполнить имеющиеся у них дополнительные поручения могут только после еще одной аудиенции (что уже совершенно не согласовывалось с дипломатической практикой при испанском дворе). Добившись второй аудиенции, посланники передали на ней еще один привезенный с собой из Москвы документ (составленный, несомненно, также на латыни): предложение прислать ответное посольство для дальнейших переговоров и установить торговые связи; кроме того, они передали «опасную» грамоту для ответного посольства. Весьма вероятно, что испанские дипломаты ожидали какие-то иных, более конкретных предложений, и потому чувствовали себя несколько обескураженными. Тут же в их переписке появляются нотки нетерпения: содержание посольства обходилось недешево, поэтому его следовало как можно быстрее отправить обратно. Для этого нужно было подготовить ответную грамоту, и вот здесь испанская сторона столкнулась с неожиданными проблемами.

К счастью для посольства, испанцам было в общем-то все равно, называть ли правителя Московии великим герцогом или царем; они поинтересовались, что значит это русское слово и, хотя в своей деловой переписке по-прежнему называли его великим герцогом, но на приемах и в грамоте готовы были именовать его так, как от них ожидала российская сторона, «как он сам себя именуется». Поэтому царский титул не стал в данном случае камнем преткновения, как это иногда бывало в других посольствах.

Сначала русские дипломаты попытались добиться, чтобы ответная грамота на имя царя Алексея Михайловича была составлена на латыни, однако испанская сторона сразу же отвергла это предложение, ссылаясь и на испанскую дипломати-

ческую практику, и на то, что оригинал привезенной из России «любительной» грамоты был составлен на русском, хотя и снабжен латинским переводом. Тогда, в соответствии с требованиями наказа, посланники попросили заранее предоставить им латинский перевод ответной грамоты. 6 мая сопроводитель послов¹⁴ Франсиско де Лира принес показать латинский текст, однако посланники сразу же его отвергли, поскольку он был написан «несправчиво», не так, как в переданном ими после первой аудиенции латинском переводе «любительной» грамоты. В испанской документации сохранились замечания русских посланников – без даты, но, несомненно, относящиеся именно к латинскому тексту, переданному 6 мая. Вот что предлагала изменить русская сторона: 1) слова *divina favente gratia* следовало поставить перед словами *Алексей Михайлович*, а не после них; 2) слово *Viaslcia* исправить на *Viatkia*; 3) там, где речь идет о мирном договоре с Польшей, вместо слов «месяцев» написать «лет»; 4) слово «императрица» (которое испанская сторона использовала из самых лучших побуждений) следовало заменить на *una cum serenissima tzaria maiestate supruga magna domina tzaritzza et magna ducissa* Мария Ильинична; «титул же *supruga* – как уточняется в документе, – означает законная жена императора, и ничего больше»; 5) имена и титулы посланников было предложено взять из царской грамоты (*dapifer* и наместник Боровский Петр Иванович Потемкин и канцлер Семен Румянцев)¹⁵. Как мы видим, все эти исправления не носили принципиального характера и не могли вызвать нареканий испанской стороны.

Новый текст грамоты, исправленный строго в соответствии со сделанными замечаниями (в Национальном истори-

---

¹⁴ Подробнее об этой должности, ключевой для организации пребывания иностранных посольств при испанском дворе, см.: Юрчик Е. Э. Сопроводители послов при дворе Карла II // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Выпуск 8 (52). URL: <https://history.jes.su/s207987840001578-4-1/> (дата обращения: 06.06.2021).

¹⁵ Посольство... С. 326.

ческом архиве в Мадриде сохранился документ с соответствующей правкой¹⁶), привезли на посольский двор 10 мая, и на сей раз переводчик Иван Госенц одобрил передачу царской титулатуры.

Заключительная аудиенция состоялась 18 (28) мая. Грамоту в монаршем присутствии вручил Потемкину секретарь Педро Фернандес дель Кампо, затем король и королева произнесли приветственные слова для передачи царю и царице и «позвали посланников к руке». Казалось бы, всё закончилось благополучно, т.е. в строгом соответствии с наказом. Но, увы, по возвращении с аудиенции возникла новая проблема: оригинал грамоты был на испанском языке, которого никто из русских не знал (да и невозможно себе представить, чтобы такой документ, содержание которого было полностью согласовано, стали тщательно изучать прямо на аудиенции), когда же по возвращении на посольский двор грамоту посмотрел подъячий Андрей Сидоров, который «будучи в Ышпанской земле, понавык честь латинского писма»¹⁷, то он обнаружил расхождения между испанским и латинским текстом. Чтобы разобраться в этом вопросе, посланники обратились за помощью к жившему (или находившемуся) в Мадриде доминиканскому монаху, брату Каспара Плёмса, переводившего для посольства во время его трехнедельного пребывания в Севилье. По просьбе посланников «домникан подпись у королевской грамоты с ышпанского языка перевел на латинской

---

¹⁶ Archivo Historico nacional (далее – АНН), Estado, l. 2877. 378, 382. Нумерация документов внутри коробки (legajo) и пагинация отсутствуют. Однако основной корпус дипломатической документации по посольству, который и хранится в этой коробке, полностью оцифрован и доступен на сайте испанских государственных архивов, причем в электронном виде пагинация имеется (к посольству 1667–1668 гг. относятся страницы 196–437).

URL: <http://pares.mcu.es/ParesBusquedas20/catalogo/show/1678560?nm> (дата обращения: 12.05.2021). Далее при ссылках на этот архивный фонд соответствующий номер ставится непосредственно в тексте статьи в квадратных скобках.

¹⁷ Посольство... С. 124.

язык» (т.е. фактически предоставил возможность проверить правильность ранее переданного латинского перевода). Русскую сторону не устроило то, что в латинском и испанском текстах был разный порядок слов: «Для чего на подписи на испанском языке написано не против того? Что было надобно писат[ь] прежь, то писано после»¹⁸. Тщетно Франсиско де Ли́ра убеждал посланников, что «против латинского языка испанского языка слог не сойдетца, и слово в слово написать чиновно так не мочно». Те, ссылаясь на опыт своих переводчиков, настаивали, «что написать мочно против латинского списка и в грамоте на испанском языке слово в слово» и что грамоту необходимо переделать, а в противном случае отказывались ее принять¹⁹.

В конце концов послы добились того, что, вопреки нормам испанского языка, порядок слов в испанском тексте оригинала грамоты был приведен в полное соответствие с латинской версией. Королева осталась при мнении, что на испанском языке лучше, чем было, написать невозможно, однако велела переписать грамоту «для брацкие дружбы и любви» с царем. Хотя привезенный в Россию оригинал на испанском языке до нас не дошел, мы можем составить представление о том, как в целом выглядело это насилие над испанским языком, на основании документов из испанских архивов, в которых отражены основные стадии работы над ответной грамотой.

Как уже было отмечено, перевод важной для титулатуры лексики никаких сомнений и споров не вызывал: титул царя не переводится, а транслитерируется (*tzar*), государь (*лат. dominus*) переводится на испанский как *señor*, самодержец как *autocrator*, повелитель или обладатель (*лат. dominator*) как *dominador*, великий князь как *gran duque*. Однако порядок слов в некоторых испанских версиях одного и того же документа действительно различен. При этом материалы посольства хранятся не в строго хронологической последовательности, к основному документу могли подкладываться связанные

---

¹⁸ Там же. С. 125.

¹⁹ Там же. С. 125–126.

с ним грамоты и черновики, так что уточнение стадий работы над ними может оказаться важным и для архивного описания. Расхождения касаются исключительно титулатуры – только она в данном случае была важна для русской стороны. Интересующий нас в этом контексте комплекс документов – это привезенный из Москвы латинский перевод грамоты Алексея Михайловича, обращенной к Филиппу IV²⁰, копия которого (или, во всяком случае, его части, относящейся к титулатуре) наверняка имелась в распоряжении послов [379]; сделанная в Испании запись царской титулатуры на латыни [378] и ее перевод на испанский [381]; правленные черновики обращенной к царю ответной грамоты Карла II и королевы-регентши Марии Австрийской на испанском языке [382–385, 387–393]; черновик ее перевода на латынь [394–398]; составленная для рассмотрения в Государственном совете бумага, в которой излагалась суть претензий послов к испанской грамоте, переданной им на заключительной аудиенции [403–404]; наконец, беловая копия ответной грамоты [406–412].

Сам подбор слов для передачи титулатуры в разных испанских документах в целом идентичен, хотя столь важная ее часть, как «всё Великия и Малыя и Белья Росии» (*лат.* “totius Magnae, parvae et Albae Russiae”) в черновиках передана как “de toda la mayor y menor y blanca Rusia”, а в беловой копии – как “de toda la grande y requeña y blanca Rusia”.

Попробуем разобраться, как соотносится порядок слов в латинской титулатуре [378–379], в ее переводе на испанский [381] и в беловой копии грамоты [407]. Латинское “totius septentrionalis orae Dominatori” в первом из испанских доку-

---

²⁰ Разбор вопроса о том, почему грамота обращена не к Карлу II, а к Филиппу IV, умершему более чем за полтора года до отправления посольства, см.: *Ведюшкин В. А.* Когда в России узнали о смерти короля Испании Филиппа IV? Об одном казусе из истории русско-испанских отношений // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Вып. 8 (52).

URL: <https://history.jes.su/s207987840001614-4-1/> (дата обращения: 12.05.2021).

ментов написано как “dominador de toda la plaga septentrional”, во втором – “de toda la septentrional plaga dominador”; первый вариант соответствует нормам испанского языка, второй – нет, но при этом воспроизводит порядок слов латинского текста. Латинское “Domino Iveriensis Terrae cartalinensium, et Grusinensium, tsarei etiam cabardinensis terrae Czircassiensium, et Gorissiensium ducum” в первом случае передано как “Señor de la tierra Iveriese de los cartalinienses y grusienses, Tzar tambien de la tierra cabardinense de los duques Czircassienses y Gorissienses” [381], во втором – как “Señor de la Iveriese tierra de los cartalinienses y grusienses, Tzar tambien de la cabardinense tierra de los Czircassienses y Gorissienses duques” [407]. Во втором случае мы вновь видим тот же порядок слов, что в латинском тексте – ценой правил испанского языка, но есть и еще одна любопытная деталь: в латинском тексте, как и в русском, говорится о царях Грузии и Картли, в то время как в обоих испанских текстах те же государи именуется герцогами, и испанские дипломаты, столь въедливо проверяя соответствие порядка слов, пропустили такое расхождение. Возможно, они просто не увидели этого несоответствия либо не обратили внимания, что речь идет о титулах разного уровня, но уместно предложить и другое объяснение: с одной стороны, господство русского царя над другими царями свидетельствует о его превосходстве (царь царей), с другой же, наличие того же самого титула у правителей сравнительно небольших государств могло бросить тень и на «настоящего» царя, поэтому дипломаты в данном случае сочли возможным не заметить очевидную неточность перевода титула.

Список примеров, когда во втором из испанских документов порядок слов исправлен в соответствии с латинским текстом, можно продолжить. Но и без этого очевидно, что первый из документов соответствует тексту грамоты, переданной на аудиенции, а второй – окончательному тексту, исправленному по настоянию русской стороны и ставшему официальным текстом грамоты. Трудно сказать, почему при этом в сопроводительной записке он также привязан непосредственно к заключительной аудиенции, а на первой странице – даже к

еще более ранней дате (“consulta de 21 de abril de 1668”). Очевидно, что документ следует отнести к более поздней дате, чем та, которая на нем указана: судя по хронологии событий, приведенной в статейном списке²¹ – к промежутку времени между 24 и 26 мая по юлианскому календарю (т.е. 3–5 июня по григорианскому).

Подведем некоторые итоги. Вследствие удаленности Испании от России и отсутствия более ранних контактов между двумя странами в течение всего пребывания посольства П. И. Потемкина в Испании перевод с одного языка на другой мог осуществляться только через посредничество других языков, что затрудняло ведение переговоров. В первые недели пребывания русских в Испании немаловажную роль сыграла помощь с переводом, которую оказывали посольству голландцы. Проявленная ими заинтересованность в том, чтобы помочь обеим сторонам правильно понимать друг друга, видимо, объясняется не только и не столько желанием заработать на дипломатах (хотя те щедро платили за помощь), но и стремлением в той или иной форме сохранить позиции голландцев как посредников в случае установления прямых торговых контактов между двумя странами.

В целом, несмотря на сложности технического характера, стороны хорошо понимали друг друга, что, впрочем, может объясняться отсутствием каких-либо противоречий между ними, а потому в ходе переговоров не возникало мало-мальски серьезных проблем. В то же время именно к сфере перевода относится одна из главных трудностей, возникших в ходе посольства – вопрос о соответствии испанской грамоты ее латинскому переводу. Исследование особенностей перевода ответной грамоты позволило прояснить вопрос о соотношении двух важных документов по истории посольства и уточнить датировку одного из них.

О том, что в Посольском приказе осознавали трудности и неудобства, вызванные отсутствием в штате переводчиков людей со знанием испанского языка, и искали выход, свиде-

---

²¹ Посольство... С. 126.

тельствует последующее развитие событий. Как раз в результате первого испанского посольства П. И. Потемкина такой переводчик и появился в Посольском приказе. В Испании к русским дипломатам прибился некий шляхтич из Орши, католик Иван Туров, человек с необыкновенно богатой биографией. В польско-шведскую войну 1655–1660 гг. он служил шведам; был взят в плен крымскими татарами, продан в Константинополь и оказался гребцом на турецкой галере, затем был отбит венецианцами, служил императору, потом находился в Португалии, откуда и приехал в Мадрид. Добравшись до Москвы, он поступил на службу «в толмачи французским и шпанским языком, потому что тех языков в Посольском приказе не было» (помимо этих языков, он знал, как минимум, итальянский, немецкий и шведский)²²; перешел в православие под именем Петра и в челобитной 1670 г. очень сетовал, что, в отличие от других иностранцев на русской службе, принявших православие, не получил за это никакой материальной выгоды. В качестве толмача он позже находился в составе посольства П. И. Потемкина и С. Полкова во Францию, Испанию и Англию (1681–1682); в Англии он и умер, оставшись в истории первым известным официальным переводчиком с испанского языка на русский.

---

²² Посольство... С. 362. Подробнее об Иване Турове: Там же. С. 280.

*Дарья Александровна Галкова,
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова*

**ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОГО ПЕРЕВОДА
(1546 Г.) ТРАКТАТА ПОЛИДОРА ВЕРГИЛИЯ
«ОБ ИЗОБРЕТАТЕЛЯХ ВЕЩЕЙ»**

История бытования литературного произведения никогда не будет полной без изучения следующей за ним череды переложений и переводов. Сложный процесс переноса текста из одной языковой системы в другую интересен тем, что сохраняет в себе множество случайных и намеренных искажений-допущений, которые могут быть направлены как на сохранение ядра авторского текста, так и на его использование в «личных целях» переводчика. Аудитория, знакомая с переработанной версией произведения, редко возвращается к оригиналу, и эта особенность бытования текста зачастую предопределяет его дальнейшую судьбу.

Частным примером такого «лжевосприятия» выступает трактат итальянского гуманиста и эрудита Полидора Вергилия (1570–1555) «Об изобретателях вещей». Впервые сокращенный англоязычный вариант этого произведения, который едва ли соответствует классическому пониманию термина «перевод», подготовил и опубликовал Т. Лэнгли (?–1581) в 1546 г.¹ Несмотря на то, что эта работа хорошо известна в зарубежной историографии, отдельного исследования она удостоена никогда не была. Данная статья посвящена особенностям «перевода», тем факторам, которые могли повлиять на его восприятие и на привнесение нового смысла. Поскольку изучение перевода, независимо от его качества, – это изуче-

---

¹ *Langley Th.* An abridgement of the notable woorke of Polidore Vergile conteignyng the deuisers and firste finders out as well of artes, ministeries, feactes & ciuill ordinaunces, as of rites, and ceremonies, commo[n]ly vsed in the churche: and the originall beginnyng of the same. London, 1546.

ние *интерпретации* исходного произведения, данная статья выстроена по принципу сопоставления подлинника и его переложения – работ, однородных по своей сути и различных в деталях.

Соблюдение законов логики и хронологии вынуждает обратиться в первую очередь к истории создания исходного текста трактата «Об изобретателях вещей». Его автор, Полидор Вергилий, родился близ города Урбино около 1470 г.² Предположительно, некоторое время он учился в Падуанском университете с его сильной схоластической традицией³, но настоящим пристанищем для научных изысканий гуманиста стал двор герцогов да Монтефельтро, славившийся своей превосходной библиотекой⁴. Там Полидор учился и работал под руководством Людовико Одасио – воспитателя молодого герцога Гвидобальдо да Монтефельтро, и перенимал опыт работы с различными античными текстами, а также с их переложениями, выполненными коллегами-гуманистами. В этот период серьезное влияние на творчество молодого человека, по всей видимости, оказало произведение Николо Перотти «Рог изобилия». Текст этого сложного труда Полидор редактировал и готовил к изданию. Впоследствии гуманист включал выдержки из него (как полагается, без указания первоисточника) в свои авторские работы, среди которых был и трактат «Об изобретателях вещей»⁵.

В 1496 г. гуманист принимает сан и еще через пару лет меняет уют урбинской библиотеки на службу в папской курии⁶.

---

² *Atkinson C.* *Inventing inventors in Renaissance Europe.* Tübingen, 2007. P. 70.

³ *Zaggio S.* *L'Università di Padova nel Rinascimento.* Venezia, 2004. P. 26.

⁴ *Hofmann H.* *Literary culture at the court of Urbino during the reign of Federico da Montefeltro*// *Humanistica Lovaniensia.* Vol. LVII. Leuven, 2008. P. 5.

⁵ *Copenhaver B. P.* *The historiography of discovery in the Renaissance: the sources and composition of Polydore Vergil's De inventoribus rerum I–III* // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes.* Vol. XLI. 1978. P. 210.

⁶ *Hay D.* *Polydore Vergil: Renaissance Historian and Man of Letters.*

Однако предварительно, еще до своего отъезда в Рим, Полидор публикует одно из первых своих произведений – трактат «Об изобретателях вещей». Впервые три книги этой протоэнциклопедии были опубликованы в Венеции в 1499 г. В них Полидор попытался собрать и систематизировать истоки различных явлений материального и нематериального мира. Свою задачу он видел в том, чтобы рассказать современникам об изобретателях и изобретениях, которые заложили основу того, что мы бы сегодня назвали средиземноморской цивилизацией. «Дабы не подвергать себя упрекам, я, насколько мог, правдиво рассказал обо всём, а именно о появлении богов и их почитании, о начале явлений и предметов, о происхождении людей...» – пишет гуманист⁷.

Нельзя не отметить, что избранный Полидором исторический период не отличался избытком письменных источников. Представление об этапе «первобытности» европейских народов в предшествующий традиции было растворено в библейском повествовании, поэтому первая, пусть еще не оформившаяся до конца, попытка реконструировать дописьменное прошлое прародителей европейских народов, понять порядок их взаимодействия стала отражением серьезных изменений в самоосознании, самовосприятии мыслителей рубежа XV–XVI вв.

Полидор заложил в структуру текста различные оттенки понимания латинского термина “*ars*”. Его подход к систематизации явлений перекликался с Аристотелевским учением о «знании», воплощавшемся в науке (I книга), искусстве (II книга) и ремесле (III книга)⁸. Однако при этом текст Полидора сохранял свою самобытность. Каждый элемент повествования был заключён автором трактата «Об изобретателях вещей» в отдель-

---

Oxford, 1952. P. 2.

⁷ “Nequid criminis subirem, q[uam] verissime potui. o[mn]ia tradi: maxime quum de origine deorum & et eorum cultu: de rer[um] in i[n]itiis: de hominis ortu prodidim[us]”. *Vergilius P. De inventoribus rerum*. Venetiae, 1503. P. aii^rv. Здесь и далее перевод мой – Д. Г.

⁸ *Atkinson C. Op. cit.* P. 127.

ную главу, внутри которой на основании большого числа античных и раннехристианских источников он пытался определить первооткрывателя исследуемого феномена. Поскольку гуманист обратился к изучению «первобытности» человечества, для него, как и для любого христианина, все «изобретения» были заложены в установленном Богом законе природы. Однако в тот момент, когда свидетельства, найденных в Писании или его интерпретации у иудео-христианских авторов, оказывается недостаточно, Полидор обращается к греко-римским источникам. Именно они определяют путь проникновения того или иного изобретения на территорию Европы. Таким образом, гуманист стремился найти как можно больше точек соприкосновения между античной и иудео-христианской традициями.

Через некоторое время Полидор покидает уют урбинской библиотеки и устраивается на службу в папскую курию, по поручению которой в 1502 г. отправляется ко двору английских монархов в качестве заместителя сборщика денария Св. Петра. Примерно в 1506 г. итальянец принимается за написание знаменитого, даже в каком-то смысле скандального труда «История Англии», который во многом предопределил отношение английских интеллектуалов к гуманисту. В этом произведении, впервые напечатанном в Базеле в 1534 г., итальянец на основании античных и средневековых источников изложил историю Британии от времён римского завоевания. Скандальность же «Истории Англии» придали те оценки, которые Полидор осмелился дать английской исторической традиции. В частности, он критиковал труд Гальфрида Монмутского «История бриттов», который он считал фикцией, а не историческим сочинением⁹. Из всей дорогой сердцу любого англичанина легенды об Артуре Полидор включил в свое сочинение только краткое упоминание о правлении этого короля¹⁰. Полемика, начатая Джоном Лиландом (1503–1552),

---

⁹ Carley J. Polydore Vergil and John Leland on King Arthur: the battle of the books // Interpretations. Vol. 15. № 2. 1984. P. 86.

¹⁰ Carley J. Polydore Vergil and John Leland on King Arthur: the battle of the books // Interpretations. Vol. 15. № 2. 1984. P. 88; Hay D. Op. cit.

английским историком и антикварием, в середине 30-х гг. XVI в., сильно повлияла на репутацию итальянца¹¹. Сам Лиланд настаивал на том, что существуют неоспоримые исторические и археологические свидетельства существования Брута, деятельности Артура, описанной Гальфридом Монмутским, а невнимание Полидора к этому факту говорит об его предвзятости¹². Открытой критикой итальянец, конечно, задел чувство национальной гордости и несколько подпортил свою репутацию эрудита и гуманиста в глазах английской общестственности. Но, справедливости ради стоит сказать, что крайнюю позицию Лиланда разделяли далеко не все. Как правило, как современники, так следующие поколения мыслителей, помимо критики признавали неоспоримые достоинства исторического труда Полидора.

Именно в обществе английских коллег Полидор возвращается к работе над трактатом «Об изобретателях вещей». В 1521 г. он дополняет своё произведение пятью новыми книгами по истории христианства¹³. Круг тем в них был не менее обширен, чем в первоначальной версии его энциклопедии. Полидор обращает внимание на становление церковной иерархии и духовно-административного аппарата церкви, исследует формирование обрядовой стороны жизни верующих, обращается к изучению монашества, наконец, рассказывает о таких острополемиических вопросах как индульгенции, налоговая политика Папства и церковный раскол. При этом в тексте автор ставит перед собой задачу осмыслить актуальную церковную практику через призму всех исторических изменений, то есть дать ответ на вопрос как сформировался «христианский мир» и что с ним происходит на сегодняшний день. Полидор стремится привести значительное число различных

Р. 86; Калмыкова Е. В. Мифы о Бруте и о древнейшем заселении Британии в английской исторической мысли XV – XVI вв. // Миф в культуре Возрождения. М., 2003. С. 288.

¹¹ Калмыкова Е. В. Указ. соч. С. 289.

¹² Carley J. Op. cit. P. 89.

¹³ Vergilius P. De inventoribus rerum. Basilea, 1521.

мнений раннехристианских авторов и цитат из Священного Писания, выстроенных в хорошо продуманной последовательности, что показывает его живое участие в идущих в гуманистических кругах дискуссиях по поводу современного положения Церкви. При этом в своем подходе гуманист не отказывается от рассмотрения ветхозаветного и античного наследия уже внутри христианской традиции. За счёт этого Полидор, с одной стороны, перебрасывает методологический «мостик» от первой ко второй части трактата, поскольку продолжает искать истоки явлений в период формирования цивилизации. А с другой, он находит прежде нетронутый исследователями угол зрения – прообраз сравнительного религиоведения, так как через призму христианства пытается разобраться в сущности дохристианских религиозных практик, сопоставить их между собой.

Естественно, не мог Полидор проигнорировать и набирающее обороты Реформационное движение на континенте. Его позиция состояла в том, что при сохранении ортодоксальных основ (приоритет папской власти, первостепенная значимость реликвий, креста, как символа христианства, значения $\times$ всех семи таинств) в своей концепции он принимал некоторые элементы критики Лютера, направленной против индульгенций, чистилища и злоупотреблений папской канцелярии в налоговой политике¹⁴. Кроме того, неприемлема для него и чрезмерная обрядовость церковной жизни, излишняя роскошь в предметах обихода священнослужителей. Он рассматривает все перечисленные выше установления как «изобретения», «измышления», творения человеческого разума, а не заложенные Христом или исторической традицией элементы церковной жизни.

Нельзя не отметить, что текст трактата «Об изобретателях вещей» многократно переиздавался еще при жизни автора¹⁵.

---

¹⁴ *Ruggeri R. Polidoro Virgili e la Riforma Anglicana // Polidoro Virgili e la cultura umanistica europea / A cura di R. Bacchielli. Urbino, 2000. P. 239.*

¹⁵ Подробнее см.: *Ferguson J. Bibliographical notes on the English translation of Polydore Vergil's work "De inventoribus rerum" // Archaeolo-*

Последние исправления в текст были внесены только в 1546 г., поэтому первой проблемой, с которой сталкивается исследователь при работе с сокращенной английской версией 1546 г., является поиск и установление издания, с которого был выполнен перевод. Очевидно, что в данном случае верхняя граница определяется последним изданием с правками автора (т.е. изданием 1544 г.), тогда как нижняя граница требует текстологического анализа. По косвенным трудноуловимым признакам список «претендентов» можно сократить до версии 1540 (Базель), 1542 (Антверпен) или 1544 (Базель) гг. Основанием такой выборки служит маленькое дополнение в оригинальном тексте, сделанное Полидором только к изданию 1540 г. В главе про происхождение состязаний и игр гуманист указывает, что помимо простого увеселения различные азартные игры и игры с мячом несли практическую пользу, поскольку отвлекали население от насущных проблем, связанных с неурожаем¹⁶. Это дополнение впоследствии нашло отражение и в тексте перевода¹⁷, став свидетельством того, что переводчик пользовался одним из поздних наиболее полных изданий.

Итак, основополагающей с точки зрения перевода особенностью стало то, что обе части трактата «Об изобретателях вещей» были составлены из последовательной череды цитат, связанных между собой редкими замечаниями самого гуманиста. Естественно, точность сохранения Лэнгли выбранных мест из всего полотна текста Полидора и структура их приведения в переводе формирует в конечном счете и авторскую

---

gia. Westminster. Vol. LI. 1888.

¹⁶ Vergil P. De inventoribus rerum. Basiliae, 1540. P. 121.

¹⁷ “Dice tables, tennys, and cardes were fou[n]d of the Lidians a people of Asia, and begonne not for any lucre or pleasure but for a common wealth. For what|tyme their countre had great scarsenes & want of corne, insomuche that it was not able to suffice the people, they mittigated & swaged their hunger and scarsitie in this wise, one day they toke theyr meat moderatly, & an other day by course thei applied such sportes and pastimes to dryue away the tediousnes of theyr famine & hunger”. *Langley Th. Op. cit.* P. li^v.

позицию. Особое значение такой подход обретал во второй, «церковной» части трактата, где Полидор через приведенную аргументацию выражал свое отношение к современному положению церкви.

Вероятно, именно вторая часть трактата побудила переводчика, Томаса Лэнгли, обратиться к переложению этого произведения. Именно в ней он мог (при правильном прочтении) найти аргумент для обоснования как католической, так и протестантской позиции в религиозной полемике. О биографии Лэнгли известно немного: примерно в 1537/38 г. он закончил обучение в Кембриджском университете, затем перешел на службу к Томасу Кранмеру (1489–1556), одному из «отцов» английской Реформации¹⁸. Вероятно, во время правления Марии Тюдор бежал на континент и вернулся в Англию с восшествием на престол Елизаветы I¹⁹. Впоследствии Томас Лэнгли был назначен каноником в Винчестерский собор²⁰. Как и Кранмер, он всецело поддерживал реформационное движение в Англии и, по всей видимости, стремился подкрепить его теоретические основы свидетельствами из авторитетных изданий.

В ходе работы над переводом Лэнгли предусмотрительно подготовил для себя «лазейку», поскольку, как уже говорилось выше, представил на суд общественности переложение, сильно расходившееся с оригиналом. Английский текст был впервые опубликован 25 января 1546 г. под заголовком «Краткое изложение известного сочинения Полидора Вергилия, включающая в себя [рассказ об] изобретателях и первооткрывателях [свободных] искусств, об отпращивании обязанностей священника, о праздниках и светских установлениях, а также об обрядах, церемониях, обыкновенно использующихся в церковной практике, и об их же [обрядов] первоисточках»²¹.

---

¹⁸ *Hipwell D. Langley, Thomas (d. 1581.) // Dictionary of National Biography. Vol. 32. P. 114.*

¹⁹ *Ibidem.*

²⁰ *Ibidem.*

²¹ “An abridgement of the notable woорke of Polidore Vergile conteynyng the deuisers and firste finders out as well of artes, ministeries,

Уже заголовок наилучшим образом резюмирует интерес переводчика, которого в первую очередь занимает обрядовая сторона церковной жизни. Лэнгли решает не повторять исходное название, чем не только подчеркивает популярность «известного сочинения Полидора Вергилия», но и на уровне заглавия отмечает свой собственный вклад в переложение, сокращение текста. За неимением должности «ответственного редактора» он автоматически становится рассказчиком, который доносит прочитанный на латыни текст до английского читателя. На этом основании Лэнгли берет на себя ответственность представлять в лучшем или худшем свете автора оригинального текста. Таким образом, статус переводчика в глазах англичан в какой-то степени соперничал со статусом самого автора.

В качестве введения к переводу трактата «Об изобретателях вещей» Лэнгли приложил письмо, адресованное ярому стороннику Реформации в ее кранмеровской интерпретации, сэру Энтони Дэнни (1501–1549). Приближенный Генриха VIII (1491–1547), примерный придворный, Дэнни славился уравновешенностью своих взглядов. Он получил образование в гуманистической среде, учился у Уильяма Лилли (близкого друга Полидора) в знаменитой школе при соборе Св. Павла²². Несмотря на приверженность протестантизму, никогда не конфликтовал с переменчивыми умонастроениями самого Генриха²³. Благодаря этому сэр Дэнни пользовался большим доверием короля особенно в последние годы жизни последнего. К 1540-м Дэнни уже стал заведующим доходами королевской казны (*Keeper of Privy Perse*), и с каждым годом только расширял свои полномочия при дворе²⁴. В своем вступном

---

feactes & ciuill ordinaunces, as of rites, and ceremonies, commo[n]ly vsed in the churche: and the originall beginnyng of the same”. *Langley Th.* Op. cit. Title.

²² *Sil N.* Sir Anthony Denny: A Tudor Servant in Office. Renaissance and Reformation // Renaissance et Réforme. № 8(3). New series. 1984. P. 191.

²³ *Ibidem.*

²⁴ *Ibid.* P. 193.

письме Лэнгли прославлял ученость придворного и, по всей видимости, искал его покровительства, предлагая принять во внимание его, Лэнгли, благочестивое рвение²⁵.

Помимо прочего, переводчик поясняет для сэра Дэнни и остальных читателей, которые могли быть знакомы с текстом оригинала, почему английская версия трактата была сокращена. Во своем письме он отмечает, что «хотя переведенная книга была бы ценна по целому ряду причин, похвальна и за высокую ученость автора, и в конце концов заслуживала внимания хорошего переводчика... Все-таки, в таком объеме, и при таком размере, она могла тяготить ее владельца, изнурять нескончаемыми [подробностями] читателя». «Я подумал, – продолжает Лэнгли, – что лучше будет пренебречь частью [текста]. Однако не по причине его перегруженности или чего-то еще, а по той причине, что многие из описанных явлений можно трактовать двояко, иначе, чем они были задуманы»²⁶. Другими словами, книга, с одной стороны, изнуряет подробностями, а с другой, сохраняет в себе опасную свободу выбора трактовки некоторых религиозных вопросов. По этой причине Лэнгли подготовил «выжимку» значимых разделов трактата, в которую, по его словам, он не включил ничего от себя²⁷. Про «пренебрежение» доброй частью текста переводчик не солгал: из 600 страниц латинской версии он оставил чуть больше двухсот. Однако фраза об отсутствии дополнений справедлива только отчасти: переводчик по большей ча-

---

²⁵ *Langley Th.* Op. cit. To the right worshipfull sir Antony Denny knight his daily oratour Thomas Langley wisheth prosperitee and long continuance of worshippe. P. [11].

²⁶ “And although the booke translated might haue been for the diuersitee of matter profitable: and for the authours high lernyng laudable, & finally to a good translature commendable, yet in so muche, as for the greatnes, it should haue been to the berers greuouse, & for length to the reders tedious, I thought it best to omit some parte, not bycause any thyng was superfluous, or otherwise written the[n] wel But for as muche as many thynges mighte bee taken diuersly, and other wise then thei wer me[n]t”. Ibidem.

²⁷ Ibidem.

сти «играл» с сокращениями, однако изредка все же не мог смолчать и вводил в текст собственные краткие замечания.

Как же изменился текст трактата в его английской интерпретации? Не слишком серьезные изменения в тексте произошли в первой части трактата, посвященной истории становления цивилизации. Из череды цитат, в которой ветхозаветные сюжеты перемежались с античными, Лэнгли сохранил только структуру. Однако он отказался от перевода отрывков из оригинальных текстов, а соответственно и от предложенной Полидором компиляции как таковой. Взамен, как показано ниже, он обобщал приведенные гуманистом цитаты, сохранив от них только смысловое зерно.

Полидор:

«Согласно Плинию (кн. 7) создателем музыки был Амфион, как говорят, сын Юпитера от Антиопы. Близко к этому то, что говорит поэт в Буколиках: *“я песни те же пою, которые, стадо сгоняя, пел Амфион у Дирке на том Аракинфе Актейском”* [Здесь и далее кавычки и курсив мои – Д. Г.]. Говорят, он точно также двигал камни. Гораций в Поэтическом искусстве пишет: *“говорят, и основатель Амфионфиванских стен звуками лиры сдвигал камень”*. Стаций же в первой Фиваиде [пишет]: *“я прослежу и подробно скажу о песне, в которой Амфион повелел вершинам тирийским сойтись в стены”*.

Однако греки, согласно Приготовлению к Евангелию Евсевия, приписывали изобретение музыкальной гармонии Дионисию»²⁸.

---

²⁸ “Musices autem repertor teste Plinio li.vii Amphion ex Antiopa Iovisfilii exstitisse dicitur, propter quod poeta in Bucolicis ait: canto quae solitus, si quando armenta vocabat, Amphion Dircaeus in Actaeo Aracyntho. Ipse quoque saxa movisse fertur. Horatius in Poetica: dictus et Amphion, Thebaeae conditor urbis, saxa mouere sono testudines Et Statius in primo Thebaidos: penitusque sequar, quo carmine muris iusserit Amphion Tyriis accedere montes. Sed graeci teste Eusebio de preparat. Evangel. Lib. 2. Musicae harmoniae inventionem Dionisio attribuunt”. *Vergil P. Op. cit.* 1540. P. 44–45.

Лэнгли:

«Основателем музыки по предположению Плиния был Амфион, сын Юпитера от Антиопы. А греки приписывают ее изобретение Дионисию»²⁹.

Таким образом, если итальянцу требовалось несколько предложений на то, чтобы выявить консенсус или разногласие античных авторов по тому или иному вопросу, то англичанин старался объединить всех сторонников описываемой теории в одно предложение, противопоставляя им в дальнейшем соответствующих «критиков». Ссылки на поэзию казались переводчику наименее авторитетными, поэтому с ними он расставался безжалостно. Однако «лирика» отнюдь не была исключением. Лэнгли действительно старался облегчить текст, поэтому в его переводе действовало строгое правило – один изобретатель на одно явление, а повторения исключались. Текст стал более гладким, однако потерял ценную реферативную составляющую, которую ей придавали сведения, приведенные Полидором.

Тем не менее даже такую редакцию нельзя считать сколько-нибудь «идеологической». Лэнгли старался сохранить широкий спектр приведенных Полидором мнений. В частности, он довольно точно и без купюр передал идею итальянца о становлении человечества с момента изгнания из Райского сада, за которым последовало долгое преодоление почти животного образа жизни, до обретения цивилизации и истинной, т.е. христианской, религии. Не потерял он и синтеза культур, поскольку при необходимости восполнить пробелы в библейском повествовании Лэнгли вслед за Полидором обращался к античным источникам.

Дополнения самого Лэнгли в первой части были немногочисленными и носили скорее просветительско-«патриотический», нежели оценочный характер. Переводчик старался не упустить возможность рассказать о различных английских национальных особенностях, которые возникли в

---

²⁹ “The fynders of Musyke as Plinie supposeth was Amphion the sonne of Iupiter by Antiope. The Gretians ascribe the findyng of it to Dionisius”. *Langley Th. Op. cit.* P. xxii.

ходе становления того или иного явления. Так, в частности, в главе про возникновение алфавита Полидор отмечает, что различные современные народы по-разному произносят латинские, греческие слова в соответствии с принятыми нормами и особенностями развития национального языка. Лэнгли дополняет наблюдения итальянца примером из английской действительности. После сохраненного рассуждения Полидора об исчезновении придыхательных звуков, взаимозаменяемости глухих и звонких, переводчик отмечает, что «затем император Клавдий, по словам Квинтилиана, установил, что [звук f] должен заменять согласный v (как в *fulgus* вместо *vulgus*, *fixit* вместо *vixit*), и все же наши Англичане в Эссексе имеют обыкновение говорить *fineger* вместо *vinegar*, *feale* вместо *veale*, и наоборот, *vore* вместо *fore*, *voure* вместо *fore*»³⁰. Привязка к английскому «образу жизни» встречается и в остальных дополнениях.

Заменять цитаты на обобщения переводчик продолжил и во второй части трактата. Однако в данном случае такой подход к переложению текста серьезнее сказался на смысловой нагрузке произведения. Кроме того, во второй, «церковной», части трактата Лэнгли не скупился на прямые сокращения, он вычеркивал из некоторых глав целые абзацы, совсем «обнищавшие» главы объединял в одну, наконец, некоторые из них исключал целиком. Порой эта неумолимость правки доходила до абсурда. Например, Полидор в своем тексте последовательно готовит своего читателя к рассказу о важнейшем христианском священнодействии – святом причастии. На протяжении четырех глав он подробно рассказывает о прообразе жертвоприношения у язычников, отдельно о жертве у иудеев и о существовании у них праздника Песах и о его значении, и только затем переходит к христианству. Лэнгли же сократил

---

³⁰ “And afterward Claudius Caesar, as Quintiliane writeth, appoineted yt it shuld be taken in the place of v. consonant as *fulgus* for *vulgus*, *fixit* for *vixit* And euen so oure Englishemen vse to speake in Essere, for they say *fineger* for *vineger*, *feale* for *veale*, & co[n]trary wise a *vore* for a *fore*, *voure* for *fore*”. *Langley Th.* Op. cit. P. xiii.

повествование до двух глав – первая дохристианская (то есть античная и иудейская), а вторая, соответственно, христианская. Поэтому в тексте перевода появилась совершенно оторванная от своей подготовительной базы фраза. После вводных слов о молитве перед причастием Лэнгли пишет, что Христос, «покончив с Пасхальным ягненком»³¹, обратился к апостолам. Казалось бы, общее место для христианского текста, однако в повествовании Полидора каждый символ священнодействия (от появления ягненка до иудейского праздника Песах) предварительно комментировался и разъяснялся. Лэнгли в свою очередь не посчитал необходимым столь глубоко проследить корни христианской культуры.

Однако, интереснее оказывается тот факт, что вслед за «подробностями» нейтрального характера Лэнгли сокращал также и большую часть текста, связанного с жизнью Христа и его установлениями. Как правило, переводчик переходил от туманного ветхозаветного прообраза христианства или ложных, по его мнению, античных порядков, сразу либо к деяниям апостолов, либо к установлениям римских первосвященников. Конечно, он, как и в случае с первой частью трактата пытался выстроить линейное историческое повествование, а не богословскую аргументацию. Однако такой подход также позволял переводчику обвинить в появлении в христианстве ложных убеждений или институциональных изменений священнослужителей и конкретно того или иного римского папу.

Кроме того, специфику взглядов автора подчеркивают некоторые обобщения, которые несут в себе уже оценочный, а не просветительский характер. И здесь переводчик мог работать над текстом двумя способами: во-первых, привносить в исходный текст свою трактовку описанных Полидором явлений, а, во-вторых, добавлять или опускать ключевые частицы, союзы или уточнения.

Суть обобщений Лэнгли, в итоге, выражалась в категоричных выводах, которые он делала на основании текста Полидора. Например, итальянец, описывая возникновение карди-

---

³¹ “Whe[n] he had ended ye Paschal la[m]be”. Ibid. P. cxi.

налов, заключил, что эта должность появилась по инициативе понтифика, но имеет право на существование в том случае, если ее занимает достойный кандидат³². Лэнгли же, сохраняя ход рассуждения, делал вывод о том, что создание кардинальской должности – это произвол со стороны римского первосвященника, который наглядно демонстрирует его злоупотребление своими полномочиями³³. Таким образом, переводчик превращал компромиссную позицию автора в открытую радикальную критику католической церкви.

Еще интереснее дело обстояло с искажением авторского текста, поскольку оно было едва уловимым. Так, например, если Полидор писал, что «папа Феодосий запрещает изготовлять крест на чем-либо, кроме камня или мрамора»³⁴. Лэнгли слово «кроме» счел лишним, поэтому в переводе получилась фраза: «а Феодосий запрещает вырезать крестное знамя на каком-либо камне или мраморе»³⁵. В свою очередь эта трактовка позволила ему сделать вывод о том, что создание креста связано с идолопоклонством, с утратой истинной веры. Правка была сделана тонко, впоследствии при прочтении внимание на ней не акцентировалось.

Однако, пожалуй, самый любопытный пример искажения оригинального текста встречается в одной из последних глав, посвященной истории религиозных гонений. В ней Полидор вполне традиционно указывает на то, что первым защитником христианской веры стал император Константин. И здесь Лэнгли добавляет всего несколько слов: первым защитником христианской веры, по его мнению, был император Константин, «уроженец Британии»³⁶. Нельзя не заметить, что Константин I, римский император родился в Наиссе, провинции

---

³² *Vergil P. Op. cit.* 1540. P. 264.

³³ *Langley Th. Op. cit.* P. xciv.

³⁴ “Theodosius servari, qui lege prohibuit, signum servatoris in solo vel in silice aut in marmore humi posito insculpi”. *Vergil P. Op. cit.* 1540. P. 322.

³⁵ “And Theodosius made a lawe that there should no Image of the crosse bee grauen in stone, marble”. *Langley Th. Op. cit.* P. cviii.

³⁶ “Constantinus borne in Englande”. *Langley Th. Op. cit.* P. cliii.

Верхней Мезии. Однако и уточнение Лэнгли совершенно неслучайно, если не сказать закономерно, поскольку согласно тексту упоминавшегося раньше Гальфрида Монмутского, не слишком обласканного Полидором автора «Истории бриттов», отец Константина Констанций, римский посланник в Британии, занял королевский престол после короля Бриттов Коэля. Он взял в жены Елену, дочь короля Коэля, которая подарила Констанцу сына Константина, будущего императора, защитника христианской веры, и, соответственно, уроженца Британии. Таким образом, с нашей точки зрения, по иронии судьбы, а с точки зрения переводчика по праву традиции, текст Полидора в переводе приобрел своеобразный патриотический оттенок.

Таким образом, все вышесказанное подводит нас к интересному вопросу: насколько переводчик ассоциировал себя с автором текста и понимал, что говорит в тексте от его лица? На наш взгляд, Лэнгли в полной мере понимал, что представляет перед английскими читателями Полидора, поэтому местами стремился выставлять его в «лучшем» свете. И это может подтвердить одна из немногих глав, где автор и переводчик сошлись во мнении, а именно в главе, посвященной браку у священнослужителей. В ней Лэнгли в соответствии с текстом Полидора вводит в перевод последовательность принятия постановлений о безбрачии в католичестве. А завершает это рассуждение переводчик неожиданной фразой, по видимости, не без гордости он кратко отмечает: «в этом месте Полидор протестует»³⁷ против пагубности браков для священнослужителей, и дальше Лэнгли без купюр приводит всю критику гуманиста по поводу правомерности или неправомерности установления целибата.

Если сохранять предположение о том, что переводчик представлял на суд англичан отредактированный текст Полидора от своего имени, то все изменения, которые он внес в текст, являлись в большей степени специфическим последствием его прочтения, а не жестокой цензуры. Безусловно, в

---

³⁷ “And here Polydore protesteth”. Ibid. P. cv.

итоге, за счет упрощения переводчик потерял значимую научную новаторскую составляющую содержания. Кроме того, излишняя обрядовость церкви критиковалась у переводчика уже без компромисса, допустимого в тексте оригинала. Но при этом даже в линейности повествования, категоричности суждений и проявлении патриотического настроя Лэнгли все же сохранил в тексте единение античной и иудео-христианской традиций и энциклопедический набор тем произведения Полидора. Именно это в действительности позволяло даже сокращенной версии трактата «Об изобретателях вещей» выполнять свою первоначальную функцию энциклопедии или научного справочника.

*Домнина Екатерина Геннадьевна,
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова*

**ТРАКТАТ «ОБ ИЗОБРЕТАТЕЛЯХ ВЕЩЕЙ»
ПОЛИДОРА ВЕРГИЛИЯ
И ЕГО РУССКИЕ ЧИТАТЕЛИ ЭПОХИ
ПРОСВЕЩЕНИЯ
(ПО СОБРАНИЯМ РГБ И НБ МГУ)***

В сентябре 1718 г. граф И. А. Мусин-Пушкин (ок. 1660–1730), глава Монастырского приказа, сообщил Ф. П. Поликарпову (ок. 1670–1731) главе Московского печатного двора, что Петр I недоволен затянувшейся подготовкой перевода на русский язык некоего «лексикона», работ по географии и «небольшой книги» «Вергилия Урбина»¹. Речь шла о работе по истории знания «Об изобретателях вещей» (*De inventoribus rerum*) в восьми частях, написанной гуманистом Полидором Вергилием на рубеже XV–XVI вв.² Очевидно, что давность появления этого

---

* Все фотографии принадлежат автору и могут быть свободно использованы со ссылкой на эту работу. Статья написана на основе доработанных материалов, собранных в 2003 г. при подготовке биографии П. Вергилия для энциклопедии по культуре Возрождения (*Домнина Е. Г.* Вергилий, Полидор // *Культура Возрождения. Энциклопедия* / Ред. Н. В. Ревякина и др. Т. 1. М., 2007. С. 317–319) и также использованных при написании статьи – *Domnina E.* L’humanisme italien et les lumières pétroviennes: le cas de Polydore Virgile d’Urbino // *Revue française d’histoire du livre.* 2020. Vol. 141. P. 71–87.

¹ *Голиков И. И.* Дополнение к Деяниям Петра Великого. Т. 12. М., 1794. С. 105; Описание изданий гражданской печати. 1708 – январь 1725 г. / Сост. Т. А. Быкова, М. М. Гуревич; ред. и вступ. ст. П. Н. Беркова. М.; Л., 1955. С. 288–289.

² Существуют только два современных критических издания см.: *Beginnings and discoveries: Polydore Vergil’s De inventoribus rerum. An unabridged translation and edition with introduction, notes and glos-*

труда на свет не смущала русского царя, и он считал ее ценной и актуальной в деле просвещения своих соотечественников. В этом отношении, случайно или осознанно – о чем мы поговорим ниже – Петр I сделал блестящий выбор, поскольку работа Вергилия была одной из самых примечательных книг в истории западноевропейской гуманистической мысли³.

Полидор Вергилий, известный также как Polydorus Vergilius Urbinatis и Polydorus Castellensis (ок. 1470–1555) происходил из семьи аптекаря, приближенного ко двору урбинских герцогов Монтефельтро⁴. Федерико да Монтефельтро (1422–1482) и его сын Гвидобальдо (1472–1508) были известны своим интересом к наукам и искусствам, меценатской деятельностью и создали в Урбино образцовый ренессансный двор. Особое внимание герцог Федерико уделял книжному собирательству, для чего обращался к помощи ряда гуманистов, в том числе Веспасиано да Бистиччи (1421–1498), Федерико Ветерани (ок. 1450 – после 1526) и Лодовико Одасио (1455–1509). Последний был воспитателем Гвидобальдо да Монтефельтро. Семья Вергилия была замечена герцогом Федерико, скорее всего, благодаря его деду Антонио Вергилию, медику и астрологу, преподававшему философию в Сорбонне. Сам

---

sary / Ed. B. Weiss, L. C. Pérez. Leiden, 1997 (Bibliotheca Humanistica et Reformatorica, 56); *Vergil P. On Discovery* / Ed. B. P. Copenhagen. Cambridge (Mass.); London, 2002 (The I Tatti Renaissance Library, 6).

³ Обзор исследований см.: Михайлов М. Л. Старые книги. Путешествие по старой русской библиотеке // Библиотека для чтения. 1854, февр. Литературная летопись. С. 45–62; Черняк А. Я. Первая книга по истории науки и техники в России // Вопросы истории, естествознания и техники. 1981. № 4. С. 74–79; Polidoro Virgili e la cultura umanistica europea, atti del convegno internazionale di studi e celebrazioni, Urbino, 28 settembre-1° ottobre 2000 / A cura di R. Vacchielli, prefazione di G. Ceroni Baiardi. Urbino, 2003; Atkinson C. *Inventing inventors in Renaissance Europe: Polydore Vergil's De Inventoribus Rerum*. Tübingen, 2007.

⁴ Биография дается по: Hay D. *Polydore Vergil, Renaissance historian and man of letters*. Oxford, 1952; Ruggeri R. *Un amico di Erasmo: Polidoro Virgili*. Urbino, 1992.

Полидор получил образование в университетах Падуи и Болоньи, изучая литературу, историю, философию и теологию. В 1496 г. он принял духовный сан, очевидно, собираясь посвятить себя церковной карьере, поскольку был самым младшим из четырех братьев. В этот же период были изданы его первые труды. Во-первых, это словарь классической латыни «Cornu Coriæ» (1496), основанный на комментариях гуманиста Никколо Перотти (1429–1480) к эпиграммам Марциала, который Вергилий отредактировал и сопроводил предисловием. Во-вторых, – сборник латинских поговорок «Proverbiorum Libellus» (1498). Последняя работа была посвящена герцогу Гвидобальдо, и по его же заказу Вергилий создал свою самую известную работу – «De inventoribus rerum» (1499).

Переход под покровительство кардинала и сборщика десятины в Англии Адриано Каstellези (ок. 1461 – ок. 1521) предопределил связь Вергилия с этой страной. Здесь он получил ряд бенефициев и, пользуясь покровительством короля Генриха VIII Тюдора (1485–1509), начал в 1505 г. работу над «Английской историей» («Historia Anglica»), составление которой заняло у него почти 30 лет. «Historia Anglica» Вергилия является первым научным трудом по истории Англии, освещающем ее историю с древнейших времен до 1537 г. В Англии Вергилий поддерживал дружеские отношения с такими гуманистами, как Джон Колет (1467–1519), Томас Мор (1478–1535), Уильям Лили (ок. 1468–1522), и вел переписку с Эразмом Роттердамским (1469 [1466?]-1536), Гийомом Бюде (1467–1540) и Джироламо Алеандером (1480–1542). Реформаторская и реформационная деятельность Генриха VIII и сложные отношения с его фаворитом кардиналом Томасом Уолси (1473–1530) побудили Вергилия дистанцироваться от королевского двора и сосредоточиться на литературной деятельности⁵. Одна из его последних значительных работ – коллекция диалогов «De patientia, de vita perfecta, de veritate et mendatio» (1545).

---

⁵ См. подробнее об этих событиях: Домнина Е. Г. Дипломатия в эпоху перемен: Тюдоры и римская курия (1485–1558 гг.). М.; СПб., 2020. С. 59–61.

Трактат Вергилия «De inventoribus rerum» вплоть до начала XIX в. оставался одной из самых читаемых книг по истории естествознания. Она была переведена на французский, итальянский, немецкий, испанский, польский, голландский и русский языки⁶. Только при жизни автора она переиздавалась тридцать раз, однако точное число последующих переизданий и сохранившихся копий остается неустановленным⁷. Полная версия работы Вергилия состоит из восьми книг, повествующих о возникновении мира, человека, общества и его институтов, религий, наук и искусств. Первые три книги охватывают историю дохристианских открытий и изобретений, остальные пять посвящены эпохе после распространения христианства. В книге содержится ряд критических замечаний в адрес католической церкви, которые привели к тому, что во второй половине XVI – XVII в. текст работы Вергилия не раз подвергался цензуре со стороны католической церкви⁸.

Основными источниками, на которые опирался Вергилий, были Библия, сочинения отцов церкви и более чем ста античных авторов. Главную задачу своей книги Вергилий видел в том, чтобы доказать, что большинство открытий и изобретений, которые приписывались грекам и римлянам, на самом деле были совершены древними евреями и другими азиатскими народами. В трактате практически нет информации о современных Вергилию открытиях, что обусловлено противоречивым отношением автора к прогрессу и развитию знания.

---

⁶ Обзор ряда изданий XVI–XVII вв. представлен в проекте Г. Цедельмайера на сайте Библиотеки герцога Августа в Вольфенбюттеле (ФРГ).

⁷ Atkinson. Op. cit. P. 118–119.

⁸ Ср.: Данилевский В. В. Русская техническая литература первой четверти XVIII века. М.; Л., 1954. С. 137–142; Lodone M. Traduzioni, censure, riscritture: sul “De inventoribus” di Polidoro Virgilio // Annali della Scuola normale superiore di Pisa. Classe di lettere e filosofia. 2010. Ser. 5. Vol. 2. No. 1. P. 143–177; Atkinson. Op. cit. P. 119–120; Arnold J. Polydore Vergil and ecclesiastical historiography in his *De Inventoribus Rerum* IV–VIII // Studies in church history. 2013. Vol. 49. P. 144–155.

С одной стороны, он подчеркивал негативные последствия отступления человечества от естественного состояния и мудрости древних, с другой – с восхищением описывал результаты технического прогресса, такие как печатная книга. Он был одним из первых ученых раннего Нового времени, кто применил в своем трактате элементы критического анализа источников, предпринял попытку проведения их филологической и исторической экспертизы⁹.

Таким образом, учитывая большую популярность этой книги, можно говорить о том, что внимание Петра I к сочинению Вергилия было закономерным. В то же время остается нерешенным вопрос, откуда русский царь мог узнать о нем, поскольку мы не располагаем прямыми свидетельствами на этот счет. Тем не менее, можно высказать ряд соображений.

Работа Вергилия была известна в России и в допетровскую эпоху, поскольку ссылки и выписки из нее встречаются в русских летописях первой половины – середины XVII в. Однако вопрос о том, кем, как и по каким изданиям Вергилия они делались, подробно не изучен¹⁰. Известно также, что в 1684 г. труд Вергилия назван среди иностранных книг, переданных в Посольский приказ после закрытия типографии Симеона Полоцкого (1629–1680), крупнейшего представителя допетровского Просвещения и воспитателя старших детей царя Алексея Михайловича (1645–1676). Заглавие книги в этой описи дано по-русски, «Книга Полидора Вергилия о обретателех вещей и о чудесех, в осьмушку», но неясно, идет ли речь об одном из латинских изданий или же о каком-то переводном¹¹.

---

⁹ *Vergil*. Op. cit. P. viii-xxix.

¹⁰ *Насонов А. Н.* История русского летописания XI – начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. С. 420, 435–426, 474–475.

¹¹ *Белокуров С. А.* О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1899. С. 77; *Панченко А. М.* Симеон Полоцкий // *Словарь книжников и книжности Древней Руси* / Ред. Д. М. Буланин Т. 3. Ч. 3. СПб., 1998. С. 362–379; *Okenfuss M. J.* The rise and fall of Latin humanism in Early-Modern Russia. Pagan authors, Ukrainians, and the resiliency of Muscovy. Leiden, 1995 (Brill's Studies in Intellectual His-

Например, из стран Восточной Европы к этому времени Вергилий уже был хорошо известен в Речи Посполитой. Здесь был издан и польский вариант, написанный в стихотворной форме писателем Яном Протасовичем (ум. ок. 1608)¹².

Среди собственных книг Петра I числится только русско-язычное издание труда Вергилия, и судьба этого экземпляра неясна¹³. Работа Вергилия не указана ни среди книг Аптекарского приказа, включавшего и часть книг царской семьи, ни в так называемых библиотеках герцогов Гольштейн-Готторпских и Курляндских, которые были перевезены в Петербург по приказу царя в 1710-х гг. и впоследствии стали основой коллекции библиотеки Академии Наук¹⁴. Однако одна копия сочинения

---

tory, 64). P. 58–62.

¹² *Ruggieri*. Op. cit. P. 125; *Protasowicz J.* Inventores rerum albo krótkie opisanie kto co wynalazł i do używania ludziom podał. Wilnie, 1608 [repr.: Wrocław, 1973]; *Lulewicz H.* Jan Protasowicz h. Jastrzębiec // Internetowy Polski Słownik Biograficzny.

URL: <https://www.ipsb.nina.gov.pl/a/biografia/jan-protasowicz-h-jastrzebiec-1608?print> (дата обращения: 30.03.2021).

¹³ *Вергилий П.* Осмь книг о изобретателех вещей. Преведены с латинскаго на славенороссииский язык в Москве, и напечатаны повелением Великаго Государя Царя, и Великаго Князя Петра Перваго Всероссийскаго Императора. М., 1720 // Библиотека Петра I. Указатель-справочник / Сост. Е. И. Боброва, ред. Д. С. Лихачев. Л., 1978. С. 61. №. 354. Книга внесена в Реестр книжных памятников России, № 6351: URL: <https://knpam.rusneb.ru/item6351.htm> (дата обращения: 06.04.2021).

¹⁴ Ср.: *Beljaeva I., Lebedeva I.* L'histoire de la bibliothèque de Pierre le Grand et de ses catalogues // Cahiers du monde russe. 2006. Vol. 47. No. 3. URL: <http://journals.openedition.org/monderusse/8833> (дата обращения: 30.03.2021); *Havu S., Lebedeva I.* Collections donated by the Academy of Sciences of St. Petersburg to the Alexander University of Finland in 1829: an annotated catalogue. Helsinki, 1997 (Publications of the Helsinki University Library, 61); Книги из библиотеки Аптекарского приказа в собрании БАН. Каталог / Сост. Е. А. Савельева. СПб., 2006; Библиотека Петра Великого: западноевропейские печатные книги / Сост. И. В. Хмелевских, А. Е. Карначев. Т. 1–2. СПб., 2016; *Pierre Le Grand et ses livres: les arts et les sciences de*

Вергилия в голландском переводе была в библиотеке государственного деятеля и царского переводчика Андрея Виниуса (1641–1716). Это было издание первых трех книг, опубликованное печатником Яном Эвертсеном Клоппенбургом в Амстердаме в 1612 г.¹⁵ В 1703 г., когда Виниус впал в немилость, его имущество, включая и богатую библиотеку, было конфисковано в казну. Затем, после помилования в 1708 г., часть книг ему вернули, но после его смерти библиотека окончательно отошла государству и впоследствии также оказалась в составе библиотеки Академии Наук.

Мог ли Петр видеть это издание из библиотеки Виниуса? В настоящее время ответа на этот вопрос нет, но «голландский» след в деле перевода этой книги на русский язык все же прослеживается. Автор этого перевода, публицист и переводчик Феофилакт Лопатинский (ок. 1680–1741), епископ Тверской и Каширский, имел в своей библиотеке ее полный вариант, состоящий из восьми книг. Это издание на латыни было подготовлено в 1671 г. печатником Райнером Сметиусом из Неймегена¹⁶. Гравюру на титульном листе выполнил известный голландский художник Ромейн де Хоге (1645–1708) [см. илл. 1]. Примечательно, что наряду с этой публикацией Сметиуса, в

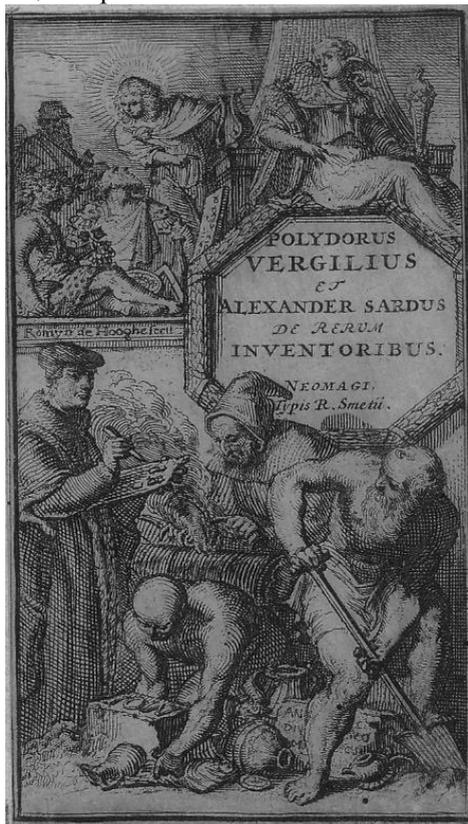
---

l'Europe dans la bibliothèque du tsar / Éd. O. Medvedkova. Paris, 2016.

¹⁵ *Vergilius, Polydorus*. Waerachtige Beschryvinghe, Inhoudende wie de eerste Autheuren ende vindere aller verscheyden Consten, Inventien ende Hantwercken zijn gheweest. Door den selven met grooter vijdt ende neersticheydt in drie Boecken begrepen. Ende nu van nieuws uyt de Latijnsche in onse Nederlandsche tale ghetrouwelijck overgheset, door E. M. G., Amsterdam, by Jan Evertsz Cloppenburch, boeckvercooper, op't Water, in de vergulden Bybel, Anno 1612, 8° // Книги из собрания Андрея Андреевича Виниуса: каталог / Сост. Е. А. Савельева. СПб., 2008. С. 208. № 271.

¹⁶ *Vergilius, Polydorus et Sardus, Alexander*. De rerum inventoribus in quibus omnium scientiarum, omniumque; ferè rerum principium quoddam quam brevissime continetur, Noviomagi Batavorum, ex Typographia Reineri Smetii, 1671, 12° // Библиотека Феофилакты Лопатинского (ок. 1680–1741). Каталог / Сост. Д. Г. Гальцин, Г. Н. Питулько. СПб., 2016. С. 124. № 160. Экземпляр хранится в БАН.

этом же году книга была напечатана и Д. Эльзевиром, и это были последние латинские переиздания этой работы Вергилия до настоящего времени¹⁷.

Илл. 1. Ромейн де Хоге. Титульный лист трактата Полидора Вергилия «Об изобретателях вещей» (*Vergilius, Polydorus et Sardus, Alexander. De rerum inventoribus in quibus omnium scientiarum, omniumque; fere rerum principium quoddam quam brevissime continetur, Noviomagi Batavorum, ex Typographia Reineri Smetii, 1671, 12°*).

¹⁷ Atkinson. Op. cit. P. 119.

Могла ли эта книга сначала быть у царя, а потом быть передана Лопатинскому для перевода? Это возможно, поскольку об этом есть косвенное свидетельство в той же переписке 1718 г. между Мусиным-Пушкиным и Поликарповым, когда в одном из последующих писем первый просил второго потропить Лопатинского и остальных с переводом «лексикона» и других книг. Царь даже грозился не выплачивать им жалование, пока не переведут¹⁸. Учитывая наличие экземпляра Вергилия в библиотеке Лопатинского, она вполне могла быть среди этих самых неназванных книг, перевода которых царь ожидал с нетерпением.

Лопатинский происходил из украинского дворянского рода¹⁹. После обучения в Киевской духовной академии и, возможно, одном из польских университетов он преподавал теологию и философию в Славяно-греко-латинской академии, ректором которой он был с 1706 г. В 1710–1720-е гг. Лопатинского неоднократно привлекали для выполнения переводов иностранных книг, а также исправления русских переводов религиозной литературы, в частности подготовки нового перевода Библии – проекта, который был завершен только при Елизавете Петровне (1740–1765) уже после его смерти. В начале 1730-х гг. Лопатинский оказался в немилости и был подвергнут длительному тюремному заключению, в том числе и по причине своей полемики с церковным реформатором и не менее талантливым, чем он, публицистом Ф. Прокоповичем (1681–1736). Лопатинский не

---

¹⁸ Голиков. Указ. соч. С. 105. Уже в 1721 г. Поликарпов цитировал русский перевод Вергилия в своем предисловии к новому изданию «Грамматики Мелетия Смотрицкого»: ср.: Львова И. П. Из истории просвещения в России в эпоху Петра Великого (Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2008. №2. С. 40.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-prosvescheniya-v-rossii-v-epohu-petra-velikogo-fedor-polikarpovich-polikarpov-orlov> (дата обращения: 12.05.2021).

¹⁹ Подробнее о биографии см.: Лопатинский Ф. Избранные философские произведения / Ред. А. В. Панибратцев. М., 1997. С. 3–18.

разделял взгляды Прокоповича, который поддерживал петровскую политику «просвещенного абсолютизма» и выступал за сближение православия и протестантизма, что было особенно актуально с усилением иностранного влияния в России в правление Анны Иоанновны (1730–1740)²⁰.

В рамках данного исследования мы не ставили себе задачу провести текстологическое сравнение латинского текста данного издания Р. Сметиуса 1671 г. и русского перевода Лопатинского, чтобы установить действительно ли оно было положено в его основу, поскольку эта задача требует отдельной проработки. Тем не менее, даже внешние характеристики этого издания позволяют связать с ним Лопатинского. Данный экземпляр имеет пометы на латыни и греческом языке, сделанные одной рукой, и при этом известно, что Лопатинский прекрасно владел этими языками²¹.

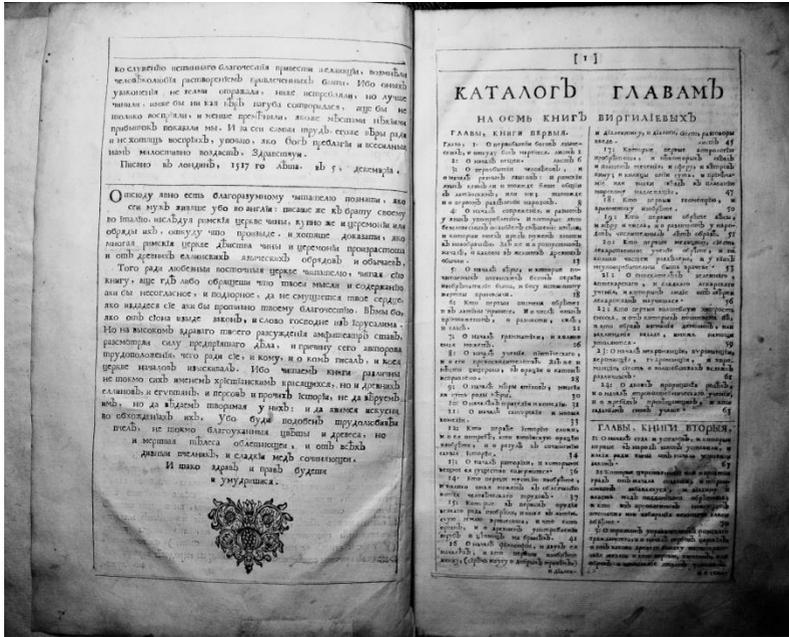
Тем интереснее то обстоятельство, как Лопатинский воспринимал работу Вергилия, доставшуюся ему для перевода, при том что его имя в издании нигде не указано. В своем переводе он опустил предварявшее книгу обращение Вергилия к гуманисту Л. Одассио. Возможно, это было связано с тем, что ни Одассио, ни урбинский герцог не были известны в России начала XVIII в., а содержание письма не было интересно переводчику. Вместо этого обращения Лопатинский поместил письмо Вергилия к его брату Джованни Маттео от 5 декабря 1517 г. Это так называемое «второе» письмо Полидора к своему брату в изданиях помещалось в середине книги. Именно там оно и напечатано в издании Сметиуса 1671 г., перед четвертой частью. В то же время, «первое письмо» к Джованни Маттео с той же датой обычно следовало за обращением к Одассио перед первой частью книги. Однако его нет в данном издании Сметиуса и, таким образом, его нет и в переводе Лопатинского²².

---

²⁰ Подробнее о религиозных спорах см.: *Панибратцев А. В.* Просвещение разума. Становление академической науки в России. СПб., 2002.

²¹ Библиотека Феофилакта Лопатинского. С. 124. № 160.

²² Т. А. Быкова и М. М. Гуревич, обращавшиеся к проблеме опреде-

Илл. 2. Предисловие переводчика Ф. Лопатинского и начала оглавления к изданию П. Вергилия «Об изобретателях вещей», 1720 г. РГБ.

Лопатинский разместил свое собственное обращение к православным читателям за «вторым» письмом Полидора брату [см. илл. 2]. В этом обращении Лопатинский призвал их не оскорбляться тем, что в книге описаны религиозные веро-

ления латинского издания, с которого был сделан перевод, считают, что использовалось издание до второй трети XVI в. поскольку в последующих, в том числе у Сметисуса, по их данным, отсутствовало письмо Полидора к брату Джованни Маттео. Они могли не заметить данное письмо в середине издания Сметисуса. Ср.: Описание изданий гражданской печати. С. 288–289; *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Ч. 2. СПб., 1862. С. 486.

вания, обычаи и традиции других народов. Он подчеркивал, что это сделано не ради того, чтобы побудить читателей принять их, но для того, чтобы лучше узнать эти народы и, опираясь на это знание и здравый смысл, суметь сохранить собственную самобытность: «Ибо читаем книги различны не токмо сих именем христианским красящихся, но и древних эллинов, и египтян, и персов и прочих истории, не да уверуем им, но да ведаем творимая у них, и да явима искусни во обхождении их... И тако здрав и прав будеси и умудришися»²³. Из этого предисловия следует, что Лопатинский не только разделял веру Вергилия в важность просвещения любого человека, но и рассматривал просвещение как неотъемлемую составляющую процесса его самоидентификации и осознания ценности той культуры, к которой он сам принадлежит.

Обратимся теперь к сохранившимся сведениям о том, что известно о русских читателях и владельцах книги Вергилия в XVIII столетии на основании, прежде всего, собрания Российской государственной библиотеки, в которой хранятся девять копий этого издания 1720 года²⁴. Изучение этих копий, показывает, что переведенная Лопатинским книга Вергилия была отпечатана *in folio* на голландской бумаге, о чем свидетельствует наличие на ней филиграней, таких как «герб Амстердама»²⁵. В книге нет иллюстраций, но использованы виньетки в виде раскрытых плодов граната. Отметим также, что перевод работы Вергилия является первой книгой гражданского

---

²³ Вергилий. Указ. соч. С. ii.

²⁴ РГБ Шифр: МК Си-2/20-В. Копии пронумерованы неизвестным. См. также: Самарин А. Ю. Издания гражданской печати петровского времени и русский читатель XVIII в. (по материалам НИО редких книг РГБ) // Три столетия русского гражданского шрифта (1708–2008): материалы научной конференции «Иные гражданские книги печатать темиж новыми азбуками...», Москва, 03 июня 2008 года / Сост. А. Ю. Самарин. М., 2008. С. 90–94.

²⁵ Филигранные в экземплярах № 5 и № 7 (Инвентарные номера – 1852 и 2890). Ср.: Churchill W. A. Watermarks in paper in Holland, England, France, etc. in the XVII and XVIII centuries and their interconnection. Amsterdam, 1967. No. 69.

шрифта, содержащей список типографских погрешностей²⁶. Все девять экземпляров книги содержат либо читательские пометы, либо владельческие надписи, и их особенно много в четвертом и седьмом.

Илл. 3. Надписи Ивана Бяратинскаго и архимандрита Ионы в издании П. Вергилия «Об изобретателяхъ вещей», 1720 г. РГБ.

Четвертый экземпляр перевода Вергилия (Инвентарный № 1428) происходит из библиотеки Московской духовной академии и сохранил оригинальный кожаный переплет петровского времени. На лицевой стороне последней страницы можно видеть две дарственные надписи, свидетельствующие о том, что книга принадлежала князю Ивану Бяратинскому, а он подарил ее архимандриту Ионе [см. илл. 3]. Речь, возможно, идет об Ионе (в миру – Иоасаф Сальникеев) (? – после 1733), дворянине из Смоленска, который был настоятелем Спасо-Преображенского монастыря в Казани (1706–1726) и членом Святейшего Синода (1721–1726). Современники описывали архимандрита Иону как умного и обходительного человека, жившего на широкую ногу, несмотря на духовный сан. Это привело к обвинениям со стороны его недоброжелателей в расхищении церковной собственности, которые так и не были окончательно доказаны. Несмотря на это, в 1729 г. архимандрита Иону лишили сана и посадили в тюрьму, где он и скон-

²⁶ Описание изданий гражданской печати. С. 289.

чался²⁷. Князь Иван Фёдорович Барятинский (Борятинский) (1689–1738?) был одним из сподвижников Петра I, одинаково преуспевшем и на военной, и на гражданской службе. Его подробная биография не восстановлена, однако известно, что он был очень образованным человеком, интересовавшимся трудами гуманистов²⁸. Примечательно то, что родная сестра этого князя, Марфа Фёдоровна (ок. 1686–1720) была второй женой дипломата и политика А. А. Матвеева (1666–1728). Она сопровождала Матвеева в его дипломатических миссиях в Нидерландах, Франции, Англии и Австрии (1699–1715), став первой русской женщиной, побывавшей за границей вместе с мужем-послом. Современники отмечали и высокий уровень образованности четы Матвеевых, и красоту Марфы Фёдоровны, за которую ее прозвали «прекрасной посольшей из Московии» (*la belle ambassadrice muscovite*)²⁹. Матвеевы всю жизнь собирали книги и оставили после себя библиотеку, которая была одной из крупнейших частных библиотек в России начала XVIII столетия. В составе этой книжной коллекции был и переведенный Лопатинским труд Вергилия³⁰. При этом А. А. Матвеев, скорее

---

²⁷ Чистович И. А. Иона Сальникеев // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. 1868. Т. 3. Ч. 5. С. 1–125.

²⁸ Областные правители России, 1719–1739 гг. / Сост. И. В. Бабич, М. В. Бабич. М., 2008. С. 195–196; О причастности Барятинского к делу А. П. Волынского, возникшему вокруг сочинений Ю. Липсия см.: Новикова О. Э. Липсий в России первой половины XVIII в. // Философский век: Альманах. СПб., 1999. Вып. 10. С. 158.

²⁹ Подробнее о судьбе М. Ф. Барятинской см.: *Domnina E. Count Andrei Matveev and his wives in Petrine diplomatic practice, 1682–1725 // Gender and diplomacy: women and men in European embassies from the 15th to the 18th century / Ed. R. Anderson, L. Olivàn Santaliestra, S. Suner. Vienna, 2021. (Diplomatica 2). P. 233–268.*

³⁰ «Полидара Вергилия, печатная», см.: Опись библиотеки гр. Андрея Артамоновича Матвеева и графини Матвеевой // Летописи русской литературы и древности. Изд. Н. Тихонравов. М., 1863. Т. 5. Отд. 3. С. 78. № 33 (источник: РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 254). П. Вергилий не был идентифицирован как автор и не упоминается в

всего, был знаком с архимандритом Ионой, поскольку они оба указаны в числе лиц, редактировавших и подписавших Духовный регламент в феврале 1720 г.³¹

Исходя из данных сведений о Барятинских и Матвеевых, можно предположить, что, даря архимандриту Ионе книгу Вергилия, князь Барятинский подчеркивал не только свое дружеское расположение к нему, но и признавал его человеком «своего», просвещенного круга. Однако помимо книги Вергилия мы не располагаем никакими другими свидетельствами об их взаимоотношениях.

Одним из следующих владельцев этого экземпляра был некий «канцелярист города Бежецка Верха Иван Козмин» (Кузьмин?), сделавший соответствующую надпись 22 августа 1751 г. Эта надпись разбита на слоги и слова, помещенные на нижние поля отдельных страниц³². Скорее всего, речь идет о служащем Бежецкой воеводской канцелярии, располагавшейся в городе Бежецкий Верх Угличской провинции Московской губернии, однако нам не удалось восстановить биографию этого человека³³. Изучавший данный экземпляр книги Вергилия А. Д. Самарин отмечает, опираясь на исследование А. Д. Коменского о городской повседневности XVIII в., что

реконструкции этого книжного собрания, см.: Библиотека А. А. Матвеева (1666–1728): каталог / Сост. И. М. Полонская, С. Хаву и др. М., 1985.

³¹ Духовный регламент, тщанием и повелением всепресветлейшего, державнейшего государя Петра Первого, императора и самодержца всероссийского, по соизволению и приговору Всероссийского духовного чина и Правительствующего сената в царствующем Санктпетербурге в лето от рождества Христова 1721 сочиненный. Изд. 1-е. М., 1856. С. 87–88. URL: <https://www.prlib.ru/item/408163> (дата обращения: 05.04.2021).

³² *Вергилий*. Указ соч. С. 1, 5, 7, 13, 19, 25, 30, 37, 43, 49, 55, 59, 65, 71, 77, 83, 89, 97, 103, 109, 115, 121, 127, 133, 135, 141, 147, 153, 169, 177, 183, 191, 195, 203, 209, 215, 225, 229, 241.

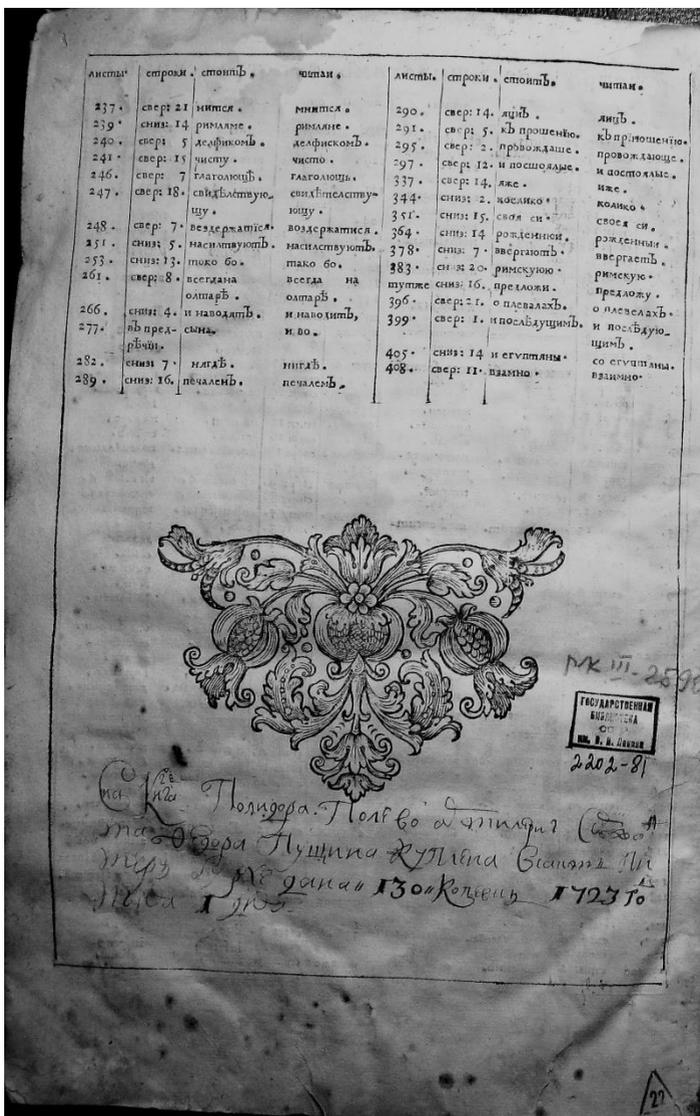
³³ В предыдущей версии нашей статьи мы неверно привели фамилию Козьмина – *Розтин* и место его службы – *Елец* вместо Бежецка. См.: *Domnina E.* Op. cit. P. 82.

эта владельческая надпись Козмина является редким свидетельством об интересе жителей Бежецка этого времени к светской литературе³⁴.

Илл. 4. Титульный лист издания П. Вергилия «Об изобретателях вещей», 1720 г. РГБ.

³⁴ Ср.: Самарин А. Ю. Указ. соч. С. 95; Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006. С. 330–331.

Илл. 5. Автограф Ф. Е. Пущина на обороте листа с перечнем опечаток из издания П. Вергилия «Об изобретателях вещей», 1720 г. РГБ.

Седьмой экземпляр перевода Вергилия (инвентарный № 2890) принадлежал военному Фёдору Евсеевичу Пушину (ум. после 1762), чья биография не восстановлена, но, вероятно, он приходился родственником поэту-декабристу И. И. Пушину (1798–1858)³⁵. Пушин не только читал труд Вергилия, но и использовал для записей важных событий своей жизни и ведения каких-то расчетов, очевидно связанных с его службой [см. илл. 4]³⁶. Так же, как и бежецкий канцелярист, Пушин разбивал свои надписи на слоги и слова, помещая их на нижние поля отдельных страниц. Судя по такой записи внутри книги и ее дубликату на последней странице, Пушин купил книгу Вергилия за 130 копеек в Петербурге в 1723 году [см. илл. 5]. В этот момент он был сержантом полевой артиллерии³⁷. В 1743 г. Пушин записал, что теперь он майор артиллерии нарвского гарнизона³⁸. Самая поздняя запись, сделанная Пушиным в этом экземпляре, датируется 1762 г. и сообщает о том, что на тот момент он имел чин полковника³⁹.

На форзаце этого экземпляра работы Вергилия можно видеть подобие лимба, что свидетельствует о том, что Пушин изучал артиллерию и навигацию [см. илл. 6]. Прямое подтверждение этого – еще одна известная книга, принадлежавшая Пушину, – «Новейшее основание и тактика артиллерии» Э. Брауна (М., 1710), хранящаяся в Российской Национальной Библиотеке в Санкт-Петербурге (П-42а). Это издание содержит порядка 60 схем и иллюстраций на 23 листах и декориро-

---

³⁵ Ср. краткие данные о нем: Орлов В. В. Одиссея генерала Пушина // Третьи Псковские региональные краеведческие чтения: Псков. 10–12 октября 2012 г. / Ред. Т. В. Вересова. Псков; М., 2013. С. 156.

³⁶ В новейшее время эти записи Ф. Пушина изучали ранее: Самарин А. Ю. Указ. соч. С. 90; *Marcialis N. Caronte e Caterina: dialoghi dei morti nella letteratura russa del XVIII secolo*. Roma, 1989. P. 67.

³⁷ *Вергилий*. Указ. соч. С. 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17, 19, 21, 23, 25, 27, 29, 30, 33, 35, 37, 39, 41, 43, 45, 47, 49, 52, 53, 55, 57, 59, 61, 63, 65, 67, 69, 71, 73.

³⁸ Там же. С. 127, 131, 133, 135, 137, 139, 141, 143, 145, 147, 149, 151, 153, 155, 157, 159, 161.

³⁹ Там же. С. 60об.

вано таким же виньетками в виде плодов граната, что и издание Вергилия⁴⁰. Изучавший этот экземпляр Г. А. Фафурин указывает на пространную запись Пущина в этой книге, из которой мы узнаем, что в мае 1719 г. Пущин был учеником «артиллерийской науки», а затем поступил на военную службу, отмечая свои успехи на этом поприще с 1720 по 1734 гг.⁴¹ И, хотя его воинское подразделение не названо, очевидно, что речь идет о службе Пущина в Преображенском полку.

Илл. 6. Лимб Ф. Е. Пущина из издания из издания П. Вергилия «Об изобретателях вещей», 1720 г. РГБ.

⁴⁰ Книга внесена в Реестр книжных памятников России, № 6478: URL: <https://knpam.rusneb.ru/item6478.htm> (дата обращения: 06.04.2021).

⁴¹ См. полную транскрипцию в: *Фафурин Г. А.* О некоторых владельческих особенностях книг гражданской печати петровской эпохи в коллекции отдела редких книг Российской национальной библиотеки // Личные библиотеки в составе фондов российских книгохранилищ: проблемы изучения: материалы научно-методического семинара, Санкт-Петербург, 18–19 октября 2017 года. СПб., 2017. С. 94–95.

Возможно, что дальнейшую судьбу Ф. Е. Пущина можно реконструировать по архивным данным. Так, скорее всего, именно о нем идет речь в газете Санкт-Петербургские ведомости от 4 декабря 1758 г., которая сообщала о новых производствах в чины в полках Лейб-компаний, Лейб-гвардии и Шляхетском сухопутно-кадетском корпусе, произведенных в связи с празднованием очередной годовщины коронации императрицы Елизаветы Петровны. Судя по этой публикации, Пущин был переведен на должность секунд-майора Лейб-гвардии отставного батальона в Москве⁴². Этот батальон, существовавший с 1726 по 1763 гг., состоял из офицеров-инвалидов гвардии (Преображенского и Семеновского полков), занимавшей привилегированное положение среди других воинских подразделений России благодаря своей роли в охране и укреплении позиции Романовых на российском престоле.

Последние годы жизни Ф. Е. Пущин, возможно, провел в своем имении под Великими Луками, где по его указанию в 1767 г. была построена церковь св. Николая⁴³.

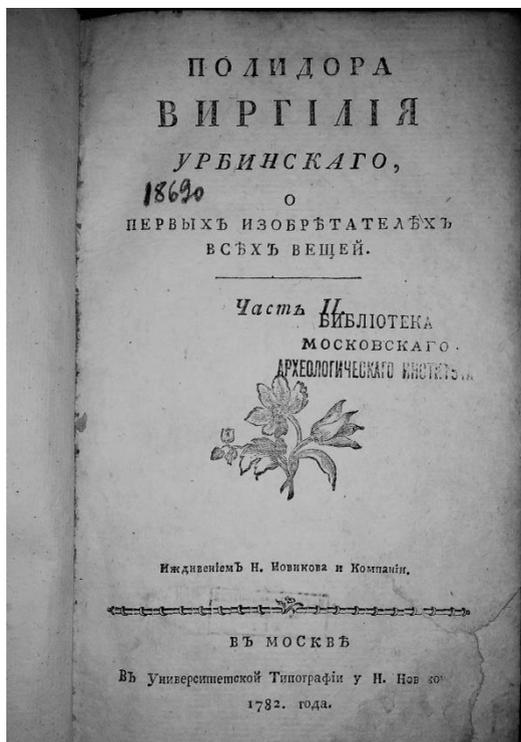
Успех книги Вергилия в России петровского времени предопределил интерес к ней на длительное время, что привело к ее переизданию в конце XVIII столетия по инициативе просветителя Н. И. Новикова (1744–1818) [см. илл. 7]. Новый перевод, демонстрировавший успехи развития русского литературного языка того времени, был подготовлен Иваном Никитичем Тредьяковским (1747 – после 1800). Тредьяковский был сыном дьячка из Тульской губернии. Получив образование в Славяно-греко-латинский академии, он стал заниматься переводами и параллельно работал в типографии Московского университета, развитием которой занимался Новиков. Впо-

---

⁴² Список пожалованным в день вступления на всероссийский престол Ея Императорского Величества ноября 25 дня 1758 года Лейб-компаний, Лейб-гвардии полков и Шляхетского сухопутного кадетского корпуса чинами // Санкт-Петербургские ведомости. 4.12.1758. [С. 10]. URL: <https://books.google.ru/books?id=G9IAAAAcAAJ&hl=ru&pg=PT998&pli=1#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 30.03.2021).

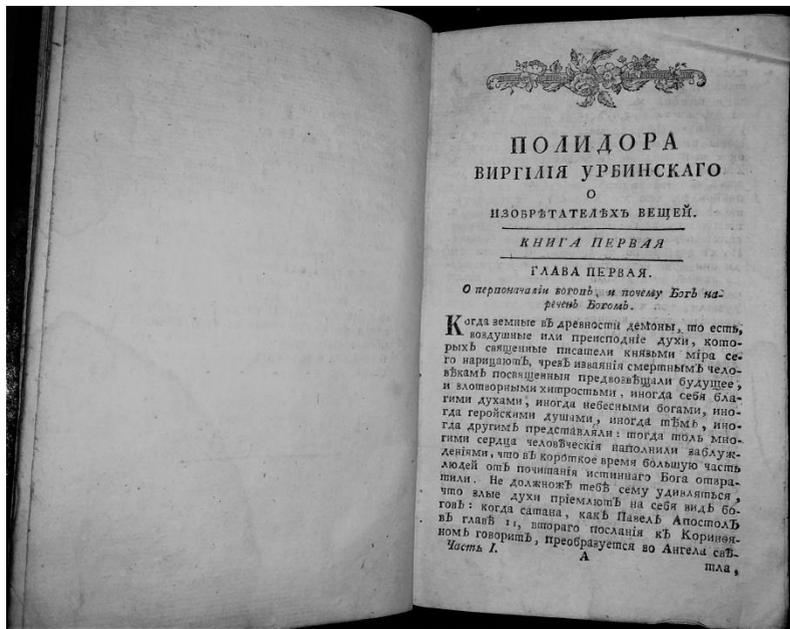
⁴³ Орлов В. В. Указ. соч. С. 156.

следствии Тредьяковский организовал собственную типографию, которая сначала была успешным предприятием, но затем привела его к разорению, ввиду цензурных ограничений и отказа правительства от заказанных у него книг. Как и Лопатинский, Тредьяковский умер в нищете⁴⁴.

Илл. 7 Титульный лист издания из издания П. Вергилия «Об изобретателях вещей», 1782 г. в переводе И. Н. Тредьяковского. НБ МГУ.

⁴⁴ Мартынов И. Ф. Забытый типограф XVIII столетия Иван Никитич Тредьяковский // XVIII век. Проблемы историзма в русской литературе, конец XVIII – начало XIX в. / Ред. Г. П. Макогоненко, А. М. Панченко. Л., 1981. С. 262–274.

Илл. 8. Первая страница издания П. Вергилия «Об изобретателях вещей», 1782 г. НБ МГУ.

Подготовленный Тредьяковским перевод книги Вергилия вышел, как и перевод Лопатинского, без указания его авторства⁴⁵. Издание было напечатано *in octavo*, в двух частях, и украшено виньетками в виде цветов [см. илл. 8]. Вопрос о том, с какого латинского оригинала был сделан этот перевод, не исследован, как и проблема его рецепции у читателей, поскольку никто не изучал число сохранившихся копий и не отслеживал его цитируемость. Однако даже беглое знакомство с экземплярами данного издания свидетельствует о том, что его читали. В отделе редкой книги НБ МГУ хранятся два полных экземпляра перевода Тредьяковского и один непол-

⁴⁵ *Полидор Вергилий Урбинский. О первых изобретателях всех вещей. Т. 1–2. М., 1782.*

ный. Владельческая надпись в одном из этих томов, свидетельствующую о том, что он принадлежал некому Василию Денисову, а потом студенту Московской духовной академии Ивану Аничкову⁴⁶. Вероятнее всего, это был Иван Николаевич Аничков-Платонов (ум. 1864), богослов и преподаватель этой академии, известный своей эрудицией⁴⁷. Его деятельность подробно не исследовалась, поэтому цитировал ли он Вергилия в своих трудах – неизвестно.

Подведем итоги. Энциклопедическая работа П. Вергилия «De inventoribus rerum», переведенная на русский язык по приказу Петра I, получила признание в России со стороны читателей разного образовательного уровня и социального статуса. Как показывают дошедшие до нас экземпляры издания 1720 и 1782 гг., читателями этой книги были не только сановники и высокообразованные священнослужители, но и «люди дела», такие, как офицер Ф. Е. Пущин. Это отвечало поставленной русским царем задаче модернизации России и повышения образовательного уровня всех ее социальных групп. Вместе с информацией о различных открытиях предыдущих эпох русский читатель приобщался и к характерной для итальянского гуманистического движения идее о ценности человеческой личности и культурного многообразия. Ведь не случайно в заглавии книги говорилось «об изобретателях вещей», к которым Вергилий относил и отдельных личностей, а не только богов и целые народы. Отметим и то, что печальная судьба переводчиков книги Вергилия на русский язык Феофилакта Лопатинского и Ивана Тредьяковского демонстрирует еще одну характерную черту той эпохи, а именно борьбу с инакомыслием со стороны власти, возникшим в результате ее же собственной просветительской политики.

---

⁴⁶ Научная библиотека МГУ имени М. В. Ломоносова. Шифр: 5 Qa 509, инвентарный номер: Т. 1 – 249949, редк. 1962, Т. 2 – 4383673, редк. 3725.

⁴⁷ *Смирнов С. К.* История Московской духовной академии до ее преобразования (1814–1870). М., 1879. С. 37–48.

*Юрий Петрович Зарецкий,
НИУ «Высшая школа экономики»*

**ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ
ИЛЬИ КОПИЕВСКОГО
(ПЕРЕВОД, ИСТОЛКОВАНИЕ, КОМПИЛЯЦИЯ,
АДАПТАЦИЯ, ТРАНСЛЯЦИЯ
ЕВРОПЕЙСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ
В РОССИЮ)¹**

В статье рассматривается содержание первого печатного обзора всемирной истории на русском языке – «Введения краткого во всякую историю» Ильи Копиевского (1699). Эта небольшая книга вышла в амстердамской типографии Яна Тессинга в серии учебников, задуманных Петром I для просвещения своих подданных. Обстоятельства появления этих учебников и их содержание давно привлекает внимание исследователей, преимущественно историков книгопечатания и лингвистов. Однако место, которое они занимают в становлении научного знания в России до сих пор остается неясным. В полной мере сказанное относится и к знанию историческому. Какие сведения о прошлом человечества содержал этот первый учебник всемирной истории? Каков был порядок их изложения? Какие сочинения были положены в его основу? Какие трудности приходилось преодолевать его составителю в процессе их перевода и адаптации к ожиданиям российских читателей? Что нового о всемирной истории читатели из учебника Копиевского узнавали? Какое место «Введение краткое» занимает в складывании «научной» картины всемирной истории в России XVIII в.?

---

¹ Статья подготовлена по результатам проекта «Перевод и трансфер: западная литература в зеркале русской культуры (XVII–XXI вв.)» при поддержке фонда «Гуманитарные исследования» ФГН НИУ «Высшая школа экономики» в 2020–2021 г.

Книга

Во время пребывания в 1697–1698 гг. в Голландии Петр I задумал печатать в Амстердаме учебные издания на русском языке и затем распространять их в России. Для реализации своего плана он 17 мая 1698 г. выдал привилегию голландскому купцу Яну Тессингу, и без малого через год из типографии купца начали выходить первые книги². Поскольку по роду своих занятий Тессинг был далек от книгоиздательской деятельности и плохо владел русским языком, ему пришлось искать в помощники знающего человека. Таким человеком оказался проживавший тогда в Амстердаме священник реформатской церкви, выходец из земель Великого княжества Литовского, Илья Федорович Копиевский (Копиевич). Копиевскому и выпало стать главным действующим лицом в реализации петровского проекта³. Он изготовил славянский шрифт, составил серию учебников на русском языке и напечатал семь из них в типографии Тессинга. Первым из этих учебников им было издано «Введение краткое во всякую историю»⁴.

---

² Об этих книгах и истории их издания см.: *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1–2. СПб., 1862; *Быкова Т. А.* Описание изданий, напечатанных кириллицей: 1689 – январь 1725 г. М.; Л., 1958; *Зарецкий Ю. П.* Первая русская зарубежная типография: голландские книги для подданных Петра I // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2020. № 5. С. 100–120.

³ О Копиевском кроме названных выше работ см.: *Nowak Z.* Elias Kopijewicz, polski autor, tłumacz, wydawca i drukarz świeckich książek dla Rosji w epoce wczesnego oświecenia // *Libri Gedanenses: rocznik Biblioteki Gdańskiej Polskiej Akademii Nauk.* Т. 2–3 (1968–1969). Gdańsk, 1970. S. 35–86; *Зарецкий Ю. П.* Илья Копиевский // ВИБЛЮИКА: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. Vol. 9. 2021 (в печати).

⁴ *Копиевский И. Ф.* Введение краткое во всякую историю по чину историчному от создания мира ясно и совершенно списанное. Амстердам: Тип. Ивана Андреева Тесинга, 10 апреля 1699. Из-за запутанной и в некоторых случаях ошибочной пагинации цитаты из этой

Очевидно, что Копиевский не претендовал на звание историка и не ставил перед собой амбициозных задач. Он всего лишь намеревался кратко представить «славянороссийскому народу» картину прошлого человечества, которая была известна европейцам XVII в.⁵ Поэтому его семидесятистраничная книга была не больше, чем кратким изложением содержания западноевропейских исторических сочинений. Строилась она по принятому в них порядку: введение и основная часть из двух разделов. Первый давал общее представление о предмете, второй, главный, содержал обзор всемирной истории. Поскольку история в XVII в. часто преподавалась вместе с географией, в этот второй раздел Копиевский, также следуя западноевропейским образцам, включил географическое описание мира.

Не вызывает сомнений, что Копиевский прилагал немало усилий, чтобы сделать содержание своей книги максимально ясным и понятным для читателей. Во всяком случае, заметны его упорные попытки систематизировать в ней разнообразный исторический материал: каждая из ее небольших главок разбита на параграфы и/или включает пронумерованные перечни понятий, обозначений исторических периодов, имен правителей, названий государств, топонимов и т.д.

Один из примеров этой систематизации дает классификация видов исторических сочинений во второй главе первого раздела основной части. Копиевский насчитывает этих видов шесть: «хроника» (ее прототипом он называет греческий жанр паралипомена), «временописание» (так им обозначается краткое собрание «деяний или дел»), «летописание или деяние» (по его определению, это «книги по церковнославянскому», в которых «всякого лета деяния пишутся»), «деннописание» (то есть поденные хроники, где «всякого дне деяния или дела содержатся»),

---

книги дальше приводятся без указания страниц.

⁵ «Славянороссийским народом» Копиевский обычно именуется адресатов своих книг. Такое обозначение подданных Российского государства, восходящее к «Киевскому синописису», было широко распространено в конце XVII – начале XVIII в.

«властописие» (вероятно, здесь имеются в виду хроники правления королей и императоров – «в ним же власти, по обычаю римлян, всякия деяния, или дела на всякое лето пишутся») и, наконец, «житияписие», т.е. биография («жития поведение или бытия некоторых людей и деяния или дел их»). В последнем случае (в отличие от остальных) атрибуция сочинений этого вида не вызывает никаких затруднений, поскольку в качестве примера Копиевский ссылается на Плутарха: «Сицевыи же есть Плутарх, иже многих описа житие и дела».

Главное содержание второго, главного раздела книги, – изложение событий всемирной истории в хронологической последовательности и в соответствии с определенным порядком. Эта часть существенно превосходит первую по объему материала, разделенного на три главы: «В первой сама синопсис историчная», «Вторая заключает летописие» и «Третья – описание всея вселенная». «Синопсис» – это и есть краткое изложение событий «всея истории», выстроенный в соответствии с принятой в историографии XVII в. периодизацией. Рассказ о прошлом человечества разделен здесь на две основных части: до Потопа и после. Также на две делится и история после Потопа: до и после рождения Христа.

Изложение истории до Потопа построено на ключевых эпизодах ветхозаветных рассказов: сотворение мира, грехопадение, «братоубийство каиново», «изобретение всякаго рукоделия» и так далее. После Потопа – в соответствии со средневековой периодизацией по четырем монархиям (вавилонской, персидской, македонской и римской). О самих исторических событиях рассказывается очень кратко и схематично: по каждой из монархий приводится список «царей», указывается время их правления и в заключении даются скупые пояснения.

Особое внимание уделяется здесь Римской монархии: рассказ о ней занимает целых 10 страниц, т.е. седьмую часть книги. Самым пространным из всех оказывается и список ее правителей. Он начинается с Юлия Цезаря и заканчивается императором Священной Римской империи германской нации Фердинандом II, то есть началом XVII века. В пояснениях к этому списку Копиевский сообщает читателям, что от Цезаря

до Константина Великого империя была едина, но затем разделилась на две части. Примечательно, что разрыв между Востоком и Западом он дальше объясняет «отвержением Запада», а не наоборот. Из этого заявления выходит, что прямой наследницей Древнего Рима является не Священная Римская империя, а Византия: «Восточнии или константинопольскии царствоваху прежде отвержения Запада от Константина Великаго даже до Кароля Великаго и Ницефора, по отвержении же Запада от Никефора, даже до Палеолога. Под ним же взят есть Константинополь или Царь Город»⁶. Несмотря на это разъяснение Копиевского, явно сделанное в угоду православным читателям его книги, о Византии и ее императорах в ней сказано всего несколько предложений.

В следующей главе второй части, «О летописии» (этим полонизмом обозначено то, что мы сегодня назвали бы **временным** измерением истории), «Введение краткое», прервав обрушившийся на его читателя поток имен, дат и событий, возвращается к разъяснению исторических понятий. Здесь представляются ученые термины, использовавшиеся европейскими авторами XVII в.: «хронология», «эпоха» и «синхронизм».

«Синхронизм, – разъясняет Копиевский, – есть подобие или соглашение в делах народов или князей». И дальше отсылает читателей к семантике этого слова в греческом языке: «Синхронизм у греков нарицается от сих иже воедино время совокуплени бывають и паки зовутся единоголетнии, единовременнии». Это не очень внятное толкование ученого понятия подкрепляется историческими примерами, проясняющими более-менее эрудированному читателю его смысл: «Яко Сервии Туллий римский царь и Писистрат афиниенский мучитель во едино время быша, такожде и Питагор философ и царь Тарквиний Гордый в едино время и лето быша...».

Завершает этот второй заключительный раздел книги глава

---

⁶ Ницефор/Никефор – Византийский император Никифор I Геник (760–811), который отказался признать Карла в качестве императора; Палеоог – Константин XI Палеолог (1405–1453), последний император Византийской империи.

«Вселеннописие», включающая обзор географических знаний о водном пространстве и суше, необходимый для изучения всемирной истории. Сведения о суше излагаются Копиевским по трем «древним» частям света (Европа, Африка и Азия) и двум «новым». К последним относятся «Острова северные» («Исландия», «Фрисландия», «Спесберга», «Гринландия, зелены остров», «Новая земля») и Америка («Северная и Полуденная») ⁷. В основном эти сведения состоят из перечней названий стран и гор, которые заканчиваются представлением европейских мер длины с их переводом на славянские и изображением «круга земли» с данными о его диаметре и периметре в милях. После этого следует традиционная благочестивая формула, заключающая сочинение христианского писателя: «Конец. Слава Господу Богу, давшему совершити».

Очевидно, что при составлении этого обзора Копиевский использовал какое-то или какие-то сочинения иностранных авторов. Также очевидно, что его книга не была ни дословным переводом, ни механическим сокращением. Поскольку «Введение краткое» было адресовано «славянороссийскому» читателю, его задача была более сложной. Чтобы донести содержание трудов западноевропейских историографов до «славянороссийского народа», Копиевскому нужно было стать не только их переводчиком, компилятором, толкователем, но и адаптатором. А в некоторых случаях даже самому выступить в роли историка.

Здесь все же уместно задаться вопросом о том, какие книги европейских ученых он использовал. Ясного ответа на этот вопрос у меня нет. Могу лишь предположить, что одной из этих книг было «Краткое и ясное введение во всемирную историю» профессора Лейденского университета Георга Хорна, вполне доступное Копиевскому в Амстердаме ⁸. Учебник Копиевского, как и книга Хорна, был кратким, так же следовал

---

⁷ Фрисландия или Фризия – территории на побережье Северного моря.

⁸ *Horn G. Brevis et perspicua introductio ad universalem historiam // Idem. Historia ecclesiastica et politica. Lugduni Batavorum: Hackios, 1665. P. 375–442.*

традиционной периодизации по четырем монархиям и включал в общую картину прошлого человечества Америку. Он также был и «западоцентричным»: страны и народы, удаленные от Священной Римской империи в географическом, религиозном и культурном отношении, занимали в нем периферийное положение и играли второстепенные роли⁹.

Очевидно, что следуя во «Введении кратком» этой схеме рассказа о всемирной истории в целом, Копиевский не мог ограничиться краткими сведениями о Российском государстве и «славянороссийском народе», к которому его адресовал.

Адаптация

Трансляция ученого исторического знания в Россию, таким образом, изначально предполагала переформатирование западноевропейского нарратива всемирной истории. В учебнике Копиевского он должен был измениться так, чтобы его приняли читатели государства, удаленного от большинства стран Европы не только в географическом, но также культурном, религиозном и языковом отношении. Соответственно, в разных местах «Введения краткого» он делает попытки приблизить западноевропейскую картину всемирной истории к ожиданиям своих читателей. Например, объяснить имевшиеся в Европе и России различия в летоисчислении от Сотворения Мира до рождения Христа:

«Егда от соединения престола и кесарства греческаго с римским изымется на всяк год по четыре месяцы, (имеяху бо римляне долгое время точию по осми месяцы лето) сочешши же греческия олимпиады и период или отворот и круг юлианов, толи ко тысящеи лет соделает колико и российский счот, и паки придавши греческому по четыре месяцы на всякое лето от соединения с римляны до Рождества Христова, толико лет соделает, колико и европская история или летописие. От Рождества же Христова вся

---

⁹ Такой принцип распространялся Хорном и на Московию, истории которой он отвел меньше страницы.

вселенная в летописию соглашается»¹⁰.

Впрочем, разъяснение различий в летоисчислении на Руси и в странах Европы было вовсе не самой трудной и далеко не единственной его задачей. Копиевскому еще было нужно убедить своих читателей в «правильности» содержания его книги. Эту цель преследует ее предисловие, озаглавленное по образцу предисловий богоугодных книг Московского печатного двора: «Читателю благочестивому и благоразумному в Господе радоваться, здравствовать и умудряться». Хорошо знакомая русским книжникам традиционная формула здесь должна была свидетельствовать о благочестивом содержании «Введения краткого». А повторяющиеся дальше настойчивые отсылки к православной вере его читателей должны были укрепить их в этом убеждении: «Зде обрящеши, православныи читателю», «на милость православных читателей», «молимся, православныи читателю...», «веждь, православныи читателю...», «зде обрящеши, православныи читателю», «восприими же, православныи читателю».

Что же касается его собственной принадлежности к реформатской церкви, то Копиевский по вполне понятным причинам о ней не сообщает, ограничиваясь лишь известием о том, что так же, как и его читатели, является христианином. И об этой общей с ними христианской вере он не устает объявлять на разные лады: «И тако избрахом помощию всемогущаго Господа Бога нашего...», «помощию всемогущаго Господа Бога нашего», «Бог мира и Отец щедротам, да совершит всякаго благочестиваго читателя во всяком деле блазе творити...», «...благоугодно Господем нашим Иисус Христом».

Очевидно, что, рассказывая «славянороссийским» читателям о всемирной истории, Копиевский не мог ограничиться

---

¹⁰ Нельзя не отметить, что получилось это объяснение у Копиевского далеко не безукоризненным. Очевидно, прочитав в одной из исторических книг, что названия восьми месяцев древнеримского календаря перешли в календарь современный, он ошибочно посчитал, что в году у римлян их было тоже восемь («имеяху бо римляне долгое время точию по осми месяцы лето»).

повторением скудных сведений о восточных славянах вообще и москвитях в частности из сочинений западноевропейских ученых. Из-за отсутствия необходимых знаний и времени он также не был в состоянии самостоятельно эти сведения собрать и обобщить. Поэтому обстоятельный рассказ о «славяно-российском народе» ему приходится заменить высокопарным превознесением его достоинств. Там же в предисловии он объявляет, что не стал бы писать свою книгу «варварскому какову народу». К славяно-российскому же обращается без всяких колебаний, ибо этот народ не только не относится к числу «варварских», но, по крайней мере в двух отношениях, даже превосходит прославленные европейские.

Первое его превосходство – это «благоразумие» («славяно-российский народ славно прославися паче всех народов своим благоразумием»). Под благоразумием Копиевский здесь имеет в виду особое достоинство, дарованное свыше – распространенный едва ли не по всему свету язык. «Прочия народы, – утверждает он, – и порубежнаго не разумеют языка. Славяно-российский же народ сие дарование Божие имеет, яко едва не всю Европу о своим языке преидет». И дальше в подтверждение сказанного приводит пример: «Не помяну зде полския земли, прус, чехов, моравов, венгров, волошан, словаков, кашубов, иллириан, даже до Азьи россеаном откровенныи язык»¹¹.

Второе превосходство славяно-российского народа имеет нравственный характер. Оно заключается в скромности и смирении – двух дарах, обретенных «по благодати Духа Святаго». Оба эти дара Копиевский противопоставляет порокам других народов в первую очередь высокомерию и заносчивости. Это свое заявление он снова подтверждает примером: «Славнии италиане, французы, но точию в своей земли, за рубежем – варвари тщеславнии. Славяно-российский же народ славный, не тщеславный, смиреномудренно держится, аще же

---

¹¹ Включая в этот ряд венгров и валахов, Копиевский, очевидно, хочет сказать, что славяне составляли значительную часть населения их земель.

паче всех тех язык родоязычия имеет».

Однако адаптация «западоцентричной» картины всемирной истории в учебнике Копиевского не ограничивалась возвеличением достоинств «славянороссийского народа». «Введение краткое» не обходит вниманием и периферийное место, которое занимало в этой картине Московское государство. Не имея возможности самостоятельно переписать общепризнанную на Западе картину политической истории, Копиевский избирает другой путь: соотносит прошлое Руси не с ученой, а с библейской историей.

Библейские аллюзии неожиданно возникают в последней главе книги, «О еографии или описанию всея вселенная», где в разделе «Славнейшие реки восточные», вслед за киевским Синописом, название Москва-реки соотносится с именем «праотца российского» Мосоха¹². И следом, используя ветхозаветные образы, Копиевский уподобляет Российское государство новому Раю, а его правителя – величайшим из всех царей.

При упоминании Днепра, реки Москвы и Двины сухой стиль географического описания неожиданно трансформируется у него в панегирический: «Сие же три реки, Днепр, Москва и Двина, от единого изшедши (аки из Едема) места, разыдошася на три начала по образу райскому». Затем он призывает читателя обратить на это подобие с Раем сугубое внимание: «Иже чет да разумет, zde мудрость есть, иже иматъ ум». После чего приступает к ревностной проповеди богоизбранности населяющего этот новый рай народа: «Зде удивится! Приидите вси боящися Господа, приидите и видите дела Божия, яко Господь огради люди своя на Восток от Запада и от полуденное страны трема великими и славными реками в вечные роды, колико великих царств и память уста по зразорений (sic!) их. Над славянороссийским же народом искони сияет благодать Вседержителя Господа Бога нашего, аки над вторым Парадызом...».

Вслед за осанной славянороссийскому народу Копиевский

---

¹² Об этой традиции в историографии см.: *Доронин А. В.* О Мосохе, «праотце российском» // «Места памяти» руси конца XV – середины XVIII в. М., 2019. С. 480–512.

вполне ожидаемо переходит к прославлению его правителя: «Даде Господь Бог и пастыря единого всем, возлюбленного помазанника своего пресветлейшаго и великаго государя, его же величество вознесе даже до небесе с высокаго на высочайший степень, паче всех царей земных, вовеки. Утверждает, где Бог, завет мирен и завещание вечно будет».

Так, посредством ветхозаветных образов и метафор, читателям «Введения краткого» было указано на центральное место Московской Руси в мировой истории.

Помимо реформирования западноевропейского исторического нарратива Копиевскому приходилось решать и менее масштабные задачи. В частности, связанные с переводом иностранных научных терминов, географических названий и имен собственных. Поскольку в Амстердаме не было собрания славянских рукописных книг – единственных источников, где можно было найти их русские аналоги, – во многих случаях ему приходилось переводить их самому. В качестве примера приведу ниже переводы нескольких географических названий и имени одного исторического персонажа, сделанные с латыни¹³.

В большинстве случаев Копиевский идет по наиболее легкому пути и просто русифицирует латинские географические названия, встреченные им в сочинениях европейских ученых. Так, при перечислении «французской земли реки», Рону он называет «Родан»; протекающую через бельгийский городок Лир речку Нет – «Лиер»; Сена у него – «Секвана или Паризиа»; Мёз/Маас – «Моза»; левый приток Рейна Арс – «Арарис», а Шельда – «Скалдис». К русификации он иногда прибегает также при переводе имен исторических персонажей. Например, Генрих I Птицелов назван им «Аукупом» – от *Aucers* в латинском оригинале (*avis+capio*). Очевидно, что только очень немногие русские читатели могли понять, какие реки и какого короля он этими словами обозначал. Но мог ли он в данном

---

¹³ Здесь нужно помнить, что в конце XVII в. вообще имелось очень немного общепризнанных русских эквивалентов иноязычных имен собственных.

случае сделать свой перевод более для них доступным?

Гораздо труднее было найти способ перевода неизвестных русскому читателю научных терминов и понятий. Поскольку прямолинейная русификация латинских или греческих оригиналов здесь была еще менее уместна, Копиевскому зачастую приходилось изобретать их русские эквиваленты самому. Наиболее выразительным примером такого рода изобретения является словосочетание «всякая история», вынесенное им в название книги – «Введение краткое во *всякую историю...*». Этим неологизмом Копиевский, очевидно, перевел латинское *historia omnia*, наряду с *historia universalis* принятое в европейской историографии раннего Нового времени обозначение всемирной истории. Как известно, в русском языке этот его неологизм не прижился и во второй половине XVIII в. его окончательно вытеснило другое словосочетание – «всеобщая история».

Новая картина

Очевидно, что картина прошлого человечества, заимствованная во «Введении кратком» из трудов европейских ученых XVII в. для «славянорусских читателей» была новой. Ее новизна состояла прежде всего в том, что важнейшие события мировой истории в рассказе Копиевского происходили не на востоке, а на западе Европы. Что же касается истории Византийской империи, традиционно находившейся в центре представлений о прошлом русских книжников, то она умещалась всего на двух страницах, то есть отодвигалась далеко на периферию.

Необычным был и способ представления этой истории. Вместо привычного для читателей изложения событий в виде летописного свода («по обычаю летописцев») книга Копиевского предлагала им рассказ, выстроенный в порядке, установленном автором («по чину историчному» или «по обычаю историографов»). Такие рассказы были почти неизвестны на Руси, где самыми распространенными историческими сочинениями являлись рукописные хронографы, составленные как раз «по обычаю летописцев». Именно из этих сочинений рус-

ские люди черпали главные сведения о всемирной истории.

Греческим словом «хронограф» в славянских языках обозначались получившие широкое распространение в Византии, Болгарии, Сербии и России компиляции, включавшие книги Ветхого Завета, труды античных писателей, византийские хроники, жития святых, тексты других жанров¹⁴. Содержание этих компиляций отличалось в зависимости от времени и места их составления: одни входившие в них рассказы сокращались, другие, наоборот, дополнялись, третьи исчезали вовсе, заменяясь новыми. На Руси хронографы на протяжении столетий были одним из самых популярных жанров письменности и оставались в таком статусе по меньшей мере до первых десятилетий XVIII в., когда практика их составления прекратилась¹⁵.

Первым русским хронографическим сводом был Хронограф по великому изложению конца XI в.¹⁶ Он состоял из рассказов о библейской истории, монархиях Древнего Востока, империи Александра Македонского и государствах, возникших после ее распада, Древнем Риме и Византийской империи – до первой половины X в. Помимо книг Библии, главными его источниками были сочинения византийских хронистов Георгия Амартола и Иоанна Малалы.

В XIII–XIV вв. на Руси появляются хронографы, содержавшие другие тексты и доводившие историческое повествование до времени их составления. Еще позже, с начала XVI в., в них начинают включать рассказы по русской истории,

---

¹⁴ О представлении всемирной истории в хронографах см. подробнее: *Зарецкий Ю. П.* Между Востоком и Западом: Изменения картины всемирной истории в России XVII в. // *Вызов времени: Становление централизованных государств на Востоке и Западе Европы в конце XV – XVII в.: труды конференции* / Отв. ред.: П. Ю. Уваров, В. Д. Назаров, И. Н. Берговская. Калуга, 2019. С. 72–81.

¹⁵ *Творогов О. В.* Русский хронограф и задачи его изучения // *Пути изучения древнерусской литературы и письменности*. Л., 1970. С. 49.

¹⁶ Его содержание передается дальше по: *Творогов О. В.* Хронограф по великому изложению // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 1. Л., 1987. С. 476–477.

вследствие чего эти обновленные своды получили название «Русский Хронограф». Поскольку все сочинения такого рода представляли собой рукописные компиляции, переписчики были вольны добавлять в них одни истории, удалять другие, редактировать третьи, приписывать что-то от себя и т.д. То есть, как отмечал в этой связи О. В. Творогов, Русский Хронограф «претерпевал в каждой новой редакции изменения, частично сокращаясь, но почти в той же степени расширяясь за счет введения новых сведений из новых источников»¹⁷.

Древнейшая редакция Русского Хронографа начала XVI в. состояла из 208 глав и охватывала период от сотворения мира до падения Византийской империи¹⁸. В первых девяноста пяти, повествовавших о древнейшей истории, в ней пересказывались книги Ветхого Завета и исторические предания о царях Лидии и Персии по «Летописцу Еллинскому и Римскому». Затем следовали рассказы об Александре Македонском и его наследниках, излагавшие содержание двух «Александрий»: «Хронографической» и «Сербской» (гл. 96–105). После этого шла история Троянской войны по «Хронике» Константина Манассии и южнославянской «Притче о кралех» (гл. 106). Рассказы о Древнем Риме (гл. 107–118) и Византии (гл. 119–208), как и в прежних редакциях, строились по «Летописцу Еллинскому и Римскому», однако с привлечением новых источников: «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, и двух «Хроник» – Константина Манассии и Иоанна Зонары.

Как видим, история Византии занимала большую часть этой редакции. Она начиналась с императора Константина и заканчивалась захватом Константинополя турками в 1453 г. Со 166-й главы в эту историю начинают включаться сведения о Южных и Восточных славянах (Руси). Последние излагались в основном по Сокращенному летописному своду 1495 г. и Симеоновской летописи.

---

¹⁷ Творогов О. В. Русский хронограф и задачи его изучения. С. 49.

¹⁸ Описание приводится по: Творогов О. В. Хронограф Русский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 499–505.

Очевидно, что большинство сочинений, лежавших в основе Хронографа этой редакции, были каноническими для восточнохристианской культурной традиции и представляли картину всемирной истории, созданную ее творцами. В центре этой «восточноцентричной» картины находились Византийская империя как единственная законная наследница Древнего Рима и православие как единственная истинно христианская вера. Русь же представлялась как неотъемлемая часть этого мира, после падения Константинополя и захвата турками большей части православных народов занявшая в нем центральное положение.

Принципиально новые редакции Хронографа (вторая и третья) появились только в следующем столетии – они были значительно дополнены сведениями о всеобщей и русской истории, рассказ о которой доводился до начала XVII века. Во второй («основной») редакции 1617 г. Хронограф содержал 169 глав и имел дополненное заглавие: «Книга, глаголемая Гранограф, рекше начало писменом царских родов, от многих летописец. Прежде от Бытии о сотворении мира, от книг Моисеевых, и от Иисуса Навина, и от Судей иудейских, и от четырех Царств, та же и о асирийских царех, и о Македонии, и о римских царех, еллин же и благочестивых и от русских летописец и сербских, и болгарских»¹⁹. Библейская история здесь была существенно сокращена, а русская и всемирная, наоборот, заметно расширены. Русская обогатилась рассказами о событиях Смутного времени и продолжилась до воцарения Михаила Федоровича. Всемирная значительно расширилась за счет фрагментов польской «Хроники Мартина Бельского», рассказывавших о Древней Греции, о возникновении Польского и Чешского государств, об открытии Америки и других исторических сюжетах²⁰.

Понятно, что заимствуя эти фрагменты из сочинения автора-католика, православный составитель Хронографа не делал

---

¹⁹ Название списка приводится А. А. Зиминим: *Зимин А. А.* Слово о полку Игореве. СПб., 2006. С. 342.

²⁰ *Попов А. Н.* Обзор хронографов русской редакции. Вып. 2. М., 1869.

это бездумно: он производил отбор сообщенных им сведений, редактировал их, а в некоторых случаях даже давал пояснения к своим изменениям. Так, один из списков Хронографа XVII века включает перечень имен Римских пап, однако доводится он только до времени разделения церквей. В связи с этим сокращением его православный составитель поясняет: «И тако совершенно удалишася православныя веры, и к тому уже о папах Римских писати нечего. Папа бо нарицается отец священнаго чина, смиренню начало, всех благ ходатай, иже всех благ лишишася»²¹.

Включение в Хронограф западноевропейских сюжетов всемирной истории обогатило его рассказами о малоизвестных или вовсе неизвестных русскому читателю странах. Тем самым в нем появился намек на существование какой-то иной всемирной истории, отличавшейся от известной на Руси. Однако спорадическое появление этих новых сюжетов не изменило его сущностного содержания. «Замечательно, – писал в этой связи А. Н. Попов, – что Хронограф, составленный первоначально по источникам Византийским, Югославянским и Русским, удерживал на Руси более ста лет, считая с 1512 года, свой исключительно-православный характер; в нем не найдем ни одной статьи не православного происхождения, ни одной заметки из Западноевропейской истории. Священная история Ветхого и Нового Завета, классическая история, с обширными повестями о Троянской войне и об Александре Македонском, Византийская история и тесно связанные с нею – Болгарская, Сербская и Русская, – этим ограничивался исторический мир для первого собирателя Хронографа, и мы с полным основанием имеем право назвать Хронограф – древнеисторическим памятником православного Славянства. Только при второй редакции Хронографа, в 1617 году, в первый раз в состав его

---

²¹ Попов А. Н. Обзор хронографов русской редакции. С. 108. Что касается «третьей» редакции Хронографа 1620 г. и ее различных вариаций XVII в., то изменения и дополнения в них коснулись в основном русской истории в связи с идеей преемства Московского царства (Москва – Третий Рим).

входят статьи из источников западных»²².

А. Н. Попов дальше делает вывод, что включение в XVII веке в Хронограф сочинений западноевропейских авторов не оказало принципиального влияния на его содержание. Эти новые дополнения были существенными, однако все же имелись в Хронографе «...не в таком количестве, чтобы изменить основной характер памятника»²³. То есть, несмотря на них, Хронограф по-прежнему представлял читателю «восточноцентричную» картину всемирной истории, основанную на византийской летописной традиции.

Помимо составленных «по обычаям летописцев» хронографов, небольшому числу русских книжников XVII в. были знакомы еще сочинения, написанные «по чину историческому» или «по обычаю историографов». Они представляли собой авторские произведения, следовавшие принятым в европейском ученом мире периодизации истории и порядку изложения исторического материала²⁴. Совершенно очевидно, что «Введение краткое» относилось к произведениям этого второго рода, о чем читателям заявлено уже на его титульном листе: «Введение краткое во всякую историю *по чину историческому*...».

О скромном месте подобных сочинений в репертуаре русских книжников конца XVII в. можно судить из текста, известного под названием «Предисловие к исторической книге, составленной по повелению царя Федора Алексеевича»²⁵.

---

²² Попов А. Н. Обзор хронографов русской редакции. С. 75–76.

²³ Там же. С. 76.

²⁴ В России такие труды были известны лишь в нескольких рукописных переводах – в большинстве случаев это были фрагменты польско-латинских сочинений, включенные в состав хронографов. Краткую характеристику сочинений обоих типов см.: *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII века. Ч. 1. Л., 1961. С. 40–41.

²⁵ *Замысловский Е. Е.* Царствование Федора Алексеевича. СПб., 1871. Ч. 1. Приложения. С. XXXV–XLII. Имя автора Предисловия точно не установлено, однако есть основание полагать, что это был Николай Спафарий, один из образованнейших людей на русской службе в то время. Об установлении авторства рукописи и обстоятельствах ее появления см.: *Михайловский И. Н.* О некоторых аноним-

Предисловие это, по-видимому, являлось введением к новой истории Московского государства и его народа, составление которой «Божиею десницею» задумал сам Федор Алексеевич. Новизна этой так и ненаписанной истории как раз и должна была состоять в изложении событий не по «обычаю летописцев», а «по чину историческому», то есть в соответствии с европейской ученой традицией.

Сочинений такого рода, разъясняет автор Предисловия, на Руси раньше не существовало из-за отсутствия здесь традиции ученого историописания («народ российский... лишен был учения исторического») ²⁶. Те же исторические повести и летописные своды, которые здесь известны, не составляют единого упорядоченного рассказа («преж сего о своих предках и народов, хотя и розные повести и летописцы словенским языком написали, однакож несовершенным описанием и не по обычаю историческому»). Кроме того, они противоречивы по содержанию («не согласуются меж собою все те летописцы») ²⁷.

После критики традиционной формы историописания автор излагает требования к новому, которому должна следовать «ученая» история Российского государства. Этой истории надлежит опираться на непротиворечивые мнения заслуживающих доверия писателей, критически их осмысливать, вести рассказ в соответствии с общепринятой периодизацией мировой истории и «согласовывать» сообщаемые в ней сведения с преданиями и обычаями народов. Примечательно, что эти требования автор представляет не как его собственные, а как общепринятые:

«Так же сверх того подобает историку, как о том разные историки пишут, чтобы он историю свою собрал из добрых и достоверных прежних историках, наипаче из тех, которые меж собою согласуются, и которые, наипаче от

ных произведениях русской литературы конца XVII и начала XVIII столетий. (Читано в Ист.-филол. о-ве при Ин-те кн. Безбородко в Нежине). Нежин, 1900. С. 8–13.

²⁶ *Замысловский Е. Е.* Царствование Федора Алексеевича. С. XLI.

²⁷ Там же.

народа того, яко верны восприняты суть, при том чтобы история та не противилася бы против историю четырех монархиях, которая изстари подвержена и доверена от всех историков; также тем историкам, которые только слухом или своим мнением пишут, не верити вовсе, только где согласуются [с] всенародными повестьми, и где, по обычаю того народа, изстари верою подтвердились, о которых они пишут»²⁸.

Завершается этот своеобразный манифест новой русской историографии разъяснением, для чего он понадобился. Автор берет здесь на себя смелость заявить (очевидно, не без оснований), что эти изложенные им вкратце требования к историописанию на Руси не знали:

«Но об истории и историков как надобно быть, яко во образце, и для того, что прежде сего славянским языком никто о том не писал, зде вкратце описующе, совершаем, хотя мочно было и пространнее о том писати...»²⁹.

То есть получается, что за четверть века до появления учебника Копиевского исторические сочинения, построенные «по чину историчному», были неизвестны российским читателям – или, по крайней мере, их большинству.

Начало «ученой» истории

Новым для российских читателей в учебнике Копиевского было не только «западоцентричное» представление всемирной истории и рассказ о ней «по чину историчному», но и то, что книга была печатной. Это был первый обзор всемирной истории, напечатанный славянским шрифтом, и вторая историческая книга после впервые изданного в 1674 г. Киевского синопсиса. Какое значение имела ее печатная форма для распространения новых исторических знаний в России?

Прежде всего, здесь, конечно, важно иметь представление о ее тираже. Точных данных на этот счет не сохранилось, од-

---

²⁸ Там же. С. XXXIX–XL.

²⁹ Там же. С. XL.

нако по косвенным можно заключить, что он был близок к 2000 экземпляров³⁰. Помимо этого количественного показателя нужно помнить еще о важном отличии печатных книг от рукописных. Результатом изобретения Гутенберга стало не только гигантское увеличение объема книжной продукции, но и унификация ее содержания. То есть в отличие от рукописных хронографов, содержание которых менялось от одной редакции к другой, в каждом экземпляре учебника Копиевского, в точности повторялся один и тот же исторический рассказ.

Представленная во «Введении кратком» «западоцентричная» картина всемирной истории, изложение этой истории «по чину историчному» и типографский способ тиражирования превратили этот скромный учебник в знаковое событие истории исторического знания в России. Именно с него началось издание книг по всемирной истории европейских ученых на русском языке. В 1718 и 1723 гг. в Санкт-Петербурге двумя тиражами выходит перевод «Введения в историю европейскую» Самуэля Пуфендорфа³¹. В 1719 г. в Москве печатается сокращенный вариант популярного сочинения кардинала Цезаря Барония “*Annales ecclesiastici*”, получившее русское

---

³⁰ Из семи книг, изданных Копиевским в типографии Тессинга, известен тираж только одной – учебника арифметики (*Копиевский И. Ф. Краткое и полезное руковедение во арифметику*. Амстердам: Тип. Ивана Андреева Тессинга, 15 апреля 1699). «Арифметика», вышедшая через пять дней после «Введения краткого», была напечатана в количестве 3350 экз. См.: *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 527. Что касается остальных изданий Тессинга, то большинство из них, скорее всего, выходило в количестве, сравнимом со стандартными тиражами книг Московского печатного двора, то есть по 2000–2500 экземпляров.

³¹ *Пуфендорф С.* Введение, в историю европейскую. Чрез Самуила Пуфендорфия, на немецком языке сложенное. Печатано в Санктпитебургхе, 5 декабря 1718; *Пуфендорф С.* Введение. В историю европейскую. Печатано в Санктпитебургской типографии, июль 1723.

название «Деяния церковные и гражданские»³². А спустя еще пять лет, снова в Санкт-Петербурге, издается обзор всемирной истории немецкого богослова Вильгельма Стратемана «Феатрон, или Позор исторический»³³. Все эти книги, написанные «по чину историческому» и представлявшие «западоцентричную» картину прошлого человечества, были переведены и изданы в рамках преобразований Петра I общим тиражом по меньшей мере в пять тысяч экземпляров.

Десятилетия спустя в результате деятельности профессоров и переводчиков Петербургской академии наук и Московского университета взгляд ученых европейцев на всемирную историю приобрел у российских читателей статус «ученого», а еще через некоторое время стал для них вполне очевидным и даже естественным. Что же касается «восточноцентричной» картины всемирной истории, представленной в хронографах «по обычаю летописцев», то они окончательно утратили к ней интерес. Во всяком случае, на протяжении XVIII в. ни один хронограф так и не был напечатан. В новой России этот старый жанр исторических компиляций оказался навсегда забытым – за ненадобностью.

---

³² *Бароний Ц.* Деяния церковная и гражданская от рождества Господа нашего Иисуса Христа. Москва: Печатный двор, 1719.

³³ *Стратеман В.* Феатрон, или Позор исторический / Пер. с латин. Гавриил (Бужинский). Санкт-Петербург: Тип. Александро-Невского монастыря, август 1724.

ГЕРМЕНЕВТИКА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: КУЛЬТУРНЫЙ ТРАНСФЕР КАК ПЕРЕВОД В РАЗЛИЧНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ТИПАХ¹

Одна из определяющих особенностей ситуации на планете в последние десятилетия XX – начале XXI в. – резкое увеличение «силы общения» (Ф. де Соссюр), иными словами, интенсивности взаимодействия различных культурных традиций. Изучение закономерностей этого взаимодействия, в том числе процессов, происходящих при пересечении границ тех или иных культурных пространств, представляется более чем актуальной задачей. Поэтому отнюдь не случаен резонанс, вызванный в научном сообществе концепцией М. Эспаня, концентрированное изложение которой содержится в недавно увидевшем свет в русском переводе труде «История цивилизаций как культурный трансфер», в который вошли две монографии М. Эспаня («Франко-немецкий культурный трансфер» и «История искусства как культурный трансфер. Путь Антона Шпрингера»)². Одна из центральных идей автора заключается в следующем: культурный трансфер как переход границы, одновременно соединяющей и разделяющей различные человеческие миры, может быть представлен как перевод, «так как

---

¹ Целый ряд выдвинутых в данной статье положений уже увидел свет в двух публикациях в электронном журнале «Перспективы»: О «стенах» и «мостах» в пространстве культуры. Заметки на полях книги Мишеля Эспаня (2020, №3, с. 117–122); Культурный трансфер и диалог культур в российском и латиноамериканском цивилизационных «пограничьях» (2020, №4, URL: <http://www.perspektivy.info>).

² Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер / Пер. с франц. М. Е. Балакирева и др. М., 2018 (французское издание: *Espagne M. L'histoire de l'art comme transfert culturel. L'itinéraire d'Anton Springer. Paris, 2009*).

речь идет о переходе с одного культурного кода на другой»³. Поэтому в процессе трансфера складывается сложная герменевтическая ситуация⁴. Эспань очень ярко и подробно описывает эту ситуацию на множестве конкретных примеров. Однако он не предпринимает попыток проанализировать ее природу, выделить стадии герменевтического процесса, который разворачивается в процессе культурного трансфера. Такую задачу поставил перед собой и предложил вполне убедительное ее решение Дж. Стайнер⁵.

***

В основе концепции Стайнера – понятие «герменевтического хода». «Герменевтический ход – извлечение смысла и его присваивающий перенос – включает четыре шага. Все начинается с исходного доверия, вложения веры... в осмысленность, в «серьезность» лежащего перед нами текста, строго говоря, текста-противника»⁶.

Из изложения Стайнера ясно, что речь идет не просто о переводе с языка на язык в обычном смысле: имеется в виду пространство иной культуры, которая вся целиком также является текстом в семиотическом смысле.

Второй «шаг» герменевтического хода – «наступление, акт агрессии»⁷, вторжение в чужой мир с целью извлечения смысла из объекта перевода, феномена иной культуры. «Мы говорим «ухватить смысл», а значит осознавая и понимая, мы охватываем, оплетаем и поглощаем»⁸. Стайнер опирается на Хайдеггера, который, по его словам, «обращал наше внима-

---

³ Там же. С. 45.

⁴ Там же. С. 60.

⁵ *Стайнер Дж.* После Вавилонского смещения. Вопросы языка и перевода / Пер. с англ. В. Фроловой. М., 2020 (английское издание: *Steyner G. After Babel: Aspects of Language and Translation.* Oxford, 1975).

⁶ Там же. С. 379.

⁷ Там же. С. 380.

⁸ Там же. С. 381.

ние на то, что понимание есть действие, а путь от Erkenntnis (познания) к Dasein (бытию – присутствию) по сути своей есть путь насильственного присвоения»⁹.

«Третий герменевтический шаг – включение, в самом сильном значении этого слова», поскольку речь идет о включении феномена чужой культуры в «принимающее семантическое пространство, причем пространство это уже густо заселено»¹⁰. То есть на данном этапе происходит крайне сложный процесс «усвоения и размещения новообретенного материала» в культурной системе, представитель которой инициировал процесс перевода. В ходе этого процесса происходит интенсивная ресемантизация, поскольку само действие по вводу переводимого текста в новую среду «способно сильно видоизменить его исходную структуру»¹¹.

Стайнер подчеркивает, что «герменевтический ход» «небезопасен» как фактор нарушения равновесия культурной системы «пока в нем нет четвертого шага... априорное вложение доверия выводит нас из равновесия...». После «захвата» чужого смысла мы «возвращаемся домой» «отягощенными, а значит, снова равновесие нарушено, но теперь уже взятием от «другого» и прибавлением себе. Система кренится. Герменевтическое событие требует компенсации, потому что подлинным оно может стать лишь после восстановления паритета»¹². Паритет же может быть восстановлен лишь в том случае, если «переведенный» текст чужой культуры становится органической частью культуры переводчика, обретает в ней свое собственное место. Слово «переведенный» взято в кавычки не случайно: тем самым мы еще раз подчеркиваем, что речь идет не просто о переводе с языка на язык, а о циркуляции смыслов между разными культурными пространствами. То есть – о культурном трансфере.

Подводя итог изложению концепции Дж. Стайнера, по-

---

⁹ Там же. С. 380.

¹⁰ Там же. С. 382.

¹¹ Там же. С. 382.

¹² Там же. С. 383.

ставлю вопрос: что является предпосылкой осуществления «герменевтического хода»? И априорное доверие к чужой культуре как предпосылка начала этого процесса, и (тем более) «агрессивное вторжение» в чужую смыслоструктуру, и способность органически включить носителя этой смыслоструктуры в контекст собственного культурного пространства возможны лишь в том случае, если осуществляющий перевод-трансфер субъект межкультурного взаимодействия уверен в себе, опирается на прочный внутренний стержень в собственной душе. То есть – на собственную идентичность.

В этой связи не могу не отметить одну из тенденций, отчетливо проявившихся в интереснейшей книге М. Эспаня, с которой я никак не могу согласиться¹³.

Эспань ставит под вопрос эвристическую значимость понятия сравнения, которое, по его утверждению, «противопоставляя культурные традиции в обобщенных образах с целью подсчета их сходств и различий, только акцентирует идентичности национальных групп, в то время когда речь идет скорее о выявлении взаимодействий и взаимовлияний»¹⁴.

Вопрос: как возможно выявлять «взаимодействия» и «взаимовлияния», не рассматривая субъектов этих взаимодействий и взаимовлияний, следовательно, не сопоставляя культурные традиции? Какие есть основания заявлять, что «утверждение идентичности невольно стремится минимизировать объем инородной памяти»¹⁵? Да, иногда защитники самобытности той или иной традиции действительно действуют в подобном ключе. Но это происходит далеко не всегда. Сам по себе факт утверждения идентичности предполагает не ограничение объема инородной культурной памяти, а выявление ее реальной роли в собственном контексте той или иной культуры.

По утверждению Эспаня, «исследования культурных взаи-

---

¹³ См. подробнее: *Шемякин Я. Г.* О «стенах» и «мостах» в пространстве культуры... //«Перспективы». 2020. № 3. С. 117–122.

¹⁴ *Эспань М.* Указ. соч. С. 686.

¹⁵ Там же.

модействий... как правило, грешат излишним вниманием к замкнутости, закрытости культурных полюсов, каждый из которых обладает будто бы национальной идентичностью»¹⁶. Разумеется, «далеко не все возможно сравнивать и не все сопоставления имеют под собой почву»¹⁷. Тем не менее: исследовать процесс взаимодействия невозможно без понимания того, кто взаимодействует. Эспань не дает конкретных ссылок на работы, которые утверждают «замкнутость, закрытость культурных полюсов». Думаю, даже просто обнаружить такие работы было бы затруднительно. Самые ярые защитники идентичности, как правило, не склонны считать свои культуры чем-то изолированным от окружающего мира.

Трансфер как переход границы, отделяющей «свое» от «чужого» (с соответствующей ресемантизацией) возможен лишь в том случае, если граница существует, одновременно соединяя и разделяя субъектов взаимодействия, каждый из которых является таковым, потому что имеет собственное культурно-историческое лицо, то есть идентичность. Таким образом, процесс постоянно возобновляющейся самоидентификации есть необходимое условие осуществления трансфера.

Культурный трансфер, несомненно, играет важнейшую роль в истории цивилизаций. Но эта история отнюдь к нему не сводится. Другая, и не менее важная, ее часть – процесс формирования и утверждения идентичности, неповторимого культурно-исторического облика каждой из цивилизаций.

Смещение вектора внимания исследователя в сторону изучения феномена «подвижности культурных пространств»¹⁸ в принципе может быть вполне оправдано – в рамках решения конкретной исследовательской задачи. Но абсолютизация этого вектора искажает реальную картину межкультурного взаимодействия, которое в любом случае является взаимодействием идентичностей – сложившихся, формирующихся или даже постепенно дезинтегрирующихся.

---

¹⁶ Там же. С. 39.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 687.

Диалог культур как предпосылка и условие культурного трансфера

Культурный трансфер необходимым образом предполагает диалог различных традиций, который является обязательной предпосылкой и условием разворачивания процесса трансфера. Теме диалога посвящено, как известно, огромное множество литературы. Автор этих строк неоднократно излагал свои соображения по этой теме¹⁹. Для того, чтобы не нарушать цельность изложения, позволю себе вкратце их повторить.

Идеал диалога общепризнан в мировом сообществе. Однако это отнюдь не привело к преодолению сложностей, связанных с различным пониманием диалога разными силами, прежде всего представителями тех или иных, существенно отличающихся друг от друга цивилизационных типов. В основе всех сложностей, связанных со стремлением осмыслить и реализовать принцип диалога – проблема, которую У. О. Куайн охарактеризовал как проблему «радикального перевода», т.е. понимания текста, созданного представителем иной культуры²⁰, основанной на качественно иных представлениях о мире и жизни. Куайн первоначально имел в виду вполне определенную ситуацию – столкновение ученого, представителя западной культуры с неким дотоле неизвестным племенем, продолжавшим сохранять все характерные черты первобытности. По словам Куайна, ученый будет стремиться понять язык этого племени «при помощи интуитивного суждения, опирающегося на особенности поведения аборигена: его оглядывающие движения, его внезапное чувство узнавания и т.п.»²¹.

Как вполне справедливо отметил Дж. Стайнер, «подобные

---

¹⁹ Из публикаций последних лет см., например: *Шемякин Я. Г.* Глобальное, универсальное, локальное. Соотношение понятий и соотношение реальностей // *Цивилизационные вызовы во всемирно-исторической перспективе*. М., 2018. С. 37–39.

²⁰ *Куайн У. О.* Слово и объект. М., 2000. С. 43.

²¹ Там же. С. 47–48.

«радикальные» ситуации на самом деле вовсе нередки: так, в большинстве случаев истолкование обречено полагаться лишь на письменный, почти всегда неполный материал, когда нет уже в живых ни одного информанта и не существует больше «того» социального контекста. Палеограф и лингвист-антрополог дешифруют молчание»²².

Однако проблематика «радикального перевода» выходит далеко за рамки сфер деятельности «палеографа» и «лингвиста-антрополога». Собственно, уже сам Куайн пришел к выводу, что «всякий межъязыковый перенос производится на основе принципа неопределенности»²³. «Нет никаких сомнений в том, что конкурирующие системы аналитических гипотез могут полностью соответствовать всей совокупности речевого поведения и все же предполагать взаимно несовместимые переводы бесчисленных предложений, невосприимчивых к независимому контролю»²⁴.

Мне уже приходилось подчеркивать то обстоятельство, что в условиях глобализации умозрительная, на первый взгляд, проблема «радикального перевода» превращается, по очень точной оценке И. В. Следзевского, «в гигантскую по своим масштабам проблему культурной эквивалентности смыслов диалога»²⁵. Одни и те же, общие для всех культур универсальные понятия (добро, истина, красота, любовь и т.д.) могут получать совершенно разные интерпретации у представителей разных цивилизаций, избравших качественно отличные подходы к решению ключевых вопросов человеческой экзистенции.

В этом случае «предпосылочное знание» (т.е. знание, получаемое человеком в процессе социализации в силу самого

---

²² *Стайнер Дж.* Указ. соч. С. 445.

²³ Там же. С. 372.

²⁴ *Куайн У. О.* Указ. соч. С. 94.

²⁵ *Следзевский И. В.* Диалог цивилизаций как смысловое поле мировой политики // Диалог в полицентричном мире: философско-культурные, исторические, политические и коммуникативные проблемы. М., 2010. С. 138.

факта принадлежности его к той или иной традиции)²⁶, на основе которого происходит самоидентификация представителей того или иного человеческого сообщества, может превратиться (и, как показывает печальный опыт, слишком часто превращается) в фактор отторжения ценностей иных культур, и, тем самым, в препятствие для диалога, а следовательно и для процесса культурного трансфера.

Как, собственно, уже отмечалось, диалог по-разному понимается представителями разных цивилизационных традиций. На трактовку содержания этого понятия западными интеллектуалами значительное (чаще всего неосознаваемое) влияние оказала платоновская концепция диалога. «При всей ее кардинальной значимости для истории человеческой мысли (как известно, Сократ и Платон были первопроходцами в деле философской разработки проблематики диалога), интерпретация данного понятия Платоном имеет очень существенные ограничения, связанные прежде всего с жестким утверждением приоритета принципа единства (в т.ч. единого, «единственно верного» понимания той или иной проблемы) над принципом многообразия»²⁷. М. М. Бахтин отверг логику подобного подхода, отметив, что в платоновском диалоге «множественность голосов погашается в идее. Идея мыслится

---

²⁶ См., например: *Osterhammel J.* Die Entzauberung Asiens. Europa und asiatischen Reiche im 18 Jahrhundert. München, 1998; *Idem.* Geschichtswissenschaft jenseits des Nationalstaats. Göttingen, 2010; *Сайд Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006; *Ионов И. Н.* Цивилизационное сознание и историческое знание. М., 2007. С. 14, 21, 28, 31, 33, 36 и др.; *Он же.* Память, идентификация и предпосылочное знание // Диалог со временем. Вып. 54. М., 2016. С. 32–53; *Вжосек В.* Классическая историография как носитель национальной (националистической) идеи // Диалог со временем. 2010. Вып. 30. С. 5–13; *Он же.* Культура и историческая истина. М., 2012. С. 147 и др.

²⁷ *Шемякин Я. Г.* Универсальное и локальное измерение человеческого бытия и полюса смыслового поля цивилизационного исследования // Реконструкции мировой и региональной истории: от универсализма к моделям межкультурного диалога. М., 2017. С. 464.

Платоном не как событие, а как бытие. Быть причастным идее значит быть причастным ее бытию. Но все иерархические взаимоотношения между познающими людьми, создаваемые различной степенью их причастности идее, в конце концов погашаются в полноте самой идеи»²⁸. Пожалуй, самой острой критикой платоновского понимания диалога можно считать следующие слова С. С. Аверинцева: «Диалог как литературный жанр! Это греческое изобретение едва ли не наиболее отчетливо выявило коренную недиалогичность греческой литературы. Как известно, лучший цвет литературного диалога – это диалоги Платона, а их главный герой, самый непременный персонаж и самый яркий образ – Сократ. Но что такое платоновский Сократ? Это идеал радикально недиалогического человека, который не может быть окликнут, задет и сдвинут с места словом собеседника, который в пылу спора остается всецело непроницаемым, неуязвимым, недостижимым для всякого иного «я», а потому в состоянии манипулировать партнерами в беседе, двигать ими как вещами, сам никем не движимый»²⁹.

Здесь обнаруживается исток мощной тенденции монологизации диалога³⁰, которая отчетливо проявилась в западном цивилизационном сознании, представители которого склонны трактовать позитивное развитие диалога «как постепенное приближение незападных цивилизационных традиций к западному социокультурному стандарту плюрализма, т.е. добровольное принятие соответствующего западным представлениям «единственно правильного» понимания диалога»³¹. В

---

²⁸ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 197.

²⁹ Аверинцев С. С. Греческая литература и ближневосточная «словесность» (противостояние и встреча двух творческих принципов) // Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. М., 1971. С. 215.

³⁰ См.: Шемякин Я. Г. Программа «Альянса цивилизаций» в свете проблемы межкультурного диалога в полицентричном мире // «Альянс цивилизаций» (трудный диалог в условиях глобализации). М., 2010. С. 59–65.

³¹ Шемякин Я. Г. Универсальное и локальное измерение человече-

случае принятия подобной трактовки представителями западных традиций мы сталкиваемся с одной из разновидностей явления, которое А. Дж. Тойнби характеризовал как «механический мимесис»³², т.е. механическое копирование западного культурного опыта, которое исключает подлинное, то есть творческое усвоение этого опыта. В данном случае полная реализация «герменевтического хода» (по Дж. Стайнеру) становится невозможной, процесс, как правило, прерывается на первой из обозначенных выше стадий (априорного доверия к чужой культуре).

Оптимальные условия для осуществления культурного трансфера с полной реализацией всех четырех стадий «герменевтического хода» может создать осуществление на практике бахтинской концепции диалога. В контексте темы данной статьи хотелось бы особо выделить следующие мысли М. М. Бахтина.

«Активное согласие – несогласие (если оно не предрешено догматически) стимулирует и углубляет понимание, делает чужое слово более упругим и самостным, не допускает взаимного растворения и смешения»³³. Критерий подлинности диалога – это всегда напряженный творческий спор, как правило, очень далекий от идиллии взаимного согласия по всем спорным вопросам.

Принципиально важно, что, по Бахтину, диалог не ограничивается сферой сознания (хотя оно и играет ключевую роль): в нем человек проявляет себя как целостное существо в единстве интеллектуальной и эмоционально-чувственной сторон своей природы: «жизнь по природе своей диалогична. Жить – значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться и т.п. В этом диалоге человек участвует весь и всю жизнь: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками»³⁴.

ского бытия... С. 460.

³² Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1991. С. 304.

³³ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. С. 366.

³⁴ Там же. С. 337.

Итак, диалог охватывает все стороны жизни человека. Соответственно, и культурный трансфер отнюдь не ограничен сферой сознания. Здесь мысль Бахтина совпадает с подходом М. Эспаня, по словам которого «культурный трансфер имеет экономическую, демографическую, психическую и интеллектуальную составляющие, совокупно представляя жизнь соответствующих социальных групп, даже если при этом и остается верным утверждение, что интеллектуальная и художественная жизнь есть приоритетная сфера для изучения всевозможных переплетений людей и объектов и их символической интерпретации»³⁵.

Согласно Бахтину, «во всем, чем человек выражает себя вовне (и, следовательно, для «другого») – от тела до слова – происходит напряженное взаимодействие «я» и «другого»: их борьба (честная или взаимный обман), равновесие, гармония (как идеал), наивное незнание друг о друге, нарочитое игнорирование друг друга, вызов, непризнание... и т.п.»³⁶.

В ходе диалога перед человеком стоит парадоксальная задача слиться с другим, оставаясь самим собой. При этом Бахтин подчеркивал, что отождествление с «другим» не означает растворения в нем, отказа от собственной индивидуальности. Диалог предполагает одновременно «проникновение в другого (слияние с ним) и сохранение дистанции (своего места), обеспечивающее избыток познания», «взаимпроникновение с сохранением дистанции»³⁷. По Бахтину, «чистое вживание вообще невозможно, если бы я действительно потерял себя в другом (вместо двух участников стал бы один – обеднение бытия)...»³⁸. Это касается как межличностных отношений, так и сферы взаимодействия различных культур³⁹.

---

³⁵ Эспань М. Указ. соч. С. 35.

³⁶ Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М., 1997. С. 353.

³⁷ Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М., 1997. С. 8–9.

³⁸ Бахтин М. М. Человек в мире слова. М., 1995. С. 30–31.

³⁹ Бахтин М. М. Эстетика... С. 353–354.

***

Платоновская и бахтинская модели диалога не исчерпывают, разумеется, всего многообразия разновидностей данного феномена. В этой связи хотелось бы обратить внимание на еще один тип диалога в российской традиции, который, насколько мне известно, еще не стал предметом теоретического осмысления, хотя его уже давно выделил в ходе анализа творчества Л. Н. Толстого отечественный литературовед С. Бочаров. Вот как он интерпретировал одну из сцен в романе «Война и мир», а именно – спор Андрея Болконского и Пьера Безухова в Богучарово. В ходе этого спора столкнулись противоположные мировоззренческие позиции, в результате чего в словесной форме общения обнаружился тупик, который тем не менее был преодолен. Вот как С. Бочаров интерпретирует восприятие А. Болконского: «Самый факт высказывания, и с таким увлечением, своих мыслей другому, соприкосновение и контакт с другими, отличными мыслями, с другим человеческим настроением и душой – это уже выводит из тупика, ибо это – общение, какое, на логический взгляд Болконского, невозможно, бессмысленно, это волнение жизни, ее борьба, ее драматизм, ее полнота.

До Толстого в литературе такого диалога не было. В романах Тургенева, например, совсем не так построены разговоры Рудина с Лежневым и Пигасовым, Лаврецкого с Паншиным и Михалевичем, Базарова с Павлом Петровичем. Там тоже споры, словесные поединки, но столкновение высказываемых взглядов непосредственно выражает столкновение характеров, люди представлены теми речами, которые говорят. У Толстого в Богучарово идет острый спор, однако в то же самое время совершается душевное сближение спорящих людей, то, что идет между ними, не совпадает с речами и точками зрения. Во внутреннем этом соединении, в прикосновении князя Андрея, его оживляющем, к горячей одушевленности Пьера – самое глубокое существо разговора, подлинная связь собеседников, во время спора неясная им самим: Пьер мрачнеет, слушая князя Андрея, и думает о том, как его друг за-

блуждается и как несчастлив.

Но когда Пьер возобновляет разговор:

« – Вы не должны так думать.

– Про что я думаю? – спросил князь с удивлением».

Он забыл о предмете спора, потому что в эту минуту живет не тем, что выражали его слова»⁴⁰.

Перед нами особый тип диалога, коренным образом отличный от платоновского, иной и по сравнению с бахтинским, основой которого (хотя в нем и действует, по Бахтину, «человек весь и всю жизнь»⁴¹) является все же содержательное словесное общение. Диалог, в котором то, что остается за пределами вербальной сферы (сам *факт* общения, невозможный без взаимной эмпатии и априорного признания за каждым из его участников права на сохранение собственного лица), важнее того, что непосредственно высказывается участниками диалога. Таким образом, невербальный способ коммуникации может приобретать в определенных ситуациях ключевое значение. Впрочем, нельзя не отметить, что в приведенном С. Бочаровым примере предпосылкой невербального общения является именно общение словесное, которое образует первый, поверхностный слой диалогической ткани.

Очевидно, в любом диалоге нужно различать как вербальную, так и невербальную составляющие, соотношение которых отличается в различных ситуациях и (как мы постараемся показать далее) в различных цивилизационных типах. Причем именно невербальное общение может сыграть роль первой стадии реализации «герменевтического хода» (по Дж. Стайнеру) – «априорного доверия» как первичной предпосылки его осуществления. Приведём в качестве иллюстрации рассуждения В. Н. Топорова.

«Когда европейцы на рубеже XV и XVI вв. впервые вступали на землю обеих Америк, они встретили там людей, находившихся как бы за пределами этого мира, за бесконечным

---

⁴⁰ Бочаров С. «Война и мир» Л. Н. Толстого // Три шедевра русской классики. М., 1971. С. 54–55.

⁴¹ Бахтин М. М. Эстетика... С. 337.

Океаном, за многие тысячи километров от родины этих первооткрывателей. А за долгие тысячи лет (в отдельных случаях, видимо, и за десятки тысяч лет) далекие предки европейцев и индейцев, жившие в противоположных концах Евразийского континента, на Западе и на Востоке, также были удалены друг от друга на максимально возможное на Земле «непрерывное» (по суше) расстояние, астрономическая величина которого исключала, казалось бы, даже опосредованные связи «эстафетного» типа... И, тем не менее, первый жест первого европейца, ступившего на землю Американдии, был принят и понят в той мере, в какой это было необходимо обеим сторонам для установления связи, и на него был дан ответ, который тоже был принят и понят. Связь была установлена и прошла первую проверку: она оказалась возможной. Это была связь «в человечестве», в человеческом духе (потому что в этих условиях глоток воды и кусок хлеба, данные «чужим», образуют факты прежде всего духовного и уже потом материального значения), а сама возможность и, если угодно, естественность установления связи в «неестественных» условиях стала главным аргументом «за», который уже не мог быть отмененным в своей основе, несмотря на все трагические эпизоды в будущем, когда естественное и вытекающее из реальных нужд и подлинно человеческих потребностей затмевалось и искажалось извращениями «человеческого» и «противочеловеческим»⁴². Очевидно, что в основе подобного первичного акта межчеловеческого общения – априорное признание идентичности «другого», его права на собственное человеческое лицо.

***

По Бахтину, «жизнь по природе своей диалогична. Жить – значит участвовать в диалоге...», человек «вкладывает всего себя в слово и это слово входит в диалогическую ткань чело-

---

⁴² *Топоров В. Н.* Пространство культуры и встречи в нем // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Вып. 4. М., 1989. С. 11.

веческой жизни, в мировой симпозиум»⁴³. «Быть – значит быть для другого и через него – для себя. У человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другому или глазами другого»⁴⁴. Согласно Бахтину «человек... реально существует в формах я и другого...»⁴⁵.

Из этих положений Бахтина следует, что понятие диалога охватывает не только сферу взаимоотношений между людьми, но и диалог человека с самим собой. Следуя ходу мысли Бахтина, можно сделать заключение, что в душе каждого индивида происходит диалог различных ипостасей его личности. Всякий человек многолик. Но все многообразие его ликов тяготеет к двум полюсам, двум ипостасям: в одной любой человек выступает как универсальное родовое существо, *homo sapiens*; в другой – как индивидуальный представитель той локальной общности, в рамках которой он сформировался и к которой он принадлежит. Как правило, конкретный человек принадлежит одновременно к нескольким общностям, которые в рамках его индивидуальности образуют иерархию различных уровней локального. Так или иначе, в основе всей «диалогической ткани человеческой жизни» лежит диалог обозначенных двух ипостасей любого человеческого существа, универсального и локального измерений его жизни.

***

Главный принцип, в соответствии с которым происходит культурный трансфер, был охарактеризован крупнейшим мексиканским поэтом и мыслителем, лауреатом Нобелевской премии О. Пасом, как творческая аналогия. В основе этого метода – поиск «точки встречи»⁴⁶ в пространстве культуры

---

⁴³ Бахтин М. М. Эстетика... С. 337.

⁴⁴ Там же. С. 330.

⁴⁵ Бахтин М. М. Человек в мире слова. М., 1995. С. 12.

⁴⁶ Этот метод нашел широкое признание, в том числе – в современной латиноамериканской мысли. См., например: *Chacón Mata A. El*

различных традиций, в том числе изначально очень далеких друг от друга, отличающихся противоположными подходами к ключевым экзистенциальным проблемам. По словам О. Паса, «аналогия созидает по принципу единства или соответствия противоположностей...»⁴⁷, обнаружения того, что их соединяет. То есть, если говорить языком гегелевской диалектики, общего основания сторон противоречия, само существование которого является условием его возможного разрешения. Именно это общее основание порождает первичный импульс, побуждающий к началу взаимодействия и, соответственно, к возможности трансфера в самых различных областях – от быта до духовной культуры. Данное основание опирается, по-видимому, на единство психофизиологической природы всех представителей вида *homo sapiens* и обусловленные этим единством общие потребности. Наряду с витальными потребностями, которые объединяют человека со всем миром живого (в пище, воде, сексе, продолжении рода), существует и собственно человеческая потребность в обретении смысла существования. Результаты фундаментальных исследований свидетельствуют о том, что стремление так или иначе удовлетворить ее – определяющая бессознательная мотивация поведения «человека разумного»⁴⁸.

Однако обрести смысл существования в ситуации столкновения первоначально чуждых друг другу культур невозможно без преодоления логики их тотального противостояния, в которой проявляет себя разрушительная, энтропийная

---

relativismo cultural y su tutela jurídica en el sistema internacional de protección de los derechos humanos // Revista Latinoamericana de Derechos Humanos. 2011. Vol. 22(2). P. 52–53, 57; *Beuchot M.* Derechos humanos: historia y filosofía. México, 1999. P. 62.

⁴⁷ Пас О. Поэзия. Критика. Эротика. М., 1996. С. 145.

⁴⁸ См.: Бессознательное: Природа. Функции. Методы исследования / Под общей ред. А. С. Прангишвили, А. Е. Шерозия, Ф. В. Бассина. Тбилиси, 1985. Т. 4. С. 321–323. Эта мысль принадлежит В. А. Файвишевскому, однако неоднократно встречается на страницах данного издания.

тенденция. Как показывает опыт человеческой истории, абсолютное, нигилистическое отрицание Другого, культуры, основанной на качественно иных представлениях о мире и жизни, чревато разрушительными последствиями, духовным распадом как для объекта отрицания, так и для того, кто отрицает. На мой взгляд, особенно ярким подтверждением этого тезиса может служить история взаимодействия культур в Новом Свете начиная с эпохи конкисты вплоть до наших дней. Эта история изобилует выразительными примерами преодоления ситуации первоначального взаимного отторжения в результате двойной ресемантизации: переозначивания элементов автохтонных культур в системе образов христианской мифологии и переосмысления этих образов в соответствии с индейскими представлениями о мире и жизни.

Приведу в этой связи несколько примеров, иллюстрирующих эту мысль.

В условиях, когда рыцари как «военной», так и духовной конкисты утверждали свою культуру как победители, главными формами, в рамках которых происходило взаимодействие европейской (иберийской) и автохтонных культур закономерным образом стали те элементы христианской традиции, которые были наиболее близки мифологической подпочве самой европейской цивилизации, а тем самым – и мифологическому духовному космосу индейцев. Ключевую роль здесь сыграли такие христианские образы, как Богородица (в очевидной взаимосвязи с образами богинь плодородия и Матери-Земли – Тонацин у ацтеков, Пачамамы в Андском регионе и т.п.) и святые (в связи с культом предков).

Именно образы Девы Марии и святых стали теми основными символическими формами, в рамках которых начался процесс установления первоначально симбиотической взаимосвязи, а впоследствии – и синтеза автохтонных и иберийских культур. Прежде всего следует упомянуть в этой связи возникновение и широкое распространение культа Девы Гваделупской и огромную популярность многочисленных святых, особенно местных (во многих случаях отождествившихся в народном сознании с персонажами индейского мифоло-

гического пантеона) в «народном католицизме»⁴⁹⁻⁵⁰.

По словам О. Паса, примерами того, что он называет аналогией, являются «поэтическая метафора и эротическое объятие»⁵¹. Взаимодействие испанской и автохтонных культур было (и остается во многом по сей день) интенсивным процессом циркуляции и постоянного переозначивания метафор в общем семантическом поле. Примером же воплощения в истории творческой метафоры эротического объятия стал процесс метисации в Испанской Америке, процесс утверждения (прежде всего в практике повседневной жизни) идеи единства человеческой природы и общечеловеческой ценности жизни во всех ее проявлениях, вопреки всем силам разрушения и всем попыткам изолировать «мир индейцев» (*república indígena*) от мира белых.

Следует отметить, что значительно сложнее, чем в случае с образами Богоматери и святых, обстояло дело с трансфером в индейскую среду центрального символа христианства – образа самого Христа, особенно догмата о Св. Троице⁵². Но и здесь происходило постепенное встречное движение. Повидимому, особое значение имело «узнавание» индейцами в символе распятия хорошо им знакомого архетипического образа Мирового Древа. Очевидно, первостепенное значение имело то обстоятельство, что символ креста выполняет одну и ту же функцию в образной системе как христианства (распятие), так и в доколумбовых религиях (Мировое Древо). Разумеется, содержание, вкладываемое в этот символ в том и в другом случае, отличается коренным образом. Но в духовном космосе как испанцев, так и индейцев, крест обозначал са-

---

⁴⁹ Historia de la iglesia de la América Española / Por L. Lopetegui, F. Zubillaga. Madrid, 1965. Т. 1. P. 346.

⁵⁰ История литератур Латинской Америки. От древнейших времен до начала Войны за независимость / Отв. ред. В. Б. Земсков. М., 1985. С. 414.

⁵¹ Пас О. Указ. соч. С. 147.

⁵² См. Шемякин Я. Г. Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М., 2001. С. 92–95.

кральный центр мира, ось, вокруг которой организуется вся пространственно-временная структура мироздания. Так, пространственная вертикаль строится в представлениях о Мировом Древе на основе различения основных пространственных зон: верхней (небесное царство), средней (земля, мир людей) и нижней (подземного царства с многочисленными хтоническими сущностями). Эта структура восходит к истокам древнейшей индоевропейской традиции V–IV тысячелетий до н.э. и присутствует, пусть и символически переосмысленная, в христианстве⁵³. В основе своей она аналогична и в индейских мифологиях. Впрочем, базовая схема троичного деления мировой вертикали усложнена: достаточно вспомнить 13 небес и 9 подземных миров в мифологии майя и науа⁵⁴.

Через образы Девы Марии, святых и (в какой-то мере) Христа индейцы подключались к духовному ядру христианской цивилизации, проявляя собственную культурно-историческую индивидуальность в такой интерпретации этих образов, которая заметно отличалась (причем с самого начала) от ортодоксальной. Но это был не единственный канал коммуникации и взаимодействия между двумя человеческими мирами.

Многие конкистадоры и католические монахи воспринимали (особенно в первые десятилетия конкисты) действительность автохтонных культур как «царство сатаны». Но даже такое восприятие не исключало проникновения элементов индейских верований в духовный мир европейцев. Дело в том, что вера в существование дьявола (и, следовательно, его многочисленных слуг: чертей, ведьм, колдунов и т.п.) всегда была неотъемлемой частью христианской религии. Демоническое, сатанинское начало было включено в христианский духовный универсум, пусть и в качестве отвергаемой, загоняемой в подполье, но тем не менее неотъемлемой его части.

---

⁵³ *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984. Ч. 2. С. 851–852.

⁵⁴ Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1991. Т. 1. С. 519.

Поэтому те элементы автохтонных (а впоследствии и африканских по происхождению) верований, которые были несовместимы с католической системой ценностей, могли быть и были включены в общую структуру европейско-христианской цивилизации в качестве одного из проявлений демонической периферии культуры.

Тем самым они проникали в души укоренившихся в Америке европейцев, так сказать, с «черного хода». В результате в Латинской Америке возникла в высшей степени причудливая амальгама европейских, индейских и африканских представлений о различного рода духах⁵⁵. В данном случае имело место непосредственное соединение мифологического сознания автохтонных народов и потомков африканских негров-рабов с сохранившимся под спудом христианства языческим пластом самой европейской культуры.

Надо сказать, что процессы, происходившие в Новом Свете, обнаруживают прямые параллели с российскими реалиями. Процесс формирования новой цивилизации на просторах Восточноевропейской равнины также начался тогда, когда были найдены знаковые структуры, приемлемые для всех основных участников взаимодействия (таковыми являлись изначально древняя славянская языческо-мифологическая традиция и восточное христианство византийского происхождения и характера), способные стать символами их единства. Наряду с культами святых заступников, «которые взяли на себя покровительствующие функции добрых славянских божеств»⁵⁶ ключевое значение для Руси – России приобрела символическая форма, в рамках которой осуществлялся синтез восточнохристианской традиции в ее кирилло-мефодиевской разновидности, античного наследия и архаических языческих верований восточного славянства. Имеется в

---

⁵⁵ См., например: *Revista española de antropología Americana*. 1984. Vol. 14. P. 227–228.

⁵⁶ *Мильков В. В.* Кирилло-мефодиевская традиция и ее отличия от иных идейно-религиозных направлений // *Древняя Русь: пересечение традиций*. М., 1997. С. 348, 350.

виду образ Софии – Премудрости Божией, который занимает главное место в духовном мире и деятельности Св. Кирилла⁵⁷. Образ-символ Софии оказался теснейшим образом связан с культом Богородицы, которая во многих случаях отождествлялась в народном сознании с Матерью-Землей. Этот феномен прослеживается вплоть до XX века⁵⁸. В. Н. Топоров подчеркивал в этой связи: «...обращают на себя внимание переклички между мифологическим образом Земли и позднесофиологическими попытками понимания Земли как Софии»⁵⁹.

Как и в Латинской Америке, в России элементы древней языческо-мифологической восточнославянской традиции продолжали играть активную роль в процессе взаимодействия различных цивилизационных начал в духовном космосе России-Евразии, несмотря на то, что высший уровень пантеона божеств восточнославянской мифологии был полностью разрушен в ходе массивного наступления православной церкви в ходе христианизации X–XIV вв.

Однако сохранился целый сонм «низших» духов земли, воды, леса и т.д. По свидетельству известной исследовательницы верований восточных славян (в том числе и тех форм, которые продолжали существовать в XIX–XX вв.) М. Власовой, «отношение к разнообразным духам природы и дома после принятия христианства оказалось двояким: с одной стороны, от них ограждались молитвой и крестным знаменем, с другой с ними христосовались на Пасху. И в качестве нечистой силы лесные, водяные, домовые духи продолжали играть важную роль в жизни крестьян, о чем свидетельствует и популярная поговорка: «Богу молись, а черта не гневи»⁶⁰. В многочисленных праздниках крестьянского календаря «почитание христианских святых, Бога, Богородицы слито

---

⁵⁷ Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. Первый век христианства на Руси. М., 1995. С. 65, 78–80, 97, 233.

⁵⁸ Власова М. Русские суеверия. Энциклопедический словарь. СПб., 1998. С. 604.

⁵⁹ Топоров В. Н. Указ. соч. С. 78.

⁶⁰ Власова М. Русские суеверия... С. 605.

с почитанием сил природы»⁶¹. Аналогичное явление можно наблюдать во многих памятниках семейной обрядовой поэзии и в заговорах – древнейшем жанре фольклора. Его отличительная черта – использование словесных формул, с помощью которых люди пытались воздействовать на окружающий мир, на собственную судьбу. Они сочетались, как правило, с магическими действиями. И хотя «большое влияние на заговоры оказало христианство (появились образы Христа, святых, Богородицы)», языческая основа заговоров «сильно повлияла на христианские наслоения – молитвы. Так, языческий заговор – это требование, и христианская молитва в заговорах часто переосмысливается в требование»⁶².

***

Все приведенные примеры – иллюстрации трансфера, который происходил между двумя духовными вселенными, двумя принципиально отличающимися друг от друга парадигмами универсального – архаической и первой «осевой» (христианской)⁶³. Такой трансфер не мог быть простой передачей информации (даже понимаемой в самом широком смысле – как передача не только сведений, но и смыслов). Для преодоления «стены», ограждающей иную картину мира, необходимо было создать воображаемую реальность, что предполагало активное подключение фантазии, вымысла. Именно они играли роль «мостов», по которым проникали в первоначально чуждую среду новые для нее идеи и образы. Это соображение совпадает с выводом, к которому пришел в результате своего фундаментального исследования Дж. Стайнер: «Я считаю, что сообщение информации, наглядных и верифицируемых «фактов» – лишь одна функция (и, возможно, не основная) человеческой речевой деятельности. Потенциалы вымысла, контрафактивности, неведомой

---

⁶¹ Там же. С. 603.

⁶² Славянский фольклор: Тексты. М., 1987. С. 91–92.

⁶³ *Шемякин Я. Г.* Глобальное, универсальное, локальное... С. 18–27.

будущности характерны для истоков и природы речи. Именно они отличают речь от иных сигнальных систем, используемых животными. И именно они определяют уникальность (и часто неоднозначность) человеческого сознания и придают творческий импульс отношению этого сознания к «действительности»⁶⁴. К тем примерам, которые уже приводились, хотелось бы добавить следующее. Пожалуй, самой яркой иллюстрацией той роли, которую играло творческое воображение в возведении «мостов» между первоначально, казалось бы, бесконечно далекими друг от друга человеческими мирами, может служить практически вся «литература открытий и конкисты», в которой получили новую жизнь все персонажи европейской мифологии, особенно античной: конкистадоры и первооткрыватели Америки искали и «находили» в Новом Свете амазонок, песьеголовцев и т.д.⁶⁵

Культурный трансфер в цивилизационном «пограничье»: основные особенности

Те закономерности, которые были проанализированы выше, относятся к любому процессу межкультурного взаимодействия, хотя проиллюстрированы они были главным образом латиноамериканскими и (отчасти) российскими примерами. Однако культурный трансфер происходит по-разному в разных типах цивилизаций. Есть существенные отличия в

---

⁶⁴ *Стайнер Дж.* Указ. соч. С. 595–596.

⁶⁵ См. уже упоминавшуюся коллективную монографию «История литератур Латинской Америки. От древнейших времен до начала Войны за независимость», а также цикл книг А. Ф. Кофмана, посвященных эпохе конкисты и историко-культурному типу конкистадора, в которых можно найти массу ярких иллюстраций этого тезиса: *Кофман А. Ф.* Америка несбывшихся чудес. М., 2001; *Он же.* Испанский конкистадор. От текста к реконструкции типа личности. М., 2012; *Он же.* Рыцари Нового Света. М., 2007; *Он же.* Под покровительством Сантьяго. Испанское завоевание Америки и судьбы знаменитых конкистадоров. СПб., 2017.

том, как разворачивается этот процесс в великих «классических» цивилизациях Востока (конфуцианско-буддийская Восточная Азия, индо-буддийская Южная Азия, мир ислама) и Запада и в цивилизационном «пограничье» (Россия-Евразия, Латинская Америка, Балканская культурно-историческая общность)⁶⁶.

Чтобы не нарушать цельность изложения, позволю себе в нескольких словах напомнить, что главный идентифицирующий признак, по которому различаются «классический» и «пограничный» цивилизационный типы – это принципиально разный характер соотношения основополагающих системообразующих принципов единства и многообразия. Все цивилизации представляют собой огромные по своим масштабам человеческие миры, отличающиеся бесконечным многообразием, но единые в самой глубинной своей основе. Однако, в «классических» цивилизациях доминирует начало единства, существует некий прочный духовно-ценностный стержень, пронизывающий многообразие, скрепляющий его. В «пограничных» цивилизациях картина обратная: многообразие преобладает над единством, которое, однако, тоже вполне реально⁶⁷. Данное коренное структурное отличие наиболее ярко и зримо прояви-

---

⁶⁶ Определенные черты «пограничности» сохраняет и Пиренейская Европа, хотя, начиная с 60-х гг. XX в., доминирующей тенденцией ее развития является интеграция в цивилизационную систему Запада.

⁶⁷ Данная концепция разрабатывалась на протяжении последних трех с лишним десятилетий автором этих строк и изложена в моих работах. См. книгу «Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории» (М., 2001) и статьи в научных журналах последних двух с лишним десятилетий. Из последних публикаций см.: *Шемякин Я. Г.* Россия и Латинская Америка как цивилизации: попытка сравнения // Мир России. 2016. № 1. С. 154–180; *Он же.* Идентичность как способ бытия культуры // Ибероамерика: культурная идентичность в эпоху глобализации. М., 2019; *Он же.* Культура в контексте глобализации и глобализация в контексте культуры // Там же. С. 74–115. *Shemyakin Ya. G.* Identidad: la base civilizacional del desarrollo sostenible // Iberoamérica. 2019. N 4. P. 86–104.

лось в принципиально различном решении проблемы «Другого». Именно подход к этой проблеме непосредственно обуславливает и характер протекания культурного трансфера. Как известно, образ «Другого» – неотъемлемая часть любого процесса самоидентификации. Через сопоставление с этим образом, во многих случаях перерастающим в противопоставление ему, утверждается собственная идентичность.

Для великих «классических» цивилизаций («субэкумен» по терминологии Г. С. Померанца) во многом характерны «исключающие» дискурсы⁶⁸. В их основе утверждение идеи собственной исключительности. «Другой» включен в картину мира осуществляющей самоидентификацию цивилизации, но лишь в качестве реальности, абсолютно ей чуждой и в любом случае занимающей неизмеримо более низкое место, чем она, в иерархии бытия («варвары» в противоположность «эллинам» и продолжавшие по сути эту линию дискурсы в истории Запада, «варвары», противопоставляемые «Срединной империи» как образцу организации человеческого общества в истории Китая, «дар-аль-харб» – еще не подвластная нормам истинной веры «территория войны», т.е. все немусульмане в истории исламского мира)⁶⁹.

В «пограничье» ситуация принципиально иная: «Другой» воспринимается здесь (причем независимо от характера отношения к нему) как неотъемлемая часть собственного жизненного и культурного пространства, он включен в собственный мир каждого из участников взаимодействия⁷⁰.

Свойственное цивилизационному «пограничью» решение проблемы «Другого» прямо обусловлено его ключевой харак-

---

⁶⁸ По крайней мере, для западной, китайской и исламской. В случае с индийской субэкуменой ситуация сложнее и требует отдельного рассмотрения, которое невозможно осуществить в рамках данной работы в силу ограничений объема.

⁶⁹ Шемякин Я. Г. Культура в контексте глобализации и глобализация в контексте культуры // Ибероамерика: культурная идентичность в эпоху глобализации. М., 2019. С. 60.

⁷⁰ Там же. С. 60–61.

теристикой – доминантой многообразия при парадоксальном сохранении единства *sui generis*. При подобном соотношении этих основополагающих начал (принципов) культурный трансфер может играть культуросозидающую роль в том случае, если в полной мере задействован специфический механизм обеспечения целостности цивилизационной системы в условиях доминанты многообразия.

В основе этого механизма – повышенная (во всех случаях по сравнению с великими «классическими» цивилизациями Востока и Запада) способность к оперированию знаковыми структурами различного происхождения и характера, в том числе – сакральными символами. Достаточно вспомнить в этой связи, что происходило с ортодоксальными, католической и православной, версиями христианства соответственно в Латинской Америке и в России⁷¹.

Охарактеризованная способность обуславливает такую характеристику, как повышенная проницаемость границ культурной системы, как внутренних (которые в условиях «пограничной» реальности проходят не только между людьми-носителями тех или иных традиций, но и внутри человеческих душ), так и внешних (в этом случае данное качество проявляется одновременно в повышенной способности к восприятию инокультурных заимствований при повышенной же способности к переработке этих заимствований в соответствии со спецификой местной социокультурной «почвы», к превращению «внешнего» во «внутреннее»).

Оперировать знаковыми структурами не может какая-либо

---

⁷¹ Земсков В. Б. О литературе и культуре Нового Света. М.; СПб., 2014; *Он же*. Образ России в современном мире и другие сюжеты. М.; СПб., 2015; Кофман А. Ф. Латиноамериканский художественный образ мира. М., 1997; Шемякин Я. Г. Европа и Латинская Америка... С. 83–116, 233–272; *Он же*. Вера и рации в духовном космосе латиноамериканской цивилизации // Латинская Америка. 2007. № 3. С. 78–92; Шемякин Я. Г., Шемякина О. Д. Соотношение веры и рации в цивилизационном «пограничье»: российские параллели латиноамериканского опыта // Латинская Америка. 2007. № 11. С. 58–77.

организация или социальный институт. Это может сделать только конкретный живой человек. Поэтому цивилизационное «пограничье» характеризуется качественно иным по сравнению с субэкуменами соотношением индивидуального и надиндивидуального уровней цивилизационного процесса. Различие между ними относительно: во всяком человеке есть надличностный пласт – общепринятые, официально санкционированные нормы и ценности, которые в «классических» цивилизациях составляют основу единства личности.

В условиях «пограничья» этот пласт ослаблен и не может в полной мере выполнять свои интеграционные функции. В подобной ситуации ключевое значение приобретает «собственно индивидуальный» слой, также присутствующий в любом человеке, его личное «пространство свободы», свободы в интерпретации общепринятых норм и ценностей, которая в условиях кризиса культурной системы превращается в их отрицание⁷². Свободное оперирование знаковыми структурами могло осуществляться лишь в «пространстве свободы» личности.

***

Отношение к «Другому» определяет и характер диалога (и, тем самым, и условия трансфера) различных традиций. Соотношение тех разновидностей диалога, которые были охарактеризованы выше, существенно отличается в субэкуменах и в «пограничных» цивилизациях. Долгий монолог Запада, который вплоть до XX в. почти не «слышал» голосов иных человеческих миров и даже «услышав» продолжал (и продолжает до сих пор) навязывать собственную трактовку диалога как усвоения всем остальным миром западных ценностей плюрализма, очевидным образом свидетельствует о преобладании в западной традиции «платоновского» диалога.

---

⁷² См., подробнее: *Шемякин Я. Г.* Конфликт интересов и конфликт ценностей: миграционная проблематика в контексте проблемы цивилизационной идентичности // *Цивилизационные вызовы во всемирно-исторической перспективе*. С. 388–390, 395.

Принципиально иное решение проблемы «Другого» в цивилизационном «пограничье» является явным свидетельством преобладания (во всяком случае, в том, что касается ядра традиции) «бахтинского» и «толстовского» типов диалога, которые постоянно сталкиваются в духовном космосе цивилизационных «пограничий» с исходящей с Запада экспансией свойственного «фаустовской» цивилизации понимания межчеловеческого общения.

Выше была охарактеризована (в связи с анализом «толстовской» разновидности диалога) роль невербального общения в российском контексте. Однако российский пример является яркой иллюстрацией общей закономерности, свойственной цивилизационному «пограничью». Особенно очевидны здесь латиноамериканские параллели российского опыта. Так, в эпоху конкисты слова первоначально в наибольшей степени выражали специфику столкнувшихся миров, свойственные участникам взаимодействия представления о мире, человеке, сакральной сфере, будучи вербальным выражением символов, в которых отличия этих миров проявлялись в наибольшей мере. В подобной ситуации словесное общение являлось не столько средством коммуникации, сколько создавало барьер непонимания между людьми. Напротив, невербальное общение позволяло смягчить остроту столкновения качественно различных символов в результате создания ситуации общения, сам факт наличия которого, как и в случае с беседой Андрея Болконского и Пьера Безухова, намечал путь выхода из тупика столкновения монологов традиций, основанных на совершенно различном, в значительном числе случаев противоположном подходе к ключевым экзистенциальным проблемам.

Разумеется, невербальное общение может носить совершенно различный характер. По-видимому, едва ли не самым ярким доказательством его значимости в Латинской Америке является процесс метисации – в ходе межрасового и межкультурного общения слова, очевидно, (особенно на первых этапах) играли меньшую роль, чем «язык тела». Как совершенно справедливо отмечал широко известный культуролог и литературовед А. Ф. Кофман, «эротическая конкиста» отнюдь не

сводилась к грубому насилию. Достаточно вспомнить только один из приведенных Кофманом примеров, касающийся завоевателя Мексики Э. Кортеса, у которого было 5(!) детей-метисов⁷³.

Главной областью, в которой развевывался процесс метисации, стала сфера реализации многообразных жизненных практик в стихии повседневности. Этот процесс долгое время развивался вопреки официальным идентификационным стратегиям, воплощенным в различных «проектах» (Л. Сеа) устройства латиноамериканской жизни⁷⁴.

Есть и другие свидетельства особой роли невербального общения в утверждении свойственного «пограничью» отношения к «Другому». Так, чилийский ученый П. Моранде⁷⁵ еще в первой половине 80-х гг. XX в. поставил вопрос о том, какой характер носила коммуникация, установившаяся вопреки логике противостояния между европейской, индейской и негритянской традициями. По его мнению, решающее значение имело не «общение в слове», не выработка некой единой основы для диалога в результате непосредственного взаимодействия мировоззрений, а общее участие всех, кто вступил в контакт, в религиозных ритуалах.

Именно такой ритуал открывал ворота в «стенах», окружавших чужую жизнь, и одновременно играл роль «моста», по которому двигался (в обоих направлениях) поток ресемантизируемых символов. Особое значение имело при этом активное использование католическими монахами опыта организации в автохтонной традиции массовых праздников, индейского театра. Ключевая роль невербального общения в латиноамериканском диалоге наиболее ясно видна в «короле»

---

⁷³ Кофман А. Ф. Под покровительством Сантьяго. Испанское завоевание Америки и судьбы знаменитых конкистадоров. СПб., 2017. С. 208.

⁷⁴ Сеа Л. Философия американской истории. М., 1984. С. 108–175, 225–295.

⁷⁵ Morandé P. Cultura y modernización en América Latina. Santiago de Chile, 1984. P. 149.

латиноамериканских праздников – карнавале⁷⁶. Исследование феномена латиноамериканского праздника привело отечественных латиноамериканистов к выводу о том, что он играл (и продолжает играть) роль важнейшего культуросозидающего фактора, более того – «цивилизационно-строительной машины»⁷⁷. И происходит это потому, что именно «в празднике рушатся, казалось бы, доходящие до небес стены, разделяющие различные этнокультурные и этнорелигиозные миры»⁷⁸.

Заключая этот цикл рассуждений, отметим: карнавал изначально появился в Новом Свете в результате трансфера исходной европейской культурной формы, которая, однако, была коренным образом преобразована в ходе становления латиноамериканской «пограничной» цивилизационной идентичности⁷⁹.

---

⁷⁶ Земсков В. Б. О литературе и культуре Нового Света. М.; СПб., 2014. С. 562–563.

⁷⁷ Там же. С. 566.

⁷⁸ Латинская Америка. 1997. № 12. С. 81.

⁷⁹ См.: Земсков В. Б. Указ. соч. С. 553–570; *Iberica Americans. Праздник в ибероамериканской культуре* / Отв. ред. В. Б. Земсков. М., 2002.

Научное издание

**История: переводить, понимать, оценивать
(к юбилею М. А. Юсима) /
Отв. ред. П. Ю. Уваров.
М.: Институт всеобщей истории РАН, 2021.**

Утверждено к печати
Ученым советом Института всеобщей истории РАН

Макет – А. А. Майзлиш
Подписано в печать 23.06.2021 г.

Формат 60x84/16
Гарнитура Таймс. Объем 31,1 п.л., тираж 500 экз.
(1 завод – 100 экз.)
Типографский заказ № 200